

Наталья ТОЧИЛЬНИКОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЖИЗНЬ И СУДЬБА МИХАИЛА ХОДОРКОВСКОГО

Способ его освобождения
только один – смена власти
в России

Наталья ТОЧИЛЬНИКОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

**ЖИЗНЬ И СУДЬБА
МИХАИЛА
ХОДОРКОВСКОГО**

алгоритм
МОСКВА

2013

УДК 329
ББК 63.3(2)
Т 64

Дизайн серии Александра Новикова

Оформление переплета *Юрия Щербакова*

Точильникова Н. Л.

Т 64 Жизнь и судьба Михаила Ходорковского / Наталья Точильникова. – М. : Алгоритм, 2013. – 560 с. – (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-4438-0378-4

В этом году исполняется пятьдесят лет Михаилу Ходорковскому, который стал знаковой фигурой путинской эпохи. Автор книги, представленной вашему вниманию, Наталья Точильникова – наиболее известный биограф М. Ходорковского. В своей новой книге она собрала уникальные материалы о его жизни, предпринимательской деятельности, компании ЮКОС, конфликте с В. Путиным, судебных процессах по делу Ходорковского, тюремном заключении – и о многом другом, связанном с Михаилом Ходорковским.

В книгу вошли свидетельства матери Ходорковского, его одноклассников и однокурсников, друзей, коллег и адвокатов. Кроме того, есть письма самого М. Ходорковского, написанные им Наталье Точильниковой из тюрьмы, и его замечания по своей биографии.

Первое, сокращенное издание книги Н. Точильниковой завоевало большой читательский успех; ныне мы представляем вниманию читателей полный вариант самой подробной биографии опального олигарха.

**УДК 329
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-4438-0378-4

© Точильникова Н.Л., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Часть I

ПРЕДЫСТОРИЯ

БИЗНЕСМЕНЫ

Ходит множество легенд о начале бизнеса Ходорковского. Он организовал студенческое кафе, «варил» джинсы, торговал поддельным коньяком «Наполеон», ввозил компьютеры и делал бизнес на комсомольские деньги.

Коньяк его коллеги обычно признают. «В конце концов, им никто не отравился», — заметил Леонид Невзлин. Компьютеры тоже не вызывают возражений.

Следов кафе я не нашла. Никто из бывших студентов МХТИ, с которыми я общалась, его не помнит. Однако сам Михаил Борисович факт его существования мне подтвердил, равно как и торговлю компьютерами.

А вот «варенку» — нет.

А по поводу коньяка уж точно не мне их судить. Примерно тогда же, в начале девяностых, я торговала французскими духами польского происхождения «Шанель № 5». В белых таких коробочках. Но ими точно никто не отравился. Не успел. Они выветривались за 15 минут.

А для комсомольских денег вложение в бизнес есть куда более разумное применение, чем растрата на коммунистическую пропаганду.

Доподлинно известно, что после окончания института, в 1986 году, Ходорковский был избран членом Свердловского райкома ВЛКСМ. А потом работал в МХТИ и заместителем секретаря Фрунзенского райкома комсомола Сергея Монахова. Еще в институте он вступил в КПСС.

И, конечно, подрабатывал — занимался хозяйственными работами как преподаватель и научный работник. Но зарплата была жестко законодательно ограничена сверху, даже если отбоя не было от заказов. Именно тогда, в 1986, молодежным клубам разрешили иметь свои счета.

Сначала он создал организацию под названием «Фонд молодежной инициативы Фрунзенского района» и получил право зарабатывать на молодежных мероприятиях, что было нелегко пробить. Видимо, отсюда и проистекают слухи о кафе и организации дискотек.

В 23 года он стал директором «Фонда».

«Когда появилась тенденция заниматься бизнесом, то я вспомнила слова мамы, — рассказывала мне Марина Филипповна. — Она говорила, что в 1921 году, когда начался нэп, после голода, после разрухи, после того, что ничего не было, в Охотном ряду, на рынке, в январе появилась клубника: в корзиночках, свежая, как у нас сейчас. И все сразу стало дешево. И мама рассказывала: «Я пошла, купила десяток яиц, которые какие-то копейки стоили, сделали мы из них яичницу и в первый раз после революции наелись. А потом всех нэпманов или расстреляли, или посадили». И у меня это в голове засело с детских лет. И когда Миша пошел в бизнес, я сказала: «Миша, у нас будет то же самое. Понимаешь? И кончится это тем же самым».

Ты что! У него же ведь характер такой, он же увлекается, горит тем, что делает: «Ну, что ты, теперь все по-другому, теперь демократия!» И вот, когда его арестовали, я говорю: «Ну, вот тебе и пожалуйста! Бабушкины слова».

— Было ли страшно начинать бизнес? — спрашиваю я Михаила Борисовича.

— Только в самом начале, когда бросал привычную советскую карьеру, — отвечает он. — Дальше уже не оглядывался.

Тогда вышло постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Об образовании единой общегосударственной системы научно-технического творчества молодежи». И появилась система центров НТТМ. Все эти центры создавались при райкомах комсомола. К началу 90-х их было уже более 600.

Они пользовались большими льготами: не платили никаких налогов, только отчисляли 3% дохода в общесоюзный фонд научно-технического творчества молодежи и 27% — в местные фонды, которыми распоряжались координационные советы НТТМ.

В Москве было по Центру в каждом районе, а директоров назначали районные власти по рекомендации райкома комсомола. В 1986 директором Фрунзенского Центра стал Михаил Ходорковский.

Это был Центр межотраслевых научно-технических программ (ЦМНТП), созданный по инициативе Госкомитета по науке и технике.

«Начали мы с НТТМ — научно-технического творчества молодежи... — вспоминали Ходорковский и Невзлин в книге «Человек с рублем». — Работоспособности нам не занимать, подобралась дружная когорта единомышленников, которые пахали сутками, неделями, уставали так, что спали на ходу — у нас запо-лу-ча-лось! Рассчитались с долгами, с налогами, выдали зарплату, осталась ПРИБЫЛЬ, она наша. НАША. НАША! МОГЕМ!»

Первые «большие деньги» (164 тысячи рублей) получили от Института высоких температур Академии наук (ИВТАН). От ИВТАНа контракт проводил Владимир Дубов, потом он станет одним из акционеров «ЮКОСа». Отнеслись к молодежному объединению серьезно — первым клиентом стал академик Александр Ефимович Шейндлин, директор Института.

«Задолго до всех перестроек комсомольские структуры начали приобщаться к экономике, — вспоминал академик Шейндлин в интервью журналистке «Новой газеты» Ирине Тимофеевой¹. — Ребята получили первый опыт. Собрались несколько толковых комсомольских работников. Михаил Ходорковский тогда представлял организацию Московского химико-технологического института. Леонид Невзлин возглавлял комсомол Института нефтехимического синтеза имени Губкина. Они пришли в Государственный комитет СССР по науке и технике с новыми идеями и предложили свои услуги. У ИВТАНа были теснейшие связи с этим комитетом, и мне там сказали: «Есть активные, энергичные ребята, готовые действовать. Мы дадим деньги на проведение запланированной работы. Не мог бы ваш институт выделить средства для заключения контракта с этой группой молодых специалистов?». Я к юношеству всегда относился с симпатией и ответил положительно».

Академику понравились и активные молодые ребята, и результат их работы.

«Когда центр получил первые 164 тысячи рублей, я попросил товарищей полгода не забирать заработанного и разрешить мне распорядиться этими деньгами, — вспоминал Михаил Борисович в интервью газете «Купеческая гавань». — Они согласились. Это был первый кредит, полученный мной».

В ЦМНТП при Фрунзенском райкоме Ходорковский заработал и свой первый миллион.

¹ «Новая газета» № 92 от 9 декабря 2003 г. Ирина Тимофеева. «Чай с Ходорковским».

Центр богател и развивался. Вскоре на его базе создали отраслевую и региональную сеть. «Два года я занимался венчурным инвестированием, вкладывая прибыль в различные инвестиционные проекты, — вспоминал Ходорковский. — Я придумал несколько финансовых методик, которые широко использовались и которые позволили мне в лучшие времена вести одновременно до 500 договоров на научные разработки. По ним работали 5 тысяч человек»¹.

Занимались разработкой и внедрением приборов на заводах, исследованиями в области химических технологий и разработкой программного обеспечения. Потом через Центр стали проходить хоздоговорные работы научных учреждений с предприятиями оборонки.

По некоторым сведениям, не гнушались и обналички. Тогда наличный рубль был в разы дороже безналичного. А молодежные организации имели не только счета, но и право снимать с них деньги. Брели 10—15 процентов от суммы. В начале девяностых все газеты пестрели объявлениями: «обналичу», и этим не занимался только ленивый. Но и здесь Ходорковский был в числе первых.

Я пишу эти строки в самый разгар кризиса 2008-го, и у меня под окном — многоэтажный серый недострой с продуваемыми всеми ветрами этажами без стен, неподвижными кранами и стройматериалами, присыпанными снегом. У застройщика нет не бетона, техники или рабочих рук. Нет денег — кончились кредиты с началом кризиса — и все встало.

Деньги — это кровь экономики. А советские безналичные деньги, которые нельзя один к одному перевести в наличность, — это виртуальная кровь. Она не доносила кислород до клеток организма: простой человек не мог купить на нее ни еду, ни одежду, ни телевизор, ни машину, ни магнитофон.

Обналичка, при всех нареканиях на нее и упреках в раскручивании инфляции, делала виртуальную кровь живой, и экономика, пусть криво, пусть уродливо и кособоко, но начинала работать.

В 1987 году на работу в ЦМНТП пришел Леонид Борисович Невзлин.

Сейчас он живет в эмиграции, в местечке Герцлия в двух километрах от Тель-Авива. Точнее, в приморском районе Герцлия

¹ <http://www.ug.ru/archive/13282>

Питуах — поселке миллионеров. Но здесь не принято выпячивать свое богатство и прятаться от народа за шестиметровыми рублевскими заборами. Это дурной варварский стиль. От домов простых смертных местные особняки отличаются разве что размером, а архитектура и отделка очень скромные.

«Вилла Невзлина в Герцлии превращена в хорошо укрепленную крепость», — писал один из прокремлевских сайтов¹. Однако я лично знаю журналистов, которые были у него дома или встречались с ним в кафе.

Кроме того, Леонид Борисович ведет блог в Живом Журнале². Именно через ЖЖ я на него и вышла и договорилась об интервью.

Фотографии не передают впечатления о нем. К тому же журналисты частенько пытаются словить не самый симпатичный, зато выразительный момент.

На самом деле он гораздо приятнее. И великолепен в общении.

От человека много успешнее тебя, богаче, известнее, который большего достиг в жизни, ждешь, что он будет разговаривать с тобой несколько «сверху» и заранее упражняешься в смирении.

Леонид Борисович совершенно не надмевается.

И спокоен, как гора Синай.

Наши с ним взгляды на жизнь удивительным образом совпадают. Может быть, потому что пиарщик — это почти богема, почти деятель искусств. К тому же он привык к общению с журналистами.

«Я тогда работал по распределению в «Зарубежгеологии», — вспоминает Леонид Борисович. — По-моему, в 1982 году к нам пришел еще один программист, Миша Брудно. Мы были совсем молодые и талантливые, я надеюсь. У Миши Брудно была жена Ира, которая вместе с ним окончила институт и была еще лучшим программистом. Она работала где-то в другом месте системным программистом, то есть на уровне операционных систем, на языке ассемблер.

И мы, как люди предприимчивые, но не богатые, мягко скажем, уже женатые, но молодые, всегда были заинтересованы в том, чтобы немножко денег заработать. А в то время, при советской власти, не очень много платили, даже молодым и талантли-

¹ www.prigovor.ru.

² <http://nevzlin.livejournal.com/>

вым. Поэтому мы всегда что-нибудь делали — и по отдельности, и вместе. И интеллектуально, и физически.

Но много денег это не приносило. Если выбираться через ночь и работать на другом вычислительном центре, то, может быть, 100 рублей в месяц будет. Если периодически ходить на физическую работу, то примерно по 10 рублей за раз получишь. Грузчиком, на овощную базу, на мясокомбинат. Да, мы все делали.

В конце концов, ты весь измотанный, и, ну, двести рублей в месяц заработал, при зарплате (120 плюс премия) тоже около двухсот. Получается на полном измоте около четырехсот. А при наличии семей это все равно не очень много, но очень тяжело.

Поэтому и мы, и наши родственники всегда искали новые возможности. Началась перестройка, и появились все эти объявления в газетах. Но при советской власти мы не верили, что нас не обманут и отдадут заработанное.

В одной газете было объявление, которое увидела Ира, почему я про нее и говорю. Речь там шла об открытии во Фрунзенском районе какого-то Центра МНТП, и предлагалось творческим коллективам, которым есть что продать, сказать, сделать, разработать, платить неплохие зарплаты или, грубо говоря, использовать этот Центр как посредника для реализации своих проектов. Что означало частичный перевод безналичных денег организации в наличные деньги трудовых коллективов.

Мы с Мишей Брудно были трудовым коллективом и авторами определенных программ, в которых было заинтересовано много других организаций. У нас были и свои разработки, и свои заказчики. И мы, не веря особо, что из этого что-то получится, туда пошли, рассчитывая использовать Центр как посредническую структуру, которая поможет и с новыми заказчиками, и с получением денег нам в карман.

В Центре мы познакомились с двумя людьми: Таня Анисимова была замом Ходорковского, она из его института, МХТИ. И был еще один парень, Юра Мацкевич. Это был настоящий хозяин. Он сейчас в Америке живет.

Работали мы в основном с Таней Анисимовой, она все могла организовать. Мы сделали несколько проектов с организациями, которым нужна была такая же математика, или софт, как сейчас говорят, как нашей «Зарубежгеологии». Мы им поставили, адаптировали, закончили, получили акты, принесли в Центр.

И дальше ждали, как они нас учили, окончания квартала. И на удивление, в начале 1988-го, то есть через несколько месяцев, в январе, с новым годом, мы получаем большие деньги. Не

сколько тысяч рублей. Тогда это были максимальные деньги, которые я получал.

Предыдущие большие деньги мы получили, когда практически все лето пахали на подработках. Это было много работы, много времени, и дало нам по тысяче с чем-то.

Ну, это не сравнимо. Здесь мы работали по специальности, не ночами, без отрыва и получили по несколько тысяч. По-моему, четыре на двоих. Это были еще настоящие рубли. Несколько машин, конечно, нельзя было купить, но одну поддержанную можно. Каждому. Сильно поддержанную. Но дело было не в машинах, и нужно было не на машины.

И дальше мы занимались программированием. Центр нужен был только для того, чтобы заключить договоры с потребителями, между нами и организацией-заказчиком, получить акты и все оформить».

Потом Ходорковский и Невзлин с удовольствием вспоминали об этом в «Человеке с рублем»: «Один из нас только в «МЕНАТЕПе» почувствовал себя человеком: инженер-программист высшей квалификации, подработывавший на погрузке-выгрузке вагонов, не чуравшийся самой черной работы, зарабатывавший мускулами, в «МЕНАТЕПе» за две недели заработавший головой три тысячи рублей, только тогда понявший, что мозги дороже ценятся, чем мускульная сила, — только тогда начал отсчет новой жизни».

«С Михаилом Борисовичем мы де-факто, может быть, и познакомились, я точно не помню, но не работали, — рассказывает мне Леонид. — Он был большой начальник. По тем временам, в период знакомства, он был большой руководитель, и подчиненные его очень оберегали.

Ему было 24 года, но все знали, я, по крайней мере, знал, что в МХТИ парень дошел до освобожденного секретаря комитета комсомола. А комитет был на правах райкома, то есть большой комитет. Что он собирался работать в московском горкоме, но там что-то не получилось, что был организационным секретарем долгое время, а оргсекретарь и зампоорг — это большая организационная работа. Что он велик, что он организовывал студенческие строительные отряды, что в институте к нему относятся с большим уважением. Что он — сильный руководитель и сильная личность.

Но мы не были лично знакомы.

А лично я его узнал в конце 1987 года, когда мы пришли как клиенты и мне сделали предложение туда перейти. Предло-

жение сделала Татьяна, думаю, согласованное с Ходорковским. Я начал думать, потому что терять работу, уходить с насиженного места, не хотелось.

Тогда я и был встречен Михаилом Борисовичем и принят в его кабинете. Я не люблю кабинетов, начальников, сидеть напротив стола, подчиняться. Не потому, что я экстравагантен, просто по своей натуре не люблю систему подчинения.

Поэтому я не помню, как все происходило. Но если бы мне было некомфортно, если бы я увидел, что он меня не понимает и готов рассказать про приход-уход и обеденный перерыв, «office protocol», как сейчас говорят, — я бы никогда там не остался. Потому что в любом месте, где бы я ни работал, долго или недолго, где бы ни учился, у меня всегда были неформальные отношения и отсутствие какого-либо режима. Я продавал себя за результат, а не за время.

И в предыдущем месте, откуда я уходил, у меня были прекрасные отношения с начальником, мы нормально общались, понимали друг друга, хотя я был молодой, а он старше. И мне не нужно было выстраивать лучшие отношения, лучше и быть не могло. Я там проработал семь лет, но никогда не рвался вверх и в советские времена, выше того уровня, после которого надо играть в административные игры. Потому что я не люблю это делать, потому что я не люблю руководить и не люблю подчиняться.

Он мне понравился этот парень, молодой, младше меня. Выглядел он плоховатенько: джинсы или брюки типа джинсов, кофта, короткая куртка, достаточно длинные волосы и усы.

«Менатеповцы из числа ветеранов с понятным смущением вспоминают о детских болезнях бунтарства, — это «Человек с рублем». — На работу ходили кто в чем горазд — не бизнесмены, а сборище рокеров: джинсы, кожаные курточки, цветастые рубахи, косынки на шее, крутые прически. Мы вызывали шокинг в чиновном мире, нам это импонировало: ах, какие мы смелые, независимые и рреволюционные, какой вызов бросаем касте беловоротничковых».

Такой вольный стиль оказался не самым эффективным на переговорах с контрагентами, и вскоре от него отошли. Но не в полной мере. Ходорковский и в начале двухтысячных иногда появлялся в кожаной куртке, и в офисе «ЮКОСа», и на телевидении.

«Такой серьезный, рассказал о планах и перспективах, — вспоминает о знакомстве с Михаилом Невзлиным. — И, что мне особенно понравилось, предложил мне, спросив о моей должности и зарплате, достаточно неплохой, но не категоричный зар-

платный рост и очень маленький должностной рост. Я был, по моему, старшим инженером или ведущим, а он предложил мне что-то на ступень выше. Естественно, в организации, которая не могла сравниться по структуре с предыдущей. Та организация — старая, большая. А здесь человек десять-двенадцать.

Я поторговался, чтобы получить должность уровня начальника отдела, чтобы не было начальников надо мной и выглядело прилично, ведь мы были уже не дети.

Вот и все. И договорились. А зарплату он мне не сильно поднял. На прежнем месте у меня было 140 рублей и сорок процентов премии, а он мне пообещал двести или двести десять и тоже сорок процентов премии.

Моя прежняя организация занималась обеспечением работ за рубежом и поставками товаров за границу. Основной целью работавших там специалистов, особенно качественных, было выехать за границу, чем раньше — тем лучше, чем чаще — тем лучше.

У меня таких перспектив не было, я успел за семь лет работы съездить в Монголию, и то по благу вне этой организации, потому что у меня было много недостатков. Анкетных.

Кроме пятого пункта, я развелся с первой женой и женился на сотруднице.

Русского бизнеса тогда еще не было, или я его не знал. Были директора центров НТТМ, и я еще не был с ними знаком, но как центры два или три работали неплохо. Одним из них руководил ныне покойный Виноградов. «Инкомбанк», помните? И один центр назывался «Технология», по моему, в соседнем районе. Ходорковский с ними конкурировал».

В конце 1987 года было создано государственно-кооперативное объединение «МЕНАТЕП»¹ с оборотом в восемнадцать миллионов рублей в год.

Леонид Невзлин занял в нем должность руководителя договорного отдела, а рекламный отдел возглавил Владислав Сурков, ныне первый заместитель Руководителя Администрации Президента.

Вместе с Невзлиным из «Зарубежгеологии» пришел еще один будущий акционер «ЮКОСа», а ныне эмигрант, Михаил Брудно и будущий председатель совета директоров группы «МЕНАТЕП», а ныне заключенный, Платон Лебедев.

¹ «Межотраслевые научно-технические программы».

«До закона о кооперации был внедрен решением Совета министров еще один проект — кооперативы вычислительной техники и программирования — это позволяло молодым специалистам собираться в бригады для любых проектов для обслуживания предприятий и населения, — говорил Невзлин в интервью Наталье Мозговой. — Мы, будучи программистами, организовали рядом с НТТМ один из первых компьютерных кооперативов — «Нигма», зарегистрировавшись вторыми или третьими в «совке». И быстро поняли, что надо использовать механизм центров и кооператива для покупки компьютерной техники, — формировали комплексы, снабжали математикой и продавали организациям... Таким образом, мы значительно увеличивали объем работ и получали от предприятий безналичные деньги, которых им было не жалко».

Бизнес в СССР существовал де-факто, но де-юре оставался вне закона и был уголовно наказуем. До 5 декабря 1991 года в Уголовном кодексе сохранялась статья «Частнопредпринимательская деятельность» — 153-я. Ссылка или лишение свободы до пяти лет с конфискацией¹.

«По острию ножа мы ходили с первых дней образования «МЕНАТЕПа», — вспоминали Ходорковский и Невзлин в «Человеке с рублем». — Нас пригласили переправиться на берег предпринимательства, хотя юридический брод не существовал даже в зародыше. Не исключалась и такая возможность: дряхлые государственные структуры работать на прибыль не могли, вот и призвали нас, молодых, предприимчивых: вы накопите, а мы вас за это — посадим с конфискацией. Вы уж только не обессудьте: статейка-то в УК есть, вот мы ее и задействуем».

В их совместном опусе есть маленькая главка под названием «Каков КПД на плахе?»: «Перед началом любого большого дела лично мы не можем избавиться от мерзопакостного ощущения, что вот-вот откроется дверь, и мы услышим: «Бизнесмен? Пожалуйте в кутузку!» И от скамьи подсудимых нас не уберезит самый опытный адвокат: и обвинитель, и судьи будут действовать в соответствии с нормами Закона. Повышению КПД это, разумеется, не способствует».

¹ По нашим временам ерунда, конечно. Современным негодным предпринимателям (либо хозяевам удобного кому-то бизнеса) грозит либо «Мошенничество» (до 10 лет), либо «Отмывание денег» (до 10). Или, если очень повезет, «Уклонение от уплаты налогов с организации» (до 6). Но могут и заказчиком убийств объявить. Тогда пожизненное.

Как они радовались, когда наконец отменили эту статью!

Откуда им было знать, что не пройдет и десяти лет, как в России к власти придет человек, который снова уложит бизнесменов на плаху, под Дамоклов меч, даже не меняя УК. Окажется, что довольно страха и марионеточного суда.

Тогда, на закате СССР, КПД был неплохим и на плахе. Да и плаха казалась бутафорской, как доживавший последние дни советский режим.

Михаил Ходорковский продолжал учиться: в Плехановском и Всесоюзном юридическом заочном институте¹. В последнем занимался гражданско-хозяйственным правом.

«Учиться мы оба любили, в Плешку ходили вместе, — рассказывает мне Леонид Невзлин. — В юридический он мне ходить не предлагал — ходил один. Учился очень исправно, ему всегда нужны были знания. И график с детства, с ранней юности, держал очень четко: все вовремя, каждый час расписан. Для него это одна из основ — соблюдать график развития. Поэтому ему на все хватало времени.

В отличие от многих других, например меня.

Моя работа у Ходорковского занимала почти 24 часа в сутки. Но отчасти потому, что я не столь рационален. Он очень мало времени тратил на несущественные вещи: обсуждение, психологические моменты, посиделки с людьми, выстраивание отношений. Он достигал цели и шел дальше».

В 1988 году Ходорковский окончил Плехановский институт и получил диплом по специальности «финансист».

Говорят, что, уже возглавляя «ЦНТТМ», он продолжал подрабатывать плотником в фирме «Эталон».

«Я в тот период не был с ним близок лично, — вспоминает Леонид Борисович Невзлин, — не дружил, поэтому и про дворника, и про плотника знал, но больше из его рассказов. Он ходил по квартирам, делал встроенные шкафы, а утром вставал и убирал дворы. Не знаю, продолжал ли он тогда делать шкафы по субботам. Сомневаюсь, что потом у него было время, а на начальном этапе мог.

Деньги надо было зарабатывать. Он, как и я, выходец из простой, интеллигентской, советской, еврейской семьи. Я — еврейской, он — полуеврейской. Родители — люди предельной честности и отсутствия каких-либо дополнительных заработков, кроме работы. В результате — постоянная нехватка денег.

¹ ВЮЗИ, ныне Московская государственная юридическая академия.

Все по-разному реагировали на это. Он был воспитан, или самовоспитан, в убеждении, что этого ресурса у него должно быть всегда достаточно. Его, видимо, унижало то, что у родителей мало денег и их ни на что не хватает. Поэтому он всегда работал. У него была семья, он женился еще в институте. Был ребенок. Унизительно иметь семью и не иметь возможности ее обеспечить. Плюс какие-то свои интересы. Поэтому он работал ровно столько, чтобы деньги не надо было считать на еду и основные вещи.

Потом он развелся с первой женой и жил по съемным квартирам, достаточно средненьким: на Шоссе энтузиастов и на площади Павелецкого вокзала».

Бизнес шел в гору, и вскоре Ходорковскому стало не хватать оборотных средств, потому что оборонные предприятия не могли немедленно перечислить деньги, а исполнителям надо было платить.

Он обратился в Жилсоцбанк СССР за кредитом, но ему отказали, поскольку банк имел право давать кредиты только банкам¹.

После обращений в различные министерства оборонные ведомства выделили оборудование и 20 тыс. рублей.

Этого было ничтожно мало. И тогда, чтобы появилась возможность брать кредиты, было решено организовать свой банк. Так в декабре 1988-го был создан «Коммерческий инновационный банк научно-технического прогресса (КИБ НТП)»² и зарегистрирован под номером 25.

Но минимальный уставной фонд составлял пять миллионов рублей, и этих денег у начинающих банкиров просто не было. Удалось собрать только 2,7 миллиона с обязательством доплатить остальное в течение года.

И банк начал зарабатывать: размещали счета предприятий, давали кредиты, получили разрешение на валютные операции и торговали долларами, финансировали торговлю компьютерами.

«Известно, что «ассортимент» банковских операций и комплексных услуг в мире насчитывает до 200 позиций, — писал Самарский журнал «Дело»³. — В СССР применялось лишь две: приня-

¹ «Известия» от 11.04.95.

² Кроме МЕНАТЕПа, ЦМНТП и Фрунзенского отделения Жилсоцбанка СССР в число учредителей вошли Московский коммерческий банк, кооперативы «НИГМА» и «ТОТЕМ», страховое общество «ПРОГРЕСС», кооперативный банк союза «ЗАРЯ» (Пермь), Московский научно-исследовательский центр (МНИЦ) Госкомитета СССР по ИВТ.

³ Александр Головков. «Дело», г. Самара, 14 октября 1997 г.

тие денежных средств на депозит и выдача кредита. У «МЕНАТЕПа» таких услуг появилось несколько десятков, в том числе те, которые были попросту неизвестны хозяйственникам: лизинг, траст, факторинг, определение показателей учетных ставок, а также финансирование импортно-экспортных и бартерных операций, инвестиционных проектов, помощь иностранным партнерам в выборе перспективных клиентов, вексельные операции и другое».

В мае 1989 года Ходорковский оставил Монахову пост директора ЦМНТП и стал председателем правления КИБ НТП (заместителем председателя правления банка стал Леонид Невзлин).

При банке создали консультативный совет и пригласили в него несколько академиков, ректоров институтов и руководителей газет и журналов. Три раза в год они собирались в офисе банка и за чашкой чая вели разговор на самые разные темы. В частности были приглашены академик Арбатов — руководитель Института США и Канады — и бывший первый клиент команды — академик Шейндлин.

«Когда они пригласили в свой банк достойных людей — крупных ученых и общественных деятелей, — и Ходорковский, и Невзлин были совсем молодыми, неискушенными людьми, — вспоминал Шейндлин¹. — Наши знания и политический опыт были им полезны. Они внимательно слушали. А поскольку чай был вкусный, мы охотно приезжали в гости».

Это интервью от 9 декабря 2003 года. Ходорковский в тюрьме полтора месяца.

«Я в течение десятилетий руководил огромным научным коллективом, — говорил академик. — Имею большой опыт работы с людьми. Иногда достаточно посмотреть человеку в глаза, чтобы понять, чего он стоит».

И добавил: «Зная команду Михаила Ходорковского, не имею оснований предполагать, что они совершили что-то дурное».

В конце 1989 года в Швейцарии была создана торгово-финансовая компания «Menatop SA» с капиталом в несколько сот тысяч долларов. Она занималась операциями с ценными бумагами, управлением активами советских предприятий за рубежом и инвестированием в коммерческие проекты. А вслед за ней — целая сеть ее дочерних фирм в разных странах мира: на Гибралтаре, в Будапеште, во Франции, — занимавшихся финансами, торговлей и операциями с ценными бумагами.

¹ «Новая газета» № 92 от 9 декабря 2003 г. *Ирина Тимофеева*. «Чай с Ходорковским».

И здесь самое время растолковать это страшное слово «офшор». Офшор, или «налоговая гавань» — это государство или его часть, где для иностранных компаний регистрация стоит дешево, а налоги низки. Как правило, это маленькие государства без своих ресурсов и других источников доходов, они только и живут, что регистрацией офшорных фирм. Например, на острове Науру площадью 21,3 кв. км в девяностые годы было зарегистрировано несколько сотен иностранных банков. А на Британских Виргинских островах в 2002-м — 437000 компаний. При этом население островов составляло всего 24 тысячи человек. То есть приходилось по 18 с лишним фирм на человека.

Офшор офшору рознь. Существует неофициальная классификация. Одни страны вообще не требуют налоговой отчетности. И регистрироваться там удобно, но несолидно.

И есть так называемые «офшорные зоны повышенной респектабельности», там налоговую отчетность требуют, но предоставляют существенные налоговые льготы. Именно к таким солидным офшорам и относится Гибралтар.

Во многих странах (например, в США) существует антиофшорное законодательство. Как правило, регистрацию в офшорах не запрещают, но обкладывают такие компании дополнительными налогами, которые полностью компенсируют все выгоды от офшоров.

В Советском Союзе никакого антиофшорного законодательства не было. А в современной России регулярного антиофшорного законодательства нет до сих пор.

«Из налоговых или иных соображений мы могли любую из наших организаций делать центром прибыли — в зависимости от того, где налогообложение было меньше, — вспоминал Леонид Невзлин в интервью Наташе Мозговой¹. — Модель, которую создал Ходорковский, была гениальной. Я в него поверил и остался с ним, и он предложил мне партнерство.

Система налогообложения была фактически «прозрачной» — в том смысле, что налогов почти не было. И в отсутствие развитой системы можно было самим решать, с какого центра платить налоги. Налогового кодекса в России не было до последних лет, и мы жили в основном на базе старого советского законодательства и новых инструкций, и всех это устраивало — кто мог работать, все делали деньги. Лучшие времена были в Союзе, потому что вектор был выбран еще в управляемой —

¹ <http://mozgovaya.livejournal.com/346010.html>.

партийной — системе координат, никакого сопротивления не было, и нас поощряли как людей, которые претворяли в жизнь идеи новой экономики. Для Горбачева, Рыжкова мы были хорошим примером — что бы они ни придумывали, мы из всего делали прибыль и показывали на своем примере, как можно заработать деньги».

14 мая 1990 года в исполкоме Моссовета было зарегистрировано объединение «МЕНАТЕП» с уставным фондом в двести тысяч рублей. В объединение вошли: ЦМНТП, Коммерческий инновационный банк научно-технического прогресса и несколько кооперативов.

Генеральным директором объединения стал 27-летний Михаил Ходорковский. К концу 1990 года объем капиталов банков, созданных при участии «МЕНАТЕПа», составил свыше миллиарда рублей. «Наши цели ясны, задачи определены — в миллиардеры», — писали Ходорковский и Невзлин в «Человеке с рублем». Цель, заявленная в книге, была достигнута. Они заработали свой миллиард, правда, пока рублевый.

В декабре 1990 года «МЕНАТЕП» начал эмиссию акций. По июнь 1991-го были проданы акции на общую сумму 1458 миллионов рублей.

Это вызвало много нареканий. Дело в том, что законов, регулирующих выпуск акций, тогда еще не существовало. И акция «МЕНАТЕПа» по сути, являлась векселем, то есть долговым обязательством. Еще один упрек заключается в том, что продавались акции по всей стране, а выкупались назад только в московском офисе. Так Владимир Перекрест в книге «За что сидит Ходорковский» рассказывает душераздирающую историю ташкентского пенсионера Нечаева, который смог вернуть свои деньги только в 1994 году.

«Пиар-кампанией по продаже акций занимался Сурков, — рассказывает мне Леонид Невзлин. — И он лучше меня знает, как и что происходило. Он работал автономно и по этому поводу выходил на Ходорковского.

Насчет того, что они не были ничем обеспечены, выкупались только в Москве, а перед тем продавались по всей России, я думаю, что это в чистом виде неправда. Другое дело, что они в основном и продавались в Москве. Это было организационно легче. Но продавались и по всей России. Я не помню в дальнейшем большого стремления эти акции продавать или хоть какие-то конфликты или проблемы, с этим связанные.

Себя я помню только как одного из участников или ведущих акционерных собраний в банке «МЕНАТЕП». Например, с концерном «Заря».

Но чтобы акции выкупались только в Москве, я не помню. Тогда был бы скандал, а скандала не было. Проблемы с держателями акций появились в результате Гайдаровской реформы и были следствием общей ситуации. Обеспеченность резко упала из-за девальвации рубля.

У меня тогда было несколько акций «Гермес-Союза», и я помню очереди за дивидендами. Последние честно выплачивали. Но потом никто не мог эти акции продать. Бумаги, по которым дивиденды получены, вообще не котировались на бирже.

«Это не касалось «МЕНАТЕПа», — заметил Леонид Борисович. — Для нас это вопрос репутационный, к чему мы относились крайне серьезно. Прошу обратить внимание: мы были первыми. Вообще первыми. Мы просто всю эту юридическую, организационную и пиаровскую часть прошли сами. И первыми — для себя и для всех».

И еще одно замечание в оправдание господина Суркова. В июне 1991 года мы жили в стране СССР, и Ташкент был на ее территории. А через год, в 1992 году, когда пенсионер Нечаев решил вернуть деньги, этой страны уже не было, и его родной город оказался за границей. Экономические связи были разрушены, и неудивительно, что из независимого Узбекистана исчезли офисы «МЕНАТЕПа», если они даже там были. Вряд ли ныне уважаемый член Президентской администрации мог предвидеть такой расклад, когда рекламировал акции «МЕНАТЕПа».

В 1990 году Ходорковский и Невзлин стали советниками премьера РСФСР Ивана Силаева. Когда Ходорковский руководил центром научно-технического творчества молодежи, Силаев был заместителем председателя Совмина СССР и отвечал за это направление. Там они и познакомились.

«Это была история грандиозного успеха, и политического тоже — вместо всех этих пышнотелых партийных заседаний, мы были с Ходорковским эдакое «будущее Родины», — вспоминал Леонид Невзлин в интервью Наталье Мозговой. — Мы вносили предложения, их рассматривали, Ходорковский один раз ходил с экономической реформой к Горбачеву, понравился, тот сказал: «Умный мальчик». К Ельцину ходили...»

Летом 1991 года Ходорковский и Невзлин стали членами только что организованного в Москве клуба молодых миллионеров.

И здесь, дабы избежать упреков в умалчивании, я хочу заметить, что тот Леонид Невзлин, интервью которого мне и Мозговой я так много цитировала в этой главе, бывший программист, бывший комсомольский лидер Института имени Губкина, бывший советник Ивана Силаева, соавтор книги «Человек с рублем» — это тот самый Леонид Невзлин, который летом 2008 года был заочно приговорен Мосгорсудом к пожизненному заключению за то, что якобы заказал серию убийств.

Журналистка Вера Васильева пишет книги о деле Алексея Пичугина, признанного судом организатором этих убийств. На заседания суда по делу Леонида Невзлина мы ходили вместе, и она выпустила книгу репортажей и об этом процессе «Без свидетелей? Дело Невзлина: записки очевидца заочного процесса». А потом, оказавшись в Израиле, осенью 2008 взяла интервью у приговоренного.

Я попросила ее написать мне о впечатлении от этой встречи, чтобы сравнить его с моим.

«Я встречалась с ним у него дома, — пишет она. — И двор, и дом очень функциональны и вместе с тем — уютны.

Это было в ноябре. Одевается он демократично и элегантно. Рубашка с коротким рукавом, без галстука. Произвел на меня **ОЧЕНЬ** приятное впечатление, расположил к себе с первых минут разговора.

Должна признаться, что я перед встречей жутко психовала (хоть это и непрофессионально). Вызубрила вопросы, которые планировала задать, но примерно за полчаса до встречи с ужасом поняла, что не помню ни один из них. Тогда решила, что плевать на все приличия — буду читать по бумажке. Однако, посмотрев в эту самую бумажку, обнаружила, что строчки перед глазами плывут, и я ничего не понимаю в собственном тексте.

Так вот, все эти симптомы умопомрачения как рукой сняло, как только мы увиделись. Правда, после этого я вообще забыла, что беру интервью, и вспомнила об этом, лишь когда щелкнула кнопка диктофона, в котором закончилась пленка. Мы просто общались, и общались очень хорошо».

В психологии есть термин «когнитивный диссонанс». Это когда в сознании сталкиваются противоречащие друг другу знания и убеждения.

Приговор Невзлину с одной стороны и его личность, его обаяние, его умение общаться, то впечатление, которое он про-

изводит на журналистов — с другой ввергают меня в состояние когнитивного диссонанса.

На роль главного убийцы от «ЮКОСа» трудно было найти человека более неподходящего.

Как-то, за несколько месяцев до выборов, мы с одним из моих коллег-писателей обсуждали, кто может стать президентом.

— Это будет человек с простой русской фамилией, — сказал он. — Ну, «Иванов» — слишком распространенная, значит, «Медведев».

По-моему, Невзлину просто не повезло с фамилией. В ней русскому человеку слышится «зло», «злость», «злой», «злить», «злиться». А, как известно из психологии, частицу «не» человеческое сознание склонно игнорировать. И кремлевские пиарщики решили, что человек с такой фамилией как раз на роль убийцы и подойдет, даром что сам пиарщик.

РЕВОЛЮЦИЯ

Утро 19 августа 1991 года.

Я еду в книжный магазин «Прогресс». Выхожу со станции «Парк Культуры». На противоположной стороне улицы стоят танки, пушками на метро, а у входа народ обсуждает происходящее.

Через полчаса я у Белого Дома.

Но и здесь никто ничего не знает. О судьбе Горбачева курсирует десяток версий.

С утра строят баррикады. Перевернутые скамейки, телефонные будки, какая-то арматура. Я тоже включаюсь в работу. В дело идут материалы с соседней стройки. Начали разбирать горбатый мостик. Жаль, красивый! Но его и в 1905-м разбирали. Опять отстроят.

На набережной несколько БМП.

Около метро человек десять пытаются остановить грузовик, чтобы пригнать к Белому Дому.

— Да отцепитесь вы, я вообще не здешний! — кричит шофер.

В этот день Михаил Ходорковский и Леонид Невзлин приехали в Белый дом в качестве советников Силаева.

«Михаил Ходорковский на период 19 — 21 августа сложил с себя полномочия председателя межбанковского объединения «МЕНАТЕП» и находился в здании Верховного Совета России», — писал журнал «Власть»¹.

¹ Журнал «Власть» № 34(78) от 26.08.1991.

До отмены статьи за предпринимательство оставалось еще три с лишним месяца, а на них было собрано досье. О толстой папке позволили узнать связи, и молодые миллионеры уже ждали команды «Брать!»

«Мы трезво рассудили, что можем оказаться подсадными утками в большой политической игре, — вспоминали они в книге «Человек с рублем». — Надо будет скомпрометировать руководство Белого дома — вот он, компромат: уголовные преступники — в советниках, досье — многопудовое, судебный процесс по телевидению: у нас же гласность. И кому какое дело, что в советники мы не рвались, по бухгалтерским ведомостям Белого дома не значимся, работали бесплатно, хотя времени и на «МЕНАТЕП» не хватало. Просто недостало сил отказать новой власти, которой, нам представляется, мы были полезны».

Провидцы они! Судьба отпустит еще 14 лет до телепроцесса. Черт бы побрал подобное провидение! Я знаю писателей, которые ножницами вырезают из записных книжек такие пророчества.

«Заявления о выходе из партии мы написали 20 августа 1991 года в Белом доме, в дни путча, это было прощанием с иллюзиями, которым и мы отдали дань», — вспоминали Леонид¹ и Михаил.

А совсем рядом, в здании СЭВ, украшенном плакатом «Слава воинам республики!», проходило собрание акционеров «МЕНАТЕПа». Решался вопрос об увеличении уставного капитала «Торгового дома МЕНАТЕП» с 50 до 2000 миллионов рублей и компании «МЕНАТЕП-инвест» с 5 до 150 миллионов рублей. Увеличили.

На следующий день, 20 августа, народа у Белого Дома было гораздо больше: не тысячи — десятки, а может быть, и сотни тысяч.

Белый Дом защищают штук десять танков и штук 15 БМП. На них российские флаги, на пушках — букеты цветов. Это танки генерала Лебеда.

Выступают Ельцин, Шеварднадзе, Руцкой. Около Белого Дома со стороны набережной располагаются на рюкзаках, одеялах и просто на голой земле его защитники. Некоторые, отдежурившие ночь, еще спят. Другие пишут плакаты, раздают листовки.

¹ «Я дошел до кандидата, а вступить не успел, — пояснил мне Невзлин. — А Ходорковский был членом партии. Решение мы принимали вместе. Он написал заявление, а мне оно было не нужно — я просто не продолжил этот путь».

Стоит столик с надписью «Пресс-центр». Рядом — хвост длинной очереди.

— За чем стоим? — спрашиваю я.

— Запись в отряды самообороны.

Утром 21-го разноречивые слухи. Многие пришли с приемниками. Приложив к уху, слушают трансляцию с сессии Верховного Совета России. Настроение медленно улучшается.

Днем появляются первые сообщения то ли об аресте, то ли о бегстве ГКЧП. Вроде бы они во Внуково. Отряд милиции покидает Белый Дом.

— Вы куда? — спрашивают их.

— Наших встречать.

— Во Внуково, что ли?

— Да нет, наших!

Оказывается, московская милиция перешла на нашу сторону, и к Белому Дому идет подкрепление.

Вечером был праздник и всеобщий экстаз, вместе с Малиновым вся площадь пела «Поручика Голицына», потом выступал Геннадий Хазанов.

Я ходила со значком с первого съезда «Демократической России». Он был приколот поверх черной ленточки — символа скорби о троих погибших. Значок серебристый, круглый, с изображением трехцветного паруса.

Сейчас бы меня, наверное, побили за такой значок, а тогда подходили и благодарили.

Власть — это некая условность. Почему один человек подчиняется другому? Потому что иначе накажут? Но ведь и наказывает не собственноручно диктатор, а некто другой, который тоже может подчиниться, а может и ослушаться. Когда власть теряет авторитет, она просто исчезает, словно растворяется в воздухе. Так было в феврале 17-го, когда перестали исполнять царские приказы, так было и в 91-м. И так будет еще не раз.

22-е. В полнеба разливается закат. Я приезжаю на Лубянку и вместе со всеми дергаю за веревку, обвязанную вокруг шеи Железного Феликса. Потом пригоняют кран и начинают его снимать, а я разворачиваю бело-сине-красное знамя. Какой-то парень подсказывает ко мне, смотрит на флаг горящими глазами:

— Можно, мы повесим его туда? — указывает на здание Лубянки.

— Хорошо. Берите!

Выхватывает знамя, бросается к зданию. Кто-то помогает ему залезть к держателю для флагштоков, и мой флаг, который я сшила сама из трех кусков ткани, и он два года провисел над моей кроватью, водружают на стену здания КГБ.

Я решаю его не снимать. Пусть висит, как на Рейхстаге!..

Тем временем еще один будущий акционер «ЮКОСа», а тогда депутат Моссовета Василий Шахновский тоже принимает участие в событиях.

В день, когда снимали памятник Дзержинскому, Попов послал его посмотреть, что происходит в здании Горкома КПСС.

«Здание Горкома было абсолютно пустое, — вспоминает Василий Савельевич. - Брошенное, открытое и абсолютно пустое! Я ему звоню оттуда и говорю: «Гавриил Харитонович, здесь документы и охраны нет, никого». В приемной первого секретаря Горкома сидит дежурный: старикан, лет шестьдесят пять, и все. На огромное здание. Попов говорит: «Ну, давай я тебе сейчас пару милиционеров пришлю, вы его опечатаете».

Начали опечатывать здание. А по радию слышно: Станкевич кричит, что сейчас народ сорвет памятник, он подавит людей, надо что-то делать. Звоню Попову, говорю: «Тут что-то происходит». Он: «Сходи, посмотри, что там». Я говорю: «Здание опечатали, поставили милиционеров на входе, всех выгнали, и стоит пустое». Он говорит: «Все! Давай туда!»

Прихожу на площадь, там же все рядом. Мечется Сергей Станкевич, народ абсолютно неуправляемый, толпа жаждет крови. Эмоции начали выплескиваться.

Я Гавриилу Харитоновичу звоню и говорю: «Толпа. Конечно, ничего они тут не сорвут, но народа очень много, и если кто-то скажет — ринутся на здание КГБ». Провокаторов много было. Многие хотели, чтобы повторилась история, как в Германии, чтобы все документы пожгли. Он говорит: «Ну, ты чего-нибудь там скажи, а мы сейчас подошлем строителей».

Подъехали руководители Главмосстроя, посмотрели, говорят: «Ну, чего тут? Краны нужны». «Давайте!» Они: «Без бумаги не будем». Я позвонил, по-моему, Музыкантскому. Он с Поповым договорился: привезли бумагу. И дальше была уже чисто производственная тема. Снимали Железного Феликса.

На следующий день, утром, мне Попов говорит: «Поезжай на Петровку, там огромная толпа». Людям нужен был какой-то выход энергии. И толпа собралась на Петровке.

Московская милиция в этих событиях была на стороне ГКЧП. И там уже разгоралось: «Да мы сейчас! Тут враги и т.д.» Петровка была в народе от начала и до конца. Вся. Тысяч тридцать. Это же широкая улица.

Ну, я опять Попову звоню: «Так и так». Он говорит: «Ну, попытайся пока, чтобы они ничего не придумали». Я всех ораторов-то знал и говорю: «Вы чего, идиоты, что ли? Что вы делаете?» И люди начали успокаивать толпу. Было несколько отморозков, но их просто до микрофонов перестали допускать. Известно же, кто такие.

Люди из «Демроссии» начали немножко понижать градус. А мне охранник Попова привез бумагу с инструкциями. Она у меня до сих пор есть, это записка Бурбулиса Горбачеву, что на Старой Площади жгут документы, и у Попова есть возможность это остановить. Просим вашего решения. И Горбачев подписал: «Согласен. Горбачев». И я с этой бумагой на грузовик, говорю: «Дорогие друзья, чего вы здесь? На Старой Площади уничтожаются документы. Пойдем, окружим, чтобы никаких документов не вынесли. Сохраним для истории, для того, чтобы разобраться...»

Рядом оказался Хазанов, я как раз тогда с ним познакомился. Он говорит: «Слушай, дай посмотреть». Я ему даю эту записку. Читает: «Правда! Здесь резолюция Горбачева». И народ разворачивается — и на Старую Площадь. И мы тоже туда, на Старую Площадь, организовываем живую цепь. Окружили весь комплекс людьми.

Подъехал Севастьянов Женя¹, и мы с этой запиской пошли туда, внутрь. Часа полтора уговаривали управляющего делами (тогда Кручинов был). В конце концов Женя говорит: «Если вы нам сейчас не дадите радио, вон, посмотрите, что на улице, мы их перестанем останавливать, и они все здесь разнесут вдребезги, пополам».

Нас провели туда, откуда проводились местные трансляции, и Севастьянов произнес двухминутное обращение к сотрудникам: «Значит так, принято решение о закрытии здания, всем освободить помещение. Кто в течение полутора часов не освободит, будет арестован». И народ оттуда сиганул! Причем сиганул не только народ, но и охрана. Комплекс-то огромный. Где-то часов от семи и до трех часов ночи мы занимались тем, что рас-

¹ Евгений Севастьянов - в дни путча генеральный директор департамента мэра Москвы.

ставляли милицейские посты на всех зданиях. К трем часам работу закончили и закрыли ЦК.

Потом снимали памятники. В субботу. В воскресенье были похороны. Свердлова снимали. Вспомнили, что по ходу движения этой колонны Калинин стоит. Сняли Калинина.

Ну, а дальше все, дальше пошла рутина».

«Доверие к «МЕНАТЕПу» не было подорвано, — победно напишут Ходорковский и Невзлин в «Человеке с рублем». — За памятную всем неделю открыто еще 18 счетов на 15 миллионов долларов».

ЧЕЛОВЕК С РУБЛЕМ

Весной 1992 года 28-летний Михаил Ходорковский вошел в правительство Гайдара. Он был назначен председателем Инвестиционного фонда содействия топливно-энергетической промышленности.

«Мы разработали инвестиционную программу под названием «Весенние действия», направленную на привлечение негосударственных средств в развитие топливно-энергетического комплекса», — рассказывал он в интервью «Аргументам и фактам» в 1992 году¹.

Деньги собирались вкладывать в оборонные предприятия, переходящие на выпуск оборудования для нефтяной промышленности, строительство жилья для нефтяников и акционирование нефтяных месторождений. Всего около 50 миллиардов рублей.

Правительство программу одобрило, а Ходорковский получил права замминистра топлива и энергетики. Министром был Владимир Лопухин.

«Зачем мне понадобился такой «довесок» в виде государственной должности? — сказал «Аргументам» Михаил Борисович. — Зато теперь я могу буквально «вызвать на ковер» к себе или министру любого чиновника отрасли, бойкотирующего инвестиционную деятельность фонда».

А в июне того же года Ходорковский и Невзлин выпустили ту самую книгу «Человек с рублем», которую я уже много цитировала.

«Неортодоксальная идеология авторов, будоражащая невиданной доселе апологетикой капитализма, бросает вызов инерт-

¹ Это интервью упоминается в книге Ходорковского и Невзлина «Человек с рублем».

ному общественному мнению, — писал «Коммерсант»¹. - Леонид Невзлин заявил, что ему «книга не очень понравилась». По его словам, она несколько устарела, пока писалась и издавалась. Тем не менее, автор полагает, что «для многих это все равно будет свежак»...

Михаил Ходорковский был более непосредственным: «Белиберда — вот что получилось из книги. Я привык писать инструкции, а Невзлин заставлял писать в несвойственной для меня манере». Вместе с тем г-н Ходорковский намерен и дальше заниматься литературным творчеством. Работать с диктофоном ему очень понравилось, поскольку при этом увеличивается количество производимых за день инструкций».

Я попросила Леонида Борисовича рассказать мне, как появился этот гимн свободе, самостоятельности, предприимчивости и богатству.

— Мы работали, в основном я, со многими старыми журналистами, набирались опыта и вообще советовались: с известными, с правдинцами, — говорит Невзлин. — С хорошими журналистами. И один из них сказал: «Вы живете, ребята, авангардной и очень интересной жизнью, и нужно оставить об этом впечатления, о том, как вы перешли из социализма в капитализм». Тем более что Миша был партийный.

— Да, а книга — такой либеральный манифест, — замечаю я.

— Во многом, конечно, простенький, примитивный, потому что это первое осознание. Я не буду ни из себя, ни из него делать диссидента. Те убеждения, в которых нас воспитывали, они в крови. В том числе — принцип социального равенства, руководящая роль партии.

Я не находился в оппозиции к основной линии. У меня было больше ограничений, чем у него, и меньше возможностей. Я и человек другого склада. Но в комитетах комсомола служил и общественной работой занимался. К концу Перестройки дошел до кандидата в члены КПСС. Просто у меня времени не хватило стать членом партии, это было уже бессмысленно.

А он вступил еще в институте, и для него это было естественным продолжением комсомольского карьерного роста.

Эти люди, эти ребята пожилые увидели в нас интересные метаморфозы освобождения личности. И не только внутренние, но и подтвержденные практикой. «Если вы это напишете, — го-

¹ Газета «Коммерсант» № 1(154) от 6.10.1992.

ворили они, — это будет иметь определенную ценность и для вас, и для других».

Тогда никто не понимал, насколько это. Не вернется ли страна в прошлое? Не шагнет ли назад в идеологию?

Так возникла идея описать опыт изменения наших взглядов. И преимущества независимости от партийных и государственных структур при реализации себя как человека свободного и предприимчивого.

Мы посидели над вопросами несколько дней, я и журналист. Потом договорились, что дальше работаем независимо, но вместе с Мишей пишем книгу, а по отдельности отвечаем на вопросы на диктофон. А потом я вместе с журналистом все честно компилирую в книгу.

Так мы и сделали. Идея, что мы такие разные, но работаем вместе, понравилась и мне, и двум журналистам, с которыми я это обсуждал.

Произошло это так: брался список вопросов на день, и после работы мы ехали писать. Жили тогда в Успенке. В Новоуспенке, где совминовские дачи. Успенское шоссе, поворот налево, первое Успенское шоссе, это километров двадцать от кольцевой. Направо поворот на Николину гору, а налево на Успенское шоссе. Вот это место. На этой развилке мы жили, снимали одну дачу на две семьи.

И каждый из нас отдельно гулял с человеком, который держал диктофон и задавал вопросы по списку. Так появился материал.

Недавно я по случаю просматривал книгу. Мои убеждения изменились не сильно. Я говорю о себе лично. Убеждения в необходимости и приоритете свободы личности укрепились определенным жизненным опытом и теоретической базой. Я много чего прочитал, много с кем пообщался, много в чем поучаствовал. Это факт. Сейчас у меня взгляды более продвинутые. Но я по-прежнему считаю, что смысл жизни — жить свободно. Максимальное и постоянное освобождение от всяческих пут и ограничений — это и есть стиль моей жизни.

«Мы оба прозревали трудно», — вспоминали авторы в «Человеке с рублем». Оба технари, привыкшие к доказанности и красоте формул. А коммунистические убеждения из логики не выводились, а зачастую противоречили и ей, и опытным фактам. Тем более тезис о преимуществе социализма перед капитализмом: «Это была гипотеза, без доказательств переведенная и приказным порядком — в ранг аксиом».

И гипотеза не выдержала проверки практикой.

«Богатство дает свободу выбора, богатство раскрепощает, — писали они. — Богатство позволяет выбраться из плена обезличенности, иметь то, что отвечает твоим индивидуальным склонностям».

Они действительно разные: «Один из нас, человек-машина, холодный расчетливый, не склонный поддаваться эмоциям, не прибегающий к услугам калькулятора, ориентирующий подчиненных на заключение сделок с максимальной прибылью, искренне полагающий, что прибыль аполитична...»

— Это о Ходорковском? — спрашиваю я у Невзлина.

— Да. Это я про него, — говорит он, и голос его теплеет.

«Один из нас в состоянии — черта характера? — дать швейцару ресторана четвертной», — это о Невзлине.

«А второй не даст и рубля, и ему наплевать, если его про себя назовут скрягой... Никогда и алтына нищему не подал, относится к ним с брезгливым презрением: у тебя есть силы стоять с протянутой рукой? Есть. Тогда — Ра-бо-тай!» — это о Ходорковском.

— А характеристики, которые вы даете друг другу в книге? — спрашиваю я Леонида Борисовича. — «Мастер дипломатии» — это Ходорковский?

— Нет, это я.

— А кто любит детективы, кто фантастику?

— Он — фантастику. Я раньше любил детективы, сейчас это не совсем так. Любил, потому что это школа психологизма, понимания мотиваций. Разница между мной и Ходорковским, которая проявилась еще тогда, в том, что я человек гуманитарного склада и считаю, что процессами, происходящими в личной, профессиональной, производственной, любой деятельности, приоритетно управляют психологические мотивации. Хотя он несколько раз менялся на моих глазах, не драматично, но менялся, и менялось мое мнение о нем. Он считал, что рациональные, материальные, карьерные, правильно описанные мотивации имеют приоритет.

Подход к управлению коллективом у нас тоже разный. Он — на базе рациональной модели строит систему управления огромным количеством людей с достаточно высокой эффективностью. Я же способен управлять небольшими группами единомышленников, друзей, партнеров. Также с определенной эффективностью.

Это не значит, что одна модель лучше другой. В больших корпорациях или общественных и политических системах присутст-

вуют люди и с таким, и с таким подходом. И существуют паллиативные подходы. Думаю, чтобы быть паллиативным, надо быть слишком талантливым, гиперталантливым, может быть, даже гениальным. Чтобы внутри себя, лично, не отдавать приоритет той или иной форме взаимодействия, общения с людьми. Таких людей совсем немного, я их почти не встречал. В большинстве своем люди сильные и возглавляющие строят управление либо на рациональном, либо на эмоциональном факторе. Даже если существует паллиатив, сочетание подходов, то все равно есть преимущество того или иного фактора, связанное с личностью управляющего.

Например, Ходорковский всегда декларировал, что ему все равно, какого качества и типа людьми управлять, потому что он знает цели и может выстроить людей в процессе для достижения нужной ему цели. И доказывал это своим трудом. Я же могу работать только с людьми приличными. И строить с ними отношения на базе практически равенства, единства целей, единства интересов и партнерства.

И тоже достигал цели, хотя, может быть, количество ошибок в моей схеме больше. Но я на другую перейти просто не способен. Кстати, годы работы с людьми показали мне, что в этих двух схемах нет большого противоречия, потому что если набирать людей исключительно профессиональных, то есть заточенных выполнять работу наиболее качественно и знающих, что нужно делать, то они чаще всего и люди хорошие. Персоналом я занимался много и кое-какой опыт получил.

О книге и об убеждениях. Это был старт наших убеждений, для нас книга сыграла и такую роль. Для меня. Я не живу внутри Ходорковского и не могу сказать, что эту сложную и развитую личность я понимаю совершенно. Мне необходимо осмыслить и описать, где я нахожусь, что во мне изменилось и так далее. Для меня книга — это некий старт дальнейшего размышления о цели и способе существования в мире. Она имела и имеет для меня большое значение. Например, для меня стало понятно после того, как это все было написано и подытожено, что я назад не хочу, ну никак.

До этого у меня никогда не было никаких эмигрантских настроений, несмотря на национальность. Я даже в период большой волны эмиграции из Советского Союза, из России, из Москвы в 1990-м году как-то это упустил, был занят работой. Но с момента написания книги я начал понимать, что если страна

пойдет назад, а это было возможно, и теперь, как мы видим, стало возможно, то я не буду здесь жить, не смогу просто.

— А не было тогда такого ощущения, что Клондайк здесь?

— Наверное, у кого-то было, но мои амбиции не связаны с освоением Клондайков. Мои материальные амбиции заканчивались, когда я переставал считать деньги на жизнь и на образование, на себя и мою семью. И на поддержку родителей. Это не огромные деньги. Качество жизни, дом, машина — это все может быть лимитировано, это для меня не так существенно.

Гораздо существенней мое личное время, на что я его трачу. Можно продавать свое время на физической работе по цене одна секунда — одна копейка. И у тебя времени ни на что не останется. А хотелось бы вкладывать все свободное время на развитие собственной личности.

Двадцать метров площади на мою душу, желательно в хорошем районе, чтобы бандиты вокруг не ходили. С горячей водой и холодильником. И с нормальной машиной, чтоб можно было доехать. С Интернетом, с компьютером, прочей техникой, телевизором, магнитофоном, и без ограничений на книги. Для меня этого достаточно.

Поэтому я не специалист по Клондайкам. Это меня не держало. Держала природная обязательность: сначала я был на службе, потом, по предложению Ходорковского, стал партнером с ним и с другими людьми. У меня возникла система ответственности. Она означала, что постоянно надо что-то делать для общих целей.

Я не был предпринимателем, и деньги не зарабатывал, а факто получал, и Клондайк имел ко мне малое отношение. Хотя, возможно, у Ходорковского были другие мысли на эту тему.

Я оставался из ответственности и интереса к процессу, к результату и погруженности в этот результат, и, если хотите, из появившейся веры, что мы можем вместе с другими сыграть историческую роль по превращению России в то, чем она никогда не была — в страну свободную. То есть появился сначала шанс, потом страх, а потом вера.

Я помню эту динамику. Я всегда боялся, что все вернется. Когда я думал о семье, о детях, я никогда не хотел больше одного ребенка, потому что у меня было ощущение, что все может вернуться. По мере работы, жизни это ощущение притуплялось, потому что в Ельцинские времена все больше было уверенности, глупой уверенности, как я теперь понимаю, что это безвоз-

вратно. Что могут быть разные отклонения, что на какое-то время могут прийти к власти коммунисты, но вектор исторического развития задан такой, как во всем цивилизованном мире. И уж теперь мы пойдём в этом направлении.

Сейчас я не очень болею этой болезнью и не слишком озабочен происходящим в России, потому что могу себе позволить списать её в третьи страны. Но раньше я там жил, это была моя страна. Она была для меня центром мироздания, и для меня было жизненно важно, какой там режим, какая там модель. Сейчас нет.

Я думаю, что вернулось не все.

В июне 2008 года в кафе «Штирлиц» мы отмечали двадцатилетие «Демократического союза». Собрались бывшие члены Координационного совета и несколько рядовых дэсовцев, состоявших в партии в самом начале, до 1991 года.

Стол был очень прилично накрыт человек на двадцать, пили кьянти, произносили тосты.

Я тоже поднялась с бокалом в руке.

— Мы очень многое потеряли из того, что смогли вырвать тогда, — сказала я. — Свободные выборы, независимый суд, правду на телеэкране, свободу объединений и митингов. В стране снова политзаключенные. Оппозиционеров снова разгоняет ОМОН, от свободного телевидения осталось одно «РЕН-ТВ» и два-три издания — от свободной прессы. А столько открытых писем, сколько сейчас, я не подписывала даже в 1988-м. Но не столько политические, сколько экономические последствия революций необратимы. И доказательства на этом столе, — и я обвела глазами докризисные яства и подняла бокал с кьянти. — А значит, наши усилия были не напрасны!

В наше время уже не нужно критиковать и разбирать труды Маркса и Ленина и даже вспоминать о сталинизме, чтобы понять, что прогрессивнее: социализм или капитализм.

В Интернете выложено множество фотографий земли из космоса. Среди них есть одна очень примечательная: Корейский полуостров ночью¹. На ней две соседних страны с общим языком, общей культурой и общей до 1945 года историей: сияющий огнями капиталистический юг с Сеулом, разлившимся кляксой света, и почти черный социалистический север с сиротливым огоньком Пхеньяна. И не надо больше никаких

¹ http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Korean_peninsula_at_night_edited.jpg.

доказательств. Сразу ясно и где прогресс, и где жизненный уровень, и где будущее. Ясно и доказательно, как вывод математической формулы.

Как писали Ходорковский и Невзлин:

«Не будет у социализма никакого человеческого лица, коль его фундамент — ставка на бедность, опора на голытьбу, которая никогда и никому не позволит разбогатеть».

Я думаю, что тогда, в конце 80-х — начале 90-х заниматься бизнесом было важнее, чем ходить под трехцветными флагами под дубинки ОМОНа и говорить о гражданском обществе и введении частной собственности. Именно там, в нарождающемся бизнес-сообществе, и был передовой фронт революции.

«Фея наградила его тремя золотыми волосками», — прочитала я о Ходорковском на одном из форумов.

Нет иллюзии более вредной. Не надо быть талантливым и упорным, не надо вкалывать и рисковать — достаточно лежать на печи и ждать трех волосков от феи. И фея подарит и именную стипендию, и красный диплом, и три высших образования, и организует компанию, и одарит миллиардами, и надоумит в тюрьме вести себя достойно и держать голодовки «за други своя».

«Мы не верим в удачу, в фарт, — писали авторы в «Человеке с рублем», — мы высчитываем и просчитываем каждый свой шаг, предпочитаем расчет риску, готовим и планируем успехи».

И фея тут не при чем. Просто «пахать» надо:

«Руки у человека не для приема подавания — для работы. Мы словно забыли, что человека создал труд», — писали они.

В 1992 году Ходорковский вошел в рейтинговый список «Независимой газеты» «Они делают политику России. 500 фамилий» и список ньюсмейкеров газеты «Коммерсант»¹ из 80 фамилий. А ньюсмейкер — это человек, каждый шаг которого вызывает интерес СМИ, либо в силу его общественного положения, либо харизмы.

В феврале же 1993-го в рейтинге бизнес-журнала «Мост», перепечатавшего статью из Австрийского журнала «Option», Михаил Борисович занял 12 место в списке «50 самых богатых русских». Потом список был в свою очередь перепечатан «Советской Россией»².

¹ Газета «Коммерсант» № 2(155) от 07.10.1992.

² Номер от 18.03.93 г.

Тогда же Ходорковский принял участие в работе всемирного экономического форума в Давосе, где стал лауреатом конкурса «Мировые лидеры XXI века».

«На «МЕНАТЕП» перестали смотреть как на некий курьез и воспринимают объединение пусть как небольшую, но реальную финансовую структуру, с которой можно иметь дело», — сказал он по возвращении в интервью «Коммерсанту»¹.

А в марте его назначили заместителем министра топлива и энергетики Юрия Шафраника.

93-й ГОД

Поздно вечером 30 ноября 1992-го Михаил Ходорковский вместе с Леонидом Невзлиным, председателем правления «Инкомбанка» Владимиром Виноградовым, Константином Затулиным, Владимиром Гусинским и еще несколькими предпринимателями подписал заявление «Предпринимательская политическая инициатива — 92»².

Заявлению предшествовали встречи с Егором Гайдаром, Геннадием Бурбулисом, Анатолием Чубайсом, Русланом Хасбулатовым и другими лидерами парламента и правительства.

Дата не случайна. Более того, подписанты успели в последний момент. 1 декабря в Москве открывался седьмой Съезд народных депутатов, а противостояние между президентом и депутатским корпусом назревало с весны 1992-го. В мае, выступая в Череповце, Ельцин заявил: «Этот Съезд надо разогнать к чертовой матери».

И Съезд обещал стать антипрезидентским. 9 декабря он не утвердит Гайдара на посту Председателя Правительства. А 10-го на съезде выступит Ельцин, будет критиковать работу Съезда и чуть не сорвет заседание, уведя с собой своих сторонников. Это начало того конфликта, который приведет к расстрелу Белого дома в октябре 1993-го.

Президент за принятие новой Конституции, усиление президентской власти и либеральные экономические реформы, Верховный Совет и Съезд — за сохранение всей полноты власти у Съезда и против «шоковой терапии» при проведении реформ. Если вообще за реформы. Большинство в советах у коммунистов.

¹ Газета «Коммерсант» № 22(245) от 09.02.1993.

² Газета «Коммерсантъ-Daily», № 50 от 02.12.92.

Предприниматели, подписавшие заявление, пытались заранее примирить стороны.

Они были против введения президентского правления, роспуска Съезда депутатов и «диктатуры в интересах рынка».

И призывали власть к защите отечественного бизнеса: «Интересы национального капитала должны быть защищены в любой ситуации. Правительством должна быть выработана серьезная протекционистская политика по отношению к отечественному предпринимательству».

Правительство реформаторов обвинялось в ряде ошибок, но подписанты на должности не претендовали, утверждали, что альтернативы Гайдару нет, и предлагали начать консультации предпринимателей с властями в преддверии съезда.

93-й год. Страна на грани кризиса, если не гражданской войны.

«Предпринимательская политическая инициатива» колеблется между президентом и парламентом. Они за реформы, но против потрясений и революций. У них своя концепция: «Третьего пути».

Они создают оргкомитет движения «Предприниматели за новую Россию», в который входит и Ходорковский. «По убеждениям мы — либералы, но опасность услышать крик «бей богатых» вынуждает нас быть и консерваторами», — поясняет другой член оргкомитета предприниматель Марк Масарский.

Первый съезд «Предпринимателей за новую Россию» открылся 18 июня 1993-го в Октябрьском зале Дома Союзов. В принятой ими декларации была защита частной собственности, снижение налогов, контроль предпринимателей за выдачей кредитов, создание таможенного союза.

Явлинский представлял на съезде свои «Тезисы к программе экономических реформ» и говорил об ускоренной приватизации и освобождении предпринимателей от многочисленных ограничений. В Съезде участвовали демократы доельцинской эпохи Сергей Станкевич и Гавриил Попов и вице-премьер правительства Сергей Шахрай. Присутствовали представители Всероссийского союза «Обновление», Демократической партии России, Союза возрождения России, Республиканской партии России, Российского движения демократических реформ, Партии экономической свободы.

На съезде приняли декларацию и устав и собирались создать предвыборный блок и выдвинуть кандидатом в президенты Григория Явлинского.

В Координационный совет вошли Ирина Хакамада, руководитель Инкомбанка Владимир Виноградов, бизнесмены Иван Кивелиди, Юрий Милюков, Лев Вайнберг и президент Российского союза инвесторов Леонид Невзлин.

— Да, у меня уже тогда были мысли о переходе к политической или общественной деятельности, — вспоминает Леонид. — Это отдельно от Михаила Борисовича, но он никогда не возражал.

В сентябре 1993-го Верховный Совет начал готовиться к объявлению импичмента Ельцину. Президент не остался в долгу. В восемь часов вечера 21 сентября 1993-го был подписан указ № 1400, прервавший полномочия Съезда народных депутатов и Верховного Совета.

Ночью с 21 на 22 сентября Конституционный суд признал указ противоречащим Конституции, депутаты проголосовали за прекращение президентских полномочий, а Александр Руцкой на трибуне Верховного Совета принес присягу в качестве исполняющего обязанности президента.

В Белом доме, где заседали депутаты, отключили телефоны, электричество, воду, отопление и поставили вокруг бетонные ограждения. А в Даниловом монастыре шли переговоры между сторонниками президента и парламента.

«Мы постоянно пытались договориться, — вспоминает Василий Шахновский. — К нам приходили люди из Белого дома, мы туда посылали людей. Все это было на моих глазах и с моим участием.

Тут недавно по «Эху Москвы» выступал Хасбулатов. Либо он уже все забыл, либо врет просто, как сивый мерин. Переговоры в Даниловом монастыре сорвали вот эти ребята из Верховного Совета. Ельцин был готов идти на совместные выборы Президента и Парламента, и именно в этом направлении шли переговоры. Все было на стадии подписания. Абдулатипов¹ все согласовал, а потом его заменили на Воронина². Воронин эти переговоры сорвал, и все покатило. Было уже не остановить».

¹ Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов — российский политик, парламентарий, государственный деятель. В 1993-м первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР. Участвовал в переговорах с представителями Президента о возможных компромиссах.

² Юрий Михайлович Воронин — российский политик. В 1991 — 1993-м первый заместитель Председателя Верховного Совета Российской Федерации. В сентябре 1993-го резко выступил против роспуска Верховного Совета.

3 октября противники президента захватили здание мэрии на Новом Арбате. А Руслан Хасбулатов выступал с балкона Белого дома. «Я призываю наших доблестных воинов привести сейчас сюда войска, танки для того, чтобы взять Кремль с узурпатором, — сказал он. — Ельцин сегодня же должен быть посажен в «Матросскую тишину», вся его продажная клика должна быть размещена в одиночках».

Вечером Гайдар выступил по телевизору и призвал всех сторонников демократии идти к Моссовету, в противовес Парламенту.

Для меня не было вопроса, где быть. Я была всецело за Ельцина, но утром четвертого зазвучала канонада: обстреливали Белый дом.

Потом выяснилось, что половина моих друзей была у Моссовета, а половина — в Белом Доме. И двое погибли.

Это был шок. Я была морально готова умереть за свободу, но не убивать за нее.

«После 1993 г. я вообще многое пересмотрел, — пишет мне Михаил Ходорковский. — Боюсь, навсегда. С обеих сторон были мои друзья. Известные и не очень, высокопоставленные и обычные, но живые люди. Свою жизнь отдать бывает проще. Экстремисты типа Макашова есть везде и у всех. Их надо арестовывать и судить за их действия справедливым судом в соответствии с законом. А стрелять из пушек по зданию, где, кроме вооруженных, сотни невооруженных людей, пусть имеющих и отстаивающих иное мнение, — этого быть не должно. Мне лично сейчас не по себе от того, что и я был охвачен тогда общим энтузиазмом».

После событий 3 — 4 октября в Москве лидеры «Предпринимателей за новую Россию» высказались по-разному. Константин Затулин призвал Ельцина уйти в отставку, освободив место политику, который сможет проводить реформы, не ставя страну перед катастрофой.

Зато сопредседатель объединения Юрий Милуков обвинил во всем сторонников бывшего ВС, поддержал президента и потребовал от лидеров Белого дома прекратить сопротивление.

— В 1993-м позиция у нас с Михаилом Борисовичем была одинаковая: проельцинская, — рассказывает мне Леонид Невзлин.

— Но Затулин, который был лидером этой организации, некую среднюю позицию занимал, — замечаю я.

— Затулин был всегда лидером себя. И его позиция имела мало отношения к нашей. Мы хотели помочь Ельцину и тогда Черномырдину — советом, поддержкой и так далее — преодолеть этот кризис, который был гораздо опаснее кризиса 1991 года.

Сотрудничество с Ельцинским правительством, с моей точки зрения, никогда не было вещью безнравственной или априори коррупционной. Это было совсем не так. Обвинять правительство Гайдара, Чубайса или Бурбулиса в коррупции несправедливо.

12 декабря на всероссийском референдуме была принята новая конституция, наделившая президента слишком большой, почти царской властью. Я думаю, что именно там, в декабре 1993-го, корень наших сегодняшних бед. Именно те права, которые эта конституция предоставляла президенту, позволили Владимиру Путину осуществить свой вялотекущий и вязкий, как трясины, контрреволюционный переворот, который отнял у нас почти все, что мы завоевали в 1991-м и смогли отстоять в октябре 1993-го.

У нас осталось разве что право не стоять в очереди за колбасой, стиральным порошком и детскими колготками. Да и это последнее может отнять очередной кризис.

«ЛИХИЕ» ДЕВЯНОСТЫЕ

16 марта 1993 года произошло еще одно событие, имеющие отношение к моему герою. В этот день было организовано РУОП, то есть Региональное Управление по Организованной Преступности¹. Ему выделили последний этаж бывшего здания райкома КПСС на Шаболовке. На первых этажах еще сидели какие-то коммерсанты, но вскоре оно заняло все помещение.

Именно тогда в первой половине девяностых журналисты придумали замечательный афоризм: «круче солнцевских только шаболовские», которым очень гордился тогдашний руководитель РУОПа господин Рушайло.

То есть была Солнцевская преступная группировка, была, понятно, Лубянская, а была и Шаболовская.

¹ В 1998-м он был переименован в РУБОП (Региональное управление по борьбе с организованной преступностью).

О методах работы сей организации ходили легенды. Подбросить подозреваемому наркотик или оружие было для этих ребят плевым делом и нормальным методом ведения следствия. Говорят, тогда все суды были завалены подобными делами. И ничего — людей исправно сажали в тюрьму.

Широкую известность тогда получила история об аресте вора в законе Деда Хасана. Менты, не разобравшись, подбросили ему молодежный наркотик экстази. «Дед Хасан собрался на дискотеку», — шутили бандиты.

Бывало, что задержанных вывозили за город и вырывали им ногти, чтобы добиться нужных показаний. Выживали не все.

Действие породило противодействие. Бандитские пули косили благородных сотрудников РУОПа так, что в 1995 — 1996 годах во дворе бывшего райкома у подножия мирных голубых елей был поставлен памятник невинно убиенным героям с длинным списком на черном камне.

«Лучше я буду отстреливаться до последнего, но живым ментам в руки не дамся. Не хочу, чтобы меня потом нашли с вырванными ногтями», — объясняли некие господа, любившие зеленые кашемировые пальто, красные пиджаки и вишневые «девятки».

Если уважаемый читатель решил, что РУОП хотел заняться и будущим уголовным преступником Михаилом Борисовичем Ходорковским, то глубоко ошибся. Связь здесь совсем другая.

Были и те, кого господин Рушайло считал честными предпринимателями.

В том же 1993 году в здание на Шаболовке пришли некий Александр Качур и банкир Александр Смоленский. И предложили создать благотворительный фонд «Содействие социальной защите профессиональных групп повышенного риска» для материальной поддержки рискующих жизнью бойцов РУОПа. Идея была принята с восторгом. Александр Качур стал Директором Фонда, а Смоленский вместе с еще несколькими достойными людьми вошел в попечительский совет.

По странному совпадению многие члены попечительского совета потом стали именоваться «олигархами»: Смоленский, Авен, Фридман, Березовский, Гусинский, Потанин. А по одной из версий, в попечительский совет входили и Михаил Ходорковский с Леонидом Невзлиным.

— Входил, конечно, — признается мне Невзлин. — В совет фонда, не помню, но, скорее всего, да, потому что с председателем фонда и с Рушайло мы были в постоянных отношениях, постоянно участвовали в сборе средств на создание РУОПа.

Тогда был период разгула организованной преступности, и Рушайло выступил в Москве с инициативой создания структуры, которая могла бы защитить и граждан, и бизнес, который больше всего страдал от рэкета и нападений.

Но нужны были средства, и по согласованию с мэром Москвы, с мэрией, с министерством внутренних дел и ГУВД Москвы был создан соответствующий фонд, куда крупные бизнесы вкладывали приличные деньги для того, чтобы в условиях дефицитного бюджета помочь организовать эту структуру. Мы тоже участвовали.

— То есть это было сделано по согласованию с властью?

— Да. А как еще могло быть? Это же не коррупция. Около миллиона долларов в год каждый вкладывал. Миллионов двенадцать-пятнадцать в год — тогда это были крупные деньги. В те времена был разгул чеченской преступности и разгул русских криминальных группировок — типа солнцевской. РУОП стал тем, что называли «крышей», но «крышей» легитимной. И брали не взятки, а официальные деньги на создание и поддержку структуры. Я считаю, что это был очень удачный проект.

Желающих внести свой вклад и спать спокойно оказалось хоть отбавляй, и на счет фонда потекли миллионы долларов.

В бесплатной РУОПовской столовой появились куринные окорочка от «Союзконтракта», а личный состав раз в год отправляла на отдых в Анталию и регулярно радовали премиями.

Спонсоров тоже не забывали. Выездные заседания попечительского совета проходили в одном из дорогих московских ресторанов «Сирена-1» и оплачивались из средств фонда.

— Нет, я ничего такого не помню, — говорит Леонид Борисович. — Рушайло вел себя прилично, он вел себя, как чиновник. У меня всегда была возможность встретиться с ним в РУОПе, на Шаболовке, изложить проблемы, попросить защиты или помощи. Никогда отношения с ним не превращались в отношения «ты мне, я тебе», и тем более никакой коррупции там не было. За фонд отвечал полковник Качур, преподаватель академии МВД. И я не помню ничего такого, что можно было бы назвать пачкающим их или нас. Все крупные структуры, которые были расположены в Москве, в основном, входили в этот фонд.

Когда сейчас я читаю о связях с криминалитетом «организованной преступной группировки» Ходорковского и их криминальных методах, я все время вспоминаю этот эпизод его биографии: участие в финансировании РУОП.

«А что касается криминальных разборок — «олигархов» они практически не касались, — вспоминал Леонид Невзлин в интервью Наташе Мозговой. — У нас же не было борьбы за предприятия с бандитами, мы приходили уже с милицией, всегда опирались на государство против бандитов. Мы охранялись, угрозы бывали, но несерьезные — мощь была большая»¹.

Так называемый «олигархат» был силой, связанной с властью и искавшей у нее защиты. И еще в 1993 году предпочитавшей милицейскую крышу всем остальным, задолго до написания Пелевиным романа «Числа», где описан процесс замены чеченской крыши — ФСБшной.

Кстати сказать, именно РУОП ввел в практику «маски-шоу» в камуфляже и с автоматами, которое в 2003 году устроят и Ходорковскому...

Справедливости ради надо заметить, что Михаил Борисович финансировал не только РУОП, но и, например, Малый театр, с которым был заключен договор о сотрудничестве.

А вот театр «Модернь» не финансировал. С его художественной руководительницей Светланой Александровной Враговой, а точнее с ее квартирой, связан еще один миф о Ходорковском.

МИФ О КВАРТИРЕ ГОСПОЖИ ВРАГОВОЙ

Я долго верила в этот миф, тем более что его излагал господин Панюшкин, а «Узника тишины» я считала весьма надежным источником информации.

История такая.

В 1994 году правительство Москвы передало в аренду «МЕНАТЕПу» на 25 лет здание под офисы по адресу Колпачный пер. 4, стр. 1. Дом был занят различными организациями, но с ними МЕНАТЕП разбирался в арбитраже. И суды выигрывал.

Правда, всякое бывало. В номере газеты «Коммерсант» от 16 мая 1995 года упоминается о том, что помещение у «всемогущего» «МЕНАТЕПа» отсудила... парикмахерская.

Рядом стоял дом, который компания должна была расселить и отремонтировать в соответствии с планом реконструкции, утвержденным московским правительством. Конкурс на право реконструкции выиграл банк «МЕНАТЕП» и учредил для этого дочернюю фирму АО «Покровка».

¹ <http://mozgovaya.livejournal.com/346010.html>.

В этом доме и жила Светлана Врагова. Остальных жильцов быстро уговорили разъехаться в спальные районы, а госпожа Врагова и ее сосед сверху Александр Кончатов боролись до последнего, надеясь то ли выжать из «МЕНАТЕПа» квартиры в центре, то ли выжить «МЕНАТЕП». И в Ясенево не хотели ни в какую.

Тем временем Светлана Александровна уехала на дачу, а вернувшись, обнаружила...

И вот тут начинаются разночтения. Причем, разночтения исходят от самой госпожи Враговой, которая излагает эту историю каждый раз по-новому.

Наиболее драматичная версия изложена, как ни странно, в «Новой газете» от 30 июня 2005 года, где подписанты письма, одобряющего приговор Ходорковскому, объясняют свои позиции.

Итак, госпожа Врагова вернулась с дачи и обнаружила, что «автоматчики «МЕНАТЕПа» ворвались в квартиру и дочиста ее ограбили». А ей и ее мужу приказали больше там не появляться. И бедная женщина была вынуждена жить то дома, то у подруги. А адвокаты отказывались братья за ее дело.

В интервью программе «Момент истины», выложенном на сайте rigozor.ru, специализирующемся на компромате против «ЮКОСа», приведена другая версия событий. И версия более ранняя. Интервью датировано 10 апреля 2005 года, то есть до приговора. Оказывается, что из «МЕНАТЕПа» к ней приходили в театр и предлагали квартиру в Ясенево. А она говорила: «Оставьте меня в покое. Пусть у вас там будет банк».

Она — дочь очень состоятельных родителей, папа — военный атташе в Иране, ездила на «Мерседесе», ходила в бриллиантах и шубе до пят с двадцати лет. И пришли к ней, советской аристократке, которой сам шах дарил вещи, генеральской дочери и творческому человеку какие-то там нувориши, кухаркины дети. И еще хотят чего-то!

В «Человеке с рублем» Ходорковский и Невзлин вспоминали, как летом 1991-го они снимали дачу в подмосковном Успенском, среди партийно-советской элиты, и их жен отшивала продавщица в магазине: «Вам сметаны? Да ее министрам не хватает!»

Разные, конечно, и уровень, и обстоятельства, но реакция похожа.

Итак, когда Светлана Александровна вернулась с дачи, «автоматчики» стояли перед ее домом. Посмотрела она на рамы в квартире, а рамы не ее, новые. Оказывается, за время ее отсутствия из квартиры все вынесли и начали ремонт. «Автоматчики» объяснили, что квартиру обчистили украинские рабочие.

Согласитесь, не совсем одно и то же.

Такое впечатление, что ее слишком буквально поняли или у менатеповцев лопнуло терпение. Говорите, оставить в покое и пусть будет банк? Будет!

Разночтения есть и дальше. Естественно лишенная дома актриса начинает бороться. Только по версии, изложенной в «Новой», она звонит в различные иностранные издания, надеясь, что в Америке ее помнят, поскольку там с триумфом выступал ее театр. «Не знаю, повлияли ли как-то эти звонки, но однажды в 8 утра мне позвонил человек, извинился и сказал, что за счет банка мне будет куплена другая квартира», — вспоминает актриса.

Запомним. И вернемся к апрельскому интервью. В нем вообще нет упоминаний о звонках в иностранные издания, зато фигурирует некий Александр Сергеевич, умеющий разруливать проблемы.

«Сию я в своем кабинете, полпервого ночи, — вспоминает актриса. — Ехать мне некуда, только на дачу, которую я снимаю, дома у меня нет. И звоню Косте Щербакову, он был первым заместителем министра культуры. Я говорю: «Костя, вот у меня такая история. Что мне делать?». Он говорит: «Светочка, а что я могу?» Я говорю: «Костя, извини, но...» Повесила трубку. Вдруг звонок. Я уже гашу свет — час ночи. Он говорит: «Свет, подожди. Тут у меня один человек сидит». И начинается история. По мобильному телефону ты должна позвонить в восемь утра Александру Сергеевичу. Кто такой? Никогда в жизни его не видела. Мобильного телефона у меня не было. Я побежала к бизнесменам, они дали мне мобильный телефон. Я решила не спать, в 8 утра бодрым голосом — лучше не спать. И звоню. Говорю: «Але». И вдруг оттуда голос: «Алееее». Я говорю: «Вот, это Врагова». «Друзья моих друзей — мои друзья», — и повесил трубку. Когда я приехала в театр, «МЕНАТЕП» начал отзваниваться».

Так она звонила в восемь утра Александру Сергеевичу или ей звонили в те же восемь утра из «МЕНАТЕПа», как это изложено в «Новой»?

Проходит чуть больше года, и 24 мая 2006 года на радио «Эхо Москвы» Караулов излагает третью версию событий. Вплоть до звонка в восемь часов Александру Сергеевичу эта версия совпадает с апрельской, но дальше: «Через час ей позвонил Михаил Борисович Ходорковский и сказал: «Светлана Александровна, вы знаете, я не знал, что это ваша квартира. Но раз так случилось, если можно, мы вам купим новую квартиру». И банк «МЕНАТЕП» — сказала Врагова в «Моменте истины» — через ме-

сыц купил ей, народной артистке Враговой, квартиру, по-моему, на Чистых прудах или где-то еще».

То есть звонит не некий человек, как говорила Врагова, а лично Ходорковский. И извиняется.

По словам Враговой, новая квартира была на Пречистенке, купили ту, которую она выбрала.

Об извинениях Ходорковского Светлана Александровна упоминала и в апрельском интервью Караулову. «Ради Бога, извините, — сказал он. — Я не знал, что это вы».

Звучит, конечно, очень некрасиво. Значит, у простого человека квартиру отобрать можно, а у народной артистки — нельзя. Только непонятно, когда звучит. «Он извинялся, потом», — неопределенно говорит Врагова.

Потом был прием перед отставкой Ельцина (то есть 31 декабря 1999), четыре года спустя после событий. Ходорковский увидел ее и сказал: «Ой, простите, это Вы?» Она: «А что Вы сейчас делаете? А банк-то ваш лопнул. Я же вам сказала, что банк ваш лопнет за две минуты!» Он: «Нет, я сейчас заведу маленькую нефтяной скважиной». На этом и разошлись.

И ни слова об извинениях. Здесь «простите» совсем в другом контексте.

Зато после приговора Ходорковскому, в «Новой газете», контекст меняется, и Врагова излагает версию, близкую к будущей версии Караулова: «Позже мы встретились с Михаилом Борисовичем в Кремле. Тогда он извинился передо мной».

Более надежной мне кажется первая версия событий, апрельская, еще не выстроенная под требования власти, свежая, не отредактированная. Не думаю, что Ходорковский лично давал указания украинским гастарбайтерам, скорее просто приказал уладить дело. И об эксцессе узнал постфактум, через таинственного знакомого замминистра. К кому еще «Александр Сергеевич» мог обратиться? Кто мог надавить на «МЕНАТЕП» и заставить купить квартиру? На уровне замминистра, то есть как раз его уровне?

Думаю, до него просто донесли информацию. А он всегда считал себя ответственным за действия своих людей (что еще не раз выйдет ему боком) и передал извинения скорее всего через того представителя банка, который звонил Враговой после разговора с Александром Сергеевичем. И «мы не знали, что это вы» — скорее всего, его слова.

Если они вообще были.

История квартиры госпожи Враговой попала и в прессу «лихих девяностых», только изложена там несколько иначе. В газете «Коммерсант» от 7 июля 1995 года была напечатана маленькая заметка под заголовком «Ограблена квартира руководителя театра»:

«По словам Светланы Враговой, это третья попытка ограбления квартиры, на этот раз увенчавшаяся успехом. Воры, пользуясь отсутствием хозяйки, вытащили из квартиры картины, старинную мебель, редкие книги из фамильной библиотеки. Оставшиеся вещи, как заявлено в распространенном по этому случаю пресс-релизе театра «Модернь», «подверглись дикому вандализму».

Сотрудники театра также отмечает, что дом, в котором проживает Светлана Врагова, принадлежит банку «МЕНАТЕП», и сейчас в нем производятся ремонтные работы. Поэтому сотрудники местного отделения милиции, возбудившие по факту кражи уголовное дело, рассматривают версию, согласно которой к ограблению причастны строительные рабочие».

Значит, и дело возбудили, и замалчиваний никаких не было: тут же напечатал «Коммерсант». Только обвинить Ходорковского в грехах строительных рабочих тогда никому не пришло в голову.

Я спросила у Леонида Невзлина, не курсе ли он этой истории и может ли что-нибудь добавить.

— Знаю только понаслышке, — сказал он. — Если уж меня обвинили в убийстве Корнеевой, то и во Враговой надо было обвинить, потому что, по их логике, если дело связано с насилием, то виноват Невзлин. Но я никакой недвижимостью не занимался, поэтому фамилия Враговой для меня примерно так же значима, как фамилия, царство небесное, Корнеевой¹.

Помню, что был конфликт: Врагова очень активно торговалась за качество и размеры. Видимо, почувствовала, что людям нужно, и можно больше получить.

Представить себе, чтобы Ходорковский — про себя я не говорю, я ужасен, — но чтобы Ходорковский дал команду что-то выкидывать, я не могу.

Я думаю, что ничего не было из того, что она говорит. Но это легко проверить. Она наверняка получила, что хотела.

— Это да. Но об ограблении была заметка в «Коммерсанте».

¹ По версии следствия, Валентина Корнеева была убита за то, что не соглашалась продать «МЕНАТЕПу» помещение своего магазина «Чай». Заказчиком убийства суд признал Леонида Невзлина.

— Ну, может быть. Мне кажется, она бы сделала что угодно, лишь бы получить побольше. Я увидел-то ее в первый раз в качестве свидетеля обвинения¹ и по первому впечатлению в порядочности не обвинил бы. Но тогда я о ней практически ничего не знал. Знал только, что в доме, который освобождали под реконструкцию, живут люди — не она одна. Например, там был художник, который с удовольствием уехал в лучшую студию.

И еще один интересный факт из жизни госпожи Враговой. Оказывается, она является соучредителем «правозащитной организации» «Соппротивление». Вместе членом Совета Федерации и бывшим кандидатом в депутаты от «Единой России» Алексеем Александровым и Ольгой Костиной, в 2000 — 2002 гг. входившей в Консультативный совет при ФСБ РФ, а ныне советником главы ФСБ на общественных началах. Я еще не раз упомяну ее в этой книге.

Официально «Правозащитная организация» ставит своей целью защиту свидетелей и потерпевших.

«О. Костина — руководитель псевдоправозащитной организации «Соппротивление», созданной под эгидой Администрации Президента группой подписантов письма против М. Ходорковского», — утверждает на сайте «Антикомпромат».

Организация создана 15 декабря 2005 года. После и приговора Ходорковскому, и всех выступлений Враговой на тему ее квартиры.

«Это будет государственная организация, — сообщила корреспонденту «НГ» Светлана Врагова еще летом 2005 года. — Это не будет какой-нибудь Сорос, который хочет рассказать всему миру, что в России сплошная дискриминация»².

Старые правозащитники вроде Людмилы Алексеевой ньюправозащитников тоже не признают».

В 2011 году Караулов снял очередной фильм на тему «Убийцы из «ЮКОСа»». «Шедевр» назывался «Ходорковский. Тру(б)пы» и состоял из отрывков прежних фильмов того же Караулова на ту же тему. Заново была изложена и история квартиры госпожи Враговой.

¹ Врагова не была официальным свидетелем обвинения, то есть не выступала в суде, поскольку эпизод с ее квартирой никому из юкосовцев никогда не вменялся. Но она давала многочисленные интервью в русле антиюкосовской пропаганды.

² «Независимая газета» от 20.07.05.

В этом бы не было ничего примечательного, если бы Михаил Борисович наконец не отреагировал сам и не изложил свою версию событий.

Я очень порадовалась тому, что она оказалась очень близка к моей.

Сначала он объяснил ситуацию в разговоре со своим адвокатом Еленой Лукьяновой, а она пересказала журналу «БизнесЭкономикаПрактика». По версии Ходорковского, дом, в котором располагалась квартира Враговой, был нежилым, и у нее был лишь договор аренды нежилого помещения, коим и исчерпывались все ее права на квартиру. Но все равно сотрудники «МЕНАТЕПа» нарушили закон — взломали дверь без представителей правоохранительных органов и были наказаны. Михаил Борисович велел им купить ей квартиру за счет их собственных бонусов.

Потом в письме к Марианне Максимовской добавил подробностей¹:

«В середине 90-х годов, когда я работал в Банке, наш сотрудник, отведывший за взаимодействие со структурами Правительства Москвы, сообщил мне о жалобе на самоуправство наших строительных подрядчиков.

Ситуация была для Банка крайне редкой и неприятной. В отличие от обычных жалоб и споров, речь шла об уголовном преступлении, в связи с чем я лично вызвал человека, осуществлявшего надзор за работами.

Он сообщил, что ордер, полученный от Правительства Москвы как собственника здания и переданный нами подрядчикам для начала работ, не содержал оговорки о наличии иных арендаторов, поэтому все помещения были вскрыты.

Назначенное мною внутреннее расследование, как мне помнится, установило, что на имя Светланы Александровны имелся временный ордер на «нежилое помещение для использования в качестве творческой мастерской до начала реконструкции». Каких-либо еще дополнительных ордеров юристы Банка в службах города не обнаружили, и ни о каких еще нарушениях чьих-либо прав речь не шла.

Вскрытие помещения было произведено с нарушением действовавших правил, т.е. без участия сотрудников милиции и без взятия под охрану имущества, которое, по утверждению собственника, представляло для него «высокую эмоциональную ценность».

¹ <http://www.khodorkovsky.ru/mbk/statements/16048.html>.

По результатам расследования я поручил извиниться перед Светланой Александровной и провести переговоры об урегулировании претензий. Было достигнуто соглашение о компенсации за незаконные действия подрядной организации (куплена квартира по выбору пострадавшей стороны). Виновные были наказаны материально. При последующей случайной встрече я извинился и получил подтверждение, что наши обязательства выполнены.

Из показанных Вами кадров того времени видно аварийное состояние объекта, по причине которого московское правительство приняло решение о его переводе в нежилой фонд и передаче Банку. Как вы помните, в 1995 году капремонт старых зданий не был «популярен».

Упомянутая охрана, вооруженная автоматическим оружием, была сотрудниками милиции. Отсутствие ее на объекте при вскрытии помещений стало, по мнению наших юристов, главной причиной допущенных нарушений.

Я не привык снимать с себя ответственность за свои действия или действия своих подчиненных, но достижение и исполнение соглашения о компенсации считаю цивилизованным выходом из подобных ситуаций».

В «Новой газете» от 10 июля 2008 года была опубликована статья о захвате УФСИНом общежития швейной фабрики «Смена». После разорения фабрики общежитие было передано в федеральную собственность, а затем упомянутому ведомству. Освобождая помещения для своих сотрудников, УФСИН безо всяких судебных решений выселил в никуда 25 семей. Во время захвата квартир ненужную новым хозяевам мебель выбрасывали из окон, например, детскую кроватку со второго этажа. Что получше — оставляли себе. А жильцов выселяли с матом, выбиванием дверей, слезоточивым газом и избиениями. И никто не извинился. И никто не купил им квартир не то что на Пречистенке, а даже в Ясенево.

УФСИН — это Управление Федеральной службы исполнения наказаний. То есть то самое ведомство, что пыталось в Чите «исправить» Ходорковского. Так, может, им местами поменяться?

Но это не все. В фильме Караулова «Тру(б)пы» образца 2011 года упоминается и сосед Светланы Враговой сверху.

Когда после выхода фильма Андрей Караулов давал интервью радио «Свобода», корреспондент поинтересовался у него,

почему так много историй Враговой и никаких фактов об убийстве Кончатова?

«Потому что я не могу найти его маму, — объяснил Кураулов. — Помогите мне. Вот милиция не смогла мне помочь. Может быть, вы мне поможете? А другие жильцы этого подъезда? Ни одной домово́й книги не осталось. Все уничтожено»¹.

Караулов расспрашивал о Кончатове и в апрельском интервью 2005 года, но Врагова так и не подтвердила факт убийства.

«А вот парень с верхнего этажа когда был расстрелян?» — спрашивает Караулов.

«Он прибежал ко мне в театр: «Ты ничего не боишься? Ты ничего не боишься?». У него глаза бегали», — вспоминает Врагова.

И уголовного дела не было, потому что замяли.

«И об убийстве не было?» — спрашивает ведущий.

Врагова мнется: «А это я не знаю, это убийство как бы... Никто не знает, что это было. Но в то время так и было... Я вот могла бы пропасть вдруг вот в этом банке, я могла просто исчезнуть, и все — и меня нет. И все».

То есть она вообще не знает, было ли убийство, но время было такое, что вполне могло быть, потому как «лихие девяностые».

Вообще, актеры — люди с фантазией...

Зато Караулов в 2006-м на «Эхе Москвы» конкретизирует обвинение: оказывается, что ее сосед был убит в тот же вечер, когда ограбили ее квартиру.

И здесь он чуть-чуть ошибается. Ну, совсем чуть-чуть...

На девять месяцев.

До 2011 года это убийство нигде так и не всплыло, кроме компроматных статей и книги Владимира Перекреста. И ни одному из фигурантов дела «ЮКОСа» так и не было предъявлено обвинение по этому эпизоду.

Я добыла электронный адрес госпожи Враговой и написала ей вполне куртуазное письмо с просьбой рассказать мне, какая же версия событий верна и что было на самом деле.

Ответа я не получила.

А эта история и дальше развивалась по законам мифа. Дело в том, что подробности реальных событий забываются с течением времени. И постепенно забывается и само событие. Этот эффект пытался использовать автор «Новой хронологии» Анато-

¹<http://www.svobodanews.ru/content/article/2340552.html>.

лий Фоменко, основывая на нем свои датировки исторических событий. Чем реже упоминается тот или иной факт, тем дальше от него во времени. Его датировки неверны в частности потому, что он не учел склонность человечества к мифологизации. А мифы и сказки подробностями только обрастают.

И вот, в 2008-м, в книге Владимира Перекреста, спустя 14 лет после событий, в этой истории появляются новые подробности. Квартира в Ясенево, оказывается, была однокомнатной, мужу Враговой предлагают переезжать чуть ли не матом, жильцы организуют «комитет защиты от «МЕНАТЕПа»»¹, и во время приезда актрисы двор уже полон «бритоголовых автоматчиков в камуфляже», которые сваливают ограбление на неких «бандитов», а себе приписывают функции защитников от дальнейших покушений на имущество жильцов. Дом, кстати, оцеплен. Более того, милиция советует не связываться с «МЕНАТЕПом», но Светлана Александровна названивает самому Ходорковскому. Ее не соединяют.

А Кончатов оказывается хозяином двух фирм «Раритет» и «Экос», подавшим на «МЕНАТЕП» в суд. И его убивают на следующий день после разговора с Враговой «прямо у дверей его квартиры в Люберцах». Причем вдова убеждена, что это дело рук «МЕНАТЕПа», но убийц так и не находят.

К сожалению ни имени вдовы, ни источников информации господин Перекрест не раскрывает.

Зато рассказывает, что потом убили еще одного жильца по имени Ашот, и об этом якобы была заметка в «Московском комсомольце».

Причем фамилию Ашота автор не называет, а конкретный номер «МК» не указывает.

В довершение всего таинственный Александр Сергеевич оказывается «высокопоставленным офицером Службы внешней разведки» (а может, его звали «Владимир Владимирович»?) — единственной кристально чистой организации, не связанной со зловерным «МЕНАТЕПом».

Вернитесь назад, уважаемый читатель, и освежите в памяти первую версию. Для сравнения.

Воистину, тайное рано или поздно становится явным.

В 2011-м после демонстрации фильма Караулова выяснилось, что Александр Степанович Кончатов действительно был убит.

¹ Этот комитет уже упоминается в цикле статей Перекреста в «Известиях» от 18.05.06, и там утверждается, что он был распущен после убийства одного из активистов. Интересно, Кончатова или Ашота?

Честь этого открытия принадлежит не мне, а блогеру *velta_1*¹. Собственно *velta_1* обнаружила в газете «Коммерсант» статью, посвященную убийству Александра Кончатова. Вот эту².

На дату обратили внимание, уважаемый читатель? Поняли, почему ни Владимир Перекрест, ни Андрей Караулов не ссылаются на эту статью?

Да, именно так. Александр Кончатов был убит в конце сентября 1994-го за девять месяцев до неприятностей с квартирой Светланы Александровны, кои случились в году 1995-м.

Блогер *velta_1*, естественно, тут же посочувствовала госпоже Враговой. Как тут не перепугаться, когда является призрак соседа, убитого в прошлом году?

А в статье говорится следующее:

«Вчера прокуратура подмосковного города Люберцы возбудила уголовное дело по факту убийства коммерческого директора общества инвалидов московского территориального управления «Таганское» Александра Кончатова. Накануне неизвестные из пистолетов ТТ расстреляли г-на Кончатова возле подъезда его дома. Задержать убийц пока не удалось.

Как рассказали корреспонденту Ъ в ГУВД Московской области, около 10.00 вышедший из своего дома на Комсомольской улице Александр Кончатов был расстрелян с близкого расстояния двумя неизвестными из пистолетов ТТ. Когда на место происшествия подъехали милиционеры, г-н Кончатов был мертв. Рядом с ним валялись 12 стреляных гильз калибра 7,62 мм и четыре пули от ТТ.

Судмедэксперт заключил, что смерть коммерческого директора наступила от девяти огнестрельных ранений в голову и грудь. Сотрудники милиции заявили корреспонденту Ъ, что убийство было явно заказным, однако сообщить что-либо определенное о его мотивах не смогли.

Представители руководства общества инвалидов московского территориального управления «Таганское» сообщили, что убийство коммерческого директора, вероятно, связано с его прежним бизнесом. До недавнего времени он возглавлял одну из московских строительных фирм. У этой фирмы произошел конфликт с люберецкими бандитами, потребовавшими передать им арендованное Александром Кончатовым под офис здание в Люберцах. Представители общества инвалидов также рас-

¹ <http://velta-1.livejournal.com/59943.html>.

² Газета «Коммерсантъ», № 186 (654), 01.10.1994.

сказали, что в феврале неизвестные жестоко избили г-на Кончатова, и он в течение месяца лежал в больнице, а после этого «долгое время скрывался от неких преступников, преследовавших его». По их словам, Александр Кончатов намеревался создать сеть предприятий, в которых бы работали таганские инвалиды, и даже учредить банк».

То есть конфликт был с Люберецкими бандитами и тянулся еще с февраля того же 1994 года, когда «МЕНАТЕП» еще и не думал ремонтировать здание в Колпачном переулке. В аренду АО «Покровка» его передали в марте, а права на аренду «МЕНАТЕПу» «Покровка» передала и вовсе в мае.

А к Враговой, думаю, господин Кончатов действительно прибегал. Еще живым, тогда же, в 1994-м, когда прятался от Люберецкой ОПГ.

Просто Светлана Александровна перепутала год.

Но блогер velta_1 на этом не успокоилась и продолжила расследование:

«Некий оппонент предложил вариант, что в Люберцах в течение года однотипно грохнули двух Александров Кончатовых. Тем более, что отчество «коммерсантовского» — неизвестно. Отчество «карауловского» — Степанович.

Ну, я себе думаю — а вдруг? Там, типа, маньяк на кончатовых завелся? А потом меня за клевету притянут...

Ну, взяла я в яндексе телефонный справочник. Набрала Кончатов Александр. Книга отвечает — извините, нет таких. Тогда я Александра убрала, и оставила Кончатова. Любого. И, представьте, нашелся! И звать его — Степан Михайлович! И живет он по сей день в Люберцах, на улице... догадитесь с трех раз, какой? Правильно, на Комсомольской!

Там еще дом, квартира, и телефон. Которые Караулову в его безуспешных поисках матери Кончатова даже в милиции сообщить не могли, а в Яндексе поискать он не догадался!

Правда, матери там нет. Ее нет ни по фамилии, ни по указанному адресу. Может быть, нет в живых. Но что искать-то было? У отца спросить не мог?»

Расследование этого детектива, начатое velta_1, подолжил другой блогер — quznez¹. Он залез в базу ГИБДД, где обнаружил, что Кончатов Александр Степанович, прописанный по адресу МО, Люберецкий район, г. Люберцы, ул. Комсомольская, д. 15, кв. 54, незадолго до смерти 10 сентября 1994-го купил поддер-

¹ <http://avmalgin.livejournal.com/2378586.html?thread=65984602#t65984602http>.

жанный «Мерседес» 1988 года выпуска, который, собственно, и зарегистрировал.

Так что тот самый Кончатов. Сын Степана Михайловича. Все совпадает. Люберцы. Улица Комсомольская.

«ЮКОС»

«Приватизация «ЮКОСа» могла дать нам большой challenge, большую перспективу, но Михаил Борисович считал, что государство не пойдет на приватизацию нефтяных компаний, по крайней мере, в ближайшее время, — объясняет мне Леонид Невзлин. — До этого прошла только ваучерная приватизация и потом инвестиционные конкурсы для небольших предприятий, чем мы усиленно занимались».

Ситуация изменилась в марте 1995-го. Именно тогда президент ОНЭКСИМ-банка Владимир Потанин от имени консорциума коммерческих банков предложил правительству кредиты под залог акций крупнейших госпредприятий, и 31 августа Ельцин подписал соответствующий указ.

В ноябре-декабре пакеты акций 29 предприятий были выставлены на залоговые аукционы.

С залоговыми аукционами связан целый корпус мифов.

Правда же то, что их целью было не получение кредитов правительством, а очередной этап приватизации. Кредиты никто не собирался отдавать.

Правда и то, что этот этап приватизации был по сути раздачей борзых щенков в хорошие руки. Организатором каждого аукциона по поручению Госкомимущества выступал один из банков-участников, и по странному совпадению именно он и оказывался победителем, найдя предлог для того, чтобы снять с конкурса наиболее опасного конкурента.

Большую часть аукционов проводил «ОНЭКСИМ-банк», и на его же счетах хранились деньги участников, перечисляемые в качестве задатка.

Например, на залоговом аукционе по акциям одной из крупнейших нефтяных компаний «Сиданко» не была зарегистрирована заявка банка «Российский кредит», якобы за то, что он опоздал с переводом задатка на 23 минуты. А перевод был на счет в том же «ОНЭКСИМ-банке», который и принимал заявки, и одновременно был участником и претендовал на «Сиданко».

Но правда и то, что на некоторые предприятия вообще не было заявок. Например, по этой причине были сняты с аукциона акции Туапсинского морского торгового порта и АО «Кировлеспром».

Кредиты, которые банки давали государству в обмен на контроль над предприятиями, действительно были малы по сравнению со стоимостью их имущества, но банкам было архитрудно собрать и эти деньги. А долги предприятий, в частности перед бюджетом, десятикратно превышали залоговые суммы аукционов. Государство отдавало по дешевке акции предприятий, которыми все равно не могло эффективно управлять, но одновременно избавлялось и от долгов, перекладывая их на будущих владельцев.

К тому же текущая рыночная стоимость акций, по данным «Коммерсанта», зачастую очень ненамного превышала сумму кредита, а то и была ниже нее, как в случае «Челябинского металлургического комбината».

Наиболее разительное отличие было в случае «Лукойла», где рыночная стоимость акций превышала кредит более чем в пять раз. Но аукцион выиграл сам «Лукойл» и банк «Империал», близкий к «Газпрому». Заявки на аукцион принимал, само собой, банк «Империал».

Один из распространенных мифов заключается в том, что банки давали кредиты государству теми же деньгами, которое государство держало на их счетах. Это правда только отчасти. Да, в аукционах участвовали в основном уполномоченные банки, с которыми работало правительство и действительно держало деньги на счетах в этих банках. Но с этих счетов деньги не снимались, в том смысле, что обязательства перед государством никуда не девались.

Всякий банк, где мы держим деньги, естественно, их крутит и вкладывает в различные проекты, но это не освобождает его от обязанности вернуть наш вклад по первому требованию.

Например, представьте себе, что на вашем счету в банке лежит 100 тысяч долларов. И вы взяли кредит в банке еще на 100 тысяч долларов под залог, скажем, дачи. Отдавать кредит вы не собираетесь, платить по нему проценты — тоже. И где-то через год, в зависимости от вашего с банком договора, дача переходит в собственность банка, а у вас остаются сто тысяч плюс право снять со счета еще сто тысяч, даже если банк давал вам кредит вашими же 100 тысячами. Все деньги одинаковы.

Но вернемся к приватизации «ЮКОСа».

Аукцион состоялся 8 декабря 1995-го. Но еще в ноябре в банковской среде начался скандал, столь громкий, что «Коммерсант» назвал его «войной банков».

Одновременно с аукционом должен был состояться инвестиционный конкурс, на который выставили 33% акций, и 45% — на залоговый аукцион. Оба проекта как представитель Госкомимущества курировал, как вы думаете, кто? Правильно. Банк «МЕНАТЕП». Именно он и был основным претендентом на «ЮКОС».

Активы ЮКОСа на 1 июля 95-го года составляли 250 миллиардов рублей. А долг — 8 триллионов рублей (чуть меньше 2 миллиардов долларов)¹, в том числе 1,2 триллиона — госбюджету.

«Долг был огромный, — вспоминает Леонид Невзлин. — Я человек не цифровой и не помню количественных, но помню качественные показатели. Я помню, что в 1997 — 1998-м годах основная проблема была не в том, что есть этот долг, а в том, что его нечем отдавать. Цена нефти была в районе 7-8 долларов за баррель, и с этой нефти нельзя было рассчитаться ни с бюджетом, ни с государством, ни с работниками, и постоянно приходилось моделировать приоритеты: где-то отсрочить, где-то платить. Это был ужасно тяжелый период реструктуризации, пролонгации.

«ЮКОС», конечно, как промышленная компания абсолютно перекраивал ситуацию для нас. А потом Ходорковский впрягся в занятия «ЮКОСом», и вместе с залоговыми аукционами все это прошло. Не гладко, со скандалами, с врагами и так далее. И он как человек экономический и юридический просчитал, что эти долги отдаваемы. Естественно, если нефть не будет сильно падать или не останется на долгое время на семи долларах за баррель.

Против нас тогда работала не только цена на нефть, но и антиинфляционная политика, тогда рубль еще держали. Из-за искусственно сильного рубля были издержки развития производства, экспорт был неэкономичен, не выгоден, а продажа нефтепродуктов внутри страны — тем более».

Но все равно компания была очень перспективной и обладала наиболее крупными в России запасами углеводородного сырья² — свыше 2 миллиардов тонн. И потому на нее нашлись и другие претенденты.

¹ По другим оценкам, долг «ЮКОСа» составлял около 3,5 миллиардов долларов.

² О том, что такое «углеводородное сырье» и чем оно отличается от нефти, мы поговорим в главе «Миф о скважинной жидкости».

Точнее, было две группы претендентов. «МЕНАТЕП» тоже был не одинок и выступал в союзе с еще несколькими банками помельче. А против них играли «Инкомбанк», «Альфа-банк» и банк «Российский кредит».

Последние обратили внимание на типичный конфликт интересов на залоговом аукционе по «ЮКОСу», то есть тот факт, что «МЕНАТЕП» и организует аукцион, и является его участником, забыв, что на остальных аукционах участники и организаторы другие, но ситуация ровно такая же.

«МЕНАТЕП» обвинил конкурентов в том, что они собираются перепродать акции иностранцам. Тройственный союз банков не остался в долгу и в специальном заявлении обвинил «МЕНАТЕП» в неисполнении инвестиционных обязательств по приватизационным сделкам и в том, что он набрал обязательств на 1,1 миллиард долларов, что в десять раз превышает его уставной капитал. В ответ Ходорковский подал иск в арбитраж о защите деловой репутации и компенсации морального вреда.

«Три банка, подписавшие заявление, утверждают, что денег для выполнения взятых обязательств у «МЕНАТЕПа» нет, — писал журнал «Деньги». — А есть ли они у самих членов «тройки»? Судя по имеющимся у нас балансам, нет»¹.

Еще одним обвинением «МЕНАТЕПу» было использование для приватизации средств Минфина.

На это отвечал уже Минфин: «Банку «МЕНАТЕП» средства федерального бюджета ни в текущем, ни в прошлом году не выделялись. Напротив, банк «МЕНАТЕП» предоставляет краткосрочные кредиты правительству РФ»².

И Михаил Ходорковский: «Я был в шоке, когда ознакомился с письмом «Альфа-банка», «Инкомбанка» и «Российского Кредита». До сих пор мы были уверены, что идем с коллегами-банкирами по одной дороге в одном направлении. Но вышеупомянутое письмо противоречит не только общепринятым нормам общения между бизнесменами, но и основам человеческой морали»³.

И дал эксклюзивное интервью «Коммерсанту»⁴, где упрекнул тройственный союз банков в нарушении предварительных договоренностей. Поделили же все: «МЕНАТЕПу» — «ЮКОС», и за это «МЕНАТЕП» продает «Инкомбанку» пакет акций АО «Бабаев-

¹ Журнал «Деньги» № 47(57) от 29.11.1995.

² Газета «Коммерсантъ», № 222 (940), 30.11.1995.

³ Журнал «Деньги» № 47(57) от 29.11.1995.

⁴ Газета «Коммерсантъ», № 223 (941), 01.12.1995.

ское». А тут такой скандал. И АО «Бабаевское» выступает на аукционе представителем конкурирующей тройки банков.

Словно в ответ на интервью, 29 ноября «Инкомбанк», «Альфа-банк» и «Российский кредит» пригрозили распродать все имеющиеся у них ГКО, чем обрушить рынок.

Центробанк ответил, что банки преувеличивают степень своего влияния на финансовые рынки, и пригрозил прекратить выдавать им рекомендательные письма для открытия филиалов за границей.

А «ЮКОС» и «МЕНАТЕП» уже устраивали совместные пресс-конференции. Первый вице-президент компании Виктор Иваненко заявил, что банк и «ЮКОС» давно присматриваются друг к другу и уже участвовали в совместных проектах, хотя, говорят, в кулуарах высказался куда более откровенно: «Если изнашивание неизбежно, лучше расслабиться и попробовать получить удовольствие»¹.

Еще один животрепещущий вопрос: на какой счет будет переводиться задаток для участия в инвестиционном конкурсе. Да, на счет Минфина. Но в каком банке будет открыт этот счет? Что, если в банке-кредиторе, как в случае с «ОНЭКСИМ-банком» Потанина?

Но то ли Ходорковский не был столь близок к власти, как Потанин, то ли скандал сыграл свою роль, но на этот раз это было неправдой. Деньги перечислялись на счет, открытый в ОПЕРУ Центробанка.

Зато «МЕНАТЕП» сумел договориться с государством о том, чтобы они после аукциона были перечислены «ЮКОСу», то есть «МЕНАТЕПу».

В «Узнике тишины» Панюшкина изложена красивая легенда: «Это был закрытый аукцион, то есть свое коммерческое предложение банки должны были запечатать в конверт, а на аукционе конверты вскрывали, и компанию получал тот, чье предложение окажется больше. Говорят, будто из «Инкомбанка» звонили девушке-клерку, готовившей предложение Банка «МЕНАТЕП», и сулили 100 тысяч долларов, если девушка раскроет предлагаемую «МЕНАТЕПом» сумму.

Говорят, девушка эта пожаловалась совладельцу «МЕНАТЕПа» Владимиру Дубову, и Дубов посулил 50 тысяч долларов, чтобы, сообщая конкуренту сумму, девушка-клерк сократила один ноль.

¹ Газета «Коммерсант» № 208 (926) от 10.11.1995.

Может быть, это легенда, но говорят еще, будто когда владелец «МЕНАТЕПа» Ходорковский выиграл на аукционе, владелец «Инкомбанка» Виноградов швырнул в стену стакан».

На самом деле все было проще и прозаичнее.

«Тройка» банков просила отложить аукцион. Видимо, настоящей причиной скандала было то, что «Альфа-банк», «Российский кредит» и «Инкомбанк» не смогли собрать требуемую сумму задатка в 350 миллионов долларов. К началу аукциона они перечислили на счета Минфина только 82 миллиона, остальное попытавшись внести ГКО. Но аукционная комиссия это платежом не признала, и «тройственный союз» сняли с аукциона.

После этого на «ЮКОС» претендовали только две фирмы: АОЗТ «Реагент» и АОЗТ «Лагуна», обе представлявшие «МЕНАТЕП», — и имя победителя уже ни у кого не вызывало сомнения. «МЕНАТЕП» вышел победителем в соревновании с самой собой», — констатировал «Коммерсант». Победила «Лагуна». В результате залогового аукциона и инвестиционного конкурса группа «МЕНАТЕП» стала владельцем 78% акций компании.

Под залог акций «ЮКОСа» государству был выдан кредит в 159 миллионов долларов. Мало? Да. Но дороже был только «Норильский никель», который обошелся «ОНЭКСИМ-банку» Потанина в 170 миллионов.

По словам президента НК «ЮКОС» Сергея Муравленко¹, Ходорковский пришел к нему и попросил выделить отдельный кабинет для ознакомления с делами компании. Но «МЕНАТЕП» еще не был полноправным собственником, 45% акций были официально в залоге у банка, и теоретически государство могло их выкупить до 1 сентября 1996-го. Впрочем, никто в это не верил.

А 25 декабря того же 1995-го прошло собрание акционеров «ЮКОСа», принявшее с подачи новых владельцев изменения в устав: контрольный пакет компании запретили продавать иностранцам в течение 10 лет.

В декабре же журнал «Власть» разразился длинной статьей о переходе России на южнокорейский путь развития, где промышленные группы активно патронирует государство, и сравнил новорожденные промышленные империи с южнокорейскими концернами «чеболи». В Южной Корее «национальный бизнес был лишен какой-либо самостоятельности при выборе пути развития: компаниям, отобранным государством на рубеже 50—

¹ Обвинительное заключение по второму делу Ходорковского и Лебедева, т. 14.

60-х годов, в приказном порядке поручалось диверсифицировать свою деятельность. Отказавшихся судили за разворовывание американской помощи (чем гршило большинство). Именно таким решением парфюмерной фабрики Lucky Goldstar было поручено заняться производством пластмасс, затем радиоприемников, что в конечном счете и предопределило выход компании на рынок бытовой электроники»¹.

И у нас государство разводит банки по сферам деловой активности: кому нефть, а кому никель. Пессимизм уходит в прошлое, и руководства страны уверено в будущем экономическом подъеме. И Чубайс заявил о том, что 10-процентного роста ВВП страна достигнет в 1997 — 1998 годах.

Забавно иногда читать старые журналы. Южнокорейский путь! А китайского не хотите? Откуда было знать умному и эрудированному автору «Власти», что спустя 10 лет за то, чем гршили все, будут судить вовсе не по причине экономической неговорчивости, а совсем по другой?..

Пройдет более 13 лет. «Лихие девяностые» сменят лживые двухтысячные. Наступит 2009-й. Генпрокуратура утвердит обвинительно заключение по второму делу Ходорковского и Лебедева и передаст дело в суд.

В 14 томах обвинительного заключения найдется место и для залоговых аукционов, хотя обвинение по ним так и не будет предъявлено.

«Также 8 декабря 1995 г. на залоговом аукционе на право заключения договора кредита под залог 45% акций ОАО НК «ЮКОС» в количестве 2.982.654 шт. Ходорковский и Лебедев, используя для прикрытия ЗАО «Лагуна», фактически получили в свое распоряжение и указанный пакет акций», — гласит обвинительное заключение².

Ничего не скажешь! Здорово прикрывались! Так, что «Коммерсант» обсуждал событие в течение месяца. Так, что Ходорковский лично отвечал на претензии в интервью «Коммерсанту». Так, что тройственный союз конкурирующих банков скандалил месяца полтора, а потом полгода судился в арбитраже (и дело проиграл). И претензии почему-то предъявлялись «МЕНАТЕПу», а не «Лагуне».

Отличное прикрытие! Высший класс!

¹ «Коммерсантъ» («Власть»), № 46 (157), 12.12.1995.

² Обвинительное заключение по второму делу Ходорковского и Лебедева, т. 1.

И ни слова о том, что по законам того времени банкам вообще запрещалось участвовать в инвестиционных конкурсах, и потому у всех было какое-нибудь АОЗТ «для прикрытия», которое они кредитовали.

И ни слова о том, что «Лагуну» кроме «МЕНАТЕПа» кредитовали еще два банка: «Токобанк» и «Столичный банк сбережений».

И ни слова о том, что за «полученный в распоряжение» пакет акций государству была заплачена кругленькая сумма.

Обвинение в хищении акций «ЮКОСа» ни Ходорковскому, ни Лебедеву ни предъявлено, то есть рассуждение о «Лагуне»-прикрытии является по сути беллетристической (ну, или пропагандой).

Почему, интересно, не предъявлено? Не думаю, что причиной является то, что все залоговые аукционы проходили одинаково, и по логике вещей тогда обвинение пришлось бы предъявлять и, например, Потанину.

Логика здесь не работает. Предъявили же обвинения по приватизационным сделкам только менатеповцам. И ничего. И посадили. Хотя приватизация тоже проходила одинаково.

Не думаю, что причина в том, что кончился срок давности. Ну, присовокупили бы отмывание тех же акций. В период составления обвинительного заключения срок давности по этой статье был 15 лет¹. Особо тяжкое преступление, вроде убийства.

И уж конечно, ни при чем тот факт, что Ходорковский невинен, то есть действовал в рамках законов того времени. Вы о чем? Кого это вообще интересует?

Думаю, дело в том, что по предъявленным по второму делу статьям и так можно было посадить на 20 с лишним лет (по медведевским законам — на 15). То есть цель и так достигнута. Ну, пройдет 15 лет — еще что-нибудь придумают.

И еще один миф о залоговых аукционах. Он заключается в том, что собственность будущим олигархам была роздана Ельциным в обмен на поддержку на выборах в июне 1996-го.

Эта версия мне кажется малоубедительной. И до залоговых аукционов эти люди были достаточно богаты для того, чтобы приход к власти коммунистов стал для них катастрофой. Они могли потерять все. В результате национализации, возвращения советских порядков, запрета предпринимательства.

Их кандидатом был Ельцин, и только он.

¹ Сейчас 10 лет. При Медведеве законы были слегка смягчены.

В апреле 1996-го было опубликовано обращение тринадцати крупнейших предпринимателей под названием «Выйти из тупика!». Основные авторы: Владимир Гусинский и Борис Березовский. Вместе с другими подписал его и Михаил Борисович.

Год спустя сам Борис Абрамович рассказал историю письма в интервью газете «Коммерсант»¹.

Все началось в Давосе еще в феврале 1996-го. Выступал Зюганов, и западные бизнесмены слушали его как почти состоявшегося президента, всю его коммунистическую пропаганду вполне в духе Совка, и спрашивали о гарантиях инвестиций, проектов и контрактов. Они уже смирились с возвращением России в тоталитарное прошлое. Они все забыли и ничему не научились. Им уже все равно. Главное — инвестиции. Они-то знают, что рейтинг Ельцина не превышает нескольких процентов.

И вот Березовский возвращается в свой номер и, забыв былую вражду, звонит Гусинскому. Владимир Александрович тут же соглашается встретиться. «Это был тот самый момент, когда жесткая конкуренция, разделявшая нас, отошла на второй план перед той опасностью, которая, безусловно, нас спланивала», — вспоминал Борис Абрамович.

Кроме Гусинского, он переговорил с главой «Инкомбанка» Виноградовым, Явлинским, Лужковым, Чубайсом и Михаилом Ходорковским.

Уже в Москве к альянсу присоединились Смоленский и Потанин.

В марте состоялась встреча с Ельциным Березовского, Виноградова, Гусинского, Потанина, Смоленского, Ходорковского и Чубайса. Ему говорили в глаза о его низком рейтинге, силе оппозиции и тяжести положения. Он был уверен в себе, говорил, что рейтинги занижены, но слушал.

На следующий день Борис Николаевич создал предвыборный штаб во главе с самим собой. Аналитическую группу возглавил Чубайс. Помощь визитеров была принята.

Потом СМИ окрестит участников «семибанкирщиной».

А в апреле появилось «Письмо тринадцати». То самое «Выйти из тупика!»

«Общество расколото, — гласит письмо. — Этот раскол катастрофически нарастает с каждым днем. И трещина, разделяющая нас на красных и белых, своих и чужих, проходит через сердце России».

¹ Газета «Коммерсантъ», № 90 (1272), 17.06.1997.

И кто бы ни победил на выборах, он получит «мандат на реализацию правил жизни, категорически отвергаемых огромной частью общества».

А остальные останутся за бортом.

И будет гражданская война.

А потому нужен политический компромисс, поскольку «ни одна из сил не имеет права навязывать насильственно свою правду всему обществу».

Теперь многие либералы воспринимают это письмо как попытку договориться с коммунистами. Но тогда основным упреком авторам было то, что путь выхода из тупика ими так и не показан. Зато в письме звучит страх перед коммунистическим реваншем, апология политики реформ, которые наконец-то начали давать «определенные, хотя и слабо ощутимые результаты» и призыв к коммунистам не настаивать на «отказе общества от мучительных достижений последнего десятилетия».

Неужели они думали, что коммунисты к ним прислушаются?

«По информации, полученной из компетентного источника (пожелавшего остаться инкогнито), причиной обращения стала элементарная боязнь прихода коммунистов к власти, — писал журнал «Деньги». — Из текста обращения ясно, что существует один человек, который сможет выполнить все предлагаемые условия, — Ельцин»¹.

— Поддержка Ельцину была оказана в форме материальной, — вспоминает Леонид Невзлин. — Никакого совместного решения не было, только собирались подписанты, когда готовили письмо, и потом его подписали и опубликовали.

И было принято решение, что люди могут быть делегированы в соответствующий штаб вместе с Чубайсом, если кто хотел. От нас никто делегирован, например, не был. А дальше штаб делал нарезку. В смысле материальную, кто за что, и в основном это были материальные лимиты, и дальше спускались счета или чеки по договорам. Сбрасывались в рамках лимита, а там дальше уже надо было смотреть, как правильно и законно это провести. Размер лимитов не помню.

— Но это и не столь важно. То есть финансировалась пропагандистская предвыборная кампания Ельцина?

— В основном, да. Можно было участвовать интеллектуально, если бы попросили, или кому-то было кого послать. Но скорее мы координировались, соотносились, получали информа-

¹ Журнал «Коммерсантъ Деньги», № 16 (76), 15.05.1996.

цию и давали информацию, узнавали, где надо помочь. Ведь у каждого из нас было влияние в своих регионах. Я имею в виду регионы бизнеса, зоны, где мы имели определяющие предприятия: «ЮКОС», например, нефть.

— То есть позиция была совершенно проельцинская?

— Да.

Я помню, как в июне 1996-го мы с друзьями пожимали друг другу руки, поздравляя с победой Ельцина. У нас не было ни заводов, ни газет, ни пароходов. Мы жили в совковых панельках и ходили пешком. Мы были бедны. Но у нас была свобода. Мы могли говорить правду, писать, что хотим, и читать те книги, которые нам нравятся.

И у нас было чувство собственного достоинства. Нам не лгали по всем телеканалам. С нашим мнением считались. И не надо было драться за колбасу и шмотки в бесконечных советских очередях.

Мы были граждане.

И этого было достаточно, чтобы пожимать друг другу руки.

Пройдет время, и в открытом письме из тюрьмы «Кризис либерализма в России» Ходорковский начнет каяться в поддержке «нечестных» выборов 1996-го: «Мне ли, одному из крупных спонсоров президентской кампании 1996 г., не помнить, какие поистине чудовищные усилия потребовались, чтобы заставить российский народ «выбрать сердцем»?!»

«Избирательная кампания 1996 года радикально отличалась от кампании 1999-го, — пишу ему я. — Да, был тенденциозный подбор фактов, были элементы черного пиара, но я не помню явной лжи. А вот про господина Примакова, который трижды покушался на Шеварднадзе, на всю жизнь запомнила — это да! Это уже из области туннелей от Бомбея до Лондона.

Меня тогда настолько достали, что я даже проголосовала за обливаемое грязью «Отечество» вместо традиционных «Яблока» или «СПС».

Покаяние — дело хорошее, но не всегда уместное. Если он финансировал ту избирательную кампанию — мой долг сказать ему спасибо за три лишних года нашей свободы.

И не его вина, что свободы в России всегда только глоток.

«Семибанкирщина» процарствует недолго. Осенью 1997-го Ельцин поставит их на место: государственная власть есть государственная власть, а банки есть банки, и смешивать их непро-

дуктивно. И на встречу 15 сентября соберет в приказном тоне, «как в армии». И даст понять, что не позволит «приватизировать государство».

Но банкиры не особенно расстроятся. Ельцин скажет главное: «Правительство будет придерживаться жестких, но понятных для всех правил, связанных с финансово-экономическими отношениями между государством и субъектами экономики». И заверит, что «нажитое банками не будет подвергаться пересмотру».

«С олигархами было всегда плохо», — сказал мне Леонид Невзлин в одном из интервью. И был прав. В России деньги никогда не были источником власти. Это власть была источником денег. И назвать олигархатом «семибанкирщину» можно только с большой натяжкой.

Ельцин пришел в себя после операции на сердце и вернул себе власть, по сути, автократическую, почти царскую. Но это был наш либеральный государь. СМИ были свободны, НТВ продолжало работать, не фабриковались уголовные дела против политических противников, суды были куда более независимы, чем сейчас, и мы еще избирали губернаторов.

БАНКИР В БОЛОТНЫХ САПОГАХ

Государство так и не вернуло кредиты банкирам, и в сентябре 1996-го акции НК «ЮКОС», которые были в залоге у «МЕНАТЕПа», перешли в собственность банка.

В конце 1996-го было объявлено об объединении «ЮКОСа» и «Роспрома», причем глава «ЮКОСа» Сергей Муравленко перешел на работу в «Роспром», а Михаил Ходорковский уже возглавлял совет директоров «ЮКОСа».

Двадцатого февраля 1997-го «Роспром» стал управляющей компанией «ЮКОСа», о чем был заключен договор; со стороны «ЮКОСа» его подписал Ходорковский, а от имени «Роспрома» — Муравленко.

«...обнадеживает уже то, что поглощение промышленного капитала банковским не сопровождается в данном случае скандалами, ставшими уже привычными во взаимоотношениях между производственниками и желающими их контролировать финансистами», — писал «Коммерсант»¹. Но иначе и быть не могло,

¹ Газета «Коммерсантъ», № 15 (1197), 20.02.1997.

ведь «группа «МЕНАТЕП» контролирует около 80% акций «ЮКОСа», и уже это одно обеспечивает полный консенсус»¹.

Спустя двенадцать лет в обвинительном заключении по второму делу Ходорковского и Лебедева этот факт будет полностью переосмыслен, а договор о внешнем управлении объявлен противоправным, поскольку ставил «ЮКОС» в зависимое положение от «группы основных его акционеров, которыми к этому времени стал и Ходорковский, и действующие совместно с ним члены организованной группы».

А зачем же тогда нужен контрольный пакет? Разве не для того, чтобы была возможность контролировать предприятие? Причем была именно у держателей контрольного пакета, то есть «основных акционеров».

Тогда же, в феврале, было создано объединенное правление «ЮКОСа» и «Роспрома».

Его возглавил Михаил Ходорковский.

15 апреля 1997-го он вылетел в Нефтеюганск — главный город компании «ЮКОС», чтобы на месте ознакомиться со всем процессом нефтедобычи и лично поработать на скважинах. И отработал по несколько смен и на бурении, и на добыче, и на производстве товарной нефти. Его облили нефтью, и на голову уронили тяжелый предмет — спасла каска. И, говорят, что любой работага мог покрыть его матом за нерасторопность и неумелость.

Летом 2010 года на втором суде над Ходорковским выступал депутат Госдумы Илья Пономарев, который долгое время работал в «ЮКОСе» и связанных с ним структурах.

«Когда он (Ходорковский. — *Н. Т.*) купил компанию, это был 1996 год или начало 1997, он некоторое количество времени анонимно работал в составе бригады КРС (капитальный ремонт скважин), как бы нанялся на работу для того, чтобы понять, что это такое, — вспоминал Пономарев в интервью после заседания. — Он был на месторождении, и руководителя этой бригады, когда Ходорковского приехали оттуда забирать с джипами, руководством объединения, его чуть кондратий не хватил, он ушел на неделю в запой, когда ему объяснили, что это и был наш владелец компании, которого он поставил на тяжелый участок с этой кувалдой пресловутой. КРС — очень тяжелая работа. Ну, ничего, кстати, тот потом пошел вверх по карьерной лестнице, так что это ему не повредило никак»².

¹ Там же.

² <http://khodorkovsky.ru/defense/witnesses/2010/07/19/13517>.

«Нефтеюганск ничем не отличался от десятков подобных городов, в которых я побывал за свою жизнь, — пишет мне Ходорковский. — Единственная особенность — стоит он на намывном грунте. Обстановка была обычная для того времени, тяжелая. Люди не получали зарплату по несколько месяцев. Приняли меня тяжело, как и всякого «варяга», да еще и не нефтяника, но опыта к тому времени уже хватало. За спиной несколько аналогичных проектов, пусть меньших масштабов, работа в Минтопэнерго... Справился.

Работа на буровой, как и еще на ряде объектов компании, — абсолютно необходимые для меня этапы «вхождения в обстановку». Конечно, никаких глупостей типа работы «инкогнито» я не делал. К тому времени я был уже достаточно известным человеком. Да и не надо это. Рабочие, если что-то и скрывают, то недолго. Через день-два совместной работы тебя уже никто не стесняется.

Из происшествий, пожалуй, только окатило нефтегазовой смесью из-за остаточного давления в «Спутнике» (замерном устройстве). Было очень похоже на картинку в журнале — «нефтяники, умытые нефтью».

До этого я достаточно поработал и в стройотрядах, и на химзаводах, так что ничего особо сложного не было. Хотя, конечно, своей специфики хватало. Собственно, ее мне и требовалось понять. Например, важность логистики (схемы и способы перемещения людей по объектам в течение смены)».

Алексей Петрович Кондауров был первым из топ-менеджеров «ЮКОСа», который дал мне интервью. В 1993-м в звании генерал-майора он уволился из КГБ и вскоре перешел на работу в «МЕНАТЕП», а потом — в «ЮКОС», где возглавил аналитический отдел службы внутренней безопасности. Позже был советником аппарата президента ОАО «ЮКОС Москва». А в 2003-м был избран в Государственную Думу.

Письмо ему я отправила еще 11 ноября 2007 года. Рассказала о том, что пишу книгу, дала ссылки на мою публикацию в «Новой газете» и выступление на «Эхе Москвы», попросила о сотрудничестве.

Ответа не было до конца декабря.

Утром 25 декабря у меня зазвонил мобильник.

— Это Наталья Точильникова?

— Да.

— С вами говорит помощник депутата Алексея Петровича Кондаурова Татьяна Марковна.

— О, как приятно! — сказала я.

— Алексей Петрович готов с вами встретиться после 20-го января.

— Хорошо, это меня тоже устраивает, я как раз сейчас дописываю предыдущий роман и вся в нем.

— Я вам позвоню после 20-го.

— Буду ждать.

Только положив трубку, я осознала, что не давала им номера сотового. А также, что он зарегистрирован на моего мужа, у которого другая фамилия.

«Наверное, посеяла на каком-нибудь сайте», — предположила я. Но все мои попытки найти собственный номер с помощью «Яндекса» успехом не увенчались.

Ситуации прояснил один из моих знакомых ЖЖ-френдов, утверждавший, что работал в ФСБ:

«В сети — не в сети, это без проблем, т. е. **ВООБЩЕ** без проблем, к этому давно надо относиться философски. И в девяностые можно было из определенных мест слушать любую вертушку, у меня как раз стоял шкаф, откуда можно было это делать. Сейчас все еще проще и прозрачнее. Захотят — Ваш мейл-ящик прочитают, так что бояться нечего. Философски просто надо».

Видимо, генерал-майор ФСБ в отставке господин Кондауров за четырнадцать лет работы в бизнесе и политике не утратил квалификации. Или у него квалифицированные помощники.

После двадцатого господин Кондауров уехал за границу кататься на лыжах и на мои вопросы отвечал письменно. Очно мы познакомились весной в кулуарах Мосгосуда, где проходил процесс по делу Леонида Невзлина. Я сразу узнала Алексея Петровича по фотографии из Интернета. И он узнал меня. Мы разговорились и обнаружили, что знаем детали биографий друг друга. Ну, конечно, я прочитала о нем все, что смогла найти в сети. И он не поленился. И я поняла, что общего между писателем и спецслужбистом: оба работают с информацией, хотя и по-разному, и для разных целей.

А потом с друзьями я иронизировала на тему, что, возможно, Кондауров знает меня еще с конца восьмидесятых, по «Демсоюзу», когда работал в пятом управлении КГБ, которое занималось диссидентами, и мы были по разные стороны баррикад.

Правда, сам Кондауров утверждает, что «сидел на контртерроре» и инакомыслящих не сажал.

«Ходорковский относится к тому типу руководителей, которые хотят знать и понимать всю технологическую цепочку функционирования компании как единого организма, поэтому он действительно надевал сапоги и ездил на скважины и даже работал на них, — пишет мне Кондауров. — Мне рассказывал один высокопоставленный менеджер компании, который не имел отношения ни к добыче, ни к разведке, как он с Ходорковским летал на Приобское месторождение: «Забросили на вертолете хрен знает куда. Болото, мошка, а МБХ прет вперед и, похоже, кайф от этого ловит». Ему действительно было по-настоящему ИНТЕРЕСНО, В КАЙФ.

Ходорковский при всей своей целеустремленности и прагматизме в глубине души, по-моему, оставался романтиком-олигархом, поэтому и необъяснимое с точки зрения обывательской психологии поведение: болотные сапоги, роковой доклад о коррупции на встрече с Путиным, отказ от бегства за рубеж и т.д.

Уверен, что даже у самого «разухабистого» работяги через пару минут после начала общения с Ходорковским пропадало всякое желание, если оно даже изначально было, разговаривать с ним матерно».

Вроде бы то, что босс бок о бок работал с ними, должно было понравиться рабочим, но мало кто поверил в искренность нового собственника: воспринимали либо как пиар, либо как попытку изучить общественное мнение, послушать, что говорят работяги.

К тому же Михаил Борисович допустил несколько «косяков»...

Что же увидел богатый москвич Ходорковский в сибирском моногороде Нефтеюганске?

Город со стотысячным населением стоит на острове между двух рукавов Оби. Местные жители называют его «малой землей», остальная Россия именуется «большой землей». Кругом болота. Зимой морозы до минус пятидесяти, и солнце встает в два, а садится в четыре. Летом — гнус и песок. Он в воздухе, в обуви, на дорогах, на земле и в легких. Чернозема здесь нет. Весь привозной. Зато белые ночи, и за короткое лето вызревает даже клубника. Но «до 15 июля еще не лето, а после 15 — уже не лето», — говорят нефтеюганцы.

Жить в таком климате больше десяти лет нельзя — начинаются необратимые изменения в организме.

Город начался с первого фонтана Усть-балыкского месторождения, которое открыли в 1961-м. Но официальным годом

его рождения считают 1967-й. В 1997-м городу исполнялось тридцать лет. Новый хозяин был старше города на четыре года.

Старая часть Нефтеюганска — «пятак» — выросла как раз вокруг первых скважин. Там до 2008 года стояли первые домики нефтяников — «балки» (ударение на последнем слове), построенные из двух слоев вагонки, обшитых снаружи рубероидом. В качестве утеплителя между слоями вагонки засыпали опилки, которые со временем проседали, и в балках воцарялся вечный холод. Протопить невозможно, сколько ни топи. Еще хуже жилось обитателям железных вагончиков, оставшихся с тех же «благословенных» советских времен. А посередине «пятака» был огромный котлован, доверху засыпанный мусором¹.

В воздухе там мало кислорода, у непривычных приезжих начинаются головные боли, а погода меняется несколько раз за день, причем перепад температур может достигать двадцати градусов.

А в магазинах — просроченные продукты. Их везут слишком издалека. И часто не успевают довести.

Питьевая вода покупная. Жидкость из водопровода пить невозможно: слишком пахнет хлоркой и нефтью. В ней даже мыться рискованно. Говорят, что местные женщины предпочитают красить волосы в темные тона, потому что после мытья они могут приобрести сине-зеленый оттенок.

А над городом вечно горят факелы: в них сжигают попутный газ.

Ходорковского поселили в пятизвездочной по местным меркам гостинице, а точнее деревянном доме, построенном на болоте, в тридцати километрах от одного города и семидесяти от другого.

Михаил Борисович летает на выдавшем виды вертолете с дырами в полу и ободранными скамейками, зато «Юганскнефтегаз» предоставил боссу джип «Тойота» со спутниковой связью. На банкире джинсовый костюм и шерстяной жилет. На носу очки. Больше всего он смахивает на молодого выпускника Физтеха.

И вот, посмотрев на город Нефтеюганск, подышав его воздухом и ощутив на себе все «прелести» местного климата, Хо-

¹ В 2008-м, уже при «Роснефти», «пятак» снесли, несмотря на протесты местного музея. ЮКОС обещал решить проблему балков еще к 2007 году. Думаю, помешало банкротство.

дорковский и совершает первый «косяк»: благополучный москвич приходит к совершенно естественному выводу: «Здесь жить нельзя!»

И имеет неосторожность выступить с этим перед нефтяниками. Он говорит, что население Нефтеюганска нужно сократить до тридцати тысяч и работать вахтовым методом, что, кстати, выгоднее. А остальных переселить на «большую землю».

Его поняли с точностью до наоборот: «Он хочет засыпать песком наш город! Он нас просто за людей не считает!»

Это выступление запомнят и будут еще долго записывать ему в пассив, даже те, кто потом станут его сторонниками: «Ну, был у него «косячок» в самом начале...»

«Он постоянно пенял Советской власти, что она, осваивая «нефтянку», вместо вахтового метода, как во всем мире, стала строить в местах, непригодных для проживания человека, города, не просчитывая экономические, социальные и политические последствиями, — вспоминает Алексей Кондауров. — А хлебать полной ложкой от этого «мудрой политики» пришлось Ходорковскому, когда все грохнулось в девяностые».

Куда более серьезным «косяком» были увольнения. Еще в 1996-м, когда «МЕНАТЕП» только выиграл залоговый аукцион и инвестиционный конкурс, из ЮНГ¹ было уволено около одиннадцати тысяч человек. Правда, большинство потом трудоустроили.

«Для меня всегда трудно было принимать решения, которые могли ухудшить положение людей, — рассказывает Василий Шахновский. — Абстрактную приведем ситуацию. На войне военачальник может послать людей на заведомую смерть на отвлекающий маневр. Он форсирует реку там-то, посылает батальон, а дивизия в двадцати километрах. Батальон посылает на верную смерть. И знает, что эти 300 — 400 человек погибнут. Это тяжелейшее решение, и военных к этому готовят. Они на живых людей смотрят как на материал. Это профессия такая.

Часто бывали случаи при работе и в мэрии, и в компании, когда, принимая решение, ты каким-то людям делаешь плохо. Кто-то чего-то лишается, кто-то лишается работы, кто-то лишается денег, но ты знаешь, что гораздо большему количеству людей становится лучше. Я схематично изображаю. Для меня это всегда было проблемой. Мне тяжело принимать такие решения. Я их принимал, но мне это было тяжело.

¹ Юганскнефтегаз.

А вот люди типа Ходорковского готовы к таким решениям в очень больших масштабах. Миша был к таким решениям не просто готов, он их принимал постоянно. Для него это не было проблемой. Притом, что он человек с достаточно серьезными моральными принципами.

У его детей одно время работала няня. Она пошла мыться к родственникам в деревню, и там взорвался котел. Мише сообщили, что у нее ожоги. Он ей помог, тут же выделил деньги на лечение по полной программе. Причем его никто не просил¹.

Но при этом он мог перешагнуть через судьбы тысяч людей, когда это было необходимо для достижения цели. Это качество пассионариев... Знаете, как правозащитник не может быть государственным чиновником. Неважно, хорошим, плохим. Но не может быть, потому что чиновнику иногда необходимо принимать решения, которые ударяют по интересам людей.

Поэтому Миша — не ангел. Но очень крупная личность, крупная личность во всем».

С визитом Ходорковского ждали новых увольнений. Руководство ЮНГ успокаивало: если и уволят, то представителей менеджмента, слишком раздуты управленческие штаты. Но народ не особенно верил и бежал в более богатый и благополучный Сургут. Этот исход начался еще до Ходорковского: в конце 1995-го, когда проходили залоговые аукционы и зарплату не платили по несколько месяцев, ограничиваясь подачками в 200 — 300 рублей. Потом противники припишут Ходорковскому и этот грех, к которому он не имел ни малейшего отношения.

«Да, зарплаты в Сургуте были выше, правда, к 2003 году почти выровнялись, — пишет мне Алексей Петрович. — Думаю, сейчас они в «ЮКОСе» Ходорковского были бы выше, а в Сургуте сегодня забастовка за забастовкой.

Но ни в Сургуте, ни в «Лукойле», ни в «Роснефти» — вообще нигде не было, чтобы 10% акций компании было передано в фонд «Ветеран». При начислении в 2002 году 2,2 миллиарда дол-

¹ В интервью газете «Московские новости» в 2005-м году Марина Филиппова так рассказывала эту историю: «У близнецов была няня. Пошла мыться к родственникам в деревню. В бане котел взорвался. Её кипятком обварило, ожог страшный, 85 процентов. Инне, жене, позвонили, что отвезли в Одинцово, в больницу, она туда, ей говорят: чего вы волнуетесь, она уже труп. Мишка сделал все! Мазь из-за границы прислали чуть ли не на самолете. Перевезли в «Склиф», врач от неё не отходил юкосовский. Спасли. Она уже работает».

ларов дивидендов, 200 миллионов получал фонд, который решал проблемы строительства жилья на материке¹, переселения пенсионеров и инвалидов труда, доплат к пенсиям.

Это было при цене 22 доллара за баррель. Прикиньте, сколько фонд уже построил бы, переселил и так далее. Кто-нибудь что-нибудь подобное делает? А у «ЮКОСа» на годы продуманная программа была разработана. А генератор этой программы был исключительно Ходорковский!!! А ему 8 лет с конфискацией да еще годков 8² прибавят. Как он от такой несправедливости еще разумом не тронулся?!»

Для того чтобы возродить «ЮКОС», надо было сокращать издержки производства, проводить реструктуризацию, просто не давать воровать.

«Я работал и в старой команде и в новой, и при всем уважении к старой команде, к Муравленко, я должен сказать, что новая команда была более профессиональной, — говорил на суде над Невзлиным бывший вице-президент ЮКОСа Виктор Валентинович Иваненко. — При Муравленко компания была конгломерат: каждая «дочка», каждый руководитель пытался работать на свой карман. Вокруг каждого начальника предприятия гроздьями сидели племянницы, которые тоже выкачивали.

Когда пришел Ходорковский, это пришел хозяин. Пусть он вначале был не очень профессионален, но я не могу отказать ему в умении обучаться и в умении организовать работу и особенно организовать финансы. Я считаю, что эта команда гораздо жестче провела консолидацию компании, прекратила всякие воровские схемы, а таких схем было множество: и в Нефтеюганске, и в Самаре. Например, вместо зарплаты рабочим выдавали ваучеры на приобретение зарубежной какой-то оргтехники и вещей каких-то. В Нефтеюганске был организован вторичный рынок этих ваучеров, который контролировал местный вор в законе полковник Черный».

Для перестройки производства Ходорковский пригласил иностранных специалистов. Они призвали сократить непроизводственные расходы, особенно на социальную сферу. На финансирование «социалки» с 1993 по 1996 год «ЮКОС» потратил 3,5 триллиона рублей.

¹ В соответствие с этой программой ветеранов «ЮКОСа» переселяли на юг Тюменской области.

² Интервью было до второго приговора. В итоге прибавили не 8, а 5.

«В общем-то, конечно, они (аудиторы) психотерапевты, — говорил Михаил Борисович. — Но не для меня. Я-то знаю, что нужно делать. Они психотерапевты для местного руководства. Одно дело, когда скажу я, а другое когда известные иностранные консультанты»¹.

К советам Ходорковский прислушивался, но не всегда им следовал: «Да, я могу передать местным властям жилье, но, например, котельную, я им не передам. Потому что, если они ее «завалят», весь город останется зимой без тепла»².

И здесь в нашем повествовании появляется человек, который сыграет в истории ЮКОСа поистине роковую роль. Впрочем, роковую и для него самого.

Новый мэр Нефтеюганска Владимир Петухов был избран в конце 1995 года, когда в «Юганскнефтегазе» месяцами не платили зарплату. На критике ЮНГ он и построил свою избирательную кампанию. И продолжал вешать на НК всех собак: что бы ни произошло в городе — виноват «ЮКОС».

Позиция эта была скорее популистской.

Хотя официально «ЮКОС» поддерживал его конкурента, предыдущего главу города Севрина, конспирологи утверждали, что Петухов — человек Ходорковского и победил при его поддержке.

Тому были основания.

«Понятно, что г-ну Петухову лишняя головная боль в виде содержания дополнительного жилья и других социальных объектов не нужна. И он будет всячески препятствовать передаче социальных объектов ЮНГ на баланс города», — писал «Профиль» в мае 1997-го.

Опасения эти не оправдались. Неожиданно мэр начал охотно принимать на баланс социальные объекты «ЮКОСа». Да еще в счет долгов по налогам. То есть Ходорковский одновременно и «сбрасывал» обременительную «социалку», и одновременно гасил часть долга перед местным бюджетом.

Для компании, конечно, выгодно, но почему Петухов оказался таким сговорчивым?

Это тоже не тайна. Владимиру Петухову принадлежала фирма «Дебит», которая занималась ремонтными работами на объ-

¹ Журнал «Профиль» № 19 за май 1997-го.

² Там же.

ектах ЮНГ. «Социалка» принималась на баланс в обмен на выгодные заказы.

Кстати, таких сервисных фирм («сервисов») было много и на балансе самого «ЮКОСа», и от них тоже хотелось избавиться как от непрофильных активов.

Их стали делать самостоятельными, выводить в ООО, «три дырки», как презрительно окрестили их местные жители. И «сервисы» вместо «сервисы».

Работать в «сервисе» было и непрестижно, и невыгодно. Зарплаты упали раза в два, а льготы отняли. Сотрудников ООО не включали в программу «Ветеран» и не помогали с переселением «на материк».

Почему же столь жестокой оказалась дарованная Ходорковским свобода?

Все имущество таких фирмочек по-прежнему принадлежало ЮНГ, ООО его арендовали, а единственным заказчиком оставался «ЮКОС», и он диктовал цены.

А даже для того, чтобы открыть при бензоколонке (которые тоже сдавали в аренду) магазинчик или кафе, нужно обладать некоторой смелостью и предпринимательской жилкой.

И время свободы обернулось для сотрудников «сервисов» временем перманентного выживания. Многие из этих предпринимателей поневоле до сих пор ненавидят Ходорковского, хотя работники ЮНГ, вкусившие власти «Роснефти», уже вспоминают Михаила Борисовича с изрядной долей ностальгии.

Но хуже всех ошибок Ходорковского был настрой местных жителей по отношению к самой идее приватизации. Со дня основания города и до падения коммунистов им внушали, что именно они — нефтяные короли, потому что они построили этот город и они добывают нефть. Это никогда не было правдой. Собственность в СССР принадлежала государству, а не народу. Но пропаганда — могущественная вещь, тем более, когда она приятна на слух, и в нее хочется верить.

Нефтеюганцы, особенно старшее поколение, воспринимали приватизацию «ЮКОСа» как грандиозную аферу и глотали слезы. Они были нефтяными королями, а тут вдруг выяснилось, что нефтяной король один, и это «варяг» из Москвы.

Новый хозяин отдавал городу все время и силы, но город не принимал его. Ходорковский не расстраивался, понимая, что авторитет вмиг не заработаешь.

«Юганскнефтегаз» был не единственным добывающим подразделением «ЮКОСа». Второе — «Самаранефтегаз». Проведя в Нефтеюганске около месяца, Ходорковский покинул город. Впереди его ждала Самара.

Летом 1997-го в прессе появилась публикация, сослужившая Ходорковскому не самую лучшую службу. 14 июля в газетных киосках мира появился свежий номер журнала «Форбс» с рейтингом самых богатых жителей планеты. В него попали и шестеро русских: Борис Березовский, Михаил Ходорковский, Вагит Алекперов, Рем Вяхирев, Владимир Потанин и Владимир Гусинский. Березовский со своими тремя миллиардами долларов занял в списке 97-е место. Состояние Ходорковского журнал оценил в 2,4 миллиарда, и поместил его во вторую сотню. Остальные оказались беднее.

Вряд ли рабочие Нефтеюганска читали «Коммерсант», активно обсуждавший эту тему, или тем более «Форбс», но телевизор смотрели, и слухи до них доходили. Место в рейтинге «Форбса» не добавило Ходорковскому народной любви. «Я здесь за гроши вкалываю, а у него миллиарды!» — возмущались рабочие.

Они не понимали одного: сумма состояния в рейтинге «Форбс» — это не сумма на счете, это те самые скважины, на которых они работают, те самые заводы, та самая нефть, которую надо еще добыть, довести до товарного состояния и доставить покупателю. У нефтяных королей «Форбс» не забывал посчитать и подземные запасы.

А ни яхт, ни дворцов, ни английских футбольных клубов у Ходорковского никогда не было.

«Не придавать никакого серьезного значения одежде, часам и прочим «украшениям» жизни для Ходорковского не было позой, а просто для него существовала куда более интересная и значимая «вещь» — «делать грандиозное дело», — пишет мне Кондауров. — Только от этого он получал настоящий кайф. Подозреваю, что еще от семьи. Все остальное — на уровне здравого смысла: чисто, аккуратно, достойно. Он, как умный человек, понимал также, что любой товар имеет свою максимальную потребительскую ценность, а искусственное завышение (через «лейблы» и пр. и пр.) продажной цены не улучшает качественно потребительских свойств товара. Например, пластиковые часы за 100 долларов показывают, как правило, более точно время, чем швейцарские за 10000.

Кажется, в году 2002 я был по делам в Цюрихе. Суббота, захожу в универсам не далеко от вокзала. Смотрю в центре зала, у

тумбы с часами «Swatch», стоит в джинсах, как обычно, и какой-то неказистой курточке МБХ и внимательно рассматривает эти пластмассовые «игрушки». Вокруг толпа снует, которой и невдомек, что вот тот человек, у тумбы с дешевыми часами, - самый богатый человек России с миллиардным состоянием.

Мой знакомый Григорич мне рассказывал, как однажды пришел к Ходорковскому в новом костюме за 800 долларов. «Какой классный костюм,— сказал МБХ,— сколько стоит?» Тот ответил. «Супер,— говорит Ходорковский и протягивает визитную карточку,— Посмотри, может, еще закажешь в этом салоне. У меня тут на днях был К. и пригласил посетить». «А сколько там костюм сшить стоит?» «К. сказал, что тысячи 4 долларов», - отвечает МБХ. «За такие деньги пусть сам себе шьет», — парирует Григорич. «Вот и я также решил!» - весело рассмеялся Ходорковский.

И машин спортивных, кроме служебного «Мерседеса»¹, у Ходорковского не было, был мотоцикл, кажется, БМВ, на котором он иногда ездил».

Уже после ареста Ходорковского, когда в прессе прокатился вал критических статей о нем, если автору было необходимо показать вызывающую роскошь олигархов, он от Ходорковского вдруг перескакивал на Абрамовича, радостно раскрывал тему, и тут же вновь возвращался к Михаилу Борисовичу, словно и не отвлекался на другого представителя крупного бизнеса. И то олигарх, и то олигарх.

БАНКРОТСТВО БАНКА «МЕНАТЕП»

В декабре 2003-го, то есть примерно через полгода после начала массированного «наезда» на «ЮКОС», в журнале «Компрогат.Ру» была опубликована маленькая заметка «“Менатеп” спрятал концы в воду?»². Речь в ней шла о том, что после отзыва лицензии у банка «Менатеп» 25 мая 1999 года в районе города Дубна в реку упал «КамАЗ», груженный коробками с документами банка.

Водитель остался целым и невредимым, только промок, зато грузовик перевернулся вверх тормашками. На четвертый

¹ В одном из интервью 2002 года Ходорковский признался, что купил себе джип «Кадиллак»: Газета «Коммерсантъ», № 98 (3182), 01.06.2005.

² Павел Гудзенко. «Менатеп спрятал концы в воду?»: <http://kompromat.flib.ru/material.phtml?id=5203>.

день его подняли со дна речки Дубна, и оказалось, что кабина полностью разрушена и вскрыта, как консервная банка, так что непонятно как выжил шофер.

Он пришел на пост ДПС заявить об аварии: «его машина столкнулась с препятствием в виде ограждений моста, успешно преодолела препятствие и рухнула в реку. Причина аварии, по словам водителя Волкова, состояла в том, что он не справился с управлением, в чем вину свою признает»¹. От прямой дороги отклонился и поехал зачем-то через Дубну, якобы из-за пробок.

Спустя полгода водитель забрал машину со штрафной площадки ГИБДД. То есть сел в полностью искореженную, вскрытую как консервная банка кабину и преспокойно уехал.

В этой статье не только нелады с логикой, но и ряд неточностей.

Но начнем с 17 августа 1998-го — дня дефолта, когда государство прекратило выплаты по ГКО, после чего доллар за три недели взлетел с шести до двадцати с лишним рублей.

Среди вкладчиков началась паника — деньги забирали из банков все, кто мог. Меня дефолт застал в Крыму, слава богу, с долларами. Те, кто приехал с рублями, прерывали отпуска и спешили в Россию. Вернувшись, я пожалела, что не последовала их примеру. Мои вклады в Сбербанке оказались замороженными, я не могла снять деньги в течение нескольких месяцев.

Промышленность оказалась в тяжелом положении, кредиты не возвращали, акции предприятий, которыми владели банки, обесценились, а по валютным вкладам надо было возвращать 20 — 25 рублей за каждые шесть.

«Насколько тяжело Вы переживали банкротство банка «МЕНАТЕП»? — спрашиваю я Ходорковского. — Принимали ли личное участие в попытках его спасения? Как Вы оцениваете действия правительства в 1998 году? Можно ли было избежать дефолта?»

«Тяжело, — отвечает Михаил Борисович. — Когда нам сообщили о дефолте по ГКО и о резком изменении курса рубля, в результате чего обесценились резервы, созданные банком в ЦБ, против валютных вкладов, я понял: «МЕНАТЕП» не спасти.

Эти «мероприятия» пробили дыру в балансе около 300 млн. долларов. Покрыть ее было неоткуда. Все наши личные деньги

¹ Там же.

уже были вложены в «ЮКОС», и даже пришлось взять заем у Б. Березовского под очень «крутой» процент

Так что я лично спасти банк даже не пытался. Моей задачей был «ЮКОС». Зарплата 100 тыс. людей. Себестоимость. Платежеспособный сбыт.

Правительство могло бы избежать дефолта, если бы девальвировало рубль вслед за падением цены на нефть в феврале-марте 1998 г. Или если бы получило 50 млрд. долларов от МВФ. Других вариантов при цене на нефть 8 долларов/баррель не было».

«МЕНАТЕП» прекратил выплаты в сентябре 1998-го.

И начал срочно «сливать активы» в так называемые промежуточные банки: «МЕНАТЕП-СПБ» и ДИБ. В первый ушел 61 миллион рублей, во второй — 75 миллионов¹.

«Вообще же после 1 января 1999 года из практически мертвого «МЕНАТЕПа» было выведено более 355 млн. рублей (порядка 14 млн. долл.), которые осели в различных фирмах — «карманах» господина Ходорковского», — писала в 1999-м газета «Версия»².

Ничего незаконного в этом не было. Но обычно активы «сливают», чтобы не расплачиваться с кредиторами.

Или чтобы в случае банкротства их не распродали за бесценок.

«Список желающих вернуть свои деньги, натурально, велик. И состоит он, как это водится в России, из граждан, именуемых «частными вкладчиками», которым банк должен 50 млн. долларов. Но напрасно обивают пороги судов доверчивые соотечественники, рискнувшие когда-то отдать накопленные деньги в банк. Нет в банке денег, как будто и не было вовсе. Где? Ну, как вам сказать...» — писала «Версия»³.

Наконец, 18 мая 1999-го у банка отозвали лицензию.

И вскоре случилась история с грузовиком. Правда, тогда в 1999-м ее излагали несколько иначе⁴.

После дефолта банк был вынужден закрывать филиалы, а документы перевозить в московский офис, так что вскоре хранить их стало совершенно негде. Тогда банк заключил договор об ответственном хранении с Государственным архивом новей-

¹ «Версия», 1999, «Пропавшие доллары».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Газета «Коммерсантъ» № 91 (1735) от 29.05.1999.

шей политической истории Великого Новгорода, который был обширен, заполнен мало, недавно построен и отвечал требованиям по хранению банковских документов.

Договор между архивом и банком заключили 14 мая, то есть за четыре дня до отзыва лицензии.

Для транспортировки была нанята охранный фирма «Термит плюс», занимавшаяся экспедированием грузов.

17 мая в Новгород выехал первый «КамАЗ», груженный 335 коробками с документами, и благополучно доехал до пункта назначения. 20-го ушел второй грузовик с 605-ю коробками. И тоже добрался до Новгорода.

Неприятность случилась с третьим «КамАЗом». И далеко не последним. Договор с архивом был заключен на 20 тысяч дел, а разрешение на перевоз документов от ЦБ получили только 28 мая.

Наибольшие подозрения у журналистов вызвала неконкретность надписей на коробках: «рублевый операционный день» такого-то года, но без числа, или «договоры кредитного управления», вообще без годов.

«Неконкретность формулировок позволяет строить любые предположения о том, информация о каких сделках находится в затонувших коробках и может оказаться утраченной навсегда. Возможно, это операции по счетам руководства банка или информация о сделках, связанных с залоговыми аукционами. Или кредитные истории, о которых в «МЕНАТЕПе» хотели бы забыть», — писал «Коммерсант».

Отличия же от статьи в журнале «Компромат.Ру», опубликованной три с половиной года спустя, не только в том, что в ней из трех «КамАЗов» остался один. Еще из нее исчез представитель банка, сопровождавший машину и явившийся на пост ГИБДД вместе с водителем. «И почему без сопровождающих?» — возмущался корреспондент «Компромата.Ру».

И причина аварии другая. В «Коммерсанте» говорится о том, что грузовик подрезала иномарка.

«Падение «КамАЗа» в реку — досадное происшествие, и «МЕНАТЕП» уже направил претензию фирме «Термит плюс», — прокомментировала «Коммерсанту» представитель пресс-службы Елена Матвеева. — «Что же касается интересов кредиторов, то происшествие их никак не затрагивает. Большинство документов восстанавливаемы. Что же касается самого важного — кредитных договоров, то первые копии хранятся в особом отделе банка, откуда ничего в архив не вывозилось. Наконец, утонувший «КамАЗ» будут поднимать за счет банка — как только

представитель ЦБ утвердит смету расходов на эту работу». А документы «хорошо упакованы и заклеены скотчем», так что не страдают.

Однако, по словам корреспондента «Коммерсанта», на месте происшествия любопытствующие дачники вылавливали из реки плававшие там папки с документами.

С другой стороны, на прямой дороге через Тверь, оттуда из-за пробок свернул злополучный «КамАЗ», больше подходящих мест для потопления неподходящих документов. Прямая дорога пересекает Волгу.

Не достанешь.

Если целью было «спрятать концы в воду», стоило ли сворачивать?

А «КамАЗ», как мы знаем из статьи на «Компромат.Ru», был благополучно поднят.

Но скандал на этом не кончился.

К решению животрепещущего вопроса о том, «куда ушли русские деньги», подключились уважаемые американские издания «The New York Times» и «Newsweek». И обвинили «МЕНАТЕП» в отмывании денег.

А в 2001-м в Швейцарии вышла книга «Разоблачения», где «МЕНАТЕП» обвинили в расхищении кредитов МВФ.

Потом «The New York Times» и «Newsweek» пришлось извиняться, а книгу запретили распространять через суд.

«Как следует из протокола судебного заседания, юристам российского банка, лозаннскому адвокату мэтру Реймону и жене-незскому адвокату мэтру Саламяну, понадобилось всего два часа, чтобы вынудить ответчиков пойти на мировую», — писали на портале NEWSru.com.

А в августе 1999-го в газете «Совершенно секретно» вышла знаменитая статья Юлии Латыниной «Империя Ходорковского», которая спустя четыре года, после его ареста, станет библией его противников. Там и «скважинная жидкость», придуманная в «ЮКОСе» для ухода от налогов, и «эксцесс» исполнителя в приписываемых «ЮКОСу» убийствах, и, конечно, увод активов из лопнувшего банка «МЕНАТЕП».

Латынина подлила масла в огонь: «Весной один мой знакомый, у которого в «Менатепе» пропало эдак с десяток миллионов долларов, пошел в банк за объяснениями. Знакомый — не сопляк, деньги тоже не сопливые, принимал его не кассир, а партнер. «Понимаешь, — доверительно объяснили моему приятелю, — деньги, конечно, есть. Но ведь их уже давно слили в

офшор и поделили между своими. Я, конечно, могу их вернуть тебе, но ведь я, получается, пойду против коллектива. Это непорядочно. Нечестно»».

С литературной точки зрения статья хороша, а вот с точки зрения фактов...

Сейчас в интернете Юлию Латынину много ругают за замечательную метафору «она металась, как стрелка осциллографа». Не думаю, что писательница хотела оклеветать осциллограф. Ну, не технарь она, и не знает, что у осциллографа нет стрелки.

Так и за статью «Империя Ходорковского» ее, в общем-то, упрекнуть не в чем. Просто она во многом не разобралась (ну, не нефтяник она, а с полнотой информации в интернете в 1999-м было гораздо хуже, чем сейчас), многого не знала, а некоторых вещей и знать не могла. Запомним, что статья вышла в августе 1999-го.

Зато в ноябре 2008-го, когда прокуратура заканчивала расследование второго дела Ходорковского, и близился второй суд, некий Семен Кирсанов написал статью под названием «Грузовик утонул, осадок остался»¹, где много цитировал Латынину, в том числе и пассаж о знакомом, потерявшем десять миллионов.

«Пусть злополучный грузовик и утонул, но неприятный осадок до сих пор остался», — пишет Кирсанов.

Оговорка была явно по Фрейду. Дело в том, что сережки-то потом нашли.

В декабре 1999-го банк «МЕНАТЕП Санкт-Петербург» начал погашать долги московского «МЕНАТЕПа» перед физическими лицами. С московскими вкладчиками начали расплачиваться еще с конца сентября, когда банк был признан банкротом (29 сентября 1999-го).

Вклады выплачивали в рублях по курсу на день отзыва лицензии, то есть на 18 мая 1999-го. 24,86 рублей за доллар. Тридцатого сентября, когда начались выплаты, курс был 25,08 рублей. Вкладчики теряли, но копейки.

«Выплаты идут уже в 25 областных центрах страны, сообщили в банке. Планируется, что к середине декабря отделения и филиалы петербургского банка начнут рассчитываться с частными вкладчиками «МЕНАТЕПа» во всех 32 регионах, где долги перед ними еще не выплачены», — писали на www.finmarket.ru. За два месяца успели выплатить около 15 миллионов долларов.

¹ <http://www.flb.ru/info/45309.html>.

Программа реструктуризации была предложена банком еще в 1998-м.

Вклады можно было переоформить в долгосрочные на 1, 2 и 3 года под 5 процентов годовых или переоформить в векселя банка с теми же сроками и процентами. Но тогда, в 1998-м, никто не верил, что по этим «бумажкам» действительно будут что-то выплачивать. Тем более что пресса дружно кричала о «сливе активов».

В результате многие вкладчики с большими потерями переводили деньги в «Сбербанк». Всего в «Сбербанк» было переведено порядка десяти тысяч вкладов на сумму более 600 миллионов рублей.

А кредиторы «МЕНАТЕПа» продавали свои требования по бросовым ценам.

Несмотря на то, что условия реструктуризации улучшались.

Клиенты, которые реструктурировали или переоформили вклады в 1998-1999 годах, получали деньги сразу, с остальными планировали расплатиться не позднее мая 2001 года. «В банке не исключают, что выплаты будут завершены досрочно, и обещают, что «программа будет действовать до тех пор, пока свои деньги не получит каждый клиент», — писали на «Финмаркете»¹.

В 2010-м в Хамовническом суде выступал свидетель Сергей Григорьевич Никитин, в 1998 — 2000 г.г. он был главой комитета вкладчиков банка «СБС-Агро».

«Комитет вкладчиков был создан в 98 году, после дефолта был наложен мораторий на удовлетворение требований вкладчиков, это были банки «СБС-АГРО», «МОСТ-банк», «МЕНАТЕП», «Российский кредит», по-моему, «Промстройбанк», «Инкомбанк»...люди искали поддержку, но ни в прокуратуре, ни в судах, ни в милиции, нигде поддержки не нашли, — вспоминал свидетель. — Мы тогда пошли в суд. В Замоскворецком суде мы собирались каждый день с 5 часов утра. Люди не знали, что делать, и обращались к нам. Мы им писали иски, заявления, люди разные документы приносили. В том числе в начале у нас были и вкладчики банка «МЕНАТЕП»».

«Кем был введен мораторий?» — спрашивали адвокаты.

«Мораторий был введен правительственной телеграммой Центрального банка, — отвечал Никитин. — Потом этот мораторий сняли такой же телеграммой, и сразу вкладчики МЕНАТЕП были удовлетворены все. Я сам их лично водил в банк «МЕНАТЕП

¹ <http://monerama.ru/articles/docID2341362.html>.

Санкт-Петербург» на Преображенке. Люди писали заявления, и тут же их требования удовлетворялись полностью. А кто уже успел подать в Замоскворецкий суд, тут же отзывали заявления. Брали соответствующую форму из суда, что заявление отозвано, шли в банк и также требования удовлетворялись».

После начала атаки на «ЮКОС» в 2003-м на «МЕНАТЕП» посыпались обвинения в преднамеренном банкротстве¹.

В конце 1999-го дело обстояло ровно наоборот. Банк отчаянно сопротивлялся. Сразу после решения арбитража о несостоятельности «МЕНАТЕПа» 29 сентября 1999-го была подана апелляция, спустя месяц ее отклонили.

Конкурсный управляющий Алексей Карманов в сентябре 1999-го заявил, что денег банка хватит, чтобы удовлетворить требования физических лиц не более чем на 20%, и выступил против прекращения процедуры банкротства.

И заявил в одном из интервью, что с российскими юридическими лицами никто считаться не будет².

С Кармановым боролись всеми возможными способами.

«ЮКОС» планомерно скупал долги «МЕНАТЕПа», кроме того, незадолго до банкротства банк получил от нефтяной компании кредит в 30 миллионов долларов³, и в конце концов «ЮКОС» стал не только главным акционером банка, но и главным кредитором. По мнению прессы того времени, именно «ЮКОС» стоял за кампанией по выдаче вкладов физическим лицам. В обмен они уступали компании права требования к банку.

Алексей Карманов заявил, что цель кампании создать впечатление, что «МЕНАТЕП» жизнеспособен, и не банкротить его.

В 2010-м на втором процессе Ходорковского и Лебедева это оценят иначе. Выплату долгов вкладчикам сочтут... отмыванием денег.

«Восьмого декабря 1999-го комитет кредиторов «МЕНАТЕПа» обратился в Московский арбитражный суд, Центральный банк и Федеральную службу по финансовому оздоровлению (ФСФО) с просьбой отстранить от исполнения обязанностей

¹ Например, это есть в книге Александра Бушкова «Хроника мутного времени», вышедшей в 2007 году.

² «Ведомости» от 18 ноября 1999, «Алексей Карманов хоронит банк «МЕНАТЕП».

³ *Святослав Тимченко*. «Кому нужна справка из МЕНАТЕПа?», «НГ»: http://www.ng.ru/regions/2000-01-28/4_menatsep.html.

конкурсного управляющего банка Алексея Карманова», — писала «Ведомости»¹.

А на следующий день, девятого декабря, на собрании кредиторов слушался вопрос о прекращении процедуры банкротства. «Банкротство банка стремится остановить один из его крупнейших кредиторов — нефтяная компания «ЮКОС», — комментировал Карманов². И назвал повестку дня «абсурдной», поскольку процедуру банкротства может прекратить только Федеральный арбитражный суд Московского округа.

31 января 2000-го Федеральный арбитражный суд оставил в силе решение о банкротстве, против которого возражал «ЮКОС», «Роспром» и еще ряд кредиторов.

Параллельно с выдачей вкладов банк выкупал свои акции. Те самые, первая эмиссия которых была в 1990-м и которые рекламировал Владислав Сурков.

Акции номиналом в 1 рубль выкупали по три доллара. К февралю 2000-го выкупили у 75% акционеров.

«Правда, загвоздка в том, что оставшиеся 25% акций распылены между несколькими тысячами граждан, которым принадлежат по 1 — 2 акции, поскольку создававшийся под вывеской «народного» почти 10 лет назад «МЕНАТЕП» направо и налево продавал свои бумаги», — писал деловой еженедельник «Компания»³.

Из 700-миллионного валютного долга иностранным кредиторам к февралю осталось погасить порядка 10%⁴.

«Сняв с себя бремя расчетов перед основной массой акционеров, «МЕНАТЕП» серьезно облегчил себе работу по разгребанию оставшихся долгов. И если его усилия сочтут в ЦБ вполне профессиональными, то не исключено, что банк получит возможность вернуться к нормальной деятельности», — писала «Компания»⁵.

Этот прогноз не оправдался, но взять под контроль процедуру банкротства «ЮКОСу» удалось.

15 февраля 2000-го в проправительственной «Российской газете» вышла статья под названием «Это сладкое слово — банкротство»⁶, где Алексея Карманова обвиняли во всех смертных

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же: «МЕНАТЕП откупается»: <http://www.ko.ru/document.php?id=1321>.

⁶ Дмитрий Филиппенко «Это сладкое слово - банкротство»: http://www.rg.ru/anons/arc_2000/0215/4.htm.

грехах. И активы банка при нем приросли всего на 25 миллионов рублей, и на оплату работы некоего Центра антикризисного управления ушло 14 миллионов. И с вполне платежеспособного Щелковского металлургического комбината, который кредитовал «МЕНАТЕП», Карманов вытряс всего 10% долга, и Арбитражный суд признал его действия незаконными, и даже лицензия управляющего выдана ему на основе липовых документов.

«После отзыва у банка лицензии там, как уже писала «Российская газета», начала работать команда «банкротизаторов». В системе работы этих профессионалов финансового оздоровления есть одна тонкость — они получают доход от процесса банкротства коммерческих структур. От самого процесса, заметим еще раз, а не от конечного результата... Но есть и иной подход к процедуре банкротства — это «когда по долгам надо платить». Группа основных акционеров и кредиторов банка предложила вкладчикам и кредиторам выкупить у них долги банка, чтобы потом профессионально разобраться с его активами. Наверное, в нынешнем правовом поле это самый цивилизованный способ «рассчитаться за все». Да и результаты это подтверждают — осталось выполнить примерно треть обязательств, а с граничными долгами разобрались уже и на все 90 процентов»¹.

Вскоре Карманов был отстранен от должности, и процедуру банкротства довели до конца лояльные к группе «МЕНАТЕП» управляющие Алексей Тихонов и Сергей Середя.

«Российские кредиторы — юридические лица, согласившиеся с планом реструктуризации, получили 5% от объема своих требований наличными с выплатой оставшейся суммы в течение 8 лет, — писал портал <http://www.km.ru/>. — По словам Платона Лебедева, требования российских банков-кредиторов удовлетворены «практически на 100%», с ними были подписаны договоры о реструктуризации долга. Выкуплена и вся задолженность «МЕНАТЕПа» перед ЦБ, составлявшая 626,5 млн. рублей»².

Российские юридические лица — кредиторы лишь пятой очереди. Недаром Карманов говорил, что с ними никто не будет считаться. Но с ними считались.

Труднее всего «МЕНАТЕПу» пришлось с Федеральным бюджетом. Правительству предложили одну за другой четыре про-

¹ Там же.

² <http://business.km.ru/magazin/view.asp?id=F1D9E6F85F4B466BA71CE4ACCB248042>.

граммы реструктуризации долга, и все четыре были отвергнуты. В результате госбюджет недополучил 90 миллионов долларов.

10 августа 2000-го программа реструктуризации была закрыта. Вкладчикам, не успевшим вернуть деньги, осталось надеяться на выплаты из конкурсной массы. Таких оставалось... 2%. К середине 2001 года требования вкладчиков — физических лиц были удовлетворены на 100%. На 99% были урегулированы отношения с российскими и зарубежными банками, и на 61% — с государством.

Оставшиеся 39% (2,1 миллиардов рублей) выплатили в виде добровольной компенсации после завершения процедуры банкротства 6 декабря 2002-го¹. И этот факт публично подтвердил министр финансов Алексей Кудрин.

Правда, эти деньги не смогли распределить между бюджетами различных уровней.

«По словам гендиректора МФО «МЕНАТЕП» Олега Ашуркова, Минфин зачислил переведенные акционерами банка средства в «прочие доходы бюджета», так как не имел технических возможностей разнести их между налоговыми службами разных уровней. Господин Ашурков считает, что в Минфине и МНС прекрасно понимают ситуацию, но сделать ничего не могут: бюджетная система устроена таким образом, что «обнулить» формально существующие задолженности на счетах налогоплательщиков можно только по специальному решению Арбитражного суда или правительства РФ», — писала «Газета.ru»².

Уже после окончания процедуры банкротства 1 декабря 2000 года банк открыл благотворительную программу для вкладчиков, не успевших получить деньги. Одной из задач программы было урегулирование требований кредиторов IV и V очереди, не получивших денежные средства в период конкурсного производства.

Работой с юрлицами занимался «Доверительный и инвестиционный банк».

«С частными вкладчиками нужно расплатиться потому, что акционерам предстоит жить в нашей стране и смотреть в глаза людям, — говорил Платон Лебедев в интервью газете «Сегодня» от 2 февраля 2000-го. — С нерезидентами нужно расплачиваться потому, что тем же акционерам и дальше предстоит работать

¹ Ольга Кучерова. ««МЕНАТЕП» все рассказал президенту»: www.gazeta.ru/2003/12/18.

² Там же: www.gazeta.ru.

на западных рынках, а доказывать, что мой «МЕНАТЕП» не имеет ничего общего «вон с тем МЕНАТЕПом», я не желаю, мне все равно никто не поверит».

20-го декабря 2002-го Ходорковский направил письмо Путину о завершении процесса погашения задолженности, где просил «поручить ФСФО как представителю государства в процессах банкротства проверить указанный факт и довести результаты до других заинтересованных государственных органов и общественности»¹.

Больше всего потеряли, как и ожидалось, кредиторы пятой очереди — юридические лица. В конце концов, их долги были списаны по решению арбитражного суда от 7 февраля 2001-го по причине недостаточности имущества банка «МЕНАТЕП».

Сразу после дефолта во время паники конца 1998-го значительная часть обязательств банка была скуплена за 20 — 30 процентов от номинала, что существенно уменьшило сумму долга и позволило банку расплатиться с кредиторами².

А всем должникам банк простил долги.

По итогам процедуры банкротства «МЕНАТЕП» издал семидесятистраничный отчет, где с удовольствием цитировались многочисленные статьи о «сливе активов».

В 2003-м отчет был благополучно забыт, зато всплыли те самые статьи, над которыми уже успели отсмеяться. И продолжали всплывать и во время второго процесса.

Летом 2010 года я написала Юлии Латыниной и спросила, чем кончилась история ее знакомого, у которого в банке «МЕНАТЕП» пропало десять миллионов долларов.

Вот ее ответ: «Человек, о котором идет речь, был партнером большого инвестиционного банка. Банк так и не получил денег. Однако «МЕНАТЕП» дал банку вести несколько сделок, и банк счел это адекватной компенсацией».

ИСТОРИЯ САНАТОРИЯ «РУСЬ»

Летом 1999-го иллюзии по поводу Путина, думаю, были у многих. Пришел молодой, активный, спортивный, решительный,

¹ Там же.

² Елена Гостева. ««МЕНАТЕП» раздал свои долги». «Время новостей» № 106 от 20.06.2001.

не дурак, не пьет. Что еще надо русскому человеку, повидавшему на троне и дураков, и пьяниц, и садистов, и выживших из ума стариков?

А то, что в КГБ служил... ну, нельзя же так. Были, наверное, и там приличные люди.

Я и сама грешным делом тогда на каком-то опросе оценила его по трехбалльной шкале на два из трех.

Но, может быть, представители элиты не были так наивны и не все разделяли энтузиазм Бориса Абрамовича Березовского, проложившего для него путь к власти?

Поддерживали ли Путина?

Верили ли, как некоторые члены СПС, что это русский Пиночет, который прижмет левых и сможет довести до конца либеральные экономические реформы?

— Поддержки Путина не требовалось, — рассказывает мне Леонид Невзлин. — Это был преемник Ельцина. И была надежда, что это альтернатива Совку. Про Пиночета никто не думал, думаю, что и он не думал. К отречению Ельцина и назначению им преемника отнеслись как к политической операции по досрочным выборам Путина, и это был вполне разумный ход, который практически гарантировал выборы любого преемника, в том числе и Путина.

Иллюзии в отношении Путина были у меня. Я не могу сказать про Ходорковского. Были, потому что первые несколько лет, видимо, когда учился, он вел себя очень аккуратно и прилично».

«Были ли у Вас иллюзии в отношении Путина в первые годы его правления?» — пишу я Михаилу Борисовичу.

«Иллюзии, несомненно, были, — отвечает он. — Более того, первую легислатуру он давал к ним серьезные основания, ведя себя как, в общем, демократический политик. Однако, начиная с лета 2003 года г., им был совершен целый ряд последовательных шагов, направленных на демонтаж демократических завоеваний и построение авторитарного режима».

— Абсолютное разочарование у меня наступило, когда Путин украл у нас санаторий в Сочи, санаторий им. Ленина, который потом назывался «Русь»¹, — говорит Леонид Невзлин. — Это началось за полтора года до наезда на «ЮКОС», думаю, в конце 2001-го — начале 2002-го. Они долго этим занимались, и

¹ <http://russ-sochi.ru>.

это было показательное выступление. В конце концов они его своровали.

Как это удалось? Инициатором был Кожин — управляющий делами президента, потом был подключен Устинов как человек, который мог давить на Краснодарский арбитражный суд. Потихонечку отарбитражили, без компенсации, без ничего, как незаконно полученное или что-то в этом духе. Мы были вторыми покупателями, если не третьими после профсоюзов. Ну, лишили нефтяников отдыха — все нормально.

Началось с простого: давайте посмотрим, как может администрация отдыхать там, на каких условиях. Но не это им было надо. Они хотели его забрать.

Санаторий практически прилегает к Бочарову ручью. Между санаторием «Русь», где при Ельцине, кстати, проводился теннисный турнир «Большая шляпа», и Бочаровым ручьем только санаторий «Беларусь», который принадлежит Лукашенко. Но он белорусский.

Когда забирали санаторий, я полностью разочаровался во власти, потому что понимал, что у нас воруют. А Ходорковский до конца верил, что Волошин и Сурков вмешаются, что просто так быть не может, тем более что это отдых не для себя, а для нефтяников, и мы вложили много денег в реконструкцию.

Ну, а в результате своровали.

Так что с конца 2001 года я уже понимал, куда это идет. Но Михаил Борисович не относился серьезно и не боролся серьезно за санаторий, с чем я был внутренне не согласен, хотя бы по той причине, что этим людям только слабость покажи.

— Говорят, этот санаторий понравился жене Путина...

— Я слышал это, но как я могу об этом спекулировать? Я не знаю. Много народа много чего говорили, но мне было бы стыдно вставать на такой уровень обсуждения. Было много разговоров, слухов. В конце концов, забрали и забрали. И забрали незаконно, и компенсацию не дали, ни за вложения, ни за санаторий. Сперли, грубо говоря, более 100 миллионов долларов и не поморщились.

— А кому теперь принадлежит этот санаторий?

— Я думаю, что управлению делами. Но, насколько я знаю, и это трудно проверить, там уже все поделено на личные дачи губернатора, Сечина, но это надо проверять. Честно говоря, теперь это меня не волнует. Это меня волновало, поскольку было наше. Место отдыха нефтяников, для которых Сочи зимой, как Юганск летом. Ну, что говорить? Мне стало совершенно понятно, что это за люди.

«Санаторий «Русь» раскинулся на просторной территории площадью 22 га, на самом берегу моря, — утверждает на сайте санатория. — Великолепный дендропарк, окружающий его корпуса, выгодно подчеркивает архитектуру здравницы, словно обрамляя здания в зеленое кружево. Санаторий «Русь» принадлежит Управлению делами Президента РФ. Здесь проводятся разнообразные мероприятия, в том числе мирового уровня. Так, в сентябре 2006 года в комплексе состоялась встреча В. Путина с парламентариями стран «большой восьмерки», а в ноябре того же года прошла научная конференция врачей-гастроэнтерологов с участием зарубежных специалистов»¹.

И фотогалерея не разочаровывает: центральный фасад с колоннами, лестницами и портиком, похожий на особняк графа Шереметьева, пляж, бассейн, фонтан, роскошные номера, ресторан с дорическими колоннами и тяжелой хрустальной люстрой.

Правда, разочаровывают цены. «Посмотрел прайс и офигел»², — жалуется один из участников интернет-форума санатория. Номера загружены на 10 — 15%. Все медицинские процедуры теперь за свой счет, так что опытные отдыхающие советуют брать с собой не много денег, а очень много, и замечают, что за такие деньги выгоднее отдыхать за границей. Нефтяников на форуме как-то не видно, в основном банковские работники, которые жалуются на сервис, обхождение с налетом совковости и тараканов в столовой.

Причем с каждым годом жалуются все больше. Создается впечатление, что после ухода «ЮКОСа» там все благополучно разваливается.

Санаторием «ЮКОС» владел недолго. В апреле 2000-го купили 69,54% акций ЗАО «Русь» за 300.000 долларов США, и довели свой пакет до 79,55%. Занимался этим, понятно, Голубович. «Видимо, по крайней мере, в моем понимании, лучший санаторий в регионе Сочи покупался потому, что была возможность купить его за очень невысокую цену, — вспоминал он на втором суде над Ходорковским и Лебедевым. — В общем, как-то мы сумели сформировать контрольный пакет этой «Руси», и туда, с какого-то момента — по-моему, даже я еще в «ЮКОСе» работал —

¹ <http://russ-sochi.ru/http>.

² Примерно 200 — 250\$ на человека в день за двухместный номер средней паршивости. В среднем четырехзвездочном отеле на самом берегу моря в Болгарии цены примерно в два раза ниже.

отправлялось довольно большое количество сотрудников на отдых вроде бы».

В декабре 2006-го, когда «ЮКОС» уже был признан банкротом и перешел под контроль конкурсного управляющего Эдуарда Ребгуна, арбитражный суд Москвы вдруг занял его сторону и решил взыскать с управления делами президента РФ около 80 миллионов рублей компенсации за имущество сочинского санатория, изъятого в пользу государства. Средства эти поступили в конкурсную массу «ЮКОСа», основными кредиторами которого тот же арбитраж признал Федеральную налоговую службу и госкомпанию «Роснефть»¹.

По сути, государство возвращало себе когда-то украденные у «ЮКОСа» деньги.

А в 2007-м, в ходе банкротства «ЮКОСа», уже пустое ЗАО «Русь», когда-то владевшее санаторием, было продано «Роснефти» за 10 (десять) копеек.

«Ситуация с «Русью» стала для меня очень серьезным знаком, — пишет мне Ходорковский. — Власть, отнимая собственность, не стала договариваться, а просто тупо заставила суд наплевать на закон».

МИФ О ПОЛИТИЧЕСКИХ АМБИЦИЯХ

У меня есть этот ролик, и его легко найти в интернете². «А еще Ходорковский не скрывал своих политических амбиций», — утверждает голос за кадром. «Я давно для себя решил, — говорит уже Михаил Борисович, — что в 45 лет, когда у меня будет 30 лет трудового стажа, я закончу работать в каждодневном бизнесе. Моя позиция достаточно простая: я считаю, что для того, чтобы страна наша развивалась нормально, нам нужно, чтобы в стране было гражданское общество. Отсюда много чего произрастает: независимые суды, ответственное правительство, нормальная государственная дума — это все произрастает из гражданского общества».

Многие помнят это выступление Ходорковского, я обсуждала его со многими людьми, часто неглупыми, и все убеждали меня, что он сказал, что собирается после 45-и оставить бизнес и уйти в политику.

¹ Газета «Коммерсантъ» № 242 (3573) от 26.12.2006.

² http://www.youtube.com/watch?v=-O2Afr_n1Hs&feature=related.

Ну, посмотрите еще раз: ссылка внизу страницы.

Не говорил он этого.

Это голос за кадром.

И только близкие к нему люди рассказывали мне, что он собирался заняться проектами в области образования.

А власть — не гражданское общество. Его сверху не строят. Это сурковщина — строить сверху гражданское общество. Имитация получается, ничего больше. Здесь либо-либо: либо строить гражданское общество, либо уходить во власть.

Финансирование партий

Вопрос о его политических амбициях, однако, не тогда возник, не в 2003-м.

Гораздо раньше.

О том, не собирается ли он влиять на выборы, его спрашивали еще в 1999-м¹.

«Я — обычный нормальный человек, — отвечал Ходорковский. — И такое желание, конечно, возникает. Но надо уметь сдерживаться. Предприниматель, который не может сдержать этих порывов, получает фамилию Березовский. И занимается уже не промышленностью, а политикой. Такой выбор был и у меня, и я сделал его в пользу промышленности»².

Уже тогда он открыто заявил о том, что поддерживает партию Явлинского: «Кроме того, что я руковожу компанией, я еще живу в России. И, значит, у меня может быть моя личная политическая позиция. И я заявил, что лично я, Михаил Ходорковский, постараюсь своими личными возможностями помочь «Яблоку». «ЮКОС» не имеет к этому никакого отношения и иметь не будет»³.

Валерия Новодворская как-то заметила, что финансировать «Яблоко» — это выброшенные деньги.

«Золотые слова», — прокомментировал Василий Савельевич Шахновский.

— Знаете, я лично был категорическим противником финансирования «Яблока», — вспоминал он. — Категорическим противником. У меня достаточно большой опыт общения с Григорием Алексеевичем. Я сразу сказал, что ни к чему хорошему это не

¹ Михаил Ходорковский. «В нефтянке буду работать до конца карьеры»: <http://www.oilcareer.ru/publ/11-1-0-101>.

² Там же.

³ Там же.

приведет. Он считал: вы меня финансируйте, потому что я такой великий, а я перед вами никаких обязательств не несу.

Вы знаете, для меня Григорий Алексеевич Явлинский перестал существовать после того, как написал статью в «Известия» перед вынесением приговора Ходорковскому. Суть статьи сводилась к следующему: неважно, что Ходорковский совершал преступления, конечно, совершал, но будьте милосердны.

Лучше бы он это не писал, понимаете? Потому что уже, когда Ходорковский сидел в тюрьме, Явлинский обратился за дополнительным финансированием его избирательной кампании, и Ходорковский дал отмашку, а потом я узнаю, что Григорий Алексеевич распространяет информацию о том, что Ходорковского в качестве спонсора ему навязал Кремль.

Он хотел отмазаться от Ходорковского. Понимаете, они же антиолигархические. Они же денег у олигархов не берут, ну навязал им Кремль спонсором Ходорковского. Ну, что ж тут сделаешь! Они все такие святые, такие замечательные.

Поэтому от Григория Алексеевича я всегда рекомендовал Ходорковскому держаться подальше. Давайте оглянемся на перспективу. Сколько у нас Явлинский в политике? Пятнадцать лет? В сухом остатке-то что от действий Григория Алексеевича? Он же деградировал. Он выпирал из своей партии всех людей, которые представляли ему хоть какую-то угрозу. А теперь, ну, слушайте, ну, Митрохин — лидер партии!

У меня к Григорию Алексеевичу «теплое» отношение еще со времен моей работы в мэрии. С ним невозможно договориться. Он всегда будет оставлять дверь открытой, в которую потом обязательно выскользнет. Он формулирует договоренности так, чтобы потом объяснить, почему он их не выполнил. С ним невозможно договариваться. Невозможно, потому что если посчитает, что ему выгодно эти договоренности не выполнить, он их не выполнит, а потом объяснит, например, что Ходорковского ему навязал Кремль.

СПС Михаил Борисович тоже финансировал.

— СПС финансировалась не только Ходорковским, причем абсолютно открыто, они не делали секрета из источников финансирования, — рассказывает мне Шахновский. — Он финансировался крупным бизнесом, по крайней мере, в период с 2000-го по 2004 год. Это были открытые платежи, и об этом все знали. Кстати говоря, и финансирование «Яблока», и финансирование

СПС, все было согласовано с Кремлем. Без одобрения Кремля, естественно, мы бы на это не пошли. Суммы были согласованы!

— Никита Белых говорил, что последний год на свои деньги партию содержал, — замечаю я.

— Да, денег не стало, просто потому, что Кремль запретил финансирование.

— То есть Кремль запретил — и все. И все погибло.

— Сейчас да. Сейчас Кремль запретил — и все. Я не знаю, что бы было пять лет назад, если бы Кремль запретил, а сейчас то абсолютно точно. Слушайте, ну, кому из бизнеса, если ты чистый бизнесмен, кому же захочется терять бизнес в таких условиях. Я всех понимаю.

Тогда, в 2003-м, СПС и «Яблоко» пытались объединить.

— Я всегда был сторонником этого, — рассказывает мне Леонид Невзлин, — но теперь, правда, про «Яблоко» можно забыть. А в тот период, когда не было альтернативы, я был сторонником объединения демократических сил, у которых нет особых противоречий в идеологии. Я был достаточно наивен, потому что не понимал личности Явлинского.

— То есть вы считаете, что это из-за него ничего не получилось?

— Без всякого сомнения. Все остальные куда более вменяемы. Сейчас можно доказать, то, что Явлинский авторитарен. Уходя из партии, поставить Митрохина, вы же понимаете: это после меня хоть потоп. Я об этом никогда не думал, много с ним общался и считал действительно человеком либеральных взглядов. У СПС была определенная негативная история, связанная с тем, что они прошли через власть. Но ничего критичного, и они были готовы к смене лидеров, если бы Гриша пошел на объединение.

Я и Шахновский доказали Ходорковскому необходимость объединения. И он в это поверил. При том раскладе, что был тогда, учитывая, что власть еще не настолько выстроила административный ресурс, это был единственный шанс их прохождения в Думу. И они бы, возможно, еще сидели там со своими десятью, а когда и пятнадцатью, процентами. Но они предпочли личные амбиции результатам политической работы, политической игры и борьбы.

Я не могу сказать, что Михаил Борисович на это сильно реагировал. Или эмоционально. Нет. Он был уважаемая, объединяющая фигура, и я считал, что он мог бы войти в список и даже возглавить его, но он не хотел идти в Думу. Хотя объеди-

нение через Ходорковского позволило бы торговаться с известной степенью надежности. Например: либо вы объединяетесь в такой общий список...

— Который возглавляет Ходорковский.

— Ну, например, да. Мы думали об этом с Шахновским. Ну, и для баланса два человека в списке лидеров оттуда и оттуда. И если Явлинский не идет на такую программу, следующим шагом было бы: ну хорошо, мы идем без тебя. СПС, допустим, прошел, что было вполне реально при том авторитете и возможностях Ходорковского. Тогда Явлинский был бы вынужден задуматься. Сам бы не пошел — поставил бы кого-то вторым. Но объединение бы произошло.

Честно вам скажу, тогда, в 2003-м, политические игры не были суперприоритетны. В тот момент Ходорковский занимался двумя важными вопросами: во-первых, слиянием компаний и планируемым обменом акций с американской компанией после объединения с «Сибнефтью», и, во-вторых, крупными социальными проектами. А политика была на третьем месте. Он тогда раскручивал идею слияния и объединения с американской компанией, красивую идею и систему социальных проектов: «Открытую Россию». А это? Ну, это важно, но не настолько важно, чтобы себя красить в политические цвета и уйти автоматически из других дел.

— Михаил Борисович человек достаточно порядочный, — говорит Василий Савельевич. — Когда обещал давать деньги, он же не брал с Явлинского обязательства объединиться с СПС. Свою часть пути прошел до конца, никогда не отрекся и давал в разы больше обещанного. В разы. А по поводу объединения я с самого начала говорил, что из этого ничего не выйдет.

Ходорковский считал, что нельзя действовать такими методами, что правильно, конечно. Это не бизнес, здесь порядки немножко другие. И другие должны быть методы. Нельзя было ставить ультиматум: ты объединишься или мы тебе перекроем финансирование.

«Почему Вы в 2003 году отказались возглавить объединенный список СПС и «Яблока»? — спрашиваю я Михаила Борисовича. — Это не казалось Вам достаточно важным? А Вы не считаете сейчас ошибкой Ваше нежелание тогда вплотную заняться политикой?»

«Мне никто этого не предлагал, — отвечает он, — и это тоже один из устоявшихся мифов, не имеющих отношения к действительности. Ошибкой считаю то, что недостаточно уделял внима-

ние становлению гражданского общества, а вовсе не то, что сам не участвовал в каких-либо выборах».

Финансировали не только «Яблоко» и СПС. КПРФ тоже оказалась в этом ряду.

— И это было согласовано с Кремлем, — рассказывает мне Василий Шахновский. — Идея заключалась в том, чтобы через финансирование туда ввести несколько человек, до десяти человек, и в случае необходимости расколоть партию. И когда Путин в апреле 2003 года обратился к нам: прекратите финансирование КПРФ, — с этого момента мы больше ни копейки туда не дали.

Муравленко, правда, действовал самостоятельно. Как говорят, потерял связь с первичной организацией. И уже никакого отношения не имел к Ходорковскому. Я больше вам скажу, тот список я сам лично подавал Суркову. Часть этих фамилий просил Сурков, чтобы мы ввели и профинансировали.

24 мая 2010-го показания в Хамовническом суде давал Михаил Касьянов: «Когда после февраля 2003 года началось напряжение между президентом Путиным и компанией «ЮКОС», когда в июле 2003 года арестовали Платона Лебедева, это было очень вредным шагом с точки зрения экономической политики по развитию предпринимательства и привлечению инвестиций в Российскую Федерацию. Поскольку к деятельности председателя правительства напрямую не относится взаимодействие с Генеральной прокуратурой, я обратился к президенту России Путину с просьбой пояснить, известно ли что-либо ему на этот счет и почему такие вещи происходят.

Президент Путин дважды отказывался поддерживать такой разговор, но потом все-таки дал мне ответ. И сказал примерно следующее. Что компания «ЮКОС» финансировала политические партии — не только СПС и «Яблоко», которые он, президент Путин, разрешил им финансировать, но также и Коммунистическую партию, которую он, президент Путин, не разрешал им финансировать.

Я не стал развивать этот разговор, потому что для меня этот ответ был чрезвычайно удивительным по двум причинам. Первое. Для меня было удивительно, что разрешенная законом деятельность по поддержке политических партий, оказывается, требует еще секретного одобрения президента Российской Федерации. И второе. Этот ответ о финансировании партий я услышал от президента Российской Федерации в ответ на вопрос, почему Платон Лебедев находится в тюрьме. После этого у меня

сформировалось однозначное мнение о том, что арест Платона Лебедева является политически мотивированным.

Уже осенью, после ареста Михаила Ходорковского, мои попытки поговорить с президентом Путиным о неприемлемости таких вещей наталкивались на его нежелание обсуждать. Ответ был простой: «Генеральная прокуратура знает, что делает». Безусловно, к концу 2003 года у меня сформировалось однозначное убеждение, что Михаил Ходорковский и Платон Лебедев арестованы и находятся под подозрением по политически мотивированным основаниям».

У меня нет причин не доверять Михаилу Касьянову. А вот его собеседнику я не доверяю ни в малейшей степени. Обычная разводка.

Видимо, чтобы завербовать Касьянова, ему надо было сказать о финансировании нехороших коммунистов ужасным Ходорковским.

Но не вышло. Не завербовал.

«Свои протесты в этом плане я выражал публично, что в том числе явилось одним из разногласий в нашей совместной деятельности, моей как председателя правительства и Владимира Путина как президента Российской Федерации», — рассказывал Касьянов на суде.

— Посадить Суркова, Волошина и меня, — говорит мне Шахновский. — Все эти разговоры я лично вел. И спросить: «Слава, согласовывал ли ты финансирование коммунистов с Путиным? Потому что мне ты сказал, что согласовывал. А сейчас что скажешь?»

Приходилось финансировать и «Единую Россию». Михаил Ходорковский был слишком осторожен, чтобы от этого отказываться.

— Там был установлен план финансовый — говорит мне Василий Савельевич. — Сначала деньги переводились, когда там Шойгу был — то Шойгу. Потом по-другому делалось.

Ходорковского много упрекали за то, что он финансировал все партии подряд.

— Он пытался нормально влиять на построение гражданского общества, — вспоминает Шахновский. — Конечно, партии нужны. И в российских условиях для становления, конечно, нужны деньги, потому что власть этим не занимается. Но вот она занялась в 2002-м идеологией и довела страну до того, что мы сейчас имеем. А если счесть, что на грядке все само должно вы-

растать, все это забивается сорняками. Кто-то эти сорняки должен полоть, почву подкармливать, удобрения вносить. Садовник должен быть. Я не хочу сказать, что Ходорковский примерял тогу единоличного садовника, но хотел что-то сделать. Абсолютно искренне. Абсолютно не собирался подминать под себя «Яблоко», как и СПС. Хотя с СПС, в отличие от «Яблока», можно было договориться и быть уверенными, что договоренности будут выполнены, если договорились. Я не говорю про ошибки СПС, но если уж ты договорился, то договорился.

«Покупка» Думы

В знаменитом цикле статей Владимира Перекреста «За что сидит Михаил Ходорковский» есть следующий пассаж: «Если в Думе-99 было, по некоторым оценкам, порядка ста подконтрольных «ЮКОСу» депутатов, то в 2003 году их число обещало быть намного больше. Во всяком случае, как говорили близкие к Кремлю источники, президенту доложили, что «ЮКОСу» «присягнули на верность» ровно 226 депутатов — количество, необходимое для обеспечения простого большинства. Подозрительная точность — возможно, преувеличили. Но и председатель комиссии Госдумы по противодействию коррупции Михаил Гришанков подтвердил «Известиям», что кандидатский «список «ЮКОСа» насчитывал не менее 200 фамилий».

На самом деле цифры были несколько меньше, да и история совсем другая.

— Все обвинения в наличии планов захвата власти — это абсолютная туфта, — говорит мне Василий Шахновский. — Все, что касалось финансирования партий и депутатов, было не то что согласовано, это был совместный с Кремлем проект. Совместный.

Помимо финансирования «Единой России», помимо финансирования одномандатных депутатов, которые были согласованы с Кремлем, а некоторых нас Кремль просил финансировать, к нам приходили люди, просили деньги, и это тоже согласовывались с Кремлем. Вот столько можно давать? Можно. Можно дать Морозову деньги? Можно. «Сколько?» — спрашивал я. Вот столько. И я давал столько Морозову.

Кого-то мы находили в регионах, в которых работали, кого-то просил поддержать Сурков, кто-то приходил к нам сам и просил о финансировании. И опять-таки технология этих договоренностей также была оговорена с Кремлем.

У нас была основная задача: создать нормальную следующую Думу. Потом быстро в течение года принять пакет жестких экономических реформ. Нас эта модель абсолютно устраивала.

— Экономические реформы, которые вы хотели, были приняты? — спрашиваю я.

— Нет. Потому что 2005 год — это не 2003-й. Даже 2004 год — это не 2003-й. Дума начала работать в 2004-м.

— То есть изменилась система принятия решений?

— Я однажды, где-то в 2005-м или 2006 году, в аэропорту европейском встретил одного из вице-спикеров Думы, с которым у меня хорошие отношения были и еще остаются. Я ему говорю: «Слушай, ты мне скажи, какого уровня вопросы сегодня решаются в Думе?» Он говорит: «Ты чего, издеваешься? Никакие вопросы в Думе не решаются». Никакие. Вопросы решаются в кабинетах у чиновников, вопросы решаются, когда какой-то депутат в силу хороших отношений приходит куда-то. Но в самой Думе, в комитетах, на фракциях, не решается ничего. Это абсолютно формальный институт.

Понимаете, когда Грызлов сказал, что Дума — не место для дискуссий, он был абсолютно прав. Потому что именно таким образом она в результате и была построена. Всех отстроили, всех посадили на зарплаты, все не могли никуда дернуться. А в 2002-м, 2003-м тогда еще не было этого. Были свободные СМИ, были разные силы.

А уже в созыве 2003-го года все было бессмысленно.

Увы, человек, о котором я пишу, приложил руку к построению имитационной демократии, которая его и сожрала. Прискорбно, каковы бы ни были его цели. Согласованные с Кремлем депутаты естественным образом перешли на сторону сильного.

— То есть Дума была та самая, в которую вы проводили людей? — спрашиваю я Шахновского. — В ней были ваши люди? И все легли под Кремль. Не потому ли, что были согласованы?

— Большинство, — говорит он. — Да и «ЮКОСа» уже не существовало, и никто не требовал выполнения стартовых договоренностей.

Я понимаю, что политика искусство возможного. Да и Кремль тогда еще не казался твердыней адаовой. И сотрудничество с ним не воспринималось как предательство и позор.

Но сам принцип согласования — это путь к тому, что мы имеем сейчас! Понимал ли Михаил Борисович, что творит?

Ведь бывает и иначе. Советы в СССР тоже были декоративным органом власти, но когда в 1990-м туда пришли независимые люди, они смогли переломить ситуацию.

«Понимали ли Вы в 2003-м, что согласование депутатских списков с Кремлем — это прямой путь к имитационной демократии? — спрашиваю я Ходорковского. — Считаете ли Вы, что были правы, участвуя в такого рода сотрудничестве с властью?»

«Считал и считаю обсуждение списков между сотрудничающими политическими силами — нормой, — отвечает он. — Диктат — неприемлем, а разумный компромисс — это основа основ любой политики в любой стране. Мне с диктатом столкнуться не пришлось. Обсуждение в «утверждение» превратилось позже».

— Думу покупали оптом и в розницу в то время все, поэтому он мало чем отличался от всех, — рассказывает мне Ирина Ясина. — Просто, может быть, делал это умнее. В свое время он сказал, что хотел бы, чтобы мы не проплачивали, как все, каждый конкретно кивок, чих и так далее, а у нас были единомышленники, которые бы видели развитие России, как он это видел. И это было абсолютно правильно, потому что нужно было иметь образованных депутатов, а не просто марионеток, которые в нужный момент поднимут руку.

И юкосовских депутатов было не 200 человек.

Гораздо меньше.

«Он (Ходорковский. — *Н. Т.*) помогал пройти в Думу людям, которые были в состоянии отстаивать близкие ему идеи, — вспоминала Ирина Ясина в интервью журналу «Профиль»¹. — Он понимал, что демократия — это не единоголосное голосование «за» и не наследная монархия. Ему были нужны активные люди, которые ответственно, а не тупо будут голосовать за те или иные законы. Ходорковский готов был давать им деньги, поскольку, как все мы знаем, проход в Думу у нас не бесплатный. Был ли он прав — не знаю. К чести Ходорковского могу сказать — к отбору людей он подходил очень аккуратно. И с точки зрения уровня IQ и с точки зрения моральных критериев. Но много таких людей не нашлось. На моей памяти было отобрано всего человек 40. Это были люди из всех партий, включая ЕР, за исключением, пожалуй, только ЛДПР. Был еще и список побольше — на 88 человек, с включением туда тех, кого хотел видеть в Думе Кремль. Но это было в пору сильной любви между Кремлем и Ходорковским».

¹ Журнал «Профиль» № 36(450) от 03.10.2005. *Дмитрий Миндич, Мария Баранова.* «Две политики».

— Список был большой, — рассказывает Василий Савельевич. — Тех, кого мы финансировали. Список был, конечно, большой. Не двести, конечно. Реальная цифра сорок. Я думаю, она близка к истине. Но они были по разным квотам. Например, в обмен на поддержку кремлевских проектов, еще за два года до этого была договоренность, что всем компаниям будет дана квота по два-три человека на проходные места. В частности, госпожа Бурыкина прошла по квоте «ЮКОСа», и за нее дополнительно денег не платили, потому что она была вставлена на это место. Были люди, которых мы включили в результате договоренностей с Явлинским в список Явлинского. Были люди в списке КПРФ. А были люди, которых мы финансировали по одномандатным округам. Там были разные, пересекающиеся множества, но ближе всего к истине цифра сорок.

— И не только у «ЮКОСа» были свои депутаты?

— Конечно. Квоты, финансирование одномандатников. Одна из задач согласования с Кремлем — это чтобы мы не финансировали никого против Кремля в одномандатных округах. Если мы финансировали кого-то не от «Единой России», я вас уверяю, что в этом округе от «Единой России» были либо непроходные депутаты, либо те, избрания которых не хотел Кремль. Мы избежали конфликта даже по одномандатникам не из списка «Единой России».

Но 200! Если б мы финансировали 200 человек и могли дать им команду, мы бы просто развалили Думу после ареста Ходорковского.

И из сорока далеко не все прошли в итоге.

Тех, кого мы финансировали по просьбе Кремля, было в Думе человек 20. И это не значит, что можно было дать команду, и человек говорил «есть». С ними нужно было разговаривать, убеждать в справедливости того или иного шага и так далее.

Всего в Думе 450 депутатов. 20 из 450 — это меньше 4,5%...

Ходорковскому приписывали парламентское, а то и конституционное большинство...

А он до пяти процентов не дотянул.

В сентябре 2005-го в распоряжении программы «Однако» оказался один из депутатских списков «ЮКОСа»: одиннадцать человек. И еще четверо под вопросом.

— Ну, какая-то бумажка досталась кому-нибудь при обыске, — прокомментировал мне Василий Шахновский.

«Это конкретный проект захвата власти путем скупки за деньги по предварительному сговору большинства депутатов парламента», — объяснил Михаил Леонтьев в программе «Однако».

«Открытая Россия»

Ходорковский «не просто решил взять в свои руки власть, он строил для этого вертикально и горизонтально интегрированную структуру, сетевую партию под шапкой «Открытой России», — утверждал Леонтьев в программе «Однако» от 14 сентября 2005-го.

В тот же день информационное агентство «Стрингер» опубликовало статью ««Буря и натиск» «Открытой России»» с копиями документов о совещании руководства «Открытой России» от 14 марта 2002-го об утверждении PR-стратегии этой организации.

Их Леонтьев уже успел обсудить в предыдущей программе. Что же это за пиар-стратегии?

Первая так и называется: «Буря и натиск».

«Стратегия заключается в прямом и откровенном признании того, что крупный бизнес заинтересован в создании в России такой экономической ситуации, которая бы:

- минимизировала бы опасность национализации в стране;
- не вынуждала бы крупных бизнесменов покинуть страну из-за невыгодных условий для ведения бизнеса;
- создала бы условия для всего населения страны осуществлять предпринимательскую деятельность;
- стимулировала бы население к достижению материально-го благополучия;
- позволила бы снизить число бедных в стране;
- снизила бы уровень социальной напряженности в стране, выражающийся в ненависти к богатым из-за огромного экономического разрыва между бедными и богатыми».

Это полный вариант, выложенный на сайте «Стрингера». Честно говоря, под каждым словом готова подписаться.

А вот господин Леонтьев в «Однако» ее чуть-чуть сократил:

«Стратегия заключается в прямом и откровенном признании того, что крупный бизнес заинтересован в такой ситуации, которая бы минимизировала опасность национализации в стране, не вынуждала крупных бизнесменов покинуть страну».

И все! И никакого тебе снижения числа бедных, условий для предпринимательской деятельности и снижения социальной напряженности.

Неужто до конца не дочитал?

Это не ложь, конечно. Даже не полуправда. Правды здесь меньше двадцати процентов.

Но наибольшее раздражение господина Леонтьева вызвал субъект пиар-стратегии «МБХ — духовный лидер российской молодежи».

Нет, ну правда. Ну, какой МБХ — духовный лидер? В России может быть только один духовный лидер, и у него совершенно другие инициалы. А всякий, кто претендует на ту же роль, в скором времени оказывается либо за решеткой, либо за границей.

Пиар-стратегия эта была отвергнута и, думаю, не из-за высоких репутационных рисков и сопротивления общественного сознания, как счел Леонтьев, а из-за интеллигентского состава совещания руководства «Открытой России». Кроме топ-менеджеров и главных акционеров «ЮКОСа» присутствовали Ирина Ясина и Александр Осовцов. У последних, думаю, отвращение к любому культу личности в крови.

Да и сам субъект не особенно увлекался построением собственного культа. В отличие от некоторых товарищей из своего окружения.

Ну и дороговизна стратегии сыграла роль. МБХ всегда был расчётлив.

Еще одна стратегия, построенная вокруг личности Ходорковского, называлась «Русский Сорос», была третьей по счету и тоже была отвергнута.

Приняли второю под названием «Дымовая завеса».

Думаю, что пиарщики «ЮКОСа», упражняясь в ней в остроумии, никогда не предполагали, что их внутренний документ когда-нибудь станет достоянием специфической гласности от программы «Однако», где ведущий будет делать из названия далеко идущие выводы и перепутает пиар-стратегию с политической программой.

«Стратегия заключается с том, чтобы создать убедительную «дымовую завесу» или замаскировать истинные политические амбиции «Открытой России» и ее руководителей, — гласит текст на сайте «Стрингера». — Основное ключевое сообщение программы: Российский бизнес осознал свою социальную ответственность перед населением и хочет помочь согражданам получать образование, находить хорошую работу, много зарабатывать в России и для России.

Одновременно с широким информированием населения и в особенности целевых аудиторий о спонсорских, благотворительных и просветительских проектах «Открытой России» ведет-

ся последовательное информирование населения о преимуществах демократии и пропаганда соответствующих идей».

«То есть демократические идеи — это и есть дымовая завеса», — победно заключает Леонтьев.

Здесь я не могу утверждать, что он до конца не дочитал. Он шапку не посмотрел. Несколькими строчками выше есть заголовок «Пиар-задачи «Открытой России»». И первая пиар-задача — пропаганда демократических идей.

Именно распространение этих идей и есть политические амбиции «Открытой России», которые нуждаются в маскировке под просвещение и благотворительность, поскольку слишком абстрактны для населения.

Об этом совещании я расспросила Василия Савельевича Шахновского, который, если верить «Стрингеру», в нем участвовал, и дала ссылку на источник.

— Я не заходил на этот сайт, могу сейчас попробовать туда зайти. Вряд ли я сейчас вспомню, что конкретно было. Что касается «Открытой России». Я не могу залезть в голову Михаила Борисовича, поэтому выскажу свое мнение: думаю, что организация создавалась как инструмент участия в общественно-политической жизни. В какой-то момент Ходорковский понял, что власть, во-первых, ведет страну в неверном направлении, и необходимы возможности для влияния на ситуацию. Старые механизмы 90-х годов уже не работают по целому ряду причин. Ну и второе, он на протяжении достаточно большого количества лет был противником покупки власти, того, чтобы все решать коррупционными методами. Одна из идей было создание нормального, гражданского общества.

Возможно, какие-то проекты и обсуждались. В чем там пафос-то этого «Стрингера»?

— Якобы это был пиар Михаила Борисовича, чтобы построить партию под него. С целью захвата власти.

— Конечно, пиар Ходорковского там был, чего там говорить. Любая бизнес-структура пиарит своего руководителя. Но никакой речи о захвате власти не было. Вы представьте себе: идет разговор о захвате власти в присутствии там сорока свидетелей, причем все это фиксируется на бумаге. Вы можете себе представить такое?

Сам документ оригинальный. Второй документ «Задачи «Открытой России»», может быть, и был. Ну и что?

Я не могу вам сказать точно, был ли такой документ, потому что прошло столько лет, но обсуждения были. Да, это близко к

тексту, но я ничего не вижу в этом документе, что могло бы быть интерпретировано как попытка захвата власти.

— Но не было ли действительно планов строительства партии на основе «Открытой России»?

— Не было, сто процентов. Была *форма*, организация, и был создан инструмент ее абсолютно цивилизованного участия в общественно-политической жизни. Партия — несколько другое. В первую очередь — это объединение людей по политическим целям. Задача построения партии не было 100%.

Школа публичной политики

Вывод о партии Леонтьев сделал по чисто внешнему при- знаку.

В пятидесяти регионах планировалось открыть отделения «Школы публичной политики». «Школа» существовала, по крайней мере, до конца 2005-го, именно к декабрю этого года относятся последние новости на ее сайте, который еще можно найти в web — архиве. До пятидесяти отделений, правда, не дотянули, но в 2005-м их было более сорока.

«Политика, если отбросить горлопанство, это такая же профессия, как другие, надо знать ее азы и совершенствоваться. И молодой человек, в принципе, может выбрать профессию политика. Но, если идти своим путем, как у нас на рубеже 80-х — 90-х годов, он набьет все шишки, — рассказал мне один из бывших менеджеров «Открытой России». — «Школа публичной политики» была попыткой создать клубы, где люди, уже прошедшие такую школу, имеющие теоретический опыт, практический, могли бы делиться им, а главное — зарождать какую-то дискуссию, полемику. Чтобы молодые люди, которые хотят заниматься политикой, умели спорить, умели отстаивать свое мнение, имели обзор того, что вообще может быть, все же уже проходили, чего каждый раз на одни и те же грабли? И из фамилий, кого-то назвать... Делягин выступал, Иноземцев, Кара-Мурза. Ну, люди, которых и послушать-то интересно. Они вели занятия.

Среди слушателей были представители демократической волны, остальным-то полемика не нужна, чего там полемизировать, «не место для дискуссий».

И действительно, список лекторов напоминал состав авторов «Новой газеты» и журнала «The New Times», и в большей части с ним пересекался.

«Основная задача проекта — формирование человеческого ресурса, нацеленного на практическое проведение демокра-

тических преобразований, — рассказывалось в программе «Однако». — Цель — к концу 2006 года — началу 2007 года создать вертикально и горизонтально интегрированную структуру, позволяющую осуществлять мониторинг происходящего в лидерских группах, способную влиять на эти процессы и формировать кадровый ресурс для решения текущих и перспективных задач. В течение 2003 — 2005-го годов должны быть открыты около пятидесяти школ региональных отделений».

Откуда господин Леонтьев взял конкретно этот абзац, мне обнаружить не удалось. На сайте «Школы публичной политики» формулировки несколько другие:

«Школы публичной политики — это образовательно-просветительский проект для активных и ответственных граждан, готовых отстаивать принципы демократии, участвовать в становлении институтов гражданского общества в России».

«Школы публичной политики — общественный институт, открытый для людей с разными политическими взглядами.

Школы публичной политики не вторгаются в сферу деятельности политических партий и не участвуют в борьбе за власть.

Школы строят партнерские отношения с региональными органами государственной власти и местного самоуправления.

Школы сотрудничают с другими гражданскими институтами, бизнес-сообществом.

Школы открыты для средств массовой информации».

А задачи «Школ» — содействие модернизации путем повышения образовательного уровня молодых политиков, общественных деятелей и бизнесменов; обеспечение равного доступа к информации, содействие становлению институтов гражданского общества и формирование экспертного сообщества, активно участвующего в образовательных и просветительских проектах.

Здесь уж господин Леонтьев до своего коэффициента правды не дотянул. Далеко до двадцати процентов.

И назвал прообразом партии дискуссионный клуб, у которого даже на сайте прямым текстом прописано, что он «не вторгается в сферу деятельности политических партий и не участвует в борьбе за власть».

Вообще, когда мы говорим о политике и Ходорковском, у меня возникает ощущение двухмерного пространства. словно мы ползаем по плоскости и не можем подняться, забыв, что кроме длины и ширины существует третье измерение — высота, и вещи имеют объем.

И мы увязаем в дискуссии о том, хотел ли он организовать партию и захватить власть.

Захватывать власть можно разными способами: нелегитимным — почта, телеграф, телефон — ленинский план вооруженного восстания; и легитимным — организовав партию и выиграв выборы. И второе — заговор только с точки зрения Леонтьева, а вообще-то законом не запрещено.

И полно партий, сделанных под лидера. В России — вообще большинство. Потому как царь нужен, добрый и свой.

Более того, тогда, в 2003-м, когда «СПС» и «Яблоко» дискредитировали себя междоусобной войной и потеряли голоса избирателей, создание новой либеральной партии было просто жизненно необходимо, чтобы не дойти до того, что мы имеем сейчас.

А Ходорковский мог, но не сделал.

Потому что создавать транснациональную корпорацию ему было интересней.

Не мне его судить. Я сама сейчас, в данный момент, сижу и пишу книгу вместо того, чтобы 31 числа каждого месяца быть как штык на Триумфальной площади.

Потому что книгу писать мне интереснее.

Федерация Интернет-образования

Был еще один проект «Открытой России», отделения которого действительно открылись в пятидесяти регионах.

Но он был еще меньше похож на партию. Так что даже Леонтьев постеснялся его упомянуть.

Это Федерация Интернет-образования.

— Федерация Интернет-образования — это то, чем сейчас гордятся, во многих регионах ее отделения еще работают, — рассказывает мне Василий Савельевич. — И ее создание мы тогда еще с Валентиной Матвиенко обсуждали, она была вице-премьером. Правительство брало на себя задачу проводить кабели ко всем школам.

Федерация создавалась как дочерняя организация «ЮКО-Са». Она должна была взять на себя задачу подготовки специалистов для преподавания Интернета в школе. Договорились, и мы свою дорогу прошли. Более чем в 40 регионах создали организации и стали готовить учителей, и губернаторы просили открывать эти центры, а не подводить Интернет к школам. До сих пор еще не все школы интернетизированы.

Ну, какой это прообраз партии!

О ФИО мне подробно рассказал один из менеджеров проекта Александр Капырин:

— Михаил Борисович считал, что за Интернетом будущее. Как бы тяжело ни жилось в России и в глубинке в конце 90-х, но с голоду народ не умирал. Деньги можно было раздать пенсионерам, учителям, врачам. Это, конечно, хорошо, но это значит — просто проесть деньги. В среднесрочной, долгосрочной перспективе образовательные проекты — более благодарное дело для развития страны.

Одна из многочисленных проблем образования заключалась в том, что мир уходил все дальше в области информационных коммуникаций, оснащения компьютерами и выхода в Интернет. И не просто выхода для общения, а использования Интернета в образовательном процессе.

И цепочка потянулась. Нет компьютеров — дети не знают, что это такое, но и некому объяснить, то есть нет учителей. По государственным программам пошли компьютеры в регионы, сначала в небольших количествах, но даже анекдот ходил: «Дети, поставьте на стол компьютер с пола. Поставили. Поставьте еще два. Сколько будет один плюс два?» Анекдот, конечно. Но компьютеры приходили, а зачастую не использовались, работали как пишущая машинка, причем у директора, детей к ним не допускали. Никаких не было программ по управлению школой, составлению расписания и тому подобное: электронная школа, е-ленинг, «Кирилл и Мефодий», как сейчас. Тогда люди не знали, что это такое.

В конце 1999 — начале 2000 года по инициативе компании «ЮКОС» был начат некоммерческий образовательный проект «Поколение.ru», его основная цель — содействие информатизации российского образования.

Проект поддержало Правительство Российской Федерации, и для его реализации в апреле 2000 года была создана Федерация Интернет Образования (ФИО).

Я работал в структуре, которая называлась «Фонд «Регионы России»». Это было объединение руководителей исполнительной власти регионов РФ (губернаторов, глав администраций, президентов республик). Возглавлял Фонд Егор Семенович Строев, губернатор Орловской области, а тогда еще и Председатель Совета Федерации. Тогда все главы регионов входили в Совет Федерации. Наш Фонд предоставлял им площадку для рабочих встреч, общения между собой и с руководителями федеральных министерств и ведомств, чиновниками президентской

Администрации и Правительства РФ. Помимо этого Фонд оказывал поддержку социальным проектам в регионах. Среди объектов такой поддержки были больницы, детские дома, школы, интернаты, предприятия и учреждения культуры, искусства, спорта. Если в том или ином регионе случалось что-то чрезвычайное, Фонд не оставался безучастным. Трагедия в Беслане, наводнения в Якутии и на Северном Кавказе, другие события немедленно являлись поводом оказания благотворительной помощи.

Проект «Поколение.ру» также курировался Фондом, через который организовывались «выходы» на глав регионов, что и предопределяло успешность проекта. К сожалению, со временем деятельность Фонда стала угасать. На это были и объективные причины, и главная — изменение состава Совета Федерации, когда его покинули руководители регионов. Теперь они гораздо реже выбирались в Москву, причем каждый в свое время и по своим делам. Контакты с ними у нас, сотрудников Фонда, стали все реже... Тем не менее, можно сказать, что Фонд оказал регионам определенную помощь в экономическом и социальном развитии в довольно сложный период — когда цены на нефть еще не были такими запредельными, как сейчас. И очень приятно, что о Фонде и о его сотрудниках в регионах до сих пор добрая память. До сих пор на имя сотрудников Фонда приходят приглашения на крупные региональные мероприятия и праздники, поздравительные телеграммы и открытки, до сих пор там рады звонкам и приветам.

В руководстве «ЮКОСа» было решено, что на средства компании в 50 регионах будут созданы центры Интернет-образования как совместный проект «ЮКОСа» и региона, и в этих центрах будет проводиться обучение учителей школ, причем всего региона. Например, открыли центр в Самаре, значит, обучают учителей всей Самарской области.

И начали такие центры создаваться. Сначала в крупнейших городах России и регионах, где присутствовала компания: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске, Самаре, Воронеже, Красноярске, Нефтеюганске, Барнауле, Белгороде, Иркутске, Брянске... Стандартный Интернет-центр — 4 класса. Или Интернет-центр «удвоенной» мощности — в Московском, Санкт-петербургском, Томском центрах было по 8 классов. В каждом классе по 10 рабочих мест для слушателей и рабочее место преподавателя. Одновременно обучаются 40 человек в течение 2 недель. Многие учителя приезжали из глубинки, из отдаленных сельских школ, они должны были где-то жить. Оплата проезда учителям,

проживание, питание, зарплата сотрудникам Интернет-центра и преподавателям, закупка компьютеров, прокладка Сети — все на средства «ЮКОСа». Регион предоставлял помещение для Интернет-центра и брал на себя оплату коммунальных платежей. Потихоньку в регионах присутствия компании центры были созданы за первые годы реализации проекта. Проект был рассчитан на пять лет. Начало — апрель 2000 г.

Позже центры открывали в регионах, где не только не было деятельности «ЮКОСа», но вообще ни одной заправки. Например, я курировал юг России. Мы в Карачаево-Черкесии открыли центр. Два класса, маленький, усеченный, но и республика маленькая. Я участвовал в организации, договаривались, ездили, встречались с президентом республики и с министром образования. И вот — все сделали, все работает, помещение хорошее, техника... И люди спрашивали: «А мы-то вам сколько должны?» «Да ничего». «Как это? Так не бывает? Откат там... Заплатить? Как это вы нам компьютеры привезете, поставите... Два класса. Двадцать компьютеров и два для преподавателей, и еще серверные. Сколько мы вам должны? Ничего? Ну, у нас на Кавказе так не принято».

И потом, когда в центр пришли преподаватели... Понимаете, вдруг в селе, в горном, приходит разнарядка: прибыть такому-то. А преподаватели предметники, не информационщики: русский язык, история, физика, кто угодно. Приходят и не знают, что такое компьютер. Заходят в класс, им читают что-то такое бесплатно, они живут. Потом обед. «Нет, нет», — говорят. Но все уже организовано, и положен обед. Бесплатно. Они воспринимали это как сказку.

А через две недели они делали презентацию на компьютере. Директор Карачаево-Черкесского центра был совершенно не компьютерщик. А потом, когда проходил Интернет-фестиваль Юга России, (там участвовали все центры ФИО Южного федерального округа), так он тост замечательный сказал: «Хочу выразить слова благодарности Михаилу Борисовичу. Мы хоть знаем теперь, что такое компьютер, какую кнопку когда нужно нажать, что такое Интернет. Учителя возвращаются в школы, к своим ученикам другими людьми. Вообще не могли подойти к компьютеру, не знали, что такое компьютер. А тут можно что-то набрать, распечатать, а можно в Интернете посмотреть, что там газеты пишут, а можно общаться, есть электронная почта. Для них это было нечто необыкновенное».

Заработали центры. С 2000-го их прибавлялось и прибавлялось, и году в 2003-м набрали 50. Потом финансирование стали урезать. Но, в общем-то, мы регионам так и говорили. Мы поддерживаем в течение пяти лет, а потом вы сами берите на баланс. Естественно те регионы, которые поняли, что это для них нужно, не побоялись политических наездов, они центры взяли на обеспечение, закладывали средства в бюджет на проезд преподавателей, или они приезжали за свой счет. Например, Новосибирский центр с 2004 года начал финансироваться из областного бюджета, Ставропольский был поддержан губернатором и краевым правительством. А есть регионы, где быстренько свернули центры. Кто-то испугался. Например, Ханты-Мансийск. Мол, нет, нам этого не надо. Чтобы не ассоциировалось. А Новгородский центр перешел на коммерческую основу и берет деньги за обучение. Ну уж дальше кто как выживет. Есть помещение, компьютеры, Сеть. Хочешь — работай, хочешь — не работай. Каждый решал по-своему.

Помимо 50 региональных центров были открыты центры ФИО для священнослужителей под эгидой РПЦ. Был создан Интернет-центр в колонии для несовершеннолетних. ФИО открыла центр в Белоруссии, в Минске. Когда возникал социальный запрос, принимали решение об открытии центра.

Компания начинала деятельность в регионах. Наркомания, пьянство. Местная молодежь не знает, чем себя занять. А отсюда бандитизм, драки, в общем, нехорошо. Компьютеры были средством отвлечь молодежь.

Кроме центров Интернет-образования, для учителей был второй проект. Он не получил такого широкого распространения. Открылось всего несколько центров, может быть, чуть больше десяти. Назывался проект «Паутинка». Обычно центры Интернет-образования открывались в столичных городах регионов: Ставропольский край — в Ставрополе, Ростовская область — в Ростове, Карачаево-Черкесия — в Черкесске. А в небольших городах создавались Интернет-клубы: молодежь приходила, могла поиграть, получить почту. Сейчас это привычно, по крайней мере в Москве, а в 2003-м, в глубинке, это был определенный прорыв. Этот проект тоже работал под эгидой Федерации Интернет-образования. И «Открытая Россия» в этом участвовала.

Но «Открытая Россия» — более глобальная оболочка. У нее были и другие проекты, но когда открывали центры, торжественно украшалась сцена, и там висела эмблема «Открытой России».

На открытии центра присутствовало руководство региона на уровне губернатора или президента. С ними всегда была договоренность об открытии проекта. Всегда организовывали встречу с руководством Федерации Интернет-образования. Тогда возглавлял Монахов Сергей Владимирович и его первый заместитель Мушер Семен Львович. Определяли, что хотим делать, зоны ответственности, и тогда регион свои обязательства тоже выполнял. А иначе начинали разводить руками: «Денег нет, помещения нет». А если уж губернатор участвовал, таких вопросов не возникало.

Хотя не все регионы были рады. Например, к Дарькину¹ приехали, он сказал: «Ну, хотите открывать, и открывайте, и до свидания». «Нет, так не пойдет, проект совместный. У каждой стороны свои обязанности. И так «ЮКОС» берет на себя львиную долю расходов. Мы же не можем помещение взять и выстроить на чужой земле. Предоставьте помещение, оплатите коммунальные расходы».

Но это редко бывало. Потом очередь выстроилась. Обращались. Например, в Ставропольском крае открыли центр: четыре класса, очень хороший. Жена губернатора возглавила, по профессии она подходила. И губернатор просил еще два класса. А как другие? У нас стоит очередь.

Было очень интересно. И важно не только для страны, для школы, для учителей. Важно и для компании, поскольку позволяло позиционировать ее в хорошем виде. И пиар-проект, и позволяет устанавливать связи с руководителями регионов или укреплять, если они уже установлены: с губернатором, его окружением, председателем правительства региона. Потом легче решать вопросы бизнеса, это помогало. И было интересно работать. Работа неформальная и не рутинная, многоплановая. Люди разные, проблемы разные, где-то с помещением, где-то с ремонтом, со снабжением, все очень живо. И в условиях конкуренции, кто-то в один регион ведет, кто-то в другой. Все хотели, а средств-то нет на всех. Пятьдесят сказали, а регионов-то у нас больше. Было 88, сейчас укрупнять начали.

— Центры создавались при главных ВУЗах городов?

— Губернатор определял. Дзасохов был тогда в Северной Осетии. Мы проговорили сначала с министром, и вроде как вырисовывался один институт. Поговорили с Дзасоховым. Он скорректировал задачу, определил для регионального центра Осе-

¹ Губернатор Приморского края.

тинский Госуниверситет. В Краснодарском крае было интересно. Я выхожу к губернатору, к Ткачеву, с предложением о создании на Кубани Интернет-центра ФИО, а ему все равно. Но получает информацию и вдруг резко активизируется мэр города Сочи. Мостовой. И активно начинает лоббировать организацию Интернет-центра в Сочи. Тогда еще не было речи об олимпиаде, но Сочи — это Сочи. А Ткачев говорит: «Мне все равно». Хотя по всему, и по географическим привязкам, конечно, центр должен был быть в Краснодаре. До моря ведь еще надо ехать, неудобно, далеко. Но губернатор отмахнулся: «Хорошо, спасибо, делайте, поможем, но мне все равно, где». И центр сделали в Сочи. К слову, не всегда открывались центры ФИО в региональных центрах. Но это были все же исключения — Сочи, Апатиты, Магнитогорск...

Были постоянные командировки. По крайней мере, две в регион: одна установочная, выбрать, поставить задачу, и вторая - доведение до ума, наладка, перед открытием центра. А то и три. И то Мончегорск, то Иркутск, то Калининград. У директора Интернет программ Семена Мушера в кабинете карта была, где ставили цветные гвоздики: белые — где планируется создание Интернет-центра, красные — где уже открыты. И карта пестрила вся.

Еще создавались так называемые «ресурсные центры». Например, Кабардино-Балкария. Создан центр Интернет-образования. Тогдашний президент Коков Валерий Мухамедович очень хорошо поучаствовал. И институт был. Ректор Карамурзов тоже активно участвовал. Построили помещение новое, мы его оснастили. Но потом в развитие этого центра в нескольких удаленных населенных пунктах создали центры ресурсные, связанные с этим. В отдаленном Приэльбрусском районе Кабардино-Балкарии, например. И это тоже смотрелось как чудо: в самых предгорьях Эльбруса, на фоне заброшенных горных вольфрамовых разработок советского времени, среди обветшалых строений стоит современный центр с современной техникой. Да не просто стоит, а оттуда можно связаться по Интернету со всем миром!

По поставкам компьютеров организовывали тендеры, и приходилось переступать через определенные традиции. Приезжаем в регион, нам говорят: «А у меня муж как раз компьютерами занимается. Хорошие». И действительно хорошие компьютеры. Давай поставлю, скидку сделаем. Тебе десять процентов. Так люди и договаривались, и дела делали. А я говорю: «Извини. У нас есть служба поставки. Она объявляет тендер в регионе поставить 40 компьютеров. Выиграете — пожалуйста, а мне ничего

не надо». Приятно было так работать в европейском стиле, участвовать в этом, ну, просто приятно. Много пришло в компанию западных и американских менеджеров, они привыкли так работать, и их опыт был очень нужен. И на уровне вице-президентов, и руководителей подразделений компаний. А потом против них возбуждали уголовные дела, и люди бежали за границу. И угрожали уголовными делами. Чуть ли не Тиди, Осборну.

Когда начались нападки на компанию, были выставлены многомиллионные требования, и Михаил Борисович уже был в тюрьме, он говорил: «Будем держать проект, будем держать». Держали, пока могли.

Но настал момент, когда уже не смогли.

Проект очень интересный. Сейчас много компьютеров, а тогда это было в диковинку. Учителя, отучившись две недели, приезжали в свою школу и начинали терзать директора: «Давай компьютеры! Давай Сеть! Давай!» Ведь это же волна. Не просто так он научился. «Давай! Это нам нужно! Это во! Это мы отстаем!» И это шевеление было очень полезно для нашего образования, которое находится в тяжелом состоянии.

Сейчас компьютеры подешевели, и деньги в стране появились, они поступают в школы, и еще бы эту программу реализовать! Ребята, школьники, они все равно более продвинутые по сравнению с учителями, особенно, в городах. И получалось, что учитель, который не знает, как подойти к компьютеру, что такое Интернет, не знает компьютерного сленга, например «пошли мне на мыло», отстает. А это же нельзя допустить, чтобы учитель отставал. А тут они уже разговаривают на одном языке, и учитель что-нибудь такое вернет. А то и наоборот, он впереди.

Федерация Интернет-образования успела сделать свое дело.

А теперь «Открытая Россия» закрыта, счета арестованы. Полностью перекрыли кислород.

Счета «Открытой России» были арестованы в рамках второго дела Ходорковского и Лебедева в 2006-м и арестованы до сих пор, а деятельность «Открытой России» фактически парализована.

Следствие сочло, что через «Открытую Россию» отмывались деньги.

— «Открытая Россия» — абсолютно чистая, прозрачная организация, — рассказывает мне Василий Шахновский. — Если бы там что-то было, давно бы кого-нибудь посадили. За три года абсолютно никого. Единственное, что они смогли сделать, это арестовать счета в рамках совершенно другого дела и парали-

зывать работу. Там ни одного менеджера, ни одного бухгалтера не привлекли».

Дело об отмывании денег через «Открытую Россию» благополучно развалилось, не дойдя до суда. Но проект был уничтожен. Даже сайт перестал существовать.

— Сейчас, если кто-то и захочет что-то поддержать, он не совсем в праве это сделать без согласования, — рассказывает мне один из менеджеров ФИО. Можно поддерживать здравоохранение, РПЦ и спорт. Вопросов не будет. Но уж никак нельзя поддерживать образование. К идеологии близко. Надо правильно поддерживать.

— А идея центров Интернет-образования принадлежала Михаилу Борисовичу?

— Мне говорили, что да.

— А Вы не считаете, что все эти проекты: Федерация Интернет-образования, Школа публичной политики, Клуб региональной журналистики — стали одной из причин преследований?

— В совокупности, думаю, да. Мне говорили в Управлении Образования Москвы: «А чего ты хочешь, когда детям поступали компьютеры, они открывали, а там заставкой портрет Михаила Борисовича?»¹ А первое лицо очень ревностно к этому относилось. Тогда говорилось, что вроде бы бизнес должен участвовать в социальных программах, но, участвуя в социальных программах, компания популяризирует себя и оттягивает от государства позитивное внимание простых людей. Вот мы (компания «АБВ») отремонтировали больницу, построили садик, почистили дворы, каждое первое число месяца устраиваем в парке праздники и бесплатно лечим стариков. А почему государство этого не может? Надо и участвовать, и быть незаметным. То есть: «Дай деньги!» А как украсть, мы и сами знаем.

Тогда урезалась свобода СМИ. Интернет — альтернативный источник информации, а «ЮКОС» ставил его везде, вплоть до глубинки, и призывал читать разные мнения: «Читайте, думайте». Думайте!

Клуб региональной журналистики

Клуб региональной журналистики начал работать в июле 2001 года и просуществовал до 2011-го. Задачи клуба — информирование региональных СМИ о социально-экономических и

¹ По другим свидетельствам, заставкой была эмблема «ЮКОСа».

общественно-политических изменениях в стране и обеспечение свободного доступа к экспертной информации.

Клуб проводил семинары, пресс-конференции, встречи журналистов с экспертами. То есть цель по сути та же, что и у ФИО, и у ШПП — обеспечение свободного доступа к информации. И состав ведущих семинаров тот же — старая либеральная гвардия журналистов плюс несколько не менее либеральных политиков, экономистов и правозащитников.

— Нашей задачей было дать людям возможность найти иную точку зрения, — рассказывает автор и руководитель проекта Ирина Ясина. — Времена, когда начиналась «Открытая Россия», 2001-й — 2002-й — вроде совсем еще свободные. Но, тем не менее, на телевидении все меньше и меньше становилось лекторов либерального плана, людей либерального плана, а возможности дискутировать не было никакой. Я не воспринимала нашу деятельность как оппозиционную, я воспринимала ее как просветительскую. Потому что не секрет, что для нашего среднего человека точка зрения Пушкива и Караулова чаще имманентно присуща, чем либеральная точка зрения, вот это посконноисконное в основном прет из людей. Я не говорю из всех, но это больше. Поэтому главной целью было просвещение.

Ходорковский активно участвовал в проекте.

— Он всегда очень горячо интересовался и очень быстро отвечал на все вопросы, и всегда выступал на семинарах: и на «Помоги советом»¹, и на «Школе публичной политики», и у нас на «КРЖ» постоянно, — вспоминает Ирина Ясина. — Это ему нравилось, он по первому требованию, по первой просьбе приезжал.

Когда начались преследования всего и вся, связанного с «ЮКОСом», Клуб региональной журналистики много обвиняли в том, что он выдает премии журналистам исключительно за хвалебные публикации о «ЮКОСе» и Ходорковском.

— Идея просвещения, с которой я всегда носилась, предполагала, что сам процесс и есть награда, — говорит Ирина Ясина. — То есть человека приглашаешь для того, чтобы он стал умнее, лучше, образованнее. Ну, конечно, мы устраивали конкурсы на лучшую публикацию, действительно, ребята, которые лучше всех писали, получали, например, компьютер, я сейчас уже не помню, что конкретно. Но это совершенно не было целью этой деятельности и, конечно, не было покупкой, потому что «ЮКОС» обладал настолько мощными пиаровскими структурами, пресс-

¹ Еще один проект «Открытой России», о нем ниже.

службой и так далее, что если бы им было нужно изготавливать какие-то статьи, они бы это делали и никаких проблем при этом, думаю, не испытали бы. Но просто сама идея была другая. Я глубоко убеждена и до сих пор убеждена в том, что если журналисту интересно рассказать, то он напишет бесплатно. Просто интересно поставить эту проблему, дать интересного человека, научиться смотреть на тему и с той, и с другой стороны, и все тебе будет. Но если человек совсем испорченный, то он, конечно, скажет: «Давайте все равно деньги». С такими я не работала никогда, у меня не было такой задачи. Я хотела, чтобы журналистское сообщество в регионах стало более грамотным.

— То есть они писали все, что хотели, на любые темы, которые были им интересны?

— Абсолютно. Более того, я никогда не просила, чтобы они писали о «ЮКОСе», никогда, ни в хорошие времена, ни в плохие, ни одного раза. И любой из трех-четырёх тысяч журналистов, которые были на моих семинарах, это подтвердит. С другой стороны, когда Михаила Борисовича арестовали, статьи появлялись, но это был личный выбор каждого. Были потрясающие статьи, я совершенно не ожидала таких. Я помню газету «Золотой Рог» владивостокскую — она вышла с огромной иллюстрацией на первой полосе (такая формата А3): руки в наручниках и надпись «Узник замка РФ» — статья ноября 2003 года. Это не закажешь.

КРЖ — один из немногих проектов «Открытой России», который ее пережил.

— Когда я сохранила свой проект и даже его развила, причем у нас много других направлений уже под лейблом «Клуб региональной журналистики», я никаких проблем не испытывала, — рассказывает Ирина Евгеньевна. — Конечно, деньги найти было сложно, но их всегда сложно найти, независимо от того, давят тебя или нет. Не было задачи задавить совсем. Если бы Осовцов и Ермолин хотели сохранить свои проекты, они бы сохранили.

То есть и «Школа публичной политики», и «Помоги советом» тоже могли бы выжить, но не у всех хватило энтузиазма.

— Фактически все проекты прекратили работу к сентябрю 2006-го, — вспоминает Ясина. — Несколько проектов в регионах продолжало существовать, они, кстати, до сих пор существуют, но под другими названиями, естественно. А мой так и существовал. До конца 2006 года у нас были деньги, выделенные «Открытой Россией», а дальше мы уже сами их находили. Я закрыла Клуб региональной журналистики в 2011 году, поскольку сейчас пресса уже не является таким носителем знаний и информа-

ции, которым стал интернет, мне кажется, что информационный центр переместился из печатной прессы, а также телевидения и радио в социальные сети. Еще в 2007 году вместо КРЖ был открыт проект «Я думаю» для региональных студентов, многие из которых работают в соцсетях и являются активными блогерами.

— Что для Вас значила «Открытая Россия» и ее ликвидация, как Вы это воспринимали? — спрашиваю я.

— Ну, болезненно, конечно, мы жили этой организацией, это была наша и работа, и дом, и семья в определенном смысле слова, это было очень интересно, здорово. Ну, как сказать, знаете как, «Открытую Россию» было жалко, но моя деятельность не прекратилась на этом, просто стала менее комфортной, потому что нужно было искать офис, перевозить мебель, искать деньги. То есть уже не так все было просто и красиво, как в Колпачном переулке. Естественно, для тех, кто просто должен был уходить на другую работу, это была большая травма. Но для нас, для коллектива КРЖ, который тогда не перестал существовать, так мы все вместе и остались — для нас это была смена географии, и мы продолжили все это. Но «Открытку» было жалко, конечно, очень жалко.

«Помоги советом»

В рамках «Открытой России» были и другие проекты. Создавали сельские библиотеки, снимали фильмы об одаренных детях, давали бесплатные юридические консультации.

Последним занимались центры развития местных сообществ и добровольческих инициатив «Помоги советом», созданные по образцу европейских центров развития местного сообщества «Community Center».

Кроме личных консультаций проводились горячие линии по проблемам ЖКХ, земельным вопросам, об ипотечном кредитовании и призыве в армию.

Помогали детским домам и домам престарелых, занимались помощью по хозяйству пенсионерам и инвалидам и даже получали справки в бюрократических инстанциях для тех, у кого опускались руки на этом пути.

Центры продолжали открываться в течение всего 2005 года и даже в начале 2006-го, вплоть до марта, когда счета «Открытой России» были арестованы.

Некоторые центры продолжали работу, несмотря ни на что. Например, тюменский центр возобновил работу в декабре 2006-го при поддержке местного отделения СПС. Но и СПС был не вечен.

В 2012-м «Помоги советом» в рамках проектов Алексея Кудрина пытался воссоздать один из руководителей «Открытой России» Анатолий Ермолин.

Я попросила его об интервью.

— Вы с самого начала были в этом проекте? — начала я.

— Да. Я его придумывал. Главная придумка по сравнению с традиционными центрами развития местных сообществ, как сейчас модно говорить — «краудсорсинг» (мы тогда слов таких не знали, но опирались именно на это). Идея заключалась в создании общественных диспетчерских: человек приходил с проблемой в такой центр, и задача оператора была соединить его с человеком, который может решить эту проблему. А для того, чтобы у нас были люди, решающие проблемы, их надо было обучить. И мы пошли по пути подготовки разнопрофильных волонтерских групп. Одни решали социальные вопросы, другие — проблемы жилищно-коммунального хозяйства, третьи — защиты прав потребителей, и так далее.

Мы открылись в 18 регионах одновременно, и жители были очень довольны. Оказалось, мы угадали: у людей есть огромная потребность в таких центрах. Но самое главное, мы узнали, что есть огромное количество волонтеров, которые готовы абсолютно безвозмездно помогать другим людям.

— То есть в основном работали волонтеры, только руководство было на зарплате, да?

— Менеджмент, да, был на зарплате. Но все равно проект получился исключительно дорогим. Очень много средств «съедала» аренда помещений, поскольку в каждом регионе нужно было арендовать по двух-трехкомнатной квартире. Это большой бюджет. Потом мы поняли, что можно было работать вообще без офисов.

— Это связано с западной программой «Community Center»...

— Ну, какая там западная программа? Это обычная программа. Во всех нормальных странах такие центры существуют. В той же Польше, в той же Германии, в той же Франции. Мы много изучали разного опыта, но всегда придумывали свое. У нас орляцкого и артековского было гораздо больше, чем, скажем, скаутского в «Новой цивилизации»¹. И в этих центрах было гораздо больше из книжки про тимуровцев, про тимуровское движение,

¹ Об этом проекте ниже.

про Тимура. Помните штурвал помощи, от которого тянутся провода с колокольчиками? Надо изучить все лучшее, а потом придумать свое.

— Мне казалось, что вы критически относитесь к пионерскому движению, критикуете его с точки зрения скаутизма.

— Я сравниваю две философии: философию Монтессори — воспитание свободного человека — и воспитание через коллектив. Я объективно относился к пионерской организации, я всегда был сторонником того, что пионервожатые, если это душевные и талантливые люди, которые любят детей и свое дело, они могут получше, чем скаутмастер, научить ребенка. Вопрос в социализации, в подготовке, самое главное — в передаче ценностей. А с точки зрения методов — так это сущая правда, что пионерская организация была скопирована со скаутских организаций. Можно почитать Крупскую, она многократно в разных своих статьях говорила, что надо учиться у скаутов, что у них есть уникальный подход, уникальное обучение профессиям, физическая подготовка. И в итоге появилась пионерская организация, которая использовала основные технологические приемы скаутизма: работу в малых группах, поотрядное поощрение, физическую подготовку. В скаутских организациях девиз не «Будь готов к борьбе за дело Коммунистической партии», а «Будь подготовлен». Пионерская организация — это точная копия скаутизма, с точки зрения организации молодежного движения, но наполненная другими ценностными ориентирами. Поэтому она и развалилась. Если в скаутинге все делалось для вооружения личности, создания компетенции, то в пионерии свелось к тому, к чему свелось. И, в конце концов, победил лозунг «К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!» И ответ: «Всегда готов!». Была выхолощена индивидуальная подготовка и формирование самодостаточной, самостоятельной личности.

— А как развивается проект «Помоги советом» в рамках проектов Кудрина?

— Я предложил ему такую концепцию, посмотрим, что получится. Просто если раньше мы имели возможность предоставлять финансирование, то сейчас мы не ограничены в возможности учить, передавать технологию, но никаких денег никому платить не будем. В этом есть большой плюс. Дело в том, что без денег за решение проблемы возьмутся только воодушевленные лидеры, а за деньги могут взяться любые люди, даже хорошие профессионалы, но которым все равно, где получать зарплату — в этой школе, в другой школе, в третьей школе. Как только пре-

кращаются денежные потоки, эти люди уходят, и все. А для развития такие люди не подходят, для этого должны быть лидеры.

— То есть должна быть фанатичная увлеченность?

— Почему фанатичная? Просто преданность идее должна быть. Я анализировал проекты «Открытой России», где все выжило. Выжили они только в тех регионах, где не давали денег ни на программы, ни на зарплаты. Там, где проросло, проросло через лидеров, которым нравились наши программы, наши технологии, наши методики, а все остальное они находили сами: и деньги, и кадры, и ресурсы, и все.

Что из этого получится, мы сейчас посмотрим. Я думаю, что самое главное то, что сейчас уже четко понятна целевая аудитория. Те, кто вышли на Болотную, понятно, что это — образованные горожане, это не порыв — это формирование новой культуры. Поэтому понятно, на кого нужно ориентироваться; во-вторых, понятно, что надо гораздо большее значение предавать интернету и интернет-технологиям. Это люди интернета.

«Общественный вердикт»

В феврале 2004-го, уже после ареста Ходорковского, был создан фонд «Общественный вердикт» для правовой помощи гражданам, пострадавшим от неправомерных действий правоохранительных органов. Кроме «Открытой России» среди учредителей было общество «Мемориал», Московская Хельсинская группа, международный фонд «Демократия» и фонд «Регионы России».

По словам Михаила Борисовича, идея фонда родилась и обсуждалась не только до его ареста, но и до начала системного «наезда» на «ЮКОС».

Фонд добивается гражданского контроля над деятельностью правоохранительных органов, информирует общество о нарушениях прав человека и поддерживает региональные правозащитные организации.

«Общественный вердикт» выжил и работает до сих пор.

В 2012 году адвокаты фонда приняли участие в защите задержанных после разгона митинга оппозиции 6 мая на Болотной площади.

«Новая цивилизация»

«Открытая Россия» финансировала десятки проектов. Их, правда, не обвиняли в том, что они являются заготовками для партий. Обвинения были каждому под статью.

В августе 2004-го в «Стрингере» появилась разгромная статья «Югендленд имени Ходорковского»¹:

«Когда самомнение нефтяной корпорации разрастается до масштабов государства, она создает собственную воспитательную систему. В «ЮКОСе» она охватывает школьников с шестого специализированного ЮКОС-класса, проводит через спецлагеря, заводит в профильные вузы, чтобы обеспечить воспроизводство населения 19 закрытых корпоративных городов. Все это называется «Новая цивилизация».

Через воспитательную систему «ЮКОСа» прошло уже около одного миллиона детей.

В воспитательной системе, созданной по заказу корпорации «ЮКОС», причудливо соединились психологические разработки современной тоталитарной секты, минимализм английского скаутизма, идеологемы преданности режиму, характерные для фашистской Германии, и реквизит сталинской эпохи. Дети, прошедшие через лагеря «ЮКОСа», не умеют петь, сочинять стихи и играть в КВН, они должны быть однолинейны, запрограммированы на однозначные действия, как в армии, они носят значки «Свободу Ходорковскому!», молятся корпорации и словно заведенные повторяют слова основного лозунга, висящего над входом в лагерь: «Будет нефть — будет деньги!»».

Тоталитарная секта — это сайентологи, движение, основанное американским фантастом Роном Хаббардом. И у них действительно есть игра «Новая цивилизация».

В девяностые годы книги Рона Хаббарда раздавали в электричках.

Но пропаганда сайентологов была нацелена не только на пассажиров общественного транспорта. И даже не столько.

В 1993 — 1994 годах сайентологи проводили семинары для предпринимателей на круизных теплоходах. Один мой приятель как-то попал на такой семинар. Организаторы предлагали тем, кто пополнит число их последователей, различные льготы и преференции в обмен на перечисление организации процента от доходов.

Вывод моего знакомого был однозначен: лохотрон, деньги вытягивают. И его общение с сайентологами кончилось, не начавшись.

Бизнесмены — люди разумные. Но теперь, когда в прессе всплывает информация о связях с сайентологами кого-то из пред-

¹ http://www.compromat.ru/page_15349.htm.

принимателей или высших чиновников (в прошлом бизнесменов), я не удивляюсь ни в малейшей степени. Ну, в круиз съездил.

Я предположила, что кто-то из менеджеров Ходорковского тоже съездил в такой круиз и вынес оттуда название «Новая цивилизация» и отчасти идею.

«Новая цивилизация» — проект, который принес в «ЮКОС» один хороший парень, — пишет Михаил Борисович. - Мне идея понравилась. «Новые цивилизации» человечеством создаются регулярно. О сайентологической игре узнал сейчас. От Вас. Религиозными воззрениями своих сотрудников не интересовался. Считаю это незаконным. Впрочем, парень служил в «Вымпеле».

«Хороший парень» — это Анатолий Ермолин.

Когда я брала у него интервью, я поинтересовалась, естественно, и его отношениями с сайентологами.

— Были компроматные публикации, что есть сайентологическая игра, которая тоже называется «Новая цивилизация», — сказала я.

— Да, да, да.

— Это случайное совпадение названия или действительно есть какая-то связь?

— Нет, это случайное совпадение, я думаю. У них есть два термина, два названия, которые, как не странно, совпадают с нашими. Первое «Новая цивилизация». Второе: «навигатор новой цивилизации». Но, придумали их абсолютно разные люди. И не то что придумали. Это было коллективное творчество: сидела команда, выдвигались разные предложения, на каких-то останавливались. А «навигатор» вообще был придуман лет пять спустя после создания «Новой цивилизации». Ну, кто-то пытался очень активно нас поженить с сайентологами, но ничего из этого не вышло. Хотя были странные вещи: нам даже звонили из службы безопасности «ЮКОСа». Оказывается, кто-то выстроил линк между их сайтом и нашим.

— Да, я по нему проходила. Иначе бы не спрашивала.

— Но, они убрали потом этот линк, насколько я знаю.

— Я его еще застала.

— Может, они его потом восстановили. Когда существовал линк, мы перезвонили сайентологам, сказали ребята что такое? Вы что? Вы не сотрудничаете с нами, мы не в курсе ваших дел, и линк пропал.

Действительно, похоже на случайное совпадение: слишком разные игры. У последователей Рона Хаббарда проект вполне эзотерический. И речь идет о спасении цивилизации.

У «Новой цивилизации» «ЮКОСа» — совершенно практический.

«Основа лагерного воспитания — деловые игры в демократическое государство полувоенного образца. В государстве — своя валюта, РУДОЛ (рубль, привязанный к доллару). Есть парламент, правительство с несколькими министерствами и промышленность в виде нефтяной монополии. Больше ничего в государстве нет. Нет системной оппозиции. Нет свободы прессы с ее разногласиями. Нет конкурентов с их экономической разведкой и враждебными действиями по слиянию и поглощению. Это упрощенное государство»¹.

Правда, ниже в статье утверждается, что воспитание от «ЮКОСа» плодит законченных индивидуалистов, полностью игнорируя коллективизм. Как же это сочетается с «преданностью режиму» и «психологическими разработками тоталитарной секты»? Уж либо то, либо другое.

Годом раньше в мае 2003-го о проекте писали иначе:

«В московском Клубе региональной журналистики «Из первых уст» я впервые услышал о программе «Новая цивилизация». Это даже не программа — целая воспитательная система, которая уже с десяток лет развивается при спонсорской помощи акционеров нефтяной компании «ЮКОС». Инициатором этого направления работы с молодежью стал Михаил ХОДОРКОВСКИЙ»².

«Новая цивилизация» работает по программам демократической педагогики. Во-первых, никто никому ничего не навязывает. Главный принцип — принцип педагогического договора. Как ни режет слух это понятие для многих учителей старой закалки, с ребенком действительно можно договориться, утвердить взаимные права и обязанности воспитанника и наставника. Как это сделать — тема отдельной монографии по педагогике. Но этот принцип работает! И работает гораздо эффективнее, нежели устаревший педагогический прием «подавить несогласных, поощрить послушных — и порядок обеспечен». Разумеется, чтобы договориться с ребенком — надо прежде всего видеть и уважать в нем Личность. В «Новой цивилизации» окончательный выбор всегда остается за воспитанником. Обязанность воспитателя — помочь ему определиться с выбором, но не навязывать свою точку зрения. Не командовать, но убеждать! Существует список непререкаемых «нельзя» (то, что действитель-

¹ http://www.compromat.ru/page_15349.htm.

² <http://nansysan.narod.ru/Index586.html>.

но может привести ребенка к беде), но он состоит всего из нескольких пунктов и также обозначен в договоре»¹.

— Началось все, наверное, с лица «Подмосковный», — рассказывает мне Анатолий Ермолин. — Когда набрали первых детей, кстати, в первом наборе были дети погибших пограничников, самая большая проблема была не в том, как и где найти кровать или стол, а в том, как организовать жизнь детей. И тогда появилась идея обратиться к команде специалистов, ученых. Я попросил, чтобы нам рекомендовали игру. Не игру-игрушку, а именно деловую игру, обучающую, в рамках которой можно было организовать педагогическую среду. Меня интересовали навыки самоуправления, самоорганизации. Так получилась концепция детской демократической республики. Лицей начал функционировать как самоуправляемая община, где был свой парламент, где каждая квартира была самоуправляемой территорией, где была игровая экономика, ну и так далее. С этого все началось. А поскольку мы буквально сразу увидели результаты, то примерно через 1,5 года, через 2 стало понятно, что эта модель тиражируемая, и она может существовать не только в рамках школы и в школе, но и как внешкольное городское объединение. И тогда уже с приобретением «ЮКОСа» мы начали работать. Когда была буквально первая поездка в Нефтеюганск, одна из первых, все удивлялись, что делегацию возглавлял руководитель компании и руководитель лица «Подмосковный».

— Вы были директором лица?

— Формально заместителем директора. Была интересная ситуация: два кандидата на должность директора. Мамонов, генерал-пограничник, в свое время создавал объединение друзей пограничников. Я был второй кандидат. И Ходорковский решил не избирать, сказал, пусть будут два директора. Но люди не поймут, что такое два директора, и мы между собой договорились. Вадим Григорьевич был официальным директором, а я — заместителем директора. Но все мы делали вместе и не выстраивали политической иерархии. Я в основном занимался разработкой самоуправления, организацией детей, внешкольной воспитательной работой.

— Я читала, что вы инспектировали военную базу в Западной Европе, где познакомились с американским офицером, который подарил вам учебник по скаутингу...

¹ Там же.

— Это давно было. Я тогда не думал не только про лицей, про «Новую цивилизацию» — вообще про педагогику. Это был первый толчок, когда мне подарили бойскаутскую книжку, учебник бойскаутский. Я ее перевел. И тогда понял, что в России есть опыт не менее интересный. Написал ряд своих книжек, в том числе «Навигатор 3-го тысячелетия, или Как стать разведчиком», «Как расколдовать зомби». Это уже было после того, как возник лицей и «Новая цивилизация».

Сначала так называлась игра, в основе которой было два блока — экономика и экология, — полуэкономическая игра. Разработал ее Александр Сергеевич Крученко. То есть, сначала мы же не планировали создавать детское движение. Придумали некий корпоративный проект для компании, проект поддержки молодежи. Внешкольная деловая игра была ориентирована передружить, перезнакомить школу, сформировать такой превосходный школьный актив, она называлась «Новая цивилизация». А когда мы провели летнюю программу, у нас появились первые несколько сотен учеников со всей страны, даже не учеников, а воспитанников, стало понятно, что должно быть детское объединение. И мы не стали ничего придумывать и назвались в честь, ну не в честь, а благодаря самой популярной у наших воспитанников игре.

Это была модель государства, в основе которого лежала Российская конституция. Мы ничего не придумывали. Мы просто предлагали ребятам построить в соответствии с российской конституцией самоуправляемое детское государство.

Это трудно было назвать ролевой игрой, скорее это информационно-деятельная игра. Никто не принимал на себя какую-то роль, которую потом старался играть. Просто сама игра предлагала возможность выбора. Если бы вы приехали на нашу летнюю программу, можно было вообще не участвовать ни в каких играх. Но такого примера у нас ни разу не было. Но если решили участвовать, то надо участвовать во всей программе. Нельзя было выбрать, например, экономическую часть и не участвовать в других.

Как только ребята приезжали в лагерь со всей страны, у них была задача очень быстро сформировать власть в игровом государстве. Это начиналось с выборов. Когда выборы заканчивались, начиналась экономическая игра для членов парламента: они принимали бюджет. Как только бюджет был принят, начиналась выдача кредитов участникам. И здесь вот была интересная мотивация зарыта. Поскольку за все надо было платить, ну,

из игровых денег, то через три дня нужно было начинать гасить кредит. То есть уже устроиться на работу, начать зарабатывать, возвращать с процентами. Такая очень правильная экономическая ситуация, когда в мире надо быть экономически подкованным агентом. Дети сами выбирали. Хочешь открыть свой бизнес — пожалуйста, открывай. Всегда были такие ребята. Было важно не то, что они открывали свой бизнес, было важно, чтобы они придумывали свой бизнес и понимали, что деньги платят не за то, что ты открыл компанию, а за то, что решаешь проблемы людей.

Была конкуренция. Были компании, и можно было открыть свой бизнес. Обратись в Минюст, регистрируйся, пиши бизнес-план, развивайся, плати налоги. Хочешь, иди в госструктуру, но в госструктуре у тебя будет фиксированная зарплата не более некоторой суммы. Дети сами выбирали: кто-то хотел быть банкиром, кто-то становился рабочим, кто-то — хозяином компании, сотрудником частной компании, а кто-то оказывался безработным.

— А были партии, конкуренция?

— Партии у нас не создавались, кроме одной из смен. Это была международная смена. Там были русскоязычные американские школьники из ассоциации, которая изучает русский язык. Мы тогда впервые увидели, что у американских старшеклассников совсем другая модель поведения. К нашему удивлению, они сразу стали создавать партии. Партии сразу начали разрабатывать программу, платформу и так далее. Наши обычно шли другим путем. Были прямые выборы. Кандидаты в депутаты вели активную агитационную работу. Для этого существовали такие формы, как презентация, дебаты, теледебаты, наглядная агитация, работа с людьми. Но они агитировали за себя, не за партию... чаще было так.

Взрослые на игре играли роль советников. Мы не имели права активно участвовать в игре, например, грубо говоря, зарабатывать деньги. Наша роль заключалась в консультировании ребят, которые не понимали правил игры или не сразу находили, как можно реализоваться в том или ином качестве.

— Участники с палатками выезжали на Истру?

— Истра у нас появилась уже в последние годы. Было по-разному, но мы всегда стремились сочетать экономическую подготовку, самоорганизацию на основе демократических принципов и экстремальные программы, реализуемые в такой вот красивой природной среде. У нас были и горные лагеря два года. На Красной Поляне. Потом Истра, где мы построили специальный

кемпинг. Это был настоящий кемпинг, который полностью соответствовал европейским требованиям.

Идея была следующая. Я очень долго ее объяснял, мне почему-то хотели построить щитовые домики. Я говорю: «не надо...» Палатка для ребенка — это новое качество жизни. А что такое щитовой домик? Ухудшенная квартира. Поэтому современный кемпинг. Красивое место, дети живут обязательно в палатках, современных, хороших, но при этом рядом должны быть очень качественные санитарно-гигиенические блоки с горячей водой с хорошими чистыми туалетами, что мы, собственно, и построили на Истре. Еще должна быть хорошая современная качественная столовая. Мы, конечно, ходили в походы самые разные, но в запасе должна быть своя база, очень качественная, и она у нас была.

Главной нашей задачей была социализация. Подготовить ребят. Взрослое население, и родители в первую очередь, показали, что они не способны передавать социальный опыт в части, касающейся экономики-финансовой составляющей. Население боялось и до сих пор боится и рынка, и конкурентной среды. Мы же хотели показать ребятам, что бояться не надо, надо смело входить в эту систему, быть эффективными, и через игру передавали такие компетенции, как способность анализировать и экономику, и социальное окружение, находить проблемы, проектировать способы решения этих проблем, разрабатывать проекты, управлять проектами. Их старались сделать хорошими менеджерами и лидерами, это была главная задача. Но при этом мы опирались на тот набор ценностей, которые стоят за традиционным скаутским движением, — это патриотизм, долг перед собой, перед страной, долг перед другими. Самая известная скаутская книжка в нашей стране была написана Гайдаром и называлась «Тимур и его команда». Эту историю он записал со слов репрессированного скаутского лидера.

— Вас много упрекали, что вы воспитываете индивидуалистов. Действительно была цель воспитания индивидуализма?

— Я специально такую цель не ставил перед собой, просто я видел программы, которые мне нравились, и которых очень не хватало в моей работе. Я бы по-другому сформулировал: скаутинг — это система подготовки человека, который способен самостоятельно действовать в любой ситуации, создавать команду, управлять командой, но при этом это люди с ценностями, с коллективными ценностями, это другая сторона коллективизма. Если под коллективом подразумевать команду людей, которые растворились внутри команды, я против такого коллекти-

визма. Может быть и другой коллективизм, который состоит из людей индивидуально подготовленных, самодостаточных, и при этом создавших свою команду. Об этом еще Карл Поппер писал в своем «Открытом обществе» («Открытое общество и его враги»). Очень многие пытаются подменить индивидуализм эгоизмом. Это абсолютно разные вещи. Может быть индивидуалист абсолютно преданный стране и людям и при этом самодостаточный. С моей точки зрения, такие индивидуалисты очень неприятны любым авторитарным лидерам, и на них начинают вешать ярлыки, что это эгоисты, что они ставят личные интересы выше общественных. Я не боюсь обвинений в индивидуализме, потому что я сам индивидуалист в каком-то смысле. Но при этом для меня гораздо важнее, как моя команда ощущает себя.

«У нас был проект «Новая цивилизация», — рассказывает Василий Шахновский. — А-ля скаутская система. Хороший проект, через него прошли сотни, а может быть, и тысячи детей. И мне его очень жаль. Были энтузиасты, которые на принципах скаутского движения создали такое движение в России. А потом, когда начали давать деньги, они стали расширяться. У меня старший сын ездил два раза в эти лагеря. Они были частью международного скаутского движения. Программы очень хорошие. Классно все! Правильно. Очень хорошо. И дети были очень довольны».

«У него были очень интересные лагеря для молодежи, где их учили мыслить, — вторит ему адвокат Ходорковского Карина Москаленко. — Вот моему сыну посчастливилось... видели Родиона, да? Он один раз ездил в «Новую цивилизацию». И там каждый побывал и менеджером, и директором, и финансистом, и рабочим. Они все прошли эти ролевые игры. И уезжали, наполненные пониманием своего смысла, они хотели быть кем-то, кто решает в своей стране все. И вот сейчас поговорите с ним, у него есть возможность завершить образование в Страсбурге, во Франции. «Нет! Я хочу учиться только в России. Да, в Европе хорошо. Да, многие проблемы решены, но я рожден в России для того, чтобы сделать так, чтоб в России все было решено».

Я хочу, чтобы он в Страсбурге окончил юрфак, потому что у нас очень востребовано это образование. Ну, уж как решит».

«Были компроматные статьи на этот счет», — замечаю я Василию Савельевичу.

«Да, да. Это я все помню. Ну, так можно любой проект очернить. Так и любой проект, который создавался на западные гранты, это создание агентов влияния. Ну, слушайте, что тут скажешь».

Теперь наше государство, мягко говоря, заимствует идеи и Ходорковского, и его «Открытой России». Это происходит настолько регулярно, что может быть темой отдельного исследования. Мы еще с этим столкнемся. И не однажды.

К сожалению, заимствует, извращая. Словно воплощает не то, что было на самом деле, а материалы компроматных статей. Ярчайший пример — молодежный лагерь на Селигере. Словно калька со статьи «Югендленд имени Ходорковского». Вместо воспитания свободных людей и школы демократии — идеология преданности правящему тандему, огромные портреты Путина и Медведева и галерея насаженных на колья кукольных голов с изображениями «врагов России» — либералов и правозащитников.

По-моему, так лучше значки «Свобода Ходорковскому», которыми так возмущались авторы «Югендленда» в далеком 2004-м.

Мне даже рассказывали, что у Ходорковского были планы организовать на Селигере лицей для будущей элиты России.

«Миф, — пишет Михаил Борисович. — Наш летний лагерь для детей организовывался на Истре и проходил под эгидой «Новой цивилизации». Насколько идеи творцов «Селигера» совпадают с нашим проектом, — не знаю. Но точно у нас не было политической идеологии. Только бизнес и демократическое устройство государства, прописанное в Конституции».

«Открытая Россия» до сих пор существует как юридическое лицо, и на счетах до сих пор арестованы несколько миллионов долларов, шесть лет арестованы, несмотря на то, что никакого дела против ее руководителей нет и она убрана из всех обвинений.

— Как же так? — спрашиваю Анатолия Ермолина. — На каком основании арестованы счета?

— Арестованы на основании решения следователя прокуратуры, — говорит он.

— В 2006-м, когда арестовали счета, председателем «Открытой России» был Михаил Борисович, и он был уже в тюрьме. Он мог как-то влиять на ситуацию?

— В основном «Открытой Россией» руководила Ирина Ясина, она была заместителем. После ареста Михаила Борисовича избрали меня. У него всегда была одна позиция — решать коллегиально. Он не навязывал ни решений, ничего. Даже когда мы хотели посоветоваться, он иногда сознательно не давал никаких советов, а транслировал через адвокатов: ваши проблемы — вы и решайте.

— А как это происходило? Как закрывали «Открытую Россию»? Были допросы, обыски?

— Они арестовали счета, и после этого была цепная реакция. Была парализована вся деятельность после прекращения финансирования. Меня не вызывали никуда, но я уже был депутат, и у меня была неприкосновенность. Но доходило до смешного, например, были обвинения, на основании которых арестовывали счета, и в этих обвинениях утверждалось что среди наших контрагентов есть 12 организаций, которые числятся в розыске. Я, когда читал об этом в постановлении, честно говоря, испугался, потому что мы со многими работали, многим давали деньги. И понятно, что могли давать и фирмам-однодневкам, которые, возможно, их «отмывали».

А потом начал смотреть список, а там: организация Сатарова, организация Аузана, то есть там такие организации, которые зачем искать, непонятно — сними трубку и позвони, и вызови бухгалтера. Причем, как бы мы ни писали: «Друзья, ну вы хоть позвоните!», это их никак не интересовало. Для них было важнее, чтобы у них в документах было подшито. А правда это или неправда — это никого не волновало.

План перехода к парламентской республике

Был еще один проект, который воплотил, увы, не Ходорковский. Правда, я сомневаюсь, что исключительно его проект. Возможно, совместный.

С Кремлем.

Компроматная версия изложена в программе «Однако», которую я уже упоминала:

«Для этого (то есть для захвата власти. — *Н. Т.*) заказан, разработан и оплачен не то что проект конституционной реформы, но и конкретный, по месяцам, график захвата власти. Вот такая работа. «Открытая Россия», политическое крыло «ЮКОСа», заказывает ее своей дочерней организации — «Фонду развития парламентаризма». Заказчику выдают — не подумайте чего дурного — строго научную работу из законотворчества. Исследование конституционно-правовых проблем государственного строительства. Заказано. Оплачено. Апрель 2003-го. Акт сдачи. Счет-фактура. Какие же проблемы мы исследуем с научной целью? Если я скажу, что исследуется механизм, по сути, конституционного переворота по лишению власти Президента и передаче его правительству думского большинства, вы мне не поверите. И напрасно»¹.

¹ http://www.compromat.ru/page_17384.htm.

Прочитать исследование можно на том же сайте¹. И попытаться понять причины истерики.

Мне сразу бросилась в глаза одна неточность: в этой работе «Фонд развития парламентаризма» действительно фигурирует, но не как исполнитель, а как заказчик. Исполнитель: НИИ Системного Анализа Счетной Палаты РФ. Со стороны НИИ договор подписал Сергей Шахрай.

Первая глава называется: «О юридических возможностях формирования в России правительства парламентского большинства». Первый вопрос: «Препятствует ли действующая Конституция Российской Федерации внедрению практики формирования Правительства на основе парламентского большинства?»

Ответ: «не препятствует». Конституцию менять не надо, достаточно принять федеральный конституционный закон. Все просто: парламент предлагает президенту кандидатуру премьера, президент утверждает.

Парламент даже сейчас может это сделать.

А вот парламентской республики не получится. Для этого надо Конституцию менять, а для изменения Конституции нужно конституционное большинство в 300 депутатов.

Далее обсуждается «возможный алгоритм формирования правительства парламентского большинства». Начиная с депутатских списков. «Число кандидатов, которые должны победить на выборах и составить парламентское большинство, должно «с запасом» превышать 226 голосов», — отмечено в работе.

Думаю, отсюда и вылезло мифическое число депутатов Ходорковского — более 200.

«Поскольку одна партия на декабрьских выборах вряд ли сможет получить абсолютное большинство голосов, то парламентское большинство будет строиться на основе коалиции партий», — продолжают исследователи.

Еще подозрительнее! Не потому ли Ходорковский скупал депутатов из всех партий?

Здесь сразу напомним, что депутатов от всех партий скупал как бы не совсем Ходорковский. Ходорковский только оплачивал.

Но действительно вся процедура формирования правительства расписана по месяцам! И рассчитана меньше чем на год.

Было от чего впасть в истерику!

¹ http://www.compromat.ru/page_17445.htm.

Следующий этап: Внесение изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации».

И проект закона прилагается. С подписью: В. Путин.

Уж не собирался ли Ходорковский стать главой парламентского большинства — премьером и лишить власти президента? Именно в этом Михаила Борисовича и обвиняли потом в прокремлевских СМИ.

Почему же не президентом? А потому что еврей и олигарх — не проголосует народ, не выберут. Он у нас только за горячих сердцем и холодных головой чекистов эффективно голосует. И их ставленников.

— Понимаете, какая штука: парламентская республика — это более продвинутая форма государственного устройства, чем президентская, — говорит мне Василий Шахновский. — Наиболее президентская, наверное, Франция. И то вопрос, потому что правительство формируется победившей партией на парламентских выборах. Конечно, полномочий у президента гораздо больше, чем в Италии и в Германии, но, тем не менее, это не самодержец.

Что касается исследования на эту тему, если мне память не изменяет, Ходорковский заказывал исследование на эту тему. И что? Мы знаете что финансировали, например? Мы финансировали весь пакет законов по местному самоуправлению, который отдал Козаку, и он именно пакет этих законов провел через Думу. Мы финансировали много таких исследований.

— То есть Вы действительно были убеждены, что парламентская республика предпочтительнее?

— Убеждения не было, просто это был один из интересных моментов. Что будет, если это на секундочку представить себе. Понятно, что в сегодняшних условиях парламентская республика для России не годится, потому что нет политической культуры, партий и т.д. Но если в какой-то момент станет возможен этот переход, что для этого надо сделать в рамках сегодняшней действующей конституции.

Я вам больше скажу. Знаете, кто делал этот документ? Сергей Михайлович Шахрай.

— И это никак не связано с мифическим желанием Ходорковского стать премьер-министром?

— Безусловно. Ну, Ходорковский же не больной, не мечтатель. Надо не понимать, что такое парламент, чтобы представить себе, что его можно купить. Это невозможно. Человек, про-

шедший выборы, становится другим человеком, даже если выиграл выборы на твои деньги. Знаете, как раньше говорили? Когда КГБ вербовало агентов, самым лучшим агентом был тот, кто имел дружеские отношения со своим куратором. И самый эффективный агент тот, кто делал это абсолютно по доброй воле. Бывало, что кураторы и агенты дружили семьями. Здесь примерно та же история. Представить себе, что вы их купили, а дальше они по команде голосуют — это невозможно.

— То есть если они избраны, то по команде голосовать не будут?

— Раньше так было, раньше. Сейчас, конечно, голосуют, потому что от этого зависит их жизнь, карьера, благополучие и т.д. А раньше — конечно, нет. И любой человек, который хоть немножко работал в Думе, знает, как это работает, понимает не-серьезность утверждений о преобразовании России силами пусть даже самого богатого человека в парламентскую республику. Знаете, с чем это можно сравнить? У меня техническое образование. Недавно включали коллаيدر и говорили, что будет черная дыра. Это примерно из этой же серии. Серьезным людям, которые имеют даже не специальное образование, а техническое образование, это даже обсуждать бессмысленно. Из того же ряда и утверждения о том, что Ходорковский задумал преобразовать Россию в парламентскую республику, чтобы стать премьером. Это невозможно представить.

— И что нужно сделать, чтобы преобразовать Россию в парламентскую республику?

— Сегодня можно сделать парламентскую республику при современном рейтинге Путина. Вот если Путин захочет, можно сделать парламентскую республику. Но для этого нужно иметь такую неограниченную власть, в том числе административный ресурс, как у него. Управлять стопроцентно парламентом, парламентами субъектов Федерации. И то это будет серьезнейший, труднейший проект. Потому что противников будет очень много.

Это с учетом того, что противник не власть. Для этого нужно, чтобы власть была такой могущественной, как сейчас. И даже для такой власти это будет серьезный проект. Чтобы это сделать реально, чтобы внести соответствующие изменения, чтобы сформировать политически ответственные политические партии, которые будут формировать правительство. Невозможно доверить формирование правительства «Единой России», коммунистам.

Кстати, сегодня коммунисты — единственная реальная политическая партия, представленная в парламенте. Все остальное — это группа товарищей, которые будут голосовать так, как им скажут. У них нет ни убеждений, ни взглядов, ничего. И никакой связи между тем, что люди говорят на выборах, и тем, что делают потом. Никакой ответственности нет. Как можно в такой ситуации формировать парламенту реальную власть? Реальную. Невозможно.

— Сейчас нет этой ответственности? Или в принципе никогда не было?

— В нашем парламенте не было никогда. А сейчас меньше, чем было в 90-е годы. Потому что в 90-е годы был реальный выбор. И люди задумывались над тем, что делают, потому что через три-четыре года надо было выходить на выборы. Сейчас люди об этом не задумываются. Но даже тогда не было политических партий, а было абсолютно коллоидное, неструктурированное общество. У нас было и тогда, и сейчас общество маргинальное. Оно не имеет убеждений, не имеет взглядов. Поэтому можно за несколько месяцев с помощью телевидения задурить голову большей части народонаселения. И нет никакой ответственности, и было очень мало. А доверить формировать правительство парламенту можно только в том случае, когда это ответственный парламент, и он отвечает перед избирателями. Когда в парламенте не может быть Жириновского. Ну не может быть Жириновского в парламенте, который формирует правительство.

— То есть эта идея вообще не для нашего поколения. На перспективу.

— Это перспектива с точки зрения развития гражданского общества. Оно должно идти в этом направлении. И при определенных условиях переход на парламентскую форму правления, он разумен. И это должен быть поэтапный переход. Исполнительная власть должна делиться шаг за шагом. Не может быть такого релейного перехода. Потихонечку, потихонечку. Парламент 90-х годов обладал определенной властью. Вот эту власть нужно было шаг за шагом, скрупулезно, постепенно, наращивать. А ее забрали совсем. За 10 — 20 лет, постепенно, шаг за шагом, наращивая полномочия парламента, можно было прийти к парламентской республике. Но это десятилетия.

Я вряд ли соглашусь с моим собеседником в оценке парламентской республики. Мне больше нравится президентская, когда главу государства выбирает народ, а не парламент.

Но я верю, что Ходорковский не сумасшедший, и не страдал манией величия. Он не мог переоценить свои силы более чем в 10 раз. Для формирования правительства парламентского большинства нужно более 50 процентов, а он набрал 4,5.

Но я не верю и что документ был столь абстрактным и расчитанным на десятилетия. Зачем тогда расписывать процесс по месяцам с датами 2003 — 2004 гг.?

Это действительно проект захвата власти.

Только не Ходорковским.

Кто мог тогда, в 2004-м, сформировать правительство парламентского большинства? Какая партия? Помните? Кого эта партия поддерживала?

В исследовании есть идеологическое обоснование проекта. Это Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2003 г.

«Я уже говорил, что поддерживаю общий курс на усиление роли партий в общественной жизни. И с учетом итогов предстоящих выборов в Государственную Думу считаю возможным сформировать профессиональное, эффективное правительство, опирающееся на парламентское большинство», — сказал Владимир Путин 16 мая 2003-го.

В книге «Без Путина» Михаил Касьянов подробно рассказывает историю этого пассажа:

«Весной 2003 года я вдруг почувствовал, что общественному мнению стараются навязать мысль о парламентской республике. Со мной, как обычно, согласовывали текст послания президента Федеральному собранию, и я вдруг наткнулся на тезис о том, что в недалеком будущем Россия должна стать парламентской республикой. При этом никаких обоснований и аргументов в пользу такого фундаментального преобразования в тексте не приводилось. Я эту фразу вычеркнул, потому что был уверен: переход к парламентской республике возможен, только когда граждане России поймут, что такое политические партии и зачем они нужны. И когда будут уверены в незыблемости свободы политической деятельности. Но тогда, в апреле 2003 года, до такого уровня общественного развития было еще очень далеко.

Однако в поправленной редакции текста тезис о парламентской республике каким-то непонятным образом снова всплыл в несколько иной формулировке. И тогда я заподозрил, что речь идет не о парламентской республике как таковой, а о создании механизма удержания власти. Я вновь этот пассаж вычеркнул.

— Еще раз?

— Да, всего за 20 минут до начала выступления Путина в Кремле. А поскольку многие официальные СМИ заранее ознакомились с текстом президентского послания и заготовили соответствующие комментарии, то во многих изданиях и на сайтах поспешили сообщить, будто Путин объявил переход к парламентской республике. Хотя в действительности осталась только вписанная мною фраза про правительство, «опирающееся на парламентское большинство». Потом появились и другие признаки, что в администрации президента отработывают механизм будущего удержания власти».

Так что я думаю, что проект, оплаченный Ходорковским, делали для Путина и, скорее всего, по заказу Администрации Президента, а может быть и по личной просьбе, например, Владимира Суркова.

Это, конечно, только мое предположение, чисто логический вывод, и Василий Савельевич мне этого не говорил.

Я просто сопоставляю факты.

На эту теорию мои собеседники отреагировали возмущенно. «Да кто вам это сказал?» — воскликнула Ирина Ясина. «Такие конспирологические подробности мне неизвестны, — отрезал Ходорковский. — Для меня было и остается важным демократическое устройство власти в моей стране, независимо от персоналий».

Может быть, я и ошибаюсь.

Но заказан ли он был Путиным или нет — точно при нем осуществлен.

Процесс пошел еще в 2004-м, как и предполагалось.

В исследовании есть один любопытный момент. Авторы замечают, что если у нас будет сформировано правительство парламентского большинства, то вошедшие в него депутаты вынуждены будут отказаться от мандатов, потому что закон запрещает такое совмещение должностей. И тогда придется организовывать довыборы, что неудобно. Поэтому лучше перейти к выборам исключительно по партийным спискам, без одномандатников. Тогда никаких проблем. Просто заменяем выбывших на следующие фамилии из списка.

24 декабря 2004 года Государственная Дума приняла в первом чтении закон об отмене выборов по одномандатным округам. Проект закона внес президент Путин.

Почему-то господин Леонтьев, который делал «Однако» в 2005-м, не обратил внимания на эту мелкую деталь...

Весной 2005 года был принят закон о выборах в Госдуму исключительно по партийным спискам. Затем Госдума приняла поправки к федеральному законодательству, позволяющие партии, победившей на выборах в региональный парламент, предлагать президенту России кандидатуру на губернаторский пост. А прямые выборы губернаторов были отменены еще в декабре 2004-го.

В результате «выборов» 2007 года «Единая Россия» получила квалифицированное большинство в Госдуме и сформировала правительство во главе с Путиным. Численность депутатов во фракции «Единой России» составила 315 человек.

Конституционное большинство.

Парламентская республика — следующий шаг. Хотя, возможно, уже неактуальный. Для России оказалось проходным более простое и менее хлопотное решение: назначение местоблюстителя с последующей рокировкой.

Планы президентства

«Он реалист, — рассказывает о Ходорковском Леонид Невзлин. — Реалистичный человек. Он хотел закончить слияние компаний, а потом уйти из бизнеса в свое время и заняться гражданским обществом. Ничего нового. Уже после него это сделал Билл Гейтс и сейчас собирается Уоррен Баффет. Просто Ходорковский чуть-чуть побыстрее, чуть поумнее и поактивнее. Раньше это понял и прошел весь путь. И если бы он был не в России, поверьте мне, был бы сейчас совсем на другом коне. Даже в международном плане он как стратег и управленец на очень высоком уровне. Большие люди повторяют его планы.

Мало кто знает, а я с ним общался много, до физической боли он переживал то, что в России настолько велика разница между бедными и богатыми и он относится к клану особо богатых. Он чувствовал ответственность за то, что бедные такие бедные. Что, Абрамович чувствует эту ответственность?

Мало, кто знает Ходорковского. Когда он понял, что за умопомрачительный, совершенно неадекватный разрыв между бедными и богатыми придется отвечать всем, и нам персонально, он совершенно изменился. Страна с таким разрывом не может быть устойчивой, стабильной. Нужно в первую очередь этот разрыв сокращать. И дополнительное налогообложение, которое он сам на себя взял, инвестиции в гражданское общество, обра-

зование и так далее — это его дополнительные налоги для того, чтобы выровнять уровень жизни. Он бы этим и занимался после 45-и».

«Ходорковский всегда трезво оценивал свой потенциал, — пишет мне Алексей Петрович Кондауров. — Он понимал свою силу и свои слабости. Вернувшись из одной из последних поездок в США и отвечая на мой вопрос, как он оценивает тамошнюю политическую элиту, с которой он во время поездки много встречался и общался (это и Буш-старший, и Чейни, и Райс и т.д.), он сказал, что это очень мощные ребята, у которых много чему есть поучиться, и что в политическом плане они гораздо сильнее его, ему до них расти и расти.

Ходорковский отчетливо понимал, что, сделав к 45 годам транснациональную компанию, ему надо будет менять приложение сил, т. к. дальше руководить этой компанией ему будет скучно, да и мировая практика управления крупными акционерными обществами, боясь конфликта интересов, не приветствует, чтобы во главе находился крупный собственник. Поэтому он подумывал об общественном поприще и о политике. Что он в конечном итоге выбрал бы, трудно сказать. Единственное, в чем я убежден, человек такого масштаба, интеллекта и энергии не смог бы просто разводить розы и быть при этом счастливым.

Я, имевший опыт общения и в советское время с высшим руководством страны, и наблюдавший многих новых руководителей России с близкого расстояния, понимал, что Ходорковский по своему потенциалу порядково превосходит их. Поэтому я первый и единственный в компании вслух произносил (понятно, что не на производственных совещаниях), что Ходорковский не только может, но должен думать о президентстве, что это будет благом для страны. Сам Ходорковский в разговорах на эту тему говорил вполне искренне, что еще не готов к такой роли. Глядя на г-на Путина, у меня такая «скромность» вызывала внутренний протест, но у него перед глазами, по всей видимости, были другие исторические примеры. Никто из ближайшего окружения Ходорковского мою позицию не разделял, аргументируя, как правило, тем, что еврея в России никогда не выберут президентом».

По-моему, степень антисемитизма в современной России сильно преувеличена. Все-таки не советское время, когда подобные настроения в обществе активно, хотя и исподтишка,

поддерживались властями. По крайней мере, сейчас я этого на себе не ощущаю.

Не любят чеченцев, кавказцев, «черных», в меньшей степени — китайцев и прочих гастарбайтеров. Евреев скорее уважают, потому что умные, не пьют и с деньгами. Особенно женщины. А женщины в России — это большая часть избирателей.

Так что шансы Михаила Борисовича были не столь уж нулевыми. Чрезмерное богатство было бы худшим препятствием, но Генпрокуратура благополучно решила эту проблему.

Другое дело, что он сам, к сожалению, не горел желанием стать топ-менеджером столь огромного и столь запущенного предприятия, как Россия.

Не видел себя даже губернатором. В 1999-м журналисты из регионов «ЮКОСа» задавали ему этот вопрос.

«На это могу сказать, что для главы компании 32 года (мне было столько, когда я возглавил «ЮКОС») очень хорошо, — отвечал он. — Но для губернатора 36 лет, как мне сейчас, очень плохо. Ведь губернатор должен понимать большинство людей, он должен пройти те же возрастные этапы, которые прошли 80 процентов избирателей. Тогда он может правильно реагировать на проблемы. Мэру маленького городка нужно гораздо больше жизненного опыта, чем руководителю даже очень крупной компании. Ведь в промышленной компании мы выполняем одну функцию, одну задачу. И мы можем работать с теми, кто разделяет наши взгляды. Остальным всегда можно сказать, что, может быть, вы коллеги, хорошие люди, но, пожалуйста, работайте в другом месте. Руководитель города, тем более региона, этого сказать никому не может. Можно, наверное, избрать и президента лет 30, но кто ответит за последствия?»¹

Жизненный опыт ему тоже обеспечили. Да такой, что мало кто сможет с ним конкурировать.

Я думаю, что миф о политических амбициях Ходорковско-го выгоден власти. Да, конечно, они будут опровергать политическую подоплеку преследований «ЮКОСа» во всех официальных инстанциях вплоть до Страсбургского суда. Опровергать публично и муссировать подспудно с помощью господ, подобных Леонтьеву.

¹ Михаил Ходорковский. «В нефтянке буду работать до конца карьеры»: <http://www.oilcareer.ru/publ/11-1-0-101>.

Чтобы успокоить всех остальных. Чтобы бизнес не считал, что находится в опасности только потому, что имеет собственность. Чтобы люди успокаивали себя: «Ну я же не лезу в политику! Что может со мной случиться?»

Может.

К сожалению.

Тем не менее, ликвидация социальных проектов Ходорковского выглядит частью глобального плана по уничтожению либерализма в России. И частью немаловажной и неотъемлемой.

Изначально либералы не были в оппозиции к Путину, СПС поддерживал его вплоть до 2003 года.

Зато Путин был в оппозиции к либерализму. Он ему мешал, как маленькая, но досадная помеха на пути строительства имитационной демократии и перехода к авторитаризму.

И СПС больше нет. Как и свободного эфирного телевидения. Как и «Открытой России». Как выборов без кавычек.

Миф о захвате РГГУ

Чем ближе к финалу, тем больше моя книга превращается в мартиролог. Кладбище идей, проектов, добрых начинаний.

И РГГУ в ряду прочих.

17 июня 2003-го в российском образовании произошло сенсационное событие: ректором Российского Государственного Гуманитарного Университета был единогласно избран Леонид Невзлин.

«Это был первый в России масштабный спонсорский проект в сфере высшего образования, — писал Леонид Борисович в своем интернет-дневнике. — Идея принадлежала Ходорковскому. Я эту идею поддержал.

Речь шла о большей академической и предпринимательской свободе. Мы считали, что новый тип управления ВУЗами, а именно — формирование попечительских советов, даст серьезный толчок в развитии системы высшего образования. Университет расширит свои возможности за счет внутреннего бюджетного процесса. Можно будет, естественно, через предварительное голосование, реализовать кардинальные системные реформы. Гораздо более эффективные, чем это позволяет безусловное подчинение Министерству образования.

Ректор РГГУ Юрий Афанасьев как человек с передовыми взглядами заинтересовался нашим предложением. Университет был его детищем. Еще в 1986 году Афанасьев возглавил Московский государственный историко-архивный институт, известный

как «рупор перестройки». А в 1993г. из МГИАИ стараниями Афанасьева был создан Гуманитарный Университет.

Впрочем, нас поддержал не только Афанасьев. Идея нашла сторонников и в правительстве, и в Министерстве, и в ВУЗах. Греф уверял, что закон о попечительских советах будет принят буквально «вот-вот».

Мы долго ждали...

В какой-то момент стало понятно, что правительственное «вот-вот» вряд ли случится в обозримом будущем. Тогда мы решили действовать через Министерство образования и совместно с руководством РГТУ предложили изменение Устава в рамках отдельно взятого университета.

Изначально мне и в голову не приходило претендовать на должность ректора. Но проблема заключалась в том, что в рамках действующего закона ректор обладал единоличным правом финансово-распорядительной подписи. То есть личность ректора в запланированных нами реформах была ключевой.

Нужны были смелые, неординарные решения. При поддержке Ходорковского я рассудил, что смогу справиться. В моем активе был длительный и разнообразный опыт руководства большими коллективами в самых разных сферах. И хотя было понятно, что миссия предстоит не из легких и авторитет придется зарабатывать уже в процессе работы, я все-таки решился выдвинуть свою кандидатуру на пост ректора.

Коллектив Университета одобрил предложенную нами конструкцию управления. Помимо Попечительского совета мы ввели новую должность Президента Университета, которую, разумеется, занял Афанасьев¹.

РГТУ было обещано финансирование в 100 миллионов долларов в течение 10 лет: по 10 миллионов в год.

Леонид Борисович очень уравновешенный человек, я задавала не самые приятные вопросы: о приписываемых ему преступлениях, о Рыбине², об Ольге Костиной³, об убийстве Нефтеюганского мэра. И он оставался совершенно спокойным. И только когда я заговорила об РГТУ, сделал паузу и пошел делать себе кофе.

¹ <http://nevzlin.livejournal.com/48489.html>.

² Евгений Рыбин — миноритарный акционер «Томскнефти» и глава фирмы «Ист Петролеум», на которого было два покушения, в организации которых он обвинил «ЮКОС».

³ Бывшая внештатная сотрудница «ЮКОСа», консультант по пиару, в заказе покушения на которую обвинили Леонида Невзлина.

— Если бы я, как раньше, курил трубку или сигару, я бы сейчас закурил, — начал рассказ мой собеседник. — Теперь в этих ситуациях я пью кофе. Потому что есть вещи, которые действительно эмоциональны для меня, они личные, и РГГУ из них.

И все глобальные идеи в области социального предпринимательства, и приоритеты исходили от Ходорковского. Я не могу сказать, что я хуже в этом разбираюсь, но он для меня учитель. Потому что он первым дошел до необходимости social entrepreneurship и введения гражданского общества в России как одного из механизмов обеспечения невозвратности от свободы к несвободе и задал для меня приоритеты вложений, и один из приоритетов — это инвестиции в свободное образование.

Идея поиска института, и в первую очередь гуманитарного, или создание гуманитарного заведения, где можно прокатывать такого рода программы, принадлежала в целом ему. При этом я с 1990 года имел прямое отношение к созданию Московского Международного Университета Гавриила Попова. Я там даже преподавал public relations на факультете социологии, где деканом был Саша Осовцов. Я был в институте членом Сената, и мне было очень интересно участвовать в процессе становления ВУЗа.

К 2000 году я понимал, что и 10 лет недостаточно для создания университета. И, когда мы с Ходорковским начали обсуждать инвестиции, а не создание, то мы думали, какой университет готов для этого и хорош для этого, для такой рыночной перестройки, и с кем мы способны договориться. Потому что институт или университет может быть и ничего, но система организации, ректор и т. д. таковы, что никогда не договоришься.

Априори самый лучший гуманитарный ВУЗ в России — это РГГУ. Это можно даже не обсуждать. И в первую очередь потому, что им долго управлял Афанасьев, человек шестидесятнических, но очень продвинутых, свободных взглядов.

Поэтому выбор пал на РГГУ. У нас было несколько подходов к разговору с Афанасьевым. Но он — человек достаточно жесткий, тяжелый и авторитарный, как многие демократы, он демократичен по убеждениям, но авторитарен по форме управления. Поэтому у нас не получалось. И только в тот момент, когда мы созрели до того, что мы готовы вложить много, принципиально много и участвовать лично, вплоть до того, что я буду ректором, разговор сдвинулся, и Афанасьев пошел навстречу.

— Вы долго пытались его убедить?

— Года два-три мы с ним взаимодействовали с разной интенсивностью. И людей просили говорить о нас. Это было очень

логичное соединение. Мы уже прошли школу «Открытой России» и сделали первый самый удачный проект Федерации Интернет-образования. Я реально понял, что есть что-то в жизни, в России, такое, что я хотел бы делать сам. Мне было бы интересно лет десять-пятнадцать этим заниматься и достичь результата. Например, организация и руководство гуманитарным ВУЗом.

Почему гуманитарным и почему образование является приоритетом в социальных инвестициях? Потому что система образования, если ее правильно выстроить, обеспечит высокое качество следующих поколений. Если образование гуманитарное и свободное, то и люди, которые идут в преподавание, в политику, в науку, вообще в общество, соответствующие. Наличие вуза такого уровня, наличие такой кадровой школы обеспечивает преемственность в сторону свободы, демократии, парламентаризма.

— Это был проект в рамках построения гражданского общества?

— С одной стороны, да. С другой стороны, это тяжелая работа в системе образования по превращению не совсем советского, но все-таки советского вуза в совершенно другое, в полноценный, международного уровня Гуманитарный Университет.

— А перевод его на рыночные рельсы подразумевал какую-то плату за образование?

— Ну, с этого мы не начинали. Я сторонник повышения оплат и зарплат. Но я сторонник повышения этого вместе с повышением уровня отдачи. Мне не нравится, когда повышают стоимость товара выше его рыночной стоимости. Например, один из типичных тупиков здесь в Израиле: школьные учителя невысокого уровня, но им очень мало платят. Поэтому в школьные учителя идут люди, давайте скажем так, не первого сорта. Мы получаем учителей далеко не первого сорта, они постоянно бастуют, требуют повышения зарплаты, а они учат наших детей, которые становятся людьми не первого сорта. И где курица, где яйцо? С моей точки зрения, действовать надо так: подготовить систему качественных преобразований, объявить принципиальное повышение зарплат. И сразу ввести квалификационные комиссии, потому что, неважно, в школе или в университете, если я плачу профессору не 10 тысяч рублей, а 10 тысяч долларов, то могу любого уволить и нанять любого другого, даже если он был ведущим специалистом в Академии наук и до этого не преподавал. Но для того, чтобы иметь такую возможность, я должен сначала создать материальную базу.

Я не сторонник индивидуализации зарплат. Ты, плохой профессор старой школы, получаешь 10 тысяч рублей, а новый — 10 тысяч долларов. Тоже проблема, перекашивающая коллектив. Постепенно я готовился к серьезному изменению профессорско-преподавательского состава. Могу на примерах рассказать.

Пришел я (царствие небесное!) к Бовину. Он декан школы журналистики, бывший посол в Израиле, уважаемый журналист, хороший журналист, умный человек. Начинаю ему говорить: давай развивать факультет журналистики в таком направлении: априори электронная журналистика обладает приоритетом и сейчас, и на будущее, а рынок просто переполнен качественными людьми, которые потеряли работу вследствие распада НТВ и ТВ-6: Киселев, Максимовская, Кара-Мурза, Сергей Пархоменко. Реакцию хотите?

— Хочу.

— «Да они вообще ничего не понимают в журналистике! На фиг они сдались?» Я пришел к человеку, которого я думал убедить затмить школой нового типа тележурналистику с высокими зарплатами. И они бы все воспрянули духом. Представляете, как им бы было здорово? Оснащается современная студия, где можно и работать, и учить. И прекрасные молодые профессора. Ну, что может быть лучше? И конкурентно на рынке. Что еще могло перебить МГУ? Вместе с Ясеном Засурским¹. А я получаю такую реакцию. Ну о чем мне еще говорить с ним после этого?

Почему-то особенно негативная реакция у него была на Кара-Мурзу и на Максимовскую, которых я считал как раз наиболее подготовленными для преподавательской деятельности. «Все эти люди, — он сказал. — Ну, они же ничего не понимают!»

Самое смешное, что я потом для Кара-Мурзы все-таки ставку пробил. Я уже жил в Израиле, когда Кара-Мурза преподавал в РГГУ.

Я Бовина не хотел пинать, и ничего плохого сказать не хочу. Просто это сын другой системы, другой школы, другого типа мышления. Было понятно, что нужно будет очень-очень многое менять, в том числе администраторов. Хотя были и очень хорошие, особенно историки и архивисты, поскольку это основная специальность университета.

Ходорковский оставил меня в покое. Один раз был на сенате, когда меня представлял, и я с ним согласовывал общую идею

¹ С 1965 по 2007 — декан факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, президент факультета журналистики МГУ с 2007 года.

логию. Но до частных не успел дойти, потому что времена были тяжелые. Он все время ездил и занимался делами, о которых мы говорили. Уже начались преследования. Пичугина арестовали. И Лебедева. Не до этого ему было.

Поэтому я готовился без него. Первое, что я хотел сделать, это выделить то русское, что есть в гуманитарном образовании. Без сомнения, филология, без сомнения, в разделе психологии это Выготский. То, что работало, и было создано на русском. История русская, естественно. История русской культуры и т.д. И ввести усиленную языковую часть и преподавание на языках. Потому что первоисточники существуют на языках. И для повышения качества образования увеличить количество преподавания на английском языке. Особенно это касалось второй и особенно третьей ступени.

Многие первоисточники, например, на философском факультете, надо читать на языке оригинала. Это означало совершенно другой подход к отбору студентов.

И надо было укрепить сильные направления. Там были специальности, извиняюсь, идиотские. Привнесенные.

Необходимо было много вкладывать в организационную структуру: и питание, и ремонт, и транспорт. Десять миллионов долларов в год дополнительных — не такие большие деньги.

— Я еще слышала, что планировались программы международного обмена...

— Это совсем не сложно, техническая работа, в том числе с министерством. В России это не прямой университетский обмен, а через министерство, а с министерством у нас были хорошие отношения. Да и прямые программы можно было делать сколько угодно.

Но первично — знание языков. Иначе все обмены бессмысленны. В Россию будут ездить только те, кто знает русский, и кому нужны русские источники, те, кто занимается русологией, славистикой и т.д. Но их не так много, и, к сожалению, интерес к этому упал. И мы должны были посылать людей с хорошим знанием языков в правильные места.

Профессора отнесли ко мне нормально, потому что мы со всеми разговаривали. Без сомнения, я не ученый и не исследователь, но опыт руководства и работы преподавателем в системе образования у меня достаточный.

Я обещал университету и министерству закончить докторскую в ближайшее время, и, если бы ни вся эта история, я бы в ноябре уже защитил кандидатскую, а через несколько меся-

цев — докторскую. Я сразу взял докторский уровень и сначала писал первую часть, которую бы защитил как кандидатскую.

Основная идея — это философия свободной мысли в России и как немцы на это повлияли. Опять же с практической целью потом сделать из этого курс лекций. Подобный опыт у меня уже был в области пиара: я занимался пиаром не только для компании, но и писал курсы. Написал маленькую книжку «Public relations. Кому это нужно?» Это курс лекций. Я подумал, что все равно надо будет писать курс для моей работы в университете, и решил, что он будет о развитии свободной мысли в Российской Федерации.

Быть ректором без степени — это плохо. Это факт. Не было не только ни одного ректора без степени, не было ни одного ректора государственного университета или института — не доктора наук.

Диссертацию я не оставил, практически довел до конца. Но защищаться уже не мог: для этого мне надо было бы вернуться в Россию. А после ареста Ходорковского я всякую идею о возвращении отбросил, пока не будет решен вопрос его освобождения. А работа готова, дописана.

— После ухода «ЮКОСа» у РГГУ больше не было спонсоров?

— Я об этом ничего не знаю. Чтобы не наносить себе психологическую травму, я больше этим не интересовался.

Чтобы не отправить РГГУ под мясорубку Виктора Иванова¹ и Игоря Сечина, я, естественно, в конце концов, ушел. Потому что меньше всего мне хотелось, чтобы расформирование, реформирование, увольнение некоторых хороших людей было связано с моей личностью. Поэтому я сопротивлялся, пока этот шантажный ультиматум не был предъявлен: или ты уходишь (уволить меня не могли, я выборный был), или мы ломаем твой университет.

— А кем предъявлен ультиматум?

— Мне это передал министр образования. Он не сказал, что это от них, но по тональности намек я понял.

— От Сечина и компании?

— Скорее, от Виктора Иванова.

Леонид Борисович подал в отставку 17 ноября 2003-го, проработав ректором ровно полгода.

¹ Виктор Петрович Иванов — в 2000 — 2004 гг. заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации.

«Многого сделать я не успел, — писал он в ЖЖ. — Из важных технических вещей — привели в чувство студенческую столовую — она была в ужасающем состоянии. Половина годового платежа пошла на зарплаты, ремонт, на закупку нового оборудования, на стажировки за границей...»¹.

Там же в интернет-дневнике он рассказал о своей отставке:

«Сегодня я написал заявление об уходе с поста ректора РГГУ «по собственному желанию». Другого выхода я не вижу.

До сих пор на настоятельные предложения из администрации президента «конкретно» уйти в отставку я не менее «конкретно» отвечал отказом.

Должность ректора — выборная, да к тому же меня успели утвердить в Министерстве. Это означает, что без моего заявления об уходе они не могут меня уволить.

Теперь Кремль предъявил мне ультиматум. Университет должен от меня избавиться. В противном случае власти избавятся от Университета. Модель, как мне пояснили, крайне проста — слияние РГГУ с другим учебным заведением (скажем, с каким-нибудь техникумом, который вливается на правах нового департамента). Таким образом, формально создается новый вуз. Требуется новое руководство.

Я понял, что они готовы на все. Могут уволить Афанасьева. И не только его. Могут поставить ректором какого-нибудь питерского чекиста. Да мало ли что они там придумают?

Несколько дней назад, невзирая на давление властей, Ученый совет РГГУ выказал мне свою поддержку. Это очень важно и ценно для меня. Но доводить ситуацию до крайности я не имею права. Не могу допустить, чтобы порядочные люди из-за меня теряли работу. Чтобы из-за моих проблем пострадал Университет.

Теперь в РГГУ появится новый ректор. Афанасьеву на должность ректора наверняка вернуться не дадут»².

Он был совершенно прав. Афанасьеву вернуться не дали. Новым ректором стал проректор по учебной работе Валерий Минаев.

Ходорковского уже арестовали, Лебедев находился в тюрьме более полугода, но «ЮКОС» не собирался отказываться от финансирования.

¹ <http://nevzlin.livejournal.com/48489.html>.

² Там же.

«Решение об оказании финансовой помощи РГГУ было принято правлением компании, утверждено советом директоров и не зависит от того, кто будет занимать должность ректора РГГУ. Компания намерена продолжать финансирование университета и надеется, что государственная бюрократия не будет чинить этому препятствий. Поддержка образования является краеугольным камнем благотворительной деятельности НК «ЮКОС», — говорилось в заявлении компании, опубликованном «Газетой.ру».

Однако кандидатуру Валерия Минаева не утвердило Минобразования. Видимо, его считали человеком «ЮКОСа».

«С тех пор в вузе установилось троевластие: господин Минаев получил изобретенный в РГГУ статус «избранного ректора», временным и. о. ректора стала проректор Ирина Карапетянц, а Юрий Афанасьев остался на посту президента университета», — писал «Коммерсант».

30 января 2004-го на университетской конференции РГГУ были внесены поправки в устав университета, ограничивающие полномочия финансового директора и попечительского совета, куда входили Михаил Ходорковский, Леонид Невзлин и Юрий Афанасьев. Попечительский совет больше не имел права решать вопросы финансовой деятельности РГГУ.

«Вносить деньги в университет, искать дополнительные средства и не иметь никакого отношения к тому, как они будут расходоваться, это достаточно глупо, — прокомментировал Леонид Невзлин «Газете.ру». — Может так оказаться, что деньги будут собраны для одного, а потрачены в интересах другого подхода к образованию — не либерального, например, а авторитарного».

И «ЮКОС» прекратил финансирование.

В результате многие программы были свернуты или значительно урезаны: и особые стипендии, и обмен с западными университетами, и стажировки.

Как раз тогда в РГГУ училась дочь одной моей родственницы. Я помню, как мы сидели на кухне и обсуждали ситуацию. «Ну, положим, Ходорковский виноват, — жаловалась она. — А дети-то тут при чем?»

В декабре 2005-го на Минобразования предложило на пост ректора кандидатуру Ефима Пивовара, он в свое время ушел из РГГУ, по слухам, из-за конфликта с Юрием Афанасьевым.

А Юрий Афанасьев до конца своего президентства критиковал власть и выступал в либеральных СМИ, подписываясь «Президент РГГУ», что не способствовало любви властей к университету.

16 сентября 2006-го легендарный «рупор перестройки» ушел с поста президента РГГУ, и сам пост был упразднен. «Я просто не мог работать дальше, — рассказал журналистам Юрий Афанасьев. — Не мог и не хотел быть «королем», когда твоя работа не приводит ни к каким результатам. Меня никто не принуждал уходить, просто я больше не могу работать с этими людьми — они «редиски»¹.

Перестройка кончилась.
Как и гласность.

НА ВЕРШИНЕ

15 апреля 2003-го в Москве отмечали десятилетие «ЮКОСа». Александр Волошин зачитал приветствие Путина. Потом было поздравление от Михаила Касьянова, тогда еще премьер-министра.

Министр энергетики Юсуфов пришел поздравлять собственной персоной и провел награждение лучших работников компании. «Желаю вам успехов в работе, и добиваться дальнейших улучшенных показателей, — сказал он. — Всего вам доброго и всего вам наилучшего. И позвольте вручить приветственный адрес министерства энергетики от имени сотрудников ТЭК одному из лучших менеджеров России, руководителю компании «ЮКОС» Михаилу Борисовичу Ходорковскому. Спасибо вам».

Его сменил министр образования Владимир Филиппов: «Наверное, возникает вопрос, а что связывает компанию «ЮКОС» и российское образование. Конечно, связывает труба, по которой текут к нам бюджетные деньги в виде налогов, в том числе и в образование. Это важно. Это очень важно. Но это не интересно. Нас интересует, что в образование к нам помимо этой трубы из «ЮКОСа» текут еще деньги. И действительно, наверное, вся страна знает о замечательном проекте «Интернет в российскую школу». Проекте, инициатором которого был лично Михаил Борисович Ходорковский».

Потом выступал губернатор Ханты-мансийского округа Александр Филиппенко и назвал «ЮКОС» лучшей компанией, а Михаила Ходорковского «блистательным».

А митрополит Сергей зачитал послание патриарха: «Бескорыстное участие во многих благотворительных акциях и соци-

¹ <http://www.newsru.com/russia/16sep2006/afanas.html>.

альных программах, содействие русской православной церкви, восстановлению разрушенных в прошлом святынь, помощь военнослужащим и членам их семей, потерявшим родных при исполнении ими служебного долга — все это и многое другое убедительно свидетельствует о Вашей приверженности к возрождающимся в наши дни добрым традициям меценатства и жертвенного служения ближним».

И вручил Михаилу Борисовичу орден святого благоверного князя Даниила Московского II степени. Тот самый, который Марина Филипповна потом грозилась отправить обратно патриарху.

До начала арестов по делу «ЮКОСа» оставалось два месяца.

«В 2003-м году мы праздновали десятилетие «ЮКОСа», — вспоминает Елена Талан. — Был огромный банкет в концертном зале «Россия» для сотрудников и приглашенных. Выступление Михаила было коротким, но завораживающим. Одет он был как всегда скромно — в водолазке (я так понимаю, наиболее комфортная одежда для Михаила Борисовича)

Во время фуршета Миша спокойно ходил по рядам. Здоровался и общался с любым человеком, попадавшемся ему по пути. И с любым была тема для короткого разговора. У него нет чванливости, распальцовки, привычки смотреть поверх голов, как у нас очень любят».

19 апреля были праздничные торжества в регионах. «В Нефтеюганске, Пыть-Яхе и Пойковском пройдет театральный фестиваль, КВН, спортивные состязания, конкурсы стихов и рисунков, а также фотовыставки, посвященные 10-летию «ЮКОСа», — сообщила телекомпания «Регион-Тюмень».

Праздновать было что.

«К нефтяной компании ЮКОС, к ее методам ведения бизнеса можно относиться по-разному. Однако успехи, которых компания добилась за первые десять лет существования, несомненны. Достаточно сказать, что «ЮКОС» на сегодняшний день является лидером российской нефтедобычи и экспорта и чуть ли не вдвое превосходит коллег по отрасли по рыночной капитализации. Десять лет назад мало кто мог предвидеть такое развитие событий».

Что характерно, лидерство «ЮКОСа» не выглядит случайным. Оно воспринимается как закономерный исход, поскольку последние годы «ЮКОС», по большому счету, можно считать моделью организации частной российской ВИНК — начиная от ди-

видендных выплат и уровня прозрачности и заканчивая подходами к нефтедобыче», — писал журнал «Нефть и капитал».

С 1998 года многое изменилось.

Второго сентября 2000-го в Нефтеюганске с размахом отметили День нефтяника и День города. ««ЮКОС» стал лидером среди российских нефтяных компаний по темпам роста добычи нефти, — радовалась газета «Труд». — Объемы добычи за шесть месяцев выросли по сравнению с тем же периодом прошлого года на два миллиона тонн. Сегодня доля НК «ЮКОС» в общем объеме нефтедобычи в России превышает пятнадцать процентов. В нынешнем году компания резко увеличила инвестиции в нефтедобычу и в обновление основных фондов. Например, капиталовложения по тому же «Юганскнефтегазу» по сравнению с прошлым годом возросли в десять раз (!) и составили огромную сумму — почти тринадцать миллиардов рублей».

Мэр города Виктор Ткачев дал интервью корреспонденту газеты: «Нынешний год принес долгожданную стабильность. Есть у нас и полное взаимопонимание в решении проблем города с компанией «ЮКОС». Она исправно платит налоги, в том числе и в городской бюджет. Более того, взяла на себя строительство спортивного комплекса. Он откроется уже в следующем году. При участии нефтяников большинство школ города оборудовано современными компьютерами, подключенными к Интернету. Скоро в город вернутся учителя, которые бесплатно обучались интернет-технологиям в Федерации Интернет-образования, учрежденной «ЮКОСом». Значит, в распоряжении школьников будут новейшие методологии работы во «всемирной паутине». Создана межшкольная сеть интернета. Очень важно, чтобы молодежь не чувствовала себя оторванной от всего мира. В следующем году закончим строительство второй очереди православного храма, на въезде в город растет мечеть».

На празднике присутствовал и Ходорковский. Он вручил мэру сертификат и памятную медаль: Нефтеюганск был объявлен «Столицей «ЮКОСа»».

В 2005 году, уже в тюрьме, Михаил Борисович напишет вызвавшую много споров статью «Левый поворот», которую сочтут неожиданной и даже усомнятся в его авторстве.

Мне она кажется совершенно естественной. Это даже не планы на будущее — это осмысление пройденного. Свой левый поворот он уже сделал, по крайней мере, в 2000-м, когда вспомнил о социалке (или цены на нефть позволили вспомнить) и стал устраивать праздники для своих нефтяников, закупать для них

санатории и организовывать ЮКОС-классы с более высоким уровнем преподавания.

А к первому сентября в Нефтеюганске первоклашки стали получать от «ЮКОСа» подарок — ранец, набитый учебниками. И зарплата каждый год повышалась, а ко Дню нефтяника стали выдавать премию.

«На улучшение условий труда и развитие программ социальной поддержки сотрудников и их семей «ЮКОС» затратит в этом году более 375 миллионов рублей», — утверждалось в том же номере «Труда».

Отношения с жителями регионов потихоньку налаживались, но были еще далеки от идеала. После ареста мало кто из них пожалует о Ходорковском, надеясь на покупку «ЮКОСа» «Сургутнефтегазом». Хотя подписи в защиту босса все же соберут. По настоящему Михаила Борисовича начнут вспоминать с тоскою только, когда вместо «ЮКОСа» на месторождения придет «Роснефть». «С точки зрения работавших и при «ЮКОСе», и при Роснефти, лучше было при «ЮКОСе», — пишут на нефтеюганском форуме. И еще жестче: «Сейчас многие утирают сопли, жалея Ходорковского».

«ЮКОС» бесплатно раздавал свои акции нефтяникам, а при допэмиссии выдавал еще. Роснефть, обесценив акции «ЮКОСа», свои акции продает. И «Юганскнефтегаз» при Ходорковском был ОАО, а при Роснефти опущен до ОООшки.

«Сейчас же комфортно чувствуют себя лишь генералитет со своей свитой и «штабисты» в Москве», — пишет анонимный «Гость» на интернетовской доске объявлений Нефтеюганска в поздравлении с Днем нефтяника. — «Роснефть» держит в голодном теле «работяг», а специалистов среднего звена в ежовых рукавицах: многие работают и подыскивают себе запасные варианты. А начиналось все как по мощеной дороге с благими намерениями: радовались низвержению Ходорковского, ожидая от «Роснефти» благих дел, забывая, что зачастую каждый последующий руководитель хуже предыдущего».

Успехи были не только в социалке.

«Мой успех — реализация производственных проектов, идей, — пишет мне Михаил Борисович. — Туда и «вбабахивались» все деньги. Много чего построили, создали. И до сих пор работает: и Приобское месторождение, и отраслевой научный центр».

Приобское — гигантское месторождение в Ханты-Мансийском округе, в двухстах километрах от Нефтеюганска. Открыто в

1982-м, левый берег реки начали осваивать в 1988-м, правый — в 1999-м при «ЮКОСе».

Первоначально месторождение собирались разрабатывать совместно с американской компанией «Амосо» на основе соглашения о разделе продукции. В конце 1998 года «Амосо» была поглощена «British Petroleum» и в начале 1999-го официально объявила о выходе из проекта.

Территория месторождения заболочена и затопляется в паводок. Тогда рыба приходит сюда на нерест, что значительно осложняет разработку и требует экологически безопасных технологий. «По расчетам специалистов, разработка месторождения при существующей системе налогообложения нерентабельна и невозможна», — писало Независимое нефтяное обозрение «Скважина» и приводило суммы многомиллиардных затрат.

Но Ходорковский оказался достаточно безумен, чтобы за это взяться¹.

«Ваша честь, почти половина, может, меньше — 40 — 45% капвложений, осуществлялись на Приобском месторождении, — расскажет он на втором суде весной 2011 года, защищаясь от обвинений в хищении всей нефти «ЮКОСа». — Я когда пришел на работу в компанию, компания «ЮКОС» всего добывала 44 миллионов тонн, включая ВНК², а «Юганскнефтегаз» добывал 25 миллионов тонн. К концу моей работы в 2003 году 25 миллионов тонн добывалось только на Приобском месторождении. Когда я первый раз приехал на Приобское месторождение, была только забита свая под причальную стенку, ничего больше там не было. Ну, разведочные скважины. Начиная с конца 99 года, когда мы сконцентрировали необходимый объем материально-технических ресурсов, мы начали это освоение, Ваша честь, я сам с вертолета видел этот нескончаемый железный поток, который туда шел: оборудования, материалов, грузовиков с песком.

За три года там был построен гигантский завод, и не один. Объем капвложений в скважины... там у нас, по-моему, чуть ли не единственная есть в стране скважина, дебет которой составляет пять тысяч тонн в сутки. А месторождение, между прочим, к моменту моего прихода в компанию считалось с трудноизвлекаемыми запасами и вообще бесперспективным. И половину его собирались отдать компании «Амосо». И уже отдали на самом

¹ О «ЮКОСе» на Приобском месторождении подробнее см. *Игорь Дуэль*. «Дела ЮКОСа».

² Восточная Нефтяная Компания.

деле. Только «Атосо» по своей глупости не подписало соглашения о продаже <...> за 500 миллионов долларов кредита. Анекдот! После этого говорят, что мы разбазариваем?! Вот кто разбазаривал! Потому что осваивать не умеют! Или когда-то умели, а к этому моменту уже забыли».

Иностранные делегации туда возили уже в 2003-м. «Объекты нефтедобычи месторождения Приобское по праву можно отнести к достопримечательностям не только ХМАО, но и российской нефтедобывающей отрасли, — писал Тюменский портал «Вслух.Ru». — Применяющиеся здесь самые современные технологии, высокий уровень добычи, квалификация специалистов, соответствующая международным стандартам, — все это сделало Приобское настоящей визитной карточкой отечественной нефтедобычи. При этом «ЮКОС» успешно внедряет здесь экологически безопасные методы разработки углеводородных ресурсов, что положительно сказывается на сохранении хрупкой северной природы».

Теперь это один из основных активов «Роснефти». И именно туда теперь «Роснефть» привозит тележурналистов и представителей европейских банков.

А это не единственное освоенное месторождение, просто самое крупное.

В начале 2000-х «ЮКОС» начал вкладывать деньги в науку. Был создан отраслевой научный центр. О нем мне рассказал Дмитрий Мурзин: «В исследовательском центре «ЮКОСа» я был не так давно. Центр очень хороший.

Если есть нормальная фирма, она должна заниматься исследовательской деятельностью. Использовать только идеи, разработанные пятьдесят лет назад, или зарубежные технологии — так не бывает. Она должна заниматься собственной исследовательской деятельностью. Я сам работал в немецкой фирме, крупнейшем химическом концерне и знаю, что это такое, и был во многих, я вас уверяю, местах. Центр «ЮКОСа» на Ленинском проспекте — лучшее, что есть в России. Они действительно сделали очень хороший центр. Отраслевые институты — это все прошлый век. Сделали так, как надо. Сейчас он называется «Объединенный Центр Исследований и Разработок» и вообще непонятно, кому принадлежит.

Было сделано очень хорошо. Мне действительно нравится, что там происходит и как. Говорят, что Миша имел к этому отношение. И я думаю, что он понимал, как это должно быть, хотя у

него и не было особенно опыта работы и понимания того, как это делается в других странах».

«Идея создания Центра исследований и разработок, как и все идеи в «ЮКОСе», носила коллективный характер, — вспоминает Ходорковский. — Мне лично этот проект был важен, поскольку он был нацелен на ускорение обновления производства. А обновление было весьма насущной проблемой».

Журнал «Власть» писал в 2005-м, что в год «ЮКОС» тратил около 6 миллионов долларов на научную и образовательную деятельность в «Центре». «Младший научный сотрудник получал здесь в прошлом году около \$1000, старший — чуть больше или чуть меньше \$2000 в зависимости от личных заслуг перед компанией, заведующий лабораторией — от \$3000 до \$5000. Замдиректора по науке — \$8000», — писал «Коммерсант»¹.

Между прочим, «Центр» был расположен в лабораторном корпусе того самого НИУИФ, в частности за «незаконную» приватизацию которого посадили Ходорковского.

В 2005-м финансирования уже не было, и «Объединенный Центр Исследований и Разработок» подрабатывал производством стеклянных слоников...

В мае 2010-го Владислав Сурков выступал перед предпринимателями, призывая вкладывать деньги в проект «Сколково». И вспомнил о Ходорковском: «Я помню, как мы создавали первый кооператив. И мы там приличные деньги зарабатывали. Я помню, тогда говорили: у Ходорковского тысяча рублей в бумажнике всегда. По тем временам совершенно запредельные деньги. И я своему товарищу одному говорю: пошли к нам работать, чего тебе делать в НИИ каком-то государственном, а у нас такие зарплаты, в принципе, не зарплаты, а что заработаем, то и делим. И он мне говорил: вас же там закроют через полгода, через год. И очень многие мои знакомые так говорили. А ведь не закрыли, то есть, конечно, кого-то закрыли по дороге, но в целом не закрыли. [дружный смех в зале] Те, кто верил в это — а среди вас большинство людей уже тогда, при всеобщем скепсисе, при всеобщей, я бы сказал, робости, в это поверили, — что вы можете стать частными предпринимателями, вы вспомните!»²

¹ Для сравнения. В 2010-м году сотрудник среднего московского НИИ без степени получал 7 — 10 тыс. рублей, завлаб с докторской степенью — около 20 тысяч рублей. Между прочим, доллар 2004-го и 2010-го — это разный доллар.

² <http://www.forbes.ru/column/49510-esli-v-dushe-net-draiva-nikakie-igoty-ne-pomogut>.

Интересно отдавал ли Сурков себе отчет в том, насколько неподходящий пример привел?

Или просто вспомнил единственного предпринимателя, который вкладывал деньги в науку, и не успел сообразить, что продолжать не стоит?

«Объединенный Центр Исследований и Разработок» открыли 15 декабря 2003-го, когда Ходорковский был уже в тюрьме, и во время банкротства «ЮКОСа» в мае 2007-го продали «Роснефти»¹.

Только из публикаций о торгах и можно понять, что это тот самый центр. На его сайте ни Ходорковский, ни «ЮКОС» больше не упоминаются.

В начале двухтысячных «ЮКОС» пришел в восточную Сибирь. Впрочем, АЗС возникли там еще раньше, что обернулось исчезновением левых продаж ворованного бензина.

НК «ЮКОС» купила «Восточно-Сибирскую нефтяную компанию», которой принадлежали лицензии на месторождения в Эвенкии, и была начата их разработка. Первая делегация «ЮКОСа» побывала там в марте 2000-го.

«Когда я туда прибыл, там нефть не добывалась практически, — рассказывал Ходорковский на втором процессе в Хамовническом суде. — То есть речь шла о десятках тонн из разведочных скважин. Поселок Тура (столица Эвенкии) — это 4 тысячи жителей. Чтобы там осваивать месторождение, мне нужно было там фактически создать город на 20 тысяч рабочих!»

«То же самое касается «Саханефтегаза». Это месторождения, расположенные в Якутии и частично в Иркутской области. Там добыча тоже практически не велась. Мы должны были вывести добычу там до 10 миллионов тонн и направить ее в строящийся трубопровод на Китай. Общая мощность которого предусматривала к 2005 году — 20 миллионов тонн, и к 2015 году — 30 миллионов тонн. Вот его мы должны были заполнить с двух этих групп месторождений».

Но не успели. После ареста Михаила Борисовича все эти проекты были заморожены.

Некоторые заморожены до сих пор.

В начале 2000-х Ходорковский работал в офисе на «Чистых прудах», в 2003-м, к десятилетию компании, открыли знаменитую «башню» «ЮКОСа» на Павелецкой.

¹ Точнее, ООО «Прана», и уже у «Праны» его купила «Роснефть».

— Организация, структура компании, этой огромной машины, очень сложная, — вспоминает Елена Талан, работавшая в «ЮКОСе» в этот период. — Чтобы понять структуру, (а я технарь, нам это нужно видеть все в квадратиках и стрелочках), мне пришлось потратить шесть месяцев. Только потом пришло понимание «откуда, чего, куда и зачем и по каким вопросам».

Меня безумно поразило то, что вся структура была «прописана». То есть любой шаг, любое твоё действие внутри того или иного отдела прописано регламентом. Каждый приходящий на работу, открывая регламент, сразу совершенно четко понимал, что и как делать. Таких компаний тогда не было ни одной. Сейчас — не знаю.

После того, как начались проблемы, сотрудники вынуждены были покидать компанию. Кто устраивался в банки, кто в другие нефтяные компании. Приходили, делились впечатлениями: «Ну, это просто что-то невозможное по сравнению с «ЮКОСом!»» Функционал непонятен, организация рабочих процессов отсутствует, структура хаотичная, ничего не прописано. Вероятно, это говорит о полной дезорганизации и отсутствия понимания как это сделать лучше, разумнее и эффективнее.

Люди были в шоке.

Я вернулась в фармацевтическую компанию. Это крупнейший дистрибьютор России, но положение вещей там было аналогичное, как рассказывали другие. Те, кто столкнулся с крупными структурами, могли сказать: ««ЮКОС» — это уникальная компания». И с самого первого винтика она была сложена так, как мыслил себе Миша. У него было много грамотных консультантов, однако все до винтика организовал он. И все работало просто уникально.

Когда я пришла в «ЮКОС», никто не знал, что я знакомая Миши по институту, и это меня вполне устраивало, потому что люди разные бывают: «От Михаила Борисовича? Мы сейчас будем к ней хорошо относиться!» Поэтому об этом не знал никто.

Я попала в Управление делами. Миша меня туда определил, как я поняла позже, чтобы мне было легче сориентироваться в компании и в дальнейшем определить, где бы я сама себя лучше видела. Да и время было на меня посмотреть и у меня проявить себя.

Я не ходила к нему в приемную, не сидела там, зачем мне это надо? Низкий поклон, ты взял меня на работу, на хорошую зарплату, и я готова сделать все, чтобы не подвести тебя. Как бы мне ни было тяжело.

А мне было очень тяжело. Я не коммуникабельна и очень тяжело входила в коллектив. Он был очень своеобразный и неординарный. Новых людей не принимали с распростертыми объятиями. Были моменты, когда я приходила и говорила мужу: «Все, больше не могу. Не могу там работать». Он: «Ну, ты на секунду представь, что ты сейчас оттуда уволишься. Ты понимаешь, что тем самым ты подведешь Мишу?» Я говорю: «Да, наверное, понимаю». «Иди и работай».

Мы с Мишей несколько раз встречались при его передвижениях внутри здания. Есть люди, обладающие достаточным капиталом, которые даже внутри своей компании, внутри своего здания, боятся перемещаться без охраны. Миша не относится к этой категории.

Он мог запросто идти по зданию, открыть любую дверь, и неожиданно войти, не зная даже что там за подразделение сидит. Подойти к любому сотруднику, которого, возможно и не знал. «А чем вы занимаетесь? Расскажите в двух словах о вашей работе. Вас что-то тревожит? Вас устраивает питание?»

Как-то раз я выходила из офиса. Возвращаюсь, а мне говорят: «А Ходорковский только что у нас ходил, с людьми общался». Это было, когда мы в новое здание переехали. Вот так он подходит, спрашивает. А потом делает выводы. Мне рассказывали про человека, которого он так расспрашивал про работу. А потом вызвал начальника управления и говорит: «Я не понимаю, чем у тебя этот человек занимается. По-моему, то, чем он занимается, таких денег не стоит. Он вообще непонятно, чем занимается. Может быть, ему добавить работы?»

Были у него такие выходы в люди. И нередко.

— Боялись этих выходов? — спрашиваю я.

— Боялись. Боялись, конечно. И любое совещание будоражило руководство, тех, кто туда шел, потому что я бы не сказала, что он мягкий человек. Он жесткий руководитель. И мне это импонировало. Я считаю, что человеку только дай расслабиться. Менталитет такой российский. Человек начинает сразу расслабляться. Демократия должна быть, но до определенного предела. Если бы не эта жесткость в управлении, не было бы компании. Есть масса людей, которые, имея капиталы, не смогли развить ничего.

К нему приходило много людей со своими бизнес-планами. В том числе из наших, выпускников Менделеевки. В большинстве случаев он отказывал. Естественно, они были обижены. Они рассчитывали на то, что знают его лично, придут, покажут бизнес-план, и он даст средства на развитие. Но Михаил Борисович

без предварительной проработки поступившего материала никогда не отказывал. Такие люди, как Михаил, всегда попытаются развить то, что будет новаторским.

В «ЮКОСе» я встречала много знаменитых людей. Говорят, много было обиженных на Мишу за отказ в финансовой поддержке. Но как может человек бизнеса давать всем подряд, даже если ты знаменитость? Что тогда будет с его бизнесом?

У него был абсолютно деловой подход. В противном случае компания бы развалилась. Это искусство ведения бизнеса, потому и компания стала лидером российской отрасли и не только нефтяной, а компанией номер один по всему: по капитализации, по обороту, по прибыли. Это слаженная команда, потому что он сумел ее собрать.

Часть II

ПЕРЕД АРЕСТОМ

ДОКЛАД О КОРРУПЦИИ

Этот ролик долго лежал на сайте пресс-центра адвокатов Ходорковского под названием «Как все начиналось»¹. И конечно, он есть в интернете: <http://www.youtube.com/watch?v=cYGA5slhWhc>.

Итак, февраль 2003-го. Москва. Кремль. Встреча президента Путина с промышленниками и предпринимателями.

Выступает Ходорковский. Наглядно, со слайдами. Такие «презентации» он будет устраивать даже во время второго процесса в Хамовническом суде. Эта называется «Коррупция в России — тормоз экономического роста».

— Еще более опасным является, что на базе существующих тенденций формируются представления нового поколения о том, что им придется ожидать во время своей трудовой жизни, — говорит он Путину. — Если вы посмотрите на следующий слайд, вы увидите, что в институт, который у них считается готовящим кадры для наиболее богатой отрасли, для нефтегазовой, это Губкинский институт, конкурс на одно место составляет чуть больше двух человек, зарплата специалиста после окончания этого ВУЗа составляет 450 — 500 долларов. В тоже время в Налоговой Академии конкурс на одно место 4-5 человек, а зарплата специалиста после окончания, официальная зарплата специалиста — 150 — 170 долларов. В Государственном университете управления ситуация еще более выпуклая. Молодое поколение является прагматичным, и если мы даем ему такие ориентиры, то нам об этом, наверное, стоит подумать².

¹ <http://archive.khodorkovsky.ru/video>.

² Этот тезис почти дословно повторил Д.А. Медведев летом 2011-го на встрече с предпринимателями Пензенской области: «Меня сильно тревожит, что молодежь хочет стать чиновниками, и это не потому, что я плохо отношусь к чиновникам, наоборот, это полезный труд для любого государства. Но возникает ряд вопросов, когда молодежь строго выбирает путь государственного слу-

Посмотрим на следующий слайд. Масштабы коррупции в России оценивают эксперты четырех организаций. Приблизительно одинаково, в районе 30 миллиардов долларов в год. Это 10 — 12% ВВП. Хочу обратить внимание, что налоговая нагрузка составляет у нас в районе 30% ВВП.

— Потом по поводу вузов, да? То, что конкурс в Университет управления 5-6 человек на место, а в Налоговой академии 4-5, а в институте, где готовят специалистов для энергетики, меньше, хотя зарплата выше, — отвечает Путин. — Ну, наверное. Но вот что бы хотелось высказать: все-таки презумпция виновности наших абитуриентов — это не очень правильно.

Презумпция виновности — это, конечно, неправильно. Причем не только для абитуриентов. Но статистика красноречивая.

— А есть и другие также составляющие, — продолжает Путин. — Вот вы говорили про «Роснефть» и сделку с «Сибнефтью». Я думаю, что конечно... председатель совета директоров должен как-то отреагировать на то, что вы сказали, объяснить. Хотя некоторые вещи, конечно... на первый взгляд, на поверхности лежат. Так вот, есть компании, которые должны увеличить свои запасы, у которых запасов не хватает, а некоторые другие нефтяные компании, как, например, компания «ЮКОС», имеют сверхзапасы. Как она их получила — это вопрос в плане обсуждаемой нами сегодня темы.

В том числе и вопросы неуплаты налогов. Мы с вами это обсуждали, Да? Совсем недавно. Что и у вашей компании были проблемы с уплатой налогов, но надо отдать должное руководству компании «ЮКОС»: она договорилась с налоговой службой, приняла все претензии и закрыла все проблемы. Закрывает все проблемы с государством. Но как-то эти проблемы возникли. Может быть, именно поэтому конкурс в Налоговую Академию 4-5 человек. Вот поэтому я возвращаю вам вашу шайбу.

Запомним.

Закрывает, значит, компания «ЮКОС» все проблемы весной 2003-го. Или закрывает.

жащего, Акакия Акакиевича: это престижная профессия? Не очень. Там хорошо платят? Платят плохо. Значит, этот путь выбирают потому, что это способ быстрого обогащения. То есть молодежь видит в этом пример того, как можно быстро и не прилагая труда добиться успехов в жизни, — продолжил он. — Рассуждения эти строятся в расчете на то, что (молодой человек) придет на низовую должность — возьму раз пять различные подношения, успокоюсь и свое дело открою. Хотя, как правило, это никогда так не заканчивается, а становится способом существования на всю жизнь».

Госкомпания, которой не хватает запасов — это «Роснефть».

Не пройдет и двух лет, как «Роснефть» увеличит запасы.

В ходе банкротства «ЮКОСа».

«Юганскнефтегаз» будет продан ей уже в 2004-м.

Слова Путина звучат как наезд на наезд, как ответный выпад, как реакция на обвинения.

Но ведь Ходорковский лично его ни в чем не обвинял. Даже государство еще не Путин. Тем более, «Роснефть».

Что это за сделка с «Сибнефтью», которую упоминает Путин? В записи именно так: «Сибнефть», хотя, скорее всего, президент оговорился.

Валерий Панюшкин подробно описывает эту сцену в «Узнике тишины», хотя скорее пересказывает, чем приводит стенограмму. Он пишет, что Ходорковский бледен, и голос его дрожит.

Я смотрела этот ролик раз двадцать, но дрожи в голосе так и не услышала. Только вначале Ходорковский чуть-чуть спотыкается, но набирает в грудь побольше воздуха, решается и говорит дальше почти без запинки.

А о бледности судить трудно по ролику, качество которого далеко от идеала.

Скорее Ходорковский говорит ровно (и громко!), зато Путин не сразу находит, что ответить. А когда придумывает про презумпцию виновности — очень радуется находке и тут же становится увереннее в себе.

«Но это еще не все, — пишет Панюшкин. — Ходорковский продолжает говорить. Очень тихим голосом, голос еле слышен. Сотрудники «ЮКОСа» утверждают, что очень тихим голосом Ходорковский говорит, когда взбешен, когда в ярости.

Но, может быть, голос его тих и от страха. Он говорит:

— Надо сделать коррупцию постыдным явлением. Вот возьмем, например, покупку «Роснефтью» «Северной нефти». Все считают, что сделка эта имела, так сказать, дополнительную подоплеку...

Зал замер. Они понимают, о чем речь. Полунамекками, но высказал все же Ходорковский президенту в лицо страшное обвинение. Дело в том, что незадолго до этой встречи государственная компания «Роснефть» купила крохотную нефтяную компанию «Северная нефть», значительно за нее переплатив. То есть государство купило частную компанию по заведомо завы-

шенной цене. Если в девяностые годы коррупция заключалась в том, что государство распродавало свои компании задешево, то в двухтысячные годы не в том ли заключается коррупция, что государство слишком задорого скупает частные компании? Вот что сказал Ходорковский. Это все равно как сказать президенту: «Вы и ваша команда — вы и есть первые коррупционеры». Впрочем, Ходорковский поправляется: — Да, коррупция в стране распространяется, и вы можете сказать, что с нас-то, — Ходорковский обводит взглядом сидящих за столом, — с нас-то все и началось.

Ну... когда-то началось, а когда-то надо и заканчивать».

Я готова поручиться, что в ролике этого нет. Не говорил этого Ходорковский. Ни про «Северную нефть», ни последней фразы. Разве что в другой части разговора, не попавшей в запись, или вообще в другом разговоре. Или вырезано это из ролика.

Даже если я не расслышала «тихий» голос. Там просто паузы нет.

24 февраля 2003-го в «Новой газете» появилась статья, посвященная докладу Ходорковского о коррупции. «Северная нефть» там не упоминается, и настрой не в пользу Ходорковского. Правда, очень интересная подпись: «Александр Добровинский». Тот ли? Корпоративный адвокат иногда развлекался журналистикой. Я видела статьи, безусловно написанные им. Да и стиль похож. Так что вполне возможно.

«Встреча президента Путина с олигархами воскресила былинные образы, — пишет Добровинский. — Купцы пришли к царю-батюшке жаловаться на произвол бояр и государевых опричников. Хотели открыть ему глаза, чтобы осознал, наконец, сколько коррупционеров расселось на царской исполнительной ветви власти».

И ни слова об обвинениях в чем-либо Самого. Так, ходоки пришли.

Зато «Коммерсант» описывает встречу очень подробно, и там все есть¹. И про «Северную нефть», и про то, с кого все началось. Но всерьез не воспринимает. Тон статьи вполне ироничный, под стать Добровинскому. И название соответствующее: «Владимир Путин взял острое интервью у олигархов».

Обвинений президента автор не видит вовсе. Напротив, Андрей Колесников замечает, что Путину «пришлось слушать», как олигархи с азартом подставляют друг друга, исповедуются и каются».

¹ Газета «Коммерсантъ», № 30 (2633) от 20.02.2003.

«Вот возьмем, например, покупку «Роснефтью» «Северной нефти». Все считают, что эта сделка имела, так сказать, дополнительную подоплеку... Здесь присутствует президент «Роснефти» — не знаю, подтвердит ли он это?» — цитирует Ходорковского «Коммерсант».

И продолжает: «Господин Богданчиков сидел, не шевелясь. Он просто окаменел. Видимо, боялся подтвердить или опровергнуть».

То есть эту реплику Ходорковского тогда восприняли как выпад не против Путина, а против главы «Роснефти» Богданчикова.

Обратите внимание, что в тексте Панюшкина Богданчиков вообще не упоминается...

И еще одна интересная деталь: оказывается инициатива поговорить о коррупции исходила вовсе не от Ходорковского... а от Путина: «Владимир Путин заявил, что хотел бы поговорить о коррупции. Цель — искоренить ее. Но не карательными мерами, нет. Надо только создать правила, которые будет легче соблюсти, чем обойти».

Что же тогда так возмутило президента? Почему он бросается в атаку? Вроде бы его собеседник полностью в теме: «Михаил Ходорковский рассказал участникам встречи занимательную историю о том, что еще два года назад министерство, например, топлива и энергетики, было самым коррумпированным ведомством в стране. (Под чьим это, значит, руководством?) А сейчас уже нет! Этого удалось добиться несколькими нехитрыми действиями — и прежде всего, чиновникам запретили самостоятельно менять шкалу налогов»¹.

То есть вот, в одном месте уже создали такие правила. Точно исполняем Ваши указания, господин президент.

Я даже не удивлюсь, если вдруг окажется, что этот доклад был согласован с Сурковым...

Если кого здесь Ходорковский и обвиняет, то уж никак не Путина, а своего давнего врага министра топлива и энергетики Виктора Калюжного.

Зачем вообще Ходорковскому обвинять президента в коррупции? С какой целью? Чего он хочет добиться?

Он же не сумасшедший, не Дон-Кихот, не борец с ветряными мельницами. Напротив, люди, лично его знавшие, считают его очень осторожным.

¹ Там же.

Может быть, это вообще не обвинение?

Эту встречу многие вслед за Панюшкиным сочтут главной причиной ареста Ходорковского. Не думаю, скорее это вершина айсберга, случайно увиденная широкой общественностью.

А главные события были скрыты от глаз.

В тот же день 19 февраля, когда Путин встречался с предпринимателями, в «Коммерсанте» была опубликована статья под названием «Михаил Касьянов ограничил раздел продукции»¹. «Вчера председатель правительства Михаил Касьянов провел совещание по режиму соглашений о разделе продукции (СРП), — писал «Коммерсант». — Договорились о том, что СРП как разновидность общего налогового режима имеют право на жизнь, но их сфера применения будет ограничена особо сложными месторождениями. Иными словами, СРП так и оставят в сахалинской ссылке».

— Одна из причин преследований, и далеко не самая последняя, то, что в течение нескольких лет, ну, как минимум трех лет до этого, скоординированные действия четырех компаний: «Лукойл», «ТНК», «Сибнефть» и «ЮКОС», где «ЮКОС» задавал тон, — привели к снижению уровня коррупции, по крайней мере, в тех областях, которые касались нефтяного сектора, и это ударило по интересам колоссального количества людей, — рассказывает мне Василий Шахновский. — Все решения принимались совместно, но Ходорковский считался инициатором. Они понимали, что мы будем действовать дальше, и это тоже было одной из причин такого массивного наезда.

— А каким образом достигалось снижение уровня коррупции? — спрашиваю я.

— Законодательным. Мы достаточно эффективно лоббировали в Парламенте антикоррупционные как законы, так и поправки к законам. Например, в старые добрые времена, в девяностые годы, существовала даже такса за получение экспортных квот, а мы поддержали закон о равном доступе к трубе. Государство определило, какой процент от общего объема добытой нефти можно будет экспортировать. И каждая добывающая компания получала экспортную квоту, пропорциональную проценту добытой ею нефти. Т.е. если вы добыли 15% от всей добытой нефти, вы получали 15% от экспортного объема. Вам дали 10% — значит, 10%, и все ясно, прозрачно и не за что давать взятки. И такой закон был принят.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 29 (2632) от 19.02.2003.

До этого действовал Закон о разделе продукции. В России его не было. Но в мире он существовал, и на основе этого принципа были подписаны отдельные соглашения с иностранными компаниями. В начале 90-х годов Ельцин подписал указы, по которым три месторождения использовали по закону о разделе продукции: Сахалин-1, Сахалин-2 и какое-то небольшое месторождение в Красноярском Крае. Отдельно по каждому из этих месторождений в рамках идеологии production sharing было принято три отдельных закона.

Там был такой механизм. Компании договаривались с правительством о доле природных ресурсов, которой могли распоряжаться. Эта практика защищалась международными договорами. Эти договора, как правило, ставились выше внутреннего налогового законодательства.

На тот период в России практически не было денег. Несколько крупных компаний, такие как «Шелл», и еще какие-то, продавали в самом начале, в 1993-м или 1994 году, два или три проекта на Сахалине. С Российской стороны лоббировал эти соглашения Богданчиков, который работал тогда на Сахалине. Если посмотреть на их соглашения с позиций сегодняшнего дня, это конечно воровство чистейшее. Но соглашения были заключены, и их надо было выполнять.

Дальше началась очень интересная история. Возникла инициатива заключить соглашения о разделе продукции с российскими компаниями. Основным мотором этого дела было «Яблоко». Они лоббировали законодательство о СРП, и оно было хорошо проработано. Суть его заключалась именно в этом. Компания с чиновниками договаривается об уровне налогообложения, независимо от того, какой уровень налогообложения в этот момент в стране.

После этого все выстроились в очередь на подписание СРП. Пробивали закон о разделе продукции, а это целый пакет законов. Там было два десятка законов.

Пробивался закон и параллельно формировался список месторождений (это были не только нефтяные месторождения), которые должны были разрабатывать на условиях закона о разделе продукции. Отдельно формировался список, причем тоже через голосование в Думе, то есть был закон о включении в список, но здесь список ждал своего часа. А потом пакет законов о СРП был принят в первом чтении и заморожен, потому что у него были противники.

Ну, в общем, бедная история! Но его лоббировали иностранные компании. К тому моменту, когда дело шло к принятию во втором чтении этого пакета законов, был сформирован перечень из нескольких десятков месторождений. Принималось последовательно несколько законодательных актов. Но весь механизм не вступил в силу, потому что все время говорили, что нужно разработать это, нужно разработать это.

И финальный пакет, без которого весь механизм не работал, который был принят в первом чтении — вот как раз его мы и заблокировали. И СРП в России не работает сегодня.

Кроме этих трех месторождений, ни одно месторождение: ни нефтяное, ни золото, ничего на условиях раздела продукции не разрабатывается.

Сторонники закона об СРП мотивировали это необходимостью притока средств, что, может быть, для первой половины 90-х имело смысл. Но не в 1997, 1998, 1999 году, когда компании встали на ноги, и появились деньги, и уж особенно в двухтысячном году. Вы представляете себе, когда сидят чиновник и бизнесмен и договариваются об уровне налогообложения? Представляете уровень коррупции?

— Да!

— То есть размер налогов не проходил через Парламент. Были посажены люди во все точки бюрократической цепочки, где должны были приниматься решения после того, как этот пакет законов был бы принят. Я знаю некоторых из этих людей, но, естественно, называть не буду. По нашим оценкам, по ценам 2000 года, если бы этот пакет законов был принят (а там был список месторождений, который предполагалось пропустить через соглашение о СРП), то в течение двух лет на взятки было бы роздано 4 миллиарда долларов. Это было бы экономически эффективно. Вот я, допустим, компания, которая собирается разрабатывать месторождение. Примитивнейший подсчет говорит о том, что я 10% от прибыли готов отдать на взятку, потому что потом я сэкономлю 90%.

Там была страшная битва. И нам удалось этот закон зарубить. То есть СРП в России не применяется. Причем я даже не представляю себе, какой уровень коррупции был бы сейчас в рамках этого закона. Представляете себе? Когда о налогообложении договариваются чиновник и бизнесмен.

«Депутаты поддержали и отдельных нефтяников — компанию «ЮКОС». Фактически по ее инициативе правительство и Дума почти уничтожили режим соглашений о разделе продук-

ции (СРП) при разработке месторождений, — писала 30 июня за два дня до ареста Платона Лебедева газета «Коммерсант», подводя итоги весенней сессии Госдумы. — Дума приняла в трех чтениях закон, согласно которому новые месторождения (а их планировалось 33) под режим СРП будут отдаваться по остаточному принципу — лишь после проведения аукциона на предоставление права пользования недрами на общих условиях. Если же какое-то месторождение все же попадет под режим СРП, то инвестору придется отдать государству не менее 32% общего количества произведенной продукции»¹.

«СРП было сравнительно мелким вопросом, — пишет мне Михаил Борисович. — Замечу — я выступал противником СРП, кроме шельфовых проектов».

Но коррупция не сводилась к СРП.

— Таких законов и поправок к законам, которые минимизировали коррупцию, было принято очень много, начиная с 1998-го — 1999-го и по 2004-й, — продолжает Василий Савельевич. — И это было широко известно. Разговоры о том, что мы купили Парламент, все отсюда, потому что мы действительно активно лоббировали экономические законы. Но абсолютно точно, я сам лично этим занимался и знаю это досконально, было два типа законов: антикоррупционные и касающиеся нефтяной отрасли — которые мы поддерживали, лоббировали. Помимо тех, которые нас просили поддержать в администрации президента, что тоже было очень часто. И не просто часто, а, пожалуй, чаще первых двух. Просила администрация президента и правительство напрямую: и бюджеты, и законы.

— Но если четыре компании боролись за эти законы, почему тогда именно «ЮКОС» так пострадал?

— Была выбрана одна компания, и по целому ряду причин. В том числе для того, чтобы остановить влияние антикоррупционной темы. Тема не самая последняя. Здесь мы были более активны.

Я думаю, что слова Ходорковского вовсе не были обвинением, и он не хотел ссоры с президентом. Это был крик о помощи. Он понял, сколько врагов нажил, и искал в Путине союзника. И вроде бы Путин протянул ему руку помощи: «Да, давайте поговорим о коррупции», — и посвятил этому встречу.

Но рука оказалась в отравленной перчатке.

Моя догадка оказалась верной.

¹ Журнал «Власть», № 25 (528) от 30.06.2003.

«Без всяких сомнений, это была последняя и решительная попытка получить поддержку Путина, — пишет мне Ходорковский. — Речь шла о выборе между демократической и авторитарной моделями. Однако оказалось, что Путин свой выбор уже сделал».

Многие, наверное, не поверят в такого «наивного» Ходорковского, но вспомните, что это был 2003 год, уже произошёл скандал с катастрофой «Курска»¹, уже разогнали НТВ и ТВ-6, но режим еще не вполне проявил свою сущность: выборы губернаторов отменили в 2004-м, не было дела «ЮКОСа», и суды сохраняли относительную независимость. А Путин еще воспринимался как свой: все-таки птенец гнезда Собчакова и преемник Ельцина. А с Борисом Николаевичем такие разговоры обычно получались. Он прислушивался к банкирам.

И, видимо, Михаил Борисович недооценил степень вмонтированности Путина в систему коррупции. Общеизвестные грехи «национального лидера» невелики. Ну, скандал начала 90-х в Питере с выдачей лицензий на вывоз за рубеж сырья и цветных металлов под поставки продуктов питания, которые в город почему-то так и не поступили. Об этом скандале писала в своем знаменитом, но, увы, полузабытом докладе Марина Салье², и это чуть было не стоило Путину должности в Петербургской мэрии.

Ну, покупка маленькой нефтяной компании по завышенной цене, причем не им лично. Мелочь по российским меркам.

Я думаю, что после смерти Владимира Владимировича состоится что-то вроде нового двадцатого съезда КПСС, на котором разоблачали «культ личности», и мы еще узнаем о Путине много нового и интересного.

НЕФТЕПРОВОД АНГАРСК — ДАЦИН

29 августа 2010 года, проезжая мимо на канареечной «Ладекалине», Владимир Путин остановился в поселке Сквородино Амурской области, где открыл российский участок нефтепровода в Китай. «Владимир Путин сказал, что идея проекта родилась

¹ Из-за беспокойства о мнимой секретности (подлодка была построена в советское время) иностранные спасатели были допущены к операции только на четвертый день, что привело к гибели 23 выживших после взрыва.

² О докладе Марины Салье и некоторых менее известных вещах здесь: Газета «Коммерсантъ» № 129 (2732) от 24.07.2003 («Новый передел»).

лет шесть назад. «Я помню, как в один из своих визитов в Москву председатель КНР Ху Цзиньтао поднял вопрос о реализации этого проекта. Тогда шли дискуссии о маршруте проекта, где пройдет нефтепровод, севернее, южнее Байкала, где конкретно», — сообщила деловая газета «Взгляд».

Нехорошо, конечно, поправлять всеми уважаемого «национального лидера», однако он чуть-чуть запомнил. Идея нефтепровода в Китай родилась не в 2004 году, а гораздо раньше.

В декабре 1999-го¹. Именно тогда Михаил Ходорковский провел об этом переговоры с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией. 17 июля 2001-го премьер Михаил Касьянов и председатель КНР Цзян Цзэминь подписали соглашение о разработке «технико-экономического обоснования».

И началась долгая борьба за маршрут нефтепровода. В основном между Китаем и Японией, претендовавшими на российскую нефть.

«Транснефть» представила альтернативный проект нефтепровода из Ангарска в Находку. Его поддержал премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми.

В мае 2003-го проекты объединили под общим названием «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО): было предложено направить основную нитку из Ангарска на Находку с ответвлением на Дацин. 27 июля, однако, экологическая комиссия Минприроды дала отрицательное заключение по проекту.

Дело в том, что нефтепровод должен был пройти по национальному парку «Тункинская долина», которая расположена в нескольких десятках километрах к юго-западу от озера «Байкал».

А там альпийские луга, множество видов редких и исчезающих растений, целебные минеральные источники, горы необыкновенной красоты.

И нефтепровод...

К тому же «труба» по проекту должна была пересечь реки, впадающие в Байкал. И не дай Бог авария...

Ходорковский выступал по Иркутскому телевидению и агитировал за проект.

Иркутяне митинговали и собирали подписи против.

Но альтернативные маршруты были не лучше: либо по берегу Байкала, либо в 700 — 800 м от его северной оконечности по сейсмоопасной зоне.

¹ Если, конечно, не считать советский период. Говорить об этом начали с 70-х.

Хотя и на юге землетрясения иногда достигают девяти баллов. А то и двенадцати, а местным жителям ежегодно бросают в почтовые ящики инструкции о том, как вести себя во время подземных толчков...

«ЮКОС» предоставил проектные материалы для общественной экологической экспертизы. Проект ругали азартно, например, на радио «Свобода». «Поэтому строительство нефтепровода в таких условиях (добавьте сюда еще и горы, высокогорный район, где высока опасность обвалов, селей, сходов лавин) — это просто глупость», — возмущался координатор байкальской кампании «Гринпис-Россия» Роман Пукалов.

Автор альтернативного северного проекта «Транснефть» предоставить материалы для независимой экологической экспертизы отказалась вовсе. И этот проект ругали не меньше. А «Гринпис-Россия» жаловалась в Генпрокуратуру.

Впрочем, автором проекта «ЮКОСа» тоже была «Транснефть». «Это именно они сделали и южный вариант тоже, потому что нет у нас других специалистов по трубопроводам, — утверждала на «Свободе» сопредседатель иркутской организации «Байкальская экологическая волна» Марина Рихванова. — Почему они сделали его так плохо?

Может быть, рассчитывали просто получить деньги на реализацию, а потом продать? Трудно сказать, но почему-то «ЮКОС» не постарался найти хороших специалистов для качественного проекта».

«Не учесть позицию экологов частная компания не может, — пишет мне Ходорковский. — Ей просто не позволят. Это авторитарное государство может с помощью подконтрольных судов творить, что угодно.

Нефтепровод планировался вдоль «Транссиба» и в его «коридоре». То есть, дополнительный ущерб был бы возможен только в случае аварии, при неправильном проектировании защитных мер. Точно так же, как авария на «Транссибе», перевозящем гораздо более опасные, химические грузы, способна теоретически нанести ущерб Байкалу».

Но камнем преткновения были не экологические претензии к проекту. Дело в том, что правительство вообще выступало против строительства частных нефтепроводов. Правда, эксплуатировать его все равно должна была «Транснефть», а ответственность на «трубу» планировали сделать долевой. В 2002-м «ЮКОС» претендовал на 50%.

В июле 2008-го Виктор Геращенко дал интервью «Новой газете». По его словам, речь Ходорковского на той самой встрече Путина с предпринимателями в феврале 2003-го не сводилась к рассказу о коррупции и истории с покупкой «Северной нефти».

«Но это было только начало, — вспоминал Геращенко. — Ходорковский вновь взял слово и обратился к Путину с просьбой дать добро на прокладку нефтепровода в западные районы Китая. Цена вопроса — 3 миллиарда долларов с финансированием за счет «ЮКОСа» и китайской компании. Необходимо согласие высшего российского руководства.

Надо заметить, что по трубе доставка нефти в Китай обходилась бы «ЮКОСу», который, кстати, исполнял российско-китайское межправительственное соглашение, в два раза дешевле, чем по железной дороге.

Путин ответил «нет» и сказал, что есть проект строительства трубопровода на Восток, в район Находки, ценой в 10 миллиардов долларов, вот его и надо реализовывать. Ходорковский возразил: этот проект связан с деньгами государства, тогда как «ЮКОС» намерен вкладывать частные капиталы, не обременяя казну; компании необходимо лишь высочайшее одобрение.

Путин опять — «нет». И тут бы Михаилу Борисовичу промолчать, но он возьми да и скажи (воспроизвожу со слов тех, кто это слышал собственными ушами): «Владимир Владимирович, вы не понимаете важности выстраивания отношений с Китаем...» И сел...

Ходорковскому после этой встречи открытым текстом говорили: уезжай из России. Он — ни в какую: а что я не так сказал?»

«Например, труба, которую сейчас тянут. Это его идея, — рассказывает мне Елена Талан. — Разработано все было «ЮКОСом», только ему отказали. А после разгрома компании все прекрасно начало туда тянуться, только уже доверенными компаниями.

Десятилетие «ЮКОСа» было в апреле. Потом взяли Пичугина, взяли Лебедева. После этого я случайно встретилась с Мишей в здании. Он шел, конечно, суровый. Мы остановились, перекинулись с ним парой слов. Я говорю: «Миша, тяжело?» Он: «Лен, очень тяжело». Уже шел прессинг. Я говорю: «Это из-за трубы?» У меня было подозрение, что из-за трубы, из-за проекта нефтепровода на восток, но он ничего не ответил, иначе это был бы не Михаил Борисович».

3 июня Ходорковский заявил, что нефтепровод будут строить на государственные деньги. То есть практически отказался от участия в проекте.

А в сентябре 2003-го Минприроды запретило строить нефтепровод по маршруту Ангарск — Дацин.

«ЮКОС» тут же приступил к разработке северного варианта через Эвенкию и Якутию.

Историю с нефтепроводом теперь называют одной из причин ареста Ходорковского. Но какой смысл? Южный проект и так благополучно тормознули. Северный стали осуществлять.

Личная обида Путина?

Но грош цена правителю, который принимает решения, исходя из личных обид.

Запустить нефтепровод Ходорковский планировал уже в 2005-м. И потратить на реализацию проекта 2,8 миллиардов долларов.

Нефтепровод был достроен в сентябре 2010-го и не запущен до сих пор. Его проложили значительно севернее Байкала по линии Тайшет — Сковородино. И это, пожалуй, единственный положительный момент.

23 апреля 2009 года Счетная палата, проводившая проверку расходов на реализацию проекта, сообщила, что расходы на возведение первой очереди ВСТО, то есть ветки в Китай, составят 491,3 миллиарда рублей. Тогда за доллар давали примерно 34 рубля. То есть ветка обошлась примерно в 14,5 миллиардов долларов. Государственных денег, то есть денег налогоплательщиков.

Против 2,8 миллиардов долларов «ЮКОСа».

По подсчетам адвоката и блогера Алексея Навального, в процессе строительства государственного нефтепровода было украдено порядка четырех миллиардов долларов. Почти в полтора раза больше, чем собирался вложить «ЮКОС».

Отказались от корпоративных инвестиций, чтобы успешно распилить государственные?

Но для этого вовсе не обязательно душить инвестора, причем весьма сговорчивого.

«Проект трубы — это вопрос тоже достаточно частный, — пишет мне Ходорковский. — Хотя, по факту, украли на нем много, потеряли еще больше, но логика тяжелой промышленно-сти — сильнее.

Все же проект реализован глобально в первоначальном варианте».

МИФЫ О САМОВОЛЬНОЙ ПРОДАЖЕ РОССИЙСКИХ НЕДР И ПРОЧИХ «ПРЕДАТЕЛЬСТВАХ»

Как-то, дискутируя в Интернете о личности Михаила Ходорковского, я наткнулась на совершенно неожиданное объяснение его заключения: «Ходорковский сидит за измену Родине».

Так как ничего подобного в приговоре не было, а телевизор я не смотрю, я очень заинтересовалась и спросила, в чем же заключалось «предательство» и почему обвинения по соответствующей статье Ходорковскому никогда не предъявлялись.

Ответа я не получила, поскольку собеседник тут же ретировался, оставив меня в полном недоумении. Так что пришлось рыть самой.

«Эпизодов» я нарыла два. Первый более реалистичный, второй — совершенно в духе тридцать седьмого года.

Начнем с первого.

В том же 2003-м была очередная попытка объединить «ЮКОС» с «Сибнефтью». Это объединение уже один раз сорвалось, в 1998-м была основана компания «ЮКСИ», то есть «Юкос-Сибнефть», но через несколько месяцев партнеры разошлись из-за падения цен на нефть и неустойчивости российского фондового рынка. «ЮКСИ» переименовали в «ЮКОС-Москва» и сделали управляющей компанией «ЮКОСа».

Впервые о новом объединении написал «Коммерсант» 19 апреля 2003-го: «Председатель правления НК «ЮКОС» Михаил Ходорковский и президент «Сибнефти» Евгений Швидлер никогда не конфликтовали. Возможно, что скоро возглавляемые ими компании объединятся — об этом на фондовом рынке ходят упорные слухи».

22 апреля было официально объявлено о слиянии. «Новая компания, названная «ЮкосСибнефть», станет четвертой в мире по объемам добычи «черного золота», — писала газета «Коммерсант».

«Слияние «ЮКОСа» и «Сибнефти» приведет к созданию компании мирового масштаба и активизирует интеграцию России в мировую экономику», — прокомментировал президент ТНК-ВР Роберт Дадли.

Владельцы «Сибнефти» должны были продать 20 процентов акций «ЮКОСу» за 3 миллиарда долларов, и обменять остальную долю на акции объединенной компании «ЮкосСибнефть». Но-

вую компанию должен был возглавить Ходорковский, а Евгений Швидлер — стать председателем совета директоров. Основные акционеры «Сибнефти» (а самый основной Роман Абрамович), которым принадлежат 90% акций компании, должны были получить пакет в 26 — 29% акций «ЮкосСибнефть», а основные акционеры «ЮКОСа» «Group MENATEP» и «Ветеран Петролеум» стать обладателями контрольного пакета в 54 — 55%.

Объединение планировали завершить до конца 2003 года.

В тот же день, 22 апреля, на пресс-конференции, посвященной объединению компаний, Михаил Ходорковский обронил фразу, которая потом, возможно, дорого ему обошлась: «Нам необходима международная диверсификация».

Журналисты тут же сделали вывод, что часть акций «ЮкосСибнефти» планируется продать западной компании. В качестве покупателей называли «ChevronТехасо», «Royal Dutch/Shell» и «Shell». То есть на акции еще не существующей «ЮкосСибнефти» было минимум три претендента.

24 апреля Ходорковский и Швидлер встретились с Путиным. «Михаил Ходорковский и Евгений Швидлер рассказали главе государства о планах деятельности созданной недавно компании «ЮкосСибнефть» на международных нефтяных рынках», — писал «Коммерсант».

В июне заговорили о том, что Ходорковский покупает «Сибнефть» для того, чтобы отбить ее у иностранных инвесторов, поскольку Абрамович искал покупателя еще в январе и вел переговоры с зарубежными компаниями. «Аналитики инвестиционных компаний считают, что накануне президентских выборов власть не захотела допустить к контролю над большей частью российской нефтяной отрасли иностранцев, опасаясь нелояльности со стороны электората. Набившие оскомину заявления «Россию продали» могли снизить рейтинг властных структур. По предположению Игоря Потапенко, это слияние обсуждалось на уровне правительства РФ, и глава «ЮКОСа» Михаил Ходорковский согласился на приобретение «Сибнефти», вероятно, в обмен на определенные преференции», — писал журнал «Секрет фирмы».

В том же журнале утверждается, что Михаил Борисович здорово переплатил.

«Основные дивиденды от сделки Михаил Ходорковский, самый богатый человек России (его состояние, по версии журнала «Forbes», в 2002 году превысило \$8 млрд.), получит не в финансовом выражении. «Смысл слияния — имиджевый и политический, — считает Евгений Хартуков, генеральный директор Цен-

тра нефтегазового бизнеса.— Статус крупнейшей в России компании позволит оказывать влияние на умы и настроения властей и всего общества. Ходорковский с помощью этой сделки поднимется на самую высокую ступеньку российской элиты как глава крупнейшей отечественной нефтяной компании «».

В августе журнал «Fortune» опубликовал рейтинг 25 наиболее влиятельных деловых людей за пределами США. 15-е место занял Ходорковский.

В начале августа, примерно через месяц после ареста Платона Лебедева, Михаил Борисович дал интервью «The Financial Times», где утверждал, что слияние «ЮКОСа» с «Сибнефтью» спровоцировало конфликт между двумя половинами окружения президента Путина: кремлевскими реформаторам и представителями спецслужб. «Объявление об этой сделке укрепило позиции одних, по крайней мере, в представлении других. Вот они и решили принять контрмеры», — сказал он.

Однако 18 августа 2003-го министерство по антимонопольной политике РФ (МАП) одобрило сделку и дало разрешение на слияние.

15 сентября в американской «The Wall Street Journal» (WSJ) появилась публикация о том, что 25% акций НК «ЮкосСибнефть» могут достаться одной из двух крупнейших американских нефтекомпаний — «Exxon Mobil» или «ChevronTexaco».

В этих компаниях сообщение опровергли, однако в тот же день о своей заинтересованности в акциях «ЮкосСибнефти» «Коммерсанту» сообщила британо-голландская «Royal Dutch/Shell».

«Коммерсант» писал, что, по мнению аналитиков, выбирать партнера для «ЮкосСибнефти» будет Кремль, а он более заинтересован в американской компании, поскольку европейская уже получила крупную долю в нефтяной промышленности России. Дело в том, что незадолго до этого крупный пакет акций Тюменской нефтяной компании (ТНК) был куплен британской «British Petroleum» (BP). В результате слияния возникла компания ТНК-BP. Соглашение о создании ТНК-BP было подписано во время визита Путина в Великобританию, и он вместе с премьер-министром Тони Блэром присутствовал при подписании.

На сентябрь был спланирован визит Путина в США и его встреча с Джорджем Бушем. «Возможно, на ней и будет объявлено о сделке по продаже еще не существующей «ЮкосСибнефти», — предполагал «Коммерсант».

В сентябре о сделке объявлено не было.

Однако на встрече Путина с экс-президентом США Джорджем Бушем-старшим в Крыму она обсуждалась. Это подтвердил «Коммерсанту» некий «источник, близкий к администрации Белого дома»: «...эта сделка и ситуация вокруг «ЮКОСа» были в самом центре дискуссии. По информации источника, господин Буш получил от господина Путина определенные гарантии того, что российская сторона не будет препятствовать этой сделке».

Третьего октября «ЮКОС» и «Сибнефть» объявили о завершении сделки по объединению. На 28 ноября планировалось внеочередное собрание акционеров «ЮКОСа», на котором представители акционеров «Сибнефти» должны были войти в совет директоров «ЮКОСа». На том же собрании название компании планировалось изменить на «ЮкосСибнефть».

Вначале октября в Москве открылся Давосский форум. В зале отеля «Мариотт» собралось около 300 российских и иностранных предпринимателей. Путин, как всегда, опаздывал. Но его не дождался только один инвестор. Михаилу Ходорковскому вручили записку, он вышел из зала и больше туда не вернулся. В записке говорилось об обысках у руководителей компании «ЮКОС» и в лицее «Подмосковный» в Кораллово. По словам Ирины Хакамады, «в кулуарах Давосского форума Михаил Ходорковский обсуждал возможности продажи акций «ЮКОСа» американской компании «ExxonMobil»¹. Хакамада сочла события связанными.

Но переговоры это не остановило. «Компания «Exxon», похоже, готовится заплатить до \$25 млрд. за 40 или более процентов акций вновь созданной компании «ЮкосСибнефть»², — писал журнал «Власть» 13 октября. — «...передача «ЮКОСа» под контроль «Exxon» может оказаться миллиардеру на руку: «Некоторые утверждают, что Ходорковский уступит контрольный пакет, потому что только так он может сохранить свое богатство и получить своего рода страховку от политического вмешательства»³, — цитировала «Власть» некоего западного менеджера³.

До ареста Ходорковского оставалось меньше двух недель.

Потом много говорили и писали о том, что основная цель продажи пакета акций иностранной компании — именно эта: обретение независимости от Кремля. Увы, дальнейшие события показали, что это плохая защита. Оказалось, что на компа-

¹ Газета «Коммерсантъ», № 181 (2784) от 04.10.2003.

² Журнал «Власть», № 40 (543) от 13.10.2003.

³ Там же.

нию с иностранным участием надавить ничуть не труднее, чем на полностью российскую. Например, международную компанию «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит» заставили отозвать аудиторские заключения по «ЮКОСу», предъявив им налоговые претензии. А уже в 2012 году столь же легко надавили на иностранную компанию «Ив Роше» и принудили написать заявление в СК на блогера и оппозиционного политика Алексея Навального.

10 октября Михаил Борисович был в США на ежегодной встрече Американо-российского делового совета, где более двух часов общался с экспертами и журналистами в Центре Карнеги. Накануне днем в офисах «ЮКОСа» прошли очередные обыски¹.

«Если вы помните, «ЮКОС» не спрашивал у президента Путина разрешения продать (часть компании. — Ъ). Это «Еххон» спрашивал разрешения купить, — заметил Ходорковский. — Если вам придется встретиться с президентом Путиным, вы также сможете попросить его разрешения что-нибудь вам продать»².

«Вы все время ищете черную кошку в темной комнате: то придумывали, что кто-то хочет помешать сделке с «Сибнефтью», то еще с кем-то, — сказал он. — Я все время говорю, что это не так. Экономика и компания — отдельно, а права граждан — отдельно». «Россия хороша для бизнеса, надеюсь, что когда-нибудь она будет хороша и для жизни»³.

После ареста Ходорковского «Сибнефть» тут же вышла из объединенной компании — союз распался. Абрамовича даже пытались обвинить в том, что он подставил Ходорковского, заманив в ловушку этого объединения. И почему-то мало кто помнит, что главу «Сибнефти» Евгения Швидлера тоже таскали на допросы⁴...

Примерно тогда же заговорили о том, что Ходорковского арестовали, чтобы остановить продажу американцам «российских недр». Эта версия мне кажется крайне сомнительной. Если бы Путин хотел остановить сделку, он бы мог сделать это еще на этапе получения разрешения Министерства по антимонопольной политике.

И против сделки по слиянию ТНК и ВР Путин не только не возражал, а присутствовал при подписании. И «Еххон Mobil» у него спрашивала разрешения на покупку.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 186 (2789) от 13.10.2003.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Газета «Коммерсантъ», № 197 (2800) от 28.10.2003.

В книге «Без Путина» Михаил Касьянов вспоминает: Путин ответил, что он — президент — этим не занимается, решает правительство. То есть решал Касьянов, он и вел переговоры с «Exxon Mobil». «Путин до определенного момента спокойно относился к перспективе иностранного участия в капитале российских энергетических компаний», — пишет Касьянов.

И решение о продаже части акций «ЮкосСибнефть» американцам Ходорковский согласовывал с Путиным. Об этом в той же книге вспоминает Киселев: «Другое дело, что Владимир Владимирович поговорил с ним по-иезуитски: “А зачем, собственно, вы мне об этом рассказываете? — спросил Путин. — Ведь если я скажу вам нет, вы все равно поступите по-своему, не правда ли? « Тогда Ходорковский переспросил его: «Так вы против? « «Я вам этого не говорил», — ответил Путин».

«Вхождение «ExxonMobil» или «ChevronTexaco», а возможно, и «Shell» в российский нефтегазовый бизнес вполне соответствует внешнеполитическим интересам РФ», — заявил Владимир Владимирович незадолго до ареста Ходорковского¹.

В «Коммерсанте» эта реплика была опубликована за пять дней до ареста.

~~«Национальный лидер» привычно лгал?~~

~~Или это не было причиной преследований «ЮКОСа»?~~

Задаю этот вопрос Ходорковскому.

«Продажа стратегического пакета крупнейшей нефтяной компании страны иностранцам и по закону, и, тем более, — на практике без согласия правительства невозможна, — отвечает он. — А это согласие в наших реалиях трудно себе представить без поддержки президента. О подробностях этих консультаций уже рассказал Михаил Касьянов, и он знает их лучше меня».

Второй «эпизод» «предательства национальных интересов» гораздо круче. Якобы во время поездки в США в 2003 году Ходорковский встречался с госсекретарем Кондолизой Райс и предложил ей ядерное разоружение России в обмен на поддержку своей кандидатуры на президентских выборах.

Президентские амбиции Михаила Борисовича мы уже обсуждали...

Самое интересное, что обвинение в подобных переговорах исходило вовсе ни от какого-нибудь сумасшедшего блогера, а из доклада политолога и эксперта, мнение которого до сих пор спрашивают в приличных изданиях.

¹ Журнал «Власть», № 41 (544) от 20.10.2003.

Все-таки есть вещи для меня непостижимые...

Имя этого человека Станислав Белковский, и он автор нескольких докладов о Путине и Ходорковском. Первый нашумевший доклад появился летом 2003-го и назывался «Государство и олигархия». В народе же его окрестили «Доклад об олигархическом перевороте». Именно в этом докладе и расписывалось, как Ходорковский скупает Думу и готовит переход к парламентской республике, потому что хочет стать премьером и свалить Путина.

Но одним сенсационным докладом господин Белковский не ограничился и сочинил второй «Трагедия Владимира Путина». Появился второй доклад тоже вовремя: в начале 2004-го, когда Ходорковский был уже в тюрьме, но суд только планировался. В этом докладе автор и утверждает, что для того, чтобы стать премьером, Михаил Борисович хотел воспользоваться помощью штатов.

«Самый яркий (хотя и доселе публично не обсуждавшийся) акт отречения элиты девяностых годов от России был зафиксирован весной 2003 года в Вашингтоне. В беседе с одним из высокопоставленных представителей администрации США знаменосец этой элиты бизнесмен Михаил Ходорковский прямо заявил, что, придя к формальной политической власти, он (его клан) пойдет на полное ядерное разоружение России»¹, — пишет Станислав Белковский, почему-то пренебрегая ссылками на источники.

«Америка, к сожалению, поспешила заложить Ходорковского Путину: проект русского нефтяника N 1 показался ей не в меру авантюрным», — продолжает господин Белковский. И тоже не ссылается на источник.

Совсем.

В ФСБ ему, что ли, это сказали? Или лично Владимир Владимирович?

В ФБР? Или лично Кондолиза Райс?

Где аудиозапись? Где показания свидетелей? Ну, хотя бы докладная записка того же ФСБ? Секретная, что ли? Тогда почему так свободно разглагольствует господин Белковский?

Истину от лжи отличить довольно просто. По уровню аргументации.

Никаких других источников статьи Станислава Белковского, кроме статьи Станислава Белковского, мне обнаружить не удалось.

Напротив, все остальные рассуждения на эту тему имеют источником доклад Белковского.

¹ <http://lenta.ru/articles/2004/01/19/putin>.

Правда, сам Белковский несколько путается в показаниях. В докладе с «одним из высокопоставленных представителей администрации США» говорит лично Михаил Борисович. А вот «Известиям» Белковский рассказывает, что это произошло во время встречи Невзлина с Кондолизой Райс¹. И разоружение уже не полное, а просто «ядерное разоружение». И нигде не сказано, что одностороннее. И о президентстве уже речи нет. Так, о влиянии на власть и «ключевых постах».

Много позже, в 2009-м, вопрос о возможности подобных переговоров Евгений Киселев задал Касьянову в той же книге «Без Путина». «Полная ерунда! — сказал бывший премьер. — Такую чушь могут распространять только люди, никогда не участвовавшие в международных переговорах на таком уровне». И заметил, что ни Кондолиза Райс, ни кто-либо другой ни минуты не стали бы поддерживать такой бредовый разговор, они бы просто встали и ушли, а гостя назвали провокатором.

«История об обещании то ли Кондолизе Райс, то ли еще кому-то из высокопоставленных американцев ядерного разоружения России в обмен на поддержку на президентских выборах — это исключительно плод фантазии Белковского, или были хоть какие-то основания?» — пишу я Ходорковскому.

«Ну, зачем глупости-то спрашивать? — реагирует он. — Обычная политпровокация. Причем очевидная».

¹ Владимир Перекрест. «За что сидит Михаил Ходорковский?» (Часть 5): <http://www.izvestia.ru/investigation/article3093655>.

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЙ?

За несколько дней до ареста Ходорковский дал интервью телеканалу REN-TV¹.

— Да, существуют люди во власти, которым демократический тренд развития нашего общества не нравится, — сказал он, — которые хотели бы на чем-нибудь примере показать, что гражданских прав у россиян, даже у тех россиян, которые называют себя открытыми, прозрачными, которые, имея деньги, могут себя защитить в судах с помощью адвокатов и так далее, этих прав даже у этих граждан все равно нет.

Но невозможно превратить самую прозрачную компанию России в какого-то монстра, заметил он. А вопрос о собственности на сегодняшний день вообще не стоит на повестке дня.

Что же думают о причинах ареста Ходорковского его ближайшие соратники и друзья?

— Я думаю, что его активность в общественно-социальной деятельности и политической плоскости — она, конечно, была одной из причин, но я думаю, что это была не столько реальная причина, сколько повод, который использовали для того, чтобы сформировать определенное мнение, в частности, у Путина, — рассказывает мне Василий Шахновский. — Для тех людей, которые поставили задачу посадить, идеология была даже не на втором и не на третьем месте.

Я думаю, что приоритетным было отобрать компанию. Это абсолютно точно, и еще ряд причин не столько второстепенных, сколько не самых главных. Например, в рамках их стратегии нужно было напугать бизнес. Чтоб боялись. Выбрать кого-нибудь, все отобрать, продемонстрировать: смотрите, что мы будем делать, если вы будете светиться.

¹ <http://www.youtube.com/watch?v=K7UcXpxj00E>.

— А кому это было надо? Лично Путину?

— Власти, той группе людей, в первую очередь самому Путину и тем людям, которые ставили задачу построить то, что в результате построили.

Сейчас, особенно среди либералов, много говорят о том, что дело «ЮКОСа» стало поворотным моментом российской истории последних лет.

Не думаю. Поворот был раньше.

Но, конечно, оно было большим этапом на пути перехода от очень несовершенной к полностью имитационной демократии. Возможно, запланированным и продуманным этапом.

— Сегодня власть шаг за шагом обрезала все обратные связи, — говорит мне Василий Савельевич. — И те проблемы, которые возникли сейчас у сегодняшней власти, были созданы ей самой. В кризис 1998 года Ельцин мог опереться на парламент, поделиться властью с парламентом и тем снять часть напряженности. Он практически дал парламенту назначить премьера, дал назначить ключевых министров, и тем разделил ответственность с Думой. Сейчас такой возможности нет. Опереться не на что. Опирается можно на то, что сопротивляется. На болотную кочку опереться невозможно.

Но даже тогда было далеко до того, чтобы заработали все инструменты, все механизмы, заложенные в модель демократического устройства. В частности. Все ж прекрасно понимают, что такое суды. Но степень независимости судов тогда и сейчас — это небо и земля. Тогда шаг за шагом они становились все независимее, а сейчас стопроцентно управляемы.

Понимаете, если бы пять лет назад выяснилась, что одна из присяжных отчитывалась перед судьей о том, что говорят присяжные, как, чего, что обсуждают, то это тут же скандал, судью бы сняли с работы¹. Даже пять лет назад. Ее бы отстранили от процесса стопроцентно. Процесс начали бы сто процентов заново. И судью в лучшем случае уволили, а в худшем возбудили уголовное дело, потому что это преступление. Сейчас — ничего.

Степень независимости судов пять лет назад и сейчас — это разные вещи. Хотя все знали цену судам в прямом и переносном смысле и пять лет назад.

¹ Такой эпизод был на процессе против банкира Алексея Френкеля, обвиненного в убийстве заместителя председателя ЦБ РФ Андрея Козлова.

Крен тогда был правильный: они становились все более и более независимыми. Судьи Верховного Суда были абсолютно независимы, а сейчас это чиновники, которые подчиняются указаниям.

— А почему так круто все поменялось? Каковы были механизмы обеспечения этой зависимости?

— Ну, как? Человека назначали, его нельзя было снять. А сейчас практически на всех судей есть компромат. Специально на этом сидели люди, которые собирали компромат и отчитывались перед своим руководством папочками с набранным компроматом. Тех судей, на которых нет компромата, мягко, но теми или иными способами выпроваживали. И назначали новых, на которых есть компромат.

— Это такая методика ФСБ, видимо. Пришла из той структуры...

— И проводилась в режиме спецоперации. Главное, если бы немножко посмотрели вперед... Ведь после того, как умер Сталин, те, кто пришли за ним, сделали все, чтобы спецслужбы изолировать от государственной власти. Из КГБ никогда не брали ни на партийную, ни на советскую работу.

— А как же господин Андропов?

— Ну, Андропов был член политбюро, штучный товар. И редчайшее исключение. Руководитель КГБ ходил к Брежневу и упрашивал определенного человека взять на работу. А так существовало железное правило: выходцев из КГБ, они выходили на пенсию в 45 лет, но их не брали ни на партийную, ни на советскую работу. И в органы государственного управления не брали никогда.

Потому что очень опасно брать на госслужбу человека с ментальностью спецслужбиста, даже хорошего. Он видит мир искривленным.

У меня, по большому счету, системных претензий к Путину нет. Системных. Он по-другому не мог управлять. Его учили другому. Его учили на разведчика. И он работал как разведчик. Надо было думать, кого выбирать и кого предлагать. Это вина людей, которые предложили, а тут, знаете: не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет.

Был еще один эпизод, который, возможно, предопределил судьбу Ходорковского. Его упоминает и Михаил Касьянов в книге «Без Путина», и Платон Лебедев в своих показаниях в Хамовническом суде.

«Недели через две после того неприятного инцидента с Путиным в Кремле¹ Ходорковский пришел ко мне на прием, — вспоминает Михаил Касьянов в книге «Без Путина». — И опять-таки от имени всего сообщества крупных предпринимателей высказал идею: давайте примем закон, который снял бы все претензии к участникам крупнейших приватизационных сделок 90-х. Пусть этим законом будет установлено, что владельцы предприятий, которые были приватизированы тогда за бесценок, а теперь стоят миллиарды долларов, должны заплатить государству компенсацию. Своего рода единовременный налог на многократное повышение капитализации принадлежащих им активов. И чтобы полученные деньги не растворились в бюджете, а сконцентрировались бы в специальном фонде для финансирования реформ общенародного значения. Для управления этим фондом Ходорковский предложил создать общественный совет, в который вошли бы депутаты, губернаторы, представители правительства и администрации президента».

Михаилу Касьянову идея очень понравилась: «С одной стороны, я был убежден, что повернуть приватизацию 90-х вспять, отменить ее итоги было бы большой ошибкой. С другой стороны, я и тогда считал, и сейчас готов повторить, что крупная приватизация была крайне несправедливой. И вот теперь эту несправедливость фактически признавали все крупные собственники, от имени которых выступал Ходорковский. Не просто признавали — изъявляли готовность исправить. Конечно, было понятно, что, выплатив компенсацию государству, крупный бизнес политически легитимирует итоги приватизации 90-х годов и решительным образом укрепляет свой статус в обществе».

«В итоге Ходорковский ушел от меня с намерением подготовить проект этого закона, — рассказывает бывший премьер. — Буквально через неделю проект был готов. Очень краткий, на двух страничках, простой и ясный. Перед тем как дать поручение министерствам и ведомствам о проработке этого проекта закона, я показал его президенту».

Путин бумагу прочитал и оставил у себя. И больше к этому вопросу не возвращался.

«Думаю, что он понимал: принять этот закон — значит снять богатейших бизнесменов, крупных промышленников с крюч-

¹ Имеется в виду доклад Ходорковского о коррупции на встрече Путина с предпринимателями весной 2003-го.

ка, — объясняет Касьянов. — А это, похоже, в его планы не входило. Потом я укрепился в этом мнении, как и все, кто следит за событиями в России. Пока бизнесмены находятся в подвешенном состоянии, не имея от государства никаких гарантий собственности, опасаясь в любой момент лишиться своих активов, ими можно манипулировать. Поэтому Путин и положил проект закона под сукно».

А вот рассказ Платона Лебедева в Хамовническом суде:

«В начале 2003 года Ходорковский М. Б. сообщил мне, что он, после обсуждения с руководителями РСПП, передал в Правительство РФ законопроект, суть которого заключалась в выплате в бюджет РФ единовременной компенсации (порядка \$20 миллиардов) владельцами крупных предприятий, приватизированных в 90-е годы.

Поскольку за 7 — 8 лет, прошедшие после приватизации, за счет кардинального изменения макроэкономической ситуации в стране и мировой конъюнктуры практически все владельцы крупных предприятий получили колоссальный (в несколько раз) прирост капитализации.

Многие из этих предприятий стали так называемыми «голубыми фишками» не только на российском, но и на международных фондовых рынках, в том числе и «ЮКОС», о чем в 95-м — 96-м гг. можно было только мечтать.

Предполагалось, что эти средства будут сконцентрированы в специальном национальном фонде для финансирования общегосударственных стратегических программ <...>

Чуть позже глава РСПП Вольский сообщил мне, что Председатель Правительства РФ Касьянов Михаил Михайлович передал этот проект закона Президенту РФ Путину. О судьбе этого законопроекта мне стало известно только в 2009 году из публикации в журнале «Коммерсант Власть» (31.08.2009) — Путин положил «под сукно» этот проект закона».

Среди причин ареста Ходорковского не обошлось и без самой банальной для авторитарного государства — интриг ближайшего окружения Путина. Мне много рассказывали о том, как у него формировали неприязнь к Ходорковскому. От рассказов о президентских амбициях олигарха до вещей, которые я до сих пор не могу озвучить...

— То есть Путину лапшу на уши вешали? — спрашиваю я Василия Шахновского.

— Сто процентов вешали! Сто процентов вешали Путину лапшу. Это абсолютно точно. Уже в конце он, конечно, принимал решения. А источников, которые оказывали на него давление и в итоге сформировали у него эту позицию, было, конечно, много. Конечно, он лично не хотел отбирать компанию. Я думаю, что финансовым благоприобретателем в результате этой истории он не стал. Другие люди стали. Конкретно к бизнесу «Роснефти» лично Владимир Владимирович отношения не имеет.

Сечин был менеджером этого проекта в режиме фултайма, с начала и до конца, и то, что Путин всех, кто к нему приходил по тем или иным вопросам, связанным с «ЮКОСом», направлял к Сечину, — это широко известно в узких кругах.

Понятно, что принципиальные решения принимал Путин, а разруливал ситуацию уже, конечно, Игорь Иванович.

— Это был долгосрочный проект?

— Он тянулся несколько лет. Когда Сечин сидел на разруливании. Вплоть до банкротства «ЮКОСа». До тех пор, пока «ЮКОС» существовал, Сечин сидел на разруливании этого дела. Сейчас не знаю. Сейчас, по-моему, нет такого текущего управления, никто никаких решений по «ЮКОСу» и Ходорковскому не принимает. В результате прокуратура не знает, что делать.

Недавно мне довелось побеседовать с одним бывшим топ-менеджером «ЮКОСа», а ныне очень высокопоставленным человеком. В интервью он мне отказал: «Вот, когда выйду на пенсию, тогда, может быть, я и дам вам интервью». И я подумала о том, что самый страшный порок — трусость — стал и самым распространенным.

В общем, мы просто пили кофе.

«Диктофон у меня выключен, — сказала я. — И ссылаться на вас я не буду».

И он стал чуть разговорчивее.

«Так это сечинская интрига?» — спросила я.

«Сечин — исполнитель», — ответил он.

И тогда я выразительно показала пальцем на потолок.

«Да», — сказал он.

У нас очень любят миф о добром царе, который ничего не знает. Все-то его бояре обманывают и строят козни друг против друга, и за его спиной грабят народ.

Но царь, который ничего не знает, не соответствует занимаемой должности. Он обязан знать. И уметь фильтровать информацию.

— Кто еще, кроме Сечина, работал на разгром «ЮКОСа»? — спрашиваю я у Шахновского. — Кто задумал, кто организовывал, кто снял сливки?

— Имя им легион! — говорит он. — Десятки, сотни людей. Ходорковский оказался в фокусе тех или иных негативных эмоций, желаний, стремлений огромного количества людей. В том числе и коллег по бизнесу. Но я думаю, что они-то уж точно не ожидали такой степени наезда, думали: ну осадят немножко Ходорковского. Осадят, но не более того.

Например, всю аналитику по налоговым схемам понятно, что они получили из одной из нефтяных компаний. Потому что все компании делали такие схемы, у всех были свои скелеты в шкафах, но схемы однотипные. Никто не ожидал степени наезда. А когда уже поняли, было поздно. Потому что если бы коллегам сказали, что вы вот сейчас дадите, а мы его посадим, никто бы не дал. Его посадки из бизнеса не желал никто. Ослабить конкурента — да, но не более того.

В числе заказчиков наезда называли, конечно, и Вячеслава (Моше) Кантора, с которым был конфликт, связанный с продукцией предприятия «Апатит». Когда «Коммерсант» поинтересовался у Станислава Белковского, кто заказал ему доклад об олигархическом заговоре, политолог сам привел эту версию в числе прочих, но, понятно, все отрицал¹.

— Мне передавали на уровне слухов, что человек от Сечина пришел к Ходорковскому и потребовал откат, на что Михаил Борисович сказал: «С какой стати?» То есть отказался платить. Что вы об этом думаете? — спрашиваю я у Леонида Невзлина.

— Я думаю, что этого не было, — говорит он. — Но если государство занимается рейдерством или сажает за политические взгляды — это в любом случае политическое преследование с точки зрения международных норм морали и закона. Достаточно того, что этим занимается государство.

Я раньше считал, что аппетит возник у них во время еды, но теперь понял, что они заранее запланировали захват, а все остальные слова, включая слова Путина о недопустимости банкротства, были обычным лживым прикрытием.

Думаю, на первом этапе они не сажали Ходорковского, а выдавливали за границу. Это дало бы возможность забрать компанию, правильно? Он не выдавился — его посадили, сам, типа,

¹ Журнал «Власть», № 32 (535) от 18.08.2003.

виноват. Это другая, бандитская психология, нам трудно ее понять и объяснить.

Но думаю теперь так (особенно после того, что происходило с нашими делами, с другими делами и сейчас с Грузией): я думаю, что все это бандгруппировка, и у них есть определенные понятия, и мы в их понятия не вписываемся. Говорят Ходорковскому «уезжай», намекают, а он не понимает, говорит: «Это моя страна, и я хочу в ней жить и работать». Ну, тогда садись.

Я склоняюсь к тому, что компанию они хотели захватить заранее. И я говорил об этом и считаю, что группа Абрамович, Волошин, Юмашев, Сурков и другие — часть этого процесса, а не, как думал Ходорковский, более либеральная часть администрации. По-моему, на этот раз я прав. По «либеральному» Медведеву видно, какая там либеральная часть администрации.

АРЕСТ

Где-то на рубеже 2002 — 2003 годов Михаил Ходорковский радикально изменился. Он сбрил усы, похудел, и в его чертах и манерах появилась утонченность и аристократичность взамен уверенности и жесткости удачливого коммерсанта. Посмотрите на его фотографии 2002 года и 2003-го, сделанные накануне ареста — словно два разных человека.

В 2002-м он дал откровенное интервью газете «Коммерсант», которое опубликовали только в 2005-м, и кроме рассуждений о том, легко ли государству уничтожить компанию «ЮКОС», речь там идет о новом джипе «Кадиллак» и дорогих часах. В 2003-м часы уже пластиковые, и на нем кожаная куртка или клетчатая рубашка под пиджаком без галстука. Этот неформальный стиль он любил и раньше. Но изменения кажется не только внешние. Появилась какая-то обреченность первого христианина на пороге цирка Нерона — обреченность и в словах, и в поступках.

Уж не кризис ли сорока лет, когда человек вдруг начинает считать все свои достижения мелкими и решает совершить что-то действительно значительное? Международный бизнес? Политика?

Или что-то еще?

Попытка доказать недоказуемое — то, что свои права в России возможно защитить?

Впрочем, на мои психологические инсинуации по поводу кризиса сорока лет Михаил Борисович отреагировал иронично:

«Не успел на свободе «покризисовать». Зато в тюрьме времени хватило».

— Обстановка в компании, а не в узком кругу акционеров, стала напряженной где-то с июля месяца, — вспоминает Василий Шахновский. — Когда был арестован Платон, стало понятно, что начинается серьезный наезд, и это начали обсуждать на всех уровнях. Очень напряженная была обстановка в компании. Очень напряженная.

Попытки договориться с властью, конечно, были. Ходорковский пытался встретиться с Путиным. Не удалось, конечно. Путина блокировали, когда формировали все это дело. Я думаю, что если бы была встреча Ходорковского с Путиным, многие бы вопросы прояснились.

Касьянов на этой стадии был в стороне. Волошин успокаивал. Он гарантировал Ходорковскому, что его не арестуют. Волошин и уволился после этого. Он сказал Ходорковскому, что Путин ему сказал, что Ходорковского не арестуют. Это абсолютно точно. Думаю, что Путин действительно сказал Волошину. По крайней мере, дал понять. Я, знаете, свечку не держал.

Информационная атака на компанию началась раньше. По крайней мере, в мае 2003-го. Тогда вышел в свет номер 15 журнала «Компромат.Ru». Впрочем, выйти в свет ему не дали. Весь тираж журнала был арестован по искам топ-менеджеров «ЮКОСа» 19 мая 2003 года. По иронии судьбы определение об аресте вынес тот самый Хамовнический суд Москвы, который судил Ходорковского во второй раз и приговорил к 14 годам.

«Впервые за 12 лет российской демократии был по цензурным соображениям спокойно и безнаказанно арестован тираж федерального общественно-политического издания», — утверждается на сайте журнала, где данный номер можно, между прочим, совершенно спокойно прочитать.

С точки зрения либерала — ужас, конечно. СМИ арестовали! Я сама чуть было не разочаровалась в своем герое, когда впервые прочитала об этом.

Хорошо, что зашла на сайт журнала. Первая статья называется «451 градус по Фаренгейту», и к ней есть эпиграф: «Запретить редакции общественно-политического издания «Компромат.Ru» распространять номер 15/2003 журнала, включая его продажу, и обязать ее уничтожить в полном объеме экземпляры указанного журнала». (Из искового заявления М. Б. Ходорковского)»

И просто замечательно, что это исковое заявление выложено на том же сайте: <http://kompromat.flb.ru/material.phtml?id=5162>.
Зайдите, не пожалеете.

Тоже не нашли?

Для ленивых сообщаю: нет там этой цитаты. Вообще нет!

А взята она из соответствующего заявления Невзлина: <http://kompromat.flb.ru/material.phtml?id=5163>. Сам журнал после этого можно было больше не читать, но давайте уж для чистоты эксперимента.

Содержание номера является пересказом мифов, большинство из которых мы уже разобрали, но есть и оригинальные находки.

Например, в статье «Сделка века или подготовка к ограблению века?» утверждается, что слияние «ЮКОСа» с «Сибнефтью» было задумано Ходорковским исключительно для того, чтобы ограбить доверчивых иностранцев, которые купят акции «Юкос-Сибнефти», и заработать себе на этом политические очки, поскольку актив пустой, а у нас всегда радуются, когда надувают иностранцев.

А актив пустой потому, что ««ЮКОС» является российским суперконцерном, в основном, для общественного мнения: его реальные производственные активы давно выведены в сторонние ЗАО и офшорные фирмы».

Под выводом в сторонние ЗАО подразумевается, видимо, вывод сервисных предприятий в 100% дочерние ООО. А под выводом в офшоры — история с обменом акций, которые к моменту выхода журнала давно вернули.

Но про то, что ««наши» объегирили «америкосов»» — это ноу-хау. Я больше нигде не встречала такой трактовки.

К этой статье Михаил Борисович даже и не придирается, хотя утверждения о «пустом» «ЮКОСе» могут здорово ударить по его карману. То ли слишком удивлен, то ли польщен утверждениями о своей патриотичности.

Следующим оригинальным утверждением является то, что Ходорковский «кинул» московское правительство. Впрочем, это только кажется оригинальным, поскольку является перепечаткой статьи из «Совершенно секретно» «Праздничный заказ», где об этом говорит Евгений Рыбин, глава фирмы «Ист Петролеум», которая занималась перепродажей нефти компании «Томскнефть» до перехода ее под контроль Ходорковского. В интервью газете Рыбин рассказывает о покушении на себя и обвиня-

ет «ЮКОС» в его организации. Просто доказательств «кидалова» там никаких нет, и нигде больше этот факт не упоминается, потому и воспринимается свежо.

Любопытно сравнить две версии статьи. Опубликованную в «Совершенно секретно»: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/314>. И опубликованную в журнале «Компрогат.Ру»: <http://kompromat.flb.ru/material.phtml?id=5192>. Обратили внимание?

Опять-таки для ленивых. В перепечатке в журнале обрезан конец с комментарием пресс-службы «ЮКОСа» про то, «откуда растет морковка»: «По-видимому, господин Рыбин был не один в бизнесе по перепродаже Томской нефти... в деле были задействованы крайне крупные криминальные круги», которые «либо не получили, либо должны были получить какие-то серьезные отступные». «Судя по тому, какие панические заявления он делает, можно предположить, что он пытается объяснить тем серьезным криминальным структурам, которые стоят за этим делом, за бизнесом ВНК до его приватизации, что это не он, он был готов отдать, но не он виноват в том, что нет денег, а виноват в этом «ЮКОС», который естественно, купив ВНК, все эти безобразия прекратил».

Ну и правильно. Это только в наших российских судах, как ни странно, обвиняемым все еще дают слово.

И весь журнал построен примерно по такому же принципу. Например, цитируются статьи 1999 года о выводе в офшоры активов банка «МЕНАТЕП», и при этом авторы почему-то забывают упомянуть, что впоследствии банк расплатился со всеми вкладчиками.

Но есть и гвоздь программы. Статья называется «Поставщик секс-рабынь ко двору олигарха»¹. Речь в ней идет о некоем Аминове, не имеющем отношения к «ЮКОСу», зато утверждается, что он хорошо знаком с Невзлиным. Далее приводятся прослушки его звонков к Невзлину, где ни «секс-рабыни», ни что-либо преступное вообще не упоминаются. А в следующей части — о модельном агентстве «Мадемуазель», якобы поставившем девушек олигархам. И Аминов вроде бы имеет к агентству какое-то отношение. Из статьи не совсем понятно, какое. Финансирует, что ли?

Зато совершенно замечательный финал: «Несколько раз в неделю роскошный «Мерседес» Аминова увозит отсюда деву-

¹ <http://kompromat.flb.ru/material.phtml?id=5190>.

шек в роскошные подмосковные особняки «дяди Лени», «дяди Бори» и «дяди Миши»».

Все-таки наивные были времена! Даже не надо было никого реально подкладывать под оппозиционеров и неугодных. Достаточно написать. Даже не называя фамилий.

С другой стороны, ведь и не под каждого подложишь.

Ну что, братья мои возлюбленные, либералы? Понимаете чувства женатых людей и отцов многих детей Михаила Борисовича и Леонида Борисовича, которых сначала обвинили в том, что они воры, потом, что убийцы и, наконец, в том, что выше? Вы еще будете ратовать после этого за подобную «свободу слова»?

Ваше право.

На мой же взгляд, свобода лгать, клеветать и поливать грязью в число либеральных свобод не входит.

Дальше события развивались стремительно: 9 июня появился первый доклад Белковского, 19-го арестовали Алексея Пичугина. 2 июля — Платона Лебедева.

Арест Платона Лебедева тоже имел предысторию.

Все началось шестого июня того же года с запроса депутата Владимира Юдина. Запрос касался истории приватизации «Апатита».

Это был не единственный депутатский запрос Юдина. Он их писал с завидной регулярностью. И до, и после дела «ЮКОСа», но обычно его запросы оканчивались ничем. Так же как и запросы других депутатов.

Первый успешный запрос в Генпрокуратуру Юдин написал в мае 1996-го. Запрос касался мэра Петербурга Анатолия Собчака. Тогда еще не депутат, а профсоюзный лидер Юдин интересовался, не помогал ли Собчак получать квартиры в обход закона. Ответ пришел через два дня: помогал, племяннице. И тут же был вставлен в предвыборные листовки вместе с запросом, что стоило места и Собчаку, и его заместителю Владимиру Путину.

Запрос по поводу «Апатита» был его вторым и последним успешным запросом. Его заказной характер Юдин всегда отрицал. Но в интервью июля 2003-го, через несколько дней после ареста Лебедева, заметил: «...главный упор в запросе я делал на ценовую политику «Апатита», который, став практически монополистом в своей области, поставил всю химическую промышленность России на колени»¹.

¹ <http://viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=199578>.

Точно такие же претензии к «Апатиту» были и у Вячеслава Кантора, предприятие которого «Акрон» было основным потребителем продукции «Апатита».

Депутат Юдин, по его словам, никаких фамилий в запросе не называл, и вообще уголовного преследования не добивался, главным было вернуть пакет акций государству.

Как и для Кантора.

Оперативности Генпрокуратуры удивился сам Юдин. Запрос был в мае. А 2 июля уже арестовали Платона Лебедева. Как правило, дело тянулось многие месяцы.

«По всей вероятности, мой запрос был уже не первым «звонком» в Генпрокуратуру по поводу ОАО «Апатит», — предположил Юдин в интервью 2003 года.

Это было правдой.

До Юдина письма в Генпрокуратуру поступали от губернаторов Новгородской, Смоленской, Тульской и Тамбовской областей. Крови никто не жаждал, но все требовали вернуть акции «Апатита» государству.

Был и протест новгородского комбината минеральных удобрений «Акрон», принадлежащего Вячеславу Кантору.

В книге Валерия Ширяева «Суд мести» приводится письмо генпрокурора Устинова Владимиру Путину, написанное в связи с обращением губернатора Новгородской области М. М. Прусака. Губернатор жаловался на то, что ущерб государству от ЗАО «Волна», купившего акции «Апатита» и не выполнившего инвестиционные обязательства, был значительно занижен. А значит, мировое соглашение, заключенное в ноябре 2002-го, ущемляет интересы государства.

Генпрокуратура направила письма Касьянову, в Минфин, Минимущество и Минэкономразвития России с предложением разобраться. РФФИ совместно с этими министерствами подготовил письмо, в котором настаивал на экономической целесообразности мирового соглашения и справедливости оценки суммы ущерба. Касьянов решение одобрил.

Нарушения антимонопольного законодательства в ходе проверки тоже не нашли. И с налогами все оказалось в порядке.

Дело было в апреле 2003-го.

А в июне все вдруг резко изменилось.

Не меньше, чем оперативность Генпрокуратуры, Юдина удивила личность самого арестованного. «Но когда взяли Лебедева, я был ошарашен: «Почему Платона-то?» А потом другой вопрос

себе задал: «Почему только Платона-то?» Такой разговор с самим собой, внутренний», — рассказал он в интервью «Огоньку» четыре года спустя.

СМИ были не менее удивлены. Связь между Лебедевым и ЗАО «Волна» представлялась неочевидной. Ведь инвестиционной политикой в «МЕНАТЕПе» занимался Алексей Дмитриевич Голубович. Лебедев всего лишь возглавлял банк, кредитовавший «Волну». Потом на втором суде Платон Леонидович будет говорить о подмене фигурантов. О том, что следователи просто вписали его фамилию везде, где должна была стоять фамилия «Голубович». И в деле об обмене акций, также как в деле «Апатита».

Видимо, причина в том, что Лебедев был ближе к Ходорковскому, чем Голубович, и больше подходил на роль заложника. К тому же он главный финансист «ЮКОСа».

Лебедева допрашивали еще двумя днями ранее по некому делу, связанному с одним из клиентов банка «Траст», и повторно вызвали на второе июля.

Первого июля в Доверительном и инвестиционном банке, председателем совета директоров которого был Лебедев, устроили «маски-шоу». После этого Платон Леонидович почувствовал себя плохо и был госпитализирован с гипертоническим кризом. Адвокату удалось договориться о переносе допроса на утро четверга. Но во второй половине дня следователи уже были в госпитале Вишневого. Лебедева задержали и в наручниках доставили в Генпрокуратуру.

По словам адвокатов, он чувствовал себя настолько плохо, что не совсем осознавал происходящее.

Судебное решение о его аресте вообще выносили без адвокатов. Их предупредили за полтора часа до начала судебного заседания, они застряли в пробке, опоздали к началу, и их не пустили в зал¹. «Мы пять часов провели под дверью зала заседаний, даже пришла председатель суда и стучала в дверь, чтобы нас пустили, но ничего не вышло», — рассказал корреспондентам «Коммерсанта» адвокат Лебедева Евгений Бару.

Так не арестовывают, так берут заложников.

Несколько лет спустя Европейский суд признает этот арест незаконным, и Лебедеву выплатят компенсацию.

Он пожертвует ее на благотворительность.

Но тогда к факту ареста пресса отнеслась легкомысленно. Как нечто самоочевидное поминали «политические амбиции»

¹ Газета «Коммерсантъ», № 116 (2719) от 05.07.2003.

Ходорковского. Писали, что это предупреждение перед выборами не в меру политически активному олигарху. Что дело не имеет перспектив, поскольку срок давности по «Апатиту» подходит к концу. Что дело не получит развития, поскольку за последние два-три года ни одно такое дело развития не получало...

«По характеру действий это очень похоже на то, что мы читали в последнее время об «оборотнях в погонах», которые шантажировали малый бизнес», — прокомментировал Ходорковский¹.

Одновременно с сообщением об аресте Платона Лебедева генпрокуратура сообщила об аресте Алексея Пичугина и предъявлении ему обвинения в убийстве. И об объявлении в розыск Рамиля Бурганова по делу об обмене акций «дочек» ВНК. Рамиль Бурганов был объявлен в розыск еще в начале 2002-го. После этого дело с акциями успели уладить, и «ЮКОС» купил ВНК.

В тот же день на приеме в посольстве США, посвященном Дню независимости Америки, Ходорковский заявил, что не собирается покидать Россию: «Сегодня я должен был ехать на переговоры в Лондон, но решил остаться. Единственное, куда я могу поехать, так это в Томск на заседание правления «ЮКОСа»».

Через день, 4 июля на допрос в Генпрокуратуру одновременно вызвали Михаила Ходорковского и Леонида Невзлина.

— Допрос был по разным направлениям. В один день. И такой очень несерьезный, примитивный допрос, — рассказывает Леонид Невзлин. — Он не мог меня насторожить с точки зрения масштаба последующих событий. Шесть, семь, восемь часов бездарно потраченного времени с неумным и плохо подготовленным следователем, говорящим полунамеками и задающим глупые вопросы, которые ко мне не имеют отношения, и я их не понимаю.

Это не могло создать ощущение конца. Содержание допроса настолько неинтересно, что не о чем говорить. Это теперь понятно, что это был как бы план расследования моих «страшных преступлений», но без подробностей, — все то, что мне потом вменили.

Он называл какие-то вещи. Например, магазин «Дон», компания «Дон». Я говорю: «Где, в Ростове-на-Дону?» Он говорит: «Может быть, может, нет». А откуда я знал, что компания женщины, которую убили в Москве, и в убийстве которой меня обвини-

¹ Газета «Коммерсантъ», № 114 (2717) от 03.07.2003.

ли (Корнеева ее фамилия), называлась «Дон»? Вот на таком уровне допрос¹.

«Знаете вы Костину?» «Да». «Какие с ней отношения?» «Никаких». В общем, ни о чем².

— А Михаил Борисович как-то делился своими впечатлениями?

— Я с ним не разговаривал. Но знаю хорошо его характер: если Михаил Борисович дал подписку о неразглашении, то бесполезно спрашивать.

Ходорковского допрашивали примерно четыре часа. Он вышел из Генпрокуратуры около полудня. По словам журналистов, был бледен, но улыбался. «Вопросы, которые мне здесь задавали, никакого отношения к хозяйственной деятельности компании не имеют и уже не раз излагались в прессе, — заявил он. — Больше я ничего не скажу из юридических соображений»³.

Леонида Невзлина допрашивали почти до половины шестого. Он поблагодарил журналистов за то, что его ждали почти шесть часов, но рассказывать ничего не стал, сославшись на подписку. «Ареста я не ожидал, — сказал он, — так как не вижу за собой какой-либо вины».

В тот же день Генпрокуратура провела обыски и выемки документов в «М-Реестре» и в АО «Апатит».

А акции «ЮКОСа» упали на бирже на несколько процентов.

Пятого июля Михаил Борисович действительно был в Томске. После заседания правления НК «ЮКОС2 он дал интервью томской телекомпании ТВ-2. «Коммерсант» перепечатал его полностью⁴.

«...я считаю, что все, что сейчас происходит, происходит, по моему мнению, за пределами правового поля», — сказал Ходорковский.

«...когда мы принимали решение о слиянии «ЮКОСа» с «Сибнефтью», я отдавал себе отчет, что это серьезная экономическая структура вполне мирового уровня. Она не может не вы-

¹ На самом деле компания «Дон-Групп» принадлежала Сергею Горину, а не Корнеевой.

² Леонида Невзлина обвинили в том, что он заказал убийство бывшей внештатной сотрудницы МЕНАТЕПа Ольги Костиной, причем уже после ее перехода на работу в московскую мэрию.

³ Газета «Коммерсантъ», № 116 (2719) от 05.07.2003.

⁴ Газета «Коммерсантъ», № 116/П (2719) от 07.07.2003.

звать определенной борьбы за себя между различными группировками, не как самоцель, естественно, а как один из факторов в последующей борьбе за власть».

И объяснил злоключения акционеров и сотрудников «ЮКОСа» борьбой между различными группировками в окружении Путина.

«Вопрос в том, что само наше независимое существование является вызовом. Мы самая крупная в стране компания, и мы независимая компания. И понимаем, что это неприятно, особенно людям, мыслящим в стилистике старых взглядов».

И очень благожелательно высказался в адрес знаменитой договоренности Кремля с олигархами о «равноудалении», в нарушении которой его потом обвиняли все кому не лень. «Я думаю, что именно такая общественная договоренность и позволила обществу достаточно стабильно развиваться на протяжении трех лет», — сказал он.

И заметил, что «есть силы, которые эту договоренность стремятся не признавать».

«Вы знаете, не надо преувеличивать реальное влияние нашей политической активности, — сказал он. — Все-таки, являясь достаточно весомой экономической структурой и существенным фактором, представляющим Россию на международной экономической арене, в области политики мы, естественно, не являемся столь существенной силой, как многие пытаются показать. Потому что в России экономические структуры, в общем-то, никогда не обладали даже такой политической властью, политическим влиянием, которым аналогичные структуры обладают, например, в США».

«...как предприниматель, я, конечно, не стал бы ссориться с президентом страны или, так сказать, с его администрацией, если бы мне было сказано, что та или иная форма не чисто коммерческой деятельности является неприемлемой для политического руководства».

«...если бы мое призвание было быть диссидентом, то, наверное, я бы сейчас занимался этим, а не бизнесом».

С Путиным отношения нормальные. В разговоре о коррупции не было ничего необычного. Встречались с ним и до, и после. Обсуждали различные вопросы. Просто одни встречи показывают по телевидению, а другие — нет.

«...стилистика общения по экономическим вопросам, которая сложилась между крупным бизнесом и президентом, является достаточно откровенной и доверительной. И мы общаемся».

ся часто достаточно жестко, на достаточно повышенных тонах отстаивая свои позиции. При этом, естественно, понимая, что окончательное решение остается за президентом. Но ничто мне не мешает отстаивать свою позицию до конца. И Владимир Владимирович в этом отношении как раз не является человеком, который относится к этому как-то негативно».

«...при всем его непросто́м характере Владимир Владимирович является человеком достаточно откровенным в таких вопросах. И если у него есть претензии, он их прямо высказывает. А мы уж стараемся, чтобы эти претензии не разрастались».

«Я готов к тому, что процесс будет идти по достаточно жесткому сценарию достаточно продолжительное время. Мы — компания прозрачная, да и как люди — тоже достаточно прозрачны и выдержали очень много проверок. Конечно, неправовым образом любого человека можно и обвинить, и осудить. И мы все превосходно знаем, как это бывает. Но я считаю, что у нас достаточно сил и возможностей для защиты правовой, политической. Считаю, что в обществе достаточно сил, которые не заинтересованы в том, чтобы люди в погонах сочли, что у них сегодня появился карт-бланш. Потому что если для олигарха нужен генерал или генерал-полковник, то для обычного человека будет достаточно лейтенанта».

«...я никогда не говорил, что я собираюсь уйти в политику».

«...был разговор, что в сорок пять я завершу свою работу в бизнесе, во всяком случае каждодневную, найду чем заниматься другим. А уж то, что это будет политика, это как раз рассуждения журналистов. Тут уместен пример моего партнера Невзлина: ушел из бизнеса и избрался ректором РГУ».

«...есть общественная деятельность, есть просто жизнь, которой у меня, как и у многих людей моего поколения, не было. В то же время я не могу сказать, что меня напугали или от чего-то отвратили. Если бы меня напугали, если бы я был настолько психологически слаб, если бы я не верил в то, что в нашей стране можно построить нормальное общество при моей жизни, я бы, конечно, уехал. А я верю».

Шел 2003 год. Тогда я тоже в это верила.

11 июля начались обыски в архиве «ЮКОСа» на Дубининской улице. Искали якобы документы по «Апатиту». По «Апатиту» в «ЮКОСе».

В основном пришли люди в штатском, но было несколько человек в масках и с оружием.

К журналистам вышел заместитель начальника правового управления «ЮКОСа» Дмитрий Гололобов и сказал, что следователи «ведут себя по-хамски»: взламывают компьютеры, грубят сотрудникам архива, запрещают адвокатам компании, находящимся в здании, общаться между собой и по мобильным телефонам¹.

«Это было просто что-то ужасное, — вспоминает Елена Талан. — То, как происходило посещение компании нашими легендарными органами. Как эти люди, которые тоже считаются людьми, относились к простым сотрудникам «ЮКОСа». К тем, кто просто там работал. Как к заведомым преступникам! Женщина, которая до этого работала в мэрии, а в «ЮКОСе» занималась социальными программами. Ей было лет пятьдесят пять-шестьдесят. Пожилой больной человек. Ей выламывают руки и велят лечь на пол. Для меня это нонсенс».

Обыски продолжались до позднего вечера.

В том же день произошло еще два немаловажных события.

Во-первых, встреча Путина с представителями Российского союза промышленников и предпринимателей. От РСПП ждали выступления в защиту «ЮКОСа», чуть ли не ультиматума власти от бизнеса.

Но они не сказали об этом ни слова. Правда, передали Путину письмо о злоупотреблениях «бандитов в пагонах».

«Фамилии пока не названы, но в кулуарах олигархи прямо называли идеологов атаки на бизнес: Игоря Сечина, руководителя личного секретариата Владимира Путина и замглавы президентской администрации; Виктора Иванова, замглавы администрации по кадрам; Николая Патрушева, директора ФСБ», — писал «Коммерсант».

О деле Платона Лебедева заговорил Путин: «Разбираться через следственный изолятор — мера чрезмерная, но влияние бизнеса таково, что и такие меры тоже нужно иногда применять».

И Геннадий Селезнев заметил, что крупный бизнес увеличил влияние в Госдуме и в нижней палате слишком много его лоббистов.

Путин отреагировал вполне в духе Белковского: «Даже Селезнев обращает внимание на то, что бизнес усиливает влияние на власть».

¹ Газета «Коммерсантъ», № 121 (2724) от 12.07.2003.

Вторым немаловажным событием был отъезд Михаила Ходорковского на конференцию в США.

«В «ЮКОСе» уверены, что господин Ходорковский обязательно вернется», — писал «Коммерсант».

Ходорковский вернулся в Россию 16 июля и заявил журналистам, что «пока ситуация обратима». Генпрокуратура встретила его новыми обвинениями против «ЮКОСа». На этот раз в налоговых преступлениях. Поводом послужил еще один депутатский запрос. На этот раз «депутата Госдумы Михаила Бугеры, который посчитал, что «нефтяные компании, работающие примерно в одинаковых условиях, резко отличаются по объемам платежей в федеральный и региональные бюджеты». Особенно якобы отличается, причем в сторону недоплаты, «ЮКОС». Господин Бугера обосновал свой запрос докладом «Оценка налоговой нагрузки на российские нефтяные компании», подготовленным Институтом финансовых исследований Андрея Вавилова».

«Коммерсант» с выводами депутата не согласился: «Если пересчитать платежи в бюджет на тонну добытой нефти, то получается, что «ЮКОС» отчисляет налогов столько же, сколько его коллеги по цеху».

22 августа Генпрокуратура объявила об окончании расследования дела Платона Лебедева. Работали воистину ударно: за два месяца сшили 146 томов. Обвиняемый начал знакомиться с делом. Тогда и выяснилось, что расследование началось по крайней мере полгода назад. То есть до запроса Владимира Юдина, до компроматных статей, зато сразу после доклада Ходорковского о коррупции. По словам адвокатов, в деле упоминался не только Платон Леонидович, но и «организованная им преступная группа» из его подчиненных, но обвинение было предъявлено только Лебедеву.

За эти два месяца Платон Леонидович ни разу не дал показаний и подписывал только отводы следователям.

В начале сентября Ходорковский совершил еще один опрометчивый поступок: он (точнее, фонд «Открытая Россия») купил газету «Московские новости» и назначил главным редактором Евгения Киселева, ненавистного властям еще со времен НТВ Гусинского. Эта сенсация затмила даже проблемы «ЮКОСа» с Генпрокуратурой.

Пятого сентября Михаил Борисович прилетел в Нефтеюганск на День нефтяника и День города и дал там пресс-конференцию. Обсуждали в первую очередь именно покупку газеты.

«Господин Ходорковский выкрутился, заявив, что «компания «ЮКОС» это не касается», и сослался на то, что покупка осуществлялась не самим «ЮКОСом», а благотворительной организацией компании, которая выразила сожаление, если газета погибнет», — писал «Коммерсант».

И он снова повторил, что к 45 годам оставит пост председателя правления «ЮКОСа»: «Найду дело по душе, которое не будет связано с бизнесом. Дело и бизнес — это разные вещи. Вполне возможно, что Госдума станет таким престижным местом, что я приду к вам с просьбой поддержать меня. С возрастом я меняюсь».

До ареста оставалось два месяца.

В сентябре в деле «ЮКОСа» настало относительное затишье. Платон Лебедев знакомился с делом, адвокаты безуспешно хлопотали о его освобождении под залог, о новых обысках не сообщалось.

А Ходорковский снова улетел за границу.

— Он приехал в сентябре, в районе моего дня рождения, сюда, в Израиль, — вспоминает Леонид Невзлин. — Я тогда уже считал (и у меня было достаточно источников, в том числе за рубежом, которые меня в этом убеждали): если он не уедет, его арестуют. Мои американские друзья, включая покойного Тома Лантоса, мне говорили об этом и требовали на него надавить, чтобы он не возвращался к сентябрю в Россию.

Я думаю, что они или знали, или понимали, что это произойдет.

Он отшучивался, в общем, бесполезная история.

В 2008 году в интервью Борису Акунину Михаил Борисович сказал, что летом и осенью 2003 г. поехал в США, Великобританию и Израиль проститься с друзьями перед возможным арестом.

— Мне сложно сказать, насколько это было прощание, потому что я ездил вместе с ним, по крайней мере, в Израиль, — говорит Василий Шахновский. — Я не думаю, что Ходорковский в том момент был уверен, что его арестуют. Я думаю, что он полагал, что такой риск возможен, но не считал его стопроцентным. Если бы был уверен на сто процентов, что его посадят (на сто процентов!), он бы не вернулся.

— Значит, у него была надежда на благополучный исход?

— Надежда? У него были гарантии второго человека в государстве. И достаточно ответственного. Потому что Волошин всегда ответственно относился к своим словам. Хотя информация о том, что дана команда либо арестовать, либо выдать из страны, у нас была в августе месяце. Но я думаю, что в конце сентября — начале октября Ходорковский уже понимал, что его арестуют. Вот тут он принял решение идти в тюрьму.

— Я не знаю, предупреждали ли его, что надо уезжать, — говорит Марина Филипповна. — Но то, что он перед арестом был в Америке, и ему там сказали, что не надо возвращаться — это совершенно точно. Но он говорил: «Если б я не вернулся, я не мог бы своим детям в глаза смотреть, потому что я бы признал, что я такой-сякой. А я невиновен».

Он вернулся.

В начале октября в Москве проходил Всемирный экономический форум, там Ходорковский узнал об обысках в интернате в Кораллово и в бизнес-центре в Жуковке.

В десять утра к воротам лица подъехало около десяти автомобилей с людьми в штатском и вооруженными автоматами милиционерами.

И конфисковали... списанный сервер, подаренный лицом «МЕНАТЕПом» десять лет назад.

Завуч лица Наталья Кобецкая потом рассказывала, как дети испуганно спрашивали учителей: «А что, нас закроют?» «Ведь у нас живут дети с тяжелыми судьбами. И тут — автоматчики. Потом ребята были в стрессе, мы были вынуждены пригласить психологов, которые с ними работали... Дай бог, чтобы не было последствий»¹.

В бизнес-центре в Жуковке следователи показали бумаги со словом «Апатит». Адвокаты недоумевали, ведь следствие по делу Лебедева закончено, и он изучает его материалы. И никакие эпизоды из него не выделялись.

Потом выяснилось, что обыски проводились в рамках большого «материнского» дела «ЮКОСа», возбужденного еще в апреле 2003-го.

Кстати, адвокатов к «следственным действиям» допустили только после их телеграммы генпрокурору Устинову, а так держали под дверью, как и во время суда, где принималось решение об аресте Платона Лебедева.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 182 (2785) от 07.10.2003.

Обыски в Жуковке шли до самого вечера.

Обыскали дома акционеров: Лебедева, Брудно, Дубова и школьного друга Ходорковского Владимира Моисеева. «На территорию поселка нагнали 80 человек следователей и людей с оружием, — рассказывал потом Ходорковский. — Документы не предъявлялись. А ворота просто разбили подогнанной пожарной машиной».

Шестого октября Ходорковский собрал пресс-конференцию, где рассказал об обысках в Жуковке. «Мой дом не обыскивали, зато зачем-то обыскали дома моих товарищей... Вообще для жителей поселка это был выдающийся обыск», — сказал он.

Это та самая пресс-конференция, на которой Ходорковский сделал знаменитое заявление о том, что предпочтет тюрьму эмиграции: «Ясно, что работа следствия в детском лицее в Коралове и в Жуковке — это не обыски, а запугивание. Оказывается беспрецедентное давление. Я не знаю, чего пытаются добиться следствие своими действиями. Но заявляю: политэмигрантом я не стану. Так что если меня пытаются выгнать из страны, это не получится. Если стоит цель посадить меня в тюрьму — ну, при таком положении с нашими законами такое не исключено».

Он не винил Путина в своих злоключениях и сказал, что «не считает, что президент давал какие-то отмашки». «Видимо, во всем происходящем заинтересованы люди, которые не хотят, чтобы в стране было построено гражданское общество, а стремятся к тому, чтобы страна жила в психологической готовности к авторитаризму. Инвестиционный климат в стране ухудшается, и это результат правового беспредела».

До ареста оставалось 19 дней.

А спустя четыре дня 10 октября Ходорковский заявил, что «ЮкосСибнефть» собирается претендовать на участие в разработке нефтяных месторождений в Ираке.

Словно ничего не произошло.

Верил, что обойдется?

Или надеялся, что компанию не тронут?

Дело было в Вашингтоне, на пресс-конференции в штаб-квартире Фонда Карнеги.

Там же он сказал, что до сих пор не знает, в чем обвиняются его сотрудники: «Все судебные заседания были закрытыми. С адвокатов же взяли подписку о неразглашении... Я понимаю, что

органы обещали президенту представить доказательства виновности «ЮКОСа». Но судя по тому, что они обыскивали детский дом, который компания спонсирует, ресторан, дом моего школьного друга, я понимаю, что у них ничего нет»¹.

Он снова вернулся.

В понедельник 13 октября он уже в Орле, беседует с губернатором.

— В чем была цель последней поездки Ходорковского с лекциями по стране? — спрашиваю я Шахновского. — Ожидал ли он, что будет арестован во время этого турне?

— Я узнал об этом в последний момент и был категорическим противником, я с ним поругался из-за этого, — рассказывает Василий Савельевич. — Я сказал, что это колоссальная ошибка, что его арестуют. Он даже обсуждать не стал. Думаю, это была его идея.

— То есть это был вызов власти?

— Да. Хотя я думаю, что арест был уже неизбежен. Раньше или позже. Машина покатила, не поехал бы — это бы произошло через месяц. Нашли бы другой повод. Миша все равно бы не уехал.

— Если он принял решение, его трудно было переубедить?

— Невозможно. Я его лично отговаривал. Я ему сказал: «Этого нельзя делать! Потому что это выглядит, как предвыборная поездка. Это является просто стопроцентным доказательством тех обвинений в президентских и премьерских амбициях, которые ты сам отвергаешь. И тогда грош цена тому, что мы говорим. Будут считать, что мы врем, что нам нельзя доверять и так далее. Мы на всех углах пытаемся убеждать, что мы честные, и все, что обещаем, делаем. А тут обещали и не делаем».

— Какова была цель Вашей поездки по городам России накануне ареста? — спрашиваю я Ходорковского. — Ожидали ли Вы, что Вас арестуют во время этого турне?

— После ареста Платона, когда стало понятно, что Путин такой шаг одобрил, — обратного пути практически не было, — отвечает он. — Вернувшись из заграничной поездки, я знал и хорошо понимал, в отличие от многих своих партнеров и коллег, что меня арестуют, и хотел, чтобы люди понимали, какую позицию я отстаивал. Я первый раз говорил открыто, то, что действительно думал о политике.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 186/П (2789) от 13.10.2003.

Итак, 13 октября Михаил Ходорковский в Орле. Орловский губернатор Егор Строев попросил его взять под крыло какую-нибудь орловскую агроферму. Михаил Борисович обещал подумывать и отбыл в Липецк.

Погода была нелетная, и принадлежащий «ЮКОСу» Т-134 не смог подняться в воздух. Но Ходорковский не хотел ждать. И в Липецк прибыли на автомобилях.

Там он отправился в Липецкий технологический университет, где прочел лекцию на тему «Нефть, экономика и общество». В середине лекции появился Липецкий губернатор Олег Королев, и они обнялись прямо на сцене.

«Затем Михаил Ходорковский ответил на вопросы студентов и объявил, что жертвует \$1 млн. на развитие Липецкого техникуниверситета.

Еще \$1 млн. он подарил Липецкому педагогическому университету.

И третий миллион он обещал липецким предпринимателям во время встречи с ними», — писал «Коммерсант»¹.

Тогда Ходорковский говорил, что цель его турне по регионам — рассказать в «зонах ответственности» компании «ЮКОС» о том, как будет работать объединенная компания. А участвовать в президентских выборах он не намерен.

Его цель — «сделать «ЮкосСибнефть» могучей транснациональной компанией»².

Из Липецка он вылетел в Тамбов. Там встретился с губернатором Олегом Бетиним, пообещал денег, поговорил со студентами и бизнесменами.

После Тамбова был Белгород и Воронеж.

17 октября в прокуратуру вызвали Василия Шахновского и предъявили ему обвинение в неуплате налогов с физического лица. Отпустили под подписку.

В тот же день в качестве свидетелей вызвали на допрос в прокуратуру вице-президента «ЮКОСа» начальника правового управления адвоката Василия Алексаняна и адвоката Ходорковского и Лебедева Антона Дреля. Адвокатская палата запретила им давать показания, поскольку адвокат не имеет права давать показания по делу клиента. Вместо них в Генпрокуратуру приехал глава палаты Генри Резник.

¹ Коммерсантъ (Воронеж), № 189 (2792) от 16.10.2003.

² Там же.

А в «Коммерсанте» обсудили животрепещущий вопрос «Когда придут за Ходорковским?». Общее мнение: вообще не придут. То ли Генпрокуратура играет мускулами, то ли на бирже. На понижение акций «ЮКОСа».

До ареста оставалось меньше недели.

18 октября Ходорковский снова в Москве, открывает новые корпуса лица в Кораллово. На празднике присутствует министр труда Александр Починок. Его появление сопровождается одобрительный шепот: «Не побоялся».

Губернатор Борис Громов был приглашен, но не приехал.

На церемонии Ходорковский выступает в защиту Василия Шахновского, который тоже присутствует, и говорит, что ему стыдно за Генпрокуратуру.

20 октября первый замгенпрокурора Юрий Бирюков заявил, что прокуратура планирует допросить Ходорковского еще раз. И что теперь речь пойдет не об «Апатите», а о налогах.

«В последнее время на сотрудников компании «ЮКОС» было заведено так много дел, что ко всем остальным сотрудникам, на которых дела не заведены, у Генпрокуратуры много вопросов», — отреагировал Ходорковский и пообещал с удовольствием ответить на все.

21 октября пресс-конференцию дает другой замгенпрокурора Владимир Колесников. «Есть серьезные претензии к ряду руководителей... Не скрою, некоторым из них будут предъявлены обвинения за ряд совершенных ранее преступлений», — сказал он и заметил, что не хотел бы видеть Ходорковского в тюрьме.

Да его предупреждают открытым текстом!

До ареста четыре дня.

Он бы еще успел.

Мне это напоминает историю Сократа, который отказался бежать накануне казни.

Но было ли это мудро?

— Я считаю, что он совершил ошибку, — говорит мне Леонид Невзлин. — Даже если он принял моральное решение не бросать компанию, не бросать арестованных ребят и показать всем, что это его страна и что он хочет быть полноценным гражданином: жить, работать и делать то, что считает нужным, в рамках закона.

Я думаю, что он совершил ошибку, по двум причинам. Во-первых, на свободе ему было бы проще воевать, в том числе и за арестованных.

И второе, я считаю (и не только я), что, когда у власти такие люди, как Путин and со, Гбшники среднего разлива, нет никакой предсказуемости в твоём будущем, если ты окажешься от них в полной зависимости, в заключении. И поэтому лучше туда не попадать.

Любая свобода лучше любой несвободы.

— Я тоже так считаю, — говорит Василий Шахновский. — Потому что Ходорковский в тюрьме... Понятие «ошибка» субъективно. Вот если говорить о сопротивлении, о борьбе, о сохранении компании. Конечно же, если бы Ходорковский остался, это бы был центр сопротивления. Ведь работа была дезорганизована абсолютно, были выбиты люди, и структура перестала существовать как единый механизм очень быстро. Степень ее живучести была достаточно высокой, но она боролась, как подлодка, каждый в своем отсеке. Потому что были профессиональные люди, порядочные в большинстве своем, сильные, толковые и т.д. Но единой системы не было. Потому что система была отстроена на Мишу. Вырубив его и отжав за границу еще несколько человек, они, конечно, очень дезорганизовали работу.

В этом смысле — ошибка.

Если он преследовал другие цели, как я могу оценивать, ошибка или нет? Ошибка то, что Иисус Христос фактически пошел на крест? Он же понимал, что его распнут. Это зависит от точки зрения и от цели, которую человек ставит. Я не знаю, какую задачу ставил Миша.

А с точки зрения компании, с точки зрения людей, которые в результате пострадали — это ошибка. Ведь пострадали сотни людей. Только в том или ином смысле преследуемых около сотни. Правоохранительными органами. У многих потенциальные, не формализованные риски. Таких людей в Лондоне 60%. А у скольких людей жизнь поломана, сколько потеряли работу! Выстраивали карьеру в течение 10 — 15 лет, и вдруг все сломалось.

21 октября, в тот же день, когда Владимир Колесников давал пресс-конференцию, начались обыски в банке «МЕНАТЕП СПб». Искали доказательства налоговых нарушений.

22 октября предприниматели написали Путину очередное письмо о налоговом произволе властей, где просили о встрече. Подписал не только РСПП, но и предпринимательские объединения помельче: союз представителей среднего бизнеса «Де-

ловая Россия» и объединение мелких предпринимателей ОПОРА. А также лично Михаил Фридман, Анатолий Чубайс, Владимир Потанин, исполнительный секретарь РСПП Игорь Юргенс и Михаил Ходорковский.

И сбор подписей продолжался.

Это была третья челобитная предпринимателей.

Если пишут челобитные, значит, нет в помине ни демократии, ни свободы.

Верный признак.

«Вместо борьбы со злостными неплательщиками правоохранительные органы взялись за тех, кто первым встал на путь открытого ведения бизнеса и раскрытия информации о своих доходах, — говорилось в письме. — Это приведет к обратному эффекту: сокрытию доходов и неуплате налогов. А аресты бизнесменов до суда дискредитируют бизнес».

В тот же день, 22 октября, Ходорковский уже в Самаре. Беседует и с губернатором, и с депутатами, но это не главное. Основное время (до пяти часов вечера) он тратит на общение со студентами и лекцию на тему «Как нам обустроить Россию».

На следующий день около десяти утра 25 человек в штатском явились в помещение Агентства стратегических коммуникаций (АСК), которое занималось предвыборной кампанией партии «Яблоко».

В ходе обыска изъяли серверы партии, документы партии и 700 тысяч долларов.

Представители Генпрокуратуры заявили, что обыск проводился в рамках дела ОАО «Апатит». В московском офисе на Кузнецком мосту по делу Мурманского Апатита.

Еще в конце сентября упрямый Ходорковский утверждал, что продолжит финансирование идейно близких «Яблока» и СПС.

Итак, Ходорковский в Самаре. Программа стандартная: встреча, объятия и беседа с губернатором Аяцковым, обещание денег, на этот раз на реконструкцию драмтеатра, лекция для студентов и вечером — фуршет с главными редакторами местных СМИ.

У него запланировано турне по восемнадцати городам России.

Действительно предвыборная поездка. Как в Америке, когда кандидат на пост президента ездит по штатам и завоевывает электорат.

Ничего не скажешь. Похоже.

Хотя декларируемая цель та же: презентация компании «ЮкосСибнефть».

Журналисты спрашивают, что он думает о словах замгенпрокурора Колесникова «я не хотел бы видеть Ходорковского в тюрьме». «Я бы тоже не хотел», — отшучивается Ходорковский.

До ареста остается два дня.

25 октября самолет компании «ЮКОС» приземлился для дозаправки в новосибирском аэропорту «Толмачево». Его тут же окружили грузовики с включенными фарами. В салон ворвались люди в камуфляже и сотрудники спецподразделения в черной форме. «ФСБ! — кричали они. — Оружие на пол, будем стрелять!».

«У нас приказ, пройдемте с нами», — объявили Ходорковскому.

«Хорошо, пошли», — ответил он.

Остальных пассажиров выпустили примерно через час.

Позже представители Генпрокуратуры объяснили, что он задержан из-за неявки на допрос, который должен был состояться в пятницу 24 октября.

Повестку принесли в офис «ЮКОСа» накануне в 14:30. Посетителям объяснили, что Ходорковский в служебной командировке. Возвращается 28 октября.

24-го он был в Нижнем Новгороде.

25-го его привезли в Москву.

В тот же день ему предъявили обвинения, большую часть которых мы уже разобрали.

В тот же день Басманный суд санкционировал его арест.

В тот же день словосочетание «Басманный суд» стало нарицательным.

Утро 26 октября Михаил Ходорковский встретил в следственном изоляторе «Матросская тишина». В пятиместной камере без телевизора и холодильника.

Он трижды мог не возвращаться.

«МАТРОССКАЯ ТИШИНА»

«Насколько я понимаю Ходорковского, — пишет мне Алексей Петрович Кондауров, — не уехал он по следующим причинам:

• он отчетливо понимал (да и информация была), что Лебедев — это только начало, цель же — он, Ходорковский; если он

уезжает, то будут арестовывать пачками, если остается и идет в тюрьму, то, может быть, остановит аресты других;

- уехать означало отдать компанию на «разграбление», а этого он позволить себе не мог, т.к. было слишком много вложено сил и труда; оставаясь в тюрьме, можно было попытаться договориться сохранить компанию;

- уезжая, он терял все: страну, честное имя, компанию, будущее; потеря всего этого для Ходорковского равносильна смерти;

- уехав, бросив всех и вся, он обрекал себя на муки совести и потерю уважения к самому себе, что тоже для него тяжелее неволи.

Те юкосовцы, кто уехал, поступили абсолютно правильно; для Ходорковского же вариант отъезда просто не существовал, исходя из масштаба его личности и понимания им своей ответственности.

Сравнения его с Березовским, Гусинским и др. олигархами ничего не стоят, т.к. аналогии в этом конкретном случае не работают, потому что масштаб личностей несопоставим».

Весной 2009-го на общественных слушаниях в Сахаровском центре выступала Светлана Ганнушкина.

— Я хочу напомнить момент, когда Ходорковского арестовали, — сказала она. — Это было в октябре 2003 года, в то время, когда проходил гражданский форум в Нижнем Новгороде. И в тот день, в ночь которого потом был арестован Ходорковский, был конкурс общественно значимых бизнес-проектов. Вот на этом форуме, организованным Кремлем, принималось решение представителями общественности, гражданского общества о том, кто же из представителей бизнеса наиболее активно и положительно работает на благо гражданского общества. И первую премию получил Ходорковский.

И после этого, на следующий день, на этом форуме, мы узнаем, что Ходорковский в ночь был арестован. Я должна сказать, что несмотря на то, что там были самые разные люди отнюдь не либерального, очень многие совершенно прокремлевского толка, это был шок.

И было ощущение, что действительно люди сейчас объединятся и не допустят того, чтобы это продолжалось, чтобы этот арест имел развитие. Тем более никто не предполагал, что он будет иметь развитие в такой форме.

Удивительно вспоминать, что меня, с той секции, на которой я выступала, — я занимаюсь беженцами, — вызвал не кто иной, как Глеб Павловский и Маша Слободская. И была организована немедленно пресс-конференция для присутствовавшей там прессы, где все мы, это был единственный случай, я была польщена тогда, что Павловский знает, что меня зовут Светлана Алексеевна, потому что до сих пор, когда мы с ним встречались, он просто не узнавал и не знал, кто это такая. Тем не менее, было ощущение, что ему страшно. Прокремлевскому политику страшно. И что сейчас действительно все встанут на защиту и не допустят продолжения.

Этого не случилось. Глеб Павловский быстро понял, что ему на самом деле ничего не грозит, и делом этим больше никогда не занимался, насколько мне известно.

Реакцию его непосредственного шефа мне пришлось наблюдать, и Людмиле Михайловне Алексеевой тоже, 10 декабря того же года на встрече совета по правам человека при президенте России с президентом России, с тем лицом, которому мы как бы приглашены давать советы.

Реакция была удивительно личной. Трижды вопросы о Ходорковском задавали самые разные люди. И первым из них был Аузан, которого Путин в необычной для него манере, по крайней мере, на нашей встрече, очень резко оборвал.

— Людмила Михайловна, — обратилась она к Людмиле Алексеевой, сидевшей в зале, — я хочу, чтобы вы подтвердили мои слова, я клевету на президента России. Мне бы хотелось это делать при свидетелях. Реакция была очень резкая. Он оборвал Аузана, не дал ему говорить и сказал, что не умеете заниматься такими делами, не занимайтесь, не умеете соблюдать закон (Аузан сказал, что закон был очень неопределенный) — любовью закон надо соблюдать.

Дальше ему говорили представители бизнеса — он не дал говорить.

И наконец, последним с ним об этом заговорил Рошаль, который начал так: «Владимир Владимирович, вы знаете, как я вас люблю. Ну отпустите вы Ходорковского. Ну, некрасиво это выглядит, послушайте меня, старика». Не послушал и старика.

Совершенно ясно, что здесь присутствует и какое-то личное отношение к Ходорковскому.

Он вызывает раздражение. Чем? Молодой, успешный, красивый, любимый. Не знаю еще чем. Личное отношение, раздражение власти.

За него вступались, его пытались вытащить.

И не только правозащитники. Предприниматели написали Путину еще одну челобитную. Четвертую по счету после ареста Платона Лебедева.

В день задержания Ходорковского проходило срочное заседание бюро правления РСПП. На нем приняли заявление об ошибочности действий Генпрокуратуры, которые отбросили «страну на несколько лет назад» и подорвали «доверие к ее заявлениям о недопустимости пересмотра итогов приватизации».

В заключение Путина просили вмешаться в ситуацию.

Реакции не последовало.

Как и на предыдущие прошения.

Не молчали и либеральные политики. Борис Немцов назвал арест Ходорковского акцией устрашения, «которая показывает всем, начиная от владельцев супермаркетов, заканчивая владельцами ларьков, что иметь самостоятельную позицию в общественной и политической жизни России опасно».

27 октября он направил поручительство в Генпрокуратуру, где просил выпустить Михаила Борисовича под подписку о невыезде.

Ходорковского оставили под стражей.

И только народ, как всегда, безмолвствовал.

Тот, к которому Ходорковский решился апеллировать накануне ареста, когда ездил по регионам и выступал перед студентами, которые накануне рукоплескали ему в аудиториях университетов.

Они молчали в большинстве своем.

Это на Западе студенчество — мотор всех революций. У нас — самая инертная, самая неповоротливая, самая аполитичная масса.

К 27 октября акции «ЮКОСа» подешевели на 19,6%. Торги ими уже приостанавливали. И планировали приостановить опять, если падение превысит 25%.

В тот же день рухнули котировки всех ликвидных акций российских компаний.

В тот же день Ходорковского перевели в специзолятор Главного управления исполнения наказаний — самую охраняемую часть тюрьмы «Матросская тишина». Для политических заговорщиков (вроде членов ГКЧП) и особо опасных преступников.

Официальная формулировка: «для улучшения бытовых условий». Теперь камера будет четырехместной, с телевизором и холодильником.

30 октября Генпрокуратура арестовала 53% акций «ЮКОСа». В прессе впервые заговорили о грядущей национализации компании.

«Никакой другой цели, кроме передела собственности, даже если она будет завуалирована решениями подконтрольной государству судебной власти, эта операция иметь не может», — писал журнал «Деньги».

Все чаще стали говорить о пересмотре итогов приватизации.

27 октября Путин приказал «прекратить истерику».

«Истерика» не прекратилась.

3 ноября Михаил Ходорковский покинул пост председателя правления «ЮКОСа» и стал председателем правления «Открытой России».

«Как руководитель я должен сделать все для выведения трудового коллектива компании из-под удара, направленного против меня и моих партнеров», — сказано в его заявлении.

5 ноября группа правозащитников обратилась в организацию «Международная амнистия» с просьбой рассмотреть вопрос о признании Ходорковского политзаключенным. Обращение подписали Елена Боннэр, Владимир Буковский, Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев, Эдуард Кузнецов и Александр Подрабинек.

В прессе появились разборы обвинения Ходорковскому. Чисто юридические и сделанные юристами.

Их очень смешно читать.

О, нет! Компетентность авторов не вызывает сомнений. Анализируют они прекрасно и приходят к тем же выводам, что и я.

Но все эти «будет трудно доказать то», «будет трудно доказать это»...

Они еще не знают, что никто ничего не будет доказывать.

25 ноября, ровно через месяц после ареста, Генпрокуратура заявила об окончании следствия, и Ходорковский начал знакомиться со своим 200-томным делом.

В прессе обсуждали возможный срок. Большинство составляли оптимисты: дадут условно, символически или оправдают.

В середине декабря начались налоговые проверки в «Открытой России» и всех организациях, которые получали от нее благотворительную помощь.

19 декабря перед очередным Басманным судом по поводу продления ареста у Ходорковского появился новый адвокат — знаменитый Генрих Падва. Он посетил подзащитного в СИЗО и заявил журналистам, что тот держится мужественно.

Присутствие Генриха Падвы на степень басманности суда не повлияло.

Его подзащитному продлили арест до 25 марта. Суд проходил в закрытом режиме. Равно как и все остальные суды об арестах фигурантов дела «ЮКОСа».

«Когда я пришел первый раз к Ходорковскому, я сказал:

«На сегодняшний день я дорогой адвокат, и вам придется очень много платить», — вспоминал Генрих Падва в одном из интервью. — «Вы понимаете, что ни я, ни все адвокаты России вместе взятые реально вам помочь не в состоянии?»

Он ответил: «Да, понимаю».

Тогда я у него спросил: «Так зачем я вам?»

Ходорковский спокойно ответил: «Хочу, чтобы люди услышали голос правды»».

16 января 2004-го Ходорковский подал жалобу в Европейский суд на нарушение его прав при аресте.

Ровно через месяц 16 февраля на лентах новостных агентств появилось заявление Леонида Невзлина агентству Bloomberg.

«Что бы вы отдали за свободу Ходорковского, Лебедева — своих друзей?» — спросил корреспондент.

«Все», — ответил Леонид Борисович.

И предложил продать принадлежащие ему и его партнерам Дубову и Брудно акции «Group MENATEP» в обмен на освобождение юковских заложников: Ходорковского, Лебедева и Алексея Пичугина. Продать за любую цену государству, конкретным чиновникам или любому, на кого укажет Кремль.

Генпрокуратура назвала предложение «абсурдным», поскольку такую сделку невозможно оформить в рамках закона.

Чья бы корова мычала про закон!

Оформить можно все, было бы желание. Получилось же как-то с Гусинским.

Просто власть прекрасно понимала, что «ЮКОС» будет ее и так, без всяких условий.

Невзлин говорил, что отказаться от бумаг «ЮКОСа» ему уже предлагали многочисленные эмиссары якобы из Кремля. Но Леонид Борисович не был уверен в их полномочиях. А предложение вполне обсуждаемо.

Сам же Ходорковский отказался менять акции на свободу и заявил, что его дело должно быть решено в ходе открытого, честного и беспристрастного процесса.

Было начало 2004-го, и тот факт, что ближайший суд у нас в Страсбурге, еще не был столь очевиден.

«КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ»

29 марта 2004-го в газете «Ведомости» была опубликована статья под названием «Кризис либерализма в России»¹. Автор — Михаил Ходорковский.

В прессе тут же началось бурное обсуждение вопроса о том, он ли писал.

На мой взгляд, стиль похож. А то, что в статье присутствуют советские журналистские штампы вроде «избирательной страды», «вход не заказан», «в первую голову», «тем паче» и т. д., не характерные для его интервью, можно объяснить неопытностью автора. Начинающие писатели всегда наштаповывают штампами свои тексты. И при этом свято уверены, что так и надо.

К тому же автор начинал карьеру комсомольским активистом, что могло здорово засорить его язык.

Возможно и еще одно объяснение. По признанию самого Ходорковского, он надиктовал черновик статьи, а потом она подверглась литературной обработке. Так что вышеупомянутые штампы, возможно, внес какой-нибудь старый советский журналист, которому поручили редактуру.

Еще один аргумент в пользу того, что писал не он — это появление похожего текста на сайте «Утро.ру» за 11 дней до публикации.

Но, во-первых, на этапе «литературной обработки» могла быть утечка информации. Во-вторых, есть версия, что публикация появилась задним числом, уже после выхода статьи в «Ведомостях».

А идеи, высказанные в «Кризисе либерализма в России», довольно очевидны.

Заслуга Ходорковского, по сути, только в том, что он высказал их вслух от своего имени.

В ряду прочих бытовало мнение, что текст писал Белковский, поскольку в статье есть моменты, похожие на его доклад об

¹ <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2004/03/29/74085>.

олигархическом перевороте. Но тяжеловесный, наукообразный стиль Белковского рядом не лежал с легким, простым и искренним (или кажущимся таковым) стилем статьи в «Ведомостях».

У Белковского: «Представители правящего слоя современной России склонны полагать, что интересы большинства народа вообще не должны учитываться при формировании/формулировании государственной стратегии и системы корпоративных стратегий, поскольку российскому народу (и это, по мнению идеологов олигархического капитализма, доказано, в частности, Иосифом Сталиным) якобы присуще неограниченное долготерпение по отношению к подавляющей силе».

У Ходорковского: «Они всегда говорили — не слушая возражений, — что с российским народом можно поступать как угодно. Что «в этой стране» все решает элита, а о простом людe и думать не надо. Любую чушь, любую наглость, любую ложь он, этот народ, примет из рук начальства как манну небесную».

Ну, небо и земля.

А сама мысль по крайней мере полвека обсуждается на каждой интеллигентской кухне. Вплоть до фразеологизма «эта страна», идущего, по-моему, от Ахматовой. По нему уже узнают своих.

А в том, что Ходорковский читал доклад, где его обвинили в заговоре, я не сомневаюсь. Отчасти на него и отвечает.

Сам Станислав Белковский категорически отрицал свою причастность к написанию «Кризиса либерализма».

А вообще вопрос об авторстве праздный. Если Ходорковский подписал и не отозвал подпись — значит, идеи разделяет.

«Российский либерализм переживает кризис — на сегодняшний день в этом практически нет сомнений», — начинается статья.

После поражения на выборах 2003 года СПС и «Яблока» это стало совершенно очевидно. Зато все большей популярностью в обществе пользуются идеи «национального реванша». «Все эти люди — реже искренне, чаще фальшиво и по заказу, но от того не менее убедительно — говорят о крахе либеральных идей, о том, что нашей стране, России, свобода просто не нужна, — пишет Ходорковский. — Свобода, по их версии, — пятое колесо в телеге национального развития. А кто говорит о свободе, тот либо олигарх, либо сволочь (что, в целом, почти одно и то же)». И Путин оказывается либеральнее 70% населения страны.

Поспорить с этим, увы, трудно. Мне приходилось сталкиваться в интернет-дискуссиях с представителями той самой тех-

нической интеллигенции, которая выходила к Белому Дому в 1991-м. Все мои слова в защиту свободы воспринимались в штыки. Типичная реакция: «Никакой свободы при Ельцине не было, а было жрать нечего». Как вариант: «А не пошли бы вы на... надоедо до смерти».

Ну почему мне было что жрать? Я наследства не получала и даже не была комсомольской активисткой.

Плохо, конечно, когда обладатель красного диплома торгует шмотками в Лужниках. Но «жрать нечего» было тем, кому не хотелось становиться презренным торгашом, поскольку в «благословенные» совковые времена им вбили в голову, что быть торгашом позорно.

«...либерализм в России не может умереть, — пишет Ходорковский. — Потому что жажда свободы останется одним из самых главных инстинктов человека — хоть русского, хоть китайского, хоть лапландского. Да, это сладкое слово «свобода» многозначно. Но дух, который в нем присутствует, неистребим, неискореним. Дух титана Прометея, подарившего огонь людям. Дух Иисуса Христа, говорившего как право имеющий, а не как книжники и фарисеи».

Классно написано.

Но я поспорю.

Слово «свобода» действительно многозначно. В этом-то все и дело. Есть свобода «скитаться здесь и там», и есть «громкие права», которые большинство нашего населения, увы, «недорого ценит». Даже «скитаться здесь и там» требуется не всем: по статистике право на свободный выезд за рубеж интересно примерно 15% россиян. Так что приоритетна свобода есть колбасу и пройтись за грибами до ближайшего леса. Не за решеткой — и ладно.

А дух Прометея — он в той пушкинской свободе скитаться, а не в трудной и чреватой многими обязанностями политической свободе запада. Последняя в России — приправа для гурманов, тех самых 3 — 5% населения, которые упорно, до последнего, голосовали за «Яблоко» и СПС. А потом почти перестали ходить на выборы.

И проблема в том, что для большинства населения сначала появилась колбаса (в 1992-м на прилавках магазинов), а потом уже свобода ее есть (при Путине). И на фоне этой свободы меркнут все остальные ее формы. И так будет, пока не нажрутся.

А может быть, и всегда.

«Те, кому судьбой и историей было доверено стать хранителями либеральных ценностей в нашей стране, со своей задачей не справились», — пишет Ходорковский.

И здесь он прав. Можно спорить о том, возможно ли было вообще с ней справиться при «шоковой терапии» в экономике, но факт остается фактом: либерализм ассоциируется с временем голодным, трудным и беспокойным.

«СПС и «Яблоко» проиграли выборы вовсе не потому, что их дискриминировал Кремль, — пишет Ходорковский. — А лишь потому, что администрация президента — впервые — им не помогала, а поставила в один ряд с другими оппозиционными силами».

Верно, но еще и потому, что передрались друг с другом.

«Мы свое дело прос...ли», — резюмирует Ходорковский.

И точнее, увы, не скажешь.

В 2010-м это еще яснее, чем шесть лет назад.

Теперь уже не только дело, но и страну. Она уже совсем не наша. Чужая, вечно неправильно голосующая и некомфортная, в которой страшно жить.

В чем же причина краха русского либерализма? «Русский либерализм потерпел поражение потому, что пытался игнорировать, во-первых, некоторые важные национально-исторические особенности развития России, во-вторых, жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа. И смертельно боялся говорить правду», — пишет Ходорковский.

Здесь я замечу только, что был русский либерализм, который не боялся говорить правду. В «Демократическом союзе» лекции читали о первоначальном накоплении капитала. Читали году этак в 1988-м — 1989-м. На тему «что нас ждет». И в том, что творилось в стране в начале девяностых, для меня не было неожиданностей.

Никаких.

Но, судя по тому, что в «ДС» на всю Россию было около 1000 человек, эту правду не очень хотели слышать.

Или боялись.

Ни советские диссиденты, ни радикальные либералы, никогда не состоявшие в КПСС или положившие партбилеты задолго до повального выхода, практически не попали во власть в 90-е.

У власти оказались в большинстве своем бывшие коммунисты, заявившие о своем либерализме. Я вовсе не сомневаюсь в их искренности. Более того, их метод борьбы с системой путем разрушения ее изнутри оказался куда эффективнее метода

внешнего давления. Но они привыкли лгать и приспособливаться. Было бы трудно ожидать от них чего-то другого.

«Многие из либералов первого ельцинского призыва были людьми, искренне убежденными в исторической правоте либерализма, в необходимости «либеральной революции» в усталой стране, практически не знавшей прелестей свободы, — пишет Ходорковский. — Но к этой самой революции либералы, внезапно получившие власть, подошли излишне поверхностно, если не сказать легкомысленно. Они думали об условиях жизни и труда для 10% россиян, готовых к решительным жизненным переменам в условиях отказа от государственного патернализма. А забыли — про 90%. Трагические же провалы своей политики прикрывали чаще всего обманом».

Далее Ходорковский критикует ваучерную приватизацию, которую огромное большинство считает несправедливой, поскольку им обещали, что за «ваучер» можно будет купить две «Волги», а оказался пшик.

«Да, предприимчивый финансовый игрок, имеющий доступ к закрытой информации и не лишенный способности эту информацию анализировать, мог сделать из приватизационного чека и 10 «Волг». Но обещали-то всем», — пишет Ходорковский.

Обещали, верно. Но не все верили. Я уже рассказывала о том, как в начале процесса ваучеры шли на автобусных остановках по бутылке водки, потом по 4 тысячи рублей. И только в самом конце доросли до двадцати с лишним тысяч за чек.

Правда, «Волгу» на эти деньги было уже не купить. Но, я совершенно уверена, что и те, кто обменял свой ваучер на бутылку водки, и те, кто продал по дешевке, теперь яростно ругают Чубайса за «прихватизацию».

Гораздо хуже была не сама приватизация, а крах инвестиционных фондов, куда люди несли ваучеры. Даже если они успевали получить дивиденды на акции, как было в случае «Гермес-союза», и были не совсем обижены, после этого акции превращались в ничего не стоящие бумажки. Это не только обмануло ожидания огромного большинства населения, но и подорвало доверие к ценным бумагам вообще. Это, конечно, ошибка властей, процесс необходимо было, как минимум, контролировать.

А вот со следующим утверждением я поспорю. «Они (то есть либералы. — Н.Т.) не заставили себя задуматься о катастрофических последствиях обесценения вкладов в Сбербанке, — пишет Ходорковский. — А ведь тогда было очень просто решить проблему вкладов — через государственные облигации, источ-

ником погашения которых мог бы стать налог на прирост капитала (или, например, пакеты акций лучших предприятий страны, переданных в частную собственность). Но властным либералам жаль было драгоценного времени, лень шевелить мозговыми извилинами».

Точнее поспорю я только с первой частью этого абзаца. Я не понимаю, почему обесценивание вкладов связывают с властью либералов. Причем все, кому не лень.

Вклады в Сбербанке были заморожены в 1990 году при Горбачеве, а вовсе ни при Ельцине. А если они были заморожены, значит, банк был неплатежеспособен.

Причем то, что они будут заморожены, было совершенно ясно за несколько месяцев до события. Я помню, как мы с моей мамой обсуждали, что делать с деньгами, и решили ее вклад обнулить и все деньги вложить в товар, а мой на всякий случай оставить.

Так и сделали.

Сейчас мама утверждает, что снять деньги и вложить в товар ей посоветовал с телеэкрана лично господин Геращенко, за что благодарна ему по гроб жизни. По моим воспоминаниям, снять деньги ей посоветовала я на основании лекций по политэкономии, прослушанных в «Демократическом союзе».

Возможно, мы с господином Геращенко просто были солидарны.

Мои деньги заморозили на счете.

Вы думаете, я их потеряла?

Парадокс в том, что деньги можно было спасти и после этого. Способ прост: надо было завести чековую книжку. Чеки принимали во всех государственных магазинах. Я поехала в магазин «Электроника» и потратила там все до копейки на первый в жизни компьютер.

Не потеряла ничего.

Так что мне нечего компенсировать.

Как же большинство населения умудрилось все потерять?

Конечно, не все слушают лекции в «ДС», и даже на то, чтобы внимательно посмотреть телевизор, не всех хватает.

Но что они делали, когда вклады уже заморозили?

Почему на заднице сидели?

А теперь винят во всем либеральную власть!

Так что же, Ходорковский не прав, и либералы не должны были брать на себя роль няньки для инфантильного народа?

Прав.

Должны.

Если мы хотим жить в этой стране.

Ну, такой народ.

Это когда надо свои деньги спасать, они не пошевелиятся, зато на выборы ходят регулярно. Их при совке приучили регулярно ходить на выборы.

И голосуют за любую сволочь, которая накормит, польстит их национальной спеси и создаст иллюзию безопасности.

Михаил Борисович гораздо тактичнее меня:

«Никто в 90-е гг. так и не занялся реформами образования, здравоохранения, жилищно-коммунальной сферы. Адресной поддержкой малоимущих и неимущих. Вопросами, от решения которых зависело и зависит огромное большинство наших сограждан.

Социальная стабильность, социальный мир, каковые только и могут быть основой всякой долгосрочной реформации, затрагивающей основы основ национального бытия, были российскими либералами проигнорированы».

За шесть лет, прошедших после публикации статьи, это стало общим местом.

На первый вопрос русской интеллигенции «Кто виноват?» Ходорковский отвечает вполне в христианском духе: «Мы, наша вина: либералов и крупного бизнеса».

И тут же переходит к вопросу «Что делать?»

Программа состоит из семи пунктов:

1) «Осмыслить новую стратегию взаимодействия с государством. Государство и бюрократия — не синонимы. Пришло время спросить себя: «Что ты сделал для России?»

2) «Научиться искать правды в России, а не на Западе. Имидж в США и Европе — это очень хорошо. Однако он никогда не заменит уважения со стороны сограждан. Мы должны доказать — и в первую голову самим себе, — что мы не временщики, а постоянные люди на нашей, российской земле. Надо перестать пренебрегать — тем паче демонстративно — интересами страны и народа. Эти интересы — наши интересы».

3) «Отказаться от бессмысленных попыток поставить под сомнение легитимность президента. Независимо от того, нравится нам Владимир Путин или нет, пора осознать, что глава государства — не просто физическое лицо. Президент — это институт, гарантирующий целостность и стабильность страны».

4) «Оставить в прошлом космополитическое восприятие мира».

5) «Легитимировать приватизацию».

6) «Вложить деньги и мозги в создание принципиально новых общественных институций, не замаранных ложью прошлого. Создавать настоящие структуры гражданского общества, не думая о них как о сауне для приятного времяпрепровождения. Открыть двери для новых поколений. Привлекать к себе совестливых и талантливых людей, которые и составят основу новой элиты России».

7) «Чтобы изменить страну, нам самим надо измениться. Чтобы убедить Россию в необходимости и неизбежности либерального вектора развития, надо изжить комплексы и фобии минувшего десятилетия, да и всей муторной истории русского либерализма».

«Чтобы вернуть стране свободу, необходимо прежде всего поверить в нее самим», — пишет он в заключение.

Реакция на статью была просто ошеломляющая. На нее и сейчас, спустя шесть лет после публикации, около двух миллионов ссылок в интернете.

А тогда кто только не высказал мнение: от либералов до патриотов и коммунистов. Кто только не покритиковал, кто только не поспорил.

Такое впечатление, что общество было просто в шоке от того, что кто-то в прошлом весьма влиятельный вдруг заговорил с ним не на языке бюрократических штампов. Заговорил как один из них.

Либералы обиделись. Сочли отступничеством и покаянием в либерализме. Хотя ни того, ни другого в статье нет. Автор отрекается не от либерализма, а от методов, которые его дискредитировали.

Патриоты позлорадствовали: давно бы так, да поздно пить боржоми.

Станислав Белковский «покаялся» в том, что недооценил автора. Хотя, по моему скромному мнению, оклеветать и недооценить — не совсем одно и то же.

И все упрекнули автора в торговле за будущую свободу. Призывает же поддерживать Путина как легитимного президента. Но Ходорковский и до ареста делал реверансы в его сторону и называл себя государственным.

По-моему, наиболее адекватно статью оценил Леонид Невзлин, знавший автора многие годы: «Я воспринимаю это как продуманное, длительно подготавливаемое Михаилом выражение своих мыслей, которые он передумал, находясь в камере. Большая часть написанного мне известна с докамерных времен как его точка зрения. Некоторые вещи он просто не решался говорить, чтобы никого не обидеть, когда был на свободе. В этой же ситуации он, мне кажется, дал себе чуть больше послаблений. В принципе, ему несвойственно обсуждать публично третьих лиц и так жестко критиковать. В этой ситуации он себе это позволил. Но я считаю, что все, что он сказал, является его честной позицией. Я несколько раз перечитал материал и советую так сделать многим думающим людям, потому что впечатление по ходу перечитывания меняется...

У нас в России есть тенденция читать только заголовки, а потом на их основе делать суждения, реагируя не на материал, а на реакцию на материал. Первое мое ощущение было, действительно, — не покаяние ли это? Не сдача ли это позиций? В конце концов я пришел к выводу, что это честное, откровенное мыслеизъявление человека, который видит себя ответственным за судьбы страны. В каком-то смысле это можно назвать покаянием, но давайте скажем: это не пресмыкание перед властью. Это покаяние перед страной. А это разные вещи. Я не вижу ничего аморального, не вижу никакого предательства в том, чтобы человек такого масштаба, как Ходорковский, признал свои ошибки перед страной, перед людьми. Он называет вещи своими именами, с многими из которых я согласен. Некоторые — спорные для меня. Но полемизировать с человеком, когда он в камере, я не могу»¹.

Не менее адекватным, но со своей точки зрения, был Кремль. Статью тут же попытались дискредитировать. Замминистра юстиции Юрий Калинин заявил, что «в объяснительной записке, которую Ходорковский написал на имя начальника администрации СИЗО, он утверждает, что никакой статьи не писал и ничего через адвокатов не передавал».

Естественно, не писал, поскольку надиктовывал.

Адвокат Антон Дрель тут же еще раз подтвердил, что Ходорковский признает свое авторство.

¹ <http://amicable.ru/polit/vedomosti-mbx-290304.shtml>.

Ни о какой торговле власти с Ходорковским речи ни шло вовсе. Более того — это одна из немногих его публикаций, после которой он не попал в штрафной изолятор.

«Власть носом учуяла две вещи, — писала Юлия Латынина. — Первая: такой текст — это не покаяние перед Кремлем, а заявка на политическое лидерство. Такой текст окончательно превращает Ходорковского в политзаключенного, и в этом смысле ничего более вызывающего Михаил Ходорковский просто не мог сделать»¹.

¹ <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/24n/n24n-s06.shtml>.

Часть IV

ПЕРВОЕ ДЕЛО

МИФЫ О ПРИВАТИЗАЦИИ

1 октября 1992 года в оборот были выпущены приватизационные чеки, они же ваучеры, и началась приватизация.

Осенью чек можно было купить у метро или на автобусной остановке за бутылку водки. Потом они пошли по 4 — 4,5 тысячи рублей, а к зиме 1993-го вдвое превысили номинал в 10 тысяч рублей и продавались на бирже по 20 тысяч за ваучер и дороже.

По периметру торгового зала РТСБ (Российской Товарно-Сырьевой Биржи, где давно уже не торговали ни товарами, ни сырьем) за столиками сидели брокеры и занимались покупкой и продажей ваучеров, акций и прочих бумажек. Как в обменках.

Я помню, как покупатели и продавцы носили их пачками в здоровых полиэтиленовых сумках.

«МЕНАТЕП» накопил огромное количество ваучеров, и Михаил Ходорковский стал бессистемно скупать приватизируемые предприятия. Одним из первых приобретений стал магниево-титановый комбинат «АВИСМА».

«Итоги собрания на «АВИСМА» просто сенсационны, — писал «Коммерсант» в ноябре 1993-го. — Михаил Ходорковский (глава МФО «МЕНАТЕП») стал председателем совета директоров».

В феврале 1995-го Ходорковский вошел в комиссию по инвестиционным конкурсам, утвержденную министром экономики Евгением Ясиным. Странно, конечно, когда участник и организатор конкурса суть одно и то же лицо, но в комиссии были и конкуренты: например, Смоленский и Виноградов.

За «АВИСМОЙ» последовал Братский алюминиевый завод, Красноярский металлургический завод, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, предприятия целлюлозно-бумажной, химической, текстильной и пищевой промышленности. Покупали акции МГТС и ОРТ. Попытались даже купить кондитерскую фабрику «Красный Октябрь».

Не все шло гладко. Некоторые сделки сопровождались скандалами и арбитражными разбирательствами.

Итоги инвестиционного конкурса по продаже акций Братского алюминиевого завода были успешно оспорены в суде. Конкурс выиграло АО «Малахит», представлявшее интересы «МЕНАТЕПа». По мнению «Коммерсанта», претензии конкурентов были далеко не бесспорными, к тому же к моменту суда (за несколько месяцев) «Малахит» успел выполнить трехлетнюю инвестиционную программу и вложить в предприятие 18 миллионов долларов и 3,35 миллионов рублей. Эти деньги были потеряны¹.

Ходорковский утчет этот печальный урок и будет многократно перепродавать акции купленных предприятий различным собственным фирмам. Спустя почти десять лет это поставят ему в вину и сочтут методом сокрытия преступления.

Но вернемся в свободный и лихой 1995-й.

Вместо Братского «МЕНАТЕП» купил 20% акций Красноярского металлургического завода (КраМЗа). «Для этого была разыграна простая, но изящная комбинация», — прокомментировал «Коммерсант»². Дело в том, что в конкурсе приняли участие сразу две структуры банка: «Литмет» и «Стронмет».

Минимальный объем инвестиций был установлен в 50 миллиардов рублей. Компания «Литмет» предложила запредельную сумму в 210 миллиардов рублей, что гарантировало победу в конкурсе. Ее и объявили победителем.

Два с половиной месяца она выжидала и не подтверждала права на покупку акций. Тем временем выяснилось, что компания «Стронмет» заняла второе место, а главный конкурент банк «Российский кредит» — только третье. Тогда «Литмет» отказалась от акций, и они достались «Стронмету», но дешевле.

«Изящную комбинацию» поставили на поток. Бывало, в конкурсах участвовало и по три структуры «МЕНАТЕПа» одновременно, но с убывающими суммами заявок. В результате предприятия покупались по минимальной из предложенных цен. Даже термин появился «крышевая заявка» — та, что позволяет выиграть наверняка. Если можно было обойтись меньшей кровью, «крышевую заявку» отзывали.

В 1995 году «Коммерсант» не увидел в этом методе ничего криминального: игра как игра, бизнес как бизнес.

¹ Журнал «Власть» от 14.02.95.

² Газета «Коммерсант» от 18.02.95.

Метод будет криминализован задним числом, десять лет спустя. И только в двух случаях: НИУИФ и «Апатита». Совершенно аналогичная покупка КраМЗа оставит Генпрокуратуру равнодушной.

С неудавшейся покупкой «Красного Октября» связана почти детективная история. Уже тогда, в июле 1995-го, «МЕНАТЕП» владел контрольным пакетом пищевого объединения «Колосс». Долги предприятия погасили, здания реконструировала финская фирма, а оборудование поставляли немцы. И начался выпуск чипсов, сухого пюре, котлет, замороженных продуктов и пиццы.

Для управления пищевыми предприятиями «МЕНАТЕПа» было создано АО «Русский продукт», которое возглавила Ольга Миримская.

А муж Ольги Миримской Алексей Голубович тогда же, в эпоху приватизации, возглавлял инвестиционное управление «МЕНАТЕПа» и непосредственно занимался приватизационными сделками. В том числе НИУИФ.

Эта фамилия нам еще пригодится.

Но не будем забегать вперед и вернемся к «Красному Октябрю».

Итак, 13 июля 1995 года АО «Колосс» объявляет о начале публичного тендера по покупке акций «Красного Октября», то есть открыто заявляет, что собирается купить контрольный пакет.

Акции скупают по 7,5 долларов, что на 1,5 — 2 доллара выше рыночной цены.

Директор «Красного Октября» срочно возвращается из отпуска, и фабрика начинает сопротивляться: администрация призывает сотрудников не продавать акции. Цену поднимают до 9,5 долларов. «Коммерсант» пишет о ходе тендера примерно каждые два-три дня.

«Красный Октябрь» принимает программу защиты акционеров: новый собственник обязан выкупить у администрации их акции по 9,5 долларов. «МЕНАТЕП» обещает никого не увольнять. «Красный Октябрь» уводит счета в дружественный банк и обещает дополнительную эмиссию акций, которая сведет на нет усилия «МЕНАТЕПа».

В итоге контрольный пакет не набран, акции возвращены продавцам, зато в совет директоров фабрики введены свои люди.

Потом «Инкомбанк» учтет ошибки «МЕНАТЕПа», тайно скупит акции Бабаевской фабрики и обретет контрольный пакет. «До чего ж банкиры любят сладкое!» — подытожит журнал «Власть»¹.

Всего были куплены акции около 100 различных предприятий.

29 (позже 35) из них «МЕНАТЕП» контролировал полностью. Для управления ими было учреждено ЗАО «Роспром». 27 июля 1995-го оно было зарегистрировано. В мае 1996-го Ходорковский был избран в Совет директоров и тогда же стал Председателем Правления.

— Покупали действительно все, что можно было купить, исходя из приоритетов Ходорковского в промышленности, — объясняет мне Леонид Невзлин. — Прежде всего, предприятия, связанные с тяжелой индустрией, химическим производством. И дальше учредили «Роспром», чтобы структурировать все по отраслям и создать холдинг по управлению.

Общая сумма инвестиций должна была составить около 600 миллионов долларов.

— Такая большая сумма действительно была подъемной, или собирались продать часть предприятий? — спрашиваю я Леонида Борисовича.

— До того, как появился «ЮКОС», продавать предприятия никто не собирался. Хотели, как минимум, структурировать, создать межотраслевые связи и улучшить качество работы. Естественно, это не отрицает возможности продажи или даже банкротства некоторых предприятий. Что касается 600 миллионов долларов, даже по тем временам, поверьте мне, это сумма вполне подъемная. По мере расчета с кредитами за приватизацию мы спокойно поднимали не меньшие деньги. Я, честно говоря, не вижу здесь больших проблем. У нас никогда не было, как у многих сейчас: когда почти все обанкротились, и стоимость активов ниже стоимости привлеченных ресурсов. Пришло время отдавать долги, и они начали банкротиться. Мы, слава Б-гу², этим не страдали и вытягивали ситуацию. Трудно, но вытягивали, не без потерь, но вытягивали, даже когда нефть стоила семь долларов за баррель.

¹ Еженедельник «Коммерсантъ» (Журнал «Власть»), № 38 (149) от 17.10.1995.

² «Б-г» через дефис — это правка Леонида Борисовича. У меня было «Бог». Но нельзя же все.

Вполне подъемная цифра, тем более не сразу, а потихоньку. Некоторые приватизированные предприятия после хорошей работы над ними сами стоили миллиарды долларов. После определенной реструктуризации они могли быть субъектами привлечения инвестиционных ресурсов.

Очень много спекуляций, основанных на непонимании инвестиционной деятельности. Я имею в виду, что тот пакет, который мы получили, был вполне эффективен.

Среди этих 100 предприятий было два, на приватизацию которых тогда никто и не обратил особого внимания...

Миф о приватизации «Апатита»

Летом 1994 года на Всероссийском чековом аукционе был продан пакет акций АО «Апатит». Победитель инвестиционного конкурса приобретал право на дополнительную эмиссию 50% пакета акций, в результате чего автоматически становился владельцем контрольного пакета, а руководство предприятия теряло над ним контроль. На это пошли из-за бедственного положения завода: из-за постоянных неплатежей он оказался на грани закрытия, а его акции полгода спустя, когда оставшийся пакет выставили на денежный аукцион, были неликвидны и практически не продавались.

1-го июля 1994-го инвестиционный конкурс выиграл «МЕНАТЕП»: ему досталось 22,7% акций, а значит, и контрольный пакет (после выпуска еще 50%).

«Однако право влиять на производственную и финансовую деятельность предприятия стоило «МЕНАТЕПу» крупной суммы — по некоторым оценкам, банковские вложения в АО составили около \$250 млн. Впрочем, в этой операции банк явно не прогадал, так как продукция предприятия успешно реализуется, а распределение доходов напрямую зависит от возможности влиять на управление АО», — заметил «Коммерсант».

А потом где-то в течение года банк скупил и остальные акции, так что в его распоряжении оказался почти стопроцентный пакет.

На сайт «Апатита» можно зайти и сейчас¹.

«Переломным моментом в истории предприятия, которое сначала было акционировано, а затем приватизировано, стали 1996 — 1997 годы», — говорится в разделе «История». Была раз-

¹ http://apatit.phosagro.biz/pages/page_0.php?id_page=56.

работана концепция стратегического развития «Апатита», которая позволила ОАО «Апатит» выйти из критической ситуации и начать развитие производства. Помогла и команда молодых менеджеров.

В результате «Апатит» стал одним из крупнейших налогоплательщиков Мурманской области» и занялся строительством социальных объектов: первое в Мурманской области интернет-кафе, детское кафе «Сказка», бизнес-центр, крытый хоккейный стадион, горнолыжный комплекс и боулинг-центр.

А в 2002 году Совет конкурса «Всероссийская марка. Знак качества XXI века» отметил апатитовые концентраты «Стандарт» и «Супер» Платиновыми Знаками качества.

Но вернемся в начало 90-х.

Еще в 1993-м Алексей Голубович в служебной записке Ходорковскому рекомендовал ему обратить внимание на «Апатит» как крупнейший производитель апатитовой руды и «естественный монополист».

Михаил Борисович к совету прислушался, и в 1994 году, когда объявили чековый аукцион, «МЕНАТЕП» включился в борьбу за предприятие.

Что же произошло 1 июля?

Банк «МЕНАТЕП» представляло по крайней мере три организации: АОЗТ «Малахит», АОЗТ «Флора» и АОЗТ «Волна». А по версии обвинения АОЗТ «Интермединвест» тоже действовало в интересах «МЕНАТЕПа». Заявка последнего была явно «крышевой» и предполагала астрономические инвестиции в 19 миллиардов 900 миллионов рублей.

Остальные обещали гораздо меньше.

Дальше события развивались как обычно в таких случаях. Победителем был признан «Интермединвест», но от «приза» отказался. Вслед за ним отказались «Флора» и «Малахит». И договор купли-продажи акций был заключен с «Волной», которая предлагала минимальные инвестиции.

По договору «Волна» должна была в течение месяца перечислить на «расчетный или спецсудный» счет «Апатита» 30% инвестиций, а остальные 70% профинансировать в течение года.

И тут началось самое интересное.

В конце июля 1994-го рухнула пирамида «МММ». Казалось бы, это событие не имело к «МЕНАТЕПу» никакого отношения, поскольку осторожный Ходорковский, в отличие от множества

инвестиционных фондов, в «мавродики» не играл. Но те, кто играл, начали разоряться один за другим, а вслед за ними посыпались банки, утратившие доверие населения, что привело к банковскому кризису августа 1995-го.

«МЕНАТЕП» финансовым китом был крупным и на плаву держался хорошо, но набрал много обязательств по инвестициям, а окружающая обстановка диктовала осторожное обращение с деньгами.

А тут надо было срочно перечислять «Апатиту» 30% инвестиций. Как раз до 1 августа.

К счастью, тогда закон не запрещал перечислять инвестиции в виде кредитов, и в банке «МЕНАТЕП» был открыт спецсудный счет «Апатита», как и было в договоре, а между «Апатитом» и банком заключен кредитный договор.

На спецсудный счет и перечислили деньги. 29 июля 1994-го. Успели.

Кредит был выдан под 20% годовых в валюте, а в залог приняты векселя «Апатита».

Потом, почти одиннадцать лет спустя, приговором Мещанского суда подобное инвестирование будет признано... отсутствием инвестирования.

Дело в том, что существовало письмо Госкомимущества от 21 июля 1994-го, где утверждалось, что инвестиции должны быть безвозмездными, и запрещалось их предоставление в виде кредитов. На него и сослался Мещанский суд, почему-то забыв о том, что 1 июля, в день заключения договора, этого письма еще не было.

Кстати, не последний случай, когда суд потребовал от Ходорковского стать пророком и учитывать еще не принятые постановления. В приговоре несколько таких моментов.

Когда письмо вышло, менатеповцы позаботились и о безвозмездности. Правда, весьма хитрым образом. Право требования возврата кредита «МЕНАТЕП» уступил «Волне». А «Волна» его не требовала.

Мещанский суд не признал эти инвестиции безвозмездными.

Так или иначе, распоряжаться кредитом по своему усмотрению «Апатит» не имел права, весь процесс расходования средств контролировал «МЕНАТЕП», а точнее — Голубович.

Руководству предприятия это, естественно, не понравилось. Ждали денег, а тут ни распилить, ни даже выписать себе приличные бонусы.

И началась долгая судебная тяжба.

Дело усугублялось тем, что и ссуды задерживались.

Девятого августа из-за неплатежей за железнодорожный тариф «Апатит» был остановлен. Генеральный директор «Апатита» Поздняков тут же забросал телеграммами «Волну» и «МЕНАТЕП», и деньги пошли.

Но меньше, чем ждали.

В августе вместо 26 миллиардов рублей — только 8,6.

А в сентябре — меньше трех миллиардов.

Поздняков писал Голубовичу, убеждал банк выдавать кредиты «Волне», чтобы она выделяла деньги «Апатиту». Угрожал разорвать кредитный договор с «МЕНАТЕПом».

Но 12 сентября акции были перепроданы другой менатеповской фирме, которая тоже участвовала в конкурсе, — АОЗТ «Флора».

Мещанский суд сочтет это методом сокрытия преступления и попыткой ухода от обязанности выполнения инвестиционной программы.

Но ведь с 29 июля деньги давал непосредственно банк «МЕНАТЕП». И с ним был кредитный договор. При чем здесь «Волна»?

Видимо, на «Флору» акции перевели, чтобы спасти от ареста в ходе грядущей судебной тяжбы.

Наконец, «Апатит» и Фонд имущества попросили прокуратуру подать в арбитраж иск о расторжении договора.

Иск был подан 29 ноября 1994-го.

Тем временем 7 декабря по инициативе «Волны», у которой осталось 10% акций «Апатита», было проведено собрание акционеров и назначен новый генеральный директор Ю. П. Шапошник.

Надоевшего Позднякова отправили в отставку.

А в конце декабря Ходорковский написал письмо главе администрации Мурманской области, где заверил его, что «МЕНАТЕП» непосредственно занимается инвестициями в «Апатит».

Тем временем «Волна» взяла на себя текущие платежи «Апатита» в обмен на поставки апатитового концентрата. И было налажено снабжение мазутом, взрывчаткой и покрывками.

В 2005-м Мещанский суд это инвестициями не счел.

А летом 1995-го года проходило арбитражное разбирательство. И чтобы уладить конфликт, было решено перечислить деньги на счет «Апатита».

Но...

Создается впечатление, что этого счета боялись как огня. Или как черной дыры. С октября 1996-го даже зарплату рабочим платили векселями «Апатита», которые оплачивались сотрудникам через Сбербанк, а на счете предприятия не оседало ни копейки.

Итак, «МЕНАТЕП» оформил кредит «Волне», и 10 — 11 августа эти средства перечислили «Апатиту».

Новый генеральный директор Шапошников был в отпуске, и с деньгами пришлось разбираться его заместителю Серегину и техническому директору Голованову. А перечисление инвестиционных денег было не таким уж радостным событием, как может показаться на первый взгляд.

Счета «Апатита» боялись не зря. Предприятие оставалось должником, и деньги со счета могли быть списаны кредиторами в безакцептном порядке, то есть без согласия владельца.

Кроме того, утвержденной Советом директоров и откорректированной инвестиционной программой на «Апатите» принято не было, и деньгами все равно нельзя было воспользоваться, о чем и сообщили Серегину представители банка.

Серегин попросил было остановить платеж, но ему объяснили, что «Волна» должна предоставить платежи в Фонд имущества Мурманской области для улаживания конфликта. И лучше после этого просто вернуть деньги обратно «МЕНАТЕПу». Там они будут сохранены. И все согласовано с банком. То есть, скорее всего, с Голубовичем, поскольку подобные вопросы решались только с ним.

Тогда замдиректора проконсультировался с техническим директором, который подтвердил ему слова менатеповцев. И Серегин с Головановым подготовили письмо о том, что «Апатит» не в состоянии на данный момент освоить предоставленные средства, и перечислили их обратно «Волне».

11 августа представителями «Волны» и «Апатита» был подписан протокол о выполнении инвестиционной программы.

В результате через пять дней, 16 августа 1995-го, Арбитражный суд отклонил иск о признании недействительными итогов конкурса по продаже «Апатита».

Сделка купли-продажи акций была признана законной. «МЕНАТЕП» выиграл дело.

И получил обратно деньги.

Этот возвратный платеж во время разбирательства в Арбитраже действительно выглядит подозрительно. И для Мещан-

ского суда стал основным аргументом в пользу виновности подсудимых: хотели оставить себе акции, для чего фиктивно перечислили деньги. Следовательно, обманули. Следовательно, мошенничали.

В 2005 году, в начале нашей переписки с Михаилом Ходорковским, мне тоже казалось, что здесь позиция обвинения наиболее обоснованна. Я подробно прочитала кассационное определение Мосгорсуда, в котором обвиняемым скостили год, и очень поверхностно просмотрела приговор.

А потому задавала Михаилу Борисовичу глупые вопросы. Например, была ли выполнена инвестиционная программа по «Апатиту».

«...в суде директора подтвердили и что предприятия работают и работают успешно (а ведь прошло 10 лет) и программы выполнены, по мере готовности проектов (реальных, а не придуманных впопыхах). Недаром по этим эпизодам нет пострадавшей стороны! Нет иска!», — писал он.

На самом деле я могла не спрашивать. В приговоре все есть.

Миновал банковский кризис 1995-го. «МЕНАТЕП» выстоял и набрался сил.

Наступил 1996 год. И в июне был установлен объем финансирования только научно-исследовательских и проектных работ ОАО «Апатит» в размере 100 тысяч долларов в месяц.

Мещанский суд это инвестициями не счел.

Зато счел доказательством подконтрольности Ходорковскому «Апатита».

А позже 1996-го исполнением инвестиционной программы суд вовсе не интересовался. И не обсуждал, как же «украденное» предприятие, которое так никто никогда и не финансировал, смогло стать одним из крупнейших налогоплательщиков Мурманской области и настроить социальных объектов.

Главным оказалось то, что программа не была выполнена в срок.

Конечно, нехорошо тормозить с платежами. Но можно ли это считать мошенничеством?

Тяжба не кончилась в 1995-м. О том, что платеж возвращен, стало известно, и последовали новые иски. В Фонд имущества Мурманской области предоставили новые варианты инвестиционной программы, где сроки были увеличены до 2002 года.

Не помогло. Оказалось, что в инвестиционных планах можно менять все, кроме сроков. 12 февраля 1998-го арбитражным

судом было вынесено решение о расторжении договора купли-продажи акций и возвращении их государству.

«Инвестиционная программа неисполнима, — утверждал в арбитраже представитель «Апатита», — ее нужно пересмотреть и расходовать инвестиции в соответствии с научно и коммерчески обоснованными целями и задачами».

Но решение о возврате акций оставили в силе. Только у «Волны» их уже не было.

Инвестиционную программу выполнили, как и обещали в своей последней просьбе к Росимуществу, к 2002-му.

И 20 марта 2002-го Платон Лебедев обратился в Фонд имущества с предложением уладить конфликт за счет «МЕНАТЕПа» и компенсировать государству потери. 19 ноября между ЗАО «Фосагро», которое на тот момент владело контрольным пакетом «Апатита», и РФФИ было заключено мировое соглашение. И государству было выплачено 15 миллионов 130 тысяч долларов компенсации — разница между рыночной и номинальной стоимостью акций «Апатита».

Мещанский суд посчитал рыночную стоимость по ценам 2002 года и нашел равной 62 миллионам долларов. А мировое соглашение недействительным. Более того, способом уклониться от законного возврата акций.

Суд признал Ходорковского и Лебедева виновными в мошенническом завладении 20% пакетом акций «Апатита», но дело прекратил из-за истечения срока давности.

Это не добавило подсудимым срока, зато решило судьбу акций.

В 2006 году Росимущество снова обратилось в арбитраж с требованием вернуть акции. И требование это было основано на решении Мещанского суда.

Арбитражный суд удовлетворил иск Росимущества и обязал депозитарий ОАО «Русские инвесторы» списать со счета «Фосагро» 20% акций «Апатита» и зачислить на счет Росимущества.

Но принадлежащие Алексею Голубовичу (тому самому) «Русские инвесторы» акции списывать не спешили, а «Фосагро» подало кассационную жалобу.

История эта закончилась совсем недавно. 21 апреля 2009 года Федеральный арбитражный суд Московского округа (ФАС МО) отклонил жалобу компании «Фосагро».

Государство получило свои акции. Только вместо 20% акций предприятия, которое не могло платить даже за электриче-

ство и находилось на грани закрытия, обрело 20% акций преуспевающей рентабельной компании.

Задарма.

К тому же получив номинальную стоимость акций в 94-м и компенсацию в 15 миллионов в 2002-м.

Согласитесь, выгодно.

С Василием Савельевичем Шахновским мы разговариваем по скайпу. Помните депутата Моссовета, который рассказывал мне о событиях 91-го и 93-го?

Потом он работал в мэрии у Лужкова, а в 1997-м пришел в «ЮКОС», где стал одним из партнеров и занимался «government relations» — взаимодействием бизнеса с государством. А фактически был третьим человеком в компании после Ходорковского и Невзлина.

В 2004 году был вынужден эмигрировать, и сейчас живет во Франции, периодически сменяя Лазурный берег на берег Женевского озера.

Изображение в скайпе расплывается и зависает, я вижу только симпатичного улыбчивого человека на фоне кожаных кресел и книжных стеллажей.

Зато на юзерпике собеседник мой во всем белом, опустившись на одно колено, изящно бьет по мячику клюшкой для гольфа.

Каждый вечер разговор прерывается в одно и то же время: Василий Савельевич отлучается поцеловать на ночь дочку.

Наконец, доходим до «Апатита».

«Это единственный эпизод, который более или менее юридически доказан, — говорит Шахновский. — Формально деньги не были переведены. Но, во-первых, вся страна тогда жила по таким законам. Вся! Плюс это было благо. Преступление во благо.

Да, были нарушены условия договора. Правильно были нарушены, потому что в противном случае грохнулось бы предприятие «Апатит». «Апатит» бы грохнулся. То, как были реализованы инвестиционные соглашения, — победа по факту, это признал и бывший директор «Апатита»: если бы деньги были переведены, они бы пропали, а так спасли предприятие. Но формально можно считать, что инвестиционные условия не были выполнены, и нужно разрывать договор.

Но это единственный доказанный эпизод. Единственный. И по нему кончился срок давности».

Миф о незаконной приватизации пошел в народ. Отчасти в него верит даже доброжелательный Валерий Панюшкин, хотя и поминает менатеповский мазут, оплату электроэнергии для «Апатита», зарплату рабочим и выстроенную «МЕНАТЕПом» троллейбусную линию.

«Инвестировать не стали, справедливо рассудив, что руководство завода инвестированные деньги украдет или, что еще обиднее, просто разбазарит», — пишет Панюшкин. Близко, конечно, к истине, но в том-то и дело, что инвестировали, хотя не так и не тогда.

А вот Андрей Бунич в книге «Осень олигархов» поднимается до обобщений:

«Во многих случаях собственники не просто получали предприятие, а получали его на определенных условиях, прежде всего связанных с решением социальных вопросов.

Но неотъемлемые части приватизационных сделок, включающие эти условия, впоследствии не выполнялись, о них просто тихо забывали».

Он правильно обобщает. Конечно, не мог один Ходорковский, скажем так, несколько вольно подходить к выполнению инвестиционных обязательств. Конечно, это была система.

Только «тихо забыть» не давали. Росимущество просто забрасывало исками. И в конце концов обязательства приходилось выполнять.

Спустя годы, но выполняли.

По крайней мере, так было в деле Ходорковского.

Миф о приватизации НИУИФ

Михаил Ходорковский мечтал создать НПО — научно-производственное объединение, которые любили создавать в Советском Союзе. Все-таки над ним тяготело комсомольское прошлое.

Первый случай представился, когда государство выставило на инвестиционный конкурс 44-процентный пакет акций НИУИФ (Института по удобрениям и инсектофунгицидам). Говорят, что короткое время институт носил менее труднопроизносимое название: Научно-исследовательский институт химических удобрений и ядохимикатов. Но кто-то из основателей вчитался в аббревиатуру... и институт срочно переименовали. Зато история его названия пошла гулять по стране, что вдохновило любимых Михаилом Борисовичем Стругацких на изобретение НИИЧАВО.

НИУИФ очень подходил в комплект к «Апатиту» (тот же профиль деятельности) и мог стать для предприятия отличной научной базой.

В этом качестве институт интересовал только «МЕНАТЕП». Остальные участники конкурса претендовали на два здания на Ленинском проспекте, занимаемые институтом. И район престижный, и одно из зданий построено еще в 1939 году по проекту архитектора Щусева. Правда, почти разваливается. Но отремонтировать можно.

Десять лет спустя, когда в прессе и по телевидению начнется компания против Ходорковского, эту ситуацию перевернут с ног на голову и именно «МЕНАТЕП» обвинят в намерении захватить здания института.

Но тогда, в 1995-м, банк никто в этом даже не подозревал.

История приватизации НИУИФ началась еще весной, когда АОЗТ «Финвест», у которого не было своего помещения, скупило у сотрудников института почти 40-процентный пакет акций. Генеральный директор «Финвеста» так откровенно и заявил «Коммерсанту»¹, что Институт интересовал его только как владелец ценной недвижимости.

В «Финвесте» надеялись, что на инвестиционный конкурс будет выставлен небольшой пакет в 15%, и тогда, победив, «Финвест» получал контроль над институтом.

Но выставили 44%. И в дело вмешался банк «МЕНАТЕП», у которого (точнее, у «Апатита») уже было 6% акций института.

Тогда по закону банки не имели права покупать акции на себя и привлекали для этого дочерние фирмы. Победила структура «МЕНАТЕПа» — компания «Уоллтон», которая предложила внести 25 миллионов долларов инвестиций, причем в рекордно короткие сроки: до конца года (то есть за три месяца!).

Была и «крышевая заявка» на 50 миллионов долларов от АОЗТ «Полинеп». Но от нее, естественно, отказались.

«Если бы руководство банка чуть раньше осознало необходимость приобретения НИУИФ, это не потребовало столь крупных затрат — скупка контрольного пакета на вторичном рынке, как показал опыт «Финвеста», обошлась бы в сотни раз дешевле», — писал «Коммерсант».

Спустя десять лет порядки величин вдруг резко изменятся, и Ходорковского будут обвинять в том, что он купил НИУИФ слишком дешево.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 198 (916) от 25.10.1995.

Проигравший конкурент был не в обиде. Генеральный директор «Финвеста» господин Тутунджян искренне восхитился банком, решившимся на финансирование науки. К тому же «МЕНАТЕП» выкупил у него акции НИИ и довел свой пакет до 84%.

А Фонду имущества была перечислена стоимость акций: покупали по договорной цене (в два раза выше номинала).

Дальнейшие события очень напоминают историю «Апатита».

Институт дышал на ладан. После 1991-го численность сотрудников сократилась вдвое, и НИИ едва держался на плаву, сдавая в аренду помещения.

Заказов не было, и денег тоже.

А инвестиционную программу надо выполнить до конца года.

Деньги перевели 29 декабря. Сразу 25 миллионов долларов (в рублях по курсу).

На выполнение программы оставалось два дня.

В приговоре есть текст этой программы. И очень хорошо, что есть. Трудно придумать более абстрактный, формальный и невыполнимый документ. Такое впечатление, что его писали вообще не для того, чтобы выполнять, и на выполнение никто и не надеялся:

- 3 млн. долларов на разработки новых конкурентоспособных, ресурсосберегающих технологий фосфорсодержащих удобрений и кормовых фосфатов;

- 3 млн. долларов на создание малотоннажных производств высокоэффективных видов продукции;

- 2 млн. долларов на реорганизацию института с созданием инжиниринговой фирмы для выполнения работ инновационного цикла и маркетинга;

- 2 млн. долларов на реконструкцию лабораторий, оборудования и рабочих мест.

Всего 10 млн. Минимальный объем инвестиций для участников конкурса.

И как прикажите это выполнять?

Эти цифры, явно взятые с потолка! А если реконструкция обойдется дороже, а разработка технологий дешевле? Или наоборот.

По закону инвестиции налогом не облагаются, но только в случае целевого использования и в сроки, оговоренные в инвестиционной программе. Как их использовать целевым образом за два дня?

Только распилить.

К чести институтского руководства, их решили не распиливать.

Дальше версии событий расходятся: по первой само институтское руководство взмолилось, чтобы компания «Уоллтон» приняла деньги обратно, чтобы не пропали. По крайней мере, в приговоре цитируется письмо Классена на имя генерального директора «Уоллтона» с предложением вернуть инвестированные средства, перечисленные на счет института «по причине отсутствия возможности их эффективного освоения в 1995 году, в целях недопущения влияния на эти средства растущей инфляции и отвлечения их на цели, не предусмотренные инвестиционной программой».

По другой версии, представитель «Уоллтона» посоветовал сделать возвратный платеж, потому что, если деньги останутся на следующий налоговый период, их обложат 35-процентным налогом.

Последнее утверждение суд счел обманом и методом совершения мошенничества, тем более что генеральный директор НИУИФ Классен сказал, что не знал, что инвестиции не облагаются налогом, и потому послушался. Новые собственники имели право уволить, а должностью он дорожил. Кроме того, вернуть деньги посоветовали его финансисты.

Они правильно посоветовали. Конечно, инвестиции не облагались налогами... иногда¹. Если использовались на цели и в сроки, изложенные в программе. Смотри выше. Их надо было использовать за три дня.

И обманом спич о налогах не был... поскольку был правдой.

И на следующий день 30 декабря деньги отправили обратно, а с институтским руководством был подписан акт о выполнении инвестиционной программы, который в марте следующего года утвердил Российский фонд имущества.

Впрочем, вопрос с налогами спорный. Недаром появился Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций»», на который ссылается суд. Там действительно сказано, что инвестиции вообще налогом не облагаются.

¹ Формулировка в приговоре: «Суммы полученных инвестиций, используемые по прямому назначению и в сроки, предусмотренные инвестиционной программой, не увеличивают налогооблагаемую базу. Если указанные средства используются не по назначению, то в этой части они подлежат налогообложению в общеустановленном порядке».

Вся незадача в том, что закон этот датирован 31.12.1995 года. То есть был принят на следующий день после возвращения денег.

Интересно, почему это суд на него ссылается?

Его же еще не было. И о нем не могли знать.

Суд опять перепутал Ходорковского с Нострадамусом.

Надо заметить, что в этой истории есть один неприятный для моего героя момент. Дело в том, что гендиректор «Уоллтона» Усачев заявил, что никакого участия в приватизации НИУИФ не принимал и подписи на документах не его. И подчеркovedческая экспертиза подтвердила, что подписи не его. А директор НИУИФ Петр Классен его не опознал, он вел переговоры с другим человеком.

Суд тут же схватился за этот вопиющий факт и счел его явным признаком мошенничества.

А если подумать...

Зачем руководству «МЕНАТЕПа» покрывать мелкого клерка и при этом ставить свои подписи? Гарантия банка (по крайней мере, так утверждается в приговоре) подписана Лебедевым. А договор об инвестировании со стороны «МЕНАТЕПа» — начальником инвестиционного управления, членом совета директоров Алексеем Голубовичем.

У меня несколько версий.

Версия первая.

В девяностые, особенно в маленьких фирмочках, царил изрядный бардак. И сотрудники, бывало, расписывались друг за друга, если время поджимало, а нужного человека не было на месте. По крайней мере, я с этим сталкивалась.

Правда, это очень непохоже на компанию, возглавляемую Ходорковским. По свидетельству всех сотрудников «ЮКОСа», с которыми я общалась, порядок там был идеальный.

Поэтому более реалистичной мне кажется вторая версия.

Усачев в истории с НИУИФ играл точно такую же роль, как Крайнов — генеральный директор АОЗТ «Волна» — в деле «Апатита». А Крайнов был на скамье подсудимых¹. Единственный способ туда не попасть — отречься от своих подписей. Что Усачев и сделал. У него было время подумать. Дело НИУИФ начали раскручивать позже «Апатита».

¹ И потом получил условный срок.

Петр Классен, доброжелательно относившийся к менатеповцам, либо не опознал его, не желая подставлять, либо за десять лет честно забыл, как он выглядел.

А следствие радостно схватилось за «признак мошенничества» и получило тот результат экспертизы, который его устраивал. Кому он нужен, этот Усачев!

Гендиректор НИУИФ Классен, выступая в суде, заметил, что от возвращения денег институт ничего не потерял, поскольку пока средства были на счету института, на них были начислены проценты, которые НИУИФ получил в полном объеме¹.

Сроки инвестирования передвинули на 1996-й — 1997-й и заключили об этом дополнительное соглашение.

О том, что средства возвращены, РФФИ стало известно в 1997-м году. И, как и в случае «Апатита», началась долгая судебная тяжба. Впрочем, о мошенничестве речь не шла, дело рассматривал арбитраж.

Решением арбитражного суда 24.11.1997 г. договор купли-продажи пакета акций АО «НИУИФ» был расторгнут.

Но у «Уоллтона» акций уже не было. Еще в феврале 1996 года их продали трем другим менатеповским структурам: «Химинвест», «Альтон» и «Метакса». А Классен расписался в том, что инвестиционная программа выполнена и никакими долгами эти акции не обременены. В общем-то, был прав: формальная программа была формально выполнена. Но арбитражный суд расторг договоры по перепродаже акций, поскольку на приобретателей не были переведены обязанности по выполнению инвестиционной программы.

Но пока шло кассационное разбирательство, в 1998-м, акции успели перепродать еще раз: ООО «Даная», ЗАО «Фермет», АОЗТ «Галмет». Последних арбитражный суд признал добросовестными покупателями, в возврате акций в госсобственность отказал и дело прекратил.

Дальнейшие приключения этих акций связаны с кипрскими офшорами и «Group MENATEP Limited», которой принадлежит 50% акций «Минеральной группы», а ей через сложную цепочку дочерних компаний — ОАО «Фосагро», которое и владеет контрольным пакетом НИУИФ.

¹ «Независимая газета» от 12.10.2004.

Суд, разумеется, счел, что Ходорковский и Лебедев таким образом очень хитро спрятали похищенное: из «МЕНАТЕПа» передав в «МЕНАТЕР»¹.

У приговора есть еще одна интересная особенность: в показаниях свидетелей фамилия Ходорковского практически не упоминается. Только в качестве главы банка «МЕНАТЕП». И после каждого такого выступления суд глубокомысленно заявляет, что у свидетелей не было причин для оговора Ходорковского и Лебедева.

Как? Они же там не упоминались.

Или оговор в том, что Ходорковский возглавлял «МЕНАТЕП»?

Так чем же доказана причастность Михаила Борисовича к делу НИУИФ?

Я и предположить не могла, что можно с таким увлечением читать скучные юридические документы!

Ну неужели ни одного доказательства?

Ни одного?!

Пространные и занудные свидетельства того, что Ходорковский был Председателем совета директоров банка. А что, кто-то в этом сомневался?

Не менее дотошные доказательства того, что сотрудники «Уоллтона» работали в «МЕНАТЕПе». А что, кто-то отрицал, что «Уоллтон» — структура «МЕНАТЕПа»?

Многочисленные аргументы о неплатежеспособности и убыточности «Уоллтона». Но от него никто и не ждал денег: гарантии предоставлял «МЕНАТЕП».

Многостраничные обоснования того факта, что Ходорковский как председатель Совета директоров банка имел право управлять его деятельностью. А что еще должен делать глава банка?

И ни одного доказательства причастности Ходорковского к конкретному эпизоду с НИУИФ: ни одного документа, ни одной подписи, ни одного свидетельства!

Может быть, он давал указания не исполнять инвестиционную программу?

Нет сведений.

¹ При этом 94% акций НИУИФ находятся в номинальном держании у возглавляемого Алексеем Голубовичем ЗАО «Русские инвесторы». То есть они числятся на счете-депо «Русских инвесторов», но эта компания — не собственник акций, а профессиональный участник рынка ценных бумаг.

Может быть, он приказывал перепродать акции?

Ни одного свидетельства.

Более того, нет даже доказательств того, что он вообще давал указания о покупке НИУИФ.

А основное и самое распространенное «доказательство» — трудовые книжки. Например, трудовой книжкой Ходорковского доказывается, что он действительно был Председателем совета директоров.

Он прояснил ситуацию на суде: все решения принимались сотрудниками инвестиционного и кредитного отделов, малый масштаб сделки по акциям АО «НИУИФ» не предусматривал необходимости его непосредственного участия.

В приговоре блестяще доказана... правдивость его слов.

Конечно, что такое маленький институт по сравнению с такими гигантами, как «АВИСМА», «Колосс» или «Апатит»? Одна маленькая сделка из многих похожих.

Я сломалась примерно на сотой странице приговора. На часах было около четырех утра.

Доказательств не было.

Ни одного.

Платону Лебедеву несколько хуже: в приговоре упоминается гарантийное письмо за его подписью. Но надо заметить, что, по словам Генриха Падвы¹, в приговоре есть письмо за подписью Платона Лебедева, на котором нет подписи Платона Лебедева. Так что за подлинность письма по поводу НИУИФ я не ручаюсь.

Когда имеешь дело с мошенником, надо проверять каждую запятую.

Если бы это письмо было только одним из доказательств!

Но это единственное доказательство!

И доказывает только то, что «МЕНАТЕП» собирался кредитовать «Уоллтон».

А что, кто-то в этом сомневался?

Фамилия Ходорковского в приговоре по делу НИУИФ звучит в основном в выводах суда, зато сплошь и рядом упоминается другое имя: Алексей Голубович.

«Большинство приобретений проходило через Голубовича, — пояснил мне Леонид Невзлин, — это была его специальность, он руководил инвестиционным подразделением.

¹ См. В. Панюшкин. «Узник тишины».

Если где-то там и были нарушения, наличные деньги или коррупция, то это напрямую связано с Голубовичем. Это называется валить с больной головы на здоровую».

К чести Алексея Дмитриевича, никаких признаков ни наличных денег, ни коррупции в приговоре тоже нет.

Надо заметить, что против Голубовича в конце концов возбуждали уголовное дело. Еще в 2003-м он уехал в Лондон, потом скрывался в Италии и жил на борту своей яхты «Халила» в порту города Виареджо. В мае 2006-го был арестован Интерполом, провел три недели под стражей, но был выпущен под подписку о невыезде и осел на вилле под Пизой.

18 октября 2006-го суд Тосканы отказал Генпрокуратуре в его экстрадиции¹. На суде он отрицал свою причастность к делам «Апатита» и НИУИФ. Но согласился дать показания Генпрокуратуре, к тому же еще летом выступал в программе Леонтьева «Однако» и дал интервью «Известиям» и программе «Чистосердечное признание». В результате его дело словно растворилось в воздухе, и в 2007-м он смог вернуться в Россию.

Интересно, что его выступления не имели к приватизации никакого отношения.

Зато были в русле антиюкосовского компромата.

«Но неважно. В приватизации участвовала наша группа», — сказал мне Леонид Невзлин.

Так что вернемся к НИУИФ. Ходорковский не занимался им непосредственно, но выполнялась ли инвестиционная программа? И была ли в конце концов выполнена?

«Слушайте, ну НИУИФ — это вообще смешно, — возмущается Василий Шахновский. — НИУИФ — институт, который загибался. И НИУИФ — это абсолютно точно Голубович. Там вообще нет ни Лебедева, ни Ходорковского, ни их подписей, ничего. Это тема, которую от начала и до конца вел Голубович.

Я уже точно не помню всю эту историю, но НИУИФ — даже не предприятие, это институт, который спасли.

Ну ладно. Инвестиционные моменты там действительно не выполнялись, условия инвестиционного соглашения, но вы мне найдите хоть одно предприятие, которое стопроцентно выполнило тогда эти условия. Хоть одно! В 1993-м — 1994-м — 1995-м году».

¹ Газета «Коммерсантъ», № 196 (3527) от 19.10.2006.

С 95-м понятно. А дальше?

В чем заключалось «спасение»?

Я набрала «НИУИФ» в «Яндексе». И Вы, уважаемый читатель, легко можете повторить мой эксперимент.

И среди многочисленных упоминаний о деле Ходорковского, я набрала на сайт строительной компании «Сувас»¹. Там среди построенных проектов упоминается и НИУИФ² им. проф. Я.В.Самойлова. Строители явно гордятся своей работой, на сайте выложено множество фотографий: огромный конференц-зал с добротными деревянными сиденьями, наборные паркетные полы, кожаная мебель и роскошные люстры в помещениях администрации, розовые каменные колонны и лепнина на потолках. А также совершенно необходимые сотрудникам бассейн, сауна, турецкая баня, бильярдная, санузлы с евроремонтom, медпункт, стоматологический кабинет, тренажерный зал, кафетерий и рабочая столовая, по интерьеру больше напоминающая добротный ресторан.

Если это невыполненная инвестиционная программа, то 2 миллиона на реконструкцию — явное расточительство. На следующем этапе надо было ставить золотые унитазаы.

«До инвестиционного конкурса на балансе института находилось два здания, и на сегодняшний день они живы, здоровы и полностью отремонтированы³, — сказал на суде директор института Петр Классен. — инвестиционная программа была перевыполнена многократно. Реальное инвестирование происходило в последующие девять лет».

Почему-то эти показания не попали в приговор...

А поднять «Апатит» во многом помогли именно научные разработки НИУИФ, и это есть на сайте «Фосагро».

Суд не принял это во внимание.

И счел мошенничеством неисполнение инвестиционной программы в срок.

По-моему, не совсем одно и то же...

Почему же обвинили именно по этим эпизодам? Чем они принципиально отличались от других приватизационных сделок?

¹ <http://www.cyvas.ru>.

² Правда, там ошибка: «НИИУИФ» вместо «НИУИФ». Но адрес тот же.

³ «Независимая газета» от 12.10.2004.

Я задала этот вопрос Леониду Невзлину.

— Вопрос вы поставили очень правильно. В скупке, которую проводил Ходорковский, а вернее, для него делал свидетель обвинения Голубович... Действительно, сделки были похожи на сделки по «Апатиту» и НИУИФу. Принципиального отличия я не вижу, хотя я не специалист. Обвинили по этим эпизодам, потому что именно по ним был заказчик наезда, состоящий и тогда, и сейчас в тесных отношениях с Сечиным и Путиным.

— Вячеслав Кантор?

— Ну конечно. Вячеслав в России, Моше — в Израиле. У него были коммерческие противоречия с теми ребятами, которые управляли «Апатитом». Противоречия завода и производителя¹.

— А можно о нем упоминать?

— Да, конечно. Как о человеке, нарушившем основные еврейские заповеди².

В 2000 — 2002 годах Кантор неоднократно сопровождал Владимира Путина в его зарубежных визитах: дважды в ФРГ, в Швецию и Норвегию.

Но сейчас Вячеслав-Моше живет в Швейцарии, постепенно сворачивает бизнес в России, где бывает редко, опасаясь разделить судьбу Ходорковского, и управляет «Акроном» через трейдера.

Так стоило ли рыть другому яму?

В конце 1995-го, когда началась борьба за «ЮКОС», «Альфа-банк», «Инкомбанк» и банк «Российский кредит» объединились против «МЕНАТЕПа», и на него посыпались обвинения в неисполнении инвестиционных обязательств по приватизационным сделкам.

¹ Вячеслав Кантор владеет компанией «Акрон» — производителем минеральных удобрений. Кроме того, ему принадлежат 7,73% акций «Апатита», и в определении суда о прекращении дела «Апатита» он упоминается как член совета директоров. «Апатит» — единственный в России производитель апатитового концентрата — сырья для производства удобрений. Он был поставщиком «Акрона». Цены «Апатита» на концентрат хозяева «Акрона» считали завышенными.

² Об отношении к еврейским заповедям Вячеслава Кантора говорит такой факт. У Кантора двойное гражданство: России и Израиля. И в 2005 году он оказался замешан в попытке продажи ракет X-55 в Иран. В деле появились следы сразу двух принадлежащих ему офшоров «Isofert Trading INC» и «Transchem International INC». В феврале 2006 г. Кантор был задержан и допрошен по «делу X-55» в аэропорту «Бен-Гурион». То есть гражданин Израиля Вячеслав Кантор пытался продать оружие злейшему врагу своей страны.

Михаил Ходорковский отвечал на них в интервью газете «Коммерсант»¹. «Что же касается обязательств банка «МЕНАТЕП», то придется признать, что уважаемые господа банкиры не отличают конформных писем от гарантийных, — заметил Михаил Борисович. — Конформное письмо — это когда вы говорите, что, мол, я думаю, что этот клиент свои обязательства выполнит. А гарантийное письмо — это когда вы говорите, что если клиент не заплатит 10 рублей, то эти 10 рублей за него заплачу я. И если бы приватизационное ведомство в начале приватизации запрашивало именно гарантийные письма, приватизации просто не было бы — гарантии российские банки в силах выдавать только сейчас».

Так гарантийное было письмо по НИУИФ или конформное?

Цитирую приговор: «В гарантии же банка за подписью Лебедева П. Л., в которой он гарантирует РФФИ, что финансовые обязательства АОЗТ «УОЛЛТОН»... будут выполнены, не уточняется, кем — АОЗТ «УОЛЛТОН» за счет собственных активов, или за счет ресурсов банка».

То есть письмо конформное!

Но я еще сомневаюсь.

— Я читала в одном интервью Ходорковского, что банк «МЕНАТЕП» при покупке приватизированных предприятий давал некие конформные письма, а не гарантийные, и есть тонкое различие между ними, — спрашиваю я Невзлина.

— Да, есть. В одном случае, как я понимаю, я не профессионал в этом, выражалось намерение, а в другом, на банк бралась гарантия, обязательство. Так вот Ходорковский говорит о том, что выражалось намерение. Это конформное письмо.

— То есть менее жесткое...

— За невыполнение этого обязательства засудить нельзя.

— А как же тогда засудили? Ведь именно за это засудили...

— Слушайте, а можно я задам риторический вопрос?

— Да.

— А как можно было засудить за налоги, на которые на каждый год есть индульгенция, связанная со встречной проверкой министерства налогов и сборов, с гарантиями того, что все сделано правильно? И в соответствии с Конституцией и налоговым законодательством уже проверять нельзя? О какой стране мы говорим?

¹ Газета «Коммерсант», № 223(941) от 01.12.1995.

«Конформность» письма суд сочтет еще одним признаком мошенничества, упрекнув Лебедева в нечеткости формулировок.

Здесь надо заметить, что первое дело Ходорковского по сравнению со вторым является образцом законности, логичности, доказательности и интеллектуальности.

Местами даже не сразу видна фабрикация. Надо сравнивать даты и анализировать тексты.

Искренне восхищаюсь.

МИФЫ О НАЛОГАХ

Бытует мнение, что Ходорковский сидит за неуплату налогов. Первое дело даже в СМИ частенько называют налоговым.

Это миф.

Налоговые статьи дают очень небольшой вклад в наказание. Максимальные сроки (по 7 лет) связаны с «мошенничествами». Это приватизационные сделки, о которых мы уже говорили, и дело о возврате переплаты налогов, о котором еще поговорим.

Налоговых статей в первом приговоре две. Наибольший срок по ст. 199 (уклонение от уплаты налогов с организации) — 5 лет.

С нее и начнем.

В Свердловской области есть небольшой закрытый город (ЗАТО) Лесной, бывший «Свердловск-45». Градообразующее предприятие — «Электрохимприбор». На нем собирают ядерные боеприпасы, утилизируют отходы, производят изотопы.

В Лесном есть и филиал моего родного МИФИ. Называется «Технологический институт» — ядерный колледж в городе ядерщиков.

После Перестройки Лесной оказался не в лучшем положении. В середине 90-х был найден вполне стандартный выход из сложной экономической ситуации: в город решили привлекать иногородние фирмы, которым предоставляли налоговые льготы.

Постановление об этом было принято городской думой.

В ЗАТО Лесной были зарегистрированы четыре фирмы, занимавшиеся торговлей нефтью «ЮКОСа»: ООО «Митра», «Форест-Ойл», «Бизнес-Ойл» и «Вальд-Ойл». И с ними были заключения соглашения о предоставлении налоговых льгот.

То есть льготы были предоставлены администрацией города. Ходорковского обвинили в том, что он внес в налоговые декларации этих фирм «заведомо ложные сведения о наличии льгот». См. предыдущую фразу.

Почему-то мне кажется, что если льготы *были предоставлены*, то они есть в наличии. И сведения об их наличии «заведомо ложными» никак быть не могут.

Здесь бы и можно поставить точку. И думаю, что в любом правовом государстве именно здесь бы ее и поставили

Но мы в России живем.

А потому суд долго доказывал тот факт, что у упомянутых фирм не было *права на льготы*, то есть льготы предоставлены незаконно. Как будто они сами себе их предоставляли, а не администрация ЗАТО.

Михаил Борисович иронизировал на суде, что не имел полномочий по предоставлению льгот и решений такого рода не принимал и не мог принимать.

Дело в том, что, по мнению суда, право на льготы было только у компаний, имеющих в ЗАТО не менее 90% основных средств и осуществляющих 70% деятельности.

О том, как измерять деятельность, единого мнения нет. Поэтому более ясным является требование о том, чтобы 70% работников были прописаны в ЗАТО, и им должно выплачиваться не менее 70% фонда оплаты труда.

Эти требования были формально соблюдены, хотя и несколько хитрым способом. Дело в том, что имущества операционные компании не имели, а их сотрудники зарплаты не получали, так что подсчитать соответствующие проценты было невозможно. А местное население в компаниях числилось в правильном количестве.

Суд тут же решил, что их приняли на работу исключительно с целью получения права на льготы.

А зачем же еще?

Тогда подобная регистрации в ЗАТО с целью оптимизации налогов была распространенной практикой, и в том же Лесном было зарегистрировано еще 15 подобных фирм, не имеющих к «ЮКОСу» никакого отношения. Почему-то им никаких налоговых претензий предъявлено не было.

А Ходорковского обвинили в том, что он ввел в заблуждение администрацию ЗАТО. К диспозиции предъявленной статьи это, правда, отношения не имеет. Да и сам факт спорный.

«Из материалов дела очевидно, что льготы были получены законно, представленные документы отражали действительность, никто не был обманут, никто не думал, конечно, что предприятия имеют транспорт, емкости для хранения нефтепродуктов и везут нефтепродукты или нефть через ЗАТО, — сказал Ходорковский. — Это было известно и местным и федеральным властям».

В конце концов Генпрокуратура с ним согласится, и мэра Лесной Иванникова, а также бывшего руководителя налоговой инспекции города Карфидова посадят за «сговор» с «ЮКОСом».

Интересно, что мэра обвинили в том, что он нанес ущерб бюджету города Лесной, предоставив неправомерные налоговые льготы, из-за чего бюджет получил на 5,4 миллиардов меньше, чем мог бы. О том, что без налоговых льгот структуры «ЮКОСа» вообще не стали бы там регистрироваться и бюджет города вообще ничего не получил бы, прокуратура как-то забыла.

Я бы еще понял, если бы Иванникова обвинили в том, что он нанес ущерб федеральному бюджету, уведя у него ценного налогоплательщика...

В первом приговоре Мещанского суда было еще одно обвинение по 199-й. Дело в том, что структуры «ЮКОСа» платили налоги векселями НК «ЮКОС», что суд счел незаконным.

Это спорно. Существовали рекомендации Минфина, осуждающие оплату налогов в не денежной форме, но в налоговом кодексе она признавалась законной.

По кассационной жалобе Ходорковского Мосгорсуд принял парадоксальное решение. Обвинение в вексельной оплате он снял, поскольку при внесении налогов векселями никакие ложные сведения в декларацию не вносятся. Но пришел к выводу, что «Указанное обстоятельство не влияет на рассмотрение гражданского иска по этому вопросу, поскольку сам по себе способ оплаты... законом не был предусмотрен и являлся... ненадлежащим и незаконным способом уплаты налогов».

То есть, так как оплата векселями была незаконной, то... ее и не было. В тексте приговора это дотошно посчитано. Каждый раз после оплаты налога векселями авторы сего документа методично упрекают заплатившую фирму за то, что долг перед бюджетом не учтен в бухгалтерском балансе. То есть, заплатив налоги векселями, скажем, на миллиард рублей, какое-нибудь ООО «Митра» тут же должно было написать в балансе, что еще

должно этот миллиард государству. То есть записать себе тот же долг во второй раз, ведь вексель — сам по себе долговое обязательство.

Интересно, что компании «ЮКОС» налоговые претензии на суммы, оплаченные векселями, не предъявлялись.

«Векселя были оплачены своевременно, — пишет мне Ходорковский, — а мне их дописали «до кучи». ЗАТО кончились в 1999 году. Основные претензии к «ЮКОСу» по налогам были выдуманы на пустом месте. Например, два раза начислили НДС, отказались зачесть региональные налоговые льготы по местным (региональным) налогам. В общем, более чем бред. Никто особо и не старался что-то «нарыть». Сказали «начислить» — начислили. ЕСПЧ, конечно, не стал разбираться: налоги не его тема. Его тема — права человека.

Если бы «ЮКОС» «выпадал» из общетраслевой практики, аудиторы никогда не подписали бы заключение. Я уж не говорю о многочисленных актах проверок, подписанных МНС.

«Что означает, что компания «ЮКОС» в результате доначисленных налоговых претензий стала банкротом? — говорил в Сахаровском центре Владимир Милов. — Компанию признали банкротом по суду, потому что она не могла расплатиться с государством по налогам. Это значит, что «ЮКОСу» доначислили такие налоги, которые сделали нефтяной бизнес убыточным. Можно себе в здравом уме и твердой памяти представить, что добыча нефти — убыточный бизнес, а, по сути, банкротство «ЮКОСа» означает именно это.

Что налоги начислили такие, что выручки от экспорта, причем по резко выросшим мировым ценам на нефть, не хватило для покрытия этих фантастических доначисленных налогов. Эти налоги, кстати говоря, не доначислили никаким другим компаниям, например, «Сибнефти», например, господам Абрамовичу и Швидлеру¹, не доначисляли таких огромных сумм, наоборот, им заплатили за «Сибнефть» огромные деньги из бюджета, почти 14 миллиардов долларов.

Это в полтора раза больше, чем все расходы российского бюджета в этом году на здравоохранение.

Вот с одних взяли и доначислили дополнительные деньги и сделали «ЮКОС» банкротом, а другим, наоборот, доплатили из бюджета. Как такое может быть?»

¹ Евгений Швидлер — президент «Сибнефти» с 1998 по октябрь 2005 года.

Я подумала, что если в некоей стране фирму можно обанкротить налогами, в этой стране что-то не то с налоговым кодексом.

Я была неправа. В этой стране что-то не то с судом.

Если содрать одни и те же налоги дважды и еще приплюсовать к ним пени за просрочку, можно обанкротить кого угодно.

Драть две шкуры очень выгодно.

А можно драть и три шкуры.

Мещанский суд посчитал налоговые недоимки в третий раз и предъявил иски уже лично Ходорковскому и Лебедеву как организаторам схемы.

«Это еще один пример абсурдности, — комментирует Василий Шахновский. — Ходорковского осудили как руководителя компании, которая не платила налоги. Но дальше, в рамках этого же обвинения, налоговая инспекция предъявляет ему уже личный гражданский иск, и те 900 миллионов налогов, которые недоплатил «ЮКОС», вменяют ему лично. И судья принимает этот иск и обязывает Ходорковского в рамках приговора этот иск компенсировать. Ну, что это означает? Это означает, что Ходорковский каким-то образом присвоил эти деньги себе.

Тогда его надо обвинить в присвоении, в воровстве, в мошенничестве. Статья 199 не предусматривает в качестве наказания компенсацию налогов физическим лицом, которое руководило этим предприятием. По логике это же правильно, да? Компенсировать должно предприятие, и предприятие компенсировало, его обложили штрафами, пенями, неважно. Это на уровне простой человеческой логики. Не нужно быть Шопенгауэром в области юриспруденции».

Причастность Ходорковского к включению «заведомо ложных» сведений в декларации «Митры», «Форест-Ойл», «Бизнес-Ойл» и «Вальд-Ойл» суд доказал, как обычно.

Методика точно такая же, как в делах «Апатита» и НИУИФ, так что я не буду на ней долго задерживаться.

Основным доказательством, как всегда, является трудовая книжка Михаила Борисовича. А также тот факт, что он был основным акционером «Group Menatep Ltd», которая через ряд дочерних организаций владела контрольным пакетом НК «ЮКОС». А НК «ЮКОС» еще через несколько «дочек» контролировала операционные фирмы («Митру» и др.). На этом основании Мещанский суд пришел к выводу, что Михаил Ходорковский давал указания персоналу этих фирм о внесении «заведомо ложных сведений» в налоговые декларации.

Это все равно что обвинить ректора института в том, что один из его студентов напился в общежитии. И посадить его (ректора) за дебош. Несмотря на то, что упомянутый студент мирно отмечал день рождения по согласованию с администрацией общаги.

Нет, может быть, они и пили вместе, и даже ректор бегал к администрации за льготной водкой. Но доказывать же надо!

Сам Ходорковский на суде утверждал, что вообще не был в курсе дела, а только принимал участие в принятии принципиального решения о реорганизации компании как один из членов Совета директоров.

Дела против сотрудников администрации Лесного заслуживают отдельного внимания.

Мэр города Александр Иванников 22 года проработал на «Электрохимприборе», в 1993-м был избран главой города, после чего регулярно переизбирался, и, видимо, пользовался в Лесном авторитетом. Он проработал в администрации почти 13 лет. В отставку подал в 2006-м, когда дело было в суде.

Обвинение просило для Иванникова девяти лет лишения свободы.

Еще в марте 2005-го на процессе по делу Ходорковского выступала заместитель мэра Лесного по экономике Любовь Мясникова. «Сотрудничество горадминистрации с фирмами «Бизнес-Ойл», «Форест-Ойл», «Вальд-Ойл» и «Митра» было взаимовыгодным, — сказала она. — Оно помогло выжить городу в период кризиса. Решение администрации принимать налоги векселями было принято потому, что векселя были процентными и давали дополнительный доход».

По векселям НК «ЮКОС» начислялось 28% годовых.

«Все векселя «ЮКОСа», которыми рассчитывались налогоплательщики, были погашены, — заявила Мясникова. — И доход от них получен».

Штатный прокурор по делу «ЮКОСа» Дмитрий Шохин обвинил ее в небеспристрастности и объявил, что ей, как и ее начальнику, грозит уголовная ответственность.

Интересно, что и в 2006-м, уже на процессе по делу Иванникова, госпожа Мясникова опять выступала в качестве свидетеля, а вовсе не обвиняемой, и сказала то же самое.

Меня всегда удивляет, когда подобные вопросы задают свидетелям. Есть же документы! Сведения о погашении векселей должны быть отражены в бухгалтерском балансе.

И в приговоре по первому делу Ходорковского такие цифры есть: указана полная стоимость векселей, внесенных в качестве налогов в 1999-м — 2000-м, и стоимость векселей, которые тогда остались непогашенными.

Я взяла калькулятор и разделила вторую цифру на первую.

Оказалось, что в 2000 году остались непогашенными 6% векселей.

Это, конечно, очень «много»...

При 28% годовых...

Еще раз уточняю: уже в 2000 году были обналичены девяносто четыре процента векселей.

Здесь надо заметить, что вексель — ценная бумага, которую можно не только погасить, то есть обменять на деньги у того, кто ее выпустил, но и продать, и держать на черный день. И решает, что с ней делать, держатель векселя. То есть в данном случае администрация города.

Что происходило с векселями после 2000 года, суд не заинтересовало.

Зато заинтересовало защиту.

Адвокаты предоставили суду документы о погашении всех векселей.

Суд отказался приобщить их к делу.

«На истории с «ЮКОСом» сломано право в России, — говорит мне Василий Шахновский. — Огромное количество правил игры были изменены. Я в широком смысле говорю: не законы, потому что по целому ряду предъявленных обвинений никаких доказательств нет. Обычная коммерческая деятельность излагается как криминальные действия. Но даже по тем статьям, которые были предъявлены по первому приговору, где собрана доказательная база и доказан уход от налогов, задним числом изменены правила игры.

Налоговые схемы через ЗАТО были узаконены. Были узаконены, были законы. А потом задним числом было сказано: нет, мы читаем здесь не так, а вот так. Ну как так? Ну, закон обратной силы не имеет! И то же самое с уплатой налогов векселями».

Первый приговор мэру Лесного Иванникову был относительно мягким. Видимо, под влиянием кассационного определения Мосгорсуда эпизод с векселями был исключен. Мэра признали виновным только в неправомерном предоставлении налоговых льгот и нецелевом использовании средств муници-

пального фонда, что не имело прямого отношения к делу «ЮКОСа». Приговорили к шести годам условно.

Говорят, прокурор Уральского округа Юрий Золотов сказал, что дело Иванникова — это мелкое хулиганство, за которое и срок мотать стыдно.

Однако Генпрокуратура приговор опротестовала, и пожилого мэра судили во второй раз. Всем судьям его города прокуроры заявили отвод, считали, что Лесной — слишком маленький город, где все друг друга знают, и ни один городской судья не в состоянии вынести мэру достаточно жесткий приговор.

Население Лесного — 78 тысяч человек.

Ну конечно. И Москва — большая деревня.

Но Генпрокуратура была права в одном: населению Лесного было бы трудно посадить своего мэра, который с одних юкосовских структур закачал в городской бюджет 11,9 миллиардов рублей. А ведь было еще 15 иногородних компаний-льготников.

Иванникова судили в соседнем городе Кушва. Сторону обвинения представляла прокурор Гульчехра Ибрагимова, которая потом появится и на втором процессе Ходорковского. Для Иванникова она просила стандартные 8 лет.

Суд оказался более вменяемым: в феврале 2007-го Александр Иванников был осужден на пять лет лишения свободы.

Новым мэром города стал полковник ФСБ Сергей Цекалев.

А в 2008-м на сайте «Союза солидарности с политзаключенными» была опубликована краткая справка о бывшем мэре. «Основания признания политзаключенным: фабрикация дела в рамках репрессий против «ЮКОСа», — сказано в справке.

Векселя «ЮКОСа» можно было погасить не ранее 1 апреля 2000-го. В результате на них набежали значительные проценты, и образовалась переплата налогов. А в этом случае налогоплательщик имеет право переплату вернуть.

И ее вернули.

Та же ситуация была еще с несколькими компаниями «ЮКОСа», зарегистрированными в Челябинской¹ области, которым тоже было решено вернуть налоги.

«Так как налоги вносились векселями, следовательно, они не вносились вообще», — решил суд. Поэтому Ходорковский и

¹ В г. Трехгорный. Мэр города в 2007-м получил 4 года условно за неправомерное предоставление налоговых льгот.

Лебедев похитили бюджетные средства путем обмана на сумму переплаты.

Злой умысел суд доказывал тем, что фирмы-налогоплательщики претерпели несколько реорганизаций. В конце концов их права перешли к ООО «Инвестпроект», зарегистрированному в Кировской, а потом в Читинской области. Перешло и право на получение назад сумм переплаченных налогов.

В смысле, следы заметали.

Но заметали как-то неэффективно. Дело в том, что с правами переходили и обязанности. И «Инвестпроекту» были выставлены налоговые претензии в связи с незаконным использованием налоговых льгот в г. Лесной. ООО судилось и в 2002-м дело выиграло. Претензии сняли, а переплату перечислили.

Следующим аргументом обвинения было то, что одним из учредителей «Инвестпроекта» был слабоумный и судимый Варкентин. Явно зиц-председатель. «Покрывали преступление», — решил суд.

Так как покрывать, в общем-то, было нечего, думаю, что «ЮКОСу» просто понадобился учредитель с местной пропиской.

Причастность к этому делу Ходорковского доказана еще интереснее.

Из всех многочисленных «доказательств» его имя упоминается только в одном.

У всех операционных компаний были счета в «Доверительном инвестиционном банке», который принадлежал «ЮКОСу», «Русскому продукту», «Апатиту» и еще нескольким компаниям, связанным с «Group Menatep Ltd». Отсюда суд сделал вывод, что «Инвестпроект» и его предшественники были подконтрольны лично Ходорковскому и Лебедеву.

Если у меня счет в Сбербанке, следует ли из этого, что я подконтрольна лично господину Грефу?

Что же было на самом деле? Фирмы, связанные с «ЮКОСом», расплатились векселями ЮКОСа, векселя обналичили с процентами (то ли 94, то ли 100% векселей), и налоговые органы вернули переплату другим фирмам, связанным с «ЮКОСом», — правопреемникам первых.

В чем же преступление?

Всю переплату суд посчитал ущербом. То есть решил, что 94 равно нулю.

Читайте Оруэлла: «Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре».

Вторая налоговая статья, предъявленная Ходорковскому, — это ст. 198 — уклонение от уплаты налогов с физического лица.

Дело в том, что и Михаил Борисович, и многие его сотрудники были зарегистрированы как ПБОЮЛ (предприниматели без образования юридического лица). ПБОЮЛ мог купить патент за несколько тысяч рублей и больше никаких налогов не платить. В качестве источников своих гонораров Ходорковский указал в налоговых декларациях «консультативные и управленческие услуги». Услуги он оказывал малоизвестным фирмам с острова Мэн («Hinchley Ltd» и «Status Services Limited»), а гонорары составляли сотни тысяч, потом несколько миллионов долларов, пока не превысили максимально возможный для использования патента доход, и от их покупки пришлось отказаться.

При этом зарплата Михаила Борисовича как главы компании по порядку величины совпадала со стоимостью патентов.

Суд решил, что гонорары за консультации и есть настоящая зарплата Ходорковского, и обвинил его в сокрытии налогов.

Предположение, конечно, реалистичное. Особенно учитывая, что в большинстве коммерческих фирм тогда платили вообще черную зарплату, в конвертах, а не серую, как в случае Ходорковского. Причем кое-где до 2005 года, а кое-где и позже.

Но, с другой стороны, консультации специалиста такого уровня вполне могут именно столько и стоить. Да и какие, собственно, услуги он оказывал структурам «ЮКОСа», как не управленческие?

Он так и объяснил, что консультируемая фирма была скорее посредником.

В приговоре есть два аргумента в пользу позиции обвинения, на первый взгляд довольно сильные.

Первый: фирма «Hinchley Ltd» была основана по просьбе школьного друга Ходорковского Владимира Моисеева.

Ну и что? Посредническая же фирма. Клиентов подыскивала для топ-менеджеров «ЮКОСа».

И второй: первоначально Михаил Борисович признался, что зарегистрироваться как ПБОЮЛ ему посоветовали его юристы, но добавил, что консультационные и управленческие услуги оказывал и оказывает различным фирмам, но конкретно каким, когда и за какое вознаграждение, не помнит, поскольку оформлением договоров занимались его помощники.

По версии сторонников, он скрыл названия фирм, которым оказывал услуги, чтобы не ставить людей под удар.

Вряд ли и юристы хотели подставить своего босса и рекомендовали ему что-то незаконное. К тому же тот факт, что Ходорковский зарегистрировался как ПБОЮЛ по совету юристов, еще не означает, что он не давал консультаций.

Если это и доказательства, то косвенные.

Сотрудница налоговой инспекции, которая регистрировала индивидуальных предпринимателей Ходорковского и Шахновского, призналась, что на остров Мэн от налоговиков никто не ездил и информации, предоставленной Ходорковским, не проверял — нет у налоговой инспекции такой возможности.

У следствия такая возможность была: куда только не посылали запросы.

Но не на остров Мэн.

Василию Шахновскому в 2004-м предъявили такое же обвинение.

— Оказание консультаций обкладывалось вмененным налогом, — рассказывает мне Василий Савельевич. — Вмененный налог — это определенная сумма, а не процент.

— То есть было выгодно оказывать консультативные услуги?

— Это был такой закон. Если бы захотели проверить, они бы на этом острове Мэн нашли толстые тома отчетов о проделанной работе. Конечно, никакие налоговые органы ни на какой остров Мэн не ездили. На юридическом языке это называется версия следствия. Но основное обвинение было не в том, что не оказывали консультаций, а что «ЮКОС» уводил, как бы крал, деньги из компании, уводил их за рубеж, и потом этими деньгами расплачивался с тремя десятками своих менеджеров под видом консультаций. То есть деньги перевел и под видом консультаций заплатил этим людям. Никаких доказательств ни вывода этих денег, ни перевода через «Status Services Limited», ни того, что указанные лица не оказывали консультаций, ни одного доказательства, просто ни одного доказательства нет.

Доказательства были такого рода. Шахновский не оказывал услуги «Status Services Limited», потому что еще 20 человек из компании «ЮКОС» заключили договоры со «Status Services Limited». Или доказательством того, что это все туфта, является то, что налоговые документы, которые вложены в налоговый договор и отчет об этом договоре, пронумерованы, имеется сквозная нумерация, а это означает, что все печаталось в одном мес-

те, в одно время и одновременно заполнялось. Вот такие доказательства.

— А никаких документов с острова Мэн, запросов туда, то есть вообще никаких контактов с островом Мэн не было?

— Нет. Никто никого туда не направил. Есть версия, а доказательств не было ни одного. Ни того, что деньги платились, ни того, что они дошли до «Status Services Limited», ни того, что им не оказывали услуги. Единственным документом о фиктивности консультаций было обвинительное заключение.

— Была также версия, что это зарплата, получаемая в «ЮКОСе».

— Версия имеет право на существование, но никаких доказательств ее не существует. Если в 2003 — 2004 году у меня были какие-то на эту тему эмоции, то потом на основании таких же версий людей стали приговаривать к пожизненному. Никаких, никаких доказательств. Ноль! Ноль доказательств причастности Пичугина и Невзлины к убийствам. Это даже для истории с «ЮКОСом» нечто из ряда вон выходящее. По сравнению с этим то, что было с нами — это еще цветочки, бутончики.

Тех же моих читателей, кому все ясно и без доказательств и кто уверен, что Ходорковского надо было примерно наказать за получение серой зарплаты, когда множество людей получали черную, могу успокоить. Один год шесть месяцев по этой статье он отсидел еще до приговора¹.

8 апреля 2005 года в конце первого судебного разбирательства в Мещанском суде адвокат Игорь Михеев передал судебной коллегии документы об уплате друзьями подсудимых \$4,8 млн. в счет предъявленных им налоговых исков. Это сделали партнеры Ходорковского и Лебедева по «Group MENATEP» Леонид Невзлин, Михаил Брудно и Владимир Дубов.

Прокурор Шохин отказался читать эти документы. А представитель ФНС Александра Нагорная заявила, что поскольку подсудимые не подавали новую налоговую декларацию, то «в соответствии с Налоговым кодексом данный платеж имеет статус невыясненного»...

¹ Любопытно, что ИП (Индивидуальный предприниматель, теперь так называется ПБОЮЛ) и сейчас может работать на основе патента. Стоит патент примерно от пяти до сорока тысяч рублей в зависимости от вида деятельности, а работать так можно до годового дохода в 60 миллионов рублей (примерно 2 миллиона долларов). Совершенно законно.

Казалось бы, потеря независимого телевидения — не самая главная из наших потерь. Но, вспоминая историю разгрома НТВ, я испытываю боль почти физическую.

О том, что у нас больше нет выборов, мы вспоминаем раз в четыре года. Тот факт, что у нас больше нет независимого суда, меня, слава богу, пока не коснулся. О том, что у нас отняли свободу собраний, мы вспоминаем раз в месяц, 31-го числа. А вот потеря НТВ пришла непосредственно ко мне домой и ощущается каждый вечер. И остается только вспомнить о том, что как раз в это время в 19:00 когда-то была программа «Сегодня», и ее вел Киселев. Вздохнуть. И выйти в Интернет.

Или включить все-таки по старой памяти раз в полгода, сравнить с контентом в Сети, плюнуть и выключить.

Есть, конечно, РЕН-ТВ, но это остатки прежней роскоши.

Я практически не включала российские каналы пять лет: с 2007-го по 2012-й.

Проблемы у «Мост-банка» Гусинского начались, как у всех — в 1998 году. Но тогда речь об отзыве лицензии даже не заходила, его медиаимперия была нужна на предстоящих выборах, и ее не тронули.

Но летом 1999-го проблемы приобрели другой характер. Все началось еще 30 мая с программы «Итоги» о Ельцинской «семье» и роли в ней Абрамовича, а продолжилось разоблачительными программами НТВ о махинациях главы президентской администрации Александра Волошина и Бориса Березовского с акциями концерна AVVA и банком «Чара».

А 10 июля первый канал нанес ответный удар: вышла аналитическая программа «Время», в которой рассказывалось о долгах НТВ «Газпрому».

15 июля 1999-го СМИ сообщили, что в «Медиа-Мосте» идут налоговые проверки. «Коммерсант» утверждал, что по личному указанию Волошина. Оказалось, что никаких проверок не было. Они начались четыре дня спустя, 19-го, в редакции газеты «7 дней», тоже входившей в холдинг Гусинского.

Тут же кредиторам Гусинского срочно понадобились деньги, несмотря на договоры о пролонгации долга. По иску «Внешэкономбанка» были арестованы счета «Медиа-Моста» и «НТВ-плюс».

Общий долг ВЭБу составлял 61 миллион долларов. Срочно требовалось вернуть 42,2 миллиона.

Осенью ситуация стала только хуже. «Медиа-Мост» поддержал на выборах Лужкова, а не прокремлевское «Единство», и проиграл.

ВЭБ стал требовать долг еще настойчивее. Кроме того, оказалось, что Гусинский должен «Газпрому» около 200 миллионов.

Всю осень главной проблемой империи Гусинского казался долг ВЭБу. «Медиа-Мост» пытался добиться отсрочки через арбитраж, но проигрывал суды один за другим. «Коммерсант» до тошно освящал тяжбу.

В начале декабря «Медиа-Мост» продал «Газпрому» 12% своих акций, но живых денег не получил, поскольку «Газпром» гарантировал долги «Моста» банку «Credit Suisse First Boston», и ему предстояло расплачиваться по этим кредитам.

Тут у «Медиа-Моста» вдруг нашлись деньги, и долг ВЭБу был выплачен. «Источник средств холдинг держит в секрете. Однако наиболее вероятно, что расплатиться с ВЭБом «Медиа-Мосту» помог «Газпром»», — комментировал «Коммерсант».

Возможно, «Газпром» тоже поучаствовал, но был еще один источник. «О том, кто помог деньгами оппозиционному Кремлю медиа-холдингу, мы наверняка узнаем очень скоро», — писал «Коммерсант».

Узнали. В 2005-м, на первом суде над Ходорковским и Лебедевым.

Кредит «Мосту» под залог векселей «Мост-банка» был предоставлен НК «ЮКОС».

Первые транши пошли еще в июле 1999-го. До конца декабря со счетов нефтяной компании было перечислено около 23 миллионов долларов и примерно столько же со счетов трейдера «ЮКОСа» ООО «Грейс». Эти суммы полностью покрывали долг ВЭБу. В 2000-м со счетов другой трейдерской фирмы «ЮКОСа» ООО «Митра» перечислили еще 48 миллионов.

Суд счел это растратой.

Последний транш был 28 апреля 2000-го, примерно на 710 миллионов рублей. Они были перечислены ЗАО «Метамедиа» и потрачены на выкуп векселей «Группы Мост». 2 июня 2000 года ЗАО «Метамедиа» приобрело у ЗАО «Группа Мост» здание в Большом Палашевском переулке в счет погашения этих векселей.

Почему-то последнюю сделку внутри империи Гусинского, к которой Ходорковский вообще не имел никакого отношения, суд счел наиболее предосудительной.

«Однако ЗАО «Метамедиа» и ООО «Группа Мост» являлись подконтрольными Гусинскому В.А. обществами, вследствие чего

данная сделка являлась притворной и была направлена на сокрытие источника денежных средств», — утверждается в приговоре Мещанского суда.

Суд пошел и дальше: «произведенная финансовая операция имела своей целью придание видимости законности происхождения денежных средств, поступивших на счета ООО «Группа Мост»».

Ну конечно, незаконно! Оппозиционному же телевидению! Вот если бы проправительственному — тогда другое дело.

В июле 2001 в рамках дела Гусинского на здание в Большом Палашевском переулке наложили арест.

Тем временем в «ЮКОСе» было решено компенсировать долг «Моста», приняв в счет задолженности то самое здание. Точнее, не само здание — оно было арестовано — а 99,99% долей общества, им владевшего. План мероприятия назывался «Погашение задолженности перед Группой путем приобретения прав на административное здание».

Суд счел это попыткой Ходорковского скрыть растрату.

То есть, дали вы кому-то в долг. Должник ваш обанкротился, и в качестве компенсации вы получили его имущество. Так вот: тот факт, что вы дали ему в долг есть растрата, а то, что часть долга удалось компенсировать... Нет, не угадали, не компенсация. На самом деле, это ваша попытка скрыть растрату. То есть выдача займа — это кража, возврат займа — попытка ухода от ответственности.

Логика Генпрокуратуры иногда поражает. Она настолько отличается от общепринятой, что достойна отдельного исследования. У нас премьер с Луны, он не знает, кто такой Шевчук. И Генпрокуратура, видимо, оттуда же.

Но и это еще не все.

Интересно, что «погашение задолженности» было успешным. В декабре 2002-го здание перешло в собственность одной из структур «ЮКОСа» ООО «ЮМ-Эстейт». «Таким путем Ходорковский М. Б. добился сокрытия части растроченной суммы», — победно заявили в приговоре и сделали вывод: «Ходорковский М. Б. безвозмездно изъял и обратил в пользу Гусинского В. А. 2.649.906.620 рублей».

Впрочем, Михаил Борисович на суде отрицал свою причастность к этому благородному делу: «Общий объем временно свободных средств ОАО НК «ЮКОС» составлял сотни миллионов долларов. Деятельность по их размещению не относится к основной деятельности компаний ОАО НК «ЮКОС» и «ЮКОС-Моск-

ва», а подобные операции, в соответствии с уставом, согласования с председателем Правления ООО «ЮКОС-Москва» или с президентом этой компании не требуют».

Зато подтвердил много позже в переписке с Людмилой Улицкой.

«Так как все-таки на самом деле? — спрашиваю его я. — Вы лично имели отношение к принятию решения о кредитовании «Медиа-Моста»? Насколько это было рискованно?»

«Сделок, связанных с попыткой спасения НТВ, было несколько, — пишет он. — Раскрывать весь набор предпринятых шагов еще не время.

Риск совершения этих действий был исключительно политический. Я убедил Совет директоров «ЮКОСа» его принять. Занимался этим потому, что в данном случае речь шла не просто о размещении свободных средств, а о поддержке независимого телевидения, и для меня было важно не дать ему погибнуть. Замечу — Гусинский сделал все, чтобы расплатиться. Но не все зависело от него».

Так что я не зря приписываю лично Ходорковскому честь кредитования оппозиционного телевидения.

Эпизод с «Мостом» был исключен из приговора кассационным определением Мосгорсуда. То есть, по сути, по эпизоду так называемой «растраты» в пользу «Моста», Ходорковский был оправдан!

Но не подумайте, уважаемый читатель, что так решили потому, что давать займы оппозиционным СМИ вовсе не преступно. Нет, причина была совсем в другом. По мнению суда, перечисленные структурам Гусинского денежные средства были до того похищены Ходорковским (у «ЮКОСа», что ли?), а «лицо, которое незаконно владеет каким-либо имуществом, не может его растратить».

«Медиа-Мост» в конце концов благополучно обанкротили. Юкосовские транши не спасли.

НТВ тоже не устояло.

Весной 2000-го выяснилось, что НТВ не принадлежит «Медиа-Мосту», и банкротить последний большого смысла не имело. А принадлежит НТВ в основном лично Гусинскому, и отобрать у медиамагната строптивый канал законным способом не представляется возможным.

Но в марте 2000-го был избран новый президент России, правила игры изменились на более эффективные, и отсутствие законного способа перестало быть препятствием для власти.

Против Гусинского спешно сфабриковали уголовное дело. Это было первое громкое дело старшего следователя по особо важным делам Салавата Каримова.

Владимир Александрович был арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму, где его сломали за три дня. Там он подписал тайный шестой протокол, где в обмен на свободу обещал по дешевке продать НТВ «Газпрому».

Медиамангата благополучно выпустили в Испанию, а дело закрыли. Зато, когда, оказавшись в безопасной Европе, Владимир Александрович отказался от подписанных в тюрьме обязательств, дело возбудили вновь.

В путинской России уголовное дело, как дверь: хочу — закрою, хочу — открою.

Чтобы неповадно было, Гусинскому к первому делу «Русского видео» добавили еще одно: о неисполнении взятых на себя в тюрьме обязательств.

Но это уже другая история, которая окончилась арестом Владимира Александровича в Испании и отказом в его экстрадиции в Россию.

Гусинскому не повезло. Он был первым: на наивном Западе еще не поняли «ху из мистер Путин», и Владимиру Александровичу пришлось провести некоторое время в испанской тюрьме.

С фигурантами дела «ЮКОСа» уже не были столь строги. В их экстрадиции отказывали почти автоматически, минуя стадию ареста.

ПЕРВЫЙ СУД

14 мая 2004 года дело Ходорковского было передано в суд.

Процесс начался 28-го в Мещанском суде города Москвы. Дело рассматривали сразу три судьи: Ирина Колесникова, Елена Максимова и Елена Клинова. На тройственности суда настоял Генрих Падва: «Трое судей — в три раза лучше, чем одна».

Колесникова, которая с самого начала приняла дело, уже успела вынести обвинительный приговор Василию Шахновскому за неуплату налогов с физического лица, но он расплатился еще во время следствия, так что от наказания был освобожден.

В видеоролике, снятом незадолго до ареста¹, Михаил Ходорковский говорил, что приходит с работы часов в одиннадцать-

¹ <http://www.youtube.com/watch?v=aD8oLhcUN8o&feature=related>.

двенадцать, а спит — по 5 — 6 часов. «Мне хватает», — объяснял он.

Однако в тюрьме признался адвокатам, что только здесь выспался. Выглядит он бодро. Сидит в клетке на жесткой скамье, делает пометки в тетради или читает Ричарда Пайпса — американского специалиста по русской истории, который относит Россию к числу стран, где представление о частной собственности так и не успело сформироваться. Единственным настоящим собственником в Московии был князь, рассказывает ему Пайпс, и с имуществом подданных он имел право поступать как угодно. Хозяина, например, изгнать или в рабство обратить, а имущество отдать на разграбление.

Ходорковский «проглатывает» по книге в день. Уже к середине процесса он признается адвокатам, что получил в тюрьме второе высшее гуманитарное образование.

Он безукоризненно вежлив. Когда хочет обратиться к суду, поднимает руку и терпеливо ждет, когда судьи заметят. Обращается к ним «уважаемый суд» и «Дмитрий Эдуардович», — к прокурору Шохину.

Одет Михаил Борисович в джинсы и темную рубашку с короткими рукавами. В суде душно, и он периодически отпивает воду из пластиковой бутылки.

Рядом с ним Платон Лебедев. Он нездоров и периодически дремлет, опустив голову на прутья решетки, или отпивает из бутылки самодельную простоквашу, которой лечится от гепатита. Но в адрес прокуроров отпускает едкие замечания, иногда совершенно несправедливые: «Я ношу имя великого философа Платона, собрание сочинений которого, я надеюсь, не полностью утащили у меня из дома при обыске».

Нисколько не сомневаюсь, что не утащили. Зачем им?

«Антиконституционная экстремистская организованная преступная группа в составе следователя Генпрокуратуры Каримова, первого замгенпрокурора Бирюкова и их представителя в суде — безнравственного карьериста Шохина по предварительному сговору сфальсифицировала против меня и моего друга Ходорковского юридически несостоятельное обвинение...», — говорит Лебедев.

От последнего слова он откажется, пообещав сказать его в Европейском суде.

Третий подсудимый, Крайнов, под подпиской о невыезде.

Прокуроры зачитывают письменные доказательства.

Почти все эпизоды, за которые Михаил Ходорковский получил первый восьмилетний срок, мы уже рассмотрели.

Остался один, точнее два.

Я не случайно оставила их напоследок, поскольку они очень похожи на обвинения в хищении всей нефти «ЮКОСа», которые фигурировали на втором процессе.

Первый эпизод — это хищение у ОАО «Апатит» всех денежных средств, полученных за счет выручки от реализации его продукции в 1998 — 1999 годах», путем покупки у него продукции по «заниженным» ценам.

Второй эпизод — причинение ущерба путем обмана при отсутствии признаков хищения при реализации той же продукции, тем же методом, но в 2000 — 2002 годах.

Я пока не буду обсуждать вопрос о том, как вообще можно что-либо украсть, купив это. Пока два слова о том, почему одни и те же действия в 1998 — 1999 годах названы «хищением», а в 2000 — 2002 — причинением ущерба при отсутствии признаков хищения.

Это очень просто. Дело в том, что статья 160 — «хищение» — предусматривает максимальное наказание десять лет, а значит, и срок давности по ней — десять лет.

А статья 165 — «нанесение ущерба без признаков хищения» — пять лет, а значит, и срок давности по ней пять лет.

Первый суд выносил приговор в 2005 году.

Поняли?

$2000 + 5 = 2005$. Получается! Можно приговаривать. Укладываемся в срок давности по статье 165.

$1998 + 5 = 2003$. Не получается... двух лет не хватает.

$1998 + 10 = 2008$. Получается! Но по статье 160.

Именно поэтому то, что в 98-м «хищение», в 2000-м — «нанесение ущерба без признаков хищения».

Надо отдать должное «Мосгорсуду»: утвердить подобный приговор у него не хватило бесстыдства, и он все перевел на 165-ю, что на сроке почти не отразилось.

Но о сути.

А суть дела в том, что у ОАО «Апатит», контрольный пакет которого принадлежал структурам Ходорковского, его продукцию — апатитовый концентрат — покупала компания «Апатит-Трейд» и еще несколько торговых фирм, также принадлежащих структурам Ходорковского. И покупала, понятно, дешевле, а продавала дороже. Генпрокуратура сочла, что цена покупки

была заниженной, а на сумму разницы цен был нанесен ущерб. Так как «Апатит» не удалось заставить признать себя потерпевшим, на последнюю роль назначили государство, которому принадлежало 20% акций «Апатита». По мнению обвинителей, в результате занижения цены государство недополучило дивиденды. Кроме того, пострадали миноритарные акционеры, например, господин Кантор. То есть, нанесен ущерб в форме упущенной выгоды.

Причем покупали апатитовый концентрат, понятно, в районе Мурманска, а продавали в западной и восточной Европе примерно вдвое дороже, чем покупали.

Э-э-э... Я даже не знаю, как это комментировать. Мне все вспоминаются румынские сапоги, которые я купила летом 2010-го в Болгарии за 300 рублей на наши деньги. Их в Москве за полторы тысячи влегкую продать. Интересно, кого я при этом ограбила? Болгарского торговца, что ли?

А он рад был.

Почем он-то их купил, интересно...

В общем, если серьезно, Мурманск и Европа, так же как Болгария и Москва, — это разные рынки с совершенно разными ценами, которые сравнивать нельзя.

А в ценовую разницу, как минимум, стоимость доставки входит.

В обвинении утверждалось, что «Апатит» и сам мог продавать свой концентрат, поскольку загружал его в железнодорожные вагоны на своей территории, оформлял перевозочные документы в адрес конечных потребителей и сообщал железной дороге план перевозок. Но о том, кто оплачивал перевозку, почему-то не сказано ни слова.

Мне тоже болгарский торговец сапоги собственноручно в сумку положил, а вот билет на поезд я покупала на свои деньги: около пяти тысяч в один конец.

Итого, реальная цена сапог: $5000 + 300 = 5300$ руб.

Нет, невыгодно ездить в Болгарию за одной парой...

Структуры Ходорковского покупали апатитовый концентрат в городе Апатиты Мурманской области по 29 долларов за тонну, а продавали в Европе по реальной цене 53,25 долларов США. Думаю, потому что оптом. Поэтому такая маленькая разница.

Была проведена и приобщена к делу бухгалтерская экспертиза, из которой следовало, что при реализации апатитового концентрата ОАО «Апатит» без посредников по закупочным ценам

заводов-потребителей и при реализации на экспорт по цене 45 долларов за тонну на условиях FOB Мурманск, чистая прибыль ОАО «Апатит» увеличилась бы на несколько миллиардов.

Что такое условия поставки FOB, легко найти в Википедии. Это когда поставщик за свой счет довозит товар до порта, платит таможенные пошлины и оплачивает погрузку. А после этого все риски и дополнительные расходы по перевозке ложатся на покупателя.

Не знаю, можно ли довести апатитовый концентрат в Европу по цене $53,25 - 45 = 8,25$ (восемь целых, 25 сотых) долларов за тонну, если на доставке Апатиты — Мурманск плюс таможенные пошлины, плюс погрузка, можно накрутить $45 - 29 = 16$ долларов за тонну...

От города Кировска, где находится ОАО «Апатит», до Мурманска 205 км, а от Мурманска до Европы — несколько тысяч.

Странно, конечно... да ладно, не буду спорить с экспертами.

Но даже если тонну апатитового концентрата можно довести из Мурманска до европейского потребителя удобрений за 8,25 долларов за тонну, в любом случае еще надо найти покупателя, который возьмет на себя риски морских перевозок. А для этого ОАО «Апатит» должно держать своих эмиссаров в Европе или, по крайней мере, оплачивать им командировки.

В приговоре сказано, что до прихода команды Ходорковского ОАО «Апатит» именно так продукцию и реализовывало, без всяких посредников.

И оказалось на грани разорения. Так что его пришлось приватизировать.

— Насколько верны мои рассуждения? — спрашиваю у Михаила Борисовича.

— Я — не торговец, — пишет он, — и уж тем более не торговец апатитовым концентратом. Платон разбирается лучше. Все остальное — верно. Но еще надо помнить, что в 1994 — 1996 гг. (когда я занимался «Апатитом») ставки по кредитам для русских компаний были весьма и весьма высоки, а продукция при экспорте оплачивалась иностранными покупателями лишь после доставки. Российские же заводы платили далеко не сразу и далеко не всегда.

В этом эпизоде есть еще одна пикантная деталь. Собственно, я не могу понять, почему Михаил Борисович не был признан потерпевшим по этому делу.

Ведь по версии следствия он украл у государства 70% пакет акций ОАО «Апатит», а в торговых фирмах «Апатита» через ком-

панию «Фосагро» и «Menatep Group» ему принадлежало около 50%. Итого он обманул сам себя на 20% прибыли.

По статье 165 УК РФ за нанесение ущерба в форме упущенной выгоды суд приговорил его к трем годам лишения свободы.

И, как всегда, первое дело по сравнению со вторым есть эталон формальной логики.

До второго мы еще дойдем.

Тем временем шло планомерное уничтожение «ЮКОСа»: активы распродавались, менеджеров арестовали или выдавливали за границу. В декабре была арестована мать двоих детей, заместитель начальника правового управления ООО «ЮКОС-Москва» Светлана Бахмина.

12 января 2005-го в Мещанском суде выступал Михаил Ходорковский.

— Я давно уже не переживаю за свою собственность и судьбу, — сказал он. — Думаю, меня признают виновным в чем угодно, даже в поджоге Манежа, но хватать и сажать простых сотрудников «ЮКОСа», тем более женщину, имеющую малолетних детей, — явно перебор. Утверждениями о хищении миллиардов долларов при продаже «ЮКОСом» нефти Генпрокуратура не только воздействует на суд, но и опять подставляет себя и страну. Доверие же мое к российскому правосудию подорвано в связи с решениями судов по делу «ЮКОСа». Например, решением Басманного суда об аресте счетов «ЮКОСа» по причине того, что главный бухгалтер «ЮКОСа» похитила деньги этой нефтяной компании и хранит похищенное на счетах предприятий «ЮКОСа». Или — решением арбитражного суда о том, что за четыре года «ЮКОС» уклонился от уплаты налога на прибыль на сумму, превышающую объем прибыли «ЮКОСа» за эти годы.

Через два дня объявили, что против Ходорковского и Лебедева возбуждено новое уголовное дело об отмывании денег, то самое, которое в 2009 — 2010 годах будет рассматривать Хамовнический суд.

Первый суд был фактически завершен 11 апреля 2005 года. На 27-е назначили оглашение приговора. Во время процесса заслушали 76 свидетелей обвинения и 4 свидетеля защиты. «Нам в принципе было очень трудно найти желающих выступить в защиту Ходорковского. Все боялись такого выступления, в чем откровенно признавались, когда мы об этом их просили. Некото-

рые сначала соглашались выступить, а потом отказывались», — объяснял Генрих Падва.

11-го зал суда был заполнен до отказа. С последним словом выступал Михаил Ходорковский. «Полтора года назад вооруженные люди задержали меня и отказались выпустить под залог», — сказал он. Их целью было «планомерное уничтожение «ЮКОСа»».

Процесс «затеяли определенные влиятельные люди с целью забрать процветающую компанию, а точнее — ее прибыль». Его задержание в шесть раз увеличило бегство капитала, «доморощенная бюрократия нанесла урон государству», и «пусть полнота ответственности ляжет на тех, кто это затеял».

«Два года обысков, захват заложников путем арестов, но обвинение не смогло найти наличие тайных противозаконных деяний, чтобы говорить о существовании криминальной группы», — сказал он. В деле нет ни одного документа, равно как и свидетельских показаний о получении им и Лебедевым незаконных средств. «Два года бесчеловеческих трудов генеральной прокуратуры и нулевой результат».

«Многие мои коллеги брошены в тюрьму, фактически превращены в заложников», — сказал Ходорковский и добавил, обращаясь к ним: «Спасибо вам за все, я с вами, я всегда буду поддерживать вас!» И попросил судить его без снисхождения.

Он поблагодарил родителей и жену за терпение и поддержку и извинился «за потраченные нервы».

Публика аплодировала стоя.

27 апреля оглашение приговора Ходорковскому и Лебедеву перенесли на 16 мая.

«Суд, по всей видимости, просто не успел написать приговор», — прокомментировал Генрих Падва.

Адвокат Ходорковского Каринна Акоповна Москаленко считает иначе: «По первому делу, по всей видимости, был вынесен один приговор, и в день, когда его должны были оглашать, вдруг сообщили, что будет написан другой. То есть сообщили, что на подготовку приговора уйдет даже больше времени, чем было затрачено. И, когда суд оглашал его, видно было, что его пишут по пути».

За три дня до начала оглашения приговора прокуратура заявила, что планирует предъявить Ходорковскому новые обвинения. На этот раз в отмывании денег... путем выплаты дивидендов.

Это обвинение предъявят более года спустя, и оно будет рассматриваться на втором процессе.

А тогда, в 2005-м, журналисты назвали его «обвинением на случай оправдания» придуманным только для того, чтобы оставить Ходорковского в тюрьме независимо от приговора.

16-го, в первый день оглашения приговора, сторонники Ходорковского организовали пикет у стен суда. Пришли Ирина Хакамада, Гарри Каспаров, Валерия Новодворская, Сергей Митрохин, Илья Яшин, активисты «Обороны», «Яблока» и организаций помельче. Пикет был разрешен до 14:00. В 14:00 пикетчики плакаты свернули, но разойтись отказались. В результате около 50 человек было задержано. В том числе Сергей Митрохин, которого избили и поместили в милицейскую машину.

Противники подсудимого тоже присутствовали в количестве человек пяти, но их почему-то никто не тронул.

На второй день территория вокруг Мещанского суда была оцеплена. Сторонников Ходорковского туда больше не пускали даже по повесткам в Мещанский суд по делам об административном правонарушении. Зато противников Ходорковского вдруг оказалось под три сотни. И за оцепление их, понятно, пускали.

Один из них признался корреспонденту «Коммерсанта», что за участие в пикете им обещали по 300 рублей на брата.

На третий день чтения приговора 18 мая трое адвокатов — Падва, Шмидт и Краснов — вышли из зала в знак протеста. «За свою сорокалетнюю адвокатскую карьеру я впервые столкнулся со столь грубым извращением показаний свидетелей в угоду обвинению», — прокомментировал Юрий Шмидт.

23 мая, через неделю после начала оглашения приговора, на Каланчевской улице, где расположен Мещанский суд, начали дорожные работы. Так что пикетчики, поддерживавшие подсудимых, были вынуждены стоять в нескольких сотнях метров от здания, даже если пикет был разрешен. Адвокаты бросали машины в соседних переулках и едва не опаздывали на заседания.

«В России две беды — дураки и дороги. Ходорковский уже заставил отремонтировать дороги. Осталось справиться с дураками», — шутили пикетчики.

25 мая, на восьмой день чтения приговора, адвокат Платона Лебедева Елена Липцер заявила журналистам, что оценивать его с точки зрения права бессмысленно: «Многословие направлено на то, чтобы показать значимость и якобы справедливость приговора. В действительности же это фарс и расправа над нашими

подзащитными». А адвокат Лебедева Константин Ривкин заявил, что в приговоре звучат «аргументы обвинения, которые были опровергнуты в ходе многомесячного судебного разбирательства».

Приговор закончили читать 31 мая. Ходорковский и Лебедев были приговорены к 9 годам колонии общего режима.

Канадский адвокат Ходорковского Роберт Амстердам заметил, что аргументы защиты не были учтены в приговоре вовсе. Словно адвокаты и не выступали в суде.

«Подсудимые слушали приговор спокойно. Даже когда были оглашены сроки, Михаил Ходорковский не изменился в лице. На лице Платона Лебедева застыла легкая ироническая улыбка», — писал «Коммерсант».

Судья спросила, понятен ли им приговор. «Приговор понятен. Считаю его просто памятником басманному правосудию», — громко, на весь зал сказал Ходорковский.

Лебедев заявил, что приговор ему непонятен. На что судья беспристрастно еще раз зачитала статьи и срок.

Один из журналистов выбежал из здания суда к пикетчикам из группы «Совесть» и «Обороны», которые поддерживали Ходорковского, сказал только три слова: «Ходорковскому — девять лет» и убежал обратно.

Женщины в пикете заплакали. Потом все на удивление дружно кричали «Позор!»

А в суде три часа читали определение по эпизоду с акциями «Апатита», по которому истек срок давности. Жена Ходорковского Инна пришла на заседание в темных очках и незаметно вытирала глаза, Марина Филипповна подседа к ней, обняла и пыталась успокоить.

Наконец судья спросила подсудимых, понятно ли им определение. «Это еще один монумент басманному правосудию», — сказал Ходорковский. «Ваше преступление мне понятно!» — сказал Платон Лебедев.

«Мы категорически не согласны с приговором во всех его частях», — заявил от имени всех адвокатов Генрих Падва и пообещал обжаловать его в кассационной инстанции.

Генпрокуратура выразила удовлетворение приговором.

А адвокат Антон Дрель зачитал журналистам заявление Ходорковского: «Несмотря на очевидное отсутствие доказательств моей вины, суд решил отправить меня в лагерь. Я понимаю, какому давлению подвергалась судья Ирина Колесникова. Сегодня миллионы наших сограждан увидели, что, несмотря на за-

явление высшего руководства страны об укреплении правосудия, надеяться пока не на что. Это стыд, позор и беда нашего государства».

«Мне известно, что судьба приговора по моему уголовному делу решалась в Кремле. Я не признаю себя виновным. И для меня принципиально добиться справедливости на родине».

«Свобода — это внутреннее состояние человека, и я считаю себя истинно свободным, в отличие от моих врагов. Именно мои недоброжелатели, которым по ночам снится обуреваемый жадной мести Ходорковский, обречены всю оставшуюся жизнь трястись над украденными активами «ЮКОСа». Это они глубоко несвободны и никогда свободными не будут. Их жалкое существование — вот подлинная тюрьма».

Журналисты ждали у входа родственников подсудимых. Но они покинули здание через служебный вход. Вышли только родители Ходорковского. «Я потеряла сына в тот день, когда выбрали Путина», — сказала Марина Филипповна.

9 июня адвокаты подали кассационные жалобы в Мосгорсуд. Они просили отменить приговор и полностью оправдать их подзащитного.

Приговор просили отменить по некоторым эпизодам за отсутствием состава преступления, по другим — в связи с непричастностью к ним. Но была и вовсе экзотика: отсутствие события преступления. «Это настолько редкое сочетание, что все эти мотивировки подходят к ситуации, что мы думали, как лучше составить жалобу и что применить», — прокомментировал Генрих Падва.

15 июня адвокаты Михаила Ходорковского и Платона Лебедева дали пресс-конференцию. «Я себя так воспитал, что должен уважать то дело, которому служу, то есть правосудие, — сказал Генрих Падва. — Поэтому я обычно не критикую суд, который должен быть вершиной правосудия. Но ужас в том, что то, что произошло в Мещанском суде, находится за пределами правосудия. Суд вел себя так, что согласился бы с обвинением, даже если оно сказало бы, что дважды два восемь, пусть даже защита говорила бы, что дважды два четыре». На следующий день, 16 июня, Михаил Ходорковский передал администрации СИЗО жалобу на приговор.

Он писал, что невиновен, и просил Мосгорсуд дать понять «кремлевским чиновникам и обществу», что политический заказ «не может служить основанием для вынесения неправосудного приговора, основанного на абсурдном толковании закона,

предположениях, необоснованных умозаключениях и даже прямой фальсификации».

Он писал, что это прецедент, который может окончательно разрушить «правовую систему страны, репутацию России и ее правосудие».

«Я свой долг перед страной выполнил, — заключил он, — остался, потеряв все. Выполните и вы».

Неужели наш долг перед страной в том, чтобы приносить ей себя в жертву?

Да и не ей, а тем правителям, которых она по неразумию и лениности выбирает.

ТЮРЕМНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

«ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ»

1 августа 2005 года в газете «Ведомости» вышла новая статья Михаила Ходорковского «Левый поворот».

Идеологически она вполне в русле «Кризиса либерализма в России», но речь идет и о корнях путинского авторитаризма. Именно в выборах 1996-го Ходорковский и видит корень зла.

Примерно в этот период или чуть позже и началась наша переписка. И я с ним спорила. «Корень Путинской диктатуры лежит в 1993 году, — писала я. — И дело даже не в расстреле парламента, а в той конституции, которую тогда приняли.

Я помню первый съезд движения «Демократическая Россия». 1990 год. Мне посчастливилось перекинуться парой слов в кулуарах с Олегом Румянцевым. Я тогда думала: «Вот это да! Я беседую с автором новой российской конституции!»

Как бы не так!

Я не помню подробностей той конституции, помню, что была хорошая. По крайней мере, ничто не вызвало у меня резкого неприятия.

А в 1993-м... Я же ее с карандашиком прочитала. И все прекрасно поняла. И даже не могу оправдываться тем, что чего-то не знала. Понимала, что документ отвратительный. ультрапрезидентская конституция, в которой уже заложен будущий переход к авторитаризму. Но бывшая, советская, казалась еще хуже, а другой альтернативы не было. И я проголосовала «за».

В статье Михаил Борисович вспоминает обращение «Выйти из тупика!», которое подписал в марте 1996-го вместе с еще двенадцатью крупнейшими предпринимателями, в частности Гусинским и Березовским. Я уже упоминала это письмо.

Авторы его призывали к политическому компромиссу с левыми.

«Идея письма была очень проста, и, самое главное, мы в нее верили, — пишет Михаил Ходорковский в статье «Левый по-

ворот». — Президентом России должен оставаться Борис Ельцин — как гарант гражданских свобод и человеческих прав. Но премьер-министром, причем, несомненно, с расширенными полномочиями, должен стать глава КПРФ. Потому что экономическая и социальная политика не могут не «покраснеть» — иначе «послевыборная война», как говорилось в тексте обращения, неизбежна. Нужен левый поворот, чтобы примирить свободу и справедливость, немногих выигравших и многих, ощущающих себя проигравшими от всеобщей либерализации».

«Была избрана другая стратегия, — пишет он. — Многомиллионные вложения и машина безграничных манипуляций общественным мнением во имя победы Ельцина».

«Потом стало ясно, что и преемственность власти в 2000 г. нельзя обеспечить без серьезного отступления от демократии. И так возник Владимир Путин с уже начавшейся второй чеченской войной на плечах и политтехнологическим сценарием, призванным обеспечить «стабильность во власти — стабильность в стране»».

«Новое поколение кремлевских кукловодов просто решило, что для выживания режима необходим гигантский блеф». Надо сделать вид, что они отвечают на вопросы «застывшей в неизменности с 1995 года повестки дня» и о том, кому досталась приватизированная собственность и почему «люди, не блестящие ни умом, ни образованием, заколачивают миллионы, а академики и герои, мореплаватели и космонавты оказываются ниже черты бедности», «почему, когда мы жили в плохом Советском Союзе, нас уважал или, во всяком случае, боялся весь мир, теперь же, в дни свободы, презирают как недоумков и наглых нищих», «разве заслужили мы правителей вдесятеро более циничных и стократ более вороватых, чем партийные бонзы» и «Где мы? В какой точке мира? И есть ли тут хоть какой-то постоянный источник света?»

«Этот блеф и стал основным содержанием проекта «Путин-2000», — пишет Ходорковский. Путинская «стабильность» иллюзорна, и «кризис назрел»:

«Социальные взрывы случаются не там, где экономический крах, а где пришла пора распределять плоды экономического подъема. Не там, где все более или менее равны в нищете, а где 1% богатых и 9% относительно благополучных материально и психологически резко оторвались от 90% бедных и — что еще более важно — униженных».

«Кремлевские политтехнологи опять — и еще тверже — знают, что этот государственный курс может сохраниться только антидемократическим путем. Что на честных выборах неизбежно победят левые. Потому и закручиваются гайки, и монополизируется телевизионный эфир, и избирательный закон меняется в направлении полного неучастия в выборах всех партий, кроме тех, которые на 102% подконтрольны президентской администрации».

Ценности жителей России — левые. Они за бесплатное образование, достойные пенсии, возврат дореформенных сбережений и вместе с тем за возвращение к выборам губернаторов и восстановление института депутатов-одномандатников.

«Это и есть, собственно, программа следующей российской власти: государственный патернализм и демократия, свобода и справедливость — вместе, по одну сторону баррикад», — пишет Ходорковский.

«... ресурс постсоветского авторитарного проекта в России исчерпан. Во-первых, потому, что ему противостоит народ, который ареста счетов не боится — в силу их отсутствия, — а свой выбор уже готов делать не по рекомендациям официальных СМИ, а по зову собственного исторического нутра. Во-вторых, чтобы в таком проекте идти до конца, нужны Ленин со Сталиным, на худой конец — Троцкий: люди, бесконечно уверенные в собственной правоте, не мотивированные ничем, кроме своей идеологии и легитимированной ею власти, готовые за эту власть умирать и убивать. В Кремле сегодня таких людей нет и быть не может: интересы и жизненные устремления нынешних российских руководителей — к счастью и для них, и для остальной России — слишком меркантильны и буржуазны, чтобы можно было представить их в роли кровавых палачей и вешателей. Говорю об этом как человек, только что получивший от них девять лет тюрьмы».

«Новая российская власть должна будет решить вопросы левой повестки, удовлетворить набравшее неодолимую силу стремление народа к справедливости. В первую очередь — проблемы легитимации приватизации и восстановления патерналистских программ и подходов в ряде сфер. Заниматься этим придется даже в том случае, если следующим президентом будет либеральный Михаил Касьянов или прямой путинский преемник — скажем, Сергей Миронов. Иначе государство взорвется, энергия протеста прорвет слабую оболочку власти».

Все-таки Михаил Борисович непробиваемый оптимист. Ну какая на болоте энергия протеста?

Пиар-проект «Путин» прекрасно здравствует до сих пор, даже с легкой примесью пиар-проекта «Медведев». Вместо «восстановления патерналистских программ» оказалось достаточно «национальных проектов» вполне пропагандистского свойства. Ну и чуть-чуть крошек с барского стола.

И то, в основном, в Москве.

Мне это напоминает старый советский анекдот. Едет Брежнев в поезде. Неожиданно поезд останавливается и машинист докладывает, что впереди разобраны пути. «Окна занавесить, вагон раскачивать — создадим иллюзию движения», — командует Леонид Ильич.

Современные российские власти явно взяли метод на вооружение.

Да, они не кровопийцы, конечно. Кровопийство для них факультативно, только когда иначе украсть нельзя.

И нам остается восславить горные лыжи, благословенный Куршевель и прочие европейские курорты за то, что Путину далеко до Сталина и даже Брежнева, и окна занавешены неплотно.

ДОВЫБОРЫ И МОСГОРСУД

Примерно через неделю после публикации «Левого поворота» 9 августа 2005 года Михаила Ходорковского перевели из специзолятора 99/1 в специзолятор 77/1 той же тюрьмы «Матросская тишина» из камеры на 5 человек в камеру на 11 человек, без холодильника, телевизора и доступа к свежей прессе.

ФСИН объяснила переселение, понятно, ремонтом. Правда, корреспонденты «Коммерсанта» тут же раскопали, что ремонт косметический и остальных сидельцев специзолятора почему-то переводят из камеры в камеру, а не в другой СИЗО.

Одновременно из тюремной больницы в общую камеру перевели и Платона Лебедева. В больнице, по странному совпадению, тоже начался ремонт.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что новая камера Ходорковского рассчитана вовсе не на 12 человек, а на 18-20, а сидят в ней вместе с Михаилом Борисовичем всего 14, так что там «вполне приемлемые условия» — отчитался перед прессой глава ФСИН Юрий Калинин.

С Ходорковским встретился его адвокат Юрий Шмидт и передал, что узник ни на что не жалуется и никогда и не претендовал на то, чтобы как-то отличаться от других.

10 августа на сайте пресс-центра адвокатов Ходорковского появилось заявление Михаила Борисовича о том, что он собирается участвовать в довыборах в Госдуму по Университетскому округу на освободившееся место депутата Михаила Задорнова, который ушел на работу во Внешторгбанк.

«Совершенно убежден, что избраться мне не дадут, — писал Ходорковский. — Но если я получу обращения людей, мнения которых для меня имеют значение, я соглашусь, зная при этом, во-первых, что избраться не дадут, во-вторых, что последуют новые репрессии».

Юридических препятствий для его выдвижения не было. Приговор был обжалован и еще не вступил в законную силу. Но после рассмотрения кассации Мосгорсудом и подтверждения приговора он тут же терял право быть избранным.

Шансы в случае регистрации кандидатом в депутаты были, и неплохие. В интеллигентском Университетском округе неизменно побеждали кандидаты демократической ориентации. Например, ушедший в банковский бизнес Михаил Задорнов шел от «Яблока».

23 августа о поддержке Ходорковского заявили Ирина Хакамада и зампред партии «Яблоко» Сергей Иваненко.

В тот же день стало известно, что Михаил Ходорковский объявил сухую голодовку в знак протеста против помещения в карцер его друга Платона Лебедева. И собирается держать голодовку, пока Лебедева не выпустят из ШИЗО.

Карцер. Или штрафной изолятор. ШИЗО. Камера площадью около трех квадратных метров, холодная, полная насекомых, обычно с бетонным полом. Высокий Платон Лебедев даже лежа на шконке не мог вытянуться во весь рост. А днем койку убрали и пристегивали к стене, так что тяжело больному заключенному приходилось сидеть на четырнадцати томах судебных протоколов, выданных ему для изучения.

Платона Леонидовича заключили в карцер еще 18 августа за отказ от прогулок. «Но Платон тяжело болен и более года не в состоянии выходить на тюремные прогулки, — писал Ходорковский. — Моего друга бросили в карцер с тем, чтобы отомстить мне за мои статьи и интервью... Но пусть он знает, что он не один».

В прессе начали активно обсуждать, когда именно Ходорковского начнут кормить принудительно с помощью зонда.

Как Андрея Сахарова.

На следующий день у стен «Матросской тишины» была акция солидарности с Михаилом Борисовичем. Пришли правозащитники, участники группы «Совесть», Гарри Каспаров, Лев Пономарев. Собралось около 200 человек. Люди держали портреты Ходорковского с надписями «Нет тюремному произволу!» и «Расправа продолжается!».

Приехала милиция. Майор через громкоговоритель просил разойтись. «Это — и не пикет, и не митинг, — объясняли собравшиеся. — Это собрание сочувствующих людей, некоторые из которых носят с собой портреты Ходорковского, как милиционеры — погоны на плечах». Пока милиционеры ждали подкрепления, акция закончилась, и никого не потребовалось разгонять. Но участники обещали собираться регулярно до конца голодовки.

В тот же день представители ФСИН заявили, что никакой голодовки нет, поскольку Ходорковский не писал о ней заявления. Оказывается, он должен был подать заявление в администрацию СИЗО с указанием цели голодовки.

Кроме того, он регулярно получает посылки из дома и отovarивается в тюремном лотке. 23 августа, например, на 4 тысячи 200 рублей.

И в камеру еду дают, и несъеденного не остается.

Так как голодовки как бы нет, то и контролировать здоровье Ходорковского, и кормить его принудительно никто не собирается.

«Выглядит он плохо, — рассказывал журналистам Антон Дрель. — Он ведь с 19 августа на сухой голодовке. Не сообщал о ней, потому что надеялся, что Лебедева все же не станут держать в карцере. У него не было претензий к изолятору, поскольку решение о переводе Лебедева в карцер исходило не от администрации, а принималось сверху». И потому он не подал заявление о голодовке.

А может быть, просто не знал, что нужно подавать заявление. Это его первая голодовка.

Он все учтет.

Больше их не будут подвергать сомнению.

А по поводу посылок из дома и покупок в ларьке он передал через адвоката Дреля: «Пусть родные ребят, которые находятся со мной в камере, знают: они будут питаться нормально».

В тот же день «Союз правых сил» принял заявление, где призвал Ходорковского прекратить голодовку и «сохранить свои силы в интересах России и демократии».

25 августа Михаила Борисовича все же обследовали тюремные врачи.

И во всем признались: у осужденного «зафиксировано обычное состояние, характерное при сухой голодовке».

Что это за состояние, пояснил Генрих Падва: «Когда я его видел в последний раз, он невнятно говорил, его вело, была некоторая заторможенность».

Вечером того же дня 25 августа Платона Лебедева выпустили из карцера и перевели обратно в общую камеру.

В тот же день Михаил Ходорковский, как и обещал, прекратил голодовку. Но тюремная еда ему была противопоказана. После голодовки можно только воду. Иначе — смерть.

Не успел Лебедев прийти в себя после карцера, а Ходорковский — выйти из голодовки, как стала известна дата рассмотрения их кассации в Мосгорсуде: 14 сентября. За две недели суд должен был ознакомиться с 450 томами уголовного дела и 15 томами судебных протоколов...

Суд «изучил» их за пять дней.

31 августа на сайте пресс-центра Михаила Ходорковского появилось его обращение к избирателям.

Оказывается, его поддерживали Томск, Новосибирск, Ульяновск — везде ему предлагали избираться в органы власти в этих регионах.

«Все, кто не побоялся сегодня поддержать заключенного Ходорковского, продемонстрировали, что в регионах России, вопреки домыслам циничных и сытых кремлевских глашатаев, отнюдь не утрачены гражданское мужество и подлинное человеческое благородство, — пишет он в обращении. — Я знаю это по многим тысячам писем, приходящим ко мне. Теперь — получил еще одно яркое подтверждение. И потому, без преувеличения, счастлив. Ваша позиция помогает мне жить и бороться в тюремной камере».

«В нашей общей борьбе я очень рассчитываю на живую энергию, талант и смелость российской глубинки. Но чтобы мои слова были действительно услышаны всей Россией и всем миром, я должен баллотироваться — в Москве».

И обещает, что после освобождения его первые поездки будут в Томск, Новосибирск и Ульяновск.

Он борется «не за пропуск в депутатскую столовую и не за кабинет в Охотном ряду. А за право каждого жителя России заявить во всеуслышание: нынешний кремлевский режим исчерпал себя, и дни его сочтены. На смену распадающейся, разлагающейся путинщине должно прийти новое поколение лидеров, думающих не о позорном месте у номенклатурной кормушки, а о судьбе России в третьем тысячелетии».

Вы вдумайтесь! Это пишет человек, который находится в полном распоряжении этого режима, в полной его власти. И ему предстоит кассационное рассмотрение в суде, полностью подконтрольном тем, с кем он решил бороться.

В тот же день было объявлено о создании инициативной группы по выдвижению Ходорковского.

Состав группы получился просто безумным: секретарь политсовета СПС Борис Надеждин, лидер НБП Эдуард Лимонов, журналист Сергей Доренко, член политсовета СПС Владимир Кара-Мурза, лидер партии «Наш выбор» Ирина Хакамада и член партии «Яблоко» Алексей Мельников.

Объединение яблочников с членами СПС еще можно понять, хотя до этого они не объединялись ни в какую. Но с ними Лимонов, левее которого только стенка! И Ходорковский смог их объединить. Только своим именем.

В его поддержку рассчитывали собрать более 100 тысяч подписей.

«Мы люди разных взглядов, разных идеологий, — объяснили участники инициативной группы. — Однако все мы считаем, что нынешняя власть ведет Россию дорогой разложения, распада и исторического краха. И потому поддерживаем Ходорковского как одного из самых ярких и мужественных оппонентов этой власти... Мы не сомневаемся, что Ходорковский, если будет зарегистрирован кандидатом в депутаты, выиграет выборы».

На следующий день, 1 сентября, обращение Ходорковского к избирателям с сайта пресс-центра перепечатал «Коммерсант»¹.

Довыборы в Госдуму были назначены на 4 декабря.

7 сентября Михаил Ходорковский направил в окружную избирательную комиссию уведомление о намерении участвовать в выборах. Уведомление было подано через спецчасть СИЗО.

12 сентября адвокаты просили перенести дату кассационного рассмотрения в Мосгорсуде. Оказывается, дело ушло туда

¹ Газета «Коммерсантъ», № 163 (3247) от 01.09.2005.

только на прошлой неделе, и адвокаты так и не получили из Мосгорсуда никаких уведомлений о том, что оно принято к рассмотрению.

В тот же день адвокат единственный адвокат Ходорковско-го, который имел право принимать участие в кассационном разбирательстве, — Генрих Падва — попал в больницу.

Мосгорсуд проявил истинное великодушие и отложил рассмотрение кассационной жалобы Ходорковского... На неделю.

Михаил Борисович сказал, что не готов защищать себя сам, без адвоката. «Мещанский суд ограничил защиту во времени для подачи дополнений и замечаний на приговор, и адвокатам пришлось работать с ним (приговором) по частям, — объяснил он. — Возможно, только Генрих Павлович сможет полно представлять мои интересы в кассационной инстанции Мосгорсуда. Я считаю, что без участия адвоката, полно знающего дело, рассматривать жалобы невозможно».

Прокурор Шохин тут же обвинил защиту в затягивании процесса.

Это действительно было выгодно Ходорковскому, который стремился успеть зарегистрироваться кандидатом в депутаты, а его заявление все еще лежало у начальника СИЗО.

Была и еще одна причина. 21 сентября истек срок давности по делу НИУИФ.

Сам Падва сообщил, что его госпитализировали в связи с «подозрением на онкологическое заболевание» и «резким обострением». «Меня не интересует, как там выстраиваются спекуляции в генпрокуратуре, — заявил адвокат. — Это не сказки, а факты. На самом деле я давно уже должен был уехать в Израиль и там прооперироваться».

19 сентября выяснилось, что в три камеры на этаже Ходорковского, на полчаса в каждую, втолкнули инфекционного больного. По странному совпадению, в одной из этих камер сидел Платон Лебедев, а в другой — Михаил Ходорковский. В результате в этих камерах был объявлен карантин, и к Михаилу Борисовичу не допустили адвокатов. Так что в день кассационного рассмотрения он ничего не знал ни о ходе болезни Падвы, ни о том, сможет ли Генрих Павлович принять участие в заседании, ни о том, кого он рекомендует вместо себя.

Зато знали прокуроры и представили суду справку о том, что Падва проболел не менее месяца.

Ходорковский попросил разрешения посоветоваться с адвокатами Дрелем, Дятлевым и Левиной и спросить, соответству-

ет ли справка действительности и кого из них рекомендует Генрих Падва.

Адвокаты присутствовали в зале, но разрешения не дали. Их просто назначили защитниками. Михаил Борисович пытался возражать, говоря, что они, увы, не обладают уникальными способностями судей Мосгорсуда и не смогут за столь короткий срок изучить 450 томов дела.

Но его не слушали.

Адвокатов назначили против его воли.

Зато теперь он смог с ними посоветоваться.

Справка действительности не соответствовала. Генрих Падва обещал появиться к концу недели, а вместо себя рекомендовал Юрия Шмидта, который пребывал то ли в родном городе Петербурге, то ли в городе Копенгагене.

Так что заседание пришлось перенести еще на день.

А потом еще на один день. В итоге слушания назначили на четверг 22 сентября.

В четверг присутствовал и Генрих Падва, отказавшийся ради этого от операции, и срочно прилетевший в Москву Юрий Шмидт, который был назначен как государственный адвокат (по ст. 51 УПК РФ¹).

Защитники просили отложить заседание еще раз, чтобы иметь возможность встретиться с подзащитным в СИЗО, куда их так и не пустили.

Сам Ходорковский просил отложить заседание на восемь недель, чтобы успеть изучить оставшиеся документы, из которых прочитал только четвертую часть.

Суд отказал и ему, и защитникам.

Еще успели выступить адвокаты Генрих Падва и Юрий Шмидт. Первый говорил о нарушениях в ходе процесса, второй — об эпизоде с неуплатой налогов с физического лица.

Михаил Борисович успел рассмотреть эпизод с кредитованием компании «Мост» и произнести свою знаменитую речь «Меня признал виновным не суд, а группа бюрократов», на которую сейчас в «Яндексе» более 180 тысяч ссылок:

«Заказчики и организаторы уголовного дела против меня пытаются убедить общество в том, что разобраться в этом деле, как говорится у нас в стране, «без пол-литра» невозможно. А значит, остается только верить суду.

¹ Статья об обязательном участии защитника в уголовном судопроизводстве, в частности, если обвиняемый не отказался от адвоката.

Я достаточно легко докажу, что в моем деле разобраться просто.

Понять, что я невиновен — просто. Виновным меня признал не суд, а группа бюрократов, которая убедила власть в необходимости ограничить финансирование оппозиции, а заодно пытается получить приз в виде кусков «ЮКОСа» — лучшей, крупнейшей компании страны. Мещанский суд только озвучил решение этих лиц, не имеющих никакого отношения к судебной власти и позорящих Россию¹.

Он еще успел вкратце остановиться на каждом из эпизодов.

«Кремлевские чиновники приходят и уходят, — в заключение сказал он. — Те, кто растаскивает «ЮКОС» и дает суду незаконные приказы, — тоже не вечны. Уже через несколько лет они уедут на запад доживать жизнь. Это бессовестные люди, для которых ни честь, ни совесть, ни закон, ни Родина ничего не значат. Не хотелось бы, чтобы мы ради сиюминутных интересов нескольких бюрократов уничтожили репутацию суда, всей российской судебной системы, всей нашей власти в конечном итоге. Давайте вместе подумаем о будущем — о тех людях, которые придут после нас и будут судить о нас, о нашем поколении по тому, что происходит сегодня».

Грядущий потоп, как всегда, никого не интересовал.

Кассацию рассмотрели в один день. Не поленились просидеть в суде до девяти вечера, чтобы только не упустить эпизод с НИУИФ, по которому заканчивался срок давности. Его искусственно продлили на один день, решив, что «преступление» было окончено не в день заключения договора купли-продажи акций, а в день их перевода на счет покупателя, то есть как раз 22 сентября, а не 21-го.

Впрочем, это мало на что повлияло.

Эпизод с «Мостом» исключили, я уже писала на каком основании. Исключили обвинение в злостном неисполнении судебных решений о возврате государству 44% акций ОАО НИУИФ и 20% акций ОАО «Апатит» по причине отсутствия таковых судебных решений. И переквалифицировали хищение апатитового концентрата на статью об упущенной выгоде, что я тоже упоминала.

В результате срок снизили на один год, до восьми лет.

Приговор вступил в законную силу.

¹ <http://archive.khodorkovsky.ru/speech/3548.html>.

В тот же день из России депортировали канадского адвоката Ходорковского Роберта Амстердама, мотивируя это тем, что он занимался адвокатской практикой, не имея рабочей визы.

В тот же день адвокаты Антон Дрель, Денис Дятлев и Елена Левина были вызваны в московское управление Минюста для дачи объяснений по кассационному разбирательству. Их собирались лишить статуса за отказ защищать Ходорковского, который отказался от их защиты. Адвокатская палата возбудила против них дисциплинарное производство.

Все же сколь гуманны наши законы, сколь трогательна забота властей.

Дело разбирала адвокатская палата с Генри Резником во главе...

Мне известен еще только один исторический пример преследования адвокатов вместе с подзащитным. В Испании во времена инквизиции адвокат нес равную ответственность со своим клиентом. То есть шел на костер, например.

И никаких забот не было у господ инквизиторов.

Еретиков никто не решался защищать.

ЭТАП

28 сентября, через шесть дней после вступления приговора в законную силу, в избирком пришло письмо Михаила Ходорковского с согласием баллотироваться в Думу. Но права на это он уже не имел.

Да и общество занимало другое. В прессе активно обсуждалось, в какую колонию его отправят. Подмосковье? Нижний Тагил? Рязань?

29 сентября он сделал заявление «О преступной слабости власти»:

«Кремлевская пропаганда любит морочить голову российскому народу и всему миру: дескать, в последние годы власть в России резко усиливается. Еще немного — и станет совсем сильной.

С тех пор эта власть лишилась армии и почти лишилась некоррупцированных чиновников. Кремль так и не сумел использовать 5 лет гигантских цен на нефть для хотя бы минимального изменения структуры национальной экономики. В свое отрицание, в объект горьких насмешек превращена судебная система страны. Позорно утрачены позиции России на постсоветском пространстве. На всех этажах власти царит бездарность — та-

лантливые люди изгоняются отовсюду. А мы все слышим и слышим истерические заклинания про какую-то нечеловеческую кремлевскую силу.

В кремлевской обойме не оказалось ни единого человека, способного сразиться со мною, простым заключенным Ходорковским, в открытом и честном политическом бою. И потому власть отправляет меня на 8 лет в лагеря. Опозорив себя перед всем миром скандальным фарсом под названием «процесс над Ходорковским и Лебедевым», Кремль вымещает злобу на моих защитниках. Их хотят лишить адвокатского статуса. Ни одна не то что сильная, а просто уважающая себя власть не поступила бы таким образом.

Не может считаться сильной власть, которой наплевать не только на репутацию страны и государства, но даже на свою собственную репутацию. Все эти сечины знают, что ни на что конструктивное, созидательное не способны. Они могут только паразитировать, отнимать и разрушать. Они догадываются, что их ожидает не просто осуждение — презрение следующих поколений. И потому бесятся в бессильной злобе, как мелкий бандит за 5 минут до прихода милиционера.

Своими действиями нынешняя власть демонстрирует, что она преступно слаба. Потому она не может действовать политическими методами, панически боится реальной оппозиции и не способна нести ответственность за то, что происходит в стране.

Как учит нас история, нет ничего опаснее для России, чем слабые безответственные правители. Именно такие правители всегда провоцировали великие потрясения и ставили под угрозу существование великой страны.

Потому ответственные за провалы в построении российского государства должны уйти во время демократической передачи власти новому президенту и не позднее, а уж тем более отказать от противозаконных идей продления собственных полномочий»¹.

Никуда они не уйдут.

А слабая власть в России и по двадцать лет правит. Например, Бирон при Анне Иоанновне.

Итак, Ходорковский обличает власть, ту самую, которая в данный момент решает, куда его сослать.

5 октября в структурах «ЮКОСа» прошли новые обыски в рамках уже второго дела Ходорковского об отмывании де-

¹ <http://archive.khodorkovsky.ru/speech/3655.html>.

нег, возбужденного еще в декабре 2004-го. Обыскивали инвестиционный банк «Траст», национальный банк «Траст», офис защитника Ходорковского Антона Дреля, адвокатское бюро «ALM Feldmans» и ООО «ЮКОС-ФБЦ».

Более того, обыск был в офисе голландской «дочки» НК «ЮКОС» «YUKOS Finance B.V.». Тогда в Европе еще оказывали России правовую помощь в деле «ЮКОСа».

Следствие утверждало, что выявило схемы «хищения выручки от добычи нефти и последующей ее легализации путем выплаты дивидендов подставным фирмам, зарегистрированным в ряде зарубежных стран».

Еще весной Ходорковский сделал заявление для прессы: «Понимают ли авторы нового обвинения в мой адрес всю его опасность для нашей страны? Попытка прокуратуры назвать публичную выплату дивидендов всем акционерам компании «ЮКОС» (среди которых десятки тысяч российских и зарубежных граждан, фондов, организаций) отмыванием денег делает труднопредсказуемыми масштабы этих последствий».

Но тогда обвинения не были предъявлены.

Ходорковского должны были отправить в колонию в течение десяти дней с момента получения администрацией СИЗО уведомления о вступлении приговора в законную силу. Уведомление пришло в «Матросскую тишину» 27-го сентября. А значит, 7 октября Ходорковского и Лебедева должны были этапировать из Москвы.

А обыски были пятого.

«Все это подтверждает высказанные ранее предположения, что правоохранные органы намерены содержать осужденных Ходорковского и Лебедева в Москве, — писала газета «Коммерсант». — Вчерашние события указывают на то, что уже сегодня или завтра Генпрокуратура, скорее всего, предъявит господам Ходорковскому и Лебедеву новые обвинения, что даст возможность оставить их в «Матросской Тишине».

«Коммерсант» не угадал.

Впрочем, не угадал никто.

На следующий день, 6 октября, обыскивали «Открытую Россию».

«Два года мы наблюдали трагедию правосудия. Сейчас настала пора фарса», — прокомментировал Ходорковский. А директор программ фонда Александр Осовцов заявил, что цель Генпрокуратуры — «лишить Михаила Ходорковского возможности заниматься общественной деятельностью».

7 октября был день рождения Путина. Михаил Борисович поздравил его через «Коммерсант»:

«Вы — очень мужественный человек, поскольку согласились, будучи подполковником, занять больше чем маршальскую должность.

Вы — весьма удачливый лидер, которому удалось спасти и сохранить главное достояние современной России — высокие цены на нефть.

Вы — прекрасный друг и партнер: даже своей репутации вы не пожалели ради ваших товарищей, которые разрушили «ЮКОС», еще недавно крупнейшую нефтяную компанию страны.

Вы — человек щедрый и явно любящий футбол.

У вас сегодня есть почти все. И я хочу пожелать вам того немногого, чего у вас нет: свободы и покоя. Вы обретете их, когда в соответствии с Конституцией России уйдете с этого неблагодарного президентского поста.

Бог даст, скоро увидимся. С днем рождения!»

О, конечно, Жорж Дантон был гораздо экспрессивнее сдержанного Ходорковского, когда по пути на гильотину, проезжая мимо дома Робеспьера, воскликнул: «Максимилиан, я жду тебя!»

Но смысл тот же.

10 октября стало известно, что Ходорковский и Лебедев этапированы из СИЗО «Матросская тишина» в колонию общего режима.

«Коммерсант» утверждал, что речь идет о колонии номер 13 в Саратовской области, где в свое время сидел Эдуард Лимонов.

И в очередной раз ошибся.

«Во ФСИН говорят, что господа Ходорковский и Лебедев далеко от Москвы сидеть не будут, поскольку Генпрокуратура собирается предъявить им новое обвинение», — писал «Коммерсант».

И ошибался.

КОЛОНИЯ

Платон Лебедев нашелся 13 октября в колонии особого режима ОГ 98/3 в поселке Харп Ямало-Ненецкого округа (ЯНАО). На территории этой колонии есть небольшой участок общего режима.

Заговорили о том, что и Ходорковского доставят туда же. Ну, или в Пермскую область. В Новгородскую. В Свердловскую...

Его искали девять дней...

Пресса, родственники.

Адвокаты сбились с ног, разыскивая своего клиента.

Тем временем за 6000 км от Москвы, в Краснокаменске, маленьком городе почти на китайской границе, произошло, казалось бы, никак не связанное с этим событие...

— История с Михаилом Борисовичем у нас началась с 18 октября 2005 года совершенно неожиданно для меня, — рассказывает мне Наталья Юрьевна Терехова, адвокат, заведующая юридической консультацией в Краснокаменске. — О том, что у нас в городе появился Михаил Борисович, я узнала от парикмахера. Она сказала: «Знаешь, к нам в зону привезли Ходорковского».

Я говорю: «Что, привезти его больше некуда?»

Она: «Совершенно точно: привезли Ходорковского».

Я уезжала в этот день в командировку в Читу. Она в шестистах километрах от нас. Краснокаменск находится на юге Читинской области в девяноста километрах от Забайкальска, а Забайкальск на границе с Китаем. А если по прямой, то до китайской границы около 30 км. Краснокаменск построили для, как говорили раньше, «важнейшей отрасли народного хозяйства»: добычи урана. Это была закрытая административно-территориальная единица, и при советской власти город жил неплохо. А после 1991-го — стал бедствовать. Основное градообразующее предприятие — объединение, которое занимается добычей урана, и все остальное подчинено этому.

Я уехала в командировку 15 октября. Вернулась 18-го. До Читы 15 часов поездом. Очень долго для 600 км: дорога плохая. Автомобилем получается около 8 — 9 часов, потому что дорога... Дураки и дороги — вот и все! Но ездим все равно на машине. Самолеты раньше летали три раза в день, когда было все благополучно и был СССР. Потом их отменили. Аэропорт в городе есть, но самолеты не летают. А лететь всего час.

Я тогда заведовала всеми адвокатами города Краснокаменска.

Приезжаю из командировки, и у меня на столе лежит уведомление о том, что администрация ФГУ¹ ИК-10 просит меня прибыть к ним в учреждение.

¹ Федеральное государственное учреждение.

Приглашение колонией адвокатов — практика не распространенная, и я не откликнулась.

Они начали звонить. Спецчасть¹. Начальник спецчасти. Просили приехать. Я говорю: «Пока вы мне не озвучите причину моего приезда, я не приеду, мне необходимо это знать». Добиваться пришлось долго, пока они не сказали: «У нас здесь Ходорковский, он хочет вас видеть».

Я уже знала, что это не тот человек, с которым можно общаться безнаказанно. Отношение властей к нему очень, очень и очень плохое. И задумалась: «Ехать, не ехать?» Если поеду — возникнут проблемы. К тому же у него много московских адвокатов, зачем я понадобилась?

Потом подумала, что он все-таки человек, непонятно, как оказался в Краснокаменске, и Ходорковский, не Ходорковский, а надо выяснить, зачем ему помощь. Второе взяло верх, и я поехала не к Ходорковскому, а к человеку, которому требуется помощь.

Начальником колонии тогда был Александр Геннадьевич Евстратов. И в администрации ко мне отнеслись внимательно. Пригласили к нему в кабинет. Оказалось, что поступило заявление от Ходорковского с просьбой вызвать адвоката Терехову для беседы и оказания юридической помощи.

Я говорю: «А почему не уведомили его родственников и адвокатов?» Они промолчали.

И я пошла на встречу с Михаилом Борисовичем.

Нас привели не в кабинет, где я обычно встречалась с подзащитными, а в помещение ШИЗО: штрафной изолятор, где отбывают наказание те, кто совершил нарушение. Я очень удивилась: не успел приехать — и сразу ШИЗО. Меня привели в кабинет в помещении ШИЗО, хотя раньше там не было комнат для общения с адвокатами.

Кабинет был перегороден сеткой, похожей на сетку Рабица — фактически клетка. Когда я вошла, там никого не было. Стоял столик, я присела. Я привыкла общаться с подзащитными за одним столом. Так было всегда. Встреча с обыкновенным подзащитным происходит в комнате для встреч с адвокатами, а не в помещении ШИЗО. Там был стол, а тут кабинет разделен решеткой наполовину. Михаил Борисович зашел, поздоровался и сел напротив меня. Мы начали общаться с ним за одним столом.

¹ Специальная часть, где находятся все личные дела осужденных. Она же занимается непосредственно движением бумаг, связанных с общением с судами, со следствием и т.д.

Буквально минут через двадцать заходит человек, который руководит оперотделом колонии, и говорит, что общаться за этим столом нельзя, и Михаила Борисовича необходимо поместить за решетку.

Ну, так как я дама с характером и не привыкла, чтобы моих подзащитных ущемляли, тем более неправомерно, и начала возмущаться. Я сказала, что не могу так общаться с человеком, мы не в зоопарке, и я не вижу никакой угрозы с его стороны и необходимости его изолировать. На что Михаила Борисович сказал: «Вы сейчас будете многому удивляться, но вы не удивляйтесь, я уже ко всему привык, мне необходимо с вами пообщаться, пока мне предоставили такую возможность, возмущаться по этому поводу мы не будем».

И он зашел за решетку. У меня были, конечно, большие глаза. Одна третья комнаты отгорожена этой сеткой. Он в дверь зашел, дверь закрыли, и там маленькое окошечко. И я стою, и его лицо в клеточку, как в зоопарке: ходит животное по клетке — так и у нас.

Я бы начала возмущаться дальше (я же не знала тогда всех «прелестей» дела Ходорковского), но Михаил Борисович попросил: «Не надо этого делать, мне очень важно с вами пообщаться». И сказал, что адвокаты и родственники не знают, где он находится, номеров телефонов у него нет — все отобрали при доставке.

Я выяснила у него, что могла, и он попросил позвонить адвокату Падве и сообщить, где он находится.

Я говорю: «Михаил Борисович, вы знаете, я каждый вечер с Падвой не общаюсь».

«А у меня нет его телефона».

«Я вас поняла, и конечно сделаю все возможное, чтобы найти его телефон».

Мы с ним поговорили. Он сказал: «Я хочу, чтобы здесь вы были моим адвокатом». Я ответила: «Давайте подождем, когда приедут ваши адвокаты, мы между собой обсудим и решим этот вопрос, а пока не будем давать друг другу обещаний».

Вечер я потратила на то, чтобы найти телефон Падвы и соединиться с ним. Ни в одной московской консультации, куда я звонила, не хотели давать его номер, а я уже тогда понимала, что не следует сообщать на всю страну, по какому поводу я звоню. После долгих трудов я все-таки нашла его телефон.

Это было 18 октября 2005 года.

Адвокаты сидели в конторе в Москве и разрабатывали план по поиску Михаила Борисовича.

И тут позвонила я. Они так обрадовались!

— А это распространенная ситуация, когда человека отправляют в колонию, никто ничего не знает, его ищут? Или только с Михаилом Борисовичем так? — спрашиваю я.

— Нет, конечно. Только с Михаилом Борисовичем. Обычно по закону, и вообще это обычная практика, осужденного отправляют в колонию по месту проживания, то есть, где человек зарегистрирован, по месту жительства либо по месту, где вынесен приговор. Обычно последнее. В любом случае, как ни крути, это была бы Московская область либо ближайшие районы.

— Я имею в виду, сообщают ли родственникам о том, куда человека отправили.

— Обязательно сообщают. И родственники, как правило, и знают об этом, и никто из этого тайны не делает, и уже предполагают, что на территории этого субъекта находятся там-то, там-то колонии, и в принципе при обращении в спецчасть никто никому в этих сведениях не отказывает. Это святое. Если родственники указаны, соответственно. А вот уведомление о том, что Михаил Борисович в Краснокаменске, пришло родственникам...

— Недели через две, насколько я помню.

— Нет, гораздо позже. Потому что Михаила Борисовича увезли числа девятого октября, по-моему. А им пришло в двадцатых числах. И то на старый адрес, где никто не ждал этого уведомления и не проверял почту. Его бы конечно нашли адвокаты, но через какой промежуток времени? Они 18-го числа продолжали его искать.

— А вас ему кто-то порекомендовал?

— Теперь я уже знаю, я читала материалы личного дела, когда участвовала в процессе об условно-досрочном освобождении. Он написал заявление лично на меня. Меня ему рекомендовали лица, отбывающие наказание, как человека, который не пойдет на сговор с администрацией, как человека принципиального. Для него это было самое главное. Заявление я видела, оно находится в материалах личного дела.

Прежде московских адвокатов в Краснокаменске появились журналисты. Местное население быстро привыкло к вниманию прессы и не удивлялось. На вопрос журналистов показать дорогу отвечали вопросом же: «К Ходору?». И доброжелательно указывали путь.

Правда, в колонию не пускали, и газетчики удовлетворялись фотографированием стен. Корреспондентам «Коммерсан-

та» порекомендовали не приближаться к забору ближе, чем на 25 метров, поскольку «это раздражает охрану периметра».

«В принципе, этой дистанции оказалось достаточно, чтобы убедиться — заключенный Ходорковский под надежной охраной, — писала газета. — Сегодня он отгорожен от внешнего мира как минимум пятью заборами: из обычной колючей проволоки, колючей проволоки с острыми режущими кромками и колючей проволоки-путанки. Кроме того, присутствует ограждение из сетки Рабица и железобетонный барьер, по верху которого натянуты провода под напряжением 380 вольт. Между этими конструкциями располагается контрольно-следовая песчаная полоса и бегают кавказские овчарки, будки которых расположены через каждые 50 метров. Разумеется, по углам периметра установлены вышки, на которых сидят вооруженные часовые»¹.

Остальную информацию получили от местных преступных авторитетов. «Все нормально у него, — передавала «братва». — Завтра вроде выходит из карантина в восьмой отряд. На карантине, парни говорят, разговаривал хорошо с людьми, вел себя нормально. Пацаны считают, что человеческое в нем есть»².

Как только его определили в отряд, «авторитеты» пришли к нему с чаем и бутербродами. Ходорковский принял их доброжелательно и был рад любому общению после двух лет СИЗО и этапа в спецвагоне, где его везли в полном одиночестве в течение шести суток, не сообщая о пункте назначения. Только на одной из стоянок ему удалось услышать объявление об отправлении поезда «Москва — Чита», и он все понял.

«Косяков» по тюремным понятием за Михаилом Борисовичем не нашлось, а «олигарх» — это не «косяк». И Ходорковский пополнил многочисленную армию «мужиков» — людей, не принадлежащих к преступному миру, попавших в за решетку по большей части случайно и составляющих большинство населения всех колоний России.

В ИК-10 он оказался единственным человеком с высшим образованием и единственным москвичом. Колония полностью ориентирована на местное население: треть обитателей из Краснокаменска, остальные из близлежащих городов и поселков.

Тогда закон требовал, чтобы осужденный отбывал наказание в том субъекте федерации, где был осужден, или в ближайшем к нему, если в первом не будет свободных мест в колониях.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 200/П (3284) от 24.10.2005.

² Там же.

На момент этапирования Михаила Борисовича в колониях было 149 тысяч свободных мест. Из них, например, два в Калужской области.

Ближайшей к Москве колонией для Ходорковского оказалась краснокаменная.

То есть ближе Калуги.

Честно говоря, не знала, что Москва на границе с Китаем.

Надо бы в карту изменения внести...

Изменения внесли в закон, а не в карту. Соответствующая статья была переписана, и теперь арестанта могут отправить хоть во Владивосток.

Закон переписали под Ходорковского.

Точнее, под Путина, который на вопрос испанской журналистки о том, почему москвича отправили в Краснокаменск, ответил, что это решает Министерство юстиции, чем показал свою полную некомпетентность.

Поправить президента никто не решился.

Предпочли исправить закон.

Вечером 24 октября в Краснокаменск приехали адвокаты Антон Дрель и Альберт Мкртычев и жена Ходорковского Инна.

Генриху Падве стало плохо в московском аэропорту, у него повысилось давление, и вылететь он не смог.

В Чите сделали остановку у храма, где венчались декабристы. Обратили внимание на указатель к Нерчинскому руднику, где они отбывали каторгу.

Потом ехали восемь часов до Краснокаменска по совершенно разбитой трассе.

Первыми пустили адвокатов. Свидание с женой разрешили с 14 часов. За полчаса до свидания Инна Ходорковская стояла перед воротами колонии. С собой у нее было четыре китайских клетчатых баула со свежими овощами, подсолнечным маслом и сковородками, два саквояжа из кожи и маленький дамский рюкзачок. Корреспондент «Коммерсанта» поднес один из баулов и, судя по его весу, тут же заинтересовался, не набит ли он банками с черной икрой.

«Мой муж любит простую пищу из простых продуктов,— рассказала Инна Валентиновна.— Главное для него не компоненты, а чтобы было хорошо приготовлено».

«С первых дней до конца октября, примерно дней десять, администрация была совершенно лояльна к Михаилу Борисовичу, за исключением случаев с решеткой и уведомлением род-

ственников и адвокатов, — вспоминает Наталья Терехова. — По крайней мере, со мной разговаривали, со мной встречались. Числа 25 октября дали свидание, и к нему приехала жена. И со свиданием проблем не было. Надо отдать должное, в дальнейшем у нас тоже не было проблем со свиданиями с родственниками».

Адвокаты встретились с журналистами и рассказали о свидании с подзащитным. Ходорковский подписался на периодические издания числом наименований около сотни и просил привезти книги Соловьева, Ключевского, Александра Меня, книги по истории религии, политологии и философии, а также «Войну и мир».

Он планировал написать диссертацию по теме «Скрытая колонизация дальнего Востока со стороны Китая».

«Адвокаты отметили, что их подзащитный находится в хорошей форме, даже, пожалуй, лучшей, чем в СИЗО. «У него очень устойчивое психическое состояние», — сообщил Антон Дрель. Он сказал, что Инна Ходорковская тоже отметила этот факт во время свидания с мужем. Как сказал сам Михаил Борисович: «Впервые за два года я могу снять шапку и подставить голову солнцу»¹.

27 октября Ходорковский передал через адвоката Антона Дреля обращение к своим сторонникам:

«С 16 октября 2005 г. я нахожусь в краю декабристов, политкаторжан и урановых рудников. В 600 км от Читы, в 6500 км от Москвы.

Кремль попытался полностью изолировать меня от страны и людей, больше того — уничтожить меня физически. Тем самым сегодняшняя власть еще раз доказала, что к открытому и честному спору со мной (и вообще к прямому разговору с настоящей оппозицией) она не готова.

Они надеются, что Ходорковского скоро забудут. Они пытаются убедить Вас, друзья, что борьба закончена. Что нужно смириться с господством своекорыстных бюрократов в России. Это неправда. Борьба только начинается.

Перед нашей страной стоят огромные задачи. Необходимо сформулировать программу развития России в 21 веке. Нужно построить заново армию и правоохранительную систему. Создать «с нуля» новое чиновничество, заинтересованное в судьбе страны и общества, а не в безудержном личном обогащении. Отказаться от губительного пути превращения России в офици-

¹ http://archive.khodorkovsky.ru/khodorkovsky_imprisonment/4030.html.

альный сырьевой придаток, совершить решительный поворот в направлении новой «экономики знаний». Надо сохранить в составе России Дальний Восток и Сибирь, которые всего через несколько лет могут оказаться под контролем Китая. Необходимо восстанавливать позиции и престиж России в мире, утраченные в результате непрофессионализма, а иногда и прямого предательства.

Чтобы решить столь масштабные задачи, стране нужна новая политическая элита. Герои, а не серость. Люди отважные, честные и последовательные. Эти люди — Вы, сограждане и единомышленники. Тот, кто не боится сегодня поддерживать политических заключенных и говорить «нет» репрессивной машине криминальной бюрократии, имеет право называться Человеком — с большой буквы.

Время серостей уходит — приходит время Героев¹.

Время Героев не наступило до сих пор. Они есть, конечно. Еще не всех отстрелили, избили до полусмерти, посадили или выперли из страны. Но это не их время.

Время Героев не наступило, зато практически сразу после публикации письма, в конце октября, начались проблемы у Ходорковского.

— Михаилу Борисовичу требовалось практически ежедневное посещение адвокатов, — вспоминает Наталья Терехова, — необходимо было убедиться, что он жив и здоров. Нужно знать, не случилось ли чего, и какие проблемы. А проблемы возникали буквально ежедневно во всем и на каждом шагу.

С начала ноября на заявлении на посещение Ходорковского вдруг потребовалась подпись начальника колонии. А начальника колонии для меня не было никогда. Только он слышит о том, что я должна подойти, и сразу закрывается в кабинете на замок, а потом внизу, на входе в административное здание, куда раньше был свободный доступ, поставили пост. Специально для Ходорковского. Дежурного посадили. Идет адвокат, и он просто не пропускает и все. И что с ним сделаешь?

Это была самая настоящая охота, когда начальник колонии бегал и прятался, чтобы только не ставить подпись на заявлении.

— Так часто бывает?

— Никогда. Я там жила бог знает сколько и ходила в эту колонию. Были случаи, когда не требовалось заявление, а только

¹ <http://archive.khodorkovsky.ru/speech/3973.html>.

пропуск, и мне эти пропуска давали, я сама туда ходила, меня просто встречали и провожали.

— А подпись начальника всегда нужна?

— Да.

— Просто с ней не было проблем?

— Даже не надо к нему лично ходить на прием, достаточно лица, которое тебя, сопровождает. А тут надо было лично прийти, появиться, показаться и т.д.

Потом начались новые проблемы: они стали выяснять, имеется ли соглашение между мной и Ходорковским, требовали показать соглашение, что прямо запрещено законом. Наш договор с клиентом — это тайна. И какую помощь я ему буду оказывать, тоже адвокатская тайна. Поставили условие: не покажете соглашение — вообще туда не зайдете. Приходилось проявлять изобретательность и настойчивость. Это тема для отдельной книги.

В колонии, насколько я понимаю, сразу же появился человек, который представлял интересы Москвы, — определенное должностное лицо. Они приезжали вахтами: сначала по несколько человек, потом меньше.

— Постоянный пост?

— Постоянный пост. Кроме того, был постоянный пост от Читинского УФСИНа, то есть из службы исполнения наказаний. Я даже могу назвать фамилию: Козулин. Представитель УФСИНа. Первоначально он это решал. То есть проблемы решали не сотрудники колонии г. Краснокаменска, а вышестоящие лица, специально направленные из Москвы.

На колонию были выделены огромные денежные средства для ее технического оборудования.

— То есть ее приводили в приличный вид?

— Техническое оборудование — это прослушка, средства связи. А приличный вид: ну, затеяли там какой-то ремонт, но я не думаю, что это было связано с Михаилом Борисовичем. Единственно, что привели в порядок комнаты для свиданий.

— Видеонаблюдение поставили?

— Там было видеонаблюдение. Но его усовершенствовали, на что выделили несколько миллионов рублей. Больше двадцати, это точно. И были выделены деньги для приобретения квартир сотрудникам колонии. И куплено 12 квартир сотрудникам. Только благодаря Михаилу Борисовичу, потому что он туда приехал. Иначе ни за что бы такого не было.

11 ноября 2005 года газета «Коммерсант» опубликовала новую статью Михаила Ходорковского «Левый поворот-2». Она, конечно, интересна сама по себе, но еще интереснее сравнить ее с другим очень похожим документом, принятым несколько позже: 17 ноября 2008 года. Ну, не скоро они поворачиваются. Документ называется «Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года», утвержден тогда уже премьером В. В. Путиным и известен в народе как «Программа-2020».

Совпадает даже структура.

Статья Ходорковского начинается с раздела «Кошмар-2008», где он пишет о безответственности и «паразитическом мышлении элиты», которая озабочена не нуждами страны, а исключительно наполнением собственных кошельков: «Принято считать, что десятки, сотни российских политиков и администраторов мечтают занять в 2008 году президентский пост. Чтобы контролировать «Газпром», «Роснефть», экспорт-импорт вооружений, а заодно еще и три главных общенациональных телеканала. Зарабатывать миллиарды долларов, устраивать приемы в Кремле, Петергофе и Стрельне, ездить на охоту с президентом Франции и рыбалку — с президентом США, после чего похвалишь самого себя по телевизору и спишь спокойно. Как минимум до окончания конституционного срока президентских полномочий. А то и дальше».

«Единственный вопрос, который эту элиту по-настоящему беспокоит,— как бы успеть от страны под названием Россия что-нибудь осязаемое получить. Вопрос «что ты сделал для России?» не стоит в принципе».

«И я могу сказать, — пишет Ходорковский, — что люди, которые через два с половиной — три года соберутся править Россией, должны будут понимать, что паразитический подход больше не работает. Поскольку страна неконкурентоспособна и запаса прочности, заложенного Советским Союзом, уже не хватает».

И тут же переходит к проблемам, которые ждут Россию в 2008 году.

Рассуждения о паразитизме элит кремлевские авторы «Программы-2020» почему-то переписывать не стали. Зато проблемы перечислили, правда, убаюкивающее окрестив их «негативными тенденциями», переведя текст Ходорковского с человеческо-

го на бюрократический и многократно разбавив мировыми проблемами, от которых, понятно, все российские и проистекают.

«...демографический кризис, — пишет Ходорковский, перечисляя проблемы, — сокращение населения страны со скоростью почти 1 млн. человек в год приведет в том числе к тому, что в ряде регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока китайское население (состоящее в первую очередь из нелегальных иммигрантов) почти сравняется по численности с русским; граждане КНР будут преобладать в различных секторах дальневосточной экономики — от розничной торговли до новых сырьевых инвестиционных проектов».

«...сокращением численности населения», — характеризуются «негативные тенденции» по мнению кремлевской «Программы-2020».

Кроме демографии, вслед за Ходорковским кремлевские идеологи видят только социальное неравенство, проблемы здравоохранения и образования и высокие риски предпринимательской деятельности в связи со слабой защитой прав собственности.

В остальном они совершенно самостоятельны: ни износа национальной инфраструктуры, ни паралича «ряда машиностроительных отраслей, в первую очередь самолетостроения, станкостроения и сельхозмашиностроения», ни системного кризиса оборонно-промышленного комплекса, ни физического вымирания науки, ни проблем Северного Кавказа, ни краха российских вооруженных сил, ни паралича занятой крышеванием силовой системы, о которых кричит в своей статье Ходорковский, кремлевские авторы не видят в упор.

Или не хотят видеть.

Да и цена, которую страна может заплатить за игнорирование проблем, у Ходорковского и Кремля разная.

По мнению первого, «она никогда не станет современным развитым и уважаемым государством, а скорее распадется еще при жизни нашего поколения».

По мнению второго, ее ждет... «замедление темпов экономического роста».

Набат и колыбельная.

Четкий рисунок тушью и наведение тени на плетень.

Но дальше совпадений прибавляется.

Ходорковский предлагает свою программу, которая, по странному совпадению, называется «Программа-2020», точно так же, как три года спустя назовут и кремлевскую программу.

Цели, правда, разные. Кремлевские авторы надеются вывести Россию в ряд ведущих мировых держав XXI века. Ходорковскому не до жиру, не погибла бы эта страна, которую в очередной раз надо спасать.

Первое, конечно, амбициознее. Второе — реалистичнее.

«Но для того чтобы все перечисленные и неперечисленные тяжелейшие проблемы решить, нужна традиционная мобилизация всего народа, — пишет Ходорковский. — Причем мобилизация не лагерная, а творческая, востребующая интеллектуальные ресурсы десятков миллионов наших сограждан на базе единой национальной идеи. Люди, привыкшие, что власть от них бесконечно далека, что они ни за что не отвечают, так называемым элитам на них наплевать, должны вновь почувствовать, что Россия — наша общая страна, которая думает и заботится о всех, кто в ней живет, и за которую они тоже в ответе. А это достигается в первую очередь качественным изменением принципов государственной и социальной политики, возрождением демократических методов управления страной, в том числе государственного патернализма как инструмента единения государства и народа, как признания факта, что государство и экономика существуют для нужд людей».

«Достижение этой цели (вывести Россию в ряд ведущих держав. — *Н.Т.*) означает формирование качественно нового образа России к концу следующего десятилетия», — утверждают кремлевские товарищи.

В этом, думаю, и есть истинные причины их разногласий. Для Ходорковского важна суть, а для его последователей-оппонентов — «образ», то есть внешний вид.

И дальше они с упоением и рисуют этот «образ» благополучной, богатой и счастливой России образца 2020 года.

Ходорковский конкретнее:

«Политико-экономическая программа будущей правящей элиты России (программу можно назвать социальной или социал-либеральной, это будет верно, хотя и лишь отчасти) рассчитана на 12 лет».

То есть с 2008-го по 2020-й. Как он угадал, когда именно она будет принята?

«Это разумный срок ее реализации, — пишет он. — Не надо думать, что 12 лет — это «три президентских срока». Программа может быть эффективно реализована только при условии смены государственно-политической модели России, а именно перехода к президентско-парламентской республике. Где президент бу-

дет моральным лидером, гарантом единства страны, верховным главнокомандующим, непосредственным начальником силовых структур и центром формирования идеологии внешней политики. А всем комплексом вопросов экономики и социальной сферы займется правительство, формируемое Государственной думой и ответственное перед парламентом за результаты своей работы».

Ну, это Они почти воплотили. Правда, начальствование президента Медведева над силовыми структурами представляется мне сомнительным.

«Кроме того, необходимо возрождение реального федерализма, переход к выборности глав регионов и членов российского сената, становление реального местного самоуправления, обладающего необходимыми, в том числе финансовыми, полномочиями и возможностями», — продолжает он.

Любопытно, что о «развитой системе демократических институтов» пишут и кремлевские идеологи. Но без конкретики, без конкретики. Конкретика, право же, зачем она нужна? «Образ» — он чуть-чуть расплывчатым должен быть, чтобы каждый мог на свой вкус дорисовать детали.

«Увеличение численности населения России до 220 — 230 млн. человек, что позволит освоить Восточную Сибирь и Дальний Восток силами российского народа и избежать расчленения страны в результате «китаизации» восточных регионов, — пишет Ходорковский. — Программа борьбы с депопуляцией должна предполагать, во-первых, создание государством понятных стратегических ориентиров для новых поколений, во-вторых, прямое финансовое стимулирование рождаемости, обеспечивающее по крайней мере прожиточный минимум для каждого новорожденного (что потребует около \$10 млрд. в год)».

«Принятие неотложных мер в области демографии», — это кремлевская программа.

Надо заметить, что финансовым стимулированием рождаемости они действительно занялись, разумеется, абсолютно выхолостив идею Ходорковского.

Закон о материнском капитале был принят уже в декабре 2006-го, чуть более чем через год после статьи Ходорковского. Правда, вместо «прожиточного минимума для каждого новорожденного» выдают его только на второго ребенка через три года после рождения, и потратить его можно либо на образование ребенка, либо на увеличение пенсии матери, либо на улучшение жилищных условий. Выдают примерно по 10 — 12 тысяч долларов. Судя по московским ценам на недвижимость (3 — 4

тыс. долларов за метр квадратный), они имеют в виду место на кладбище. Как раз где-то три-четыре метра и получается.

Разобравшись с рождаемостью, Ходорковский переходит к структуре национальной экономики:

«40% — «экономика знаний»; 40% — нефть, газ, металл, лицензионное производство; 20% — сельское хозяйство, включая переработку и торговлю».

«Переход от экономики «нефтегазовой трубы» к «экономике знаний» позволит увеличить ВВП России за 12 лет в 3,5 — 4 раза — до \$4 — 5 трлн.», — пишет он.

И призывает к созданию «особых экономических зон» для высокотехнологических производств.

Сколково, в общем.

«...формирование новой экономики — экономики знаний и высоких технологий, которая становится одним из ведущих секторов национальной экономики, сопоставимым к 2020 году по своему вкладу в валовой внутренний продукт с нефтегазовым и сырьевым секторами», — вторит Ходорковскому кремлевская программа, почему-то не ссылаясь на источник.

«Воссоздание системного образования и фундаментальной науки как системы воспроизводства интеллектуального потенциала нации, — пишет Ходорковский, перечисляя цели своей программы. — Россия не может жить импортом научных достижений, и отнюдь не только по соображениям «национальной гордости». Если у нас не будет собственной мощной науки, мы не только не сможем создать экономику знаний, но и потеряем лучшие молодые мозги — они уедут на Запад (да и не только на Запад, та же Индия, современный мировой центр офшорного программирования, их примет с распростертыми объятиями). А без интеллектуального потенциала следующих поколений ни возрождения России, ни тем более «российского прорыва» — не будет. Подобная программа потребует увеличения финансирования фундаментальной науки в 2,5 — 3 раза по сравнению с сегодняшними показателями».

У него беззастенчиво сдувают путинские идеологи:

«Внутренние затраты на исследования и разработки должны подняться до 2,5 — 3 процентов валового внутреннего продукта в 2020 году (2007 год — 1,1 процента валового внутреннего продукта)...» — то есть как раз в 2,5 — 3 раза.

И опять без ссылки на источник!

А сноску кто будет ставить: «М. Ходорковский, «Левый поворот-2»?»

«Кардинальная модернизация национальной коммунальной инфраструктуры и создание новых транспортных коммуникаций — автомобильных и железных дорог — преимущественно на востоке и юге страны. Это потребует порядка \$80 млрд. инвестиций, частных и государственных, в течение десяти лет», — пишет Михаил Борисович.

«...реализация масштабных проектов по развитию транспортной сети, повышение качества и снижение стоимости транспортных услуг для населения и бизнеса», — соглашаются кремлевские авторы, но конкретные цифры замалчивают. Подняться должны инвестиции в развитие транспорта от 2% ВВП до 4—4,5.

«...транспортное обеспечение комплексного освоения и развития территорий Сибири и Дальнего Востока...» — уточняет кремлевская программа.

«Создание исторически и ментально традиционной для России системы социальной защиты населения, включающей бесплатное качественное медицинское обслуживание и качественное обязательное среднее образование для 100% населения, бесплатное высшее образование для 50% молодежи, гарантии предоставления в полном объеме ранее имевшихся социальных льгот или их реального денежного эквивалента», — пишет Ходорковский.

«...обеспечение возможности получения качественного образования и медицинской помощи, доступа к национальным и мировым культурным ценностям, безопасности и правопорядка, благоприятных условий для реализации экономической и социальной инициативы...» — говорится в кремлевской программе. Но опять без подробностей. Для всех или только для тех, кто равнее?

На статью Ходорковского хватило газетной полосы. В кремлевской программе 94 страницы. Детализирована она, конечно, больше. И при этом умудряется замалчивать суть.

Ходорковский говорит об источниках финансирования: изменение регламента использования сырьевой ренты, легитимация приватизации, дополнительные доходы бюджета при изменении темпов экономического роста.

В кремлевской программе приведены планируемые цены на нефть. В 2008 — 2010 годах это 99 долларов за баррель. Увы, во время кризиса цены падали до 39 долларов, да и в 2010-м до 90 так и не доросли, только в 2011-м наконец превысили сотню.

В кремлевской программе говорится о росте инвестиций, но непонятно, с чего бы это им расти.

Зато у Ходорковского совершенно понятно: «Реализация программы потребует около \$400 млрд. государственных инвестиций и около \$500 млрд. инвестиций частных. Со вторыми проще — они потянутся в страну, как только будет упразднена заведомо неэффективная фантомная «вертикаль власти», восстановлен полнокровный федерализм, появится ответственная элита, готовая брать на себя обязательства и давать гарантии».

«Кремль отбирает людей по феодальному критерию 100-процентной лояльности и управляемости, потому и получает полную неэффективность своей и без этого архаичной «вертикали», — пишет Ходорковский. — Дееспособный человек не может быть на 100% управляемым — это удел лишь заведомых бездарностей и корыстолюбцев. Если открыть шлюзы вертикальной социальной мобильности, пригласить самых умных, образованных, а значит, амбициозных, — никаких проблем с профессионалами у нас не будет».

Кремлевская программа тоже не забывает о социальной мобильности.

Но и о «защите прав собственности» не забывает. А в этом уж явный «прогресс». Для раздраконивания бизнеса Ходорковского в 2004 — 2007 годах понадобилось несколько решений арбитражных судов и многочисленные уголовные дела. Для сноса собственности в поселке Речник в начале 2010-го решения судов иногда присутствовали, а иногда и нет. А вот при сносе частной собственности в виде торговых палаток в Москве осенью 2010 — обошлись вовсе без лишних формальностей. И даже на площадь никто не вышел.

Но вернемся в 2005-й, к статье Ходорковского. Последний ее раздел называется просто замечательно: «Модернизация как спасение».

Кто у нас главный модернизатор?

«...для России необходим реальный модернизационный проект, — пишет Ходорковский. — Без такового страна в новом столетии просто не выживет. Не сможет ответить на объективные исторические вызовы. Контуров этого проекта уже видны. Неподалеку, там, за левым поворотом».

В сентябре 2009-го было опубликовано обращение Дмитрия Медведева «Россия — вперед», тоже о модернизации, в котором он призвал изменить Россию, ничего не меняя.

Я бы и его разобрала по косточкам, но это за рамками моей книги.

С Ходорковским я спорила в переписке, чуть не с каждой строкой.

«За что же вы китайцев так не любите, Михаил Борисович? — писала я. — Народ с пяти тысячелетней историей, работающий, умный. Первая китайская династия Ся — это XXI — XVI вв. до н. э. А до нее было почти тысячелетнее правление легендарных императоров, начавшееся приблизительно с III тыс. до н. э. В китайских сказаниях о древних правителях есть замечательные вещи. Первый император Яо, говорят, жил в хижине, питался отваром из диких трав и рисовой кашей, носил одежду из пеньки и ел из глиняной посуды. Если в стране кто-то испытывал голод, Яо говорил: «Это я виноват, что он голоден». Если у кого-то не было одежды, он говорил: «Это я виноват, что ему нечего надеть». А если кто-то совершал преступление, он говорил: «Это я довел его до преступления».

Конечно, потом был и Мэн-цзы, который писал: «Государь не воюет, государь карает», и легисты, взгляды которых близки к Макиавелли. Но главной идеологией многие века оставалось конфуцианство. А последователи Конфуция говорили: «Умереть с голоду — событие маленькое, а утратить мораль — большое». Конечно, они были далеки от идеала и частенько понимали мораль как нечто внешнее: не дурных поступков боялись, а дурной славы. Даже термин существовал «потерять лицо».

Но все же это был первый народ, который попытался построить ноократию (власть разума). Я не обсуждаю сейчас, что в конце концов из этого вышло. Но попытка была, и очень прогрессивная для своего времени. Они первыми додумались до того, что страной должны управлять интеллектуалы, и учредили систему государственных экзаменов.

И традиция живет, хоть и в сильно измененном виде. Знаете такое высказывание? Американский университет — это место, где русские профессора учат китайских студентов...

Станут ли они пятой колонной? Смогут ли соединить китайскую культуру с европейской цивилизацией в ее российском варианте? Это как отнесется к ним Россия.

В Китае выездные визы нужны даже для иностранцев, а когда отпускают людей учиться на Запад, их детей оставляют заложниками. Слишком боятся, что родители не вернуться. В Китае казнят каждый год больше, чем в США, хотя в этом плане и Америка — не подарок. В Китае такое имущественное расслоение, которого нет даже у нас.

Захотят ли китайские иммигранты вернуться в свой коммунистический рай, из которого смогли смыться?

Мне это напоминает ситуацию с кубинцами, приплывающими в США на резиновых лодках. Станут ли они пятой колонной острова «Свободы»?

Как примут.

Как отнесется Россия к китайцам? Запретит строить храмы, или на Дальнем Востоке откроются центры чань-буддизма? В последнем случае я только порадуюсь. Вместе с тысячами российских буддистов, которым не дают построить центр в Москве.

В отличие от большинства современных демократов, идея империи для меня всегда была окрашена положительно. Но империя — не национальное государство. Там, где Россия для русских — нет империи. Империя — это общий дом. Есть граждане Рима, и есть неграждане, а кто какой национальности — никого не волнует. И волновать не должно.

Когда я говорю «империя», я не о форме правления, естественно, а о глобалистской сущности государства. Империя может быть и либеральной, и республиканской. Типичный пример — США».

«По поводу демографии, — пишу я. — Это не только российская проблема, это проблема всех развитых стран. И прямым финансированием не решается.

Для женщины каждый ребенок — это минимум два года, выпавшие из карьеры, а то и вообще конец последней, что для многих совершенно неприемлемо, причем не только по финансовым соображениям. Проблема усугубляется тем, что даже в Москве не хватает детских садов, а на няню далеко не у всех есть деньги. А в детских садах дети постоянно болеют, потому что по двадцать человек в группе на одну воспитательницу с ее нищенской зарплатой. И она их даже одеть толком не успевает, прежде чем вывести гулять. И мать должна либо оставить больного ребенка в саду, либо отпрашиваться с работы. А как отнесется работодатель к сотруднице, которая работает по пять дней в месяц?

Когда я жила во Франции, я своими глазами видела, как молодая мама, работавшая научным сотрудником в одном из институтов, ходила на работу по два-три раза в неделю, на совершенно законных основаниях, а остальные дни ей просто оплачивали. И никто не смел уволить. Тогда я в первый и последний раз услышала от активной, умной, независимой женщины, что она хочет четверых детей.

Но и эти меры не спасают. И Франция вынуждена рекрутировать рабочих из Ганы и Алжира.

А по вашим расчетам получается, что каждая русская женщина должна в ближайшие 12 лет родить троих детей. Это не реалистично, Михаил Борисович».

УЧЕНИК ШВЕИ

«Награда» за «Левый поворот-2» последовала быстро. Куда быстрее, чем сочинение похожих на него программ.

— Наказание у Михаила Борисовича появилось 14 декабря 2005 г., — вспоминает Наталья Терехова. — Он сразу был трудоустроен. В колонии больше 1000 заключенных. Рабочих мест нет. Нет там работы. Есть швейный цех, который может принять на работу не больше 30 человек. И еще совершенно незначительный обслуживающий персонал.

Заключенные большей частью желают быть трудоустроены, потому что это какой-никакой заработок, хотя бы на покупку сигарет в колонии¹. Многим даже передачи не носят. Желание-то работать есть. Возможности нет такой.

— Было указание его трудоустроить? Из Москвы?

— Ну, очевидно, да. Если сопоставить факты: 15 октября приехал, а первого ноября уже пошел на производство. За пятнадцать дней трудоустроили. Конечно, было указание.

Его пристроили учеником швей-моториста. Он говорил о том, что может быть полезен в совершенно других сферах: может заниматься научной работой, и даже контракты на занятия научной работой мог предоставить администрации.

— Говорили, что он собирался писать статьи для «Химии и жизни»...

— Ну, с этого началось: он предложил свои знания, умения использовать по назначению. Это осталось совершенно без внимания. Было указание его трудоустроить, очевидно, трудоустроить таким образом, чтобы унижить. Они не рассчитывали на характер Михаила Борисовича. Он не чуждается никакой работы, и совершенно не олигарх в обычном понимании.

Первой его просьбой было приобрести ему джинсы. Я говорю, не зная еще его характер: «Вы знаете, Михаил Борисович, здесь вам эксклюзива нет. У нас здесь все по-простому: китайское». Он говорит: «Ну, я же вам не Рома Абрамович. Мне совер-

¹ Зарплата на швейном производстве в колонии Краснокаменска составляет 25 — 35 рублей в месяц (это не опечатка!).

шенно все пойдет». Я говорю: «Ну, хорошо, смотрите. И в передачах, если там будут продукты, омаров замороженных тоже не обещаю». Он говорит: «Мне это совершенно ни к чему».

Он неприязнителен и готов выполнять любую работу, если это оправдано. Но совершенно не рационально использовать труд Михаила Борисовича в качестве швеи, если он может делать больше для колонии, где многие неграмотны. Он мог их учить счету, химии, истории. Он же знает это прекрасно. На уровне нашей школы общеобразовательной он прекрасно это может делать. И даже лучше, потому что знает больше большинства учителей. Он очень начитан. В Краснокаменской колонии прочитал огромный объем литературы. По разным периодам истории. Например, проштудировал эпоху Ивана Грозного. Список литературы согласовывали и заказывали через «Книга почтой».

Кстати, в Краснокаменской библиотеке, если они ее не растащили, в глаза не видели таких книг и в таком количестве, которые поступили благодаря Михаилу Борисовичу. И он не только прочитывал сам. Когда начал заказывать книги, видел, что другим тяжело осилить Ключевского или Соловьева, и заказывал книги по интересам. Заказывал учебники. Не для себя. Ему приходили учебники: Алгебра 5-й класс, 6-й класс, чуть ли не буквари. Видел, что интересуются детективами, заказывал детективы. Для того чтобы читали, а не занимались чем-то другим.

Но администрация колонии это было не нужно. Их бы вполне устроило, если бы Михаил Борисович лег на кровать, разогнул пальцы веером и пел Мурку: вот это бы им нравилось.

И сколько поступало книг, они не видели столько никогда, и в библиотеке не видели. И Михаил Борисович ничего с собой не забрал. Все там осталось.

— А писали, что он с собой библиотеку привез...

— Да глупости это все! Когда его перевели из Краснокаменска в Читу, он заново собирал книги. И с удовольствием. Но там была другая история. Они отказались принимать их в библиотеку. Совершенно глупо! Мы забирали их у него, таскали эти книги, уносили с собой, потому что негде было хранить, вместо того чтобы передавать библиотеке СИЗО для всех. И согласие Михаила Борисовича было, и было желание, но не давала администрация. Администрации нужен заключенный, который бы лежал на кровати, разогнув пальцы, и пел «Мурку».

В Краснокаменске книги могли оставаться, а в Читинском СИЗО — нет. Это же не только отношение к Михаилу Борисови-

чу, это отношение к другим заключенным. Не нужны. Зачем? Не должны заключенные читать.

Первое взыскание объявили уже 14 декабря, после того, как Михаил Борисович начал выходить на швейное производство в качестве ученика швей-моториста. За то, что оставил рабочее место.

Что значит «оставил рабочее место»? Швейный цех — это отдельно стоящий корпус. И на первом этаже один цех, одно производство, на втором — другое производство. И швейное производство занимало второй этаж и состояло из нескольких цехов: раскроечный, швейный и так далее.

Что значит «цех»? Это комната. Второй этаж — несколько комнат, соединенных общим коридором. И все там работающие все время ходили из одного цеха в другой, потому что это связанный цикл производства. И туалет один на всех в конце коридора, вода — одна на всех в коридоре. И все туда ходили, и никого никогда не наказывали.

Михаил Борисович вышел из цеха. И за оставление рабочего места ему объявили выговор. Он потом объяснил, что за слесарем пошел. Естественно, он не большой специалист в швейных машинках. Пошел посоветоваться с бригадиром, что делать, вышел из цеха и получил выговор за оставление рабочего места.

Потом сменился начальник колонии. У меня нет таких официальных сведений, но я думаю, что это, безусловно, связано с Михаилом Борисовичем. Предыдущий начальник просто не соответствовал по своим личностным качествам. Но утверждать никак не могу.

Евстратова сняли после первого же наказания.

Это то, что касается первого взыскания. Мы его обжаловали в суд.

Дело рассматривалось в ШИЗО, чего раньше никогда не было.

На процессе в качестве свидетелей опрашивались и лица, отбывающие наказание. Рассматривала председатель суда.

Когда мы обсуждали с Михаилом Борисовичем порядок обжалования этого взыскания, я сказала: «Михаил Борисович, вы прекрасно понимаете, что у нас свидетелями были лица подневольные. Им еще отбывать наказание ой-ой-ой сколько, а над ними стоят те, кто может от них потребовать все, и ждать, что они скажут правду, не стоит».

Он ответил: «Я на это и не надеюсь».

И когда в процессе выступал свидетель Бадмаев, я его даже запомнила. У него срок был около восьми лет лишения свободы, и впереди почти полный срок.

Он сказал: «Вы знаете, утром ко мне пришли оперативники, дали две пачки сигарет и сказали, чтобы я говорил сейчас, что всем было запрещено выходить из этих комнат, и поэтому Михаилу Борисовичу тоже запретили, он знал, но специально вышел. Это неправда, я хоть знаю, что меня будут всячески гнобить и создавать невыносимые условия, но против Борисыча я ничего сказать не могу, он очень хороший человек».

Вы знаете, у меня сразу слезы потекли, потому что это поступок, настоящий поступок.

Человеческое отношение было и со стороны судьи. При рассмотрении дела она посадила нас вместе с Михаилом Борисовичем, за один стол. Это было проявление нормального отношения к людям. А ведь он уже потерял веру в людей.

Мы сидели с ним за одним столом во время всего процесса. И он мог писать, и мы могли общаться. Это было показательно, как и слова свидетеля Бадмаева.

Суд отменил это взыскание.

Михаил Борисович стал первым заключенным краснокаменной колонии, который обжаловал наложенное взыскание в суде.

Я написала ему и поздравила с победой:

«Это не только победа одного человека в борьбе против произвола администрации одной колонии. Это прецедент. И пусть у нас не прецедентное право. Все равно найдутся подражатели, и мы хоть на полшага приблизимся к западной, цивилизованной пенитенциарной системе.

Не знаю, были ли у вас предшественники, или это впервые в русской истории. В любом случае, только благодаря вам русскому обществу стало известно, что это вообще возможно, что против произвола тюремной администрации можно бороться законными методами и побеждать».

В ноябре 2005-го в колонию посетил священник настоятель храма в Краснокаменске Сергей Таратухин, бывший советский политзек. Он встретился с Ходорковским, говорил с ним и отказался освящать здание администрации колонии, поскольку в ней сидит политический заключенный.

«Я служил в церкви в Краснокаменске. Все было прекрасно, — рассказал он журналистам. — Потом привезли Ходорков-

ского. Приехали корреспонденты. И я понял: Господь посылает мне испытание. Высказаться — дело совести».

Сначала ему запретили посещать колонию, потом отправили в дальний приход, в таежное село Красный Чекой, и, наконец, лишили сана.

12 января следующего 2006 года выяснилось, что Ходорковскому запретили очередное свидание с женой, которое должно было состояться 30 января.

Отмену свидания объяснили, понятно, ремонтом.

Кроме того, он больше не мог работать с документами на встречах с адвокатами.

«Ранее, чтобы он мог прочесть документы, адвокаты прикладывали лист бумаги к разделяющему стеклу, — писал «Коммерсант». — Теперь во время свиданий с адвокатами свет на стороне, где сидит Михаил Ходорковский, выключается, и у него нет возможности читать тексты».

— После этого, 24 января, Ходорковский получает ШИЗО за документы, которые якобы не имел права хранить, — рассказывает Наталья Терехова. — Это были приказы министерства юстиции. Они были обнаружены у него в тумбочке, и это сочли великим грехом. Если бы он читал матерные частушки, это было бы нормально, а приказы министерства юстиции читать нельзя.

— А он их вроде бы даже по почте получил?

— По почте, по почте. В конверте. Его передал цензор. В распечатанном виде, и приказы отдельно. И конверт даже не передали. Он получил за это пять суток ШИЗО. Взыскание мы обжаловали и процесс выиграли: ШИЗО было отменено.

ШИЗО — это отдельный барак камерного типа, в камере по два человека.

Сидеть и спать в течение дня нельзя, нельзя брать с собой литературу, развлечения и т.д., только материалы уголовного дела.

Но температурный режим нормальный совершенно. В Краснокаменске не было такого, потому что в нашем городе везде тепло. У нас хорошо работают коммунальные службы, так что даже в зоне нормальный температурный режим, и вода там хорошая.

А условия в ШИЗО — да, там ограничения и существенные ограничения.

Это было его второе взыскание.

А первого февраля заканчивался срок обучения Михаила Ходорковского швейному делу в качестве ученика швей-моториста. И ему предстоял экзамен.

Использовать человека с тремя высшими образованиями для шитья рукавиц — это, конечно, очень инновационно и вполне в духе модернизации.

«Не удивляет это меня ни в малейшей степени, — писала я Ходорковскому. — Бриллиантами дороги мостить — национальный русский обычай...»

Какая польза обществу от того, что удачливый бизнесмен и гениальный менеджер с красным дипломом шьет перчатки? Но речь не о вас. Мне жаль Россию. Возможно, она и сидит вечно в том зловонном и темном месте в нижней части человеческого тела, что бриллиантами дороги мостит.

Так подумаешь, и с тоской вспомнишь о сталинских шарашках. По крайней мере, это было разумнее.

Мой дед рассказывал, как Илюшин ходил под охраной по территории завода. На всякий случай уточняю: это не был почетный эскорт».

Экзамен на швей-моториста Михаил Борисович благополучно завалил. Из-за плохого зрения не видел строчки.

И его перевели в упаковщики цеха готовой продукции, что еще инновационнее.

А научной деятельностью великодушно разрешили заниматься в свободное от «основной работы» время.

И тогда я поняла, почему в России плохие дороги. Дело в том, что бриллианты — очень плохое дорожное покрытие.

ПОКУШЕНИЕ

— Третье взыскание он получил, когда они с Кучмой пили чай, — вспоминает Наталья Терехова. — Это было уже в марте, когда он пришел после встречи с Каринной Москаленко. Он не поужинал.

Это отдельная история: встречи с адвокатами Михаилу Борисовичу предоставлялись только после шести вечера, потому что считалось, что он работает, и нельзя прерывать столь важный производственный цикл для встречи с адвокатами, этими бездельниками. Только после шести. И со мной, и с другими адвокатами, которые были наездами. Я никогда не возвращалась домой раньше десяти вечера.

— А другим заключенным позволяли встречи с адвокатами в рабочее время?

— Конечно. Сколько работаю, в каких колониях ни была — в первый раз в жизни с этим столкнулась. Я даже про существование такого пункта ПВР не знала до Михаила Борисовича. Всегда было без проблем. Снимали с работы. Пришел адвокат — вызвали с работы, и ради бога: встречайтесь. Никогда это препятствием не было. Но Михаил Борисович — исключение. Я говорю, я не знала до этого времени, что такой пункт вообще есть. А когда меня носом ткнули, сказали: «А что? В наших правилах так написано». Пришлось изучить правила.

Потом мы обжаловали эти действия и пункт 83 правил внутреннего распорядка (в нем было сказано, что встречи с адвокатами допускаются в нерабочее время для лица, отбывающего наказание) в Верховном суде, и его отменили. Но еще очень долго в колонии никак не хотели мириться с тем, что этого пункта нет, и продолжали пускать только после шести.

В тот день у него была Каринна Москаленко, и он пришел около девяти вечера и сел пить чай в комнате, где всегда все пили чай, в том числе и сотрудники администрации¹. Там стоял чайник, Кучма присоседился. Ну, что Михаил Борисович скажет: «Не пей со мной чай»? И он сел, попил чай. Питье чая закончилось семью сутками ШИЗО. Вы знаете, это уникальная ситуация. Существуют неписанные правила даже для администрации. И обычно считается неприемлемым наказывать за это. Попил чай, кто-то кого-то угостил сигаретой — никогда сотрудники за это не наказывают. Это уже не только нечеловечно, но переходит все грани вообще, мы тогда превращаемся в животных. Такое отношение и было со стороны администрации. Когда из-за того, что они пили чай, его поместили в ШИЗО. Это конечно безобразия полное.

Они отсидели с Кучмой семь суток. Долго мы расхлебывали последствия этого сидения. И только 25 февраля этого года закончилась эта эпопея.

— А что за человек этот Кучма? Вы его видели? С ним общались?

— Видеть и общаться я с ним не могла, потому что у меня не было ни возможности, ни желания как-то до него дотянуться. Я считаю, что человек с отклонениями психики. Наказание у него

¹ Официальная причина ШИЗО по версии администрации краснокаменской колонии: «за употребление пищи не в специально отведенном для этого месте».

было свыше семи лет, за разбой. Как он вообще оказался рядом с Михаилом Борисовичем и почему это поощрялось — это отдельный вопрос. Эти люди должны наблюдаться и психологами, и психиатрами и содержаться в несколько других условиях.

В ночь с 13 на 14 апреля 2006-го Михаил Ходорковский проснулся от резкой боли. Было начало пятого. Он потрогал лицо и почувствовал, что оно мокрое. Включил свет, посмотрел в зеркало: по щеке стекала кровь. Он разбудил отрядного завхоза, и тот вызвал оперативного дежурного по колонии.

В медпункте на порез наложили швы и повязку с антисептической мазью.

Виновного нашли быстро.

— Потом Кучма порезал Михаила Борисовича, — рассказывает Наталья Терехова. — Эти материалы стали доступны нам в связи с обращением Кучмы¹, и из этих материалов явствует, что человек явно готовился это сделать. Подобрал орудие, нож сапожный, и хотел выколоть глаз. Это написано во всех объяснениях. И это чуть-чуть не осуществилось: бог отвел руку. Потому, что это было ночью, и куда он попал, я считаю, что даже высшие силы на стороне Михаила Борисовича. По-другому никак не объяснишь. Могло закончиться очень плохо.

Объяснения Кучмы — это объяснения человека с неустойчивой психикой. Нет толковой, ясной мотивировки. То говорит, что якобы из-за Михаила Борисовича попал в ШИЗО, Ходорковского в ШИЗО поместили, и его заодно. То, что Ходорковский его сильно много жизни учил, а чего его было учить жизни?

Была и другая причина. У него был конфликт с одним из смотрящих отрядов, а он дал объяснения в пользу Михаила Борисовича, когда их помещали в ШИЗО. Кучма написал, что действительно в этой комнате все пили чай: чего вы нас наказываете? И к нему начали плохо относиться сотрудники администрации. Сказали, что его переведут в третий отряд, хотя четко знали, что в третьем отряде его злейший враг Ким. У них неприязненные отношения. Ким очень влиятелен среди осужденных отрицательной настроенности. Кучма очень боялся перевода. И администрация использовала это против Михаила Борисовича, так что я считаю, что происходило подстрекательство.

¹ Об этом обращении читайте дальше.

Он узнал, что, чтобы не переехать в третий отряд, есть та-кой способ: можно переехать в другую колонию. Этот способ и использовал.

Но четкой линии нет, и это прослеживается во всех объяснениях. Здесь и то, что он его жизни учил (нечего учить его жизни), и то, что они вместе сидели, и даже то, что он был должен ему деньги. Обещал то ли пятьсот, то ли тысячу долларов.

— Кто, Ходорковский Кучме или Кучма Ходорковскому?

— Михаил Борисович Кучме, конечно. Как же может быть иначе? У нас один олигарх есть.

Уже после освобождения Кучма дал интервью нескольким изданиям, где утверждал, что совершил покушение на Ходорковского по прямому указанию администрации колонии. От него требовали, чтобы он нанес удар Ходорковскому в глаз и говорили, что за этим стоят «большие люди» в Москве, а значит, его прикроют. И не «бог отвел руку», а он сам от этого отказался, ведь не в глаз ударил, а только поцарапал нос.

«Первый раз я не согласился, вызвали во второй раз, опять побили, — рассказывал он «Газете.ру». — Сказали, что я уже все знаю и, если не соглашусь, меня повесят в штрафном изоляторе и скажут, что сам повесился. Во второй раз они убедили меня, что убьют, если не соглашусь. Я сделал вид, что согласился»¹.

Кучма дал интервью даже телеканалу НТВ, но его немедленно и со скандалом сняли с эфира.

«...НТВ — это нечестная компания, и вопросы так задавали, что им не суть важно случившееся, о Ходорковском, а им нужно меня грязью облить, обсмеять, чтобы поставить под сомнение мои факты», — рассказывал Кучма радио «Коммерсант FM». — «...Я им говорю, что меня пытали, били, заставляли напасть на Ходорковского, а они спрашивают: «Ты сожалеешь об этом?» Я говорю: «О чем сожалеть-то? О том, что мне руки ломали и заставляли идти на преступление?»».

А потом его заставили обвинить Ходорковского в сексуальных домогательствах и объяснить этим причину покушения.

Преступление Кучмы квалифицировали как «умышленное причинение легкого вреда здоровью». Начать по этой статье уголовное преследование можно только по заявлению потерпевшего.

¹ «Газета.ру». 26,05.11. Роман Баданин. «Предложили учинить расправу над Ходорковским».

Ходорковский писать заявление отказался. И передал адвокатам, что молодой человек вряд ли заслуживает сурового наказания, поскольку так же, как он, сидит в неволе, тяжело переживает эту ситуацию и, видимо, не «ведает, что творит».

— После того, как он порезал Михаила Борисовича, у Ходорковского остался шрам, нос перевязан, — рассказывает Наталья Юрьевна. — Конечно, это было очень неприятно. Михаила Борисовича поместили в так называемое «безопасное место»¹: в ШИЗО, правда, в отдельную камеру, но в помещение ШИЗО. И он отсидел там 30 суток. Его поместили туда где-то 18 апреля и выпустили в середине мая. Хотя все возражали, даже Кучма.

20 апреля адвокат Ходорковского Юрий Шмидт созвал пресс-конференцию.

«Он жил в бараке и никакой угрозы не ощущал, — рассказал он о своем подзащитном. — Об истории с подозрениями в сексуальных домогательствах зеки лучше нас знают, что это ложь, и сказали Ходорковскому, что он может быть совершенно спокоен. Одиночка как раз опаснее: там проще что-то с ним сделать, потому что свидетелей нет. Бояться-то Ходорковскому некого, подлянки же он ждет только от власти».

— Это одиночка самая настоящая, специально запланированная, чтобы его изолировать, — говорит Наталья Терехова. — Он объявлял сухую голодовку по этому поводу. Попал в медицинский изолятор, где его лечили три дня, а потом поместили обратно в это же безопасное место.

— А сколько времени он держал голодовку?

— Четыре дня. С 27 апреля. И 30-го вечером его перевели в медицинский изолятор.

— Он отказался от голодовки после этого?

— В принципе, да. Мы говорили, и прежде всего я: ну, кому лучше-то от этого будет.

— Отговаривали?

— Я, да. Естественно, потому что в данном случае протестовать своим здоровьем, своей жизнью — безрассудство полней-

¹ «Чтобы прекратить все спекуляции относительно осужденного Ходорковского, в том числе и об угрозе его жизни, мы решили перевести его в одиночную камеру. Там ему будет безопасно», — прокомментировал глава ФСИН Юрий Калинин: Газета «Коммерсантъ» № 69 (3400) от 19.04.2006. Тогда же в СМИ появилась информация со ссылкой на неназванный источник в колонии, что Кучма в объяснительной записке утверждал, что стал объектом сексуальных домогательств со стороны Ходорковского. Эта история будет иметь продолжение.

шее. Таким противостоянием с другой стороной ничего не докажешь совершенно. Единственно, что мы могли спровоцировать — это чтобы ему насильно кололи. Кстати, было обещано. Искусственное кормление. Этого нам еще не хватало! Это было очень тяжелое время для Михаила Борисовича: тот апрель.

— Если один заключенный нападает на другого, «помещение в безопасное место» — насколько распространенная практика?

— «Помещение» бывает, эта практика есть. Но когда есть реальные основания опасаться чего-либо. В данном случае кого должны были изолировать?

— По-моему, Кучму.

— Вот именно. А Михаилу Борисовичу, наверное, создать какие-нибудь условия, а не помещать в ШИЗО или одиночку. Кучму, кстати, поместили в то же ШИЗО. В соседнюю камеру. Двоих наказали. Только Михаила Борисовича непонятно за что и сроком гораздо большим: 30 суток.

— А Кучму когда освободили?

— Его почти сразу увезли в другую колонию, на камерный режим. У него там отдельно судьба развивалась. Он порезал еще одного заключенного. Я говорю, что человек с неуравновешенной психикой.

— И Кучму увезли, а Михаил Борисович все сидел в этом ШИЗО?

— Конечно. Кучму увезли через неделю.

— Понятно. И никак это не объясняли логически?

— Да что вы говорите? Кто с нами, когда, о чем-то советовался? И что касается документов по взысканиям: они мне обязаны были их давать. Мне их ни разу не дали, эти документы. Хорошо, что я такой человек доскональный и вообще не люблю, когда мне «нет» говорят. Я им всегда писала заявления: «Дайте». И даже чтобы зарегистрировать мое заявление, нужно было усилие. Потому что сразу закрывались все двери, все окошки. Приходилось либо телеграммой им отправлять, либо почтой, либо еще каким-то образом.

— Администрации?

— Администрации ИК-10. Это с огромным трудом. Тех, кто у меня брал заявление или жалобу, потом наказывали. Ну, я понимаю, подневольные девочки, что они в канцелярии там? В канцелярии женщина, правда, сидит. Я понимаю, что я ей доставляю неприятности. Она говорит: «Меня ругают за это. Меня за это наказывают». И я и ей сочувствую, но в гораздо худшем положении

находится человек за решеткой. И я выполняю свою работу. Там очень сложная обстановка, даже для сотрудников. Они выполняли эти ужасные указания начальства под страхом увольнения.

ДЕЛО О ДВУХ ЛИМОНАХ

Следующее ШИЗО Ходорковского было в июне. 3 июня в его личных вещах якобы обнаружили 2 лимона и яблоко, которые ему якобы не передавали в передачах. И из-за этого он получил 10 суток ШИЗО.

— Этого тоже не бывает, да? — спрашиваю я у Натальи Тереховой.

— Ну, о чем вы говорите! Они друг друга угощают, и что же теперь? Может быть, там что-то не проходило по передачам. А на самом деле знаете, как было? Когда Михаила Борисовича поместили в «безопасное место» (там у них общее место для хранения вещей и продуктов), заключенные брали, пользовались продуктами, и когда он должен был вернуться, ему их отдали. Это же нормально. Так люди себя ведут. Вот и появился этот лимон. Когда он пришел, они сказали: «Борисыч страданул изрядно». Даже они так оценили эту ситуацию.

— Насколько я знаю, потом было принято постановление о том, что заключенным нельзя меняться продуктами...

— Нет. Есть правило внутреннего распорядка, в котором обмен запрещен, и дарить друг другу запрещено. Но о чем речь-то ведется? Речь о том, чтобы заключенные не менялись так: у меня квартира в Сокольниках в Москве, а у меня сарай. И они поменялись. Это чтобы исключить подобные сделки, когда один сильнее физически, а другой соглашается из страха. Но извините меня, когда угощают одним лимоном — это совсем другое дело.

Мы по этому поводу обращались в Верховный суд, и он давал нам разъяснения. Такие вещи, как лимон, не могут считаться нарушением. Это совершенно очевидно. Но очевидно для нас с вами, а не для администрации колонии.

Мы обжаловали это взыскание и получили положительное решение. Из всех взысканий мы из тактических соображений не обжаловали одно: эпизод с чаем.

Я смотрела материалы личного дела Михаила Борисовича и поняла, что тома, которые посвящены жизни Ходорковского в колонии Краснокаменска, пусть будут на совести сотрудников колонии. Они столько насобирали материала, что видно, что

сводили за каждым его шагом. Они пытались выслужиться, писали рапорты.

Когда он сидел в ШИЗО, открыли пол, и там обнаружили какие-то заржавевшие металлические предметы. И рапорт пишут. Очевидно, Михаил Борисович вскрывал пол и туда это помещал. Мелко это, подло. О чем говорит? Прежде всего, о характере. Если бы у человека, который руководит колонией, и у сотрудников был характер, и они бы сказали, что никогда не будут этого делать — они бы и не стали. Но они слепо выполняли устные распоряжения каких-то лиц. Пусть это будет на их совести. Хотя крови они попортили море.

Все наши последующие встречи, как и первая, были в помещении ШИЗО, и он стоял за сеткой. Только так. Мы и писали по этому поводу, и жаловались. Только с 1 марта 2006-го положение изменилось. Свидания перевели в корпус, где обычно встречались с адвокатами заключенные, отбывающие наказание в Краснокаменске.

Там был оборудован отдельный кабинет, но все равно Михаила Борисовича заводили, закрывали. Но, по крайней мере, он был не в клетке, а как бы в отдельной комнате, и между нами было стеклянное окошечко. Не дай бог, мы бы сидели за одним столом! Нас разделяла стена. Я потом говорила Михаилу Борисовичу: я вас все время вижу в клеточку, и уже не понимаю, какое у вас лицо. Хотя мы писали жалобы по этому поводу.

ЧИТА

— Из Краснокаменска он уехал 20 декабря 2006 года. И у него начался период СИЗО. Уже в Чите, — рассказывает Наталья Терехова. — Его перевели совершенно неожиданно. Я была в Москве, в командировке, а в Краснокаменске остался Семен Леонович Розенберг, еще один читинский адвокат. Он был у Михаила Борисовича 19 декабря 2006 года, беседовал с ним, и никто не был поставлен в известность о том, что на следующий день Ходорковского переведут в Читу. Его перевели 20-го. Неожиданно и для Михаила Борисовича, и для сотрудников колонии. Приехал специальный конвой, привез приказ о переводе, и спецконвоем он был этапирован в Читу. Не на общих основаниях. Обычно это поезд со спецвагоном, в котором этапировуют заключенных.

Он был этапирован один в сопровождении специального конвоя. Поэтому очень быстро собирался. Что-то успел взять, что-то не успел. Многое, в том числе его многочисленные записи, остались в колонии, и мы их так и не смогли забрать. Например, документы, с которыми он работал.

20-го он оказался в Чите. И опять никого об этом не известили. Узнал Семен Леонович Розенберг от заключенных СИЗО, своих подзащитных. Они говорят: «А вы знаете, что здесь Ходорковский?» Он: «Да вы что! Я вчера с ним разговаривал. Он был в Краснокаменске». «Нет, он здесь».

Семен Леонович пошел к администрации СИЗО, и ему подтвердили, что Михаил Борисович здесь. Но к нему не допустили, несмотря на предъявление ордера, что является безусловным законным основанием для посещения лиц, содержащихся в СИЗО. Семени Леоновича не пустили и сказали, что будут пускать адвокатов по особому распоряжению, по списку, который составит Генеральная прокуратура Российской Федерации, что потом и было сделано. Никто из нас не смог попасть к Михаилу Борисовичу раньше где-то 25-го или 26 декабря. Не допускали более недели.

Приехали адвокаты из Москвы, которые были внесены в особый список. Из Москвы приехал Антон Дрель, из Петербурга — Юрий Маркович Шмидт, они в особом списке, с которым сверялся начальник спецчасти СИЗО. Делалась специальная записка, и тогда можно было к нему попасть.

— А на каком основании?

— Ни на каком. Но нас туда не пускали. Ну, что? Боевые действия проводить? Не пускают. Все. Приходишь с ордером — не пускают. И даже потом, когда появились адвокаты, которые участвовали в работе, но не были внесены в специальный список, они тоже не допускались.

Приходишь к начальнику СИЗО — начальник СИЗО отказывает на том основании, что вас нет в списке. Созваниваешься со следственной группой, предъявляешь им ордер, тебя вносят в список, который пока из Москвы придет — это тоже время, и только после этого можно попасть к Михаилу Борисовичу. Все. По-другому никак не происходило.

Михаил Борисович был помещен в Малый корпус СИЗО. 13-й пост. Это особые условия содержания, особая изоляция. В камере был еще один человек, они просто не могли содержать его одного, это была бы одиночная камера, что противо-

речит буквально всему: всем — и международным, и российским — нормам.

Конвоировали особыми подразделениями, присланными из Москвы, московские адвокаты опознали людей из СИЗО 99/1. Они их видели во время первого процесса. И начальник конвоя был московский. С течением времени состав конвоя менялся. Был и Иркутский конвой командирован. По неофициальным сведениям, специально для конвоирования Ходорковского в Читу были переведены отряды в 350 человек, причем их возглавлял генерал, которого тоже прикомандировали к Чите.

Михаилу Борисовичу объявили, что он подозревается в отмывании денег, похищенных у «дочек» «ЮКОСа» путем пожертвований фонду «Открытая Россия». Потом «Открытая Россия» полностью исчезнет из обвинения.

Ходорковский заявил, что в политическом фарсе участвовать не будет, поскольку не верит в возможность правосудия в современной России. И заявил отвод всей следственной группе в полном составе по причине ее полной зависимости от кремлевской администрации. И отказался от дачи показаний.

— И начались следственные действия, если это можно так назвать, — продолжает Наталья Терехова. — Перед Новым годом, 28 декабря, начали ознакомление с экспертизами по делам, которые не имели никакого отношения к Михаилу Борисовичу, только чтобы занять время. Нам приносят экспертизу, мы смотрим номер уголовного дела, а он не совпадает с номером дела, подозрение по которому объявили Михаилу Борисовичу.

— Это же целая система дел. Может быть, они как-то были связаны? Или вообще не относились?

— На тот момент нет. По закону они обязаны были предъявить подозрения, далее объявить, что по тем делам проведены экспертизы, и объяснить, какое отношение они имеют к этому подозрению, хотя бы должно быть понятно, от чего защищаться. Непонятно, от чего защищаться-то!

— То есть не было предъявлено обвинение? Михаил Борисович был подозреваемым?

— Подозрение было объявлено, но то, что нам предъявлялось, и то, что делало следствие, тогда было совершенно непонятно. Нам приносили экспертизы. Кучи экспертиз! Многотомных, информационных, аналитических, экономических, бухгал-

терских. Но какое отношение они имеют к Михаилу Борисовичу, нам было непонятно.

Вот мы сидим, перед нами несколько томов. Не десять, не двадцать — сотни страниц! Знакомимся и не знаем, что там искать, с чем сравнивать, с чем сопоставлять. Сразу начали заявлять ходатайства, чтобы нам разъяснили, с чем связано предъявление этих экспертиз.

По закону как это делается? Экспертиза должна назначаться в рамках дела, по которому предъявлено подозрение и потом будет предъявлено обвинение. И знакомят до производства экспертизы с постановлением, то есть сначала постановление о назначении экспертизы, с ним должны ознакомить, а потом экспертиза проводится. А нас познакомили с экспертизами 2004 года, 2003 года, которые... ну, было очень сложно сопоставить обстоятельства, имеющие значение для только что объявленного подозрения с несколькими десятками готовых заключений экспертиз.. Сориентироваться, в связи с чем привезли Михаила Борисовича и что там планируется и каким образом, было невозможно. Мы не понимали ситуацию. Что будет предъявлено, в чем подозревают, потому что конкретизации никакой не было. Привезли и все.

Обвинение было предъявлено 5 февраля 2007-го. И «Открытой России» в нем уже не было, хотя в газете «Коммерсант» от 6 февраля еще утверждается, что была.

7 февраля на сайте пресс-центра было опубликовано обращение Ходорковского:

«Сегодня нам с моим другом Платоном Лебедевым предъявлены очередные бездоказательные, абсурдные обвинения.

Что будет дальше — совершенно очевидно. Фальсифицированные псевдоулики, показания запуганных или обманутых лже-свидетелей и — скорый обвинительный приговор. Позорный фарс, не имеющий ничего общего с правосудием.

Для чего все это делается, тоже вполне понятно. Те люди, которые изобрели «дело Ходорковского», чтобы украсть самую процветающую нефтяную компанию России — «ЮКОС», очень боятся увидеть меня на свободе и хотят застраховать себя от моего условно-досрочного освобождения.

Эти несчастные, кажется, всерьез полагают, что человеческая и историческая оценка их действий зависит от очередного фальшивого приговора басманно-мещанского «суда». Они не понимают, что каждым новым шагом лишь усугубляют свое по-

ложение, загоняя в угол и себя, и своего непосредственного начальника Владимира Путина. Не знаю, скажет ли им за это Путин «спасибо».

Впрочем, у них еще есть выход, возможность спастись и обеспечить себе долгосрочные гарантии безопасности. Единственный их шанс — это своевременный добровольный уход от власти в России и честные, справедливые, прозрачные выборы, на которых будет избран новый президент нашей страны. Человек, не имеющий ничего общего с гигантской машиной коррупции, сковавшей Россию по рукам и ногам, человек, уважающий независимость суда.

Моя задача в предстоящем процессе — на своем примере показать, что в сегодняшней России существует заказное правосудие, что правоохранительная система, международное сотрудничество правоохранительных органов используются не только для борьбы с преступностью, но и в корыстных целях чиновников и в их личных политических интересах.

Заведомо ложные обвинения, при наличии политического заказа, штампуются и следствием, и судом. И нынешней власти, правящей элите России — не стыдно.

Суд, ставший безропотной частью «вертикали власти», конечно, вынесет обвинительный приговор.

Новый приговор меня не страшит. Какая разница, сколько мне сейчас еще дадут по заведомо ложным обвинениям? Все равно моим гонителям — «партии второго срока Ходорковского» — не верит ни один порядочный человек в мире. Наша с Платоном дальнейшая судьба целиком определяется судьбой нашей Родины, ее обликом после смены власти в 2008 году.

Я верю, что правда и справедливость восторжествуют».

В тот же день глава Московской Хельсинской группы Людмила Алексеева заявила о том, что российские правозащитники признали Михаила Ходорковского, Платона Лебедева и всех фигурантов дела «ЮКОСа» политзаключенными.

— Он содержался на особом положении, на 13-м посту, — вспоминает Наталья Терехова. — Заходить туда — это была особая песня: несколько систем контроля. Если адвокат идет на общих основаниях, к обычному лицу, содержащемуся под стражей, он просто приходит в спецчасть, далеко не к начальнику спецчасти, оформляет требование, ему выписывается пропуск, с которым он проходит зоны контроля, потом сидит, ждет очереди в следственный кабинет, как нормальные люди.

Нам было необходимо прийти к начальнику СИЗО. Сначала подписывал требование начальник спецчасти, затем начальник СИЗО, и никто другой. Если нет кого-нибудь из них, даже по служебным причинам, туда уже не зайти. Все, на этом закончилось ваше посещение.

Если подпись получена, за вами должны прийти сопровождающие лица, как минимум, два человека с тринадцатого поста. И пока за вами не придут, вы не двинетесь из приемной начальника СИЗО. И вот мы сидим, ждем, когда за нами придут.

Идем, и эти встречающие и сопровождающие всем встречным заключенным говорят: «Лицом к стене! Руки на стену! Ноги на ширине плеч!» Создается впечатление, что меня конвоируют. Не сопровождают, а конвоируют. Мы проходим многие, многие, многие двери, они закрываются за нами одна за другой, и очень неприятно себя чувствуешь.

Начали следственные действия. Я уже объяснила, в чем они заключались. И это продолжалось до апреля 2007-го. Ежедневно. Сначала мы ходили в СИЗО к Михаилу Борисовичу, потом его начали вывозить в прокуратуру, в помещение областной прокуратуры, где оборудовали специальный кабинет. Без окон, с дверью. Как бы в центре здания.

Поражала специальная система охраны, выбранная для Михаила Борисовича: люди в камуфляже с закрытыми лицами, с гранатометами. Они встречали вас на входе в областную прокуратуру, посетители были просто в шоке. Казалось, что здание захвачено, и непонятно, куда зашел. А это всего-навсего Михаила Борисовича привезли для выполнения следственных действий.

Потом мы проходили через специальный коридор, где досматривали буквально все. Это ни одним законом не предусмотрено, ведь мы заходили в здание, которое не является режимным. Здание областной прокуратуры — это не СИЗО, и какой-либо системы досмотра для адвокатов не предусмотрено.

По этому поводу я написала много бумаг, но однажды мне очень наглядно все объяснила Татьяна Борисовна Русанова — следователь следственной группы из Москвы. Я в очередной раз не позволила себя досматривать перед заходом в кабинет к Михаилу Борисовичу. Представляете: девять мужчин стоят (я посчитала специально), здоровых таких, окружили тебя, и надо снять верхнюю одежду: пальто, потому что была зима. И один из них должен по контурам твоего тела обводить металлоискателем. Я сочла это самым что ни на есть унижением.

И вот, когда я начала возмущаться и говорить, что не позволю этого сделать, Татьяна Борисовна Русанова мне и сказала: «Что вы, Наталья Юрьевна, возмущаетесь? Вы что, никогда не ходили в ночные клубы? Там всегда так делают». «Конечно, я не хожу в ночные клубы и на самолетах не летаю, но везде есть определенные правила, и они должны соблюдаться. И в клуб я могу не пойти, если мне это не нравится. А в данном случае я не пойти не могу. Я должна выполнять свои обязанности». Я так и не позволила таким образом досматривать, но это был большой скандал. После этого, кстати, все попытки таких досмотров прекратились полностью.

Не разрешали компьютеры заносить в кабинет. У нас сейчас разрешено даже в СИЗО заносить компьютеры для работы. Сами понимаете, что значит теперь работать без компьютера. Это практически невозможно. Там находятся и материалы дела, и документы, и так далее. У нас есть решение Верховного суда, которое говорит: «Да, безусловно, это средство для работы, оно должно использоваться адвокатами». И телефоны уже давно разрешили в СИЗО заносить — тоже решение Верховного Суда.

Нам не разрешали заносить компьютеры в здание прокуратуры. Отбирали и закрывали в сейф. Абсурд! Это же обыкновенное здание, обыкновенный офис. А условия сохранности? Может быть, их интересовали наши данные или документы?

Когда Михаила Борисовича в первый раз везли на санкцию в Читинский Ингодинский суд, который давал разрешение на арест, — это было что-то невероятное!

Перекрыли половину Читы: все доступы, все улицы к Ингодинскому районному суду (это центр Читы) не только для машин, но и для пешеходов. Там рядом здание школы для слабовидящих или слабослышащих детей: родители приходят их встречать. И просто жилые дома. Целый день люди не могли попасть домой, не могли пройти в школу за детьми. Снайперы сидели на крышах. Город не понимал, что происходит. И все в камуфляже, как ниндзя, с закрытыми лицами, с гранатометами.

Представляете? Целый район оккупирован непонятными войсками без опознавательных знаков. Принадлежность войск невозможно определить. Мы привыкли, что где-то на лацканах или на рукавах нашиты эмблемы. А здесь — ничего! Определить, к чему это, что за захват, — невозможно. Местное население было напугано.

Когда их везли из СИЗО до суда, перекрывали дороги. Представляете? Примерно как президента Российской Федерации.

Когда в феврале 2009-го в Читу приезжал Медведев, таких мер безопасности не применялось.

Что значит — не оказывали давления на суд? Все сказано тем, как человека привезли. Судье уже все понятно. Не надо звонить и давать указания. Достаточно создать антураж, и судье понятно, что необходимо сделать, какое решение принять.

Человек такого ранга, под такой охраной, столько ему внимания! Иначе судья не мог решить вопрос об аресте — только арестовать. Я считаю, что это самое сильное психологическое воздействие. Мы говорим о телефонных звонках. Они не нужны. Достаточно этого.

Меры безопасности изменились к осени 2007 года, стали немножко послабее. Изменилось отношение сопровождающих лиц. К тем же адвокатским бумагам.

Вначале отношение было такое, как будто мы нацелены передать Михаилу Борисовичу по меньшей мере гранатомет. Мы были враги, не знаю, какие. Было очень проблематично передавать ему бумаги по уголовному делу. Они, очевидно, сначала ходили в Москву, просматривались там всеми, потом возвращались. Это занимало минимум дней десять — две недели.

Представляете, я принесла бумагу: вот Михаил Борисович сидит, вот я сижу, мы общаемся, но обменяться документами нельзя.. Только через Москву. Самый ближний путь. Следователь подписал разрешение, бумаги забрали, донесли до СИЗО, СИЗО отправляет их в Москву, и вот, когда прочитают во всех возможных кабинетах (адвокатские-то бумаги!), они наконец доходят до Михаила Борисовича. Десять дней минимум шли бумаги до Михаила Борисовича, необходимые ему для работы.

— А вроде как есть адвокатская тайна?

— Она есть, она должна быть! У нас закон охраняет переписку между адвокатом и лицом, содержащимся под стражей. Можно открыть и посмотреть конверт от адвоката, только если есть сведения, что он готовит побег, и они должны быть реальными. А здесь...

— То есть это было абсолютно незаконно?

— Безусловно. Обменялись бумагами и сидим, работаем. За одним столом должны сидеть и работать. Такая система сразу выбивала из колеи, потому что привыкли к совершенно другому. Я не работала раньше по таким делам.

Приезжали на свидания родители и жена. Правда, особых проблем со свиданиями не было. Проблема в том, что ему определено наказание в колонии общего режима. Он имеет право

видеться с родными трое суток. Есть такие долгосрочные свидания. И этих свиданий он был лишен с того момента, как его перевели в СИЗО. Все. То есть его статус сразу поменялся. Содержание стало гораздо строже. И ограничены прогулки: час, полтора в день.

Поместив в тюрьму, ему изменили условия отбывания наказания на те, которые суд ему не определял.

— Интересно, а как обычно бывает, если человек сидит в колонии и возбуждается новое уголовное дело? Тоже переводят в СИЗО?

— Не всегда. Иногда они остаются и в колонии. Но сами за себя говорят сроки. Сроки-то должны быть разумными. Одно дело, когда речь идет о месяце, о трех, а его перевели с декабря 2006-го, а сегодня у нас июнь 2009-го. Этим все сказано. Уже не надо проводить аналогии с другими. Его перевели туда 20 декабря 2006-го, а сегодня у нас 21 мая 2009-го. И он находится далеко не в тех условиях, которые ему определил суд.

Следственные действия проводились где-то до апреля месяца 2007 г., потом их разом прекратили. Я имею в виду, что мы приходили и знакомились с материалами дела. А само следствие, то есть допросы свидетелей, осмотры, обыски, выемки, по делу, по которому предъявили обвинение Михаилу Борисовичу, не проводилось. Они проводились черт знает когда по каким-то делам.

У нас сейчас суд идет, да?¹ То, что сейчас оглашают прокуратуры, датировано 2000 годом. А подозрение было объявлено 21 декабря 2006-го. А следственные действия проводились в 2000 году и далеко не тому по делу, по которому сейчас предъявлено обвинение. И этим все сказано. После того, как было объявлено подозрение, собирание доказательств не проводилось, тем более в Чите.

Это незаконно. По нашему законодательству, следствие должно проводиться по месту совершения преступления. Теперь мы знаем и обвинительное заключение, и постановление о привлечении в качестве обвиняемого, там везде написано: город Москва, город Москва. Город Чита ни разу не упоминается. Но место расследования было определено: город Чита, причем заместителем генерального прокурора РФ Гринем. Это постановление обжаловалось, и самое удивительное, что 20 марта

¹ Интервью у Натальи Тереховой я брала в 2009 году, во время второго процесса по обвинению Ходорковского.

2007 года Басманный суд вынес решение в пользу защиты — признал незаконным местом расследования Читу. Это постановление устоялось в кассации, и следствие, очевидно, было поставлено в тупик. Были предприняты все возможные и невозможные меры, и с апреля по 26 июня (следственные действия возобновились в день рождения Михаила Борисовича) 2007 года следователей мы не видели, то есть до 26 июня нас вообще не знакомили с материалами дела: Михаил Борисович просто сидел в СИЗО, и следователи к нему не приходили, и нам ничего не объявили. Не предусмотрено законом приостановление ознакомления с материалами дела, нет такого. И таких нонсенсов, из ряда вон выходящих, по этому делу сплошь и рядом.

В этот период мы со следователями не встречались, чем они занимались, не знаю. МБХ содержался в СИЗО. С 17 апреля по 26 июня 2007 года он содержался в СИЗО, следователи к нему не приходили, ничего не происходило. Все усилия были направлены на то, чтобы сломать это решение Басманного суда, которое соответствовало закону, что им успешно удалось. Надзорная инстанция в лице Верховного суда все-таки отменила это решение, и местом расследования стала Чита.

Они этого добились, и тогда мы вернулись к изучению материалов дела. Хотя, наверное, в России нет ни одного другого такого дела, где место расследования было бы определено произвольно, причем на таком уровне, как заместитель генерального прокурора Российской Федерации. Нет больше таких дел. Хотя следствие в Чите не проводилось, это однозначно, только ознакомление было в Чите.

В начале июня 2007-го к Михаилу Ходорковскому на трехчасовое свидание приехала мать.

Обыскивали с металлоискателем. В руке у нее был прозрачный пакетик и там очки, носовой платок и валидол.

— Там по этажам очень бегать тяжело, — объяснила мне Марина Филипповна. — Они еще раньше разворачивали мой платок и смотрели. Теперь нет.

Свидание три часа, но, как они говорят, с проходом. Там далеко идти, поэтому где-то минут тридцать уходит. А если приходишь, и начальник не сразу подписывает пропуск, а там всего до шести часов, время сокращается еще больше.

Встречаемся за столом. По одну сторону я, по другую он.

— Он держится?

— Держится. Он всегда находит себе работу: пишет, читает. Такой человек. Говорит: «Я получаю здесь гуманитарное образование». Выписывает газеты, журналы, аналитику экономическую, так что в курсе практически всего, что происходит, даже мне иногда что-то рассказывает. Иногда дает мне задание прочитать вот такую-то книгу.

Ему специально разрешают писать. Потому что, если сравнить его статьи и «Программу-2020», в ней многое взято из его статей. Так что принимают в передачах бумагу и принимают ручки. Меня всегда удивляло, почему принимают. Так я думаю, что поэтому. Мне наши выпускники говорят: «Он что, там специально на них работает?»

Тогда же, в июне 2007-го, вышел новый роман Василия Аксенова «Редкие земли», где главный герой частично списан с Ходорковского. Герой сугубо положительный. Даже сверх. Аксенов не первый, как и я не последняя. До него уже был детектив Устиновой «Олигарх с Большой медведицы», тоже написанный с большим сочувствием к герою. Если не сказать больше.

И еще, конечно, Панюшкин и прочие документалисты из сторонников и противников, вроде Родионова и Перекреста.

Потом Дмитрий Быков составил остроумную, хотя и неполную библиографию книг о Ходорковском.

В романе Аксенова главному герою устраивают побег из тюрьмы, и он становится странником, который скитается по России с рюкзаком, в котором всегда есть миллион для безвозмездной раздачи страждущим.

Образ мифологизируется. И не только в литературе, но и в жизни.

А отношение к автографам моего героя напоминает средневековый религиозный фетишизм: шип из венца Спасителя, зуб святого Николая, письмо Ходорковского...

И ему пишут. Он получает мешки писем, так что тюремная цензура не справляется, и письма лежат у цензоров по несколько месяцев.

— Да, он получает очень много писем, — рассказывает мне Марина Филипповна. — Даже не успевает отвечать, поблагодарить людей. Передает мне целые списки адресов, чтоб я от его имени поблагодарила и извинилась за то, что он не может ответить. Я пишу в день по пятнадцать таких писем.

Люди пишут самые разнообразные: от студентов до пожилых. Некоторые дамы даже предлагают принять его после освобожде-

ния. Одна из них пишет, что она обеспеченная, и если он не захочет работать — она прокормит. Миша сказал, что получает много фотографий от женщин. И из разных республик приходят письма. Даже с Кавказа. И с Украины, и из зарубежных стран. Очень много. Вот сейчас у меня три письма есть из зарубежья. Я не знаю, как им ответить. Приходят, конечно, и от сумасшедших тоже.

— С проклятиями?

— Нет. Я таких никогда не получала. Ни разу. Ни оскорблений, ничего. Пишут: «Мы знаем, как освободить». И звонки такие бывают. Либо провокаторы, либо больные люди. И свидание в лучших традициях: у палатки, с журналом в руке, с газетой. Ну, чего там! Иногда явно больные, иногда не явно. Я первое время начинала разговаривать: «Вы знаете, там... Ну, это невозможно». Теперь отсылаю к адвокатам.

ДЕЛО О НЕ СЛОЖЕННЫХ ЗА СПИНОЙ РУКАХ

25 октября 2007 года исполнялось четыре года с момента ареста Ходорковского. Половина восьмилетнего срока. С этого момента он мог претендовать на условно-досрочное освобождение.

Если бы у него не было взысканий.

Их и не было: либо адвокаты выиграли многочисленные суды, в результате чего взыскания были сняты, либо они были сняты, поскольку истек срок давности.

До 25-го оставалось десять дней, когда ситуация изменилась. Он получил выговор за то, что не заложил руки за спину во время прогулки. Платон Лебедев тоже получил выговор, за неделю до истечения половины срока.

В одной камере с Ходорковским тогда сидел угонщик-рецидивист Игорь Гнездилов, который тоже рассчитывал на УДО. За три года до описываемых событий Игорь познакомился с заключенной по имени Светлана, завязалась переписка. В общей камере на 15 человек, где тогда сидел Гнездилов, можно было найти посредника и договориться с тюремщиками о свидании с дамой. Требуемая сумма, полторы тысячи рублей, вскоре была выиграна в буре, и свидание состоялось. Оно не прошло бесследно.

Вскоре его «жену» увезли на этап в Хабаровский край, там, в зоне, она родила мальчика. Они могли жить в доме малютки при зоне, но 11 марта 2008-го ребенку исполнялось три года, и в соответствии с законами этой страны, его должны были отпра-

вить в обычный детдом на воле, а мать вернуть в зону досиживать срок.

Если бы Игорь не вышел по УДО, его первый ребенок отправился бы в детдом.

Когда арестанты шли по коридору в баню или на прогулку, выйдя из камеры, они получали от конвойного команду «Руки за спину!». Только выполнив ее, заключенный имел право двигаться вперед. В первое время после перевода Ходорковского из Краснокаменска это правило выполнялось четко, но вскоре сотрудники СИЗО расслабились: одни требовали держать руки за спиной, другие позволяли идти обычным «вольным» шагом.

«15 октября 2007 года утром нас, как обычно, повели на прогулку, — рассказал Игорь в интервью журналу «Власть» уже после освобождения, летом 2008-го. — По коридору шли в обычном порядке: охранник, Михаил Борисович, за ним я и сзади еще один охранник. Кто из нас и в каком положении держал при этом руки, я, честно говоря, не помню. Во всяком случае, я точно помню, что никаких команд во время движения нам не поступало, и никаких инцидентов в связи с этим не было. После прогулки Михаил Борисович уехал в прокуратуру, а через некоторое время после его отъезда за мной пришли».

В оперчасти СИЗО от Гнездилова потребовали написать в объяснительной, что утром Ходорковский передвигался по коридору, не заложив руки за спину, игнорируя требования сотрудников администрации.

Гнездилов было отказался, но ему пригрозили, что он сам тогда лишится УДО.

И он написал.

Вернувшись в камеру, все рассказал Михаилу Борисовичу, и тот его простил.

«Он ответил, что понимает меня и зла на меня не держит, — вспоминал Игорь. — Не знаю, что он думал на самом деле, но на наши отношения мой поступок никак не повлиял».

Претендовать на условно-досрочное освобождение Михаил Борисович смог только летом 2008-го.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНИН

6 апреля 2006 года был задержан вице-президент НК «ЮКОС» с полномочиями президента, бывший адвокат Михаила Ходорковского Василий Алексанин. Вице-президентом он про-

работал пять дней. Его обвинили в хищении и легализации акций дочерних компаний ВНК.

Истинные причины ареста, разумеется, были другими.

— Александян попытался по указанию тогдашнего руководства «ЮКОСа», сидевшего в Лондоне, возглавить московскую контору, — рассказывает мне Василий Шахновский. — Его предупреждали, его вызвали на допрос и в присутствии адвоката, следователь сказал: «Уезжайте, и мы не будем предъявлять к вам претензий. Если вы останетесь, мы предъявим к вам претензии». Это в присутствии адвоката было! Тогда уже стало понятно, что власти ни перед чем не остановятся. Ему в лоб следователь говорил, что мы вас арестуем, если вы останетесь. Уедете — даже возбуждать дело не будем, предъявлять обвинение не будем. Ну, Вася — человек горячий. Остался. Ему и вкатили.

Дело было в том, что московский офис компании отказался подчиняться уехавшему в эмиграцию в Лондон председателю правления компании Стивену Тиди и демонстрировал лояльность новому хозяину основных активов — «Роснефти». Василий Александян был назначен Тиди и собирался вернуть ему контроль над компанией.

До назначения он два года ходил на допросы по различным делам «ЮКОСа», и никаких претензий к нему не было.

«На допросе 22 марта следователь мне заявила, чтобы я держался подальше от этой компании, причем это было сделано без стеснения, в присутствии моего адвоката, — рассказал он журналистам газеты «Коммерсант» за несколько часов до задержания. — После того как я сказал, что не собираюсь покидать «ЮКОС», мне с усмешкой ответили, что первый раз видят человека, который добровольно просится в тюрьму». «А раньше следователи мне говорили, чтобы я побеспокоился о ребенке и своем здоровье. Они сказали: оно же у вас и так слабое».

В сентябре того же года у Александяна диагностировали СПИД в тяжелой стадии, которым он, возможно, заразился во время хирургической операции до заключения. Лечение ему не предоставляли. Само собой, тюремные власти обвинили Александяна в том, что он сам отказывался от лечения.

А как же? Или вы еще сомневаетесь в том, что унтер-офицерская вдова исключительно сама себя высекла? И вообще это не дело рук Городничего.

Во время заключения состояние Александяна значительно ухудшилось: он практически ослеп, заболел раком печени, туберкулезом и еще одним смертельным заболеванием — лимфомой.

В условиях СИЗО лечение уже было невозможно, а в переводе в гражданскую клинику ему отказали, несмотря на три предписания Европейского суда.

22 января Верховный суд рассматривал кассационную жалобу адвокатов на продление Александяну содержания под стражей. Василий Георгиевич выступал по видеоконференции из СИЗО. Он стоял, тяжело опираясь на стол, и иногда начинал кашлять.

«Я хочу прекратить инсинуации по поводу отказов от лечения, — начал он. — Тому, кто это утверждает, я хочу отдать свое тело на 10 минут, чтобы он те муки адавы пережил, которые я переживаю. Только умалишенный человек может такое говорить. Чтобы он от боли на стенку лез, и ему не помогли никакие лекарства. Пусть у него совести хватит мне в глаза посмотреть»¹.

«28 декабря 2006 года меня под предлогом ознакомления с какими-то материалами вывозят в здание Генеральной прокуратуры, — продолжил он. — Я объясняю, почему я до сих пор в тюрьме, и для чего я сижу, умирая здесь. И следователь Каримов Салават Кунакбаевич лично, как оказалось, тогда он только готовил новые абсурдные обвинения против Ходорковского и Лебедева, предлагает мне сделку.

Адвокаты здесь присутствуют. При них меня привели к нему, нас оставили одних. Он мне сказал: руководство Генеральной прокуратуры понимает, что вам необходимо лечиться, может быть, даже не в России, у вас тяжелая ситуация. Нам, говорит, необходимы ваши показания, потому что мы не можем подтвердить те обвинения, которые мы выдвигаем против Ходорковского и Лебедева. Если вы дадите показания, устраивающие следствие, то мы вас выпустим.

И предложил мне конкретный механизм этой сделки. Вы пишите мне заявление, чтобы я перевел вас в ИВС на Петровке, 38, и там с вами следователи недельку или две активно поработают. И когда мы получим те показания, которые устроят руководство, мы обменяем их, как он выразился, подпись на подпись, т. е. я вам кладу на стол постановление об изменении меры пресечения, а вы подписываете протокол допроса. При этом он меня всячески убеждал это сделать и демонстрировал мне титульные листы допросов якобы других лиц, которые согласились помогать следствию. Но я не могу быть лжесвидетелем, я не могу ого-

¹ <http://archive.khodorkovsky.ru/objective/7880.html>.

ворить невинных людей, я отказался от этого. И я думаю, какое бы ужасное состояние мое ни было сейчас, Господь хранит меня, потому я этого не сделал, я не могу так покупать свою жизнь».

Наконец судья разрешил Александяну сесть.

«Дальше мне резко ухудшили условия содержания, — продолжил Василий Георгиевич. — Вот этот изолятор СИЗО № 99/1 — это спецтюрьма, она вообще не публичная, ее еще найти надо. Там сидит не больше ста человек в самый пиковый период. Меня в таких камерах держали! Они еще Берию помнят и Абакумова! Там плесень, и грибок, и стафилококк съедают заживо кожу вашу. Это при том, что люди знают, что у меня иммунитет порушен. Это фашисты просто!»

Судья попытался перебить его, но Василий продолжал:

«Я прошу меня выслушать. Вы меня извините, Ваша честь, я перед Верховным судом тоже не в первый раз, и каждый раз мне добавляется один, два, три диагноза, сколько может выдержать человек?! В апреле месяце¹ следователь Хатыпов — я называю фамилию, потому что эти люди когда-нибудь должны понести ответственность, — говорит моей защитнице, присутствующей здесь: пусть он признает вину, пусть он согласится на условия и порядок, и мы его выпустим. Все это время, между прочим, мне не то что лечение не назначали, меня не хотели вывозить даже на повторные анализы. Это пытки, понимаете. Пытки! Натуральные, узаконенные пытки!

Я отказывался от лечения! Это бред! Вы меня сейчас видите по телетрансляции, видимо, в черно-белом изображении. Если бы вы сейчас увидели в зале суда, вы бы ужаснулись. У меня на лице написаны следы от последствий тех заболеваний, которые я ношу на себе».

«В июне месяце² тяжелое обострение началось. Три недели каждый день я умолял, чтобы меня вывезли к врачу. А они вместо этого даже ограничивали передачу мне обычных лекарств, которые боль снимают, болевой шок. Понимаете, что они делали! Дьявол в деталях. Меня морили голодом, холодом, я год одетый спал. Два градуса, три градуса. Вода по стенам течет. Плесень. Это XXI век. Вы что делаете! Ну, не вы, а власти. Что делаете?!»

«За время, пока я здесь, я еще три диагноза тяжелых получил. Понимаете, вместо того чтобы меня госпитализировать

¹ 2007 года.

² 2007 года.

в МГЦ СПИД. В чем проблема? А проблема, оказывается, в том, что 15 ноября мне продлили срок содержания под стражей, а 27 ноября ко мне заявила следователь Русанова Татьяна Борисовна, которая всегда была помощницей ближайшей Салавата Кунакбаевича Каримова, который сейчас советник генпрокурора Чайки, если кто не знает. И сделала мне опять то же самое предложение, в этот раз в присутствии одного из моих защитников, который сейчас в зале находится: дайте показания, и мы проведем еще одну судебно-медицинскую экспертизу и выпустим вас из-под стражи. Это преступники! А когда Европейский суд вынес свое Указание немедленно меня госпитализировать, она <следователь Русанова>, уезжая в командировку, передает моему адвокату через следователя Егорова, который ходит ко мне: предложение остается в силе. Плевать они хотели на Европейский суд! Им надо из меня показания выбить, потому что им процесс нужен постановочный. <...> А я не буду лжесвидетелем. И лгать я не буду. И оговаривать невинных людей я не буду, мне неизвестно ни про какие преступления, совершенные компанией «ЮКОС» и ее сотрудниками. Это ложь все».

«Давайте по делу!» — говорит судья.

«В решении нет ни одного законного основания для того, чтобы держать меня в тюрьме, — продолжает Алексанян. — Я извиняюсь, меня арестовывали по полностью фальсифицированным обвинениям, где присутствовала особо тяжкая статья 174.1., которую ввели в УК с 1 января 2002 года, а мне вменяются события 1998 — 1999 года. С этим тоже придется разбираться. Европейский суд, видимо, будет разбираться. Вот так меня арестовали, чтобы убрать меня от компании».

«Какого решения вы ждете от Верховного суда?» — спрашивает судья.

«Я прошу Верховный суд показать, что в России есть правосудие, что не надо российским гражданам идти помирать на ступенях Европейского суда, чтобы добиться какой-то справедливости, — говорит Алексанян. — Что ее можно добиться здесь, в Москве, в вашем зале. Покажите это. Уж сколько можно костями мостить страну».

Решение выносили трое судей Верховного суда. В удовлетворении жалобы было отказано. Арест смертельно больному был продлен до 2 марта.

Верховный суд блестяще показал, что в России нет правосудия.

Жаль, что я не могу назвать этих судей поименно¹...

Впрочем, эта страна вряд ли дождетсЯ своего Нюрнберга. В этой стране злодеяния властей всегда остаются безнаказанными. Иначе она бы не была «этой страной», а называлась как-нибудь по-другому.

28 января журнал «The new times» опубликовал выдержки из выступления Алексаняна в Верховном суде².

Михаил Борисович подписан на этот еженедельник...

29 января 2008-го Михаил Ходорковский объявил голодовку.

«Мне стало известно из его³ выступления, что его не только допрашивали обо мне, но и впрямую связали дачу им устраивающих обвинение и лично С. К. Каримова показаний с предоставлением ему медицинской помощи в необходимом объеме. Более того, он ощущает, что может не дожить до судебного решения, — писал он в заявлении на имя генпрокурора Чайки. — У меня нет контакта с Алексаняном В. Г., и я могу судить о его положении только из его выступления в Верховном Суде.

Я знаю, что УФСИН ПО Москве может врать суду. Знаю на своем примере с голодовкой, поэтому их заявления меня не обнадеживают.

Таким образом, я поставлен перед невозможным моральным выбором:

— признаться в несуществующих преступлениях, спасти тем самым жизнь человека, но сломать судьбы невинных, записанных мне в «соучастники»,

— отстаивать свои права, дожидаться становления независимого суда, но стать причиной возможной гибели своего адвоката Алексаняна.

Я долго думал и не могу сделать выбора, перед которым меня поставили.

¹ Существует список Каспарова с именами и фамилиями чиновников, замешанных в преследованиях «ЮКОСа»: <http://www.rusolidarnost.ru/vizy/2011-06-20-spisok-gosudarstvennykh-sluzhashchikh-uchastvovavshikh-v-nezakonnom-presledovanii-0a>. Судей ВС РФ там несколько, но не указано, кто из них решал судьбу Василия Алексаняна, и неизвестно, упомянуты ли они там вообще. Известно, что докладчиком по делу был Кочин Василий Васильевич. Более полной информации о судьях нет даже на сайте Верховного суда. Хотя само дело упоминается, решение по нему не выложено. Судей Верховного суда нет и «Списке Алексаняна», опубликованном на сайте «Новой газеты» на следующий день после его смерти 4 октября 2011 г.: <http://www.novayagazeta.ru/data/2011/110/37.html>.

² <http://newtimes.ru/articles/detail/4825>.

³ Василия Алексаняна.

Именно поэтому я вынужден выйти за процессуальные рамки и проинформировать Вас о начале голодовки»¹.

«Правовая система современной России в своем развитии достигла очередного этапа, — писал Михаил Борисович в заявлении о голодовке. — Моего товарища, адвоката и бывшего сотрудника Василия Алексаняна фактически под пытками заставляют дать показания против меня. Из многочисленных сообщений СМИ мне известно, что тяжелобольному Алексаняну отказывают в лечении, обрекая на верную гибель. Его убивают в тюрьме потому, что он, будучи человеком мужественным и честным, отказывается лгать и клеветать.

Все это происходит в XXI веке, в государстве, которое называет себя правовым и демократическим, в стране, где с высоких трибун звучат заявления о необходимости «преодолеть правовой нигилизм». В Российской Федерации, сегодня, сейчас.

Я понимаю, что людям, которые истязают Василия Алексаняна, не давая ему возможности лечиться, ничего неизвестно о существовании закона, морали, нравственности. Потому я принял единственно возможное в сложившейся ситуации решение. Я объявляю голодовку.

Мои требования:

— немедленно изменить Василию Алексаняну меру пресечения;

— предоставить Алексаняну квалифицированную медицинскую помощь в гражданском стационаре».

— Он просто отказался от приема пищи до тех пор, пока не будет предоставлена медицинская помощь и соответствующие условия содержания, — рассказывает мне Наталья Терехова. — И одиннадцать дней голодал. Пока официально МБХ не ознакомили, это тоже, кстати, есть в материалах личного дела, с бумагой, подтверждающей перевод Алексаняна в гражданскую клинику. Он заявление писал: отказываюсь от пищи. И написал, по каким причинам.

— И его переводили в отдельное помещение?

— Нет.

— И его товарищи спокойно ели рядом?

— Да. Но у Михаила Борисовича очень твердый характер. Он сказал «Не буду», значит «не буду». Это первоначально была сухая голодовка, а потом его отговорили.

¹ <http://khodorkovsky.ru/speech/7762.html>.

6 февраля 2008 года, через неделю после начала голодовки, Симоновский суд Москвы приостановил процесс над Василием Алексаняном. А 8-го его перевели из СИЗО «Матросская тишина» в московскую городскую больницу № 60.

11 февраля Михаил Борисович прекратил голодовку.

Он все более походил на аксеновского странника. Никто не дал бы ему держать в рюкзаке миллион, но он раздаривал себя: свои идеи, свободу, здоровье, жизнь.

ХОДАТАЙСТВО ОБ УДО

18 мая Михаил Ходорковский дал интервью «Sunday Times», в котором назвал инициатора своего дела: «как второе, так и первое дело были организованы Игорем Сечиным». «Он инициировал первое дело против меня из жадности, а второе из трусости. Трудно сказать, как точно он смог убедить своего босса. Может быть, Путин действительно думал, что я планировал политический переворот, что само по себе нелепо, поскольку я публично поддерживал две оппозиционные партии, которые в лучшем случае могли набрать 15% на парламентских выборах. Более вероятно, что им нужна была не причина, а просто повод захватить «ЮКОС» – самую успешную нефтяную компанию России».

30 июня ему предъявили новое обвинение.

Впрочем, оно было скорее старым — изменились несущественные детали, Ходорковского и Лебедева, как и в феврале 2007-го, обвиняли в хищении и отмывании всей нефти «ЮКОСа» и в неправильном обмене акций дочерних компаний ВНК.

Михаил Борисович заявил, что обвинение ему не понятно и не разъяснено, и вины не признал.

Возобновленное для предъявления обвинения предварительное следствие закончили за три дня, и обвиняемые продолжили ознакомление с делом.

— В июле 2008 года я подала ходатайство в интересах Михаила Борисовича о досрочном освобождении, потому что для этого были основания: он отбыл более половины срока наказания (на июль месяц 2008-го), — рассказывает Наталья Терехова. — Ходатайство было подано в Ингодинский районный суд города Читы, рассмотрение было назначено на 20 августа 2008-го.

Принесли материалы для ознакомления, что меня просто повергло в шок. Никогда раньше я не видела, чтобы личное дело

лица, отбывающего наказание, составило 22 тома. Причем в каждом больше 250 листов. Там было все: как сидел, как стоял, как лежал — буквально все. Вряд ли такого пристального внимания заслуживал кто-то еще. Я долго работала адвокатом, часто ходила на условно-досрочное освобождение, и знаю, что у лиц, которые даже отбывали срок 8 — 9 лет, личное дело составляет не более 80 листов. У Михаила Борисовича было 22 тома.

Я ознакомилась с материалами личного дела буквально за два дня: эти тома поступили в понедельник, а в среду уже исчезли из суда. Решили, что погорячились: нечего знать о том, что предпринимала власть против Михаила Борисовича. Они испугались.

— А вы их успели прочитать?

— Я успела прочитать. Я не только успела прочитать, я их успела сфотографировать, что не запрещено законом. Об этом много писали, много было журналистов на условно-досрочном освобождении, мы могли наглядно показать, как для Михаила Борисовича искусственно создавались условия отбывания наказания, насколько они отличались от условий содержания других, и тот факт, что все, происходившее с ним в колонии и СИЗО, было спланировано. Им пришлось вернуть материалы личного дела в суд до рассмотрения ходатайства об УДО, потому что я успела их прочитать за два дня. Наверное, они думали, что я не такая шустрая.

Все о чем мы говорим, подтверждается документально, что, безусловно, усиливает нашу позицию, доказывает, что в наших словах нет ни слова лжи. Во-первых, там были документы о вызсканиях, которым он подвергался незаконно и необоснованно. Во-вторых, документы о его месте работы, каким образом оно определялось, о том, что администрация хотела отправить МБХ на обучение в местное ПТУ.

МБХ писал, что у него есть образование, он может быть полезен, но, если они так настаивают, будет соблюдать их требования, хотя они совершенно безумны. Раньше администрация колонии говорили, что Михаил Борисович отказывается выполнять работу, считает себя выше. Эти бумаги они даже не постеснялись убрать — все в материалах дела.

— Его постеснялись все-таки отправить учиться в ПТУ?

— В итоге — да. На швею-моториста он учился, учеником швеи-моториста был, выполнял обязанности швеи-моториста. А потом работал упаковщиком готовой продукции.

В личном деле были материалы, ранее нам недоступные. Непонятно, почему Михаил Борисович с апреля по май 2006-го тридцать дней находился в так называемом «безопасном месте». Его изолировали, он был в штрафном изоляторе, но нам было непонятно основание. Оказывается, были рапорты, в которых из «средств массовой информации» усмотрели угрозу для жизни и здоровья Михаила Борисовича. Это и послужило основанием для его перевода и помещения в «безопасное место».

— Средства массовой информации знают лучше, чем администрация колонии...

— Вы представляете, какой маразм, да? Адвокаты пытались выяснить, что и кто угрожает жизни и здоровью МБХ, почему он не может находиться в равных условиях отбывания наказания с другими осужденными. МБХ написал заявление, что нет никакой угрозы его жизни и здоровью, и просил вернуть его в отряд, в обычные условия отбывания наказания. Ему сказали: «Нет, мы знаем, что вам грозит опасность». Мы задавали вопрос администрации: «Откуда исходит угроза? Объясните поконкретнее». Администрация колонии заявила, что это тайна. Прочитали: оказывается, в средствах массовой информации администрация, а вернее начальник колонии Рябко А.В. усмотрел угрозу жизни и здоровью. Причем не ссылались, в каком же средстве массовой информации усмотрел.

Адвокаты в личном деле увидели множество материалов, которые администрация колонии тоже не постеснялись оставить, где говорилось о том, какое пристальное внимание было приковано к Михаилу Борисовичу. Думаю, им дали указание отмечать все в его поведении, где можно сделать хоть какую-то зацепку, чтобы в дальнейшем наказать. В личном деле множество рапортов о том, что МБХ не так сел, не так встал. Я не утрирую. Рапорт: «Прошу наказать, потому что он находится в жилом помещении возле своего спального места в половине десятого вечера без рубашки». Какое нарушение! Спать собрался и снял рубашку.

— А кто писал эти рапорты?

— Сотрудники. Заключение рапортов не пишут. Они могут писать только объяснительные. Это сотрудники. То есть сотрудников так вышколили, надавали им столько указаний, что они буквально за ним бегали, и Михаил Борисович подтверждает, что за ним бегали и смотрели, что происходит.

И, несмотря на это, за весь период отбывания наказания, что в Краснокаменске, что в СИЗО, не было ни одного нарушения, при таком пристальном внимании, что и человек адекват-

ный и правопослушный мог бы сорваться, но у него не было никакого срыва. Совершенно никакого срыва, и оснований для наказаний не было. Придумывали, наказывали черт знает за что.

На двадцать первое августа у нас было назначено рассмотрение вопроса об условно-досрочном освобождении. 18 августа Михаила Борисовича за один день наказали дважды, и в суд для рассмотрения ходатайство об УДО он приезжал из карцера. За что наказали? Начальник тюрьмы, который ни разу не был в этом корпусе, срочно туда пришел. Там порядок такой: выводят всех из камеры, и называется это «утренняя поверка». Сотрудники должны сделать переключку «утренний контроль»: дежурный по камере сообщает о количестве находящихся в камере лиц, хотя больше двух-трех в камерах, где был МБХ, не содержалось. Тогда их было двое. Михаил Борисович был назначен дежурным по камере и выполнил обязанность дежурного по камере — сообщил, в присутствии всех собравшихся (в том числе и начальника СИЗО), что он дежурный, и двое находятся в камере.

Только МБХ зашел в камеру, следом заходит тот же состав, в том числе начальник, который присутствовал на поверке, и предъявляет претензию к Михаилу Борисовичу: а почему Вы не сообщаете как дежурный о количестве присутствующих в камере. МБХ говорит: «Ну, я же вам сейчас только, минуту назад, об этом сообщил, но если есть необходимость, я вам сообщу еще раз». И все. Карцер за недоклад дежурного о количестве лиц в камере. Начальник СИЗО решил не ограничиться одним взысканием — бачок для питьевой воды оказался грязным. Выговор!

— А я читала, что там не было бачка для питьевой воды...

— Бачок для питьевой воды был. Просто воды питьевой там не было. Самое интересное заключалось в том, что непонятно когда бачок успел загрязниться. В шесть утра Михаила Борисовича назначили дежурным по камере. В половине восьмого начальник смотрел бачок, значит, это вина не Михаила Борисовича, а предыдущего дежурного, даже если бачок был грязный. А вторых, в обязанности дежурных по камере не входило мыть эти бачки. В дальнейшем мы обжаловали это взыскание в суде, и суд принял решение в нашу пользу.

Все это было сделано для того, чтобы не допустить УДО, к бабке ходить не надо, по-другому расценить нельзя. Хотя прокурор нашел в себе мужество: встал и сказал, что просит не принимать во внимание эти два наказания при решении вопроса об УДО, так как проводится проверка, хотя никакой проверки не проводилось. Мы потом писали по этому поводу: «Просим сооб-

щить о результатах проверки, о которой нам заявил прокурор». И нам ответили: «Прокурор этого не заявлял, а в протоколе сочинил секретарь судебного заседания». Даже до этого доходит. Представляете?

На суде выступала Марина Филипповна. Говорила о благотворительности, о лицее в Кораллово, созданным ее сыном. «От вашего решения зависит, увидим ли мы сына на свободе еще в этой жизни», — сказала она.

Вслед за ней Игорь Гнездилов рассказал о том, как его заставляли писать объяснительные о не сложенных за спиной руках.

Рассмотрели характеристики, данные Михаилу Борисовичу читинским СИЗО и администрацией краснокаменной колонии. Они были скорее положительными, но заканчивались утверждением о том, что Ходорковский «не встал на путь исправления, потому что не раскаялся в содеянном».

Администрация колонии настаивала на возвращении Ходорковского к ним: «Нахождение в СИЗО не способствует исправлению. Необходимо нахождение в колонии общего режима».

Выступал и сам Михаил Борисович.

«Всех наверняка интересует, раскаиваюсь ли я после без малого пяти лет, проведенных в заключении, — сказал он. — Раскаяние в грешных поступках является нормальным состоянием человека, но каяться в преступлениях, которых не было, я не могу».

Ущерб же, если он и был, он уже компенсировал с лихвой, когда государству была передана построенная им «лучшая» и «крупнейшая, согласно статистическим данным, нефтяная компания России стоимостью 40 миллиардов долларов».

«А больше с меня взять нечего», — добавил он.

После освобождения он не собирается возвращаться в нефтяной бизнес и добиваться справедливости. «Я намерен заниматься гуманитарной деятельностью и посвятить себя семье», — сказал он.

«По своему внутреннему убеждению я — законопослушный человек. Даже если закон кажется мне несправедливым, я его сначала исполняю, а потом делаю все от меня зависящее, чтобы этот несправедливый закон отменить. Решение вопроса о моем освобождении будет полезным для общества, моей семьи и, разумеется, меня самого»¹.

¹ Газета «Коммерсантъ» № 149 (3966) от 22.08.2008.

Вслед за ним выступала Наталья Терехова.

Она говорила о том, что с первых дней заключения ее защитный оказался в крайне тяжелых условиях, не соответствующих приговору суда. Рассказала об всех надуманных «взысканиях», начиная с первого, полученного еще в московском СИЗО «Матросская тишина». Первые пять суток карцера ему дали за то, что он резал хлеб запрещенной «заточенной пластиной», которой в камере пользовались все.

Его тайно, в спецвагоне, отвезли в отдаленную колонию на китайской границе, хотя до этого всех осужденных москвичей этапировали «не дальше Приволжского федерального округа».

В ИК № 10 Ходорковский попал в восьмой, так называемый адаптационный, отряд, в котором вновь прибывшие обычно привыкают к правилам колонии в течение первых двух месяцев. Потом их распределяют по обычным отрядам. Михаил Ходорковский провел в «восьмерке» год и два месяца, не имея возможности установить стабильные товарищеские связи с постоянно меняющимися соседями.

А весной 2006 года администрация колонии приставила к нему индивидуального охранника, и постоянное присутствие на работах сотрудника учреждения обозлило работавших рядом с Михаилом Ходорковским эков.

Он сразу изъявил желание работать, но его практически лишили этой возможности. Он списался с редакцией журнала «Химия и жизнь» и предложил опубликовать там статьи. Его приняли внештатным корреспондентом и обещали гонорары от 3 до 9 тысяч рублей за статью¹.

Но его заставили учиться швейному делу. А потом за минимальную зарплату работать упаковщиком готовой продукции.

Он вступил в секцию общественных корреспондентов (СОК) для эков-журналистов, выпускающих газету «Резонанс», бесплатно распространяющуюся в колониях Читинской области. Михаил Борисович написал заметки «Как правильно составить надзорную жалобу» и «Как уберечься в тюрьме от гриппа», но их так и не опубликовали².

Вскоре его вывели из актива СОК по жалобе, составленной группой заключенных, работавших в редакции.

¹ Что для «Химии и жизни», между прочим, очень много. Обычно они платят авторам гораздо скромнее.

² Этот факт меня несколько не удивляет. Судя по названиям, его заметки работали не на тюремную администрацию, а на пользу заключенным. И потому не пришлось ко двору.

На суд пришел бывший главный редактор «Резонанса» Виталий Черкасов. «Заметки из зэков приходилось буквально выдавливать, поэтому и секцию нашу они называли соковыжималкой, — рассказал он корреспондентам газеты «Коммерсант». — Материалы же, присланные авторами, обычно оказывались такого качества, что без слез не взглянешь. Поэтому таким автором, как Михаил Ходорковский, я бы гордился».

После Натальи Юрьевны выступал другой адвокат Ходорковского Вадим Клювгант.

«Все это время он находился как бы за двойной решеткой, — сказал он. — Но мой подзащитный нашел в себе силы не озлобиться и не потерять чувства собственного достоинства. Это лишний раз свидетельствует о том, что Михаил Ходорковский не просто встал на путь исправления, а вообще никогда не сходил с этого пути».

Прокурор ходатайствовал перед судом о приобщении к делу ксерокопий документов, свидетельствующих о том, что Ходорковский «отказывался добровольно погасить задолженности, а принудительно с него удалось взыскать лишь незначительную сумму».

Иски были от налоговой инспекции Москвы (на 17 миллиардов рублей) и из Мещанского суда на оплату судебных издержек на 64 тысячи рублей.

Честно говоря, эти суммы как-то уж очень не дотягивали до 40 миллиардов долларов, которые он уже подал.

«Я, ваша честь, признаю гражданский иск Мещанского суда, и это можно не доказывать, — пояснил суду Ходорковский. — Но оплатить его сразу не мог, поскольку все мои счета на момент подачи иска уже были арестованы. По той же причине я не имел возможности и продать принадлежавшее мне и хранившееся дома имущество — мотоциклы, оружие... За меня это сделали приставы».

Суд занял сторону защиты и отказался приобщать к делу финансовые документы.

Также как и отказался выслушать доставленных на конвойном автомобиле заключенных краснокаменской колонии (в том числе Кучму), которые должны были выступить против УДО Ходорковского.

Между прочим, от Краснокаменска до Читы 600 километров, на машине 6 — 8 часов пути.

И тогда начальник читинского СИЗО достал из заднего кармана форменных брюк свой самый весомый аргумент. Это был

диск с записью камер наружного наблюдения из СИЗО № 1 города Читы.

На видеоролике действительно был снят человек, похожий на Михаила Ходорковского. Человек шел по коридору вольным шагом, не сложив руки за спиной.

Но вот незадача, запись без звука, и была ли команда держать руки за спиной, понять по ней невозможно.

«Хочу обратить внимание суда на то, что практика применения Правил внутреннего распорядка не всегда подразумевает буквальное исполнение правил. Как, например, ээку нести свои вещи с руками за спиной? И тем не менее я не отрицаю допущенного нарушения пункта 1.13 Правил (о руках), но категорически не согласен с инкриминируемым мне пунктом 1.2 (о неподчинении требованию сотрудника администрации). Если требование убрать руки за спину и поступало, то я его не проигнорировал, а просто не услышал. Все сотрудники СИЗО знают, что у меня проблемы со слухом, появившиеся вследствие профессиональной болезни, — об этом сказано и в моей медкарте, поэтому мне всегда отдают команды погромче или повторяют их. 11 октября команды не было вовсе, или она была отдана намеренно тихо. Получается, что выводящий специально спровоцировал меня на нарушение, вместо того чтобы помочь мне исполнить правило, как того требуют ведомственные инструкции? Ведь он прекрасно знал, что у меня не было и нет повода намеренно раздражать сотрудников администрации — я не малолетний преступник!»¹

«И еще буквально минуту, ваша честь... Это касается моего отношения к труду, — попросил Михаил Ходорковский. — Вданной мне администрацией колонии N10 характеристике меня особенно оскорбил один пункт: не участвовал в благоустройстве территории отряда. Я же мыл окна в корпусе! Мне это занятие нравится с детства, я даже какое-то время зарабатывал «верховыми» работами, поэтому, попав в колонию, тоже с удовольствием взялся за мытье окон. Когда я мыл окна, весь лагерь сбегался на это смотреть».

Последним выступал прокурор.

Он упомянул о том, что ущерб хотя и возмещен, но не добровольно, и перечислил все давно снятые или отсуженные взыскания, словно и не было выигранных судов.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 150 (3967) от 23.08.2008.

Стремящийся к досрочному освобождению обязательно должен трудиться, добавил прокурор, а Михаил Ходорковский «уклонился от приобретения профессиональных навыков швеймотористки, хотя ему и был выделен для обучения опытный наставник»: «Он предпочитал работать на низкоквалифицированной и малооплачиваемой должности укладчика готовой продукции — с его зарплаты удалось удержать для возмещения ущерба всего 1878 руб.».

Ложь не обязательно делать, можно ведь и просто солгать.

Я уже устала упоминать одного литературного персонажа. По-моему, этой стране пора сменить герб. Заимствованная из Византии мутантная птичка совершенно не отражает сути. Предлагаю свой вариант. В центре стоит унтер-офицерская вдова и держит розги, а у ног ее гордая надпись: «Я сама!»

Суд вынес решение в тот же день.

Судья отметил, что у Михаила Борисовича осталось непогашенное дисциплинарное взыскание (то самое, о котором говорил Игорь Гнездилов) и нет поощрений. Нет и достоверных доказательств улучшения поведения. Ходорковский не выразил добровольного желания изучать профессию, по которой мог бы работать в колонии Краснокаменска (то есть профессию швеймоториста).

И в УДО было отказано.

Прежде чем его увели, Ходорковский успел сказать журналистам, что судебная система реформируется не так быстро, как бы хотелось¹.

ПЕРЕПИСКА С БОРИСОМ АКУНИНЫМ

Третьего октября в продаже появился очередной номер журнала «Эсквайр», и началось какое-то безумие. Его не могли достать, за ним охотились, его покупали те, кто никогда не читал его до этого, и никогда не читал после. Мои знакомые автомобилисты жаловались, что можно проехать три бензоколонки и не купить.

Я сама достала его не сразу, выдрала те несколько заветных страниц, а остальное тут же сложила в макулатуру.

В октябрьском номере «Эсквайра» была опубликована переписка Михаила Ходорковского с писателем Григорием Чхар-

¹ Там же.

тишвили. Борис Акунин, конечно, отличный стилист, и его книги неплохо продаются, но я не верю, что опубликованный в журнале самый блестящий его рассказ об Эрасте Фандорине мог бы вызвать такой ажиотаж.

Дело было в его собеседнике. Отвергнутый провинциальной тюремной газетой автор вызвал предельный интерес московской читающей публики.

Причина этого, по-моему, тоска по настоящему, по откровенному разговору, по инсайту, по экзистенциальной исповеди.

Григорий Шалвович начинает с упрека в том, что его собеседник редко общается с теми, кому его судьба не дает покоя, и чаще публикует интервью «в какой-нибудь «Financial Times»», а не на родине¹.

«Для реального диалога нужен понимающий, заинтересованный собеседник, — отвечает Ходорковский. — Таких из наших журналистов «не случилось». Убеждать в чем-либо единомышленников из «Новой газеты» бессмысленно, они и так все понимают. «А в тех вопросах, где я с ними не согласен, мои желчные письма, будучи опубликованными, играют на руку разной сволочи, которая радостно начинает вопить либо «вот они, либералы, такие гады, их даже Ходорковский ругает», либо «Ходорковский пытается вымолить помилование, ругая оппозицию». Поэтому письма пишу, но не разрешаю публиковать».

Так и есть. Мне лично вообще запретил их публиковать в письме, проникнутом таким арктическим холодом, что я боюсь его перечитывать. Теперь испрашиваю разрешение на каждую строчку. По-моему, ему просто надо держать руку на пульсе, ощущать штурвал. Потому что его правка в основном сводится к перестановке запятых с места на место и, реже, дописыванию лишних местоимений.

Другие же издания брали у него интервью, но так ничего и не опубликовали, — продолжает Ходорковский, — зато перепечатали статью из «Financial Times». «Что же касается режима — да, пока я был в лагере, после каждой статьи меня сажали в ШИЗО, — пишет он. — Может, так совпадало. Но на это мне наплевать. Отболясь».

Акунин спрашивает о прокурорах и судьях.

¹ <http://archive.khodorkovsky.ru/speech/8737.html>. Очень советую зайти. Это надо читать полностью, а не мои нарезанные цитаты. Некоторые моменты я не могу цитировать просто потому, что не имею права полностью перепечатывать текст, а из песни слова не выкинешь.

«Это мелкие чиновники, которых никогда не поставили бы в такой процесс, если бы против них не было убойного компромата, — отвечает Ходорковский. — Про Колесникову¹ написала «Новая Газета», она «висела» на жалобе, лежавшей без ответа в Генеральной прокуратуре в течение всего процесса. По аналогичной жалобе ее коллеги получили по 12 лет (квартирный вопрос)».

«Но что о них говорить? Жалкие, несчастные люди, которым будет в старости страшно умирать. Меня в суде поразило другое. Обвинение допросило более полутора тысяч человек. Многих с угрозами сделать обвиняемыми (некоторых сделали). Отобрали для суда чуть больше 80. И эти люди, которые вполне обоснованно опасались за свою судьбу, не взяли грех на душу. Никто, я подчеркиваю, никто не дал показаний против нас с Платоном».

Объясняя причины своего ареста, Ходорковский пишет о двух враждующих группировках в Кремле: либеральной и силовой. Точнее, группировке адептов «игры по правилам» и адептов «игры без правил». Первые люди и успешные, и готовые к реальной конкуренции, вторые — неуверенные в себе, компенсируют эту неуверенность доступом к насилию. В деле «ЮКОСа» победили, увы, вторые.

«Не знаю, стоит ли называть фамилии, — продолжает Ходорковский, — но «та сторона» — это Сечин и куча чиновников «второго эшелона» (т.е. поддерживающих его не только из убеждений, но и в надежде на служебное продвижение или из-за имеющегося на них компромата). Это и Заостровцев, и Бирюков, и многие другие. К слову, Устинов и Патрушев до последнего момента держали нейтралитет. Это правда. На «этой» стороне, очевидно, были Волошин, Медведев, Касьянов, Чубайс, Илларионов, Дворкович, даже Греф — до определенного момента».

Акунин спрашивает, не жалеет ли его собеседник о том, что не уехал.

«А здесь — шизофрения, — отвечает Ходорковский. — Одна моя половина жалела еще тогда, когда уезжала, что должен буду вернуться, и жалеет об этом каждый день, проходящий вдали от семьи, от дома. А другая половина — она отвечает за чувство долга, мыслит в категориях порядочности и предательства и не дает существовать спокойно. Может, критерии у меня дурацкие. Может, надо быть гибче. Даже наверное. Но мне уже 45, и они как-то сформировались. Переступить через себя, наверное, смог бы, а вот как жить, переступив, — не знаю. Так что

¹ Судья в первом процессе.

честных ответов два. Да, жалею каждый день. Нет, не жалею, потому что, уехав, не смог бы жить».

И вспоминает о том, как его поддерживает семья, как в 1991 и 1993 г. он оставлял жене «винтовку и патроны», чтобы она могла защитить свой дом и детей. «Это в прямом смысле, не иносказательно. Знаю, она бы стреляла до конца». И теперь отказалась уехать, осталась в России, несмотря ни на что.

А для его родителей честь всегда была дороже жизни. «Своей — точно, а, возможно, и моей».

Его поддерживает даже первая жена, с которой он расстался более двадцати лет назад, и старший сын. И он, и она пишут все эти годы.

«Жена и родители, конечно, смотрели телевизор, но мы не обсуждали, «что будет». Незачем. Все делали, что должно. Это был очередной бой, из которого я мог не вернуться. И до сих пор не вернулся».

Акунин смел, он спрашивает о Боге — я так и не решилась прямо задать ему этот вопрос — не пришел ли собеседник к вере в тюрьме?

«Я, в общем, и до тюрьмы был не совсем атеистом, — отвечает Ходорковский. — Бог, фатум, судьба, предназначение — мы почти все верим во что-то, что выше нас. Да и странно было бы не верить, живя в огромном, непознанном мире, сами себя толком не зная, считать, что все вокруг — продукт случайного стечения обстоятельств».

Можно верить, что Бога нет, можно верить, что он есть. Вера доказательств не требует, как известно. Но если Бога нет, а вся наша жизнь — это секунда на пути из праха в прах, то зачем все? Зачем наши мечты, стремления, страдания? Зачем знать? Зачем любить? Зачем жить, в конце концов? Я не могу поверить, что все просто так. Не могу и не хочу. Мне безразлично, что будет после меня, потому что я тоже буду. Потому что кто-то был до меня, и будет после. И это не бессмысленно. Это не просто так. <...> Я верю, что есть Великая Цель у человечества, которую мне не дано постичь. Люди назвали эту цель Богом. Когда мы ей служим — мы счастливы, когда уходим в сторону — нас встречает Пустота. Пустота, которую не может заполнить ничто материальное. Она делает жизнь пустой, а смерть страшной».

Если бы что-нибудь подобное написал кто-то другой, ему бы не верили, текст сочли бы слишком пафосным.

Но слову можно верить, если оно сказано на эшафоте.

«Награда», как всегда, не заставила себя ждать.

В карцере Михаил Борисович оказался пять дней спустя, восьмого октября. В этот день у его родителей была золотая свадьба.

«Если это инициатива местных читинских властей, то это глупое служебное рвение. Если это приказ с самого верха, то это низость и подлость»¹, — прокомментировал Борис Акунин.

На этот раз дали 12 суток. Даже ничего не придумывали: ни лишних лимонов от заключенных, ни грязных бочков, ни не сложенных за спиной рук.

Так и было заявлено: за интервью. Точнее — за незаконную переписку.

«Интервью было в жанре переписки, но переписки не было», — поясняет мне Наталья Терехова. Вопросы и ответы были переданы через адвокатов.

«Ни один закон не регламентирует содержание бесед, которые адвокаты имеют право вести со своим подзащитным, а также делать любые записи в ходе этого разговора. Дальнейшая судьба этих записей не входит в сферу компетенции службы исполнения наказаний», — пояснил «Коммерсанту» Юрий Шмидт.

«Мы оспорили это взыскание, и оно тоже было снято по решению суда, — говорит Наталья Терехова. — Что это показывает? Все, что ни принималось в отношении Михаила Борисовича, незаконно. Избирательно и незаконно».

ИСК АЛЕКСАНДРА КУЧМЫ

Тюремная эпопея Михаила Ходорковского, достигшая в переписке с Акуниным накала высокой трагедии, закончилась фарсом.

Тот самый Кучма, который порезал ему лицо, обвинил его в гомосексуальных притязаниях и обратился с пространством иском в Мещанский суд г. Москвы.

Три года он хранил эту страшную тайну, пока, наконец, не вспомнил о ней в 2009-м.

За моральный ущерб Кучма потребовал компенсацию в 500 тысяч рублей.

Тот самый Кучма, от уголовного преследования которого Михаил Борисович отказался. Тогда, в 2006-м.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 184 (4001) от 10.10.2008.

Заявление Кучмы было отпечатано на принтере, и он ссы­лался на видеозаписи своих показаний, которые можно истре­бовать в УФСИНе по Забайкальскому краю. «Доведенный до от­чаяния» приставами и угрозами Ходорковского, «был выну­жден» ударить его сапожным ножом по носу.

После покушения на Михаила Ходорковского Кучму на шесть месяцев поместили в помещение камерного типа, и он потерял право на УДО. В результате «оказался в очень сложной психологической ситуации, был готов в любой момент покон­чить с собой», — жаловался несчастный.

Виноват во всех несчастьях был, разумеется, Ходорковский.

«Тут все потешаются над мадемуазель Кучмой, девушкой гордой, но нервной, и заботливой матушкой ее ФСИН, — писа­ла я Ходорковскому. — И по сему поводу 16 января я ездила в Мещанский суд.

Кстати первой моей реакцией на иск мадемуазель Кучмы был шок. Я сама удивляюсь, что степень подлости некоторых людей еще в состоянии меня шокировать. Второй реакцией был смех. Нет! Это можно только обстебывать.

Но, так или иначе, к Вам не пристанет. Вот к Кучме приста­нет, но ему, видимо, уже все равно.

Все Вам сочувствуют. По крайней мере, люди моего круга.

Я общалась с одной журналисткой, в общем-то, далекой от политики. Разговор зашел о Вас и этом новом обвинении.

— Да что ж они его гнобят-то так! — возмутилась она. — Не надоело? Мещанский суд? Да, действительно мещанский.

Все! Теперь Мещанский суд точно будут писать с маленькой буквы».

Тогда, 16 января, в Мещанском суде собралась толпа жур­налистов. Прошел слух, что Кучму привезут собственной персо­ной, и всем хотелось своими глазами посмотреть на сего Анти­ноя, отказавшего самому Ходорковскому.

Но пришедших развлек только Юрий Шмидт, назвавший но­вое обвинение «стрельбой из говнометов».

23 февраля, за два дня до итогового решения Мещанского суда по делу «Кучма против Ходорковского», интервью «Коммер­санту» дал бывший начальник Михаила Борисовича по швейно­му цеху Краснокаменской колонии Денис Юринский по прозви­щу Червонец.

На встречу он согласился потому, что «его экс-подчиненно­го «самым сучьим образом подставили», и он, как бывший бри-

гадир и наставник, посчитал своей обязанностью восстановить справедливость».

Оказывается, между Ходорковским и Кучмой не было вообще никаких отношений: «Борисыч все свободное время читал, мы все к этому как-то привыкли и старались ему не мешать. Кучма же как будто набивался к нему в друзья — начинал приставать с разговорами или просто садился рядом и смотрел, как тот читает. Миха, правда, быстро научился пресекать эти попытки. Он откладывал книгу в сторону и вежливо так говорил: «Если у вас ко мне какое-то дело, то обращайтесь, пожалуйста, я вас слушаю. А если вы хотите просто поболтать, то поговорите, пожалуйста, с кем-нибудь другим. Вы же видите, что я сейчас занят»».

«Как ты сам думаешь, Ходорковский мог приставать к Кучме?» — поинтересовался корреспондент «Коммерсанта».

«Бред полный! Услугами пидоров в зонах, конечно, пользуются, но только от полной безысходности. У ээка, к которому каждые три месяца приезжает на долгосрочную свиданку жена, никогда не возникнет даже мысли мацкать-цацкать за жопу своего соседа».

25 февраля Мещанский суд Москвы отказал Кучме в удовлетворении иска в полном объеме.

И чудом сохранил большую букву «М» в своем названии.

Я уже упоминала интервью, которые раздавал Кучма по выходе на свободу. Речь шла и об этом иске. Я прочитала и пожалела, что потешалась над ним. Обратной стороной фарса оказалась трагедия.

Кучма утверждал, что не подавал в суд на Ходорковского.

«Как я могу говорить, что я подавал иск, если я его не подавал, — рассказывал Кучма «Газете.Ru». — В 2009 году мой иск к Ходорковскому рассматривался. Я сам это видел по телевизору. Я сидел в камере во Владимире и смотрел, как там в Москве иск разбирался». «Полная фальсификация, — уточнил он. — Судя по словам Юрия Калинина, главы ФСИНа, который сказал тогда типа “зачем же Ходорковскому к 22-летнему осужденному приближаться...”, можно догадаться, чьих рук дело вся эта история».

«Первое видео о домогательстве снимали, когда я сидел в ШИЗО в ИК-10, — добавил он подробностей в другом интервью «Газете». — Пришел Р. и какой-то незнакомый человек в пятни-

стой форме. Любительскую камеру поставили. Заставляли меня перед камерой рассказывать, как будто Ходорковский меня домогался и как я за это ударил его ножом. Я был сломлен избиениями и уже на все соглашался.

Несколько раз записывали. Смотрели, какая запись получалась лучше»¹.

Кучма пытался жаловаться на то, как его «выставили в истории с Ходорковским». За жалобы его избили, раздробили руку и перевели прямо из больницы в помещение камерного типа как злостного нарушителя.

После чего увезли во Владимир и там, угрожая поместить в «пресс-хату», заставили сделать еще одну запись о «домогательствах» Ходорковского.

«Это происходило прямо в кабинете у опера, камеру на подставку поставили, маленькая такая любительская камера и фонарь какой-то. Мне просто сказали: скажи, что ты его порезал за то, что он тебя домогался.

Я сказал кратко, они записали и уехали».

Перед судом об УДО Ходорковского Кучму перевели в Читю и заставили написать заявление в Ингодинский суд, что Ходорковский не заслуживает условно-досрочного освобождения.

Привозили журналистов, чтобы Кучма рассказал про домогательства.

«Мне сразу сказали, что это «их люди», чтобы я не говорил лишнего».

«Потом они начали исковые заявления мутить, — продолжал бывший зек. — Много мне бумаг подавали, я толком уже не разбираю... Подписывал много всяких бумажек, доверенность подписывал какую-то».

Это была доверенность на представление его интересов в суде сотрудницей ФСИН Андреевой.

Ни в одном суде он не участвовал, только подписывал бумаги. После проигрыша иска его наконец оставили в покое, только изредка посещали чины из УФСИН и интересовались, как дела.

А придумал иск некий «генерал Л.».

«Генерал Л. говорил, что они не надеются выиграть дело о домогательстве, а просто им надо, чтобы информация такая прошла о Ходорковском», — вспоминал Кучма.

¹ «Газета.ру», Роман Баданин, 26.05.2011.

О том, как его распинали, я почти все уже сказала. Теперь немного о том, как раздирали его хитон.

14 апреля 2003-го государство неожиданно выставило на продажу принадлежащий ему пакет акций «ЮКОСа». Всего 0,073% акций. Никого это не насторожило и не обеспокоило. «Коммерсант» писал, что продажа такого мелкого пакета никак не может повлиять на котировки бурно растущих акций НК «ЮКОС», и посвятил событию только небольшую заметку на тринадцатой полосе.

Но уже через месяц на компанию началось атака, а потому эта мелкая сделка не кажется мне случайной. Словно торопились избавиться от актива, который скоро станет неликвидным.

Итоги конкурса по продаже акций были объявлены только в июне. Победителями стали физические лица и несколько компаний, в том числе «Ренессанс-капитал».

2 июля был задержан Платон Лебедев.

3 июля акции «ЮКОСа» упали сразу на 10,5%. «По оценкам экспертов, «ЮКОС» потерял за этот день \$1,5 млрд.», — писал «Коммерсант».

9 июля в «ЮКОСе» началась налоговая проверка. Основанием для нее стало письмо депутата Михаила Бугера на имя Генпрокурора Устинова.

«Так, — утверждается в письме, — нефтяная компания «ЮКОС» в 2002 году уплатила в федеральный бюджет всего 90 млн. рублей, при этом получив возмещение из бюджета на сумму около 2 млрд. рублей и выплатив дивиденды акционерам в размере нескольких сот миллионов долларов». Для этого, по словам Михаила Бугера, «используется множество методов ухода от налогообложения, что наносит государству огромный ущерб».

Представители «ЮКОСа» с цифрами не согласились.

««ЮКОС» выплатил в 2002 г. в федеральный бюджет в виде налогов 101,7 млрд. руб., сообщил 9 июля руководитель пресс-службы компании Александр Шадрин... — писала газета «Коммерсант». — Помимо этого, Александр Шадрин отметил, что информация об объеме уплачиваемых «ЮКОСом» налогов абсолютно открытая, содержится в отчетности компании и доступна каждому».

А 17 июля в газете «Коммерсант» со ссылкой на Институт финансовых исследований была опубликована таблица под назва-

нием «Сколько платят нефтяные компании в бюджет». По сумме платежей «ЮКОС» отставал только от «Лукойла»¹.

Рынок постепенно пришел в себя после ареста Платона Лебедева, и акции начали расти. Росли до 25 октября, когда арестовали Михаила Ходорковского. После этого был обвал, причем не только акций «ЮКОСа», но и всех акций российских компаний, что привело даже к падению рубля сразу на 15 копеек.

27 октября руководство ММВБ приостановило торги на час.

В тот же день Владимир Путин приказал «прекратить истерику».

Торги возобновили, но за этот день акции «ЮКОСа» упали на 19%.

30 октября контрольный пакет акций «ЮКОСа» был арестован на счете депо в банке «Траст». Сначала сообщили, что это 53% уставного капитала компании, и акции принадлежат Михаилу Ходорковскому. Потом процент усок до 44, и выяснилось, что это акции «Menatep Group».

Это известие вызвало падение акций «ЮКОСа» еще на 14%.

На следующий день, 31 октября, впервые заговорили о возможном банкротстве «ЮКОСа». Такой прогноз сделала ИК «Велес Капитал». «ЮКОС» может не получить необходимый ему кредит от зарубежных банков. Кроме того «банки могут использовать пункт договора под названием «существенное неблагоприятное изменение условий» и потребовать вернуть уже выданные деньги».

Такое развитие событий аналитики еще считали маловероятным, но уже рекомендовали воздержаться от операций с акциями «ЮКОСа».

31-го выяснилось, что часть арестованных акций в 4,5% принадлежит физическим лицам, не имеющим к расследуемым уголовным делам никакого отношения, и арест с этой части был снят. Скорее всего, речь шла о пакете Алексея Голубовича.

Потом появилась информация, что эти выведенные из-под ареста акции принадлежали старому менеджменту «ЮКОСа» — людям, которые работали там до прихода Ходорковского. Акции остальных партнеров Ходорковского были арестованы.

Их теперь невозможно было продать, но они не утратили права голоса. А в случае недееспособности Ходорковского, согласно документам о структуре собственности «ЮКОСа» право голоса по большей части акций переходило к Леониду Невзлину. Теперь он голосовал контрольным пакетом.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 124 (2727) от 17.07.2003.

3 ноября Михаил Ходорковский сложил с себя полномочия председателя правления компании и возглавил «Открытую Россию».

Ходили слухи, что Путин готовится подписать указ о введении в «ЮКОСе» внешнего управления.

«Как руководитель я должен сделать все для выведения трудового коллектива компании из-под удара, направленного против меня и моих партнеров», — писал Ходорковский в заявлении об отставке.

2 декабря «ЮКОСу» были предъявлены налоговые претензии на 5 миллиардов долларов. По мнению МНС, компания не доплатила около двух миллиардов долларов налогов, остальное составили пени и штрафы. В основном претензии были связаны с использованием налоговых льгот в Мордовии. И составили почти пятую часть стоимости «ЮКОСа».

29 декабря сумму уточнили. Представители МНС вручили руководству «ЮКОСа» акт налоговой проверки с претензиями на 98 миллиардов рублей. То есть 3,3 миллиардов долларов.

Весной следующего 2004 года налоговые претензии были предъявлены и «дочкам» «ЮКОСа»: «Томскнефти» и «Самаранефтегазу». Последней — на 3 миллиарда рублей. Речь шла о пресловутой скважинной жидкости. Налоговики сочли, что под видом «нефтесодержащей жидкости» «дочки» «ЮКОСа» продавали очищенную высококачественную нефть и таким образом уходили от налогов.

«ЮКОС», естественно, отрицал все обвинения.

«Скважинная жидкость или очищенная нефть — с налоговой точки зрения это практического значения не имеет, — пишет мне Ходорковский. — Я об этом подробно говорил во время второго процесса. Покупать именно скважинную жидкость было важно до 1999 года, так как мы таким образом боролись с незаконными арестами имущества».

16 апреля по иску Министерства РФ по налогам и сборам имущество «ЮКОСа» было арестовано. Стоимость арестованных активов превышала сумму налоговых претензий в несколько раз.

Через десять дней 26 апреля синдикат иностранных банков, кредитовавших «ЮКОС», объявил компании о возможном объявлении дефолта по кредиту.

Бывший глава Центробанка Виктор Геращенко, который стал новым Председателем Совета Директоров, считал, что у «ЮКО-

Са» нет неразрешимых финансовых и налоговых проблем, хотя «есть проблемы у некоторых сбоку стоящих организаций, имеющих какое-то отношение к «ЮКОСу», а также у отдельных акционеров и менеджеров, которые не совсем корректно себя вели с налоговыми органами».

По его словам, у «ЮКОСа» «все прекрасно, все эффективно» и «с точки зрения менеджмента тоже все схвачено».

«Что касается Геращенко, я его глубоко уважаю, — пишет мне Михаил Ходорковский. — К сожалению, участь «ЮКОСа» была решена, о чем ни я, ни он не знали. Ведь забрать акции у меня и моих коллег было более разумно, но...»

17 мая Виктор Владимирович заявил, что у него есть план спасения «ЮКОСа»:

«Компании нужно пережить два важнейших момента: это переговорный процесс с «Сибнефтью» о разводе или о неразводе. И второй вопрос — претензии по налогам».

26 мая арбитражный суд Москвы удовлетворил иск МНС к «ЮКОСу». Компания должна была заплатить в бюджет почти 100 миллиардов рублей (\$3,4 млрд.) налогов, пеней и штрафов. Дело рассмотрели в три дня, почти без прений.

«Оперативность, с которой суд рассмотрел крупнейший в истории России налоговый иск, позволяет отвергнуть все версии вокруг дела «ЮКОСа», кроме политической», — писала газета «Коммерсант»¹.

НК «ЮКОС» была признана должником за 18 формально независимых компаний, зарегистрированных во внутренних офшорах в Мордовии.

«Принятие точки зрения МНС фактически приведет к юридической революции: на использовании аффилированных де-факто, но не де-юре компаний строится бизнес множества российских холдингов», — комментировал «Коммерсант»².

На следующий день 27 мая НК «ЮКОС» провела пресс-конференцию. Председатель правления ООО «ЮКОС Москва» Юрий Бейлин заявил, что банкротство «ЮКОСа» может наступить еще до конца года.

Налоговые претензии в 100 миллиардов рублей были начислены только за 2000 год, тот самый, когда «ЮКОС» по сумме уплаченных налогов стоял на втором месте после «Лукойла».

¹ Газета «Коммерсантъ», № 94 (2933) от 27.05.2004.

² Там же.

Федеральная налоговая служба теперь проверяла 2001-й, когда использовались те же налоговые схемы. Сумма претензий могла возрасти в два раза, а на счетах «ЮКОСа» не было и 3,4 требуемых миллиардов долларов. Только 800 миллионов.

«К концу года, если «ЮКОС» будет отдавать налоговикам всю свою чистую прибыль, он сможет выплатить не более 70% налоговых недоимок 2000 года», — писала газета «Коммерсант»¹.

За следующую неделю акции «ЮКОСа» упали на 20% и достигли уровня двухлетней давности.

31 мая Московский арбитражный суд подтвердил недействительность допэмиссии акций «ЮКОСа», которая потребовалась для обмена на 57,5% акций «Сибнефти».

Развод с «Сибнефтью» был выгоден «ЮКОСу». В результате он мог бы получить 3 миллиарда долларов от несостоявшегося партнера и расплатиться по налогам.

Но окончание мучительного развода с «Сибнефтью» было невозможно. Имущество «ЮКОСа» было арестовано, и он не мог вернуть «Сибнефти» ее акции.

В начале июня ситуацию вокруг «ЮКОСа» прокомментировал «Коммерсанту» Виктор Геращенко: «Если я правильно понимаю законодательство, позиция «ЮКОСа» является безупречной. Суд против «ЮКОСа» идет не по закону, а по «совести» или по «справедливости». А если так, то надо договариваться. Если не договоримся, разговоры об инвестициях в экономику России — папиросный дым».

Тогда же, в июне, «Group MENATEP», основной акционер НК «ЮКОС», согласилась предоставить свои активы в качестве гарантии по долгам «ЮКОСа» по налогам в случае их реструктуризации. Акционеры готовы были спасти компанию, даже если это приведет к утрате контроля над нею и их пакет перестанет быть контрольным.

Это подтвердил Леонид Невзлин.

«Фактически это означает, что «Group MENATEP» готова к мирным переговорам с правительством по передаче компании в руки новых совладельцев», — писала газета «Коммерсант».

17 июня в Ташкенте на саммите Шанхайской организации сотрудничества Путин сделал заявление: «Официальная власть России, правительство Российской Федерации не заинтересованы в банкротстве такой компании, как «ЮКОС»»².

¹ Газета «Коммерсантъ», № 95 (2934) от 28.05.2004.

² Газета «Коммерсантъ», № 108 (2947) от 18.06.2004.

Что тут началось!

На ММВБ акции «ЮКОСа» выросли сразу на 32,2%, на РТС — на 12,8%. Рост был таким бурным, что в тот же день около 17:00 обе биржи приостановили по ним торги.

Все-таки наивность биржевых брокеров меня поражает. Ну мало ли кто что сказал? Какое это вообще имеет отношение к действительности?

21 июня на пресс-конференции инвестиционной группы «Ренессанс-капитал» министр финансов Алексей Кудрин заявил, что между МНС и «ЮКОСом» началось «сотрудничество по возможности погашения выдвинутых обязательств».

То есть переговоры с компанией начались.

После этого акции «ЮКОСа» побили все рекорды: за несколько дней после заявления Путина котировки выросли в общей сложности на 50%.

24 июня председателем совета директоров «ЮКОСа» был избран Виктор Геращенко. Он обещал начать ликвидацию налоговой задолженности, чтобы спасти компанию от банкротства. «План спасения тут очень простой, — заявил он, — Вступить в переговоры и достигнуть взаимоприемлемого компромисса».

Реализация плана Геращенко оказалась куда труднее самого плана.

1 июля в центральный офис «ЮКОСа» прибыли судебные приставы, чтобы обеспечить исполнение решения о взыскании с компании 99,4 млрд. рублей. Через несколько минут акции «ЮКОСа» снова начали падать.

В тот же день стало известно, что «ЮКОСу» предъявлены новые налоговые претензии, теперь за 2001 год. Еще на 98 миллиардов рублей. Общая сумма достигла 6,7 миллиардов долларов. Заговорили о том, что если посчитают недоимки и за 2002 — 2003 годы сумма задолженности достигнет 10 миллиардов долларов — стоимости, сравнимой со стоимостью всего пакета акций НК «ЮКОС», принадлежащих «Group Menatер»¹.

В тот же день счета компании «ЮКОС» были заморожены.

«Предложение провести переговоры было сделано 9 июня премьеру Михаилу Фрадкову, — рассказал журналистам Виктор Геращенко. — Было написано затем второе письмо. Их суть сводилась к тому, чтобы договориться о погашении задолженности, не задаваясь целью публичного оспаривания законности реше-

¹ В сентябре сумма недоимок выросла до 7,4 миллиардов долларов.

ний суда. Такое же предложение было сделано и через суд¹. Но ответа нет. Отказ приставов взять в обеспечение акции «Сибнефти», которые не арестованы после решения суда и которые стоят \$4,2 млрд., — это глупость и, я считаю, провокация. Он идет вразрез со словами президента, что намерения банкротить компанию нет. Я звонил в четверг Медведеву², Фрадкову и Кудрину. Их секретари, с которыми я разговаривал, сказали: «Мы доложим при первой возможности». Никто не отзвонил. Я понимаю, в четверг было заседание правительства, затем разные совещания — в общем, занятые люди»³.

5 июля компания «ЮКОС» получила от иностранных банков уведомление о дефолте по кредиту в 1 миллиард долларов. Это означало, что банки в любой момент могли потребовать погашения всей суммы. Условия кредитного договора предусматривали такую меру в случае форс-мажорных обстоятельств, ими стал арест счетов компании.

«Действия представителей правительства Российской Федерации довели лучшую и самую кредитоспособную российскую компанию до непреднамеренной и искусственной неплатежеспособности и даже возможного банкротства, создав невыносимую ситуацию дефолта по банковским кредитам», — заявил финансовый директор «ЮКОСа» Брюс Мизамор⁴.

7 июля Михаил Ходорковский предложил отдать все 44% акций, принадлежащих ему и его партнерам, менеджменту «ЮКОСа», чтобы они могли быть проданы или переданы государству в счет погашения долга по налогам.

Об этом заявил адвокат Ходорковского Антон Дрель после посещения подзащитного в «Матросской тишине»: «Господин Ходорковский попросил меня проинформировать совет директоров «ЮКОСа», что в целях недопущения банкротства компании он может использовать пакет акций, принадлежащий крупнейшим акционерам компании»⁵.

8 июля в ноль часов истек срок выплаты задолженностей «ЮКОСа» по налогам. Теперь судебные приставы могли списывать средства с банковских счетов компании и начать опись имущества.

¹ Апелляционную инстанцию арбитражного суда Москвы.

² Дмитрию Анатольевичу.

³ Газета «Коммерсантъ», № 119/П (2958) от 05.07.2004.

⁴ Газета «Коммерсантъ», № 120 (2959) от 06.07.2004.

⁵ Газета «Коммерсантъ», № 122 (2961) от 08.07.2004.

В тот же день исполнительный директор «ЮКОСа» Стивен Тиди подписал письмо в правительство с предложением добровольно выплатить в бюджет 8 миллиардов долларов недоимки по налогам в обмен на предоставление компании отсрочки по долгам на три года.

По слухам, закулисные переговоры с властями вел Василий Шахновский, но о результатах ничего не было известно.

Через четыре дня, 20 июля, Министерство юстиции объявило, что служба судебных приставов для взыскания с НК «ЮКОС» недоимки по налогам продаст акции ОАО «Юганскнефтегаз», на долю которого приходилось 60% добычи и 70% запасов нефти «ЮКОСа».

Продажи основного добывающего подразделения не ожидал никто. Это было прямым нарушением закона. Обращение взыскания на основной актив в соответствии с законодательством осуществляется лишь в третью очередь, если для погашения задолженности не хватает имущества первой и второй очереди.

Но в случае «ЮКОСа» с основного актива решили начать.

22 июля председатель совета директоров «ЮКОСа» Виктор Геращенко, председатель правления ООО «ЮКОС-Москва» Стивен Тиди и финансовый директор Брюс Мизамор дали совместную пресс-конференцию.

По словам Стивена Тиди, за последние месяцы «ЮКОС» отправил в Минюст, Минфин и председателю правительства 11 писем с предложениями по урегулированию ситуации вокруг компании, но ни на одно из них не было получено ответа.

«Я регулярно звоню в министерства, председателю правительства, но все, к кому я обращаюсь, по-видимому, очень занятые люди», — добавил Виктор Геращенко.

Несмотря на все проблемы, «ЮКОС» пока не банкрот, заявили выступающие, но обязательно станет им, когда будет продан «Юганскнефтегаз».

В тот же день в перерыве судебного заседания по делу Ходорковского и Лебедева Василий Шахновский процитировал журналистам последнее заявление Михаила Борисовича: «В сегодняшней ситуации предпочтительнее, чтобы на этом посту был представитель государства»¹.

27 июля произошло, казалось бы, не связанное с банкротством «ЮКОСа» событие: давний друг Путина и один из инициато-

¹ Газета «Коммерсантъ», № 133 (2972) от 23.07.2004.

ров и кураторов дела «ЮКОСа» Игорь Сечин был избран председателем совета директоров НК «Роснефть».

«Для того чтобы стать главным нефтяником страны, Игорю Сечину необходимо завершить разгром «ЮКОСа», — писал «Коммерсант». — Судя по всему, «Роснефть», вопреки заявлениям представителей правительства, примет участие в разделе его активов»¹.

28 июля стало известно об аресте имущества дочерних добывающих предприятий «ЮКОСа». Это можно было интерпретировать не только как запрет распоряжаться производственными активами, но и нефтью. Компания решила остановить добычу до разъяснения властей.

Мировые цены на нефть тут же взлетели вверх и побили все рекорды.

Загерметизировать скважины можно было в течение трех дней.

Но уже на следующий день, 29 июля, Минюст заявил, что не накладывал запрет на добычу, переработку, поставки и продажу нефти «дочек» «ЮКОСа».

6 августа арбитражный суд Москвы снял арест с акций «Юганскнефтегаза» как основного актива «ЮКОСа».

Решение это прожило недолго. 9 августа арест наложили снова «в связи с отсутствием достаточных денежных средств на счетах должника». И еще потому, что акции не относятся к основным средствам, то есть станкам, оборудованию и т.п., то есть являются имуществом первой очереди взыскания.

Тот мелкий факт, что эти акции дают право на владение и управление теми самыми основными средствами, Минюст счел настолько несущественным, что даже не упомянул.

11 августа НК «ЮКОС» получила уведомление о дефолте от основного кредитора и акционера «Group MENATEP». Это означало, что 100 миллионов долларов в месяц будет уходить «Group MENATEP», не доходя до арестованных российских счетов «ЮКОСа».

Это означало, что Михаил Ходорковский и его партнеры практически прекратили борьбу за «ЮКОС».

31 августа были арестованы счета дочерних предприятий «ЮКОСа».

В начале сентября они прекратили все текущие выплаты в местные бюджеты.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 136 (2975) от 28.07.2004.

Председатель совета директоров ООО «ЮКОС-Москва» Михаил Трушин уведомил об этом губернаторов регионов «ЮКОСа»: Ханты-Мансийского автономного округа, Красноярского края, Самарской, Томской и Иркутской областей.

Большинство «дочек» «ЮКОСа» были крупнейшими налогоплательщиками в своих регионах.

«Остановка финансирования мероприятий по экологической защите, а также капитальных вложений в пожаро- и взрывоопасные производства, кроме всего прочего, повышает техногенные риски, полностью исключить которые компания в настоящее время не в состоянии, — писал Трушин. — В связи с этим считаю необходимым усилить уровень готовности соответствующих региональных чрезвычайных и спасательных служб»¹.

В ответ Минприроды пригрозило отобрать у предприятий «ЮКОСа» лицензии на нефтедобычу.

Тем временем компания платила по налоговым недоимкам по миллиарду долларов в месяц, и выплаченная сумма приближалась к 2,5 миллиардам долларов.

А число безответных писем «ЮКОСа» в правительство достигло полусотни.

21 сентября компания «Тюменьэнерго» за долги ввела ограничения на поставку электроэнергии «Юганскнефтегазу». Мощность снизили всего на 5%, и ограничения продержались три дня, но ситуация уже была тяжелой.

«На сервисных предприятиях «Юганскнефтегаза» останавливается работа, — рассказывал корреспондентке газеты «Коммерсант» мэр Нефтеюганска Виктор Ткачев. — Простаивают бригады, занимающиеся буровыми работами и ремонтом скважин. Руководство некоторых предприятий выплачивает своим сотрудникам по 2/3 заработной платы, отправляет людей на три дня в отпуска без содержания. В трех муниципальных образованиях, в которых работает нефтяная компания, проживает 200 тыс. человек, причем каждая третья семья работает на «Юганскнефтегаза». Поэтому мы опасаемся социального взрыва.

Думаю, что сложившаяся ситуация наносит ущерб не только Нефтеюганску, но и всей стране. В период высоких цен на нефть предпринимать действия, которые ведут к остановке скважин, — это, по меньшей мере, неразумно».

¹ Газета «Коммерсантъ», № 166 (3005) от 08.09.2004.

24 сентября на первом Всемирном конгрессе информационных агентств в Москве Владимир Путин заявил журналистам, что «цели национализировать «ЮКОС», прибрать его к рукам у государства нет и не будет».

Акции «ЮКОСа» тут же подорожали на 6%, а потом подешевели на 4%. Брокеры уже не относились к заявлениям Путина с той же серьезностью, как летом.

Впрочем, президент добавил: «Если дело дойдет до продажи активов «ЮКОСа», то в этом смогут участвовать все организации, в том числе и государственные».

28 сентября «ЮКОС» сократил поставки нефти в Китай. Отгрузку полностью прекратили в адрес «China National Petroleum Corporation» (CNPC). Межправительственное соглашение между Россией и Китаем было нарушено. «ЮКОС» не мог проводить таможенные платежи с арестованных счетов, китайская сторона тоже отказалась платить, поскольку это противоречило условиям договора. Другая китайская компания, «Sinopet», согласилась платить за «ЮКОС», и поставки были сохранены в полном объеме.

6 октября налоговые претензии были предъявлены ОАО «Юганскнефтегаз». По мнению МНС, «Юганскнефтегаз» должен был доплатить 27,8 млрд. руб. налогов, пени и штрафов по итогам проверки за 2002 год. Начали и налоговую проверку за 2001 год.

Причины претензий были очевидны.

Примерную стоимость «Юганска» оценивали в 15,7 — 17,3 миллиардов долларов. Так что вполне понятно желание государства купить его подешевле.

12 октября Министерство юстиции приняло решение о продаже «Юганскнефтегаза». Стартовая цена — 10,4 миллиарда долларов. Минимум на 5 миллиардов меньше, чем ожидали. Или ниже рыночной стоимости в полтора раза.

Но и эта оценка была далека от реальности. В качестве стартовой цены вскоре были названы 4 миллиарда долларов. Продавали пакет акций, соответствующий 76,8% уставного капитала, к этому пакету применили дисконт как к миноритарному и снизили цену еще на 40%.

Как пакет в 76,8% можно счесть миноритарным, мне понять не дано.

Но все же я не специалист по ценным бумагам. Вдруг да есть у них какие-то таинственные свойства, позволяющие считать 76,8% меньшинством? Ведь нельзя же так!

«Может быть, все же была причина считать этот пакет миноритарным? — спрашиваю у Ходоровского. — Как они обосновали применение дисконта?»

«Не смешите», — отвечает он.

1 ноября «ЮКОСу» предъявили новые налоговые претензии — на 193 млрд. руб. за 2002 год. А «Юганскнефтегазу» — за 2001 и 2002 годы в размере 67,5 млрд. руб. и 29,6 млрд. руб. соответственно. Последнюю сумму поправили. Прежнее значение было 27,8 миллиардов.

Общая сумма налоговых претензий к «ЮКОСу» превысила \$14 млрд., к «Юганскнефтегазу» — \$3,3 млрд.

Капитализация «ЮКОСа» по итогам торгов того же дня составила всего \$9,2 млрд.

Честно говоря, не думала, что торговля нефтью в условиях бурного роста на нее мировых цен настолько убыточна. Причем для отдельно взятой компании.

К этому моменту 3,5 миллиарда долларов «ЮКОС» уже заплатил, то есть рассчитался с долгом за 2000 год. И собирался платить дальше, по 1,5 миллиарда долларов в месяц.

4 ноября стало известно, что «Group MENATEP» обратилась к Владимиру Путину с жалобой на правительство России в связи с нарушением Договора к Энергетической хартии (ДЭХ), предусматривающего защиту прав инвесторов.

Если нарушения не будут устранены, «Group MENATEP» намеревалась обратиться с иском в один из международных арбитражных судов.

Россия подписала ДЭХ еще в 1994 году, но до сих пор не ратифицировала, и действует он на временной основе. Договор предусматривает выплату компенсации инвесторам в случае потерь активов.

Тим Осборн, один из трех управляющих директоров «Group MENATEP», заявил, что «юристы группы направили на имя президента России Владимира Путина уведомление о том, что мы готовы начать переговоры по разрешению ситуации, сложившейся вокруг «ЮКОСа». Решение это было согласовано с основными акционерами группы. Надеялись, что правительство России предпочтет не доводить дело до суда и начнет переговоры¹.

Переговоры не состоялись, «Group MENATEP» подала иск к России в международный арбитраж в Гааге на 100 миллиардов

¹ Газета «Коммерсантъ», № 208 (3047) от 05.11.2004.

долларов. Он был принят к рассмотрению, но решения пока (на июль 2011) еще нет.

К 9 ноября общая сумма налоговых претензий к «ЮКОСу» (с учетом исполнительного сбора и претензий к дочерним компаниям) достигла 18,4 миллиардов долларов.

За двухтысячный год претензий без учета штрафов составили 45,37% от выручки «ЮКОСа», с учетом — 67%. С каждого барреля нефти за 2000 год с учетом недоимок ЮКОС заплатил 10,5 долларов. В среднем для шести крупнейших нефтекомпаний России, не считая ЮКОСа, этот показатель был на уровне 6 долларов.

«Сумма налоговых претензий и уже уплаченных «ЮКОСом» налогов за 2001 год с учетом штрафов превышает выручку компании за этот же год на \$27 млн., за 2002 год сумма претензий и уже уплаченных налогов больше выручки на \$566 млн.», — писала газета «Коммерсант»¹.

В 2001-м с учетом налоговых претензий «ЮКОС» должен был заплатить уже 14,5 долларов с барреля нефти. Вместо шести.

А в 2002-м — 15,7 долларов с барреля, против среднего показателя для других компаний — 8,5 долларов.

18 ноября Генпрокуратура России объявила о заочном аресте начальника юридического управления «ЮКОСа» Дмитрия Гололобова по делу об обмене акций дочерних компаний ВНК.

Арестовать его очно не представлялось возможным. Он давно был в Лондоне.

В телефонном разговоре с журналистами «Коммерсанта» он назвал свое дело «сфабрикованным политическим делом против адвоката, которого принуждают давать показания против своего клиента — НК «ЮКОС» и против его акционеров».

Главным юристом в компании осталась заместитель Гололобова Светлана Бахмина.

19 ноября стала известна дата аукциона по «Юганскнефтегазу». Он должен был состояться через месяц 19 декабря. Начальная цена пакета, выставленного на продажу около 8,6 миллиардов долларов. Примерно в два раза ниже оценки.

В тот же день Михаил Ходорковский сделал заявление об объявленной РФФИ продаже «Юганскнефтегаза»: «Правительством выбран наихудший из возможных вариантов решения вопроса по претензиям к компании «ЮКОС». Своими действиями власти наносят ущерб не только компании, но и государству, миноритарным акционерам и обществу в целом.

¹ Газета «Коммерсантъ», № 210 (3049) от 10.11.2004.

В этой ситуации решение о дальнейшей судьбе Компании «ЮКОС» должны принимать миноритарные акционеры...»

В тот же день заявление сделал и председатель правления компании «ЮКОС» Стивен Тиди. И оно было куда резче заявления Ходорковского.

«Это печальный день для России и ее народа, — говорилось в заявлении Тиди. — Сегодняшнее объявление одновременно стало и ошеломляющим, и ожидаемым. Ошеломляющим — потому что оно стало яркой демонстрацией неуважения правительства к закону. Ожидаемым — потому что, учитывая ход дела, исход его был предопределен давно. НК «ЮКОС» неоднократно заявляла, что предпринимаемые правительством действия содержат фундаментальные недостатки. А именно:

— Продажа, несомненно, незаконна, так как российское законодательство обязывает для решения налоговых проблем в первую очередь продавать непрофильные активы. «Юганскнефтегаз» — сердце НК «ЮКОС», и его продажа приведет к разрушению самой эффективной в России нефтяной компании, одной из тех, кто привлек наибольший объем западных инвестиций. Президент, его администрация и правительство России, игнорируя противозаконные действия, в сущности, потворствуют им.

— Эта экспроприация превращает в насмешку защиту прав собственности, которую так красноречиво отстаивал Президент страны на прошлой неделе. Продажа стала возможной благодаря тому, что правительство совершенно искусственно создало у НК «ЮКОС» кризис наличности, заморозив активы и банковские счета и предъявив нелепые и абсурдные налоговые претензии, превышающие выручку компании.

— Стартовая цена аукциона не имеет ничего общего с подлинной стоимостью «Юганскнефтегаза», одной из крупнейших в мире нефтедобывающих компаний, и означает кражу активов НК «ЮКОС». «ЮКОС» стал локомотивом возрождения российской нефтяной промышленности с 1999 года, во многом благодаря развитию «Юганскнефтегаза». Продажа «Юганскнефтегаза» по заниженной цене увеличивает вероятность того, что российское правительство продолжит кражу других активов НК «ЮКОС», продавая их по фальшивой цене, соответствующей фальшивым налоговым претензиям <...>.

По сути, мы являемся свидетелями организованного правительством воровства для сведения политических счетов».

В тот же день на ММВБ были прекращены торги акциями нефтяной компании «ЮКОС» в связи с падением котировок более чем на 15%¹.

21 ноября прошли массовые обыски в квартирах менеджеров «ЮКОСа» и их родственников. Причем не только высшего руководства компании, но и менеджеров среднего звена, как в Москве, так и регионах. Наибольшее давление оказывалось на юристов компании.

«Число менеджеров «ЮКОСа», подозреваемых, арестованных и находящихся в розыске по целому ряду уголовных дел, исчисляется десятками человек. Правоохранительные органы перешли от обвинений акционеров и топ-менеджеров к обвинениям и арестам рядовых сотрудников, и это шокирует,— заявил агентству «Интерфакс-АНИ» один из иностранных членов совета директоров «ЮКОСа». — Думаю, это приведет к параличу компании, она не сможет защищать свои интересы тогда, когда ей грозит потеря почти всех активов», — писала газета «Коммерсант».

24 ноября на допрос был вызван финансовый директор «ЮКОСа» Брюс Мизамор, но, как писала британская «Financial Times», «получил информацию, что его свобода может оказаться под угрозой», и покинул Россию. «Я не собираюсь жертвовать жизнью ради политических целей», — объяснил он.

Еще раньше на допросы в Генпрокуратуру были вызваны председатель правления Стивен Тиди, первый вице-президент Михаил Трушин и старший вице-президент Александр Темерко.

Опасаясь преследований, все они уехали в Лондон.

А президент «ЮКОС-РМ» Петр Золотарев подал в отставку.

В начале декабря налоговые претензии были предъявлены другому добывающему предприятию «ЮКОСа» — «Томскнефти». На 3,2 миллиарда рублей.

А 8 декабря того же 2004 года была задержана заместитель начальника правового управления ООО «ЮКОС-Москва» Светлана Бахмина. Обвиняли ее в выводе части имущества «Томскнефти» в стопроцентно дочерние ООО.

«Бахмина на тот момент оказалась старшим юристом, — рассказывает мне Василий Шахновский. — Кто-то уже уехал в Лондон, кто-то болел. Им нужно было парализовать работу компании, и в первую очередь юридической службы, которая защи-

¹ <http://www.kommersant.ru/news.aspx?DocID=979309>.

щала «ЮКОС» по налоговым делам и т. д. Они взяли руководителя юридической службы и предъявили ему абсолютно абсурдное обвинение».

Была и еще одна причина: Бахмина должна была выступить свидетелем защиты на процессе Ходорковского и Лебедева.

«Ей предлагали остаться в Лондоне, не рисковать, не ехать в Москву», — говорит мне Василий Савельевич.

Но у Бахминой было двое сыновей трех и семи лет, и она считала, что они должны учиться в России. За нее поручился Виктор Геращенко и просил не сажать в тюрьму мать малолетних детей. Но Басманный суд к нему не прислушался.

На следующий день после задержания Светланы Бахминой 9 декабря задержали еще одного юриста «ЮКОСа» Елену Аграновскую.

Она тоже должна была выступить свидетелем защиты.

«Видимо, следователи нащупали слабое место в деле «ЮКОСа» — им оказались женщины с детьми, — прокомментировал адвокат Платона Лебедева Евгений Бару. — И если они взялись за адвокатов, которых не сажали даже в советские времена, то ничего хорошего ждать в ближайшее время не приходится».

10 декабря был арестован гендиректор зарегистрированной в Эвенкии трейдинговой компании «ЮКОСа» ООО «Ратибор» Владимир Малаховский. Его обвиняли в хищении и отмывании денег. Как потом выяснилось, похитил он нефть «ЮКОСа».

Путем покупки.

В сообщничестве с Ходорковским.

То есть ограбил Ходорковского по предварительному сговору с Ходорковским.

И отмыл полученные деньги.

В пользу «ЮКОСа».

Если бы ему предъявили налоговые статьи, я бы еще поняла, это хотя бы логично.

В тот же день налоговые претензии предъявили другой «дочке» «ЮКОСа», ОАО «Самаранефтегаз». В общей сложности на 12,5 миллиардов рублей.

15 декабря НК «ЮКОС» подала заявление о банкротстве в суд Южного округа Техаса.

Представители «ЮКОСа» настаивали на чрезвычайном судебном слушании для вынесения запрета на аукцион по продаже контрольного пакета акций «Юганскнефтегаза», который должен был состояться 19 декабря.

Слушание было проведено, и 17 декабря суд Хьюстона принял решение о временном запрете продажи «Юганскнефтегаза». На десять дней.

Само собой, в России не обратили на это решение ни малейшего внимания.

В тот же день 17 декабря Федеральная антимонопольная служба обнародовала список компаний, допущенных к участию в аукционе. Это были: ООО «Газпромнефть», «Первая венчурная компания», ЗАО «Интерком» и ООО «Байкалфинансгруп».

Аукцион должен был состояться через два дня в воскресенье.

«В победе «Газпромнефти» на торгах 19 декабря никто не сомневается», — писал «Коммерсант».

Однако решение Хьюстонского суда оказалось не таким уж беззубым. Банковский консорциум, который должен был кредитовать «Газпром» под покупку ЮНГ, отказался финансировать сделку до окончательного решения техасского судьи Летиции Кларк.

«Газпромнефть» осталась без денег.

Этот день 17 декабря был щедр на события. Тогда же, за два дня до аукциона, прошел очередной обыск в офисе «ЮКОСа», ставший уже традиционным, были предъявлены обвинения Светлане Бахминой и Елене Аграновской, и задержан еще один менеджер «ЮКОСа» — начальник управления кадровой политики Антон Захаров. По подозрению в отмывании денег.

На следующий день 18 декабря был арестован бывший заместитель директора дирекции внешнего долга «ЮКОСа» Владимир Переверзин. Обвинили его тоже в отмывании денег «ЮКОСа» через возглавляемый им кипрский офшор.

19 декабря в воскресенье в 16.00 по московскому времени в здании Госстандарта начался аукцион по продаже компании «Юганскнефтегаз».

Начали в 17:10. Первым цену назвал представитель зарегистрированного в Твери ООО «Байкалфинансгруп»: 9,35 миллиардов долларов, немногим более стартовой цены. Аукционист Валерий Суворов спросил у представителей «Газпромнефти», готовы ли они предложить большую цену.

Исполняющий обязанности заместителя гендиректора «Газпромнефти» Николай Борисенко неожиданно замялся и попросил разрешения сделать телефонный звонок.

Никто не возражал, и Борисенко вышел из зала.

После его возвращения, Валерий Суворов спросил еще раз о том же: готов ли представитель «Газпромнефти» повысить ставку. Николай Борисенко отказался.

Аукционист трижды повторил заявленную ООО «Байкалфинансгруп» сумму и объявил его победителем торгов.

Интрига заключалась в том, что никто не знал, что это за «Байкалфинансгруп», и кого представляет. Зарегистрирована фирма была в Твери 3 декабря того же года, то есть чуть более, чем за две недели до аукциона, по юридическому адресу, где располагалась рюмочная «Лондон» и было зарегистрировано еще около 150 фирм.

Бармен рюмочной ни о каком «Байкалфинансгруп» никогда не слышал, среди мелких фирмочек, располагавшихся на втором этаже ее не было, а третий этаж был заколочен.

Организаторы аукциона тоже понятия не имели, что это за ООО.

«А чего удивляться? — прокомментировал Виктор Геращенко. — Продавать краденое имущество можно только неизвестной компании».

Однако нашелся человек, который прекрасно знал, что это за «Байкалфинансгруп», и знал ее акционеров как лиц «многие годы занимающихся бизнесом в сфере энергетики». Им оказался Путин Владимир Владимирович.

На этот раз он не хитрил.

Он действительно давно знал человека, под чью ответственность перешел «Юганскнефтегаз», знал с начала 90-х, еще по работе в Санкт-Петербургской мэрии. Это человека звали Игорь Сечин.

Правда по образованию он был филологом, хотя с недавнего времени и возглавлял совет директоров компании «Роснефть».

В ночь с 22 на 23 декабря «Роснефть» призналась, что выкупила у физических лиц доли в «Байкалфинансгруп», а значит, является конечным владельцем ЮНГ.

НК «ЮКОС» оценила ущерб от продажи «Юганскнефтегаза» в 20 миллиардов долларов и пообещала преследовать его покупателей во всех международных судах.

28 декабря 2004-го в газете «Ведомости» была опубликована статья Михаила Ходорковского «Тюрьма и мир: собственность и свобода»¹.

¹ <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2004/12/28/85295>.

«Завершается уничтожение «ЮКОСа», — писал он. — Я сделал все от меня зависящее, чтобы нелюбовь власти лично ко мне не привела к таким последствиям для миноритарных акционеров, рядовых сотрудников компании, страны в целом.

Полгода назад я предложил отдать принадлежавшие мне акции для погашения претензий к компании. Однако был избран другой путь — путь избирательного применения закона, введение и использование задним числом новых правовых норм и трактовок, путь прямого и публичного уничтожения ростков доверия делового сообщества к арбитражному суду, к власти в целом».

«Жадных людей, которые так грубо и бессмысленно повели себя по отношению к десяткам тысяч акционеров «ЮКОСа», мне, простому постсоветскому заключенному, даже жаль. Им предстоят долгие годы страха и перед новыми поколениями желающих «отнять и поделить», и перед настоящим, а не «басманным» правосудием. Ведь только некоторые очень наивные зрители центральных каналов продолжают думать, что цель происходящего — интересы всего народа».

«Мне передали одно важное соображение: они хотят засадить меня поглубже, лет на пять или больше, потому что боятся, что я буду им мстить, — пишет он. — Эти простодушные люди пытаются судить обо всех по себе. Успокойтесь: графом Монте-Кристо (впрочем, как и управдомом) я становиться не собираюсь. Дышать весенним воздухом, играть с детьми, которые будут учиться в обычной московской школе, читать умные книги — все это куда важнее, правильнее и приятнее, чем делить собственность и сводить счеты с собственным прошлым.

Благодарен Богу, что в отличие от моих гонителей я понял, что зарабатывание больших денег — далеко не единственный (и, возможно, далеко не главный) смысл трудов человеческих. Для меня период больших денег остается в прошлом. И теперь, избавившись от бремени прошлого, я намерен работать во благо тех поколений, которым совсем скоро достанется наша страна. Поколений, с которыми придут новые ценности и новые надежды».

Между тем, став собственностью «Роснефти», «Юганскнефтегаз» начал выставлять иски «ЮКОСу»: за применение внутрикорпоративных цен, за убытки в связи с предъявлением ЮНГ налоговых претензий, за неоплату поставок нефти в 2004-м, когда счета «ЮКОСа» были арестованы. Общая сумма исков ЮНГ к «ЮКОСу» составила около 13 миллиардов долларов.

В обеспечение этих исков весной 2005-го были арестованы акции других «дочек» «ЮКОСа». В том числе «Самаранефтегаза».

Последней тоже были предъявлены налоговые претензии: 8 миллиардов рублей за 2001 год, 8,7 — за 2002-й и 7 — за 2003-й.

Против управляющего ОАО «Самаранефтегаз» Павла Анисимова возбудили уголовное дело о неуплате налогов с организации.

Господин Анисимов был в Лондоне, однако в июле вернулся в Россию, и ему предъявили обвинение. В 2006-м его приговорили к реальному сроку: 2,5 годам колонии общего режима. А бухгалтера «Самаранефтегаза» Елену Марочкину, которую судили вместе с ним, — к полутора годам. Несмотря на то, что даже прокуроры просили условный срок, и все недоимки по налогам были давно выплачены.

15 января 2007-го Верховный суд заменил сроки на условные. За восемь месяцев тюрьмы Павел Анисимов успел пережить гипертонический криз и стать инвалидом.

В феврале того же года его судили снова. На этот раз за сверхнормативную добычу нефти, по статье «незаконное предпринимательство». Приговорили к полутора годам условно.

Обвинение по статье о неуплате налогов с организации еще в ноябре 2004-го было предъявлено и управляющему ЮНГ Тагирзяну Гильманову. В августе 2005-го суд полностью оправдал его. Вердикт тут же был отменен, и дело направили на новое рассмотрение. Зимой 2006-го его приговорили к трем годам условно за «пособничество в неуплате налогов».

К началу 2006-го из предъявленных «ЮКОСу» 27 миллиардов долларов налоговых претензий компании осталось заплатить 6,3 миллиарда. То есть более двадцати миллиардов уже заплатили.

Но в январе ситуация изменилась: НК «ЮКОС» были предъявлены новые налоговые претензии: за 2004 год. По мнению ФНС компания недоплатила 107 миллиардов руб. (около 3,5 миллиардов долларов).

51 миллиард рублей из ста семи составил НДС трейдинговых компаний от продажи нефти и нефтепродуктов. По мнению налоговиков, трейдеры аффилированы с «ЮКОСом», поэтому их выручка должна считаться выручкой «ЮКОСа». Между прочим, трейдеры налоги с доходов от перепродажи нефти уже заплатили, и никаких претензий к ним не было.

Однако запомним: выручка трейдеров «ЮКОСа» — это выручка «ЮКОСа».

При такой методике расчета суммы налога компания должна была уплатить 8 рублей налога на каждый рубль выручки. Это без учета пеней и штрафов. А с учетом — 15,5 рублей налога на рубль выручки.

«Действия налоговиков выглядят нелогичными: если «ЮКОС» поглотит государственная «Роснефть», ей придется к своим долгам (\$10,5 млрд), прибавить налоговые претензии к «ЮКОСу» в размере \$9,8 млрд., а также другие его обязательства», — поразился «Коммерсант».

Но тут же оговаривался: «Впрочем, история с уже поглощенным «Роснефтью» «Юганскнефтегазом» показывает, что после смены владельца налоговые претензии могут незаметно сойти на нет».

6 марта иностранные банки-кредиторы подали в московский арбитраж иск о признании «ЮКОСа» банкротом. Это было странно несвоевременно. НК «ЮКОС» планировала продать 53,7% акций литовской компании «Mazeikiu nafta» и выручить за это 1,5 миллиарда долларов, что полностью покрывало долги иностранным банкам, а в ходе процедуры банкротства они стали кредиторами лишь третьей очереди.

«Опрошенные Ъ эксперты предположили, что заявление банков было согласовано с российскими властями, — писала газета «Коммерсант». — Если бы это дело инициировало государство или госкомпания (такие как «Роснефть»), это выглядело бы некорректно в свете заявлений президента Владимира Путина о том, что государство не заинтересовано в банкротстве «ЮКОСа» (они прозвучали в июне 2004 года). Иностранные же банки, имеющие право потребовать банкротства компании, выглядят в этой ситуации совершенно респектабельно».

28 марта судья по арбитражным делам Павел Марков ввел в компании наблюдение, что было первым шагом к банкротству. Временным управляющим назначили Эдуарда Ребгуна.

В первый же день процесса выяснилось, что иностранные банки, которые инициировали банкротство, будут заменены на НК «Роснефть», скупившую долги «ЮКОСа». «Роснефть» расплатилась с ними несколькими днями ранее 14 марта. По договору с «Роснефтью», как утверждали на заседании адвокаты «ЮКОСа», иностранные банки были обязаны «в кратчайший срок подать в суд заявление о банкротстве должника».

Судья, недолго думая, сменил заявителя с банков на «Роснефть».

Компании, аффилированные с «Group MENATEP», в процесс допущены не были.

23 мая 2006-го Томская областная прокуратура распространила информацию о возбуждении нового уголовного дела, на этот раз против ОАО «Томскнефть». По факту неуплаты налогов за 2002 год в размере 1,79 миллиардов рублей. Причина была традиционной: нефть продавалась по низкой цене трейдеру «ЮКОСа» компании «Ратибор», а уже «Ратибор» продавал ее по рыночной цене.

Любопытно, что одновременно Басманный суд рассматривал дело бывшего гендиректора «Ратибора» Владимира Малаховского, и обвиняли его в хищении у «Томскнефти» той же самой нефти, с которой «Томскнефть» недоплатила налоги.

То есть, если, не дай Бог, у вас ограбили квартиру, не думайте, что ваши злоключения на этом кончились. А вы налоги заплатили с того имущества, которое у вас украли? Вы бы ведь гораздо дороже продать его могли и заплатить налог с доходов от продажи. И не заплатили.

Летом 2006-го менеджеры «ЮКОСа» предложили план финансового оздоровления компании. По этому плану расплачиваться с долгами предполагалось за счет средств от продажи неключевых активов — 20% акций «Газпромнефти» и 23,7% акций «Юганскнефтегаза».

20 июля началось собрание кредиторов «ЮКОСа», которое должно было решить вопрос о банкротстве. Ждали телеконференции со Стивеном Тиди с презентацией этого плана, но Тиди отказался от участия, только его адвокат огласил заявление о «недостовренности» данных отчета Ребгуна. По мнению Тиди, стоимость активов компании была вдвое выше оценки временного управляющего.

Ребгун предоставил слово представителю «Group Menater» Тиму Осборну, и тот сделал аналогичное заявление.

В тот же день Стивен Тиди объявил об уходе в отставку с поста президента «ЮКОСа». Заявление подал еще 19-го. А накануне, 18 июля 2006-го, Высокий суд справедливости Великобритании разрешил «Роснефти» обращение ее акций на Лондонской фондовой бирже, отклонив ходатайство «ЮКОСа» о его отмене.

Ходатайство было основано на законе Великобритании о запрете обращения незаконно нажитого имущества.

Такое решение лондонский суд принял не потому, что не согласился с тем, что «Юганскнефтегаз» украли у «ЮКОСа». Он согласился с доводами адвокатов «Роснефти» о том, что это был «государственный акт», и потому эти действия не попадают под британский закон. И судья согласился с тем, что он не вправе судить российское правительство. Не подпадает оно под юрисдикцию британского суда.

«Вывод судьи Чарльза, совпадающий с моим собственным, — прокомментировал Стивен Тиди газете «Коммерсант», — состоит в том, что правильным местом рассмотрения вопроса о нанесенном ущербе и потенциальной реституции по ЮНГ, равно как и о других неправомерных действиях в отношении компании, в том числе и необоснованном банкротстве, является Европейский суд по правам человека. Этот процесс будет долгим и в первую очередь будет носить юридический характер, что не оправдывает и не требует моего дальнейшего присутствия на посту президента компании»¹.

25 июля 2006-го собрание кредиторов приняло решение о банкротстве НК «ЮКОС». За это проголосовали основные кредиторы: Федеральная налоговая служба (ФНС), «Роснефть» и «Юганскнефтегаз» (все вместе — 93,87% голосов).

Конкурсным управляющим должен был остаться Эдуард Ребгун. Прежде всего он планировал продать «крупные объекты»: «Томскнефть», «Самаранефтегаз» и нефтеперерабатывающие заводы «ЮКОСа».

Не забыли и о личном имуществе юкосовцев.

30 июля стало известно об аресте земли в поселке «Яблоневый сад», где располагаются коттеджи Михаила Ходорковско-го и других бывших топ-менеджеров «ЮКОСа2 в подмосковной Жуковке.

По версии следствия, недвижимость была куплена на деньги, недоплаченные «ЮКОСом» государству в качестве налогов. Землей в Жуковке владело негосударственное образовательное учреждение «Межотраслевой технологический институт» (МТИ). Его учредителем выступала НК «ЮКОС».

«И сейчас я думаю, где мне, наверное, снять жилье, — прокомментировала радио «Свобода» Инна Ходорковская. — В мае месяце был наложен арест на ту территорию, где мы сейчас су-

¹ Газета «Коммерсантъ», № 132 (3463) от 21.07.2006.

шествуем, поэтому я и говорю, что пока мы живем в Жуковке. Как скоро это начнет реализовываться, я не знаю их планы».

На следующий день Генпрокуратура успокоила: имущество не могут конфисковать до осуждения гендиректора ООО «ЮКОС-ФБЦ» Ирины Голубь, по делу которой оно было арестовано. А Ирина Голубь была в Лондоне, и выдавать ее никто не собирался.

Однако семья Ходорковского подобрала жилье и переехала. «Дом в «Яблоневом саду» мы тоже арендовали, — пишет мне он. — Так что ничего не изменилось с этой точки зрения».

1 августа 2006-го Арбитражный суд признал «ЮКОС» банкротом.

«Решение о банкротстве «ЮКОСа» не стало для нас сюрпризом, — заявил «Коммерсанту» Тим Осборн. — Все эти события являются тщательно спланированными действиями российского правительства, направленными на то, чтобы окончательно избавиться от компании. В самом ближайшем будущем я ожидаю продажу оставшихся активов компании по заниженным ценам».

Газета «Коммерсант» подытожила, что дело «ЮКОСа», «вне всякого сомнения, войдет в учебники политэкономии и энциклопедию экономических казусов. Потому что с точки зрения экономической банкротства «ЮКОСа» не могло случиться».

«Поэтому «казус «ЮКОСа» и войдет в историю, — писал «Коммерсант». — Причем не как уникальный пример банкротства крупнейшей нефтяной компании, а как образец того экономического, политического и юридического зазеркалья, которое может царить в некоторых сырьевых республиках».

16 августа следователи Генпрокуратуры провели обыск в кабинете Виктора Геращенко. Мероприятие было в рамках возбужденного неделей раньше уголовного дела против аффилированной с «ЮКОСом» люксембургской «YUKOS Capital S.A.R.L.».

В 2003 — 2004 годах «YUKOS Capital S.A.R.L.» выдала НК «ЮКОС» несколько кредитов в общей сложности на 4,5 миллиарда долларов. По мнению следователей, кредиты выдавались деньгами самой компании «ЮКОС».

Историю этих займов рассказал сам Михаил Ходорковский на втором процессе в Хамовническом суде:

«Когда начался разгром и раздробление компании, то способом, который был для этого выбран, был арест всех счетов. Самой компании. А компания вопреки ранее сказанному стороной

обвинения была экспортером продукции, сама, поскольку продукция все же не похищалась, а экспортировалась «ЮКОСом». И выручка падала на счета «ЮКОСа», а они ее арестовывали. В результате сотрудники компании, а это 100 с лишним тысяч человек, остались без зарплаты. А проблема большая. Потому что в наших городах, где более половины взрослого населения работают в подразделениях компании, очень велико количество случаев, когда оба зарабатывающих члена семьи работают в одной компании. Эти делают не пойми что! Вот зачем они провоцировали социальный взрыв в регионах, я до сегодняшнего дня понять не могу. На меня, что ли, потом свалить хотели? Но упорно и умышленно Генпрокуратура провоцировала социальный взрыв в нефтедобывающих регионах! На протяжении ряда месяцев! Чтобы предотвратить эту ситуацию, имея определенную ответственность перед сотрудниками компании, американские управленцы, которые остались после того, как я ушел — точнее, меня ушли, — финансировали дочерние добывающие предприятия за счет кредита. А источником кредита имели те остатки, которые были на счетах «ЮКОС Кэпитал С.А.РЛ.», а эти остатки там возникли за счет кредита предоставленного консорциумом иностранных банков в конце 2003 года. Это все в отчетности есть. Прибыль-то мы всю израсходовали, а чтобы компании оборотные средства иметь, прокредитовались. И вот с этих кредитов финансировались дочерние добывающие предприятия. Почему это в 2004 году? Потому что денежные средства, поступающие «ЮКОСу», блокировались прокуратурой. В результате сейчас все вот эти иски, которые идут, — они все связаны с теми событиями 2004 года. Получается, что консорциум банков прокредитовал дочерние добывающие предприятия, после чего эти предприятия забрала «Роснефть», а выплачивать кредиты они не хотят.

Так что причины этого кредита вполне понятны. И таких причин до конца 2003 года не возникало. Потому что до конца 2003 года у нас все было в порядке: компания «ЮКОС» получала выручку, из этой выручки финансировались дочерние добывающие предприятия, оставшаяся прибыль распределялась на капитальные вложения и на выплату дивидендов. Это все проблемы 2004 года. А меня они здесь просто приболтали, но, естественно, никаких конкретных действий не описали».

В прениях в Хамовническом суде тоже речь зашла об этом кредите. Его возврат обвинители сочли отмыванием денег. Любопытно, что за «ЮНГ» его вернула уже «Роснефть».

А командовал этой частью «отмывания», по мнению прокуроров, понятно, Ходорковский.

Что же незаконного нашли во внутрикорпоративном займе?

Дело было возбуждено по факту мошенничества в ходе банкротства «ЮКОСа».

Тот факт, что займы были выданы в 2003 — 2004 годах, а процедура банкротства начата в 2006-м, следователей не смутил.

И тот факт, что Геращенко стал председателем совета директоров уже после выдачи займов, — не смутил тоже.

«Все, о чем заявляет прокуратура в своих обвинениях, случилось задолго до избрания нынешнего совета, — рассказал он «Коммерсанту». — Прокуроры взяли какие-то документы, которые хранились в аппарате совета, но эти бумаги никакого отношения к «YUKOS Capital» не имеют. К тому же я уверен, что они и так были у следствия».

В процессе предположили, что причина обыска — жесткие высказывания Геращенко в адрес властей. А цель уголовного дела в том, чтобы исключить «YUKOS Capital» из реестра кредиторов.

Тем временем суд Амстердама решал судьбу средств от продажи зарубежных активов «ЮКОСа». Основные требования Эдуарда Ребгуна были отклонены. Основными кредиторами «ЮКОСа» голландцы признали «Group MENATEP» и «Роснефть».

Решение суда прокомментировал директор «Group MENATEP» Тим Осборн:

«В нем нет ничего удивительного. Нидерланды не признают российский процесс о банкротстве. Теперь российские кредиторы самостоятельно или через господина Ребгуна могут попробовать утвердить свое право в голландском суде. У них еще есть время».

В тот же день Генпрокуратура обвинила Тима Осборна, Стивена Тиди, бывшего финансового директора «ЮКОСа» Брюса Мизамора и бывшего вице-президента по правовым вопросам Дэвида Годфри в хищении активов компании на 10 миллиардов долларов и легализации доходов.

«С целью завладения акциями в апреле 2005 года Тиди зарегистрировал в Нидерландах специальный фонд и назначил на должности его директоров себя, Мизамора, Годфри и Осборна, — писала прокуратура. — Затем фонду голландской компанией были безвозмездно переданы акции иностранных компаний. В результате указанные лица незаконно получили возможность распоряжаться акциями по своему усмотрению».

Речь шла о фонде «Stichting», созданном с целью ограждения зарубежных активов от отчуждения в рамках российского налогового дела.

«Эти действия совершенно ясно демонстрируют те немыслимые пределы, до которых может дойти вендетта против «ЮКОСа» и «MENATEP», — прокомментировал Тим Осборн. — Они также кажутся прямой реакцией на отказ амстердамского суда признать российское банкротство «ЮКОСа»».

В январе 2007-го стала известна предварительная оценка активов «ЮКОСа»: 22 миллиарда долларов.

По мнению отраслевых экспертов, она была занижена по крайней мере в полтора раза.

Долгов «ЮКОСа» его стоимость не покрывала.

Весной 2007-го началась распродажа имущества компании. Первым был продан пакет акций «Роснефти», его выкупила «Роснефть». За ним последовали акции «Газпром нефти», «Арктигаза», «Уренгойла» и энергетических компаний «ЮКОСа».

26 апреля в послании парламенту Путин выступил с инициативой перераспределения минимум 250 миллиардов рублей средств от налогов «ЮКОСа» на ремонт ветхого жилья и переселения из него граждан.

Желание сделать сообщниками значительную часть электората, раздав ей деньги, вырученные от продажи награбленных активов, вполне понятно.

Но у меня несколько вопросов.

Во-первых, если наш «национальный лидер» так заботился об обитателях ветхого жилья, почему бы ему не подождать, пока «ЮКОС» расплатится? Он же очень эффективно расплачивался, и денег было бы на порядок больше.

Между прочим, большая часть активов «ЮКОСа» перешла к государственной же компании «Роснефть». То есть за долги государству само государство и заплатило. Правда, заняв часть денег в Китае под поставки российской нефти.

Почему бы не спросить у тех, среди кого должны были распределять эти деньги, хотят ли они в этом участвовать? Я понимаю, что большинство хотят. Но вдруг у кого-нибудь да есть совесть?

От лица акционеров «ЮКОСа» было подано несколько исков в международные суды. Против России. О компенсациях за потерю инвестиций. Общая сумма исков превышает 150 милли-

ардов долларов¹, что в несколько раз больше суммы вырученной от продажи «ЮКОСа». И потому у меня вопрос. Будет ли Владимир Владимирович расплачиваться с ними из своего кармана или тоже привлечет электорат?

Почему-то мне кажется, что второе.

В одной из публикаций 2010 года «Новая газета» проследила судьбу денег от распродажи «ЮКОСа» и сняла большую часть вопросов морального порядка. По ее мнению, большая часть этих средств была благополучно распилена, и до электората дошли сущие крохи².

Так что не вышло Робин Гуда из Владимира Владимировича. Обратить богатого получилось, а вот раздать бедным...

Но вернемся в 2007-й. Основные активы продавали в мае. Третьего был продан «сибирский» лот активов «ЮКОСа», включающий «Томскнефть» и Ангарскую нефтехимическую компанию (АНХК).

Купила его, разумеется, «Роснефть».

И стала крупнейшей нефтяной компанией России.

Ситуация с «нехваткой запасов» госкомпании, на которую жаловался Путин на встрече с предпринимателями весной 2003-го, была успешно исправлена.

10 мая завершилась распродажа крупнейших производственных предприятий «ЮКОСа». Продавали «самарский» лот: «Самаранефтегаз», три НПЗ, розничная сеть, другие предприятия в регионе. Лот достался «Роснефти».

Одиннадцатого продавали «башню» «ЮКОСа» на Дубининской улице и еще нескольких принадлежавших компании задний.

Даже стартовая цена позволяла осуществить текущие платежи и удовлетворить требований кредиторов. А это означало, что дело о банкротстве должно быть прекращено.

¹ Иск в Европейский суд от GML — около 98 миллиардов долларов, иск в международный арбитраж в Гааге — 50 миллиардов долларов, сумма возможных исков миноритариев — порядка 10 миллиардов долларов. Один такой иск на 3,5 миллиона долларов уже удовлетворен. 20 сентября 2011 года, когда книга была уже закончена, ЕСПЧ огласил решение по иску «ЮКОС против России». Оно оказалось половинчатым и компромиссным. Суд признал вину России в нарушении статей конвенции о справедливом судебном разбирательстве и о праве на защиту собственности, но не нашел в деле политической составляющей и не назначил суммы компенсации, отложив решение о ней на три месяца, в течение которых предложил сторонам договориться полюбовно.

² <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/030/00.html>.

Разодранный и разрушенный почти до основания «ЮКОС» все еще был платежеспособен.

Итог аукциона 11 мая оказался неожиданным. Основным претендентом считалась «Роснефть», но у нее нашелся мощный конкурент — никому не известное ООО «Прана».

Торги продолжались почти три часа, и стоимость лота выросла почти в пять раз до рекордных 4 миллиардов долларов. Ни один объект недвижимости в мире никогда не продавался по такой цене.

По оценкам экспертов рыночная стоимость лота не превышала 550 миллионов долларов.

И «Роснефть» проиграла, сойдя с дистанции на отметке 100 миллиардов рублей.

«Щедрый покупатель не только пополнил конкурсную массу «ЮКОСа», но и оказал серьезную услугу его акционерам, — писал «Коммерсант». — Вчера котировки компании резко выросли — на 49% (капитализация достигла \$1,16 млрд.) — на ожиданиях, что, по крайней мере, часть денег достанется акционерам «ЮКОСа», а не его кредиторам, средств для погашения долгов перед которыми уже достаточно».

Однако осенью «ЮКОСу» были предъявлены новые налоговые требования: НДС, налог на имущество, налог с продажи имущества — всего на более чем 200 миллиардов рублей.

Вскоре здание на Дубининской улице у «Праны» выкупила «Роснефть».

В конце мая 2007-го Виктор Геращенко дал интервью Марианне Максимовской, которое показали в ее программе на REN-TV.

Разговор происходил в свежепроданном «Пране» офисе «ЮКОСа». Геращенко показывал свой кабинет Председателя совета директоров. «В. В. Геращенко» — гласила надпись на матовой двери.

— И на семнадцатом также было, у Михаила Борисовича, — сказал он, обращаясь кому-то в глубине кабинета. — А там, на семнадцатом этаже, Ходорковского уже стерли?

— Стерли, — ответили ему.

— Но не вы?

— Не мы.

Говорили о том, кого могла представлять «Прана», упоминали Абрамовича, а Геращенко периодически смотрел куда-то на потолок.

— Виктор Владимирович, а что вы вверх все время смотрите? — поинтересовалась Максимовская.

— А там у нас подслушивающее устройство стоит.

— Да?

— А как же? Три года уже.

Почему так круто с Ходорковским, интересовалась Максимовская.

— Мне кажется, у Михаила Борисовича в какой-то момент произошло головокружение от успехов, и он решил, что может критиковать, кого угодно. Ну, помните, это ведь было на встрече Союза Промышленников и Предпринимателей. Помните, что он сказал? Так вот, он в коридор вышел и снова повторил, так что многие слышали.

— Но ведь это бывает в демократических странах... — заметила Максимовская.

— В каких, вы сказали, странах?

— В демократических...

— Ну, так ведь мы о России говорим.

Распродажа продолжилась: были проданы «Роснефти» товарные знаки «ЮКОСа» и зарубежный актив «Yukos Finance». Последний — некоему ООО «Промнефтьстрой».

«До недавнего времени оно принадлежало «Роснефти», но перед торгами было продано американцу Стивену Линчу, — писал «Коммерсант». — Теперь ему придется договариваться с контролирующими «Yukos Finance» бывшими менеджерами «ЮКОСа». И если юридические проблемы будут сняты, собственником зарубежных активов «ЮКОСа» может стать «Роснефть»».

Стивен Линч оказался учредителем ООО «Монте-Валле», которое уже покупало активы «ЮКОСа».

К концу октября «ЮКОС» рассчитался с кредиторами. Денег не хватило: 76 миллиардов рублей он так и остался должен Федеральной налоговой службе. Долг пришлось списать. Акционерам «ЮКОСа» не досталось ничего, кроме зарубежных активов. В период с 2003 года, за четыре года и четыре месяца, государство взysкало с «ЮКОСа» 995 миллиардов рублей.

Почти триллион.

Только компания «Yukos Finance B.V.» осталась под контролем «Group MENATEP», поскольку суд Амстердама решил, что банкротство «ЮКОСа» в России противоречит принятым в Голландии стандартам правосудия и что в России «ЮКОСу» было отказано в справедливом суде.

12 ноября Арбитражный суд Москвы завершил конкурсное производство в «ЮКОСе». Неудовлетворенные требования кредиторов были признаны погашенными, а биржа РТС приостановила торги акциями «ЮКОСа».

21 ноября 2007 года ОАО НК «ЮКОС» было исключено из реестра юридических лиц.

Компанию ликвидировали.

А ее содержимое перетекло в «Роснефть».

Был ли захват компании заранее запланирован, как считает Леонид Невзлин?

— Эта версия весьма красива, — рассказывает мне Елена Талан. — Но я рассуждаю как финансист. Если она была бы заранее спланирована и красиво спланирована, то это не привело бы к разрушению такой структуры как НК «ЮКОС». К каким последствиям привело это разрушение, многим известно. В результате пришли в упадок предприятия, с которых можно было собирать налоги. Зачем? О разрушении компании было явно сиюминутное и эмоциональное решение. Главное — уничтожить и удовлетворить свои амбиции. В тот момент о стране явно никто не думал.

Для экономики страны это была огромная ошибка. Можно было оставить существовать компанию как действующую единицу, со всеми связями, со всеми заводами, со всеми нефтедобывающими точками, изменив владельца.

Заводы стояли по несколько месяцев. Это были мои последние дни в «ЮКОСе». Я ушла весной 2005-го года, когда уже начались проблемы. От людей, которые еще оставались работать в компании, я узнала, что Самарский завод, крупнейший нефтеперерабатывающий завод «Самаранефтегаз» на грани остановки.

Что творилось потом на заводах, на вышках, когда приезжали из «Роснефти» абсолютно некомпетентные люди! Структура «ЮКОСа» была почти идеальной. В противном случае компания не могла бы стать такой крупной и так работающей.

«Разгром «ЮКОСа» показывает, что спущенные с цепи бюрократы руководствуются отнюдь не интересами государства как такового, вечного и уже потому могущественного, — писал Михаил Ходорковский в статье «Тюрьма и мир: собственность и свобода». — Они просто знают, что государственная машина существует для обслуживания их собственных интересов, а все ее

остальные функции временно (или навсегда) упразднены за ненужностью. У них нет ни малейшего уважения к государству, которое рассматривается ими только как механизм достижения своих личных целей.

Потому и дело «ЮКОСа» — это никакой не конфликт государства с бизнесом, а политически и коммерчески мотивированное нападение одного бизнеса (представителями которого выступают чиновники) на другой. Государство же здесь — заложник интересов конкретных физических лиц, пусть и наделенных полномочиями государственных служащих»¹.

¹ <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2004/12/28/85295>.

Часть VI

ВТОРОЕ ДЕЛО

МИФ О СКВАЖИННОЙ ЖИДКОСТИ

17 марта 2009 года, когда в Хамовническом суде шли предварительные слушания по второму делу Ходорковского, молодёжное, «демократическое», «антифашистское»¹, а точнее прокремлевское, движение «НАШИ» организовало пикет на площади Европы.

В качестве лозунгов фигурировали шесть «наивных» вопросов к Ходорковскому. Был вопрос и о скважинной жидкости. Звучал он так: «Как удавалось превращать нефть в «скважинную жидкость?»»

Мне было и смешно и грустно. Я уже знала ответ на этот вопрос, точнее, что ответа на него не существует.

Еще летом 2008-го, собирая материал для книги, я набрала в «Яндексе» словосочетание «скважинная жидкость». И, кроме нескольких компроматных сайтов, меня вынесло... на профессиональные сайты нефтяников.

«Подъем скважинной жидкости, представляющей собой водогазонефтяную эмульсию, от продуктивного пласта кустью, связан с изменением давления, температуры, скорости движения потока, — гласил один из сайтов. — Водогазонефтяная смесь — сложный конгломерат, эмульгированный турбулизацией потока в колонне НКТ, и включающий растворы тяжелых непредельных и гетероорганических соединений в нефти и сжатом газе, минеральных солей в воде, а также механических примесей».

Перевозу: скважинная жидкость — это смесь нефти, воды, попутного газа и других примесей. Кстати, нефти там может быть менее 20%.

¹ Невольно вспоминается оруэлловское «Война — это мир, Свобода — это рабство, Правда — это ложь», а также слова Клеопатры: «Он украл даже имя», — сказала она об Октавиане, который назвал себя «Гай Юлий Цезарь Октавиан».

И именно скважинная жидкость из скважин и течет. А до состояния товарной нефти ее доводят, освобождая от газа, воды и примесей. И получается «нефть обезвоженная, обессоленная и стабилизированная», то есть соответствующая ГОСТу.

Есть еще понятие «сырая нефть». Она состоит из скважинной жидкости, хлористых солей и других примесей.

И не Ходорковский превращал нефть в скважинную жидкость, а скважинная жидкость превращается в нефть, причем вовсе не магическим способом, а в результате первичной переработки.

Я тогда верила в миф о покупке Ходорковским у своих добывающих предприятий «нефти под видом «скважинной жидкости», и была настолько поражена открытием, что тут же написала в ЖЖ.

«Разумеется, — откомментировали мне. — Бывает и так, что нефти там 1 — 2%».

«Господи! А вы не знали?» — поразился другой мой фрэнд.

«Ну, я же не нефтяник», — оправдывалась я.

Ребята из «НАШИХ» тоже не нефтяники. Но в «Яндексе»-то набрать, прежде, чем писать невежественные лозунги, неужели трудно? Даже искать особенно не надо, на первой странице.

Но полно о них. Вернемся к сути.

А суть в том, что дочерние фирмы НК «ЮКОС» закупали у добывающих предприятий скважинную жидкость на устье скважины, то есть до переработки в товарную нефть. А по закону налогом облагается только «нефть обессоленная, обезвоженная и стабилизированная», сырая нефть налогом не облагается.

«Когда я пришел в компанию, это был 1997 год, начало кризиса, — рассказывает мне Василий Шахновский. — Тогда бюджет верстался, и в бюджете была официально цифра собираемости налогов. Процент собираемости налогов. Тогда считали, что если заплатить втупую все налоги, пришлось бы отдать 96% выручки. Тогда налоговая система была настолько... точнее, тогда не было налоговой системы.

И при тех ценах, если платить все налоги, компанию на следующий день надо было останавливать, поэтому выкручивались, исходя из того, какие лазейки оставлял закон.

Понимаете, там ведь что происходило... У нас до сих пор российское законодательство не признает холдинговой структуры. И когда нефть от добывающего предприятия поступала к пе-

рерабатывающему предприятию, они должны были продавать эту нефть. По закону, продавать. И на это накручивалось налогообложение. Это все равно, что внутри одного завода деталь из одного цеха передается в другой, и на нее нужно накрутить налоги.

«Скважинная жидкость» была между добывающими предприятиями и перерабатывающими. Заводам ее продавали как скважинную жидкость. Заводам.

Все понимали абсурдность такого положения. И никаких претензий к этой истории не было, потому что не было времени тогда делать законодательства для холдинговых компаний, поэтому выкрутились — ну и замечательно, платите налоги вот примерно столько — ну и замечательно. По «скважинной жидкости» никто уголовное дело не возбуждал.

Это действительно так. Налоговые претензии в первом деле Ходорковского заключаются в том, что он внес в декларацию «заведомо ложные сведения о наличии налоговых льгот». Со скважинной жидкостью это никак не связано.

А второе дело Ходорковского вообще не имеет отношения к налогам.

«Компания «ЮКОС» платила с тонны нефти (ну, это же известная вещь) либо больше всех, либо мы вторые были по размеру суммарных выплат в разные фонды, по разным видам налогов государству, — говорит Василий Шахновский. — Мы там с «Сургутом» соперничали. «Сургут» всегда много платил. Но то, что мы платили всегда больше «Роснефти», «ТНК» и «Сибнефти» — это сто процентов. «Лукойл» иногда был наравне с нами. Но, как правило, мы больше.

Понятно, что всю аналитику по налоговым схемам, следствие получило от одной из нефтяных компаний, потому что все компании делали такие схемы, у всех были свои скелеты в шкафах, но схемы однотипные».

У покупки нефти в составе скважинной жидкости именно на устье скважины была отдельная причина. О ней рассказал сам Ходорковский, давая показания в хамовническом суде в апреле 2010-го:

«Подобная организация торговли, то есть имеется в виду продажа на устье скважины, эта часть торговли не определялась целью налоговой оптимизации. Она была организована в свое время, чтобы избежать незаконных арестов нефти по сфабрикованным подрядным договорам (что было практикой 1996 — 1999 годов). Что происходило. Фабриковался подряд-

ный договор о том, что что-то построено, что-то сделано. И акт, что это выполнено. Я думаю, в данном суде с подобными ситуациями вы сталкивались не раз. Они, естественно, не платили. Те с этими документами обращались в соответствующие органы и арестовывалась нефть. Арестованная нефть часто физически отбиралась на узле учета, то есть ее выгружали из трубопроводной системы добывающего предприятия «ЮКОСа», загружали в цистерны и угоняли. А на реализацию ее передавали местным бандитам, которые ее попросту никогда не оплачивали. В результате предприятие погружалось в долговую яму. Для того чтобы этого не допустить, мы и придумали схему, при которой мы покупали права собственности уже на скважине. Скважинную жидкость арестовать бессмысленно, ее невозможно потом никому продать, а отобрать нефть после подготовки уже нельзя, потому что она принадлежала компании «ЮКОС», а компания «ЮКОС» таких вот «левых» подрядных договоров не подписывала. Естественно, это уже у меня находилось под очень жестким контролем. Вот в чем был смысл-то! Постепенно, когда вся эта вакханалия к 2000 году закончилась, все предприятия начали переходить к этому способу, когда права собственности переходили сразу на узле учета «Транснефти». Почему это не произошло сразу? Переделать мозги вещь не быстрая, но за несколько лет справились. Это была не самая наша большая проблема»¹.

27 марта 2009-го бывший замминистра энергетики Владимир Милов выступал на общественных слушаниях в Сахаровском центре, посвященных началу второго суда над Ходорковским.

«Вообще все, что происходит и по первому делу против Ходорковскому, и в особенности по второму процессу, — это полное издевательство над здравым смыслом, — сказал он. — Я вам несколько цифр назову для того, чтобы было понятно, с какой проблемой мы имеем дело. «ЮКОС» в период 2000 — 2002 годов, за которые инкриминируют уклонение от уплаты налогов и так далее, платил примерно 30% от выручки. Это нормальная цифра, довольно большая. У нас в среднем налоговая нагрузка на экономику составляет примерно 31%. А, скажем, есть такая компания «Газпром», которая у нас называется национальным достоянием, она платит примерно 20% от выручки.

¹ <http://khodorkovsky.ru/mbk/testimony/13227.html>.

Я что-то не видел никого из «Газпрома» ни на скамье подсудимых, ни в тюрьме, хотя, на мой взгляд, следовало бы. Я предлагаю всем, кто интересуется этим вопросом, взять финансовые отчеты разных нефтяных компаний за тот же период и посмотреть, кто сколько платил налогов как долю от выручки, и вы увидите, что «ЮКОС» был практически чемпионом и платил больше всех других.

Да, у нас на тот момент было совершенно дырявое, как решето, налоговое законодательство, и это совершенная правда. Но давайте вспомним о том, что именно Ходорковский... честно говоря, когда я работал в министерстве энергетики, у нас были с ним достаточно сложные отношения, мы спорили, ругались, у нас были разные взгляды на то, как должно строиться налоговое законодательство в нефтяной отрасли, но я помню, что лично Ходорковский был одним из инициаторов, из тех, кто придумал ту новую налоговую систему, которая была введена с 2002 года и которая сняла эти вопросы, закрыла массу дырок в налоговом законодательстве, позволила, в том числе, избежать возможности уходить от налогов, говоря про скважинную жидкость, и так далее. Все это новое налоговое законодательство, которое действует сейчас, его придумал и лоббировал Ходорковский. Из-за этого у нас налоговая система в нефтяной отрасли стала более прозрачной и эффективно работает до настоящего момента...

По поводу «скважинной жидкости» я могу сказать, что уголовное дело надо было возбуждать против того человека, который написал в налоговом законодательстве, что облагается налогом нефть, которая соответствует ГОСТу. Из скважин не добывается гостовская нефть. Она доводится до ГОСТа только потом, в процессе подготовки. Вот то, что добывается из скважины, это, вообще-то говоря, и есть «скважинная жидкость», и в ней больше воды, чем нефти.

И этой мифологии, если вы наберете в Интернете «скважинная жидкость» или «ЮКОС, уклонение от налогов»... Я как-то пару раз проделал этот опыт и, честно говоря, пришел в ужас, насколько весь Интернет заполнен этой тиражируемой бредятиной о том, что «ЮКОС» — это якобы была криминальная компания, которая была устроена якобы на уклонении от уплаты налогов. Слушайте, но это была нормальная абсолютно, по международным стандартам устроенная компания. Вела нормальную хозяйственную деятельность. Все, что ей пытаются приписать, якобы каких-то уклонений, хищений и так далее — все бред».

Вкратце обвинение по второму делу заключается в том, что Ходорковский украл у себя всю нефть. Именно эта мысль и изложена в четырнадцати томах обвинительного заключения («ОЗ», как говорят адвокаты).

Тот факт, что Ходорковский грабил именно себя и никого другого изложен уже в первом томе: «При этом Ходорковский руководящую роль в организованной группе обеспечил за счет того, что он являлся основным владельцем акций компании «Group Menatep Limited», которая опосредованно являлась основным акционером ОАО «НК ЮКОС», обладала правом на стратегическое и оперативное управление этой компанией и ее дочерними акционерными обществами. За счет владения большинством акций компании «Group Menatep Limited», являющейся материнской компанией по отношению к ОАО «НК ЮКОС» и его дочерних нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих акционерных обществ, Ходорковский являлся физическим лицом, обладающим правом на стратегическое и оперативное управление этими коммерческими организациями»¹.

Собственно, нефть Ходорковский «крал» у стопроцентных² «дочек» «ЮКОСа», добывающих предприятий «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз» и «Томскнефть». То есть они на сто процентов принадлежали НК ЮКОС.

А НК «ЮКОС» через несколько промежуточных компаний принадлежал «Group Menatep». А последняя принадлежала Ходорковскому и его партнерам: Невзлину, Шахновскому, Брудно, Дубову, Лебедеву и Голубовичу.

Я бы поняла, если бы партнеры были признаны пострадавшими от кражи Ходорковским у них нефти. Но они были объявлены членами ОПГ. Лебедева судили вместе с Михаилом Борисовичем, остальные либо в международном розыске, либо не в розыске (как Шахновский), но упоминаются в обвинительном заключении.

На сие неустранимое противоречие обратил внимание даже известный мифотворец Владимир Перекрест в своей книге «За что сидит Михаил Ходорковский». По крайней мере, счел нужным объяснить его логически.

¹ ОЗ, том 1, стр. 33

² С 2001 года. До этого проходила консолидация, и доля ЮКОСа планомерно приближалась к 100%.

Адвокаты Ходорковского, пишет Перекрест, «утверждают, что следствие все выдумывает, — ему (Ходорковскому. — Н. Т.) не было нужды недоплачивать добывающим компаниям. Что если он — акционер этих добывающих компаний, то получалось бы, что он недоплачивал самому себе, убеждали адвокаты. Это передергивание. Вот наглядный пример. Допустим, Ходорковский владеет 75% акций, а остальные 25% — у других акционеров. Компания должна получить прибыль 1 миллион долларов и распределить ее между акционерами. Но, как главный акционер, МБХ большинством голосов-акций решает всю прибыль направить другой компании, где у него 100-процентный контроль. В итоге получается, что акционеры, владевшие 25% акций, не получили свою долю прибыли».

«Допустить», конечно, можно. Допустить можно все.

Я даже допускаю, что господин Перекрест просто не в курсе, что никаких акционеров 25% добывающих предприятий в природе не было, поскольку они стопроцентные «дочки». 25 процентов и в 2000-м не было, не то, что позднее.

Я допускаю, что господин Перекрест не знает и того, что никакие миноритарии¹ в обвинительном заключении пострадавшими не признаны, а признаны пострадавшими «дочки», которым «недоплатили».

Ну, еще бы! Как их признать пострадавшими-то, миноритариев, если их нет?

Я даже допускаю, что господин Перекрест не в курсе, что партнеры Ходорковского объявлены его сообщниками.

И то, что господин Перекрест не читал Уголовный кодекс и не знает, что «хищение» и «упущенная выгода»² — это две разные статьи. И если кто-то «не получил свою долю прибыли» — это как раз упущенная выгода. И Ходорковскому эта статья не предъявлялась.

И не предъявлялась по той простой причине, что по ней кончился срок давности. Преступление средней тяжести, максимальный срок 5 лет, а значит, и срок давности 5 лет, и кончился в 2008-м.

¹ Кроме Виктора Демченко, который был признан потерпевшим, но не по обвинению в хищении нефти, а в деле об обмене акций, — и это события 1999 года.

² Статья 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». Правда, ни обмана, ни злоупотребления доверием не наблюдается, но Мещанский суд это же не остановило. Приговор Ходорковскому по делу о покупке по «заниженным» ценам апатитового концентрата вынесен именно по этой статье.

А ведь Мосгорсуд в кассационном определении переквалифицировал хищение апатитового концентрата в 1998 — 2000 годах на статью об упущенной выгоде, о чем я тоже писала.

И если бы в нашей стране еще был суд, мне бы было любопытно посмотреть, как они будут выкручиваться. Одинаковые же дела: что с нефтью, что с концентратом.

Увы, как показывает приговор по второму делу, выкручиваться не будут вообще. Проштампуют и все.

Допустить можно многое.

Но не могу же я, в самом деле, допустить, что столь уважаемый журналист, заместитель редактора отдела расследований газеты «Известия», просто не проверил информацию, или, не дай бог, «передергивает».

Причем здесь, кстати, «недоплатили»? Ведь Ходорковского в хищении обвиняют.

А вот причем.

Дело в том, что нефть хитили, собственно, путем покупки.

Причем нефть у добывающих «дочек» покупали выше себестоимости.

Отчего в результате хищения у них нефти у «дочек» образовывалась прибыль, с которой начисляли налоги. И платили оные государству.

Допустим, купили вы на распродаже диван за 20 тысяч рублей. Пришел к вам вор и предложил купить этот диван за 22 тысячи рублей.

Заклучили вы сделку, и вроде бы все довольны. Но тут пришла Генпрокуратура и объявила, что диван у вас украли, потому что если бы вы отвезли его в Роттердам, его можно было бы за все сто тысяч продать, потому как нет в загнивающей Голландии таких диванов.

А потом пришла Федеральная налоговая служба и сказала: «Диван до самой продажи его в Роттердаме на самом деле принадлежал вам, и все продавцы действовали в ваших интересах и с выгодой для вас, а не для себя. Значит, скрыли от государства 78 тысяч прибыли. Ну, гоните с нее налоги! А то, что их уже заплатили все продавцы в цепочке — неважно».

Думаете, я шучу?

Боже упаси. Читайте обвинительное заключение.

Всего-то 14 томов. И из них 7 про Ходорковского и 7 про Лебедева, что почти одно и то же.

Кстати, о налоговых претензиях к пострадавшим в результате хищения «Юганскнефтегазу», «Самаранефтегазу» и «Томскнефти» я уже писала. То есть они не только заплатили налоги с доходов от хищения у них нефти, но и ухитрились их недоплатить.

А Роттердам здесь вот при чем. Торговые компании «ЮКО-Са» покупали нефть у нефтедобывающих «дочек» по внутрироссийским оптовым ценам. Примерно по тем же, как и другие российские компании, например, «Роснефть». Ну, иногда немного дороже.

А продавали они эту самую нефть в Роттердаме и Аугусте по мировым ценам, кои были в несколько раз выше. Оно и понятно: довести же надо¹ и таможенные пошлины заплатить. И заработать тоже.

То есть купить дешевле, а продать дороже — это и есть хищение.

Сердечно поздравляю всех предпринимателей. Особенно торговцев. Они и не знают, наверное, что все без исключения преступники.

«Ну, это же просто внутрикорпоративные расчеты!» — воскликнул мой случайный попутчик в поезде «Москва — София» летом 2010-го как раз в самый разгар второго суда. Попутчик оказался экономистом и мигом понял суть дела.

«А Генпрокуратура считает, что хищение», — заметила я.

Если быть совсем точной, у нефтедобывающих компаний покупали даже не нефть, а скважинную жидкость, которую еще надо было довести до состояния товарной нефти, и делалось это с целью избежать ареста активов дочерних компаний из-за старых накопленных долгов. И тот факт, что это просто внутрикорпоративные расчеты, был ясен как день всей деловой прессе от «Ведомостей» до «Денег» и «Коммерсанта», но только не Генпрокуратуре, считающей это хищением.

Впрочем, были времена, когда это было ясно даже Генпрокуратуре. И времена не столь отдаленные: 2003 — 2005 годы. В первом приговоре Ходорковскому по тем же эпизодам продажи нефти через тех же трейдеров он был признан виновным в

¹ «Транспортировка по железной дороге нефтепродуктов — 60 долларов за тонну на тысячу километров. — объяснял Михаил Борисович в своих показаниях. — То есть 1800 рублей на тонну». Выше себестоимости! По «трубе» выгоднее: 20 — 23 доллара на тонну от месторождения до порта. То есть примерно 600 рублей, а там еще фрахт судна и погрузка.

неуплате налогов с организации, о чем я уже писала. Правда, тогда основной претензией было использование налоговых льгот при регистрации посредников в ЗАТО, а не покупка нефти по заниженным ценам. То есть налоги должны платить не только ограбленные с того, что у них украли, но и сами грабители с награбленного. Поскольку именно эти посреднические фирмы и признаны орудиями преступления.

В ОЗ по второму делу события те же, а трактовка другая: хищение и отмывание.

Есть и еще одно отличие. Налоги с организации господ Ходорковский и Лебедев, по мнению Генпрокуратуры, недоплачивали в 1998 — 2000 годах, а нефть, с которой недоплачивали налоги, крали с 1998-го по 2003-й. А отмывали оную нефть до 2004-го включительно, уже сидя в СИЗО.

Отмывали ее тоже интересно: путем вложения денег от продажи обратно в нефтедобывающие «дочки», «чтобы обеспечить возможность дальнейшего хищения нефти», а самое главное — путем выплаты дивидендов акционером «ЮКОСа».

Так почему же не предъявили более логичные налоговые статьи за 2001— 2003 годы? Зачем надо было выдумывать шизофрению с самоограблением?

Это очень просто.

Конечно, и статью 199-1 (Уклонение от уплаты налогов с организации) надо притягивать за уши, поскольку в тот период по нашему законодательству было наказуемо только непредставление налоговой декларации или включение в нее заведомо ложных сведений, а не иные методы ухода от налогов.

Но это все же не присвоение средств дочерних предприятий собственного холдинга.

У налоговых статей есть один существенный недостаток. За отмывание доходов, сокрытых от налогообложения, наказывать нельзя. Налоговые статьи исключены из диспозиций 174 и 174-1 статей, что написано в них черным по белому.

То есть статьи о налогах исключают отмывание денег. А до недавнего времени «легализация» считалась особо тяжким преступлением и тянула на 15 лет, чего, собственно, и хотели для Ходорковского. При Медведеве, правда, верхнюю планку снизили до 10, а потом, уже после Хамовнического приговора, и до 7, но зато осталась возможность частично сложить сроки и дать ту же пятнашку, или хотя бы 14.

Вот вам и хищение. Именно поэтому. Чтобы отмывание было.

Во время дачи показаний в Хамовническом суде Ходорковский привел остроумную метафору. «Не я придумал, но я согласен», — отметил он и зачитал текст: «Наглядная иллюстрация обвинения Ходорковскому. Представьте себе, что человек попадает в аварию...и ему ампутируют левую руку. А через некоторое время этому человеку предъявляют обвинение в хищении собственных часов с левой руки. Фабула обвинения: каждый раз, когда человек собирался ложиться спать, он снимал с левой руки часы. Часы по праву носки принадлежали левой руке, часы были дорогие, а снимались при помощи руки правой. Поэтому это хищение в особо крупном размере в составе организованной группы и по предварительному сговору. А поскольку часы человек периодически менял, продавал, то ко всему еще и добавляется легализация похищенного. А потерпевшим объявлен прозектор из морга, в распоряжении которого оказалась ампутированная левая рука. Человек пытается защититься, мол, рука до ампутации мне принадлежала — я мог делать с ней, что хотел, да и часы снимал лишь на время, чтобы их не повредить и руку не оцарапать. То есть, в общем-то, действие было в интересах левой руки. Звучит вроде бы глупо, но если перечитать обвинительное заключение, то улыбка пропадает»¹.

«Ампутированная рука» — это отобранные «дочки» «ЮКОСа», часы — нефть. А прозектор — «Роснефть», которой все досталось.

Еще одну попытку логически изложить обвинение предпринял в феврале 2010-го в интервью «Российской газете» начальник Следственного комитета при МВД России Алексей Аничин. Речь шла о Гуцериеве, и Ходорковского Аничин упомянул как бы вскользь: «Схема преступления была стандартная: свои фирмы создаются по ту сторону границы, им продается нефть по дешевке, и, соответственно, все платежи в России исходят из этой цены. А заграничные фирмы ставят на уже свой товар мировые цены. По такой схеме очень многие работали. Тот же Ходорковский».

Любопытно, что обвинили Гуцериева и его коллег, которые работали по такой же схеме, в незаконном предпринимательстве и уклонении от налогов, а не в хищении, и речь шла о небольших или условных сроках и штрафах.

«Меня в этом никто не обвиняет и никогда не обвинял, — отреагировал на статью Ходорковский. — Меня обвиняют в том,

¹ <http://khodorkovsky.ru/mbk/testimony/13244.html>.

что «по документам» нефть продавалась от добывающих предприятий «ЮКОСа» самому «ЮКОСу» или его торговым подразделениям в России, а «на самом деле» я эту нефть непонятным образом («путем передачи на баланс») похищал».

Как утверждает ОЗ, «основной организацией, на которую оформлялись фиктивные сделки купли-продажи и право собственности на всю «нефтедобычу» ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Томскнефть» ВНК и ОАО «Самаранефтегаз», продолжало оставаться ОАО «НК ЮКОС», которое в свою очередь переводило весь объем похищенной нефти на подконтрольное членам организованной группы ООО «Альта-Трейд»».

То есть «похищенной» нефтью опять владел «ЮКОС», а все не Ходорковский, и на торговую компанию «Альта-Трейд» «переводилась» уже «похищенная» нефть.

Была и еще одна трейдинговая компания — «ЮКОС-М».

Тем временем сама нефть преспокойно шла своим путем от добывающих предприятий к потребителям. Как сказано в ОЗ, «продукция нефтедобывающими предприятиями самостоятельно отгружается непосредственно российским и зарубежным покупателям».

Потому и договоры «фиктивные». И цена ниже, чем в Роттердаме, и нефть идет непосредственно покупателям, а не «ЮКОСу».

Купили вы, например, шубу в магазине «Меха Екатерина». Дело было весной, и чтобы приобретение не портилось в жару, оставили его там же на хранение в холодильнике для шуб. И тут приходит к вам Генпрокуратура и говорит: «Покупка вами шубы была фиктивной, поскольку она не у вас дома висит в шкафу, а в магазине «Меха Екатерина» в шубном холодильнике».

А если вы ее еще и на распродаже купили... В два раза дешевле рыночной цены... Вот вам и состав преступления: хищение шубы. А то, что «Меха Екатерина» совершенно на вас не в обиде — так это, кому какое дело. Это они так от налогов бегают: продают шубы по заниженным ценам.

А сколько эта шуба в Роттердаме стоит...

«Кроме того, заведомо ложными в договорах являлись сведения о том, что «стороны» достигли договоренности о цене нефти, — гласит ОЗ. — Фактически такого соглашения не было, а цена на нефть участниками возглавляемой Ходорковским, Лебедевым организованной группы, без какой-либо экономической необходимости, преднамеренно устанавливалась в многократно заниженных по сравнению с реальными мировыми рыночными ценами размерах».

То есть ценами Роттердама.

И, как мы помним из того же ОЗ, была на уровне среднероссийских цен.

Нет, конечно, никакой экономической необходимости покупать что-либо по такой же цене, как и все. Можно ведь заплатить и подороже. Тут же все и прибегут именно вам это продавать. И вот тогда возникнет экономическая необходимость. Предложение вырастет, и цена упадет. До среднероссийской...

По этим самым «заниженным» ценам НК «ЮКОС» заключала с добывающими предприятиями «фиктивные» генеральные соглашения.

«Выгодность или невыгодность генеральных соглашений — это не предмет уголовного разбирательства вообще, — объяснял в своих показаниях Михаил Ходорковский. — Поскольку выгодность или невыгодность определяется уполномоченными органами самой компании и может оспариваться только по заявлениям заинтересованных лиц. Мне известно, что заинтересованные лица данный вопрос не оспаривали.

Почему я, собственно, одобрил генеральные соглашения — я знал и знаю, что добывающие подразделения нефтяных компаний — это очень инерционная производственная система. Невозможно сегодня добывать столько, завтра вполонину, послезавтра в два раза больше. Это возможно где-нибудь в Арабских Эмиратах, но не в России, у нас очень обводненная нефть, в зимних условиях на устьях скважин просто замерзает та самая скважинная жидкость, если остановить добычу.

Именно поэтому добывающим предприятиям предельно интересно иметь стабильный порядок реализации своей продукции, предусмотренный на годы вперед, по которому заведомо все их затраты на производство продукции будут оплачены и также будет определена норма прибыли предусмотрена. Такая система функционирования для многотысячных коллективов добывающих предприятий наиболее интересна. А проблема с миноритарными акционерами добывающих предприятий решалась путем консолидации, то есть путем обмена принадлежащих им акций добывающих предприятий на акции головной компании. Мне было известно, что такая программа была реализована в период до 2001 года».

После «Альта-Трейд» и «ЮКОС-М» нефть продавали на запад еще через несколько посредников, входивших в периметр консолидации «ЮКОСа»: «Ю-Мордовия», «Фаргойл», «Энерготрейд» и «Руттенхолд Холдинг Лимитед». Посредников ОЗ сочло «под-

ставными», продажу нефти — отмытием денег, а руководители «подставных обществ» Малаховский и Переверзин были приговорены к долгим тюремным срокам за хищение и «отмывание». Третьему фигуранту этого дела Антонио Вальдес-Гарсия удалось бежать и вернуться в родную Испанию, откуда его, естественно, никто не выдал.

«Ваша честь, поскольку мне известно, что данные компании включались в периметр консолидации компании ЮКОС, то, естественно, они представляли интересы «ЮКОСа», — заметил Ходорковский. — Если это имеет в виду сторона обвинения под термином «подставная», тогда, наверное, и такое слово можно использовать. Надо сказать, что и дочерние добывающие предприятия тоже в этом смысле «подставные», потому что они тоже действовали в интересах компании «ЮКОС»».

То есть «ЮКОС» ограбил «ЮКОС» в пользу «ЮКОСа»...

И это было бы смешно, если бы людям не давали реальные сроки.

ХАМСУД

«Из Читы Михаила Борисовича увезли в феврале 2009 года, когда второе уголовное дело уже было передано в Хамовнический суд, — рассказывает мне Наталья Терехова. — Числа 20 февраля его увезли и на самолете доставили в Москву».

3 марта 2009-го Михаила Борисовича привезли в Хамовнический суд. Когда он входил на территорию, сквозь металлические ворота под ноги ему полетели гвоздики.

Новость весь день держалась в верхней строчке «Яндекса». Журналистов было столько, что адвокаты не могли протиснуться в зал.

Двое ребят из движения «Оборона» — Дмитрий Иванов и Александр Савельев — поднялись на крышу пешеходного моста Богдана Хмельницкого, растянули десятиметровый транспарант с надписью «Свободу Ходорковскому!» и зажгли файеры.

Их задержал ОМОН. Но плакат успел повисеть, так что сохранилась видеозапись.

В здании суда двое молодых людей, стоявших у архива канцелярии по гражданским делам, выкрикнули: «Михаил Борисович, вы — герой!» — и бросились наутек от судебных приставов.

Мне это живо напомнило описания гражданской казни Чернышевского, когда ему бросали цветы на эшафот. И сам МБХ стал

похож на разночинца позапрошлого века: с тонкими чертами лица, интеллигентный, в очках. Таким он вошел в стеклянный пуленепробиваемый аквариум.

На нем были джинсы и куртка с надписью «No limits».

Без ограничений, без пределов.

Без страха.

«В отношении процесса с моей стороны гарантирую открытость, ясность, отсутствие попыток хитрить. Гарантирую небезинтересное зрелище», — сказал он накануне.

Ростовский переулок, где находится Хамовнический суд, перекрыли, пешеходов пускали по паспортам, журналистов — по удостоверениям.

Но митинг сторонников состоялся несмотря ни на что. Участники держали плакаты и книги с его фотографией. Скандировали: «Свободу Ходорковскому!»

Их разогнали. Задержали шесть человек.

Предварительные слушания проходили в закрытом режиме и продолжались до 17 марта.

Суд отказался прекратить дело за отсутствием состава преступления.

Суд отказался вернуть дело в Генпрокуратуру.

Суд отклонил все ходатайства адвокатов.

Суд удовлетворил ходатайство прокуроров о продлении подсудимым сроков содержания под стражей.

Судебный процесс по большей части рутинна: прокуроры читают документы, плохо воспринимаемые на слух, защита заявляет ходатайства, выступают свидетели, потом документы читает защита...

Но на процессе в Хамовническом суде было несколько кульминационных моментов, о которых стоит рассказать.

Основные слушания начались 31 марта.

По дороге я купила белую розу. Очень тщательно выбирала, чтобы без всяких оттенков, белую-белую. Понятно, что через стекло не пролетит, но пусть он видит.

Я смогла протиснуться в зал и села напротив «аквариума».

Михаил Борисович улыбался, что-то шептал на ухо Лебедеву и даже в клетке стоял в позе хозяина, опершись на стену вытянутой рукой.

А в замке двери «аквариума» висели наручники.

Ему попытались передать журнал «The New Times» со статьей о процессе, но охрана не позволила. Не разрешили передать

и мою белую розу, и Каринна Москаленко вставила ее в звено цепи, висящей на двери. Но охрана не позволила и этого, и розу положили на стол за «аквариумом», за глухую стену.

Скамьи стояли в один ряд, хотя уместился бы и второй, и третий.

Освободили место для Людмилы Алексеевой и представительницы ПАСЕ Сабины Лотхойзер-Шнарленбергер.

За нашими спинами гремели штативы телевизионщиков. Плотный ряд видеокамер, словно артиллерийский расчет, нацеленный на двоих арестантов, а над камерами огромные лохматые микрофоны на длинных тонких шестах.

Ходорковский слегка позировал, широко улыбался, кивал, потом потерял к журналистам интерес и погрузился в чтение документов.

Было душно. Окна распахнули, и ветер шевелил розовато-кремовые жалюзи.

Стекло «аквариума» отражало поюсторонний мир и причудливо искажало его. На одной из фотографий Ходорковский получится с белым пламенем над головой, словно с нимбом.

Они были там где-то в зазеркалье.

Или в зазеркалье мы?

Выступал Ходорковский. Говорил, что не будет хитрить и «прятаться за процессуальные зацепки». Что «политическая подоплека всего дела “ЮКОСа” очевидна», но он не будет «говорить о политической составляющей данного обвинения, чтобы не затуманивать суть».

Не думаю, что это «затуманивание сути», скорее прояснение. И говорить об этом следовало, причем еще на первом процессе.

«Я не могу отвлечься от последствий событий 2003 — 2005 гг., т. к. они иллюстрируют реальную значимость дела “ЮКОСа” для нашей страны, нашего общества, — говорил Ходорковский. — Не могу не напомнить, что сразу после моего ареста из третьего чтения была отозвана поправка в УК, позволявшая освобождать от уголовной ответственности за налоговые правонарушения при возмещении ущерба. Вахханалия подобных дел в последующие три года стала прямым следствием. Как прямым следствием дела “ЮКОСа” стал переход и рейдерства на совершенно иной качественный уровень — широчайшее использование при отъеме чужой собственности госресурса, включая правоохранительные органы, на коммерческой основе».

«Поправка в ст. 73 УИК РФ, позволяющая отсылать людей из Москвы в Читу, была внесена тоже по понятной причине, но зацепила десятки тысяч людей, — говорит он. — Так же, как десятки тысяч наших граждан зацепил отказ от двух планировавшихся амнистий и выхолащивание амнистии ко дню 60-летия Победы, снятие широко обсуждавшегося проекта о зачетных сроках в СИЗО».

«То, что одним из наивно скрываемых мотивов стали конкретные интересы конкретных чиновников по делу “ЮКОСа”, — ни для кого не секрет. Более того, эта информация последовательно распространяется, в частности, сотрудниками ФСИН».

«Мой девиз в этом процессе взят у советских политических диссидентов 70-х: “Власть, выполняй свои законы!”».

И началась рутина.

Защита заявляла ходатайства, судья по большей части их отклонял. Михаил Борисович просил разъяснить обвинение, понять которое невозможно в принципе в силу его противоречивости.

Зачитали запись в протоколе допроса Платона Лебедева: «Суть обвинений не только не понятна, но и является абсурдной, поскольку находится за пределами здравого смысла». И зал взорвался аплодисментами.

«Воздержитесь от аплодисментов! — сказал судья. — Если это будет повторяться, я попрошу судебных приставов очистить зал»

«То пишут в обвинении, что нефть похитили, то пишут, что предприятия реализовывали эту же нефть на экспорт, — добавил Платон Лебедев. — Мне это не смогли разъяснить, мне это бесполезно разъяснять, у меня ясный ум и сознание, и документы о моем психическом здоровье имеются, а вот сведения о психическом здоровье прокурора Лахтина у суда отсутствуют».

Никто ничего не стал разъяснять.

Прокуроры стали зачитывать текст обвинения. Сначала по Ходорковскому (неделю), потом по Лебедеву (еще неделю).

Прокурор Лахтин то и дело запинался, бубнил, с трудом продираясь сквозь иностранные названия фирм и называя бенефициаров «бенефициантами».

А сторонники подсудимых на каждое заседание приносили цветы и ставили букеты на столы защитников.

И так весь процесс.

В самый разгар «лахтинских чтений» 15 апреля 2009-го Дмитрий Медведев дал большое интервью «Новой газете». Спросили его и о деле «ЮКОСа»: предсказуем ли для него исход.

«Предсказуемость судебного решения, судебного приговора для президента — противоправна, — сказал Медведев. — Это — знак нарушения закона. А для всех остальных свободных комментаторов — дело личное. Для государственных служащих и для президента никакой предсказуемости в любом судебном процессе, в том числе упомянутом Вами, нет и быть не должно».

И кое-кто ведь действительно поверил, что ничего еще не решено.

Когда я слушаю Дмитрия Анатольевича, каждый раз вспоминаю старый пошлый анекдот.

Приходит пациент к сексопатологу.

— Доктор, у меня с женщинами не получается...

— А сколько ж лет-то вам?

— 82, но моему приятелю — 85, а он говорит, что у него все нормально.

— Откройте рот, покажите язык. И что ж вам мешает?

27 апреля, менее чем через две недели, прокурор Ибрагимова полностью опровергла медведевское интервью. «Лебедев, все бесполезно, что запланировали, то и сделаем», — сказала она под смех зала.

В тот же день выяснилось, что обвинение отказывается арестовывать имущество, которое считает преступно нажитым. Оно и понятно. После банкротства «ЮКОСа» это имущество главным образом перешло к «Роснефти».

В тот же день прокуроры начали представлять письменные доказательства. Защита хотела исследовать и при необходимости комментировать каждый документ, а не просто их читать, но судья отказал ей в этом. Обвинение тоже ничего не комментировало. Документы просто читали, и все. И не было понятно, какой документ, что доказывает, откуда взялся и к чему относится.

Эта мука продолжалась до 29 апреля, после чего суд объявил перерыв до 12 мая.

«Они просто не умеют читать собственные документы», — заявил Михаил Борисович 29-го. И объяснил, что они не доказывают, а опровергают обвинение.

Не думаю, что не умеют.

Думаю, что не хотят понимать.

Потому что если вдруг начать понимать, можно и не мечтать о лишней звездочке на погоны.

Между интервью Медведева и заявлением Гюльчахры Ибрагимовой произошло еще одно примечательное событие. С двадцатого по двадцать четвертое апреля 2009-го в «Новой газете» была опубликована переписка Михаила Ходорковского с Борисом Натановичем Стругацким¹.

Борис Натанович поддерживал Ходорковского и во время первого процесса и после него, а в апреле 2008-го Михаил Борисович поздравил знаменитого фантаста с 75-летием и написал: «Ваши книги — мои друзья с ранней юности и до сегодняшнего дня. Очень надеюсь, что их будет еще больше, так как друзей много не бывает». «Высокая честь и награда судьбы для писателя — иметь такого читателя, как Вы», — ответил Стругацкий.

С осени 2008-го началась неспешная переписка. Ходорковский писал об экологическом и энергетическом кризисе: «Очевидно, Земля, даже при сегодняшней численности населения, не сможет обеспечить всех людей по нынешним стандартам потребления развитых стран. Достаточно сказать, что энергопотребление на одного жителя США в 5 раз превышает аналогичный показатель для Китая. Это с учетом гораздо более энергоберегающих технологий».

«Разрешить эту проблему (одну из многих в экологическо-сырьевой области), конечно, невозможно с помощью медленно убывающих источников углеводородов, — пишет он. — Такого их количества попросту нет. Конечно, термоядерная энергия не имеет аналогичных ограничений, но там, несомненно, будут ограничения другие, да и в ближайшие 30 — 50 лет рассчитывать на переход этой технологии в разряд широко используемых не приходится».

«Вывод, на мой взгляд, ясен: даже из этого частного примера следует — если нет обоснованных надежд на открытие совершенно новых, экологически безопасных возможностей для удовлетворения некоторых материальных человеческих потребностей — эти потребности должны быть ограничены или изменены!»

«Интересный пример подают скандинавские страны, не просто ограничивая свое потребление имеющимися у них возможностями (в частности, Швеция к 2020 году обещала отказаться от

¹ <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/04/13.html>.

импорта углеводов), но и предлагая смену самой потребительской парадигмы, просуществовавшей почти 100 лет. Оказывается, можно разорвать жесткую связь между уровнем потребления и качеством жизни.

Приведу пример: новую модель автомобиля на стоянке под окном они успешно предлагают считать менее привлекательной, чем велосипед и сосновый бор вместо автомобильной площадки».

Между прочим, это пишет человек, сидящий в тюрьме. Которого судят.

Я, конечно, встряла в эту переписку и изложила свое мнение:

«Я прочитала Вашу полемику с Борисом Стругацким в «Новой газете». При всем моем безмерном уважении к Вам и к Борису Натановичу, я считаю проблему надуманной.

И вопрос не в том, ездить ли на работу на автомобиле или на велосипеде. А в том, ездить ли туда вообще. Зачем ездит на работу офисный планктон? За компьютером сидеть? За ним что, дома посидеть нельзя? Нельзя договориться по телефону, обменяться файлами по электронной почте, устроить телеконференцию по скайпу? Зачем туда ходить?

Обычно я езжу в издательство четыре раза в год:

- 1) подписать договор;
- 2) вычитать редактуру;
- 3) вычитать корректуру;
- 4) поставить шампанское сотрудникам и получить авторские.

Если у меня выходит две книги, это количество возрастает до восьми раз, три — до двенадцати. Но даже для двенадцати раз в год покупать машину, по-моему, просто неприлично.

Но и это число можно сократить до пункта четыре. Подписи существуют факсимильные, и их признание — проблема законодательства и защиты информации, а не энергетики.

Редактура и корректура по распечатке — следствие привычки и отсутствия специальных программ с редакторскими и корректорскими символами. То есть проблема психологическая + программная.

Ну, а обмыть — это святое, без этого, конечно, никак.

Хотя когда у меня выходила книга в Питере, я вообще там ни разу не была. Даже не знаю, где находится издательство «Крылов». Договор на подпись мне высылали по почте.

А деньги, между прочим, прекрасно умеют перемещаться по электронным сетям.

До меня уже доходили слухи об американских фирмах, на которые работают индийские программисты, отнюдь не покидая родной страны. Кстати, такой способ удаленной работы приведет и к сглаживанию экономических различий между разными странами.

Так что я думаю, что прежде чем закончится нефть, исчезнут офисы. Точнее, уйдут в виртуальное пространство. И потребность в нефти уменьшится в разы. Потому что сотрудники будут встречаться раз в месяц на корпоративных вечеринках: надо же где-то попонтоваться. Ну, и обмыть.

Заодно исчезнут пробки, и будет огромная экономия времени на дорогу на работу и с работы. И можно жить в сосновом бору.

А ноутбук жрет энергии, как лампочка в 25 Вт. В отличие от автомобиля.

Конечно, останутся сферы деятельности, в которых на работу все-таки придется ходить (или ездить). Медицина, например. Хотя профессор Преображенский, помнится, дома оперировал. Может быть, стоит к этому вернуться?

И рабочим на завод ходить надо, если только там не все автоматизировано. Но не рабочие создают основной поток машин. Они пользуются общественным транспортом. К тому же можно вернуться к советской традиции строительства жилья для сотрудников рядом с местом работы.

Помните, Менделеев говорил, что жечь нефть — все равно, что жечь ассигнации. При современном развитии средств связи офисы уже изжили себя. Мы не то, что жжем ассигнации, мы топим ими печку в теплый майский день. И настанет жаркий июнь. И все равно будем топить. По привычке, и потому, что нравится на огоньки смотреть.

Нужна не альтернативная энергетика, а альтернативная организация труда.

Кстати, Вы зря недооцениваете атомную энергетику. Во Франции это основной источник энергии. Прекрасная Франция напичкана АЭС, как гранат косточками. А опасность атомной энергетики сильно преувеличена. Просто строить надо, как следует, а не так, как в Чернобыле. И работать там должны компетентные люди.

А офис будущего я представляю примерно так...

Глава фирмы сидит в шезлонге под пальмой на острове в Тихом океане. На коленях у него стоит тоненький ноутбук с белым яблочком на крышке, а над его бунгалом неторопливо крутится ветряк или сияет солнечная батарея и вырабатывает энергию исключительно для его бунгало.

Один из его сотрудников живет в Гоа и в свободное от основной работы время сочиняет для друзей «гоа-транс», а также приторговывает в Интернете фотографиями местных закатов. И главное, ему не надо расплетать косички и снимать «фенечки», чтобы ходить в этот проклятый офис.

А другой сотрудник живет в Новосибирске, и ему не надо покидать родной Академгородок, его распрекрасных обитателей, старых друзей и любимую маму.

Что они делают? Да все, что угодно. Судя по составу участников, эта фирма похожа на IT, но, может быть, и заводиком управляют. Где-нибудь в Китае.

Вот так...»

«Что касается «мобильного офиса», то увы — это не решение проблемы транспорта (если вспомните, именно в этом контексте мы говорили), — отвечает мне Михаил Борисович. — Современный человек становится все мобильнее. Транспорт — это новая степень свободы. Другое дело, что ее можно сделать более экологичной. Да и с «мобильным офисом» все совсем не так просто. Начнем с того, что «людей творческого труда» — ученых, писателей... от 3 до 8%. В принципе! Способных!

А виртуальный строитель, официант, даже продавец — многих не «греют». Я уж не говорю про необходимые капвложения и даже теоретическую возможность создания гибких, полностью автоматических заводов. Это проблема даже не этого столетия. Прошу поверить технологу.

И даже чисто психологическая проблема. Большинство людей больше любят работать и производительнее работают в большом коллективе (15 — 150 человек). Это, к слову, инстинкт: человек — стадное животное. Особи-индивидуалисты — не редкое, но исключение. Прошу поверить уже не технологу, но руководителю крупной компании.

В общем, Гоа — удел немногих. Увы».

Переписка МБХ и БНС продолжалась.

Стругацкий отвечал во вполне пессимистическом духе, предрекая человечеству резкое снижение энергопотребления и повсеместный переход к тоталитаризму.

«Очень, очень надеюсь, что Ваше предвидение носит сравнительно краткосрочный характер, что сумрак сейчас наиболее непрогляден, а дальше — пусть и в течение 10 — 20 лет — но мы обязательно будем двигаться к рассвету, — отвечает Ходорковский. — Мы — это Россия. Мир — возможно, сегодня еще находится не в нижней точке траектории спада, хотя неоконсерваторы очень «старались». Надеюсь, что у них тем не менее кризисная ситуация будет менее ярко выражена, чем у нас.

А может быть, у нас в какой-то момент будет даже лучше, чем у них, а?

Очень хочется верить во что-нибудь хорошее¹.

«Только я отправила Вам мое предыдущее письмо, как «Новая» опубликовала очередную порцию Вашей переписки с Борисом Натановичем, — подключилась я, — где уважаемый мэтр жалуется на черствость современного общества и делится своим скепсисом по поводу его дальнейшего развития в сторону либерализма и гуманизма.

При всех печальных событиях, происходящих в нашей стране (например, суде над Вами с Платоном Леонидовичем), я считаю, что у уважаемый мэтр неправ.

Все его рассуждения применимы и прекрасно описывают предыдущую стадию развития общества. Просто Борис Натанович не заметил формирования следующей стадии. Сразу видно, что он не сидит в блогах и не ходит по сайтам.

Михаил Борисович, Вы помните, что такое плазма?

На всякий случай напоминаю. Плазма — это частично или полностью ионизированный газ, в котором движением частиц управляют дальнедействующие кулоновские силы. Разноименные заряды притягиваются, одноименные отталкиваются, причем расположенные весьма далеко друг от друга. В результате в плазме легко возбуждаются различные коллективные движения частиц. Например, колебания и волны. И еще, плазма — практически сверхпроводник. И ее считают особым, четвертым состоянием вещества.

Теперь применим эту аналогию к общественным процессам.

1) Традиционное общество.

Напоминает твердое тело. Связи жесткие, подвижность частиц маленькая. Племя состоит из родов, где все друг другу родственники;

¹ <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/042/14.html>.

2) Индустриальное общество.

Похоже на жидкость. Есть ближний порядок: мегасемьи, например. Есть слои, довольно четко разделенные, но все же есть возможность, разогнавшись, перепрыгнуть из слоя в слой.

3) Постиндустриальное общество.

Газ. Нуклеарная семья. Молекулы мало взаимодействуют друг с другом. Отсюда и «черствость». Молекулы в принципе можно заставить двигаться в одном направлении, если надавить на них сверху поршнем. И подморозить. Давление газа упадет, а значит сверху давить легче. Можно даже заморозить и надавить настолько, что газ вернется в жидкое состояние, а то и затвердеет. Недаром во всех тоталитарных системах присутствовали черты традиционного общества.

4) Сетевое общество.

Термин не мой. Его полно, этого термина. Но сравнений с плазмой я не встречала.

Интернет, и особенно блогосфера, создают эти дальние, причем, горизонтальные связи. Это не поршень, который давит сверху. Это не теплообмен в газе, из-за которого температура выравнивается: если в одной части мира кризис — и в другой будет. Мировые кризисы случались и на предыдущей стадии развития общества.

Интернетовские связи, связи между ЖЖ-френдами и т. д. подобны именно кулоновским силам.

Здесь собирают деньги друг для друга, собирают подписи, организуют движения и сообщества. Причем в течение нескольких дней. И они не замыкаются в виртуальном пространстве, а выходят в реальное. Примеры: движение автомобилистов, сбор подписей за Бахмину¹ и др.

Плазма наша пока, к сожалению, несколько сегментированная. Страны разделяют языковые барьеры. Зато мостиками между ними служат диаспоры. Знаете, сколько в русской блогосфере людей, живущих в Америке, в Германии, в Израиле? И блогера уже не обманешь относительно того, что происходит в этих странах: «Как это? А мой френд написал совсем другое».

И тогда становятся понятными и естественными все эти безумные идеи об учреждении отдельной интернет-юрисдикции, неподвластной никаким местным неvirtуальным властям,

¹ За освобождение бывшего юриста ЮКОСа Светланы Бахминой, родившей в тюрьме третьего ребенка, в интернете было собрано 96033 подписи. Той же весной ее освободили по УДО.

о создании виртуального государства. Потому что в интернете формируется другое, четвертое состояние общества, и оно начинает осознавать себя другим и мечтает отделиться.

Я вслед за Вами прочла Фукуяму (думаю, Вы сделали ему рекламу). Он убедителен, но тоже описывает предыдущее состояние общества. Упрекнуть его не в чем, статья «Конец истории» была опубликована в 1989-м, когда блогов еще даже не планировалось. Фукуяма не мог заметить тенденций, которых не было. Впрочем, все движется именно в том направлении, которое он увидел. Только история не кончилась. Все-таки сетевое общество отличается от традиционного либерального, хотя мы еще не совсем понимаем, как.

Теперь о свободе. Общество в четвертом состоянии просто не может быть менее свободным, чем в третьем.

Знаете, почему термояд не получается? Наверняка читали об этом.

Дело в том, что плазма обладает еще одним интересным свойством: ее очень трудно удержать в магнитной ловушке, убегает она. А для того, чтобы пошла управляемая термоядерная реакция, плазму (например, смесь дейтерия и трития) надо продержать при температуре 100 млн. градусов не менее 1 секунды. Не получается.

Общество в состоянии плазмы будет очень трудно подчинить».

Шел 2009 год. А с декабря 2010-го коллективные движения плазмы, управляемой с помощью «Твиттера», мы наблюдали во время арабских революций.

Прошел еще год. И в декабре 2011-го «Facebook» собрал стотысячный митинг на Болотной площади в Москве. А потом на проспекте Сахарова, и снова на Болотной.

Плазма пришла в движение.

Но вернемся в 2009-й. Публикации в «Новой газете» продолжались.

Ходорковский послал Борису Натановичу новую «заметку» о свободе и безопасности. Он пишет, что иногда ограничения личной свободы для усиления безопасности действительно необходимы, но «кроме объективных предпосылок необходимости изменений в понятии личной свободы существуют субъективные интересы бюрократии, толкающие в том же направлении. Причем велика вероятность, что и часть «объективных предпосы-

лок» сформирована руками той же группы влияния, чтобы получить предлог для ограничения свободы».

Стругацкий отвечает, как Екклесиаст: «Мы привыкаем (и легко!) к самым продолжительным локальным войнам; мы привыкли к ежедневным голодным смертям в Африке; мы привыкли к авиакатастрофам и к тому, что уличный трафик убивает народу больше, чем серьезная война; очередной Чернобыль способен еще пока нас немного расшевелить, но сколько их еще понадобится на нашу голову — два-три? — чтобы и они приучили нас оставаться в общем равнодушными?»

«Что же касается нашей России с «ее догоняющим развитием» — вряд ли она скажет какое-либо новое слово в этих процессах, — пишет он. — Россия сейчас снова (в который уже раз!) на перепутье, беременна очередной бифуркацией, и такой пустяк, как ужесточение «мер безопасности» (абсолютно обыкновенное для нас действие, совершаемое практически неосознанно, автоматически, почти инстинктивно), не может играть сколько-нибудь существенную роль в ее политической жизни».

И задает свой вопрос: «Властвуют нами все-таки — аскеты или гедонисты?»

«Мы все-таки имеем дело с напуганными гедонистами, — пишет Ходорковский и замечает, что хорошо знает многих из них. — Им хочется жить по-настоящему хорошо, а не так, как членам ЦК КПСС, боявшимся у себя дома кондиционер поставить — «разговоры пойдут!». Причем что такое «жить хорошо», они знают прекрасно — спасибо глобализации. И они прекрасно понимают, что жить хорошо «там» им удастся только в том случае, если не слишком хулиганить «здесь», — потому что мир в последнее время уж очень прозрачный, ничего серьезного не скроешь. А жить хорошо «здесь» при до предела «закрученных гайках» внутри страны попросту невозможно — потому что усердно создаваемый миф «осажденной крепости» веселой жизни не способствует. Особенно если говорить о более или менее широком круге элиты и об их детях».

В общем, на Куршевель — одна надежда. Даже не на Страсбург.

Я люблю знаменитую строчку Бродского: «Но ворюги мне милее кровопийц». Для Путина и компании кровопийство, конечно, факультативно, если только иначе украсть нельзя.

Но противно-то как!

«А вот фашизм и сталинизм мне кажутся не настолько реальными угрозами, чтобы всерьез тратить на них силы, — пишет Ходорковский. — Более того, я считаю, что навязывание пропа-

гандой этих малореальных угроз — отвлекающий маневр околовластной тусовки для продвижения идеи полуавторитаризма как «меньшего зла». Не настолько реальными по сравнению с «полуавторитарным застоєм»».

«Я пессимист, это верно, — отвечает Борис Стругакий. — Но Вы — безусловный и неукротимый оптимист. Вы уверены, что власти предрержащие управляются своим *ratio*, что они размышляют, что они следуют логике. Безусловно, они логичны, но — по-своему. Их логика опирается на совершенно другую, не знакомую нам с Вами парадигму. Они, разумеется, знают словосочетания «благо народа», «процветание страны», они сами охотно эти словосочетания употребляют, но вкладывают в них свой, особенный, сугубо личный смысл.

Они совершенно точно знают, что благо народа — это прежде всего ИХ личное благо, а их благо — это жесткая всеконтролирующая власть. Помимо этой власти и без этой власти народ пропадет, превратится в стадо неуправляемых и в конечном счете несчастных животных. Будет смута, а ничего хуже смуты они представить себе не в состоянии».

«Я убежден: никто в сегодняшней российской власти добровольно не стремится к положению изгоя, — пишет Михаил Ходорковский. — Это просто злые, обиженные подростки, которые могут быть опасны, но, скорее всего, вырастая, станут более-менее нормальными людьми».

ИСТОРИЯ «PWC»

В мае «подростки», точнее их подручные, продолжили абсурдистское действие в Хамовническом суде. Обстановка изменилась. Во-первых, еще в апреле отключили трансляцию в зале для журналистов, где в первые дни процесса можно было следить за ним по мониторам. Во-вторых, в зале запретили фото и видеосъемку.

Однако нечто любопытное произошло даже в ходе «лахтинских чтений». Дело было в сентябре. На одном из заседаний речь зашла об аудиторстве «ЮКОСа» — компании «PricewaterhouseCoopers».

Прокурор Лахтин зачитал запросы следователя Каримова в «PricewaterhouseCoopers» о результатах аудиторских проверок «ЮКОСа». «На наши аудиторские заключения более полагать-

ся не следует», — ответили аудиторы. Потом прозвучали письма аудиторов конкурсному управляющему Эдуарду Ребгуну, где «в связи с информацией следствия» они рапортовали об отзыве своих заключений по «ЮКОСу». Генпрокуратура тут же приобщила свои документы к делу в качестве доказательства обмана аудиторов¹. То есть доказательством того, что данная женщина ведьма, служит мнение святейшей инквизиции.

«Именно после этих писем об отзыве заключений Каримов ТУТ ЖЕ снял с «PwC» уголовное дело! — заметил Лебедев. — Я полагаю, прокуроры позаботятся о здоровье подписантов этих писем — директора и представителя «PwC». Я жду их здесь. Фигурально выражаясь, я их раскатаю, как Тузик грелку, по тому, что они здесь написали. Ведь всему миру дали понять: не они следствию информацию о «ЮКОСе» предоставляли, а следствие им...»

История взаимоотношений Генпрокуратуры и «PricewaterhouseCoopers» настолько характерна для всего комплекса дел «ЮКОСа», что на ней стоит остановиться подробнее.

Но для этого нам придется вернуться немного назад — в 2006 год.

В декабре 2006-го арбитражный суд Москвы принял к рассмотрению иск налоговой инспекции, заявившей, что ЗАО «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит» содействовало уклонению «ЮКОСа» от налогообложения. Налоговики требовали признать недействительным договор на оказание «ЮКОСу» в 2002 году аудиторских услуг как «сделку, совершенную с целью, противной основам правопорядка и нравственности».

Кроме того, компании были предъявлены налоговые претензии на 290 миллионов рублей и требование отдать в доход государства \$480 тыс., полученные компанией за аудиторские услуги «ЮКОСу».

9 марта 2007 года в московском офисе «PwC» прошел обыск.

«Проходит встреча представителей правоохранительных органов с руководством компании», — дипломатично прокомментировала пресс-служба «PwC».

В тот же день стало известно, что МВД расследует дело об уклонении «PwC» от уплаты налогов. Главные подозреваемые — руководители компании.

¹ Вообще-то обманывать аудиторов — это все равно, что обманывать врача относительно симптомов своей болезни, чтобы он вам неправильный диагноз поставил, а вы бы еще ему приглатили за это кругленькую сумму.

20 марта арбитражный суд Москвы полностью удовлетворил иск ФНС по делу «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит». Аудит НК «ЮКОС» за 2002 — 2004 был признан незаконным.

15 июня компания «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит» отозвала аудиторские заключения по отчетности «ЮКОСа» за 1996 — 2004 годы. Членам правления «ЮКОСа» направили письмо о том, что «аудиторские заключения PwC по «ЮКОСу» за 1996 — 2004 годы более не могут рассматриваться в качестве подтверждения достоверности финансовой отчетности «ЮКОСа».

Причиной отзыва заключений аудиторы назвали сведения, полученные ими от Генпрокуратуры о том, что «ЮКОС» не предоставлял им для аудита необходимой информации.

«Они дневали и ночевали у нас. Совет директоров, управляющий комитетом всегда давали установку на то, что ничто в принципе не может быть от них скрыто. Я лично с Дагом Миллером (бывшим директором «PricewaterhouseCoopers»), которого считаю теперь подлым человеком, трусом и лжецом, проводил дни и месяцы перед началом каждого финансового года. Мы согласовывали с ним все действия. Я готов это подтвердить в любом суде», — потом, уже после освобождения, рассказал Василий Алексанян в интервью радио «Эхо Москвы».

10 июля 2007-го, менее чем через месяц после отзыва заключений, Высший арбитражный суд отменил решение о доначислении «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит» налогов на сумму 290 млн. рублей и отправил дело в арбитраж Москвы на новое рассмотрение.

Арбитраж вновь занял сторону налогоплательщиков.

Но после года судебных разбирательств в различных инстанциях 24 октября 2008-го Федеральный арбитражный суд Московского округа отменил решение, которым договор об аудите был признан антисоциальной сделкой, и прекратил дело. Причиной прекращения дела была названа ликвидация «ЮКОСа», выступавшего в деле соответчиком.

В том же году расследование уголовного дела против «PwC» было приостановлено.

20 января 2009 года президиум Высшего арбитражного суда окончательно решил дело в пользу компании. И «PwC» были возвращены незаконно уплаченные налоги вместе с набравшими процентами.

Летом 2009-го бывший директор «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит» Даг Миллер передал адвокатам Ходорковского свою пе-

реписку со следователем прокуратуры Михайловым. И, по некоторым сведениям, дело возобновили снова.

В переписке следователь инструктировал свидетеля относительно выступления в Хамовническом суде: «показания из числа работников вашей компании должны свидетельствовать об одном и том же. И должны быть в едином смысле — наступательном, агрессивном — по отношению к стороне защиты».

«Можем ли мы получить список примерных ожидаемых вопросов от обвинения к каждому свидетелю?», — интересовался Даг Миллер.

«Внимательно проанализируйте ваши показания, протоколы допросов и вспомните наш недавний разговор. Вы поймете общий смысл таких вопросов. Конкретные вопросы надо сформулировать нам с вами вместе, после того как вы сами вникнете в ситуацию», — отвечал следователь.

В 2009-м Даг Миллер был уже в США и возвращаться не собирался даже для того, чтобы выступить в Хамовническом суде.

Переписка, однако, продолжалась. «Возможные последствия вашего отъезда я пока оценить не могу, — писал следователь Михайлов. — Возможно, они будут положительными не только для вас, но и для нас. Однако об этом я сообщу вам позднее».

10 сентября 2009 года Михаил Ходорковский сделал в суде заявление о «ПрайсвотерхаусКуперс». Аудиторы знали «все существенные факты, касающиеся компании «ЮКОС»», говорилось в заявлении, более того, именно они консультировали его «о международно приемлемых формах оптимизации налогов и построения структуры компании».

Он «понимал возможные сложности для сотрудников «ПрайсвотерхаусКуперс» в России и именно по этой причине не ссылался в той мере, в которой мог бы сослаться, на «ПрайсвотерхаусКуперс» в ходе первого дела».

Он понимает позицию «ПрайсвотерхаусКуперс» в 2007 году: «Более того, возможно, чтобы спасти своих людей, я бы пошел и на большее».

«Я буду добиваться с помощью американского правосудия, чтобы лично Даг Миллер, находящийся сегодня в безопасности от господина Лахтина и его коллег, рассказал правду о событиях 2007 года. Я считаю, что этого требует и закон, и порядочность», — заявил он.

А само заключение и его отзыв абсолютно безразличны для целей процесса: «Мне это было известно еще в 2007 году.

Я скрыл эти обстоятельства от следствия. Чтобы помочь избежать невинным людям, сотрудникам «ПрайсвотерхаусКуперс», дальнейших издевательств над ними со стороны господина Каримова и компании»¹.

«Прайсы отозвали свое заключение о бухгалтерской отчетности в «ЮКОСе», — поясняет мне Ходорковский. — А согласно обвинению, нефть «похищалась» не у «ЮКОСа», а у его добывающих «дочек». У них был тот же аудитор, и свои заключения по отчетности «дочек» он не отозвал и под сомнение не поставил.

При этом «ПрайсвотерхаусКуперс» не утверждал и не мог утверждать, что нефть была похищена. Так что для обвинения этот отзыв не только безразличен, но и бессмыслен.

Для защиты же в наказном процессе с контролируемым судьей вообще все бессмысленно. Ну не отозвали бы. Данилкин бы сказал, что они — соучастники. И что? Он же сказал, что все 100 тысяч сотрудников «ЮКОСа» — члены безразмерной «организованной преступной группы». А Мосгорсуд сказал — все законно и обоснованно! Нет проблем!»

ПЕРЕПИСКА С ЛЮДМИЛОЙ УЛИЦКОЙ

Переписка с Акуниным в основном о настоящем во всех смыслах этого слова, со Стругацким — о будущем.

В сентябре 2009-го в «Новой газете»², а потом в журнале «Знамя» была опубликована еще одна переписка Михаила Ходорковского — с Людмилой Улицкой. И эти письма в основном о прошлом.

«Возьмем исходную точку: детство, семья, установки и намерения. Как Вы планировали свою жизнь в то время, когда вообще эта идея возникает?» — спрашивает она.

«Я знаю, конечно, что вы были в комсомоле, и даже функционировали в том пространстве, которое для меня (я Вас старше на 15 лет) было совершенно неприемлемым», — замечает она.

«Где пролегли Ваши этические границы в юности? — спрашивает Людмила Евгеньевна. — Как они менялись со временем?»

«Мои мама и папа, как я теперь понимаю, весьма не любили советскую власть, но всячески ограждали меня от своего влия-

¹ <http://khodorkovsky.ru/mbk/appearances/2010/09/10/13644.html>.

² <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/100/09.html>.

ния в этом вопросе, считая, что иначе испортят мне жизнь, — отвечает Ходорковский. — И я вырос «правоверным» комсомольцем безо всяких сомнений в том, кто друзья и кто — враги.

Выбирая свой путь в жизни, ориентировался не просто на химическое производство, а на оборонное направление, т. к. считал, что самое главное — защита от «внешних врагов».

Комсомольская работа в институте была, конечно, не проявлением политического призвания, а стремлением к лидерству. Собственно, я никогда идеологией не занимался, моя стезя — оргработа <...>.

Что же касается «барьеров», то они для меня заключались в одном — никогда не изменять своей позиции под давлением силы, а не аргументов. У нас был прекрасный ректор Г. А. Ягодин. Он называл меня «мой самый непокорный секретарь» (имелось в виду — секретарь факультетского комитета комсомола). Понятно, что он мог легко меня сломать, но не делал этого, позволяя закалиться характеру. К сожалению, в 1985 году он ушел из института на повышение.

Мне повезло и второй раз. Членом бюро нашего Свердловского райкома партии была Кислова, а членом бюро — секретарь ЦК по вопросам строительства Ельцин Б. Н. Я получил от них настоящий урок мужества, когда их «гнобили», а они не сдавались. Причем Кислова не сдала Ельцина. Чего ей это стоило — могу себе представить.

К слову, в 1999 году депутатом от Томской области, где я работал, был Лигачев Е. К., который всячески пытался «гнобить» уже меня. Я запретил нашим атаковать его в ответ, т. к. он был уже очень пожилым человеком, хотя сказать было чего «с избытком».

Я считал себя членом команды Ельцина. Одним из очень многих. Именно поэтому пошел защищать Белый дом в 1991 г. и мэрию в 1993 г., именно поэтому вошел в неформальный предвыборный штаб в 1995 — 1996 гг. Это, пожалуй, стало самым опасным мероприятием в моей жизни (почти). Именно из-за Бориса Николаевича я не выступал против Путина, хотя и имел о нем свое мнение. <...>

Уважаемая Людмила Евгеньевна, думаю, могу определить себя как вольтерьянца, т.е. сторонника свободомыслия, свободы слова. Б. Н. Ельцин в этом плане был моим идеалом, как до него и Г. А. Ягодин. Работа с ними не вызвала у меня внутреннего протеста.

Разгром НТВ в 2001-м (я пытался им помочь деньгами, что мне вменили в первом процессе) стал моим «Рубиконом». Имен-

но разгром команды, а не переход собственности, поймите правильно».

«Как можно было ухитриться вырасти «правоверным» комсомольцем безо всяких сомнений в том, кто друзья и кто — враги? — поражается в ответе Улицкая. — Значит, это было возможно. У меня нет оснований не доверять Вашему анализу. Значит, я была пристрастна в своем полном неприятии всех партийных и полупартийных людей».

«Ельцин был для меня одним из партработников, и я страшно заволновалась, когда все мои друзья побежали к Белому дому, а я сидела у себя дома и горевала: почему мне не хочется бежать на эту демонстрацию вместе со всеми?» — добавляет она.

«Я, когда был на практике, не в заводской библиотеке сидел, а гексоген (взрывчатку) лопатой кидал, на пресс-автомате работал (чуть вместе с приятелем на тот свет не отправился по собственной ошибке), — пишет Ходорковский в следующем письме. — На сборах были, мне звание сержанта присвоили и назначили замполитом, а я опять попросился на завод — снаряды старые разбирать. Мы ведь комсомольцы, нам положено идти на самые опасные участки. И разбирал, под недоуменными взглядами командовавших офицеров с нашей военной кафедры».

Читая этот огромный разворот в «Новой», тогда же, осенью 2009-го, я поймала себя на том, что позиция Ходорковского мне ближе, хотя все советское было для меня столь же отвратительно и неприемлемо, как и для Улицкой. Хотя в том возрасте, когда он был в Комсомоле, я была в «Демократическом союзе», и в том возрасте (я младше него на шесть лет), когда он был комсомольским секретарем, я баллотировалась в Моссовет от движения «Демократическая Россия».

Потому что мы оба верили, хотя и в прямо противоположные вещи. И я тоже была человеком «партийным», хотя и из другой партии. Мы оба были, состояли и привлекались, а не сидели дома сложа руки из страха поучаствовать в строительстве дороги в ад.

Может, и замостили некоторый кусок.

Но если бояться построить дорогу в ад, вообще ничего не построишь.

Он по вере своей, ради России, готов был работать с гексогеном. Мы, по вере нашей, выходили на площади. И считали, что приносим себя в жертву ради блага своей страны, потому

что скоро кончится Перестройка, и нас всех сошлют, если не расстреляют. Хотя и подбадривали себя утверждениями о том, что тигр этот давно бумажный.

И Ельцин, хотя никогда не был для меня идеалом, но приемлемым вариантом был.

И не по злему умыслу он «сдал нас КГБ». Гораздо хуже.

Это было ошибкой.

Он не понял, кто перед ним.

Вторая тема писем Улицкой — тюрьма.

«Солженицын считал, что опыт тюрьмы человека закаляет и очень ценен сам по себе, а другой сиделец, менее счастливый, Варлам Шаламов, считал, что опыт тюрьмы в нормальной человеческой жизни непригоден и неприменим вне тюрьмы», — пишет Улицкая. И спрашивает, как ее собеседнику удастся справиться с тюремной реальностью, нет ли у него ощущения дурного сна, и как он оценивает свой тюремный опыт.

«Понял истоки Вашего внимания, — отвечает Ходорковский. — Надо отметить, типичные для значительной части нашей интеллигенции. К сожалению, т. к. тюрьма — не самый лучший опыт. В связи с чем мне больше по душе Шаламов, чем Солженицын. Думаю, разница в их позиции связана с тем, что Солженицын считал авторитарный, а значит, тюремный способ управления страной допустимым. Но как «гуманист» полагал необходимым опытом управленца опробование розог на собственной спине. Достоинно уважения, но не присоединяюсь.

Тюрьма — место антикультуры, антицивилизации. Здесь добро — зло, ложь — правда. Здесь отребье воспитывает отребье, а приличные люди ощущают себя глубоко несчастными, т. к. ничего не могут сделать внутри этой отвратительной системы.

Нет, это чересчур, конечно, могут и делают, но так жутко смотреть, как каждый день спасаются единицы, а тонут десятки человеческих судеб. И как медленно, оборачиваясь и возвращаясь, движутся перемены.

Мой рецепт выживания — учиться понимать и прощать. Чем лучше, глубже понимаешь, надеваешь чужую шкуру — тем сложнее осуждать и проще прощать.

В результате иногда происходит чудо: сломанный человек распрямляется и, собственно, становится человеком. Тюремные чиновники этого страшно боятся и совсем не понимают — как? почему? А для меня такие случаи — счастье. Мои адвокаты видели, и не один раз».

За эту переписку в январе следующего 2010 года Михаил Ходорковский и Людмила Улицкая были удостоены литературной премии «Глобус».

Премию вручали 13 января в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

За отца премию получала его дочь Настя Ходорковская.

«Здравствуйте, мне очень жаль, что мой папа не может здесь присутствовать и получить эту премию, — сказала она. — Тем не менее, я его представляю, и для меня большая честь представлять этого очень важного в моей жизни человека. Когда я встречаюсь с ним за двойным стеклом с решеткой, это, наверное, одни из самых грустных, но долгожданных моментов в моей недолгой еще жизни. Мы ждем его. Я жду треть своей жизни, мои братья ждут его чуть больше половины. Мы очень надеемся, что скоро он вернется, и наша семья будет снова вместе, и он снова сможет помогать, продолжать деятельность. Папа просил передать, чтобы вы не теряли надежды, чтобы сохраняли веру в справедливость и в хорошее в людях. Мы с семьей решили передать премию детям, воспитывающимся в Лицее в Кораллово. Спасибо».

Точно также поступила со своей частью премии и Людмила Улицкая.

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

Суд тем временем шел своим чередом. Тогда же, в сентябре 2009-го, через несколько дней после публикации в «Новой» переписки Ходорковского и Улицкой, обвинение заявило о завершении предоставления письменных доказательств.

28 сентября начались допросы свидетелей обвинения.

Первым вступал бывший директор АОЗТ «Волна» Андрей Крайнов. Помните историю «Апатита»? О хищении нефти свидетеля почему-то не спрашивали. А спрашивали об учреждении в зонах с льготным налогообложением многочисленных аффилированных с «ЮКОСом» фирм. То есть собственно тех же, о которых речь шла на первом процессе, когда обсуждался вопрос об уходе от налогов.

«Нам не вменяется в вину незаконная регистрация предприятий, — удивился Михаил Ходорковский. — <...> Обсуждать вопросы регистрации предприятий — это все равно, что обсуждать, есть ли жизнь на Марсе. Абсолютно бессмысленно. Например, если предполагается кража водки с помощью угнанны-

го автомобиля, и нет доказательств угона автомобиля, а только доказательства кражи водки, то говорить об угоне автомобиля совершенно бессмысленно. В данном варианте незаконная якобы регистрация предприятий — неотносимая к данному делу клевета»¹.

Именно этой «неотносимой к делу клевете» и была посвящена большая часть допросов свидетелей. На трибуне один за другим сменяли друг друга номинальные директора трейдинговых фирм «ЮКОСа». Наибольшие подозрения прокуроров вызывал тот факт, что директора реально деятельностью фирм не руководили, а только ставили подписи на договорах, которые привозил курьер. И на бумагах к этому моменту уже стояли визы многочисленных служб «ЮКОСа», например, правового управления.

Но о параде номинальных директоров чуть позже. Вслед за Крайновым выступал, пожалуй, главный свидетель обвинения — экс-глава «Ист Петролеум» Евгений Рыбин. Тот самый миноритарный акционер «Томскнефти», на которого было два покушения, якобы организованных «ЮКОСом».

«Все исходило от Ходорковского! — провозгласил свидетель. — Это все его барахло, его деньги. Наворовал все это и защищал незаконными методами! Так они и «Томскнефть» развалили. Все свели в ноль и обогатились...».

Судья попросил быть поконкретнее.

«Я лично не получил ни копейки прибыли, хотя владел пакетом акций», — был предельно конкретен Рыбин.

«Персонально кто участвовал в политике ценообразования?» — интересовался прокурор Лахтин.

«Не могу сказать, кто конкретно утверждал цены. Но я знаю, как это делается, сам профессиональный нефтяник. Знаю, как это делается — сколько можно уворовать, чтобы хватало на рабочих и скважины, и чтобы мэру города дать, чтобы тот сильно не верещал... А остальное можно смело украсть. В «Томскнефти» Ходорковский украл все что можно, все что плохо лежало! Может в «Юганске» Ходорковский не так нагло воровал, я не знаю».

Интересное, однако, воровство получается, что и на рабочих хватает, и на скважины и даже на мэра...

Но в основном Рыбина допрашивали о тех самых покушениях, и он был эмоционален и напорист: «Да я буду и дальше бо-

¹ http://khodorkovsky.ru/khamovnichesky_court/courtroom_reportings/12806.html.

роться, чтобы они все сидели, и эти, и Невзлин, и все!». И его ответы были достойны пера Суркова и Доренко.

Правда, о хищении нефти в вопросах прокуроров речь так и не зашла. Спрашивали о закупочных ценах. Во сколько раз были занижены, не уточняя, по сравнению с чем.

Рыбин смог оценить и так, не сравнивая: примерно в два раза. Правда, без конкретики. Без цифр и дат.

«Спасибо Вам!» — сказала Рыбину прокурор Ибрагимова, выходя из зала.

На следующем заседании право задавать вопросы перешло к защите.

«Вам что-нибудь известно о хищении всей добытой «Томскнефтью» нефти в период с 1998 по 2003 годы?» — поинтересовался адвокат Алексей Мирошниченко.

«Нефть невозможно украсть всю или ее большое количество, потому что нефть жестко регламентируется по своему движению. Украсть можно средства от продажи этой нефти. Я полагаю, что это недопонимание просто. Украсть ДЕНЬГИ от реализации нефти. Это одно и то же», — ответил Рыбин.

Потом, в ходе процесса, прокуроры неоднократно уточняли, что украдена именно нефть, та самая, которую «невозможно украсть» даже по мнению злейшего врага Ходорковского.

Еще бы!

Ведь средства от продажи нефти по ценам Роттердама не поступали и не могли поступать на счета нефтедобывающих компаний — они продавали нефть в России, прямо на промысле. Все их затраты на добычу и подготовку нефти были покрыты выручкой с превышением, то есть у них была и прибыль. А значит, даже ущерб-то в форме упущенной выгоды ничем не доказан. Так что говорить о хищении денег обвинение никак не могло, даже с позиций той самой 165-й статьи, по которой кончился срок давности. И никакого недопонимания здесь нет.

Допрос Евгения Рыбина защита планировала продолжить пятого октября. Но свидетель в суд не явился, прислав записку о том, что прийти не сможет в связи с госпитализацией матери.

И Рыбина сменил Гурами Авалишвили — один из бывших вице-президентов Восточной Нефтяной Компании.

Речь шла о приватизации ВНК и оптимизации расходов, в том числе оптимизации налогообложения, а также о том, надо ли было проводить реорганизацию производства в «Томскнефти» и «вводить добывающие активы» в дочерние компании. Хищением нефти прокуроры не интересовались.

Интересовались скважинной жидкостью и «заниженными» ценами. Любопытно, что и уважаемый Рыбиным Гурами Авалишвили понимал, зачем это было надо: «Цена реализации составляет 63,7 рубля за тонну. Это искусственная цена, которая не соответствует реальным ценам рыночным, была разработана для того, чтобы оптимизировать, еще оптимизировать, платежи в бюджет по геологическим налогам».

И причем тут опять налоги? В хищении же обвиняют.

«Когда недропользователь поднимает нефть на поверхность, он обязан заплатить налог. Плата за недра составляет от 6 до 16 процентов от цены реализации, — уточнял Авалишвили. — И второй налог, который предусмотрен законом о недрах — это налог на воспроизводство минерально-сырьевой базы в размере 10% от цены реализации. Так вот скважинная жидкость, терминология эта, была введена для того, чтобы на устье скважины, пользуясь тем, что нефть добывается из пластов в зависимости от месторождений с примесями газа, с примесями воды, механическими примесями, химическими примесями...»

И свидетель углубился в подробности технологического процесса, так и не упомянув о хищении нефти:

«Месторождения «Томскнефти» в целом являются средне- и труднорабатываемыми, средняя обводненность порядка 75%. То есть на одну тонну поднятой на поверхности жидкости 750 кг — это вода, а 250 — это нефть. Так вот в этой технологии предполагалось, что поднимается на устье жидкость скважинная, то и цена ее будет не цена нефти, которая продается на рынке, а цена, которая определена, то есть с ней еще надо заниматься...»

На следующем заседании право задавать вопросы перешло к Михаилу Ходорковскому, и ответы свидетеля стали однообразны: «Не знаю», «не помню», «и знать не хочу», «это не имеет отношения к делу» и «я не владею этим вопросом».

«Я прошу суд разъяснить свидетелю, что он не может отказываться от ответов на вопросы, не снятые судом!» — сказал адвокат Ключвант.

«Вчера свидетель ответил на все вопросы. А Ходорковский оказывает на свидетеля психологическое давление!» — ответил за судью прокурор Лахтин.

У господина Авалишвили хорошо шли только технические детали, но и они интересны. «Нефть попадает на насосную станцию, там собирается, отправляется на центральный товарный парк, где аккумулируется на продажу», — рассказывал он.

«Каким образом мы обводненность с вами определяем?» — интересовался Ходорковский.

«Мензуркой меряют содержание воды, нефти. До подачи на УПСВ¹, где снимается проба. По «Томскнефти» этот показатель составляет в среднем 75 процентов. То есть на 4 тонны добытой жидкости получается 1 тонна нефти. Остальные 3 тонны закачиваются обратно в пласт, она ничего не стоит, за нее не платятся деньги, Ваша честь».

«То есть все, что замерено в лаборатории, попадает на УПСВ и далее после подготовки в «Транснефть»?» — спросил Михаил Борисович.

Свидетель согласился.

«Вчера вы сказали, что оплата шла 63 рубля за тонну скважинной жидкости. Позволю себе пересчет с учетом указанной вами же обводненности 75 процентов — получается 250 рублей за тонну подготавливаемой нефти, — уточнил Ходорковский. — На что расходовала «Томскнефть» эти деньги до середины 98 года?»

«Покрытие затрат на добычу нефти, зарплата, все вспомогательные работы, капитальный ремонт, текущий ремонт, наладочные работы...»

То есть все затраты ограбленным были компенсированы...

Показаниями Авалишвили прокуроры не удовлетворились и поставили кассету с его допросом.

«Они² прибыль понимали по-другому, — говорил голос свидетеля. — Они отбросили всю шелуху! Вот был слесарь, а над ним еще 12 с ложками — но это было необходимо, для работы всего процесса. А они от всего избавились и оставили одну добычу. Максимальное получение прибыли, вопреки всем технологическим канонам».

Видимо, одним из этих 12 человек с ложками и был господин Авалишвили до того, как его уволил Ходорковский.

Восьмого октября вопросы Авалишвили задавал Лебедев.

«А известно ли вам, что термин «скважинная жидкость» присутствует в ГОСТах аж с 1976 года?!» — поинтересовался он.

Свидетель не знал.

«При вас, когда вы были замом по экономике в ВНК и «Томскнефти», выявлялись факты хищения?» — интересовался Лебедев.

«Не было», — отвечал свидетель.

¹ Установка предварительного сброса воды.

² Новые владельцы «Томскнефти» из ЮКОСа.

«Присутствовали ли вы после вашего увольнения из «Томскнефти» при фактах хищения нефти из «Томскнефти» после 98 года, если да, то когда и при каких обстоятельствах?»

«Не присутствовал».

«Правильно ли я понял, что вам лично о таких фактах неизвестно?»

«Мне лично о таких фактах неизвестно».

«А цена соответствовала цене Роттердама? По нефти, продаваемой «Томскнефтью» ВНК?» — спросил Лебедев.

«А причем Роттердам в Ачинске? — удивился свидетель. — Нет, не соответствовала. Это была российская внутренняя цена, она несколько отличается от цен в Роттердаме. В три-четыре-пять раз».

Все-таки приятно цитировать показания врагов, особенно, когда они не врут. Им больше доверия. У них нет причин оправдывать недругов.

Если оправдывает враг — это железно.

После Лебедева слово взял Михаил Борисович.

«Вы заявили, что, приобретя контрольный пакет ВНК, «Ходорковский завладел всей нефтью». Значит ли это, что я получил возможность распорядиться всей добываемой нефтью?» — спросил он свидетеля.

«Да, вы получили возможность распоряжаться всей нефтью».

«Как владелец пакета ВНК?»

«Да».

«Использовал ли я свои возможности, чтобы запретить ВНК сдавать нефть в «Транснефть?»»

«Нет».

«У меня больше нет вопросов, можно процесс заканчивать: обвинение он разрушил напрочь», — подытожил Михаил Ходорковский.

Девятого октября допрашивали еще одного нефтяника — Виктора Дергунова.

С 1973 года он работал в «Томскнефти», а в 1995 перешел к Рыбину в «Ист Петролеум».

Еще один человек, который находился с Михаилом Борисовичем в «бизнес-противостоянии», как сказал Ходорковский о Кеннете Дарте.

Еще один враг на трибуне свидетеля.

Враг оказался очень тихим. Чтобы услышать его ответы, приходилось здорово напрягать слух.

Сразу обнаружили разногласия в терминологии.

«То, что структуры «ЮКОСа» называли «скважинной жидкостью» у нас называлось «добываемая жидкость» или «пластовая жидкость», — заметил свидетель.

Потом его допрашивали по протоколам собраний акционеров, и он жаловался на то, что как миноритарный акционер, практически не мог влиять на их решения.

«Это четвертый свидетель защиты, — подытожил адвокат Ключвгант. — Все решения принимались на заседаниях советов директоров и собраниях акционеров, там было голосование, люди осмысленно голосовали — одни за, другие против. Ни о каких злоупотреблениях с подсчетом голосов ему ничего не известно. То есть решения о сделках, о ценах принимались так, как это должно делаться. Другое дело, что ему какие-то решения нравились — и тогда он их поддерживал. Другие ему не нравились — тогда он их не поддерживал. На то и есть процедура демократическая голосования, принятие решения большинством. Конфликт же между миноритарными и контролирующими акционерами объективно заложен в конструкцию акционерного общества. Эту мудрую мысль придумал, к сожалению, не я, ее несколько лет тому назад сформулировал Конституционный суд РФ. И Конституционный суд сказал, что этот конфликт есть всегда и его наилучшим разрешением является выкуп у миноритарных акционеров их пакетов, если они не согласны с политикой, которую проводит контролирующий акционер. Только этот выкуп должен проводиться по справедливой цене, на что должен быть судебный контроль».

Повторялась история первого процесса Ходорковского и процесса Леонида Невзлина: свидетели обвинения выступали в защиту подсудимых, иногда не желая того и не понимая, что делают.

Но я не обольщалась. Я знала итог.

По первому делу Ходорковского — восемь лет. Невзлину — пожизненное заключение.

Я смотрела на судью Данилкина, совершенно четко понимая, что он никогда не сможет вынести справедливое решение. Для этого надо быть сумасшедшим, надо, чтобы тормоза отказали, и кони понесли. А он заяц. Запуганный и бесконечно усталый заяц.

Львы здесь в клетке.

Данилкин не был похож на человека, который хочет уйти на пенсию со спокойной совестью, он был похож на человека, который хочет уйти на пенсию без скандала.

Мелкие черты лица, очки на носу и скучающий взгляд.

Внести оправдательный приговор Ходорковскому — это все равно, что встать под пули и повести в атаку, все равно, что добровольно взойти на костер, все равно, что в оруэлловской Океании встать и упрямо сказать крамольное: что дважды два — четыре.

Не могла я представить его в этой роли.

Не бывает.

19 октября в суде вновь возник Евгений Рыбин.

«То есть переход права собственности путем купли-продажи — это есть воровство нефти?» — поинтересовался у него адвокат Владимир Краснов.

«Естественно!» — ответил Рыбин.

Допрос продолжил Лебедев и поинтересовался у свидетеля, как именно похищалась нефть. Собственные слова о том, что нефть украсть нельзя, господин Рыбин уже благополучно забыл: «Я сбоку наблюдал, как фальсифицировались решения, как «Томскнефть» стала собственностью каких-то офшорных компаний, и стучал во все колокола. Вы бочками по ночам нефть не воровали, вы придумали более хитрый способ, а я был рядом и все видел! Все сам пощупал! Не надо тут всех делать дураками! Два умных, остальные все дураки! Не видел я, как Ходорковский бочками ночью воровал нефть, НЕ ВИДЕЛ! Вы удовлетворены?!»

«Присутствовали ли вы лично в 98 году при фактах хищения нефти?» — попросил уточнить Лебедев.

«Я видел, как все это делалось. В одном кабинете все договоры заключалось — продал, купил... не выходя из единого кабинета. Я при этом не присутствовал, но был рядом и все видел!» — утверждал Рыбин.

«В каких кабинетах это происходило?»

«На Загородном шоссе».

«Вы видели, как в кабинетах на Загородном шоссе похищалась нефть?»

«Нет, не видел. Но собственниками нефти становились подконтрольные вам компании. Нефть оставалась в танкерах, в бочках, но через договора нефть из «Томскнефти» ушла! И ее собственниками стали вы. И вот Михаил Ходорковский!»

Но ведь и «Томскнефть» была подконтрольной им компанией...

«Сколько было похищено нефти в «Томскнефти?»» — спросил Лебедев.

«Не помню! Сколько добыто, столько и похищено!»

«А в 99 году сколько было похищено нефти?»

«Ну не может свидетель ответить! — вступился за Рыбина прокурор Лахтин. — Он не является очевидцем предъявления обвинения!»

Адвокат Владимир Краснов напомнил Рыбину его допрос у следователя:

«Там вы сообщили, что с 97 по 2002 год «стоимость компании выросла на 20 — 25 процентов, мощности прирастали, строились социальные объекты, то есть происходила капитализация»... Когда вы говорили правду?»

«Я думаю, что вы в состоянии понять, что я хотел... да, мощности прирастали, фонды росли... но с другой стороны, все разворовывалось! Что прирастало, то и разворовывалось! Все эти мощности, месторождения, нефтяные скважины... Вы все меня ловите. Вам тяжело меня понять, потому что вы не специалист! Дешевые приемы какие-то. Ну, неинтересно, скучно! Неинтересно! Вроде такой процесс, а никому тут неинтересно!!! Шоу какое-то дешевое!»

~ В зале засмеялись.

НОМИНАЛЬНЫЕ ДИРЕКТОРА

Господина Рыбина отпустили до обеда, и его сменил свидетель Хвостиков. Речь снова зашла о регистрации фирм в офшорах, внешних и внутренних. Какое отношение это имеет к хищению нефти, прокуроры объяснили уже после оглашения приговора в интервью «Комсомольской правде» 24 января 2011 года. Причем это было вынесено в заглавие: «Ходорковский создал в офшорах сотни фирм, чтобы прятать украденные деньги».

То есть, доказательством того, что человек украл деньги, является процесс покупки им сейфов для хранения денег, а также обстоятельства покупки: в каких собственно магазинах, кем и какого цвета.

После столь веских аргументов доказывать тот факт, что деньги действительно были украдены, а не честно заработаны, сами понимаете, уже совершенно излишне.

И, мало того, опять подмена, игра в наперсток: вместо «украденной нефти» (в чем обвиняли) «украденные деньги» (в чем не обвиняли)!

Судя по количеству свидетелей обвинения, работавших в секретарской компании «ЮКОСа» СП РТТ и занимавшихся регистрацией фирм, это и есть главные доказательства вины.

А потом косяком пошли номинальные директора этих компаний, подписывавшие договоры после виз на них всех служб «ЮКОСа».

Допросам номинальных директоров и курьеров, привозивших договора на подпись, был посвящен весь ноябрь 2009-го и большая часть декабря.

«На мой взгляд, мы имеем дело с очковтирательством и симуляцией судебного следствия, — подытожил Ходорковский. — При чем тут обвинение в хищении нефти?!»

И отказался от допроса этих свидетелей.

«Ваша честь, — обратился он к судье, — если есть необходимость узнать, по чьей команде переводились те или иные акции, куда они переводились, зачем это делалось, то легче всего это спросить, во-первых, у меня, а я могу сказать, у каких людей, реальных руководителей, это можно далее спросить. Именно поэтому принимать участие в допросе курьеров, секретарей и иных лиц, пускай имеющих самое звучное название, я не собираюсь».

Несколько позже, во время допроса Алексея Голубовича, прокручивали запись его ответов на предварительном следствии.

«Когда все это только формировалось, пришел Сублен¹, тогда система эта существовала, но она была такая, «на коленке», — говорил Алексей Дмитриевич. — Он начал это упорядочивать, обращался ко мне и другим руководителям подразделений, у кого есть возможность дать на должность фактических подписантов (генеральных директоров) казначейству своих сотрудников. Надо, чтобы это были люди понимающие, что подписывают, потому что он не хотел работать с какими-то такими людьми. От нас один или два сотрудника некоторое время числились директорами компаний. Первоначально на это соглашались, потому что было такое решение начальства, он считал, что это компания «ЮКОС», а тут один или два генеральных директора все договоры заключают. Хотя все понимали, что это связано с работой и зарплатой, и если все делать так, скорее всего и зарплату повысят. И карьера на кону»².

¹ Мишель Сублен — финансовый директор «ЮКОСа».

² http://khodorkovsky.ru/khamovnichesky_court/courtroom_reportings/13074.html (Цитирую по моей диктофонной записи, на сайте менее подробный текст).

«Мордовские и кипрские компании, которые входили в этот периметр, самостоятельно деньгами не распоряжались, потому что эти деньги им на баланс завели люди, управляющие бизнесом в целом, директора компаний не распоряжались деньгами самостоятельно», — уточнял он.

Об институте номинальных директоров в своих показаниях в апреле 2010-го подробно рассказал и сам Михаил Ходорковский: «Институт номинальных директоров (директора назначаемые или директора с ограниченными полномочиями) достаточно распространен и в России, и в мире. Законодательство РФ об акционерных обществах и законодательство об ООО позволяет практически любым образом перераспределить полномочия от гендиректора предприятия совету директоров (ОАО) или учредителю (ООО). Единственное ограничение, то, что нельзя перераспределять, — полномочие подписи, то есть право без доверенности представлять общество. Это право является неотъемлемым правом исполнительного органа. Таким образом, ограничение полномочий исполнительного органа общества вплоть до полного запрета ему принимать любые решения помимо учредителей — это неотъемлемое, законное право собственника. Я это воспринимал так, так и действовал. Несомненным правом исполнительного органа (гендиректора, пусть и номинального) является право проверки подписываемых им документов на соответствие нормативным актам и отказ от подписи при наличии отклонений. Следовательно, при наличии желания у собственника (я имею в виду компанию «ЮКОС») принимать решения о сделках самостоятельно или при помощи третьих лиц, но помимо генерального директора, собственник имеет предоставленное законом право это делать. Однако закон оставляет исполнительному органу возможность перепроверки и отказа от подписания документа.

У нас в «ЮКОСе» реализация подобных схем определялась разными обстоятельствами. Во-первых, это невозможность для собственника находиться в месте регистрации общества при наличии требования нахождения исполнительного органа в месте регистрации (законодательства Гибралтара, острова Мэн, некоторых ЗАТО предусматривали, что исполнительный орган должен находиться в месте регистрации). При этом я не имел возможности доверять тем людям, которых я там мог найти. Люди-то хорошие, но квалификации недостаточно. Поэтому мы у этих директоров изымаем все полномочия кроме права подписи.

Во-вторых, я придерживался правила разделения функций фронт-офиса и бэк-офиса. Фронт-офис — это тот менеджер, который взаимодействует с клиентом. Те, кто занимаются оформлением документов, — это бэк-офис. В нефтяной компании достаточно вопросов, где нарушение регламента больно бьет. Фронт-офис может договориться, но без бэк-офиса подписать ничего не сможет. А бэк-офису запрещено общаться с клиентом, только с бумагами. Более того, мы старались, чтобы специалисты фронт-офиса поменьше общались с сотрудниками бэк-офиса.

Здесь выступали номинальные директора, они поясняли вам, что ничего не подпишут, если это нарушает регламент, они старались жестко ему следовать. Именно таких людей мы и подбирали на эти должности. При этом сути проблемы они могли вообще не знать. У них есть регламент — они его четко исполняют.

Третье. Специфические требования налогового планирования. В соответствии с формальными налоговыми критериями «ПрайвотерхаусКуперс» требовал соблюдения принципа несвязанности. В частности, «ЮКОСа» и торговых структур. В частности, директора не могли работать в штате «ЮКОСа». Несомненно, факт принадлежности торговых компаний «ЮКОСу» был известен Министерству по налогам, Минфину, Минэкономики, которые читали консолидированную отчетность «ЮКОСа» и обсуждали ее со мной. А также это было известно МВД, Генпрокуратуре, ФСБ, пограничной службе и всем другим службам, которые получали миллионы тонн нефтепродуктов с заводов «ЮКОСа», но по договорам с этими торговыми структурами. То есть ситуация для всех была абсолютно прозрачна. «ПрайвотерхаусКуперс» при несоблюдении нами формальных признаков мог заставить «ЮКОС» уменьшить размер показываемой прибыли на сумму резервов под налоговые риски. Требования «ПрайвотерхаусКуперс» нами исполнялись».

«Причины, по которым использовались различные юрисдикции, — говорил он в своих показаниях, — это удобный инструмент для работы в компаниях. Отдельные юрисдикции позволяют сегментировать ответственность..., но главное что разнесение товарных потоков по разным юрисдикциям позволяло разносить нам налоговые платежи по различным юрисдикциям. В том числе по тем, где предоставлялись налоговые льготы. Но мы так делали далеко не всегда и по двум причинам всегда. Первая причина: среднеотраслевой уровень выплаты налогов на тонну добытой нефти — это святцы для нефтяных компаний. Если ты не

дотягиваешь до этого уровня — тебе жизни не дадут! Это отслеживалось Министерством по налогам и сборам. Сумма налогов, которые мы должны были заплатить, нам была известна. Более того, до 98 — 99 года действовали так называемые налоговые соглашения между нефтяными компаниями и Министерством по налогам и сборам, где мы указывали в абсолютных величинах сумму налога, которую обязуемся уплатить в том или ином квартале. О чем мы сейчас говорим вообще?! Или это уже все забыли? Это была первая причина, налоги все равно надо было платить, а вторая причина — мы разносили налоги по регионам, с которыми надо было поддерживать отношения. Не заплатить налог в регионе — это значит рассориться с местной администрацией и подорвать себе сбытовой регион. И никакая компания «ЮКОС» в этом не необычная. У «Газпрома» такая же история, у «Роснефти», «Лукойла» такая же история! Никому выпасть из строя никто никогда не позволял»...

ДОПРОС АЛЕКСЕЯ ГОЛУБОВИЧА

Следующим кульминационным моментом процесса был, несомненно, допрос Алексея Дмитриевича Голубовича в январе 2010-го.

В нем был даже не Шекспировский, а почти архетипический драматизм, как в любой истории предательства: от Иуды Искариота и Ганелона до Фуше и Талейрана.

Вернувшись из суда после его второго допроса, я даже принялась перечитывать «Песнь о Роланде».

Для сравнения.

И убедилась, что моральный прогресс все-таки есть. В старинных источниках основными причинами предательства называют корысть и честолюбие, в наше время актуальнее трусость. И что ни предатель — то поневоле. Хотя и те древние причины, увы, никто не списывал со счетов.

Но по порядку.

Первый допрос был 19 января. Алексей Дмитриевич встал на свидетельскую трибуну в трех шагах от меня.

Худощав, даже изящен, одет в щегольской костюм и яркий галстук. Сдержан и говорит с типичной интеллигентской интонацией.

Пожалуй, он мне понравился, несмотря на все, что я о нем знала.

Он мне симпатичен.

Пока.

В первый день он меня не разочаровал. Когда речь шла об обмене акций дочерних компаний ВНК, упомянул и о защите активов от рейдерской атаки и об обмене акций по рыночным котировкам, как эквивалентном обмене. И о том, что дело против сотрудников «ЮКОСа» заказное.

Умный и компетентный человек говорил правду. Приятно и слушать и смотреть.

Правда, честь изобретения схемы обмена великодушно уступил Василию Алексаняну, но не прямо, не в лоб, оставляя лазейку для самооправданий: «Я не могу вспомнить персонально, кто изначально это придумал. Мы исходили из записок, которые приходили нам из правового управления. Начальником управления тогда являлся Алексанян».

Этот пассаж слегка испортил впечатление.

Потом речь зашла о трансфертных ценах. «Были Дарт и иже с ними, которые говорили, что вот «ЮКОС» плохой и использует трансфертные цены, но все это больше похоже было на голословные утверждения», — сказал Голубович. «А с самим Дартом вы встречались?» — спросил прокурор Лахтин. «С ним никто не встречался, — заметил Голубович. — Он жил на яхте...».

На том первом допросе Голубович был весел, много смеялся и то и дело смотрел на аквариум с подсудимыми.

«Вам смешно?! Вы соскучились по Ходорковскому?!» — громко спросила прокурор Ибрагимова.

«Это намек?» — среагировал Голубович.

«Вы при ответе на каждый вопрос смотрите на него! Если вам вопрос непонятен, спросите у судьи! И не надо смеяться!»

«Мне действительно непонятен вопрос. И мне действительно смешно слышать такие вопросы!»

В шестом часу вечера, когда заседание подходило к концу, Ходорковский сделал краткое заявление: «Я прошу уважаемый суд неким образом, не знаю как, оградить свидетеля в день перерыва и другие дни допроса от возможного, на мой взгляд, воздействия... ххм-ххм... лиц, сотрудничающих со стороны обвинения. И его юристов тоже».

«У нас тоже такая же просьба! — вскочила Ибрагимова. — Мы просим оградить свидетеля от лиц, подчиненных Ходорковскому!».

Зал засмеялся.

«А как? Как оградить? — недоумевал судья. — Дома посадить?».

На обратном пути я думала, что на следующем заседании меня ждет шекспировская сцена: Алексей Дмитриевич смотрит в «аквариум», бьет себя кулаком в грудь и говорит: «Моя вина, Михаил Борисович! Простите!»

«Сегодня я вернусь домой», — думала я и вычеркну фразу Шаховского о том, что Алексей Дмитриевич — трус.

Вычеркивать не пришлось.

На следующем заседании Голубовича как подменили.

«Можно маленькое заявление сделать... — попросил Алексей Дмитриевич, едва поднявшись на свидетельскую трибуну 21-го января. — Я во вчерашней газете прочитал... цитируют тут уважаемого адвоката Клювганта, где он говорит, что в суде я признал действия руководителей «ЮКОСа» с акциями ВНК не только законными, но и необходимыми, и что я признал, что они обменивались по справедливой оценке. Но я хотел сказать, что не делал таких признаний...

Я вследствие этого получаю большое количество звонков от СМИ, вижу публикации с недостоверной информацией, что я якобы был обвиненным по делу ВНК, якобы нахожусь под программой защиты свидетелей, что не соответствует действительности, все это наносит мне существенный ущерб, я это воспринимаю как давление на свидетеля, прошу защиту воздержаться от таких комментариев по крайней мере до завершения моих показаний, тем более что по оценке акций в ходе обмена никаких заключений не делал и не мог сделать, потому что не видел оценки — мне ее не предъявляли, мои комментарии касались того, каким образом размещался заказ в МЦО на проведение оценки, а не того что там было написано»¹.

А я уж думала, что у него проснулась совесть. Просто 19-го у нее была бессонница.

Или ее разбудил взгляд Михаила Борисовича из «аквариума», его смех и его улыбка.

Хотя скорее все было прозаичнее: в 2008-м кончился срок давности по эпизоду с обменом акций «дочек» ВНК. В обвинительном заключении это названо «хищением». Тяжкое преступ-

¹ http://khodorkovsky.ru/khamovnichesky_court/courtroom_reportings/13069.html.

ление. Срок давности — 10 лет. И, осмелев, Алексей Дмитриевич начал говорить правду.

А потом ему напомнили, что кроме хищения есть еще отмывание — особо тяжкое преступление, срок давности 15 лет. И напомнили о том, что у него бизнес в России, как и у его жены.

Или о том, что три года, с 2003 по 2006-й, Алексей Дмитриевич был в бегах, а промежуток времени, когда человек скрывается, не засчитывается в срок давности. А дело — оно как дверь: как закрыли, так и откроют. Видимо, это и объяснили ему его юристы.

И мне ничего вычеркивать не пришлось.

Прокурор Лахтин не поленился заново задать вопросы обновленному Голубовичу, и в ответах Алексея Дмитриевича обмен акций тут же стал неэквивалентным...

На следующий день 22 января прокурор Ибрагимова читала допросы Голубовича на предварительном следствии. «После долгих размышлений я решил добровольно вернуться в Россию и ответить на все вопросы следствия, мера пресечения в виде заключения под стражу мне была заменена на подписку о невыезде, — говорил Алексей Дмитриевич на допросе 2007 года. — В настоящее время расследование по уголовному делу ведется без чьего-либо вмешательства. Я не ощущаю политического давления или влияния на ход дела. Я уверен, что Ходорковский, Лебедев и другие сотрудники «ЮКОСа» не преследуются по политическим мотивам».

Честно говоря, с последним я почти согласна. В деле Ходорковского политика на десятом месте.

Его просто ограбили.

Как еще многих и многих российских бизнесменов, ставших жертвами рейдерских атак.

Лучше всего, как ни странно, это сформулировал американский сенатор Маккейн: «Ходорковский скорее не политзаключенный, а пленник мафии».

Яркой политической фигурой он стал уже в тюрьме.

Так что второй процесс, в отличие от первого, действительно политический, хотя и великую цель пиар-прикрытия отъема собственности никто не отменял.

В тот же день госпожа Ибрагимова перешла к допросу Голубовича 2006 года.

Следователь интересовался, за что Ходорковский предоставил Голубовичу 4,5% акций «Груп МЕНАТЕП». «Он считал, что я

разбираюсь в российской и зарубежной экономике, — объяснял Алексей Дмитриевич. — Я мог оценить с точки зрения экономической науки и здравого смысла те или иные проекты. И возможно, он мне лично доверял».

А мама Михаила Борисовича Марина Филипповна сидела в зале и качала головой. Нашел, кому довериться!..

Следующее заседание было через день, 25 января. Экзекуция продолжилась. Снова оглашали допросы на предварительном следствии. Сначала их зачитывала Ибрагимова, потом поставили кассету с той же записью.

«Для чего эта структура выстроена была?» — спрашивал следователь Каримов.

«Да все так делают, — отвечал Голубович. — Возьмите там «Альфа-групп», Дерипаску взять — у них все примерно так устроено. Есть несколько собственников, они владеют какой-то офшорной структурой, так вся крупная собственность в России была устроена».

Это был тот самый допрос, на который Алексей Дмитриевич попал сразу с самолета, едва вернувшись из Италии в декабре 2006-го. В тот же день арест ему заменили подпиской о невыезде.

«Если вы строите логику, что они в какой-то период из «ЮКОСа» деньги вывели, и деньги оказались здесь «сбоку» или в группе «МЕНАТЕП», и эти деньги растратили, нужно в первую очередь доказать, что они были выведены из «ЮКОСа» либо с помощью налоговых махинаций, либо в ущерб другим акционерам, — советовал следователю Голубович. — Потому что необязательно трансфертными ценами вывели деньги в мордовскую компанию неважно как, здесь нет преступления в плане трансфертного ценообразования. Дальше оно заплатило дивиденды кипрской «маме», кипрская «мама» эти деньги как-то потратила, и эти деньги не попали в консолидированный баланс по «ЮКОСу», к этому можно придаться, но это надо доказать на Западе. Что проще доказать, я не знаю, если бы я был на вашем месте, мне кажется, нужно выстраивать цепочку от трансфертных цен и копать до консолидации 100 процентов дочерних компаний. И предъявлять претензии со стороны государства, потому что мажоритарные¹ акционеры дочерних компаний не будут подавать сейчас в суд на то, что было в 1999 году и ранее. Даже если

¹ Скорее всего, Алексей Дмитриевич оговорился и имел в виду миноритарных акционеров, поскольку мажоритарным был ЮКОС.

мы докажем, что Дарта обманули, объяснив как были приняты решения в судах, Дарту наплевать на это, потому что в восьмилетнюю давность никто не полезет. Либо через государство, через проценты, либо вы обманули налоговыми инструментами, потому что Мордовия не имела права так делать. Поэтому где состав преступления, которое потом называлось отмыванием денег, полученных преступным путем, я не знаю, для меня очень мало информации».

Голубович сидел в трех шагах от меня на месте потерпевшей стороны. Седина на висках. Плечи опущены, сутулая спина. Очень закрытая поза: нога на ногу, вполоборота, рука, сжатая в кулак, лежит на колене. Маленькая узкая рука.

И уши Алексея Дмитриевича краснели во время оглашения показаний. Он пытался отвлечься: изучал графики, видимо, с котировками акций или валют. Потом занялся мобильником, помоему, сочинением sms-ок. И ничего, отвлекся, помогло, и уши обрели почти нормальный цвет.

Он слегка обернулся, и я увидела его лицо: мелкие, мягкие черты. На кого же он похож? На скорбную мышь? На бездомного спаниеля? Или потрепанного кота?

Очень интеллигентское у Алексея Дмитриевича предательство. Видно, что предает автор десяти книг по экономике. И очень хочется ему сказать что-нибудь для смягчения собственного морального падения. Например, что Михаил Борисович запретил использовать компромат против контрагента. Но тут же замечает, что если бы контрагент был помельче, Ходорковский уже не был бы столь щепетилен.

Алексей Дмитриевич — фигура трагическая. Представьте себя на его месте. Это вы стоите перед судом, это вам Гульчара Ибрагимова читает историю вашего предательства, а справа от вас в «аквариуме» сидит тот, кого вы предали. Презрительно улыбается? Смеется? Безучастен? Вы стараетесь не смотреть в его сторону.

Между прочим, он сидит за вас. Потому что это вы вели приватизационные сделки, и в приговоре первого суда по этим эпизодам через абзац — ваша фамилия. Да, конечно, все было законно, но он там, а вы здесь. И при этом вы вовсе не законченный подлец, у вас есть совесть, и она даже иногда просыпается.

А потому вы до дрожи боитесь того дня, когда вас будет допрашивать тот, кого вы предали. И потому вы заранее записались к врачу.

Если бы вдруг оказалось, что Алексей Дмитриевич лег на обследование (а то и на операцию), я бы не удивилась. Речь о враче зашла еще 22-го, в пятницу. Голубович попытался отпроситься с заседания. «А в понедельник сможете?» — спросил судья. «Ну, если меня не зарежут», — сказал Голубович и пояснил, что это он о враче.

В больницу надолго Алексей Дмитриевич не лег. Михаил Ходорковский все же смог допросить его.

26 января 2010-го.

Алексей Дмитриевич шел к трибуне крайне неуверенно, оглядываясь на зал, положил на стол футляр от очков, покрутил его рукой, открыл, закрыл, погладил пальцем.

Михаил Борисович формулировал вопросы медленно, четко и ясно. Алексей Дмитриевич лавировал, крутил, напускал тумана и уходил от ответов.

И в голосе Ходорковского отчетливо звучало презрение, что не мешало ему быть совершенно спокойным и говорить как врач или учитель.

Волнение выдавали только покачивания головы, чуть-чуть, из стороны в сторону. Как у его отца.

Он говорил негромко. Не этого ли тихого голоса так боялись его подчиненные, как признака крайнего гнева?

Он говорил тихо, но тишина в зале стояла мертвая, только слышно было, как журналисты стучат по клавиатурам ноутбуков, словно бисер рассыпают.

Говорил тихо, но смотрел тяжело и жестко.

«Хорошо, — повторял после каждого ответа. — Очень хорошо».

Голубович сутулился над свидетельской кафедрой, плечи опущены, и с опущенных плеч, не касаясь больше его худощавого тела, свободно свисал дорогой пиджак.

В зале за моей спиной кто-то шептал «Иуда! А ты забыл, как Ходорковский подарил тебе «Русских инвесторов» и «Русский продукт» — твоей жене?»

Я не жажду крови, но предательство заслуживает хотя бы морального осуждения. У нас даже этого нет. Думаю, что Голубовичу в так называемом «приличном обществе» даже руку подадут.

Иногда Ходорковскому все же удавалось подвигнуть Голубовича на прямой ответ.

«То есть вы знаете, что прибыль у дочерних добывающих предприятий «ЮКОСа» была?» — спрашивает он.

«Да, была, — отвечал Голубович¹. — Трудно работать без прибыли, будут проблемы с налоговыми органами».

«Что тогда вы имели в виду под трансфертными ценами?»

«Имеются в виду цены между материнскими и дочерними компаниями, которые устанавливаются не на рыночной основе, а на основе экономической целесообразности для участников этих сделок... От миноритарных акционеров я не раз слышал, какие мы «мерзавцы и воры». И нас тыкали носом именно в трансфертное ценообразование».

То есть знали об этом все.

28 января выяснилось, что на следующий день свидетель улетает в Англию, и все равно не удастся задать ему все 100 вопросов, обещанные Ходорковским.

В основном речь шла об обмене акций, что и понятно, поскольку это проект Алексея Дмитриевича. Но касались и «хищения» нефти.

«Когда ставился мною вопрос о хищении нефти?» — спрашивал Ходорковский.

«Такой вопрос не ставился. О торговле нефти на совещаниях вопросы не велись», — отвечал Голубович.

«А за пределами совещания я ставил перед вами вопрос о хищении всей нефти?»

«Мне лично не говорилось».

«Я на совещании делил нефть между членами Группы?»

«Не слышал такого».

А Ходорковский цитировал обвинительное заключение:

«Слышали ли вы, что Лебедеву было поручено руководить действиями членов организованной группы, направленными на распределение, присвоение средств, совершать финансовые операции с денежными средствами, полученными таким преступным путем?»

«При мне на совещаниях с вашим участием термины «организованная преступная группа», «хищения» и подобные не упоминались» — отвечал Голубович.

«За счет чего финансировалась деятельность добывающих компаний?» — спрашивал Ходорковский.

«За счет реализации продукции».

¹ http://khodorkovsky.ru/khamovnichesky_court/courtroom_reportings/13077.html

«Какой продукции, уж тогда для суда уточните?»

«Видимо, нефти...»

Угу! Той самой, что была полностью украдена.

Периодически Ходорковского сменял Лебедев, а Голубович все стоял на свидетельской трибуне и отвечал, точнее, пытался уходить от ответов.

Допрос длился до восьми вечера, когда, наконец, судья объявил перерыв до следующего заседания. Оно продолжалось недолго, до двух часов дня, когда свидетеля отпустили в Лондон. «Летите, Голубович!» — написала «Новая».

ФИНАНСОВЫЙ ДИРЕКТОР «ТОМСКНЕФТИ»

В марте на суде была еще пара ярких моментов. Десятого допрашивали Дмитриеву Ольгу Федоровну, с 2001 года работавшую финансовым директором «Томскнефти».

«Скажите, а в какой должности вы работали в «Томскнефти» с 2004-го и по 2007 год?» — интересовался Ходорковский.

«В той же должности финансового директора».

«За этот период выявлялись ли хищения нефти, произошедшие в период до 2004 года, и проводилась ли в связи с этим инвентаризация «Томскнефти?»»

«Мне об этом ничего не известно».

«Отражался ли в экономических материалах, которые вы направляете в государственные органы, с 2004 года по сегодняшний день факт убытка от хищения нефти за период с 98 по 2003 год в размере 50 млн. тонн?»

«Мы просим снять вопрос, поскольку это не входит в предмет доказывания!» — вмешалась прокурор Ибрагимова.

Конечно, не входит! Как может входить в предмет доказывания хищения факт убытка от него? Особенно если в результате хищения у ограбленных образовалась прибыль.

«В бухгалтерской отчетности убытков от хищения нефти отражено не было», — все-таки ответила свидетельница.

«Известно ли вам, что «Томскнефть» является потерпевшей по нашему делу в связи с тем, что я похитил у вас всю нефть за 98 — 2003 год?» — поинтересовался Платон Лебедев.

«Нет», — засмеялась финансовый директор «Томскнефти».

«Какие-то документы для процесса как потерпевшая сторона вы готовите?»

«Я — нет!»

«Правильно ли я понял, что вы сказали, что никаких изменений в бухгалтерской отчетности «Томскнефти» с 98 года по 2010 год не вносилось в связи с гособвинением в хищении всей добытой нефти?»

«Мне об этом не известно»...

«Являетесь ли вы сейчас одним из руководителей исполнительного органа «Томскнефти?»

«Да».

«И когда общество «Томскнефть» признавалось потерпевшим, вас об этом в известность не поставили? И в отчетности этого нет?»

«Нет».

«Фантастика! — воскликнул Лебедев. — Больше вопросов нет».

ЭДУАРД РЕБГУН

Вторым ярким моментом марта был допрос конкурсного управляющего «ЮКОСа» Эдуарда Ребгуна.

«Поскольку меня обвиняют в похищении нефти, а с похищенного у нас, как известно, налоги не платят, вот я вас и спрашиваю, считали ли вы, когда вы признавали требования налоговой службы по включению в число кредиторов налоговой службы с требованиями уплатить налог на добавленную стоимость от реализации нефти и нефтепродуктов и налог на прибыль от реализации нефти и нефтепродуктов, — считали ли вы, что это требование обоснованно, если да, то почему?» — спрашивал Михаил Ходорковский.

«Мы не рассматривали вопросы наличия или отсутствия признаков похищения нефти, у меня нет такой информации. У меня нет информации от служб, что нефть была похищена. Мы считали, что все, что вы добыли, это ваша нефть, которая продавалась и из которой должны были быть уплачены соответствующие налоги», — отвечал Эдуард Ребгун.

ВЫСТУПЛЕНИЕ МИХАИЛА ХОДОРКОВСКОГО

С 5 апреля в Хамовническом суде начался новый этап — доказательства стала предъявлять сторона защиты. А все вышеперечисленные, между прочим, были свидетелями обвинения...

Пятого апреля защита заявляла ходатайства.

Самое интересное началось шестого: к микрофону поднялся Михаил Ходорковский.

В этот же день, наконец, была возобновлена трансляция в зале для журналистов.

Михаил Борисович начал с ходатайства: «Меня обвиняют в хищении всей нефти, добытой с 98 по 2003 год, 350 млн. тонн. Нефть — это жидкость обычно черного цвета и маслянистой консистенции. Ее можно перелить из емкости в емкость, перекачать по трубе, передать вместе с емкостью. Но сторона обвинения постоянно подменяет нефть правом собственности на нее. Право собственности нельзя перелить или перекачать, зато можно передать по договору без перемещения самого товара. <...> Нефть и право собственности на нефть переходят в практике нефтяной торговли разным способом и разным лицам. Путать эти два разных события может либо очень некомпетентный, либо очень недобросовестный человек».

«Вот нефть», — объявил Ходорковский, и адвокат Ключевант вынул из пакета и поставил на стол банку с черной жидкостью. — «Вот скважинная жидкость!» — и Ключевант поставил рядом 10-литровую банку с мутной жидкостью, разделенной на фракции: сверху — черный слой нефти, под ним — вода.

Михаил Борисович попросил Ключеванта продать ему право собственности на нефть, заключили сделку, при этом банки остались на столе. «Видите, — говорил Ходорковский, — нефть осталась на месте, хотя права собственности проданы».

«Уберите эти горючие жидкости из зала!» — испугался судья. Публика захохотала.

«Бензина нет? — спросил Данилкин. — Я уже серьезно спрашиваю, не шучу! Я ничего смешного не вижу, чтобы горючие жидкости находились в зале, где столько людей и одна дверь!».

Ходорковский попросил суд обозреть нефть, скважинную жидкость и обратить внимание на их соотношение с правом собственности.

«Да уже обозрели! И понюхали уже!» — ворчал Данилкин.

Ходорковский продолжил заявлять ходатайства.

«В обвинительном заключении указано несколько способов, которыми, по мнению прокуроров, совершено хищение: «под видом сделки между «ЮКОС» и потерпевшими», «обеспечив перевод на баланс» или «искусственно переведя на баланс», «путем заключения фиктивных договоров».

И на столе адвоката взамен изгнанных нефтесодержащих емкостей появилась ваза с водой.

«С учетом того, что мне вменяется в вину хищение именно вещи (нефти), — сказал Ходорковский, — прошу провести следственный эксперимент, в рамках которого предложить стороне обвинения продемонстрировать, как из принадлежащей адвокату и находящейся у него банки, емкости, мы вот специально вместо нефти поставили водичку, взять из этой емкости принадлежащую мне нефть путем заключения договора, или путем передачи ее на баланс без совершения иных, не указанных в обвинении, действий».

«В данном зале невозможно провести следственный эксперимент и реконструировать события, в результате которых была похищена нефть Ходорковским и Лебедевым, а также членами организованной преступной группы, часть из которых находится в розыске», — среагировал прокурор Лахтин.

И судья отказал в удовлетворении ходатайства.

««ЮКОС» был стопроцентным акционером, например, «Юганскнефтегаза» и «Торгового Дома ЮКОС», например, — продолжил Ходорковский. — При этом нефть, добытая «Юганскнефтегазом» или купленная им, например, за 1000 рублей, признается купленной и находящейся в их собственности и приобретенной возмездно, а нефть «ТД ЮКОС», приобретенная у «Юганскнефтегаза» за 1200 рублей, признается приобретенной безвозмездно и принадлежащей МНЕ лично. Хотелось бы понять юридический смысл такой трактовки закона! Для полноты ощущений на странице 1551 обвинительного заключения вообще не считают «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз», «Томскнефть» собственниками нефти, потому что утверждают, что нефть добывали не они, а выкачивал я лично! То есть о хищении говорить вообще не приходится. Так от чего же я должен защищаться?! Я прошу предложить стороне обвинения разъяснить взаимоисключающие утверждения».

Но прокурор Лахтин разъяснять что-либо в очередной раз отказался: «Законодательство не предусматривает разъяснений для подсудимого в стадии процесса... в стадии, когда подсудимым дано время для показаний. Ну и пусть Ходорковский и Лебедев дают показания! А не спрашивают сторону обвинения, КАКИЕ показания давать!»

Зал хохотал.

«А в обвинительном заключении указано, ЧТО похитили подсудимые. А похитили они НЕЕЕЕФТЬ!» — уточнил Лахтин.

И ходатайство о разъяснении «взаимоисключающих утверждений» суд удовлетворить отказался.

«Я хочу обратить ваше внимание, что уважаемый государственный обвинитель не поставил под сомнение передачу нефти непосредственно в «Транснефть» от потерпевших, и не поставил под сомнение передачу прав собственности от потерпевших компании «ЮКОС», — продолжил Ходорковский. — При этом для меня так и осталось неясным, что же на самом деле похитила так называемая организованная группа? И как она это сделала, если нефть ушла напрямую в «Транснефть», а права собственности ушли компании «ЮКОС»?».

«Ваша честь, я считаю, что данный судебный процесс политически и коррупционно мотивирован. Он вызван опасениями моих оппонентов моего выхода на свободу. Политическая мотивированность заключается как в неприятии поддержки мной независимой оппозиции, так и в желании присвоить возможности, проистекавшие из моего права собственности на крупнейшую и наиболее успешную российскую нефтяную компанию «ЮКОС»».

И Михаил Борисович начал читать лекцию с картами, таблицами и графиками, которые с помощью проектора высвечивали на стене.

«Права собственности на «биржевые» товары и сами товары передаются разными путями, — говорил он, скользя по «презентации» зеленым лучиком лазерной указки. — Нефть — типичный «биржевой» товар».

«Доказывается, и я подтверждаю общеизвестный факт, что я через холдинг «Групп МЕНАТЕП Лимитед» контролировал более 50 процентов акций «ЮКОСа», — комментировал он собственное уголовное дело; — доказывается, и я это подтверждаю, что компания ЮКОС была основным, а с 2001 года единственным лицом, контролирующим добывающие предприятия компании. Именно этим фактом определялись мои полномочия как исполнительного руководителя «ЮКОСа», эти полномочия не вверялись мне другими акционерами этих добывающих подразделений, а именно я в рамках этих своих полномочий через общее собрание акционеров вверял имущество этих обществ их исполнительным органам. Третье. Доказывается, и я это подтверждаю, что я был исполнительным руководителем компании «ЮКОС», что я создал вертикальную систему управления компанией и что полномочия на эту работу вверили мне акционеры ОАО «НК ЮКОС», а не «Юганскнефтегаз» или другие добывающие предприятия. И я действовал в интересах акционеров

«ЮКОСа». Четвертое. Я подтверждаю, что добытая нефть сдавалась добывающими предприятиями в «Транснефть». Я подтверждаю, что право собственности на нефть, ими добытую, по договорам купли-продажи передавалась «ЮКОСу» или его торговым подразделениям».

«Мне известно и я подтверждаю, что оплата дочерним добывающим предприятиям по договорам купли-продажи нефти поступала, и они платили налоги с выручки. Я подтверждаю, что остальная часть прибыли от продажи нефти доставалась иным звеньям технологической цепочки «ЮКОСа», а общая прибыль «ЮКОСа», включая прибыль дочерних добывающих предприятий, за 1999 — 2003 год составила 15,8 млрд. долларов».

2,6 миллиардов долларов выплатили в качестве дивидендов, а остальное направили на капитальные вложения и приобретение новых активов.

«Хочу обратить внимание, Ваша честь, что данные факты либо не имеют отношения к обвинению (хотя тщательно доказываются стороной обвинения), либо полностью опровергают это обвинение», — заметил Ходорковский.

«Теперь я хочу перейти к тому, с чем я не могу согласиться, мне известно, что это не так, и доказательств чего не существует в уголовном деле. Первое. Я не могу согласиться с тем, что нефть, добытая «Юганскнефтегазом», «Томскнефтью» и «Самаранефтегазом», у них пропала. Мне достоверно известно, что такого факта нет. Нефть этими предприятиями самостоятельно и в полном объеме сдавалась ими в «Транснефть». Мне это известно, поскольку «Транснефть» предоставляла в головную компанию «ЮКОС» акты приемки нефти на узлах учета от дочерних добывающих предприятий «ЮКОСа». И эти объемы не расходились с теми объемами, которые показывали добывающие предприятия как добытые, — отметил Ходорковский. — Второе. Я не могу согласиться с тем, что фактическая стоимость (себестоимость) производства нефти в регионах добычи для добывающих подразделений «ЮКОСа» равнялась ценам в Роттердаме или Аугусте». Ходорковский сослался на постановление Пленума Верховного суда и инструкцию Минфина о том, что стоимость похищенного устанавливается «исходя из фактической стоимости». «За себестоимость мы тщательно боролись. И конечно, себестоимость никогда не равнялась цене нефти в Роттердаме и Аугусте. Это значило бы, что компании надо прекращать работать».

«И третье, с чем я не могу согласиться — с тем, что «ЮКОСом», его торговыми и добывающими предприятиями управля-

ла некая организованная группа. Ваша честь, мне прекрасно известно, что руководство «ЮКОСом» осуществляли должностные лица компании в соответствии со своими полномочиями».

«Четвертое, с чем я не могу согласиться, — что органы управления дочерних добывающих предприятий принимали решения под влиянием обмана. Нет, Ваша честь. Решения формировались советом директоров и собранием акционеров. А поскольку «ЮКОС» был основным, а с 2001 года единственным акционером добывающих подразделений, то, естественно, эти управляющие органы формировались в соответствии с тем, как принимал решение «ЮКОС» и я как его исполнительный руководитель. И говорить об обмане мной самого себя достаточно смешно».

«Я интересовался как же «Роснефть» пересмотрит прибыль или убытки за прошлые годы. Интересовался я этим по простой причине — в соответствии со ст. 12 ФЗ «О бухгалтерском учете», если обнаруживается хищение, то сумма похищенного должна быть отражена по графе «прибыль и убытки прошлых периодов». В нашем деле речь идет о суммах похищенного порядка 800 млрд. рублей. Хочу обратить внимание, Ваша честь, что мне не удалось ни в одном из отчетов данных предприятий за предыдущие периоды найти, чтобы они где-нибудь обнаружили, что отчетность составлена на момент 2003 года неточно, и, соответственно, они обнаружили хищение нефти».

«Тут гособвинитель Лахтин говорил в суде, что основное общество не может руководить дочерними и что принципы консолидации по US GAAP не соответствуют российским законам... Я бы хотел выяснить этот вопрос сейчас. Мне достоверно была известна ст. 105 Гражданского Кодекса РФ, которая гласит, что именно определяется, является ли данное общество основным, а другое общество дочерним по тому принципу, может ли основное общество давать ему обязательные к исполнению указания или не может. Если может, то одно общество основное, а другое — дочернее. Это Гражданский Кодекс, и я действовал по нему, а не по мнению Лахтина, мы тогда с ним знакомы не были».

И на стене появился текст статьи 105 ГК РФ.

Честно говоря, мне трудно остановиться, когда я цитирую Ходорковского. Одно удовольствие цитировать ясный и логичный текст — это как говорить правду — легко и приятно.

«Из 16 млрд. долларов прибыли «ЮКОСа» с 99 по 2003 год больше 9 млрд. это новые приобретения, 2,6 млрд. — дивиден-

ды, 4,5 млрд. — это увеличение капитальных вложений, — уточнил Ходорковский на следующем заседании. — Из прибыли производились и другие очевидные расходы: социальные вложения (стадионы, бассейны, дома культуры), премии 100-тысячному коллективу компании, штрафные санкции, неизбежные в любой крупной компании. Очевидно, капитальные вложения тоже производились. И вся прибыль была из-рас-хо-до-ва-на! Полностью. К концу 2003 года, произошло это в связи с приобретением «Сибнефти»¹...

«Сторона обвинения заявляет о преднамеренно построенной Лебедевым и Ходорковским и другими членами организованной группы вертикально-интегрированной структуре управления процессом хищения нефти. Это ложь! Система вертикальной интеграции «ЮКОСа» была заложена государством при создании компании в 92 — 93 годах, а не мифической организованной группой. Я воплощал в жизнь проект, сформулированный государством», — говорит Ходорковский.

«Сторона обвинения презюмирует, что сделки между дочерними компаниями «ЮКОСа» должны были идти по рыночным ценам. Это некомпетентность! Конкурентная торговля между подразделениями внутри российских вертикально-интегрированных нефтяных компаний технологически и экономически была невозможна.

Поэтому рыночных цен по сделкам внутри вертикально-интегрированных компаний не существовало и не существует на сегодняшний день».

«Это некомпетентность еще и потому, что я лишь формализовал организационно-распорядительную документацию, созданную государством к 1995 году, деловую практику внутрикорпоративного оборота продукции по трансфертным ценам»...

«Это некомпетентность еще и потому, что внутрикорпоративные цены, устанавливаемые «ЮКОСом» для своих дочерних предприятий, были сравнимы (чуть больше или чуть меньше) с ценами других производителей в тех же регионах, в то же время, для тех же операций».

«Вся выручка, получаемая «ЮКОСом» от продажи нефти и нефтепродуктов конечному потребителю по рыночной цене, поступала в распоряжение компании в лице совета директоров и исполнительного органа. Она отражалась и на балансе. Кроме

¹ <http://khodorkovsky.ru/mbk/testimony/13223.html>.

того, она отражалась в публичном консолидированном отчете и отчете соответствующих подразделений»...

Его обвинили в хищении вверенного имущества. Именно так в ОЗ. Михаил Ходорковский украл у Михаила Ходорковского всю нефть, вверенную ему Михаилом Ходорковским...

«Я как руководитель «ЮКОСа» и его основной акционер имел законное право вверять имущество дочерних компаний управляющим органам,— комментировал Ходорковский. — Я так воспринимал. И я так воспринимаю. Я вверяю! Мое право — одобрить или не одобрить в 2001 году все ранее совершенные и не оспоренные до того момента сделки. Совершенные уполномоченными лицами подразделений «ЮКОСа». Мое одобрение было окончательное, — продолжал Ходорковский. — Все прочие акционеры добывающих дочек, которые там были до 2001 года, никогда и ничего мне не вверяли. Никогда и ничего! Вверение должно было производиться решением общего собрания, а решение общего собрания определял мой контрольный пакет. Они участвовали в обсуждении, в принятии решения, и не оспорили никаких сделок, хотя знали о них, о ценах, о вертикальной интеграции. Они потеряли право на оспаривание после обмена своих пакетов акций на акции «ЮКОСа», получив взамен право на долю в прибыли «ЮКОСа»».

9 апреля 2010-го. Третий день показаний Ходорковского. Зал забит так же, как и в первые два дня. Часть журналистов ушла в зал для прессы — маленькую комнатку с тремя плазменными экранами. Здесь тоже страшная теснота, люди не только сидят, но и стоят. На шкафу кучей сложены пальто и куртки.

«В связи с тем, что господин Лахтин заявил, что перевод собственности на нефть от добывающих предприятий «ЮКОСу» не исключает ее хищение организованной группой, я себе позволю на несколько минут вернуться к уже данным мною показаниям, — продолжил Михаил Борисович. — И под другим углом кое-что изложить. Краткая ремарка. Мне известно из всей юридической литературы, которую мне удалось прочитать (а прочитал я ее достаточно много), из разъяснения Верховного суда, что при хищении путем присвоения право собственности никуда не переходит, оно остается у потерпевших»...

«Право на нефть добывающими предприятиями передается «ЮКОСу» — так установил суд¹. Я с этим, может быть, до конца не согласен. Я считаю, что право собственности передавалось

¹ Имеется в виду решение арбитража по налоговым претензиям к ЮКОСу.

торговым предприятиям «ЮКОСа» и «ЮКОСу», но суд решил, что оно передавалось «ЮКОСу» напрямую. Спорить с этим, к сожалению, в данном судебном процессе я не могу. Для особо сомневающихся суд в своем решении разъяснил, что к «ЮКОСу» перешли права владения, пользования и распоряжения. Это триада права собственности. При таких установленных обстоятельствах мифической организованной группе просто ничего не досталось. Ни нефти, ни прав на нее!»

«Господин Лахтин говорит о нефти. Нефть, Валерий Алексеевич, она в трубе. Она перешла от «ЮКОСа» в «Транснефть» и никуда не делась. Право собственности перешло от «Юганскнефтегаза» к «ЮКОСу», и тоже никуда не делось. Признайте, пожалуйста, что «организованная группа» в данном процессе лишняя сущность — ей ничего не досталось!»

И Михаил Ходорковский рассказал о том, как формировалась система сбыта нефти в «ЮКОСе» начиная с 1996 года.

«Мое исследование показало, что добывающие предприятия не имели своих сбытовых структур или торгующих подразделений надлежащего качества (то есть они пытались торговать, но результат был плачевный), они также не имели подразделений логистики, переработки, таможенного оформления, международных финансов, и никогда таких подразделений не имели, т. к. при СССР это была функция другого министерства.

Реализация шла, во-первых, через «ЮКОС», как и предусматривалось в постановлении Правительства. Кроме того, реализация шла через других посредников, которые не платили или платили с 6 — 9 месячной задержкой (что, с учетом банковских ставок и инфляции, снижало фактическую выручку на 50 — 70%) и бартером.

Прямые разговоры с начальниками НГДУ¹ и добывающих подразделений выявили, что они находятся у себя в регионах под криминальным давлением и неспособны заниматься нормальным сбытом сами. Неспособны психологически — боятся за жизнь и здоровье свое и своих близких, а также технологически — нет опыта, людей, структур. Просто чтобы вы понимали, Ваша честь. Маленький городок. Руководитель предприятия — он, конечно, там большой человек, но он полностью беззащи-

¹ НГДУ (сокр. от *Нефтегазодобывающее управление*) — предприятие (или структурное подразделение предприятия), занимающееся добычей и перекачкой «сырой» нефти и газа до узла коммерческого учета. В инфраструктуру НГДУ обычно входят ДНС (дожимные насосные станции), КНС (кустовые насосные станции), УПСВ (узел предварительного сброса воды), внутрипромысловые трубопроводы.

тен. А в руках у него продукция на сотни миллионов долларов. Вы понимаете, что происходило. Просто приходили и говорили — подписывай договор, а то уьем! А то, что по договору не заплатят или поставят какую-нибудь муру, это всем было ясно. И никто не решался сказать слово против!».

«Я изучил опыт «Газпрома», — продолжал Ходорковский. — Я с уважением относился к опыту этой компании в тот момент, потому что на фоне общего падения в топливно-энергетическом секторе структура «Газпрома» позволила сохранить добычу газа, транспортировку, выполнять контракты, они были очень успешны. Я ссылаюсь на известную мне отчетность «Газпрома» 98 года, но и в 96 году они писали то же самое: «Внутренние цены устанавливаются руководством Группы для целей обеспечения конкретных потребностей финансирования отдельных сегментов на среднесрочную и долгосрочную перспективу».

На основании этого опыта мной было принято решение о заключении генеральных соглашений по реализации всей нефти (а не как ранее — основной части) «ЮКОСу» или его специализированным сбытовым подразделениям. Хочу отметить, что аналогичной тактики придерживалась и компания «Роснефть».

«Генеральные соглашения были заключены в 1996 и в 1998 с «Томскнефтью». Претензии антимонопольной службы и прокуратуры, которые, на мой взгляд, были мотивированы корыстно заинтересованными лицами, были последовательно отвергнуты арбитражными судами. В материалах дела имеются копии решений арбитражных судов. То есть вопрос о законности генеральных соглашений уже рассмотрен судами и судами признан законным. Почему я называю корыстно мотивированными... Потому что мы изучали, с чего вдруг взялись эти обращения. Абсолютно понятная ситуация! Куча народа привыкла кормиться с этих нефтяных потоков! Здесь они были жестко отключены — вся нефть пошла в «ЮКОС». Больше ничего оторвать у дочерних добывающих предприятий было невозможно. Конечно, возникли недовольные! Конечно, эти недовольные пошли в суды. Конечно, пошли они туда, как у нас и принято, подтолкнув к этому соответствующие правоохранительные органы. Слава богу, решения были приняты...»

Для расчета внутрикорпоративных цен использовался метод «затраты плюс»:

«Сущность затратного метода определена в п.10 ст.40 Налогового кодекса РФ, — пояснил Ходорковский. — Они использовали этот метод для целей налогообложения. Мы его, естествен-

но, использовали по аналогии. Они определяли цену товаров как «сумма произведенных затрат и обычной для данной сферы деятельности прибыли. При этом учитываются обычные в подобных случаях прямые и косвенные затраты на производство и реализацию товаров, обычные в подобных случаях затраты на транспортировку, хранение, страхование и иные подобные затраты». Вот мы действовали по аналогии»...

«Дочернее добывающее предприятие сообщало в плановое управление нефтяной компании плановую себестоимость и потребность в прибыли. Поскольку речь шла о будущем периоде, то речь шла именно о плановой себестоимости, а не о фактической, поскольку эти затраты еще не были произведены. Плановое управление компании проводило проверку обоснованности данных добывающих предприятий, потом на этих данных они формировали так называемую начальную цену. На базе себестоимости и потребности в прибыли. Дальше эти данные эти шли на внутренний аукцион. Закупщики, то есть «ЮКОС РМ», считали так называемый «нет-бэк» — то есть, сколько они могут получить дохода от последующей реализации данной нефти и выработанных из нее нефтепродуктов за вычетом необходимых для данной реализации затрат. И сбрасывали этот расчет на внутренний аукцион, а внутренний аукцион — я имею в виду, что это был специалист планового управления, который сводил все эти данные».

«Вот сущность того основного метода, по которому устанавливалась цена для дочерних добывающих предприятий. Поэтому то, что сторона обвинения сначала признает это в документах, потом как-то стыдливо пытается замолчать то, что цена в договорах между «ЮКОСом» и добывающими подразделениями всегда была больше себестоимости, — это изначально закладывалось основным методом формирования цены! От себестоимости мы плясали. Мы могли сильно больше, чем себестоимость сделать, не сильно больше себестоимости. Но себестоимость оплачивалась всегда! Зачем нам долги подрядчика накапливать? Они же все равно входят в общий баланс нефтяной компании. Ну, завтра он ко мне придет: «Ваше дочернее добывающее не платит за электроэнергию! Мы ему отключим!»».

На стене появилась таблица со средними ценами производителей нефти.

Ходорковский комментировал по годам, начиная с 1998-го. И всякий раз цена Роттердама и Аугусты оказывалась в разы больше внутрикорпоративных цен, а закупочные цены «ЮКОСа»

на уровне цен других компаний («Сибнефти» и «Роснефти»), где-то посередине.

«Теперь, если мы возьмем 2000 год, то цена у «Юганскнефтегаза» — 727 рублей, она выше той цены, которую устанавливали для «Ноябрьскнефтегаза» (675 рублей), хотя несколько ниже той цены, которую устанавливала «Роснефть» для «Пурнефтегаза» (814 рублей). И все эти цены в разы меньше, чем цена, указанная в обвинительном заключении в Роттердаме и Аугусте. Средние цены по ХМАО в этом году 1051 рубль. Средняя цена по ЯНАО — 782 рубля. Это есть в материалах дела. Согласно логике обвинительного заключения, вся страна похищала нефть, включая государственные компании, потому что цены в Роттердаме и Аугусте были в пять раз выше».

И иначе и быть не может. Та самая 40 статья налогового кодекса требует, чтобы цена не отклонялась от цен других производителей более чем на 20% вверх или вниз.

«Среднегодовая цена для дочерних предприятий «ЮКОСа» была сравнима со среднегодовой ценой аналогичных сделок конкурентов +/- 20%, т. е. при сопоставлении цен сделок в соответствующем регионе (Тюменская, Томская, Самарская область) цены «ЮКОСа» не были самыми низкими. Для уголовного дела, как мы прекрасно понимаем и как прекрасно понимает сторона обвинения, цены должны сравниваться с самыми низкими в данном регионе, по которым возможно было бы приобрести, но почему-то обвинение сравнивает не даже с самыми высокими ценами данного региона, а с самыми низкими ценами, но из региона, находящегося в 4000 километрах, то есть в Роттердаме и Аугусте. Из какой логической посылки это делается, я осознать за это время так и не смог. А объяснить мне это государственное обвинение не удалось».

«Для каждого человека, ведущего нормальную деятельность, должен быть какой-то выбор правоупотребительного поведения. Нельзя сказать, чтобы ты делал какую-то деятельность, но и так это будет преступление, и эдак это будет преступление. Я представлял интересы акционеров «ЮКОСа», я был руководителем «ЮКОСа». Я знаю, что в регионах добычи существуют добывающие предприятия, у которых их материнские компании («Роснефть», «Сибнефть») или торговые подразделения их материнских компаний покупают нефть по цене, я показывал, 700 рублей или 1000 рублей, а мне предлагается у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза», «Томскнефти» покупать нефть по 5000 рублей. Что мне скажут акционеры, которые мне вверили иму-

щество, в том числе денежные средства «ЮКОСа», не дочерних подразделений, а собственно «ЮКОСа»?! «Милый, ты чего, обалдел?! Ты почему платишь в пять раз больше добывающим «дочкам», чем платят другие предприятия?! Это с какого праздника такое?!» И я был бы в нынешнем суде, только по обвинению в хищении денежных средств, только за счет завышения цен!¹...

«Судебная практика, согласно которой все эти операции стали объявляться незаконными, на момент, когда я вел деятельность компании «ЮКОС», не существовала. Она была не просто специально пересмотрена «задним числом» под ограбление «ЮКОСа», но и в деле «ЮКОСа» пошла дальше, признав эти подразделения (трейдеров) «самим «ЮКОСом»», что позволило увеличить размер налоговых претензий в 7 — 10 раз»...

«Я не согласен с налоговыми требованиями, только что объяснил почему. Но то, что «ЮКОС» был выгодополучателем, я не спору. И когда сторона обвинения говорит: нет, этим выгодополучателем был лично Ходорковский, нет, собственность «ЮКОСу» не переходила, ее похищал Ходорковский. Ребят, а налоги с «ЮКОСа» вы тогда зачем потребовали?! Тогда сажайте представителя «ЮКОСа» рядом с собой, пусть он будет потерпевшим. И верните ему не только то, что дополнительно потребовали с «ЮКОСа» в период с 2004 года, но и то, что «ЮКОС» заплатил до 2003 года, потому что и тогда ему налоги, по вашему мнению, платить было не с чего. Он же нефть не получил! Я ее украл!»

«... с 1998 года мы начали формировать сначала независимую финансовую службу под руководством Мишеля Сублена, а затем — независимый совет директоров ОАО НК «ЮКОС». Независимые директора к 2003 г. составляли в нем большинство, в то время, как Комиссия по ценным бумагам и биржам США только в ноябре 2003 года утвердила новые правила, в соответствии с которыми большинство членов советов зарегистрированных на бирже компаний должны были быть независимыми.

Критерии независимости соответствовали международным: люди не работали в «ЮКОСе», материально от «ЮКОСа» не зависели, директорское вознаграждение не составляло существенной части их доходов. Все независимые директора были уважаемыми членами общества. Дополнительно важно: по своим профессиональным навыкам эти люди глубоко разбирались в деятельности крупных компаний».

¹ Между прочим, именно такое обвинение (в уклонении от налогов путем завышения цен) предъявлялось владельцу «Русснефти» Михаилу Гуцериеву.

Он перечислил поименно членов совета директоров. Жак Костюшко-Моризе — руководитель Международного отделения банка «Credit Lyonnais»; Сара Коллинз Кэри — адвокат/партнер фирмы «Сквайр, Сандерс энд Дэмпси ЛЛП», Вашингтон, США; Радж Кумар Гупта — независимый консультант нефтяной компании «Филлипс Петролеум» (США); Бернар Лозе — президент компании «Loze & Associates», крупный инвестор; Мишель Сублен — казначей «Шлюмберже Лтд.» (Schlumberger Ltd.), Париж, Франция; Алексей Эмильевич Конторович — директор Института геологии нефти и газа Сибирского отделения Российской Академии Наук; Юрий Петрович Похолков — ректор Томского политехнического университета, президент Ассоциации инженерного образования России.

«Все эти люди на ежеквартальной основе самым подробным образом знакомились с деятельностью компании, ее промежуточными и годовыми консолидированными отчетами, они утверждали бюджет и отдельные крупные сделки (сделки свыше 50 миллионов долларов я сначала должен был у них одобрить, только потом мог реализовывать, до 50 миллионов долларов я мог принять решение, но потом получить от них согласие). Они общались с аудиторами напрямую. То есть, и они были информированы.

Помимо этого, ежеквартально я собирал заседания так называемого расширенного правления, т.е. правления с участием руководителей всех дочерних подразделений (более 200 человек), и на протяжении 2 дней, с участием прессы, присутствовали губернаторы тех регионов, где мы работали, мы обсуждали итоги прошедшего квартала и планы на будущее.

В такой ситуации говорить о «секретных, скрываемых» сделках, ценах, об обмане кого бы то ни было, о сделках «против воли», с помощью которых велась основная деятельность, в размере всего объема этой основной деятельности — смешно. О чем здесь говорить, это анекдот!

Я просто не знаю как, кхм, выглядит такое обвинение! Ваша честь! Поверьте мне, в ходе предварительного следствия я все это говорил тем уважаемым людям, которые с нами провели два года: «Люди вы подумайте! С чем вы пойдете в суд?!». Мне говорят: «Да, мы доложим начальству». Приезжают, нет, ничего не изменилось. Когда заявили, что будут перепредъявлять обвинение, те, кто с нами в Чите сидел, имеются в виду представители Следственного комитета, они все надеялись, что самые фантастические глупости уберут. Нет! Обалдевшими после пе-

репредъявленного обвинения были и мы, и они. Я не знаю, кто принимал решение о передаче в суд такого дела!».

12 апреля Михаил Борисович продолжил: «Функции единого центра прибыли несла компания «ЮКОС-Москва», и исполняло техническую работу подразделение под названием «централизованное казначейство». Хочу обратить ваше внимание, как шли денежные средства. Конечный потребитель направлял выручку либо непосредственно в корпоративный центр, тогда оплата трейдерам происходила из корпоративного центра. Такого рода мероприятия касались крупных оптовых потребителей на внутреннем рынке, таких как Министерство обороны, МВД и т.д. В других случаях от потребителя выручка поступала трейдеру. При этом, естественно, были определенные потери. Про потери я уже говорил (это невозврат НДС, это задержка оплаты, вообще неоплата, что было характерно для периода 98 — 2001 годов, это оплата в виде бартера, это акцизы, пошлины). От трейдеров средства поступали в корпоративный центр. Далее корпоративный центр направлял компенсацию затрат добывающим предприятиям по договорам купли-продажи нефти, которые вам, Ваша честь, в этом зале представлялись.

Помимо компенсации затрат добывающие предприятия также получали из корпоративного центра капитальные вложения. То есть деньги на освоение новых месторождений. Не тех месторождений, с которых произошла добыча нефти, за которую была получена компенсация затрат, а новых месторождений!»

«Если бы кто-то занижал цены в разы, как говорит сторона обвинения, или если бы у кого-то пропала вся нефть, вы прекрасно понимаете, выручка бы у этой компании должна была бы лежать на нуле. Такого нигде нет, нигде не видно, непонятно откуда вообще взялось!»¹...

«Я обращаю внимание на специфику российской системы бухучета. У нас два основных вида финансовой отчетности. Это российские стандарты и там указана выручка каждого отдельно предприятия. Для добывающего предприятия это та выручка, которая получена им от другого подразделения ВИНК в оплату за поставленную нефть. Таким образом, выручка в структуре подразделений компании «ЮКОС» может быть указана и дважды, и трижды, и четырежды. Для того чтобы инвесторы не вводились в заблуждение, существует так называемая консолиди-

¹ <http://khodorkovsky.ru/mbk/testimony/13232.html>.

рованная отчетность, которая исключает внутренний оборот, то есть расчеты между подразделениями компании, и указывает только сколько выручки поступило из-за пределов компании и сколько выплат пошло за пределы компании».

На стене появлялся слайд за слайдом. Очередной назывался: ««ЮКОС» показывал всю полученную прибыль». Из схемы следовало, что в сумме «похищенного» следователи просуммировали текущие расходы компании, уплаченные налоги и... полученную прибыль.

«Вот выручка, которую показывал «ЮКОС», легко считаемая по консолидированной отчетности и по справке, которую предоставил «ЮКОС» следствию в 2004 году, — комментировал слайд Ходорковский. — Я уже сопоставлял ее с той выручкой, которую показала сторона обвинения. «ЮКОС» показывал больше. Что интересно, по ситуации с прибылью, если аккуратно все посмотреть, мы со стороны обвинения не расходимся. Это какая-то удивительная для меня ситуация! Ведь сами пишут! Сами считают! Сами все понимают! И все равно украдена вся нефть! Это просто какая-то фантастика!»

«Это очень смешно, Ваша честь — если бы вам представили отчетность дочерних добывающих предприятий, вы бы увидели, что компания покупала нефть в 98 году у добывающих предприятий по субсидируемым ценам. Компания в целом получила убыток, а добывающие предприятия получили прибыль! Потому что мы прекрасно отдавали себе отчет, что если не все расходы добывающих предприятий покрыть, то они просто не смогут работать. Поэтому мы брали кредиты как компания и по субсидируемой цене покупали нефть у добывающих предприятий. У компании в целом 700 миллионов долларов убытка, а у добывающих предприятий по реализации нефти — прибыль. И соответственно, налог на прибыль!»

«Ваша честь, я бы хотел остановиться на теме капвложений. И сказать, что факт осуществления капвложений мне известен не только из отчетности, которую я утверждал, не только из тех бизнес-планов, которые я утверждал или готовил для утверждения совета директоров в зависимости от масштаба. Я собственными ножками прошел большую часть крупных объектов, на которых осуществлялись капвложения».

Михаил Ходорковский отчитывался перед судом чуть не о каждом рубле миллиардной прибыли. Как была потрачена? На что? Дивиденды, капитальные вложения, приобретение новых активов: разработка Приобского месторождения, покупка ВНК,

освоение месторождений в Эвенкии и Якутии — и все из общей прибыли «ЮКОСа».

И рисовал картины освоения Сибири, достойные геолога-комсомольца шестидесятых: непрерывные потоки техники на дорогах, строительство заводов и бурение новых скважин. Я это уже цитировала, когда рассказывала о 2003-м.

«...капвложения я видел все и на бумаге, и в железе, — говорил Ходорковский. — Если стороне обвинения хочется доказать, что это было не так, съездите, сфотографируйте и скажите суду — вот на бумаге есть, а на самом деле нет».

Появился слайд под названием «Запасы нефти». Они у «ЮКОСа» увеличились с 1997 года примерно на 400 миллионов тонн.

«Это общеизвестные данные. Они в отчетности компании отражены. И в отчетности компании «Роснефть» они теперь отражены. И никем не пересмотрены. В 97 году запасы нефти 1 миллиард 276 миллионов тонн, а в 2003 году (после того, как нефть годами добывалась десятками миллионов тонн) цифра была 1 миллиард 620 миллионов тонн. В результате чего увеличиваются запасы компании, Ваша честь? В основном они увеличиваются из-за того, что из капитальных вложений происходит доразведка тех участков, на которых компания работает, и из-за более современных технологий освоения месторождений коэффициент извлечения нефти растет! Это, к слову, ответ на те обвинения, которые боком в обвинительном заключении звучат, что варварская добыча идет. Вот вам «варварская добыча!» Ни на одном месторождении не снизился КИН (коэффициент извлечения нефти)! Варварская добыча! При варварской добыче КИН падает, а большая часть нефти остается в земле».

Появился слайд «Добыча».

«В 1998 году добыча — 44,6 миллионов тонн, в 2003 — 80,8 миллионов тонн, — комментировал Ходорковский. — Добыча это то, что отражается и в материалах Минтопэнерго, и в данных «Транснефти». Если вся продукция все эти годы похищалась, за счет чего объем добычи-то растет? Он что, сам родится? Это же новые насосы, новые трубопроводы, новые установки по подготовке нефти...Они что, из космоса прилетели?»

Появилась диаграмма «Активы». В 1997-м активы «ЮКОСа» составляли 55,2 миллиарда рублей. В 2003-м — 837,5 миллиардов, в 2007-м — перевалили за триллион (с учетом уже проданного ЮНГ).

«Во время конкурсного производства распродавали активы варварски, — комментировал Ходорковский. — С большим дис-

контом по отношению к той цене, по которой эти активы можно было продать на рынке. Так вот, при всем при этом объем вырученных средств с учетом продажи «Юганснефтегаза» составил — 1 триллион 121 миллиард рублей. То есть активы, о которых я вам, Ваша честь, рассказывал, они не мифические. Они все в ходе конкурсного производства были выявлены и проданы!»

Следующий график назывался «Выручка».

«Выручка у компании, у которой похищалась вся продукция, не только была, — заметил Ходорковский. - Она еще и выросла почти в 7 раз! КАК это могло произойти, если вся продукция похищалась?!».

Очередная диаграмма была посвящена налогам.

«Налоговые претензии, на мой взгляд, вещь сама по себе незаконная, — прокомментировал Ходорковский, — но что здесь говорить... В 97 году налоги, уплаченные до налоговых претензий, — 25,7 миллиардов рублей. В 2003 году, до налоговых претензий, мы заплатили 162 миллиардов рублей. С похищенной нефти!»

Потом речь зашла об обмене акций дочерних компаний ВНК. Контрольный пакет Восточной Нефтяной Компании был куплен группой Ходорковского в 1997 году. В 1998-м часть акций дочерних компаний ВНК, в том числе «Томскнефти», для защиты от рейдерского захвата обменяли на акции «ЮКОСа» и связанных с ним компаний. Когда угроза миновала, акции были возвращены. Это произошло еще в августе 2001-го, задолго до ареста Ходорковского. А в 2002-м «ЮКОС» купил на аукционе оставшиеся в собственности государства 36,8% акций ВНК

Но следствие решило, что обмен 1998 года был неэквивалентным, и назвало его хищением.

Между прочим, срок давности по этому эпизоду закончился еще в 2008-м.

После рассказа об обмене акций Михаил Борисович перешел к обвинению в отмывании похищенного.

«Ваша честь, и вам, и мне, и, надеюсь, стороне обвинения понятно, что уголовный закон предусматривает отмывание полученного в результате преступления. А полученное в результате преступления — это то, что похищено, а не то, что получено в результате его реализации, то есть нефть.

Сторона обвинения сначала рассказывает об отмывании нефти, потом переходит на деньги. Хотя Верховный суд очень четко говорит, что достаточно одного, первого этапа. Поэтому я скажу про первый этап, про нефть, без которого всего прочего

нет. Я не могу понять смысла «отмывания» по отношению к нефти. Нефть, как мне, да уже и всем участникам процесса, достоверно известно, транспортируется сначала по трубопроводам добывающего предприятия, а затем, почти исключительно — по трубопроводам компании «Транснефть» до потребителя. Сторона обвинения с этим не спорит.

Термин «отмывание» — это сокрытие источника происхождения. Как мне достоверно известно, в магистральных трубопроводах производителя владелец сырья известен. Это система добывающего предприятия, она заполнена и скрыть это невозможно, потому что если там нефти нет — это гигантская технологическая проблема! Втихую осушить работающие трубопроводы невозможно!»

«Если говорить об узле учета «Транснефти», то сама-то нефть смешивается, а вот собственники сырья точно идентифицируются и указываются в маршрутных телеграммах и таможенных декларациях, — продолжал Михаил Ходорковский. — Чтобы подделывали маршрутные телеграммы, например, что нефть шла из «Юганскнефтегаза», а написано было бы, что она из «ЛУКОЙЛа», — такого сторона обвинения нигде не говорит. Каким образом иначе можно сокрыть источник происхождения нефти, я не представляю. Во всех документах конкретно написан источник ресурса — «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз», «Томскнефть». Более чем прозрачно! Поэтому сокрытие источника сырья заведомо невозможно, равно как и придание ему какого-то еще правомерного вида. К слову, если речь идет о 100 тоннах, то такое мошенничество возможно — подделать маршрутную телеграмму. Но если речь идет о 20 процентах добычи страны, то это просто нереально.

Также мне достоверно известно, что вся выручка от реализации нефти и нефтепродуктов учитывалась в консолидированном балансе компании.

Источник выручки нефтяной компании, указанной в консолидированном отчете, очевиден. Каждый здравомыслящий человек понимает, что выручка нефтяной компании — это выручка от реализации нефти и нефтепродуктов. Наверное, если бы я хотел доказать обратное, мне бы требовалось много чего людям объяснять. Но таких сведений, что я кому-то пытался доказывать, что выручка нефтяной компании получена не от реализации нефти и нефтепродуктов, ну таких сведений нет. Поэтому с учетом очевидности умысел на сокрытие заведомо абсурден.

Откуда еще выручка у нефтяной компании, кроме как от реализации нефти и нефтепродуктов?

В умысле на сокрытие источника прибыли я тоже вряд ли могу быть заподозрен. Я лично ежегодно за нее отчитывался в Госналогслужбе (именно о консолидированной прибыли).

Ваша честь, что бы мы ни говорили о государственных чиновниках (министрах, их заместителях) — ну они не идиоты совсем. Если компания публикует консолидированную отчетность, то когда я прихожу к уважаемому господину Букаеву или к Починку — конечно, они мне в лицо показывают мою консолидированную отчетность! Они со мной не говорят по РСБУ, где указан только кусочек полученной прибыли. Они прекрасно пользуются интернетом, отчетностью, спрашивают: «Михаил Борисович, покажи, сколько ты уплатил с рубля полученных доходов? И почему у «ЛУКОЙЛа» больше, почему у «ЛУКОЙЛа» меньше?» Вот как лично со мной разговаривали в Министерстве по налогам и сборам. Разговор по существу был именно такой — сколько вы заплатили с тонны добытой нефти, с рубля полученной выручки? И попробуй отклонись от среднеотраслевого показателя — в следующем квартале будешь доплачивать. И естественно, перед советом директоров, собранием акционеров, экспертным сообществом, СМИ я тоже отчитывался о консолидированной прибыли, полученной компанией. Вы себе представьте, я выхожу на общее собрание акционеров, «ЛУКОЙЛ» при тех же объемах добычи получил, например, 3,5 миллиард долларов прибыли. А я покажу, что ли, 1 миллиард, который числится на «ЮКОСе» по РСБУ? Люди слепые, они не видят, что ли?! У меня тут же акции провалятся в ноль. Я, естественно, отчитываюсь за полную консолидированную прибыль! И то, что происходило как-то по-другому... я не знаю, кому это в голову могло прийти. Почему с этим, Ваша честь, пришли к вам в суд отстаивать такое обвинение? Ваша честь, оно странное! Оно странное!!! И я это членам следственной группы говорил! Я от них этого не скрывал!...

«Важно обратить внимание на следующий аспект. На правах собственности «GML» в целом к 2000 году принадлежало 64% акций «ЮКОСа», опосредовано через «Yukos Universal» и «Hulley». Мне принадлежало лично 9,5% от 64%. С учетом доли, где я был бенефициарным владельцем — 30%. И в том и в другом случае идентифицировать меня лично с компанией «ЮКОС» есть гораздо меньше оснований, чем приравнивать «ЮКОС» к компаниям «Томскнефть», «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз», где «ЮКОС»

всегда владел более чем 38%, а с 2001 года — 100%. Опять же возникает неясная для меня правовая трактовка. «ЮКОС» вроде как не «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Томскнефть», хотя «ЮКОС» сам владел 100% акций. А я, владея в «ЮКОСе» в лучшем случае 30% акций, я и «ЮКОС» — это единое целое. Настолько единое, что собственность «ЮКОСа» стороной обвинения называется моей»...

«Заявление о реализации орггруппой присвоенной нефти необходимо как-то сопоставить с заявлениями о непосредственной поставке нефти потерпевшими потребителям. Ваша честь, я не понимаю, какое действие мне пояснять суду, если одновременно в одном и том же ОЗ по отношению к одной и той же нефти говорится, что, с одной стороны, ее потерпевшие непосредственно поставляли потребителям, а с другой стороны, что реализацией этой самой присвоенной нефти занимались похитители. Так она присвоена или все-таки напрямую, непосредственно поставлялась потребителям?»...

«У «ЮКОСа» 100-процентное добывающее предприятие, оно добыло нефть, компания эту нефть переработала и реализовала, часть поставив на экспорт, частично в виде нефтепродуктов. Из почти 150 тысяч работников компании в добывающем блоке у меня работало к этому моменту порядка 40 тысяч человек. На их долю пришлось 30 — 40 процентов выручки. А остальная часть выручки израсходована была на НПЗ, на сбытовой сегмент, на инвестиции в новые месторождения. Плюс дивиденды акционерам заплатить. В чем меня морально-то осуждают? В том, что я не все добывающему сегменту отдал? А почему все должно быть отдано добывающему сегменту? Это из каких таких соображений?»¹...

«Наконец, хочу отметить, что с 01.02.02 г. я как руководитель «ЮКОСа» на 100% определяю волю потерпевших (по соответствующей процедуре). То есть все деньги, находящиеся под моим контролем и объявленные мной в консолидированной отчетности как деньги «ЮКОСа», находятся в моем полном распоряжении. Мне даже не нужно собрание акционеров. Я и есть собрание. И иной воли общества, иных «рук» у общества, кроме назначаемых мной, нет и быть не может. Любое перемещение средств общества, одобренное его единственным акционером, соответствует интересам общества»...

«Дополнительно непонятно, как «сокрытие» мог произвести единственный акционер-собственник? Фундаментальная

¹ <http://www.khodorkovsky.ru/mbk/testimony/13255.html>.

проблема обвинения — что они по шаблону шли в отношении сотрудников компании, обвиняя их в хищении, потом также по шаблону дошли до главного лица и акционера, и так же по шаблону и предъявили. А над нами никого нет! Никто не может сказать, что мы действовали против его воли. Мы и есть воля, вот и все! У дочерних предприятий собственник один — «ЮКОС». Совет директоров — я. Общее собрание акционеров — Лебедев. А Малаховского с Переверзиным осудили лишь потому, что меня туда в суд не привели. И сказали тому суду — а вот здесь же нет исполнительного органа! А они его обманули. Не обманывали они меня!»...

«Ваша честь! Как мне защищаться? Меня обвинили в присвоении нефти! Правда, пропажу нефти никто не обнаружил. После этого они говорят, что нефть мы реализовали. Правда, деньги поступили дочерним предприятиям компании «ЮКОС». Дальше мне говорят, что мы их легализовали. Правда, тоже на счета дочерних предприятий компании «ЮКОС». А в конце пути мне говорят, что приостановили легализацию и они остались на счетах дочерних предприятий компании «ЮКОС». А на подконтрольные только участникам организованной группы компании эти деньги так и не перешли. Так, может, и нефть не украла?!»...

«Вообще-то при обвинении в хищении, если это нормальное обвинение, построенное на нашей Конституции, а не на Конституции Советского Союза, на нашем Гражданском кодексе, а не на тех законах, которые действовали в Советском Союзе, цена сама по себе исключает вопрос безвозмездности и тем более хищения. Но то, что я помню, — наши цены соответствовали средним ценам в тех регионах, где происходили сделки купли-продажи. Я помню, что если вдруг цены отклонялись за 20-процентный барьер, налоговые органы заставляли нас поправлять цену. Недобрали с нас налогов в связи с тем, что мы ошиблись с ценой, выпали из средней в предыдущий квартал — нас просят зависить цену в следующий квартал, чтобы компенсировать выпадающие налоговые поступления. Никаких проблем не было! Обычная ситуация. У нас целый пост налоговый сидел. Все цены они контролировали. Никаких существенных отклонений от тех региональных цен, которые были в регионах купли-продажи нефти, естественно, не было. Ну а то, что есть в материалах дела, — вы сами видите. Там ситуация даже более выпукло представлена».

«Цена в ХМАО 1205 рублей¹, в ЯНАО 840 рублей. Мы устанавливаем цену в 1201 рубль за тонну. Если вернуться к решению президиума Высшего Арбитражного суда, то там будет указана цена, по которой компания «Роснефть» продавала нефть, в декабре 2000 года она обязалась продать до конца 2001 года от 9 миллионов тонн нефти по цене 1100 рублей за 1 тонну. И президиум Высшего арбитражного суда не увидел оснований признать сделку по такой цене недействительной или наносящей ущерб, а уж тем более хищением! И уж у меня не было оснований полагать, что если Высший Арбитражный суд признает эту цену нормальной, то моя цена будет сочтена ХИЩЕНИЕМ!».

Свои блистательные лекции о нефтедобыче и особенностях ОЗ Михаил Ходорковский читал до конца апреля. При неизменно полном зале и поддержке публики. Судья слушал внимательно, вздыхал и постоянно делал записи.

А среди тех, кто следил за процессом, росли надежды на оправдательный приговор.

Ну, нельзя же после такого приговорить!

Ну, ежу все понятно: дело «ЮКОСа» — история чудовищной несправедливости и запредельной глупости власти.

ПРОДЛЕНИЕ АРЕСТА И ГОЛОДОВКА

Еще как можно!

В мае Ходорковскому и Лебедеву в очередной раз продлили арест, и в этом бы не было ничего удивительного, если бы не президентские поправки в закон, прямо запрещающие заключать под стражу предпринимателей, обвиняемых по экономическим статьям.

Решение об аресте противоречило им прямо и недвусмысленно.

Судья Данилкин даже не упомянул президентские поправки в своем постановлении, словно их и не было.

Никак, ни словом.

На свободу ни Ходорковский, ни Лебедев не вышли бы все равно, поскольку еще не кончился срок по первому делу, но двойная решетка (срок + арест) могла смениться хотя бы менее строгим режимом с правом на длительные свидания с семьей.

18 мая Михаил Борисович объявил очередную голодовку в связи с тем, что суд открыто проигнорировал изменения в зако-

¹ Цены декабря 2000 года.

не. Причину он объяснил в письме на имя Председателя Верховного суда.

«Суд даже не счел необходимым объяснить причину неприменения закона, — писал Ходорковский. — Мне известно, что это — не единичный случай подобного игнорирования именно данных поправок в УПК на стадии судебного разбирательства.

Подчеркиваю, речь идет не обо мне. Я нахожусь и буду находиться в тюрьме вне зависимости от принятого судом решения, однако, не могу согласиться с таким демонстративным саботажем закона, внесенного Президентом РФ по его личной инициативе и вступившего в законную силу, в том числе, для борьбы с рейдерством и коррупцией в правоохранительных структурах.

Я не могу согласиться с тем, чтобы создание такого прецедента в столь «громком» процессе прошло незамеченным для руководства страны, поскольку он будет немедленно тиражироваться коррумпированными бюрократами в сотнях других, менее «громких» дел.

Тем самым будет подрываться доверие к власти, поощряться коррупция, будут ломаться сотни судеб.

Я считаю принципиально важным, чтобы Президент РФ Д. А. Медведев точно знал, как применяется, или, точнее, саботируется назначенными им чиновниками принятый всего месяц назад по его инициативе закон.

Именно поэтому я объявляю бессрочную голодовку до получения мной подтверждения, что Д. А. Медведев получил от Вас, либо иного равно компетентного лица, исчерпывающую информацию о создаваемой «правонеприменительной» практике в отношении ст. 108 УПК РФ в редакции ФЗ-60 от 07.04.2010 г.»

Кто только не пытался донести эту информацию до Медведева. К нему даже стучались в блог.

Он отреагировал быстро. В тот же день вечером его пресс-секретарь Наталья Тимакова сообщила, что президент в курсе дела. И Ходорковский, как и обещал, прекратил голодовку.

Цена осведомленности президента стала понятна, когда Мосгорсуд отклонил кассационную жалобу Ходорковского на арест. О поправках он упомянул, но счел, что Ходорковского и Лебедева они не касаются, поскольку никакие они не предприниматели.

«Рассматривая вопрос о мере пресечения, суд пришел к правильному выводу о необходимости продления подсудимым Ходорковскому М. Б. и Лебедеву П. Л. срока содержания под стражей, поскольку преступления, инкриминируемые подсудимым,

по мнению судебной коллегии, не относятся к сфере предпринимательской деятельности в том смысле, который законодатель предусмотрел в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ», — объяснил Мосгорсуд.

Конечно, не предприниматели!

Они же зеки. Кто им там даст предпринимать?

МИХАИЛ КАСЬЯНОВ

24 мая в суд пришел первый свидетель защиты — Михаил Михайлович Касьянов.

«Занимая пост председателя правительства РФ, я регулярно проводил совещания с представителями ведущих нефтяных компаний, — рассказывал Касьянов. — Их было девять, и это были главные налогоплательщики страны. И когда стране требовалось после кризиса 1998 года срочно наводить порядок с выплатой многомесечных задолженностей по зарплатам и пенсиям, и удержание необходимых потоков для инвестирования средств в основную отрасль — нефтяную, я проводил такие совещания... и на первом таком совещании я познакомился с Михаилом Борисовичем Ходорковским. Это был, наверно, 2001 год».

«Примерно девять нефтяных компаний составляли примерно 90 процентов добычи нефти и газа, — продолжал Михаил Михайлович, — «ЮКОС» был наравне, одно время был второй после «ЛУКОЙЛа». Второй по объему добычи и по объему платежей в бюджет. «ЮКОС» и «ЛУКОЙЛ» были крупнейшими налогоплательщиками в Российской Федерации»...

«Крупные компании работали примерно в одном режиме. Основные черты — это вертикальная интеграция, второе — применение трансфертного ценообразования и третье — использование разрешенных законом зон льготного налогообложения».

Адвокаты задали ему вопрос о соотношении внутрироссийских и европейских цен на нефть.

«То, что цены были ниже, это был фактор жизни, что называется! И он был существенен, — пояснял Касьянов. — Все об этом знали! Сложно себе представить, чтобы цена на нефть в Омске или, например, в Ярославле (где есть переработка) была бы на уровне Роттердама! Тогда бы цена на бензин была бы выше, чем в Европейском Союзе! А она сегодня по-прежнему ниже, чем в Европейском Союзе».

«Вопрос связан с тем, что по настоящему делу Михаил Ходорковский и Платон Лебедев обвиняются, в частности, в том,

что они в составе созданной и возглавлявшейся ими организованной преступной группы похитили у дочерних компаний «ЮКОСа» всю нефть, добытую ими за 6 лет в объеме 350 миллионов тонн. Вы считаете возможным, что такое масштабное преступление, и такое масштабное преступное формирование оставалось незамеченным в том числе для правительства, других компетентных органов власти и управления?» — спросил адвокат Ключвгант.

«Названный объем, 350 миллионов тонн нефти, сопоставим с ОБЩИМ объемом добычи! — отвечал Касьянов. — «ЮКОС» был крупнейшим налогоплательщиком, эти объемы, которые добывались и реализовывались, фиксировались во всех документах во всех правительственных службах, которые отвечали за это. С этих объемов реализации нефти, нефтепродуктов уплачивались налоги. Данные об этом существовали и существуют во всех федеральных службах. Эти продукты экспортировались на международные рынки. Это также фиксировалось во всех службах, которые отвечают за это, в том числе таможенной службой. Поэтому говорить о хищениях такого масштаба?! Мой ответ — однозначно НЕТ! Такого не может быть!»

ВИКТОР ГЕРАЩЕНКО И ГЕРМАН ГРЕФ

Первого июня в суде появился Виктор Геращенко.

«Известно ли вам, в чем по настоящему делу обвиняются Ходорковский и Лебедев (не юридические оценки, а по сути)?» — спросил Вадим Ключвгант.

«Да... Чушь это собачья!» — отвечал свидетель.

«Это неправомерное обвинение, что нефть крали! — уточнил он. — Потому что тогда бы «ЮКОС» не считалась первой добывающей, перерабатывающей и сбытовой компанией в стране, обогнав ЛУКОЙЛ! Иначе бы «Эксон» не предлагал заплатить за 45 процентов акций «ЮКОСа» 40 миллиардов долларов, а он уж изучал все до конца, что в компании делается!»

Защита ходатайствовала о вызове в суд в качестве свидетелей Владимира Путина и Игоря Сечина. Суд не нашел их интересными и защите отказал.

Зато 21 июня в суд приехал Герман Греф.

«Здравствуйте, Герман Оскарович!» — начал Ходорковский.

«Добрый день, Михаил Борисович!» — ответил Греф.

В основном говорили об обмене акций, но речь зашла и о нефти:

«Если бы на узле учета «Транснефти» в каком-то году пропало 20 процентов российской добычи (60 миллионов тонн нефти в год), такая информация до вас как до министра экономики дошла бы? Или вы не обязаны проверять?» — спросил Ходорковский.

«В мои обязанности не входило... Но думаю, что если бы это было обнаружено, наверняка бы дошло».

«Но вам такие сведения не поступали?»

«Нет».

«Поясните, пожалуйста, суду причины значительной, в три и более раз, разницы между ценами у производителя в регионах добычи и ценами на нефть сорта ЮРАЛС в портах Западной Европы», — попросил Ходорковский.

«Целым рядом факторов можно объяснить, в том числе и экспортным налогообложением».

«Какие еще обстоятельства определяли эту разницу?»

«Если брать цену производителя, то, естественно, это тарифы «Транснефти» до точки. Или иные тарифы, железная дорога и т. д. Ну и экспортные пошлины. Это, наверно, две ключевые составляющие: транспорт и экспортные пошлины».

«То есть эта ситуация, о том, что цена у производителя была существенно ниже цен в Роттердаме, вам была известна?»

«Естественно. Иначе и быть не может!»

Ходорковский спросил о трансфертном ценообразовании в «Газпроме».

Греф ответил о «вообще»:

«Что касается практики, то трансфертное ценообразование — это вообще большая проблема. У нас обычная проблема заключалась в том, что при трансфертном ценообразовании активы, у которых приобретались (как правило, дочерние независимые компании) нефть или газ, они являлись центром издержек. Значит, прибыль выводилась куда-то. Если говорить о стопроцентно вертикально-интегрированных компаниях, то в конце концов налогообложение происходило в центрах прибыли, это не были офшорные зоны, как это обычно (то есть у нас все выводилось во внутренние офшоры, оттуда во внешние и тогда фактически мы не получали налогов. Это была огромная проблема). Это что касается фискальной составляющей. И была вторая составляющая — нарушение прав миноритарных акционеров, сидящих в дочерних компаниях. Если дочерняя компания

не на сто процентов принадлежит материнской и является центром затрат, то тогда страдают миноритарные акционеры, потому что они не участвуют в разделе прибыли, которая получается в центре прибыли, и, если говорить о нас как о миноритарных акционерах, нас в целом ряде случаев как раз волновала именно эта проблема. Кроме фискальной еще нарушение наших прав как миноритарных акционеров, которые не получали дивиденды, не получали прибыльность, соответственно, необходимой оценки стоимости нашего пакета акций в дочерних компаниях».

«С 2001 года компания «ЮКОС» стопроцентный владелец дочерних добывающих предприятий. Проблемы миноритариев не предмет данного разбирательства», — заметил Михаил Борисович.

И процитировал аналитическую записку Министра экономического развития и торговли Грефа и Министра РФ по налогам и сборам Букаева, которую они представили Путину в декабре 2000 года:

«Использование нефтяными компаниями внутрикорпоративных цен не противоречит законодательству и по своей сути является механизмом, с помощью которого головной компанией осуществляется финансовое управление деятельностью подконтрольных ей организаций, а также концентрируются финансовые ресурсы для реализации общекорпоративной стратегии, в том числе и в целях проведения собственной инвестиционной политики».

И Греф снова заговорил о налогах (все ли заплачено?) и миноритарных акционерах (которых не было).

Ходорковский спросил о ценах, по которым госкомпания «Роснефть» покупала нефть у своих дочерних компаний.

«Я думаю, что вряд ли сейчас смогу пояснить уровень цен, по которым «Роснефть» закупала у добывающих компаний, тем более в каком-то регионе, я думаю, что это не является секретом, это можно взять из отчета вышеупомянутой компании», — отвечал Греф.

«У «Роснефти» цены, как и у остальных компаний, были ниже, чем в Роттердаме?» — интересовался Ходорковский.

«Если бы она покупала по ценам выше, чем в Роттердаме, то она была бы банкротом сразу! Это невозможно».

«По таким же ценам?»

«По таким же ценам как в Роттердаме покупать — тоже невозможно», — ответил Герман Греф.

На следующий день 22 июня в суде был министр промышленности и торговли Виктор Христенко.

В Москве начиналась та самая сорокоградусная жара лета 2010-го, что окончится пожарами, смогом над городом, жертвами и выгоревшими деревнями.

И в суде было нестерпимо жарко. Но народ терпел. В основной зал попали не все, и многим пришлось спуститься на второй этаж в зал для прессы. Трансляция тогда еще велась, мониторы работали. И тот зал, как и первый, был забит до отказа. Мест хватило не всем — люди стояли в проходе. Было трудно дышать.

Я помню, как перед началом заседания мы стояли на лестнице с Верой Челищевой и обсуждали вчерашние показания Грефа.

— Только это ничего не значит, — сказала я. — Вообще ничего не значит.

В России легко предсказывать будущее. Просто выбираешь самый пессимистический вариант.

Я бы предпочла почаще ошибаться.

Виктор Христенко опоздал, застряв в пробке, и его допрос начался ближе к одиннадцати. Само собой, речь зашла о ценах на нефть.

«Михаил Борисович, Ваша честь. НИКАКИХ устанавливаемых государством цен на нефть и нефтепродукты в тот момент не существовало, — объяснял Христенко. — Поэтому все, что существовало, было рыночными ценами. Эти рыночные цены на сто процентов сложились под давлением ВИНК. Усилия государства были направлены только на то, чтобы для фискальных целей применялись реальные показатели стоимости нефти, чтобы не теряли бюджеты всех уровней».

«Правильно ли я вас понял, что цены, применяемые внутри ВИНК, и составляли на тот момент основную массу применяемых цен?» — интересовался Ходорковский.

«Давайте я еще раз вернусь к вопросу о трансфертных ценах. ВИНК диктовали по сути рынку финальную цену на нефть и, пользуясь своим операционным контролем, задавали все внутреннее трансфертное ценообразование. Это так. Других цен, собственно говоря, не было. Другой вопрос насколько они являлись справедливыми, законными и т. д.»

«Внутрикорпоративные цены рыночными быть не могут, — потом пояснит Христенко, отвечая на вопросы прокуроров. — Цены становятся рыночными, когда они выходят за пределы и касаются других субъектов. Внутрикорпоративные цены потому и называются внутрикорпоративными и вызывают столь много вопросов именно в силу природы их происхождения. По сути это учетные ценовые позиции, которые используются для движения прибыли по вертикали. Больше ни для чего, поэтому назвать их рыночными невозможно, они поэтому и есть внутрикорпоративные».

«Вы сказали, что внутрикорпоративные цены не всегда были справедливыми. В чем заключалась эта несправедливость?» — спросил прокурор Смирнов.

«Они не всегда могут быть справедливыми, — отвечал Виктор Христенко. — Пострадавшими от несправедливых внутрикорпоративных трансфертных цен, с моей точки зрения, могут быть три категории. Федеральный бюджет, региональный бюджет и миноритарные акционеры. Миноритарные акционеры структур, у которых за счет низких внутрикорпоративных цен по сути изымается прибыль, доход и цена их актива. Региональные бюджеты за счет того, что из-под налогообложения в другие территории могут быть уведены таким образом налоги, но если на финальной точке стоит специальная офшорная территория, то пострадает и федеральный бюджет. Это, что касается внутрикорпоративных цен. С чем и велась с конца 90-х борьба правительства на законодательном фронте».

Нефтедобывающие компании в числе пострадавших господин Христенко даже не упомянул...

«Известна ли вам была хотя бы одна ВИНК в те годы, включая «Сургутнефтегаз», чьи внутрикорпоративные цены в регионах добычи были бы равны ценам на нефть сорта Юралс в Роттердаме? Я еще раз извиняюсь за глупые вопросы!» — спрашивал Ходорковский.

«Добычные подразделения компаний не могут на выходе иметь цену, равную цене нефти в Роттердаме!» — спокойно констатировал Виктор Христенко.

«Заявляли когда-либо компании «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз», «Томскнефть», «ЮКОС» или правопреемник «Юганскнефтегаза» компания «Роснефть» о том, что у нее пропала нефть? Что нефть, отгруженная ими в адрес порта или НПЗ, туда не дошла? Речь идет о тех масштабах, о которых я вам говорил — 60 миллионов тонн в год», — интересовался Ходорковский.

«Нет, мне таких случаев неизвестно», — отвечал министр.

«Речь идет об очень большом объеме — 350 миллионов тонн, — заметил Ходорковский. — Проводилась ли в «Роснефти» как правопреемнике «Юганскнефтегаза», в «Самаранефтегазе», «Томскнефти», инвентаризация, что выявили данные действия, вносились ли изменения в государственную статистическую отчетность, связанные с обнаружением хищения?»

«Прошу снять вопрос! Он НЕ СВЯЗАН АБСОЛЮТНО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ!» — вмешался прокурор Лахтин.

Ага! Это такое хитрое хищение, что его обнаружение отношения к нему не имеет.

Но судья вопрос не снял.

«Такие факты мне неизвестны!» — ответил Виктор Христенко.

ОТВОДЫ СПЕЦИАЛИСТОВ

В июле и августе суд занялся планомерным отводом приглашенных защитой специалистов. По причине их некомпетентности.

Некомпетентными в глазах компетентнейшего господина Лахтина и судьи Данилкина последовательно оказались:

1) Лопашенко Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, профессор Саратовской Государственной Академии права и эксперт Госдумы, автор нескольких монографий и многочисленных работ о проблемах уголовной политики и квалификации преступлений в сфере экономики;

2) Делягин Михаил Геннадьевич — академик российской Академии естественных наук, доктор экономических наук, руководитель института проблем глобализации. Бывший помощник президента по экономике.

3) Россинская Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, действительный член международной ассоциации по идентификации, специалист в области общей теории судебной экспертизы. Директор института судебных экспертиз Московской Государственной Юридической Академии, член ученого и диссертационного совета МГЮА, член ученого совета российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте, вице-президент палаты судебных экспертов, член президиума учебно-методического объединения судебной экспертизы Министерства образования РФ¹.

¹http://www.khodorkovsky.ru/khamovnichesky_court/courtroom_reportings/13566.html.

4) Савицкий Алексей Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент, аттестованный аудитор, член аудиторской палаты РФ, дипломированный оценщик по программе «оценка стоимости предприятия бизнеса».

5) Романелли Джон — инвестиционный банкир, менеджер с тридцатилетним опытом работы в банковской и инвестиционной сферах.

6) Хардин Лора Рассел — магистр бизнеса, член консультативного совета института транснационального арбитража с богатым опытом работы в судах и различных консалтинговых структурах, как за пределами РФ, так и в России, в том числе в «ПрайсвотерхаусКуперс».

Из всех приглашенных защитой специалистов был допрошен только один — Уэсли Хон, опытный международный эксперт в нефтяной отрасли, не оставивший от экономической основы обвинения камня на камне. Но и его письменное заключение суд приобщить к делу отказался как «полученное не процессуальным путем».

ДОПРОСЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ...

Владимир Малаховский

18 августа в Хамовнический суд доставили под конвоем бывшего директора трейдерских компаний «ЮКОСа» ООО «Альта-Трейд», «Ратибор» и «Энерготрейд» Владимира Малаховского. Он был в наручниках, пристегнутых к сопровождавшим его двум милиционерам.

Арестован он был еще в декабре 2004-го за то, что в одной «организованной группе» с Ходорковским и Лебедевым (которых даже не знал до прихода в Хамовнический суд) «украл» все ту же нефть добывающих компаний «ЮКОСа». И несмотря на то, что они с Ходорковским «грабили» Ходорковского вместе в одной организованной преступной группе, почему-то Михаила Борисовича не вызвали на суд над Владимиром Малаховским даже в качестве свидетеля, хотя он об этом просил.

В 2007-м Басманный суд приговорил Малаховского к 12 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

«Когда вы приходили на работу в 1999 году, вы понимали, что приходите на работу в «ЮКОС», или считали, что вы открывали свой бизнес на свой страх и риск?» — спрашивал адвокат Мирошниченко.

«Нет, компании мне не принадлежали, — отвечал Малаховский. — Я был наемным генеральным директором. Я исполнял волю учредителей. Таким образом, назвать это своим бизнесом нельзя. За свою работу я получал только зарплату».

«А в чьих интересах осуществлялась деятельность этих компаний?»

«В момент смены учредителей все документы по изменению учредителей поступают гендиректору. Я, естественно, мог отслеживать, кто и кем является. Последние изменения, которые произошли по компаниям «Альта-Трейд», «Энерготрейд» говорили о том, что они являются дочерними или внучатыми компаниями «ЮКОСа». Там прослеживалась четкая взаимосвязь».

«У вас возникали какие-либо сомнения в правомерности существования, деятельности возглавляемых вами компаний?» — спрашивал адвокат.

«Когда я устраивался на работу, один из первых пунктов, который я поднял при переговорах, был пункт о законности деятельности компании. Впоследствии я убедился, что компании работали в соответствии с действующим законодательством. Не было нарушения ни законодательства, ни устава. Если были бы какие-то нарушения с моей стороны, думаю, учредители решили бы этот вопрос гораздо раньше, чем мной занялась прокуратура».

«Известно ли вам какие-либо нормативные акты, иные требования, обязывающие торговые компании одновременно и в обязательном порядке осуществлять транспортировку и хранение торгуемой продукции посредством собственных мощностей?» — интересовался Мирошниченко.

«Этот пассаж я впервые услышал из уст прокуратуры во время своего процесса. Ведь никто никогда, чтобы переехать из одного города в другой, не идет покупать железнодорожные пути, локомотивы, вагоны. Идут на вокзал, берут билет и едут. Странно было бы иметь в компании какие-то конкурирующие мощности, которые могли бы составить конкуренцию «Транснефти». Это нонсенс».

«А вы можете объяснить, почему нефть, добытая дочерними добывающими компаниями «ЮКОСа», проходила через некую цепочку продаж, в которой были и ваши торговые фирмы?»

«На тот момент времени, когда я работал генеральным директором, я не задавался этим вопросом... только по материалам уголовного дела я прочитал, что основной целью было снизить налогообложение, чисто для получения налоговых льгот по данным компаниям. «ЮКОС» получал определенные налоговые

льготы в данной ситуации, это, повторюсь, из материалов уголовного дела. Когда я работал, я этого не знал».

«Кем, как формировалась цена нефти, указанная в договорах купли-продажи, которые вы подписывали?»

«Обычно в тех договорах, которые мне предлагались «ЮКОС-РМ», уже стояла цена нефти. Данная цена могла отличаться в ту или иную сторону в очень небольших пределах от тех цен, которые сложились в регионе. Просматривая обзор «Кортеса»¹, можно было легко и просто посмотреть, занижена или завышена цена. В 2002 году «Томскнефть» начала на мой электронный ящик отправлять данные мониторинга цен на нефть по различным регионам, которые делала организация «Комит-инвест». Эти цены брались за основу при заключении договоров в дальнейшем».

«А вам известно, покрывала ли цена затраты добывающего общества на добычу и подготовку нефти?»

«По материалам уголовного дела, которое я изучил достаточно внимательно, я видел, что нефтедобывающие предприятия получали прибыль, она составляла достаточно большие значения. Это не только покрывало расходы нефтедобывающих компаний, но и оставалось на развитие, на решение каких-то своих вопросов».

«Денежные средства по договорам купли-продажи нефти добывающие предприятия полностью получали? Или были случаи неоплаты?»

«Ежемесячно проводилась сверка платежей по тем компаниям, у которых покупалась нефть. Задолженности если и были, то минимальные, в пределах 1-2 процентов от проходивших объемов, и из-за того, что на тот момент времени просто не истекали сроки данных платежей».

«О каких-то фактах недостачи нефти или выручки вам известно?»

«Были факты, мне время от времени приходили сообщения на электронную почту, что нет 10 тонн, 12 тонн в отгруженных цистернах. Но это было при хищениях на железной дороге или от недолива. О других фактах мне ничего неизвестно. Это, наверное, миллионная доля процента по отношению к общим объемам».

«Вам что-нибудь известно о хищении всей нефти добывающих компаний «ЮКОСа» с 98 по 2003 год?»

«Большой бред представить сложно!»

¹ Обзор биржевых цен информационно-аналитического центра «Кортес».

После Мирошниченко к допросу приступил Платон Лебедев: «Что вам известно по налоговым проверкам «Ратибора» и «Энерготрейда» по декабрь 2004 года (момент вашего ареста), были ли какие-то претензии? В нашем сфабрикованном деле мы не нашли претензий налоговых органов к «Ратибору» и «Энерготрейду»».

«Совершенно верно. Претензий не было, я и сам был удивлен, когда увидел налоговые претензии к «ЮКОСу», но не увидел никаких претензий к руководимым мною компаниям».

«А на сегодняшний день вам известно о каких-либо налоговых претензиях к компаниям «Ратибор» и «Энерготрейд»?»

«Насколько мне известно, претензий к данным компаниям не было. Ни один из договоров, которые заключали данные компании, не был оспорен. Насколько я знаю, «Энерготрейд» работала до того момента, пока ее не купила «Роснефть». По-моему, входит в эту структуру и сейчас. Налоговых претензий не было».

Лебедев интересовался, давал ли он когда-либо какие-либо указания Владимиру Малаховскому, как это утверждает обвинительное заключение.

«Никаких указаний от вас или ваших адвокатов я не получал, — ответил Малаховский. — Никогда ранее мы не встречались. Я узнал о вашем существовании, когда вас арестовали в 2003 году. До этого я, к сожалению, не имел чести быть знакомым с вами».

«Наша линия защиты заключается в том, что против нас совершено преступление — фальсификация доказательств! — присоединился к допросу Ходорковский. — В том числе фальсификация судебного процесса в Басманном суде! И сейчас мы выясняем, каким образом было сфальсифицирована ситуация, что заключение сделок происходило против воли собственника. Как вы в этом убедили судью Басманного суда. Правда, в приговоре Басманного суда этого нет. Правильно ли я понял, что вопрос «по воле собственника» или «против воли собственника» тогда так и не выяснялся?»

«Даже не поднимался», — ответил Малаховский.

Владимир Переверзин

31 августа допрашивали Владимира Переверзина. Он был осужден вместе с Малаховским. За то же самое. За хищение всей нефти добывающих компаний «ЮКОСа». Той же самой. Дали 11 лет. Потом срок сократили до 8,5.

В апреле 99-го он был командирован на Кипр в качестве одного из директоров дочерних компаний «ЮКОСа» «Руттенхолд» и «Пронет», которые занимались торговлей нефтью и нефтепродуктами. На Кипре он организовывал работу офиса. На эту должность его пригласил финансовый директор «ЮКОСа» Мишель Сублин. Михаила Ходорковского он тоже увидел в Хамовническом суде.

Счетами компании «Руттенхолд» управляла компания «Петроваль», она же проводила все расчеты.

«А вы сами распоряжались денежными средствами?» — спросил адвокат Мирошниченко.

«Я сам распоряжался только счетом «Руттенхолд» на хозяйственные расходы на Кипре. Я счетами не распоряжался вообще. Счетами распоряжалась «Петроваль». Но это не помешало вкатать мне 174 статью! Человеку, который не распоряжался счетами вообще, который не сделал ни одного платежа!»

«На вас не оказывалось какое-либо давление с целью оговора Михаила Борисовича Ходорковского и Платона Леонидовича Лебедева?» — спросил адвокат Ключвгант.

«Во время следствия на меня оказывалось давление сотрудниками прокуратуры. Мне предлагали оговорить Ходорковского с Лебедевым. Взамен на условный срок. Потому что невиновность моя была очевидна для прокуратуры. Поэтому они, прекрасно зная, что сажают невиновного человека, предлагали мне сказать, что я знаю Ходорковского и получал от него указания, что вся моя работа контролировалась...».

И я живо вспомнила процесс по делу Невзлина.

И историю Василия Алексаняна.

И Светланы Бахминой.

Все, как под копирку...

У прокуроров вопросов к Владимиру Переверзину не нашлось.

И милиционеры вывели его из зала под аплодисменты публики.

Вскоре в суде должен был рассматриваться вопрос о его условно-досрочном освобождении. Ему не суждено было выйти по УДО.

Антонио Вальдес-Гарсиа

Еще одного фигуранта дела Малаховского — Переверзина, испанского гражданина Антонио Вальдес-Гарсиа, бывшего гендиректора еще одной торговой компании «ЮКОСа» ООО «Фаргойл», допросить так и не удалось.

Свою историю он изложил сам в заявлении о преступлении, отправленном на имя генпрокурора Чайки.

Уже из Испании.

К этому заявлению почти нечего добавить. Красноречивее некуда. Разве что романтическую деталь: в России у Вальдес-Гарсия осталась любимая девушка.

И потому он вернулся.

«18 ноября 2003 г я уехал из России, так как против «ЮКОСа» началась масштабная кампания — были арестованы Лебедев П. Л. и Ходорковский М. Б., в офисах происходили обыски и выемки, сотрудники «ЮКОСа» и сотрудничающих с «ЮКОСом» компаний вызывались на допросы, людей запугивали, работать стало невозможно», — писал он в заявлении.

«В период нахождения, в Испании я неоднократно общался по телефону с представителями российской властей — в частности, с Козловским Виктором Анатольевичем из Оперативно-розыскного бюро Министерства внутренних дел РФ. Мне было сообщено, что в России мне предъявлено уголовное обвинение, однако если я добровольно вернусь в Россию и отвечу на вопросы следователей, то мой статус будет изменен на статус свидетеля. Козловский В. А. неоднократно заверял меня, что в случае возвращения в Россию я не буду арестован, что следственные органы знают, что я невиновен.

Я хотел восстановить свое доброе имя и репутацию, так как никаких преступных действий я не совершал и ни в чем не считал себя виноватым, рассчитывал, что могу добиться справедливости, и поэтому, после длительных переговоров, согласился вернуться в Россию.

Я вернулся в Россию из Испании 08 июня 2005 г. Непосредственно у самолета меня встретили представители российских властей, в том числе Козловский В.А. и Юрченко Василий Николаевич (как я узнал позже, у него было звание генерала), и доставили в Генеральную прокуратуру РФ.

В здании прокуратуры я написал заявление, которое содержится в материалах уголовного дела (т. 4, л. д. 57). В этом заявлении я подтвердил, что не считаю себя виновным и добровольно приехал в Россию с целью восстановить свое доброе имя.

Потом меня привели в кабинет к следователю Алышеву В. Н., потом — к следователю Хатыпову Р. А., и затем — к следователю Стрыгину В. А.

В ходе беседы на меня следователями Алышевым, Хатыповым и Стрыгиным оказывалось психологическое давление с це-

лю вынудить меня признать свою вину в хищении денежных средств.

Следователь Стрыгин показал мне постановление от 03 февраля 2005 г. об избрании в отношении меня меры пресечения в виде заключения под стражу, которое было вынесено судом. Мне было сказано, что если я не признаю вину хотя бы частично, на основании уже принятого судебного решения меня отправят в тюрьму.

Мне объяснили, что я должен признать вину в том, что подписывал в период работы компаний, связанных с НК «ЮКОС», документы, не понимая их сути и не вникая в содержание.

Мне также сказали, для того чтобы остаться на свободе, я обязан написать заявление о применении ко мне мер государственной защиты.

Я был шокирован тем, что меня обманули, обещая во всем разобраться, но в действительности, как оказалось, следствию нужно было от меня только «признание вины». Я согласился под психологическим давлением и угрозой лишения свободы признать частично вину и написать требуемое заявление о применении мер государственной защиты. Как потом оказалось, «государственная защита» означала, что я круглосуточно находился под контролем вооруженных охранников и был почти полностью лишен свободы передвижения. <...>

В период с 08 июня 2005 г. и по 05 августа 2005 г. на меня систематически оказывалось психологическое давление и <были> прямые угрозы со стороны Козловского В. А., Юрченко В. Л. и следователя Стрыгина.

Эти лица требовали, чтобы я оговорил руководителей компании «ЮКОС», в частности Лебедева П. Л., Ходорковского М. Б., Невзлина Л. Б. и Брудно М. Л., в том, что мне якобы было известно, что руководители «ЮКОСа» разрабатывали преступные схемы хищения денежных средств нефтедобывающих компаний, и что юридические лица, руководителем которых я являлся в период 2000 — 2003 годов, были частью таких схем.

Принуждение к даче ложных показаний оказывалось на меня как в здании Генеральной прокуратуры РФ, так и на охраняемой территории в Истринском районе Московской области, недалеко от поселка Новопетровское, где я содержался «под государственной защитой» в условиях почти полной изоляции. Козловский В. А. и Юрченко В. Н., каждый по отдельности, периодически приезжали в место моего содержания в Истринском районе и оказывали на меня прямое психологическое давление.

Так, в частности, Козловский В. А. в ответ на мои отказы дать ложные показания против руководителей «ЮКОСа» выражался в мой адрес нецензурной бранью и обещал «сгноить» меня в тюрьме. Юрченко В. Н., в свою очередь, обещал освободить меня от уголовной ответственности, если я дам нужные следствию показания, угрожал, в противном случае, длительным сроком тюремного заключения.

У меня не осталось никаких иллюзий относительно намерений следствия. Было ясно, что следственные органы просто хотят меня использовать против руководителей компании «ЮКОС».

05 августа 2005 г. я сообщил следователю Стрыгину, что если давление на меня не прекратится, то через своего адвоката я сделаю заявление для журналистов о том, что меня фактически лишили свободы, содержат в изоляции, заставили оговорить себя, постоянно угрожают и оказывают давление с целью оговорить руководителей «ЮКОСа».

Через некоторое время после этого разговора со следователем Стрыгиным, на следующий день или через день, на охраняемой территории в Истринском районе Московской области, недалеко от поселка Новопетровское, где я содержался «под государственной зашитой», то есть под постоянным надзором вооруженных сотрудников правоохранительных органов, приехал Козловский В. А. и стал в очередной раз склонять меня дать показания на Ходорковского и других управленцев НК «ЮКОС». Козловский был сильно раздражен, говорил мне, что такие показания дать необходимо, что моя судьба во многом зависит от этих показаний, если я буду упрямым, то уже никто не сможет мне помочь. Козловский говорил очень громко, почти кричал, видя, что ничего не может от меня добиться, стал угрожать физической расправой.

Глядя на Козловского и видя его агрессивное поведение, я действительно почувствовал страх, но при этом я ничего не мог сказать про тех людей, в отношении которых от меня требовали дать показания, я старался отвечать односложно и не смотреть на Козловского, чтобы не вызвать еще большую агрессию с его стороны. Козловский постоянно ходил по комнате, то приближаясь ко мне, то отдаляясь, при этом резко жестикулируя руками, он говорил, что все равно я подпишу нужные ему показания, потому что и не таких, как я, обламывали. Я не выдержал и сказал ему, что при первой возможности расскажу обо всем через своего адвоката журналистам. Тут Козловский буквально взбесился

и закричал, что я неблагодарная скотина, не понимающая хорошего отношения, неожиданно я получил сильный удар в лицо, было ощущение яркой вспышки перед глазами, после чего мое восприятие действительности стало расплывчатым, я потерял сознание, что происходило со мной дальше, я не знаю.

Вследствие тяжелейших травм головного мозга мне очень сложно восстанавливать обстоятельства избиения и пыток.

В сознание я пришел только в палате Истринской городской больницы, под охраной вооруженных людей из «государственной защиты».

Вскоре ко мне в палату пришел Козловский В. А. и сказал, что жалеет, что я не умер.

Как позже я узнал из своей истории болезни, мне были нанесены следующие телесные повреждения: закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, закрытый перелом правой бедренной кости с отрывом большого вертела, открытый двусторонний перелом нижней челюсти: центральной и суставного отростка со смещением, перелом альвеолярного отростка верхней челюсти слева, закрытый оскольчатый внутрисуставный перелом основания ногтевой фаланги 1 пальца левой стопы, множественные ушибленные раны лица, правого коленного сустава, левой стопы. Так же у меня было выбито несколько зубов, а другие были сломаны.

19 августа 2005 г. я безуспешно попытался письменно отказаться от «государственной защиты» и круглосуточного контроля вооруженными людьми, так как опасался, что меня вновь подвергнут пыткам или просто убьют. Мое заявление нашло отражение в протоколе допроса от 19 августа 2005 г., где указано (т. 49, л. д. 138 -141):

«Сегодня, 19 августа 2005 г., я заявляю следствию о моем отказе от государственной защиты. Этот отказ обусловлен целью сохранить свою жизнь для моей еще живой престарелой матери».

Приблизительно в сентябре 2005 г. — через месяц после того, как мне были нанесены указанные травмы, в палату Центральной клинической больницы г. Москвы, куда меня перевели, ко мне опять пришел Козловский В. А. Он предложил мне составить письменное заявление о том, что травмы я получив случайно, при падении из окна. Сказал мне, что им от меня больше ничего не нужно, в обмен на подпись он гарантирует мою безопасность.

Я подписал документ, предложенный мне Козловским В. А. У меня не было другого выхода, я понимал, что, так как «государ-

ственная защита» не была отменена по моему заявлению, то моя жизнь и здоровье подвергаются постоянной угрозе. Я не помню, просил ли Козловский В. А. написать документ собственноручно, либо принес уже составленный документ и сказал мне подписать.

Также из-за опасений за свою жизнь я не стал публично заявлять о принуждении к даче показаний и пытках.

После произошедшего со мной, я мог думать только о том, как в целях собственной безопасности покинуть Россию.

Присутствуя в зале суда на всем протяжении процесса по моему делу в течение 9 месяцев, слушая выступления обвинения и свидетелей, оценки и мнения адвокатов, я окончательно убедился, что справедливое решение суда в отношении меня невозможно.

Всем, за исключением прокурора, было ясно, что никакого хищения нефти и отмыывания денежных средств ни я, ни кто другой из обвиняемых не совершал. Не было приведено ни одного доказательства обратного. Однако по завершении рассмотрения доказательств, в конце декабря 2006 года, прокурор попросил приговорить всех троих обвиняемых, Переверзина, Малаховского и меня, к 11-12 годам лишения свободы в колонии строгого режима. Не веря, что судья примет решение, сильно отличающееся от того, что попросил прокурор (в 99% случаев в России иное не происходит — в итоге это и произошло: суд приговорил Переверзина к 11, а Малаховского к 12 годам лишения свободы), я решил уехать, понимая, что не могу больше рассчитывать на справедливый и беспристрастный приговор суда.

Мне удалось осуществить свое намерение 2 января 2007 г.¹

Я обратился с таким заявлением о преступлении в отношении меня только сейчас, так как на протяжении всего этого времени я думал, что лица, совершившие в отношении меня преступления, оставят меня в покое. Все что, было со мной в России, я старался забыть, как кошмар.

В январе 2009 г. мне стало известно, что в отношении меня в России начат заочный судебный процесс, из чего я сделал вывод, что лица, оказывавшие на меня давление и подвергавшие пыткам, не желают забыть о моем существовании.

¹ Подробности его побега сообщала газета «Коммерсант» в статье «Проворный инвалид»: «Но слушания были сорваны, так как подсудимый Вальдес-Гарсиа на них не явился, а охранявшие его милиционеры сообщили Генпрокуратуре, что он запер их на ключ в собственной квартире и исчез» (Газета «Коммерсантъ» № 2 (3578) от 16.01.2007: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=734216>).

Я готов на территории Испании дать более подробные показания и ответить на любые вопросы представителей российских компетентных органов.

На основании изложенного,
ПРОШУ:

Возбудить уголовное дело в отношении следователей Стрыгина В. А., Алышева В. Н., Хатыпова Р. А. и оперативного сотрудника Козловского В. А., Юрченко В. Н., а также установить других лиц, причастных к фактам принуждения меня как обвиняемого к даче ложных показаний против себя и руководителей компании «ЮКОС» Ходорковского М. Б., Невзлина Л. Б., Лебедева П. Л., Брудно М. Б. и др. с использованием насилия, издевательств и пытки.

Заявление Вальдес-Гарсиа так и осталось без ответа...

Как и все прочие подобные заявления.

Павел Анисимов

26 июля допрашивали главу одной из компаний, признанных потерпевшими, — Павла Анисимова — бывшего управляющего «Самаранефтегаза».

«Как правило, цена на нефть, которая реализовывалась, была чуть выше себестоимости, — рассказывал он. — Ниже себестоимости цена продажи никогда не была, потому что тогда бы штрафовали налоговые инспекции. И плюс оставалась небольшая рентабельность. Остальные же (в большей степени) капитальные вложения приходили из компании «ЮКОС». Особенно в последние годы это были серьезные суммы. В основном они шли на развитие структуры — это разработка новых месторождений, обновление основных фондов».

«Правильно ли я понимаю, что «Самаранефтегаз» всегда получал за поставленную нефть фактически от «ЮКОС-РМ» полное покрытие затрат на производство и подготовку нефти и плюс некоторую прибыль?» — спрашивал адвокат Вадим Клювгант.

«Абсолютно правильно».

«И так было всегда?»

«Всегда».

«А вы можете привести соотношение капитальных затрат и операционных, на которые поступали деньги по договорам на нефть?» — интересовался адвокат.

«Здесь зависело все от периодов. 98, 99 годы были для «ЮКОСа» самыми тяжелыми периодами, когда стало 16-17 долларов за баррель, с ростом цены, естественно, и затраты на добычу нефти увеличивали и капитальные вложения. В 2002, 2003, 2004 го-

дах мы получили больше 3 миллиардов рублей капитальных вложений. Почти в три раза больше, чем операционные затраты».

«Такая система отношений с управляющими компаниями в рамках ВИНК позволяла компании «Самаранефтегаз» развиваться и обеспечивать экономический прирост своей деятельности?»

«Я 35 лет отработал на этом предприятии. Пик у нас был в 84 — 85 годах — 35 миллионов добывал «Куйбышевнефть». И до входа в «ЮКОС» мы упали до 7,5 миллионов тонн добычи. В 2003 году мы добывали уже 12,5 миллионов тонн. Когда началось это уголовное преследование... мы были вынуждены остановить добычу на 3 миллионах тонн по «Самаранефтегаз», просто отключили скважины. В первые годы мы настороженно смотрели на «ЮКОС»... Но такого развития экономического и социального, как при «ЮКОСе», я не помню за все время существования «Куйбышевнефть»-«Самаранефтегаза»».

«Почти на 100 процентов наша нефть уходила на наши три НПЗ. У нас затраты на перекачку самые низкие, потому что заводы находились рядом. На экспорт нашу нефть из-за качества практически не использовали», — рассказывал Анисимов.

«Цены определяла компания «ЮКОС-РМ». А вам было известно, что это не та цена, которая есть на нефть марки Юралс в портах Роттердама и так далее?» — спрашивал адвокат.

«Естественно. Я хорошо узнал об этом, когда сам очутился на их месте, — Павел Анисимов кивнул в сторону «аквариума». — Нам насчитали дополнительные налоги после проверок, хотя за весь период были проверки как региональные, так и на федеральном уровне. Регулярные проверки. Но почему-то потом выяснилось, что мы недоплачивали...»

«А вам известно или было известно, кто-нибудь продает в России нефть в регионах добычи по европейским ценам Юралс?»

«Такого периода не было никогда, всегда цена на внутреннем рынке значительно ниже, чем цена на экспорт».

«А чем это объясняется?»

«Я думаю, в первую очередь это квоты. Никто не мог добывать сколько угодно, отправлять сколько угодно... На экспорт должна быть лицензия на конкретные объемы. Эти лицензии в лучшие времена не превышали 40 процентов объемов добычи».

«Вы сказали, что знаете Михаила Борисовича только с самой лучшей стороны. Что вы имели в виду?» — спросил адвокат.

«Чем открытей, тем он больше уважал людей. Это я знаю и по себе. Потому что были ситуации, когда руководство «ЮКОС-ЭП» отдавали абсолютно для нас непонятные распоряжения. И я прямо из кабинета президента «ЮКОС-ЭП» звонил лично Ходорковскому, и он говорил: «Если это не нужно, не делайте этого». А на праздники, на Новый год, мы собирались с женами, с семьями, я его видел с женой, с детьми, как хорошего семьянина. Он был скромный человек. Ему можно было открыто задавать любые вопросы. И доступный. Всегда можно было позвонить. А если пришел в приемную — сразу управляющих принимал Михаил Борисович...».

И кабинет у него был «в три раза скромнее», чем у руководителей «ЮКОСа» в регионах.

«Ходорковский и Лебедев обвиняются в том, что их организованная преступная группа в течение 1998 — 2003 годы похитила всю нефть, добытую всеми тремя нефтедобывающими компаниями. То есть и компанией «Самаранефтегаз», которую вы возглавляли... Что вы можете сказать по этому поводу?» — интересовался адвокат.

«Если бы я считал, что это действительно своровано, я бы сюда не приехал. Я приехал сюда по собственной инициативе, в надежде на то, чтобы справедливость восторжествовала, чтобы человек не понес наказания за то, чего он не делал!» — отвечал Павел Анисимов.

Леонид Филимонов

27 июля допрашивали еще одного бывшего президента «потерпевшей» компании — Леонида Филимонова, возглавлявшего ВНК. Помните бывшего советского министра и знакомого Евгения Рыбина?

«Те денежные средства, которые перечислялись добывающим предприятиям за проданную нефть, — покрывают ли они затраты на производство?» — спрашивал его адвокат.

«Если говорить про «Томскнефть», в 97 — 98 годах у нас были трудные времена, мы не сшивали практически затраты и доходы...но когда дела стали поправляться в нефтяной отрасли, стала расти цена на нефть, особенно за рубежом, мы стали достаточно обеспеченным объединением, окупаемым».

«То есть после 98 года объединение стало достаточно окупаемым?»

«Да».

«В 97 — 98 годах «Томскнефть» находилась в состоянии банкротства?» — спрашивал адвокат Сайкин.

«Попытки такие были <...> мы с руководством области искали пути выхода, и нас не обанкротили. Когда нас купили, я знаю, что «ЮКОС» помогла закрыть долги по налогам <...> такая помощь была. И банкротство было приостановлено».

Заговорили об обводненности нефти на месторождениях.

««Томскнефть» — 70 — 75 процентов, — отвечал свидетель. — Самая тяжелая по обводненности «Самаранефтегаз», там до 85 процентов, у «Юганскнефтегаза» порядка 45 — 50 процентов. Это было самое свежее у нас месторождение <...> Воду, которую поднимают с нефтью, — так называемая скважинная жидкость — ее надо обязательно обратно закачивать в те же пласты, чтобы нас бог потом не призвал к ответу. Грубейшее нарушение экологии, если эту воду сбрасываем на поверхность. Она уничтожает все живое. Вода обязательно закачивается обратно. Это дорогостоящие технологии».

«Вода, отделяемая от жидкости, проходила ли какую-то обработку, перед тем как закачаться в пласт?»

«Поднятая жидкость состоит из воды, нефти, газа, солей... газ, нефть отбираем, то есть нагреваем, происходит отделение, газ ушел, нефть внизу, вода с солями остается на нижнем этаже. Потом определяем минерализацию воды. И решаем, в какой пласт закачивать».

«Цену согласовывали со мной, когда контракты подписывали, — пояснял Филимонов прокурорам. — Цена была на уровне региона, в котором мы работали, так что никакого ущерба для «Томскнефти» мы не чувствовали».

«Вас самого устраивали те цены, по которым «Томскнефть» продавала продукцию в 98 — 2003 годах?» — спрашивал прокурор.

«Может, мне и не говорили, но я часто ездил по месторождениям. Встречался с людьми... но такого крика, чтобы «обобрали, отобрали» я не слышал. А вот заработала ли бы «Томскнефть» больше самостоятельно — в этом я сомневаюсь. Я понимал прекрасно, что одни мы — «Томскнефть» — не проживем. Рядом такой гигант — «ЛУКОЙЛ» — да он нас задавит! Так что хочешь быть живым — иди в большую компанию. Другого выхода нет».

Тагирзян Гильманов

Через месяц, 26 августа, допрашивали бывшего главу третьей добывающей компании «ЮКОСа» — «Юганскнефтегаза». На

свидетельскую трибуну поднялся Тагирзян Гильманов¹ — бывший генеральный директор «ЮНГ».

«Вы состояли в штате собственно «Юганскнефтегаза» или «ЮКОС-ЭП?» — спрашивал адвокат Мирошниченко.

«Сначала я был в штате «Юганскнефтегаза», когда перешли на единую акцию, — в штате «ЮКОС-ЭП». Тогда должность наша уже называлась управляющие, а институт генеральных директоров был исключен. Как управляющие мы работали по доверенности. Для меня эти перемещения не были принципиальными. Я точно понимал, что моим непосредственным руководителем является президент ЗАО «ЮКОС-ЭП»».

«А у вас не возникало сомнений в целесообразности существования «ЮКОС-ЭП?»»

«Нет. Это было разумно. Это было полезно. Это было эффективно. Потому что была важна концентрация ресурсов в целом по компании. Мы иногда обменивались и материальными ресурсами: были дефицитные позиции, такие как редкие задвижки, лабораторное оборудование. При отсутствии у нас при единой базе данных мы могли получить это из другого региона. И мы также делились с другими регионами. Была единая команда по добыче нефти. А еще кадровые перемещения. Мы изучали опыт и «Самаранефтегаза», и «Томскнефти», и какие-то лучшие практики мы переносили на себя, они действовали таким же образом. Шло поступательное развитие, это давало положительный эффект. Мы ежемесячно собирались и отчитывались все вместе, слушали отчет самарской команды, томской команды... мы понимали какие требования. Потому что иногда возникает такое чувство, что с нас требуют больше, чем с других. Но там мы видели, что равное отношение идет ко всем добывающим подразделениям».

«Покрывались ли затраты на добычу нефти ценами, по которым «Юганскнефтегаз» продавал нефть?» — спрашивал адвокат.

«Безусловно, покрывались, потому что надо было профинансировать все операционные задачи. Это, во-первых, налоги, потом энергетика, заработная плата. Это защищенные статьи. По ним мы платили с максимальной возможностью. Дальше шли материалы, связь, транспорт. Более того, я получал деньги для финансовой составляющей коллективного договора. Это уже исходило из прибыли. Кроме того, я получал очень серьезные деньги

¹ http://www.khodorkovsky.ru/khamovnichesky_court/courtroom_reportings/13600.html.

на капитальное строительство. Десятки миллиардов. Строительство нефтепроводов, площадных объектов, газопроводов. Я получал все необходимые финансовые ресурсы.

Если мы добывали больше нефти, нам дополнительно платили. Если мы не выполняли план — нас урезали. Мы снижали свои операционные затраты, это финансовая дисциплина».

«То есть от реализации нефти «Юганскнефтегаз» в 1998 — 2003 годах получал прибыль?»

«Конечно! Деньги получали, прибыль получали! А как же мы работали?!»

«Известен ли вам термин «скважинная жидкость»? Что он означает?» — «Да, известен. У меня средняя обводненность была на уровне 65 процентов. То есть из каждой тонны добытой жидкости 65 процентов составляет вода. Плюс в каждой тонне поднятой нефти в среднем 68 кубометров попутного нефтяного газа. Безусловно, в таком виде нефть не является товарной, ее надо довести до кондиции.

Термин «скважинная жидкость» был введен, потому что в кризис мы задолжали. Как только мы начали выходить из кризиса, наши кредиторы через суды, приставов поставили вопрос о быстром возврате долгов. И были попытки арестовывать нефть в чистом виде. Я обратился к губернатору, я понимал, что это чревато остановкой всего производства. Приставы заявили 400 тысяч тонн нефти для ареста. Я понимал, что не смогут они ее продать квалифицированно и не получат ни денег, ни налогов. И чтобы нефть не была подвержена аресту, ввели понятие «скважинная жидкость», которая принадлежала «ЮКОСу». Нам поручалось ее оттранспортировать с месторождений до товарных парков, подготовить до кондиции ГОСТов для НПЗ и только после этого мы отгружали эту нефть. Принципиально ничего не менялось, сколько было нефти, столько стало, но собственником скважинной жидкости становилась компания «ЮКОС». У компании «ЮКОС» не было долгов. Мы ушли от рисков арестов, остановки производства и вообще развала. И эта тема обсуждалась во всех органах власти, мы открыто говорили об этом. Мы только обратили внимание на то, что то, что мы добываем, не является товаром — в этом была философия, так сказать».

«Как вы считаете, ценами, по которым продавалась нефть «Юганскнефтегаза», обществу был причинен какой-то ущерб?»

«Цены, конечно, отличались от цен на биржах. Но эта разница совершенно понятна: доставить нефть из Сибири в порт, пройти все процедуры таможенного оформления, прокачку...

эти дополнительные затраты ложились плюсом в цену. Цены нас удовлетворяли. Еще раз повторю — они перекрывали все необходимые затраты. Не было задачи достигнуть максимальной прибыли. Была задача сделать свою работу — добыть безопасно нефть. Дальше работала другая цепочка. Да и сравнивать было не с чем! Биржи нет. Ценового обзора нет. Если бы хотя бы цены обсуждалась на уровне правительства округа — мы бы знали, почему продает «Сургутнефтегаз», «Нижевартовскнефтегаз»... Но цены не обсуждались. Цены были самой закрытой темой в бизнесе, задавать вопросы неэтично. Правительство не регулировало цены и не вело их мониторинг... и наверное, если бы мне не хватало денег, я бы задался вопросом — а почему же другие продают? Но меня цена устраивала».

«Какие-то расходы по экспорту нефти — пошлины, оплата каких-то услуг — «Юганскнефтегаз» нес?»

«Нет. Таких затрат у нас не было. Не было такой статьи расходов. И специалистов не было».

«Для нас состояние психологического, социального климата в регионе было важно. Мы понимали, что как живут наши люди, так они и работают», — говорил свидетель. «Ежегодно подписывалось социально-экономическое соглашение с губернатором округа. Писали, какую конкретно помощь мы оказываем тому или иному региону. Например, до деревни рядом с Приобским месторождением, мы построили линию электропередачи, до этого они жили на дизеле, мы построили фельдшерско-акушерский пункт, пробурили артезианские скважины, оборудовали школу-интернат компьютерами, взяли на себя вопросы детского питания в этой школе. Для этой деревни — хорошие шаги. Более того, мы предоставили рабочие места, до этого там люди занимались только промыслом... местное население — ханты. И они потом работали у нас.

А в обжитых районах...я там с 74 года работал, и мы только в 2001 или 2002 году построили в поселке Пойковский бассейн со спортивным залом, кафетерием ...это, может, здесь звучит незначимо, но для 15-тысячного поселка спорткомплекс с бассейном — это событие! Мы построили аквапарк в городе <...>. Мы каждую школу оборудовали интернет-классом! И мы обучали преподавателей пользоваться этим ресурсом. Это тоже качественный скачок. Интернет уже жил во всем мире, а у нас ничего не было. Мы купили компьютеры... Мы построили большой спортивный комплекс для города, который называется «Олимп», там проводились соревнования областного масштаба уже! Мы в

Ханты-Мансийском районе финансировали в 2002 году социальные проекты на 90 миллионов рублей. Мои дети сами ходят в эту школу, внуки в детский сад... я сам периодически лечусь в этой больнице. И для меня не безразлично, как это выглядит, на каком уровне работает. Мы создали систему телемедицины в нашей больнице.

А ЮКОС-классы? Интернет-классы?! Там дополнительно вели уроки математики, психологии. Школьный бюджет не позволял, а мы финансировали это обучение, и 80 процентов детей из ЮКОС-классов поступали в вузы. Был конкурс, чтобы попасть в эти классы. Это была мотивация учиться лучше! И сейчас эти классы работают! Правда, они теперь называются «Роснефть-классы», но от этого смысл не меняется!»

И сделала это компания, у которой украли всю продукцию...

«За счет каких средств эти расходы осуществлялись?» — интересовался адвокат.

«Эти расходы шли не из бюджета нашего предприятия. Это шло с уровня холдинга».

От грабителя то есть...

Не просили ли его сделать что-либо незаконное, интересовался адвокат. «Не было ли принуждения, давления?»

«На земле места много, — отвечал свидетель. — И найти работу нефтянику, который знает свое дело, — не проблема. Если бы существовала такая система или даже намеки на эту тему, — поднялся бы, поблагодарил за работу и ушел. Если я проработал до 2007 года — значит, предложений такого плана не было»,

«И вам ничего не известно о хищении всей нефти у добывающих предприятий?» — спрашивал адвокат.

«С физической точки зрения это НЕвозможно! Если это предполагается за счет разницы цен — это тоже неправильно, потому что цены были такими, какими они должны были быть для нефтедобывающих предприятий: покрывать затраты, создавать прибыль, необходимую для покрытия социального пакета, формировать и финансировать капитальные вложения. Для всего остального центром прибыли был холдинг. Это нас устраивало. Мы понимали, что развитие компании возможно при концентрации и очень высокой эффективности работы. Я не могу сказать, что у меня взяли нефть и мне не дали деньги. Деньги поступали регулярно, в полном объеме. Я добыл — я передал. Мне деньги за мой труд отдали. У нас каждый год поднималась зарплата, перекрывая инфляцию. Мы собирали информацию по зар-

плате в других регионах — Нижневартовск, Сургут. И мы не хотели быть последними. Для нас это тоже было вопросом чести. Мы поставили себе задачу — чтобы зарплата работника должна быть выше тысячи долларов, и мы этого добились! Я не могу говорить, что у меня каким-то образом похищали нефть. Я считаю эту ситуацию ненормальной. Что-то такое придуманное, непонятно для чего. Это невозможно! Нельзя украсть такую партию нефти! Нельзя ее взять и не рассчитаться, потому что тут же встает производство. Это ЧП! Да и город тоже независим и может показать характер, если его не будут финансировать. Такого не было! И стабильность в городе была важна. Значит, своевременно зарплата, своевременно налоги. Это была одна из задач.

«Вы, когда давали показания, говорили, что были дискуссии с налоговыми органами... какие-то вопросы решались в нашу пользу, с какими-то вопросами шли в арбитражный суд, где-то выигрывали, где-то проигрывали... в данном случае разбирается вопрос о том, была ли нефть, добытая «Юганскнефтегазом», продана или она была у «Юганскнефтегаза» похищена, я прошу вас уточнить и припомнить в рамках разбирательств — ставился ли вопрос о том, что нефть у «Юганскнефтегаза» похищена, и значит, он не должен платить налогов с похищенного, или суды принимали решения, что нефть была реализована, а значит, «Юганскнефтегаз» должен платить налоги?» — спросил свидетеля Ходорковский.

«Было возбуждено уголовное дело в отношении меня, что «Юганскнефтегаз» не платил налоги. Обвинение было построено на теме, что вся нефть продана, за всю нефть мы заплатили налоги, разница только в том, по какой цене продали. И говорить, что нефть... Нефть невозможно потерять! Или она на земле разлита, это авария, или она откачана в трубу! Я тогда задал вопросы в рамках следствия: «Вся нефть была откачана, которую мы добыли?» — «Да, вся нефть». — «Что сегодня?» — «Вы продавали по низкой цене. И вы закладывали изначально в налогооблагаемую базу эти низкие показатели». Речь не идет о потере нефти, о том, что что-то было не откачано. На вопрос мой в суде и на следствии, по какой же цене надо было продавать, я ответа не получил. «А что вы считаете по «маленькой или большой» цене?». Мне показали список, сотрудник МВД провел исследование, там были указаны 12 предприятий с разными ценами. Мы стояли где-то четвертые или пятые. Были с низшей ценой, были с высшей ценой. Расхождения были несущественные. Была цена

ОЧЕНЬ высокая одна. Я спросил — а это что за аномальная цена, они что, из озера качали ее? Оказалась совсем небольшая партия (1 миллион тонн), и вся нефть шла за рубеж. Компании всю нефть за рубеж не удастся продать. Эта компания продавала ВСЕ за рубеж и показывала эту цену. Я спросил: «А зачем же вы тогда вписываете эту цену? То есть сложили двенадцать цен — получили средневзвешенную по региону. Но так же нельзя. Вы возьмите мои 50 миллионов, возьмите этот миллион — и давайте пропорционально средней цене выведем!» — «Нет». Аргументации не последовало. Это исследование легло в основу. Информацию им эту выдали в МВД, даже с грифом «конфиденциально». А как я, будучи руководителем предприятия, мог узнать о ценах предприятий вообще? Это все равно, как если я бы спрашивал: «А сколько вы зарабатываете на моей должности в другом регионе?». Так никто не делает! Поэтому я отвечаю: нам платили за нефть столько, что нам хватало на покрытие всех затрат, для развития, для обеспечения социального пакета нашего предприятия. И говорить, что эта цена низкая и таким образом я занижал налогооблагаемую базу, я не могу. Нельзя меня признать человеком, сознательно занижавшим цену! Я поэтому не признал себя виновным. Но был осужден... Да, следствие признало, что всю нефть у меня купили. И нам этой цены хватало. А центром прибыли был холдинг, и нас это тоже устраивало, потому что инвестирование мы именно из него получали!».

Михаил Ходорковский поблагодарил свидетеля, у него больше не было вопросов.

«А налоговые органы знали, что вы платили налог с прибыли?» — спросил Платон Лебедев.

«Ну конечно! А как не платить, если он начислен».

«Вас Михаил Ходорковский устраивал как руководитель?» — спрашивал прокурор Лахтин.

«Устраивал. Он пришел в 97 году и сказал: чтобы вы не имели соблазна заниматься левыми делами, сидя на активах, я повышу вам зарплату. И мне и моим заместителям платили достойную зарплату. Ходорковский был доступен. У меня были с ним регулярные рабочие встречи. Я не помню случая, когда я попросил о встрече, а мне отказали. Я ни разу не помню, чтобы он повысил голос! Или был как-то нетактичен! Если Михаил Борисович приезжал в бригаду, это было событие! И люди задавали неудобные вопросы. Про зарплату, оборудование, школы... и если получали ответ, то точно знали, что это будет сделано!».

23 августа показания начал давать Платон Лебедев.

«Добро пожаловать в большой мир международного бизнеса», — начал Платон Леонидович.

И стал рассуждать об отношениях бизнеса и власти и рисках для того и другого: «В нашем случае, то есть в деле «ЮКОСа», когда власть и ее кукловоды на роль «арбитра» пригласила «бирюковых и каримовых», то есть использовала «тупую силу, безразличную к закону» (термин МБХ), то это наихудший вариант для разрешения любых, как потенциальных, так и реальных конфликтов между бизнесом и властью...»

«Очевидно, что, согласно теории «эффекта домино», многие виды потенциальных рисков для властей в деле «ЮКОСа» теперь будут мультиплицироваться (и достаточно быстро) в реальные и достаточно острые конфликты. Это классика.

Кстати, согласно этой же теории, «потерпевшими» от этого конфликта (рано или поздно) обязательно будут «бирюковы и каримовы» (см. историю — Менжинский, Ягода, Ежов, Абакумов, Берия и так далее)».

По мере моего погружения в дело «ЮКОСа» мое отношение к нему менялось. Наконец, когда четырехгигабайтная флэшка была полностью забита досконально проштудированной информацией, я совершенно ясно поняла, что позиция Платона Лебедева с его постоянными обвинениями прокуроров в фальсификации дела и безуспешными попытками возбудить дело против обвинителей и является наиболее адекватной.

Он просто правду говорит.

Так, как есть.

«Общеизвестно, — продолжил Лебедев, — что основным удар властями был нанесен в отношении основного владельца «ЮКОСа» — международной инвестиционной холдинговой компании «Group MENATEP Ltd.» (далее — «GML») и ее акционеров, у которых незаконным образом в нарушение ст. 45 Энергетической хартии было просто украдено (или экспроприировано) ее имущество, а сама компания — уничтожена.

Теперь, после того как в ноябре 2009 года Международный трибунал в Гааге на основании норм Комиссии ООН по международному торговому праву признал приемлемость иска структур «GML» к РФ для рассмотрения именно в рамках ст. 45 Энергетической хартии, угрозы взыскания с РФ минимум \$30 милли-

ардов (максимум — до \$100 миллиардов) приобрели реальные очертания».

И Платон Леонидович перешел к рассказу об истории создания «Груп МЕНАТЕП». В 1997 году Михаил Ходорковский предложил ему войти в число акционеров.

«Я согласился, для меня это была большая честь, — вспоминал Платон Лебедев. — Поясню суду, почему для меня это была большая честь. Когда умный и талантливый бизнесмен, которым безусловно был Михаил Борисович Ходорковский, обладающий гениальными способностями в разных сферах управления, как на макро-, так и на микроуровне, делает Вам предложение стать его партнером в бизнесе, это является, в какой-то мере, и его оценкой Ваших способностей».

Местом регистрации для холдинга был избран Гибралтар как территория со стабильной судебной системой, благоприятным налоговым режимом и минимальными рисками.

«В сентябре 1997 года мы обратились к иностранной аудиторско-консалтинговой компании «Chrysanthou & Christoforou», с которой я до этого имел деловые отношения, купить и продать нам зарегистрированную на Гибралтаре частную международную компанию, отвечающую нашим целям, что и было ими сделано, — рассказывал Платон Лебедев. — Кипрская компания «Chrysanthou & Christoforou» купила для нас действующую компанию «Flaymon Limited», зарегистрированную на Гибралтаре 5 сентября 1997 года».

Компания «Flaymon Limited» была переименована в «Group MENATEP Limited», «что более точно соответствовало ее фирменному стилю».

«Управление рисками в «GML» представляет из себя систему корпоративных процедур и решений, позволяющих минимизировать (или исключать) риски для бизнеса (юридические, политические, финансовые, налоговые, кредитные, коммерческие, таможенные, ценовые, валютные и т.д. и т.п.). Многие из этих процедур являются интеллектуальными продуктами (своего рода «ноу-хау») и относятся к коммерческой тайне GML.

Но одним из таких «ноу-хау» я поделюсь «безвозмездно» с судом, тем более что это поможет вскрыть факты фальсификации обвинения в т. н. «легализации».

Я полагаю, что является общеизвестным фактом такое явление в большом международном бизнесе, как недобросовестная конкуренция, иногда переходящая в различного рода провокации, шантаж, в которых недобросовестными конкурентами

(или просто недоброжелателями) задействуются недобросовестные или просто коррумпированные представители правоохранительных органов и даже спецслужб различных государств для фабрикации уголовных дел, поскольку сам масштаб любого большого международного бизнеса приводит к громадному перетоку финансовых средств и капиталов между различными странами.

Поскольку глобальные перетоки финансов, осуществляемые международными корпорациями, затрагивают финансовые, налоговые и другие интересы многих стран, естественно, что органы финансового, фискального и банковского надзора этих стран внимательно следят за тем, чтобы при осуществлении транснациональных финансовых транзакций международных корпораций соблюдались как национальные, так и международные требования и правила.

«Особое внимание при этом уделяется предотвращению легализации денежных средств, — продолжил Лебедев. — Используемый в мире термин «money laundering» «отмывание денежных средств»... к сожалению, в нашем законодательстве есть маленький порок. У нас в уголовном праве к слову «легализация» забыли прибавить прилагательное «незаконная», поэтому у многих правоприменителей иногда крыша едет. Объясню — если человек заключил договор, а потом идет и регистрирует право на недвижимость по этому договору, это и есть легализация. Но это ЗАКОННАЯ легализация, потому что именно такая форма предусмотрена законом. У нас некоторые товарищи между законной и незаконной легализацией разницы не видят!»

«Для любой международной корпорации подозрения властей в «money laundering» (то есть отмывании денег) превращаются в своего рода «черную метку» от всех участников элитарного финансового рынка, с ней немедленно прекращают любые коммерческие сделки, ее средства в банках фактически замораживаются, что в итоге приводит к непредсказуемым последствиям.

«Money laundering» — во всем мире в первую очередь воспринимается как отмывание преступных доходов, полученных от незаконной торговли оружием, от наркоторговли, проституции и иных так называемых «раковых опухолей».

Ведущие страны мира, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [кстати, к сожалению, РФ не является членом ОЭСР] выработали специальные правила и рекомендации по противодействию «money laundering».

Для этих целей была создана специальная организация FATF (The Financial Action Task Force on Money Laundering) — Международная группа по противодействию отмыванию денежных средств — для оказания содействия многим странам в борьбе с этим злом, и действующая достаточно успешно. <...>

Вместе с тем, я как бывший банкир имею непосредственное представление о работе FATF и проблеме с «money laundering», в том числе для РФ, поскольку в 90-х годах был приглашен экспертами FATF и сотрудниками российских властей для различных консультаций и подготовки предложений по созданию российского законодательства по противодействию «отмыванию».

Безусловно, имея в этой сфере определенный опыт и знания, я их использовал при управлении «GML» с целью исключения возможных рисков для холдинга от всякого рода провокаций в области «money laundering».

Естественно, что рисками такого рода возможных провокаций нельзя было пренебречь, поэтому для исключения и минимизации таких рисков для «GML» была создана многоуровневая холдинговая структура, в которой каждый отдельный элемент (бизнес-единица) занимался строго определенной, прозрачной и понятной для банков и их финансовых контролеров деятельностью.

Поясню суду, что под этим подразумевается.

Например, «GML» — как материнская компания всего холдинга — занималась исключительно инвестиционной деятельностью только через 100-процентные дочерние компании, список которых приведен в т. 36 л. д. 18-31. Таким образом, единственным источником доходов «GML» как материнской компании, как правило, являлись дивиденды от 100-процентных дочерних компаний (или доходы в виде процентов по субординированным займам, предоставляемым «GML» этим же 100-процентным «дочкам»).

Никакие иные поступления на счета «GML» в банках зачисляться не могли. Кроме того, с банками, в качестве дополнительной защиты от возможных провокаций, был согласован специальный режим счета «GML», исключающий зачисление на счета «GML» любых денежных средств от третьих лиц, кроме 100-процентных дочерних компаний «GML». Такая мера исключала риски зачисления «сомнительных» денежных средств на счета «GML» от «подозрительных» фирм или лиц, которые могли использоваться для осуществления провокаций против «GML».

Ваша честь, может быть, вы смотрели фильмы или читали книги, как недобросовестные представители спецслужб занима-

ются различными манипуляциями, чтобы опорочить добросовестных граждан или компании. Именно таким способом. От сомнительных третьих лиц на счета этих граждан или компаний зачисляются сомнительные (грязные) суммы. Относительно счетов «GML» это было исключено».

«Далее, например, «Yukos Universal Ltd.» — 100% дочерняя компания «GML», директором которой также был я, являлась, в свою очередь, холдинговой структурой 2-го уровня, специализирующейся только на управлении и распоряжении контрольным пакетом акций «ЮКОСа» (в том числе через «Hulley Enterprises Ltd.»), и в своей бизнес-деятельности использовала аналогичные приемы «risk management».

Таким образом, на счета «Yukos Universal Ltd.» в банках могли зачисляться только доходы от продажи акций «ЮКОСа», а также дивиденды по акциям «ЮКОСа» или по акциям «Hulley Enterprises Ltd.». Аналогичным, как и в случае с «GML», образом с банками был также согласован специальный режим счета «Yukos Universal Ltd.», исключающий возможность зачисления денежных средств от третьих лиц по иному рода сделкам».

«Групп МЕНАТЕП» владеет 100 процентами компании «ЮКОС Юниверсал Лимитед», которая в свою очередь владеет 100 процентами акций «Халлей Энтепрайзис Лимитед», а вместе они владеют контрольным пакетом акций НК «ЮКОС». <...> на счета «ЮКОС Юниверсал Лимитед», «Халлей Энтепрайзис Лимитед» из компании «ЮКОС» могли приходиться только дивиденды. С международного рынка на счета «ЮКОС Юниверсал Лимитед», «Халлей Энтепрайзис Лимитед» могли приходиться только денежные средства от продажи принадлежащих им пакетов акций «ЮКОСа».

Наши оппоненты сочинили версию, что «ЮКОС Юниверсал» и «Халлей Энтепрайзис» занимались торговлей нефтью и нефтепродуктами, потому что им же надо было как-то объяснить, чем же занимался ваш покорный слуга Лебедев, откуда же у него было столько денег, естественно, он же должен был вот здесь где-то размещать «похищенную выручку от реализации нефти и нефтепродуктов!»

«Прежде чем говорить о какой-либо легализации, нашим высокоученым в этом вопросе оппонентам хотя бы надо было представлять, сколько уровней им надо было пробивать, чтобы сочинить сказку о том, что какие-то реальные деньги попали на счета «Групп МЕНАТЕП»! Кстати, Ваша честь, были попытки провокаций, но они были на шестом и пятом уровнях, и то не в Рос-

сийской Федерации... когда на счета иностранных компаний, контролируемых «МЕНАТЕП Эс А» или иными структурами «Групп МЕНАТЕП», некоторые товарищи пытались зачислить так называемые грязные деньги. Но я всегда уверен был в том, что эти деньги не зачислят, и в том, что мой банк мне всегда расскажет, откуда эти грязные деньги пришли. Чтобы узнать, кто решил пошалить и испортить репутацию».

«Мне известно, что «противоправность» при «хищении», в первую очередь, заключается в изъятии имущества против воли собственника, — говорил Лебедев. — Мне достоверно известно, что волю собственника нефти — дочерних нефтедобывающих обществ «ЮКОСа» — определял их исполнительный орган ЗАО «ЮКОС-ЭП».

Президентом ЗАО «ЮКОС-ЭП» являлся Бейлин Юрий Аркадьевич. Председателем Совета директоров ЗАО «ЮКОС-ЭП» являлся Ходорковский Михаил Борисович.

Мне также достоверно известно, что единственным акционером (до 2000 года — основным, более чем на 90%) нефтедобывающих обществ была компания «ЮКОС», а Ходорковский М. Б. был законным представителем этого единственного (основного) акционера.

Мне достоверно известно, что только эти органы управления — исполнительный орган, Совет директоров (до 2000 года) и собрание акционеров — и никто другой (ни прокуроры, ни следователи), были вправе выражать волю дочерних нефтедобывающих обществ и определять (одобрять) экономическую целесообразность и обоснованность принимаемых решений и оценивать их эффективность»¹.

«Меня что, серьезно хотят убедить в абсурде, что Бейлин и Ходорковский действовали не по своей воле? — спрашивал Платон Леонидович. — Ваша честь, мне известен ГК РФ. Мне известно, что волю общества выражают органы управления обществом. Именно через органы управления реализуются гражданские права общества. Максима очень простая: если у общества нет органов управления, то некому выражать волю. Иных органов управления я не знаю. Но тогда об этом необходимо было указать в заведомо ложном обвинении с указанием лица, который их заставил (то есть Ходорковского и Лебедева) действовать против воли, и привести соответствующие доказательства...»

¹ <http://www.khodorkovsky.ru/lebedev/testimony/13609.html>

«Мне известно, что аудиторские заключения, подтверждающие достоверность финансовой (бухгалтерской) отчетности так называемых «потерпевших», например, «Юганскнефтегаза», выдавал независимый аудитор — ЗАО «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит». Эта аудированная финансовая отчетность подтверждает возмездный характер сделок, получение выручки и прибыли от продажи нефти.

Эти аудиторские заключения ЗАО «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит» действительны до сегодняшнего дня, они никогда не отзывались, о чем мне достоверно известно, что является очевидным проколом фальсификаторов заведомо ложного обвинения в «безвозмездном изъятии» нефти.

«Вам, Ваша честь, известно, что практически все активы «ЮКОСа» принадлежат «Роснефти», в том числе и «Юганскнефтегаз», — говорил Лебедев. — Если государственное обвинение считает, что у «Юганскнефтегаза» и других предприятий, которые теперь принадлежат «Роснефти», произошло хищение 350 миллионов тонн нефти, то тогда «Юганскнефтегаз», «Томскнефть» и «Самаранефтегаз» были обязаны полностью реформировать финансовую отчетность за все эти периоды. С публичной отчетностью «Роснефти» (куда включаются показатели добывающих предприятий, которые ранее принадлежали «ЮКОСу») я знаком подробно, в том числе и за 2009 год. Там этого нет! Ни в отчетности по международным стандартам, а эту отчетность для «Роснефти» теперь аудирует «Эрнст энд Янг», этого нет и в отчетности по российским стандартам. Очевидно, Ваша честь, что кто-то кого-то обманывает. Или «Роснефть» вместе со своими аудиторами, или наши оппоненты. Подчеркиваю Акции «Роснефти» — это так называемые публичные фишки, которые торгуются как в Российской Федерации, так и за ее пределами. Интересно, кто до настоящего времени кого обманывает. А мне поверить в то, что «Роснефть» не знает, какое нам предъявлено обвинение, достаточно сложно, тем более что есть всем известный факт, что повестка направлена Богданчикову, чтобы тот явился в суд!».

«Итак, что же есть у господина Богданчикова в отчетности, которая пока никем не реформирована?» — предложил Лебедев посмотреть следующий файл: «Бухгалтерский баланс «Юганскнефтегаза» за 2004 года». В графе «накопленная нераспределенная чистая прибыль» по состоянию на конец 2003 года было указано более 12 миллиардов, на конец 2004 года уже 58 миллиардов. «Эти цифры, Ваша честь, объясняют, почему и ради чего состоялось банкротство «ЮКОСа». Эти же цифры, Ваша честь,

приведены в отчетности Юганскнефтегаза за 2004 год в «Отчете об изменении капитала». Здесь те же самые показатели приведены. Чуть забегаю вперед — эту отчетность подписал генеральный директор «Юганскнефтегаза» господин Бульба в марте 2005 года. Эта отчетность сдана во все государственные органы и никогда не отзывалась. Она заверена аудиторами «Юганскнефтегаза» компанией «Прайсвотерхаус». И самое главное — март 2005 года, владельцем «Юганскнефтегаза» является наш основной так называемый потерпевший «Роснефть», таким образом, это не отчетность Ходорковского, это отчетность Сечина и Богданчикова! Документы о назначении Бульбы генеральным директором «Юганскнефтегаза» Богданчиковым вам, Ваша честь, уже оглашались».

«Вам наши оппоненты (Лахтин и Смирнов) заявили, что они знают, где МЕСТО преступления — коммерческий узел учета. Если предположить, что это правда (я сейчас не говорю о том, что это фантастика и ложь), — как же они утверждают, что далее эта похищенная нефть самими потерпевшими реализовывалась на экспорт? Они что, ее обратно у меня с Ходорковским похитили и пошли продавать в Роттердам?»

«Если к этому добавить, что у «потерпевших» в результате так называемого «хищения» образовывалась и накапливалась многомиллиардная прибыль [что подтвердил в постановлении от 27.03.2008 «генерал» Ковраев С. Б.], то становится очевидным, что в действительности речь идет об очередной попытке вымогательства, то есть уголовного преступления (ст. 163 УК РФ), в котором СК при прокуратуре РФ, вместе с зависимыми судами, используются в качестве инструмента для дальнейшего разворовывания и причинения максимального ущерба всем, имеющим хоть какое-либо отношение к «ЮКОСу», в том числе для создания «противовеса» искам в Гааге, Страсбурге и других судах».

Лебедев попросил том дела с решением Арбитражного суда Москвы от 23 декабря 2004 года. «Суд считает, что отсутствует какая-либо экономическая целесообразность покупки ОАО «НК «ЮКОС»» нефти у организации, зарегистрированной на территории с льготным режимом налогообложения, при наличии возможности покупать нефть существенно дешевле у дочерней нефтедобывающей компании», — прочитал Лебедев. — «<...>Итак, Ваша честь, арбитражный суд считает (и это вступило в законную силу), что, оказывается, нефть можно было покупать «ЮКОСу» напрямую у добывающих предприятий дешевле, чем покупку этой нефти осуществляли трейдеры. С другой стороны, Ваша честь, наши оппоненты утверждают, что трейдеры покупа-

ли нефть у добывающих предприятий по ценам, МНОГОКРАТНО заниженным по сравнению с реальными мировыми рыночными ценами! Я каждый раз, Ваша честь, обращаю внимание на раздвоение сознания. Для каких тогда целей вступивший в законную силу судебный акт приобщается к делу?! Чтобы доказать, что они сфабриковали заведомо ложное обвинение?! Это следует из данного судебного решения напрямую!»

Платон Лебедев давал показания девять дней и закончил десятого сентября. 13-го начал отвечать на вопросы защиты.

«На самом деле является ложью утверждение Лахтина и его коллег о том, что «наше дело очень сложное», — говорил он. — Наоборот! Наше дело очень легкое! Просто поскольку нет самого события преступления (хищения нефти в объеме 350 миллионов тонн), нам в обвинительное заключение понапихали различного рода ложных и шизофренических оценок разных обстоятельств деятельности «ЮКОСа», которые формально вообще не имеют никакого отношения к хищению 350 миллионов тонн нефти.<...>

Основная задача наших оппонентов — замучить общественность различного рода невежественными оценками различных фактов хозяйственной деятельности компании «ЮКОС». Поскольку они ни одному свидетелю вопросов про хищение нефти не задают! Спрашивают: как вы покупали нефть? по каким ценам? как продавали? какая зарплата была, на каком этаже с кем курили и почему не помнят фамилию того, с кем курили?... к предмету хищения это не имеет вообще никакого отношения. Поэтому по предмету хищения сначала надо установить, в каком месте это произошло. И произошло ли вообще. Места нет! Способа нет! Время указано размыто (с 98 по 2003 год). Вот и все, что мы знаем о событии преступления! <...>

Проблема заключается в том, что вот этим вот набором заведомо ложных утверждений по иным фактам хозяйственной деятельности, смешавши все в одну кучу, пытаются скрыть отсутствие каких-либо оснований, доказательств самого факта хищения нефти».

16-го к допросу Лебедева приступил прокурор Лахтин. Хищение нефти почему-то не интересовало его ни в малейшей степени, как и во всех остальных случаях.

Вопросы касались мелких деталей приватизации «ЮКОСа», которая подсудимым не инкриминировалась вообще. И была 15 лет назад. Все сроки давности прошли.

Потом прокурор спросил, выплачивал ли дивиденды банк «МЕНАТЕП» начиная с 95 года вплоть до банкротства, и сколько именно было выплачено.

А потом заинтересовался собственно банкротством банка.

Потом тем, как Платон Лебедев стал акционером «Груп МЕНАТЕП».

«Мы, собственно, когда перейдем к НАШЕМУ обвинению?!» — наконец, не выдержал судья.

Но Лахтин не внял и продолжил про приватизацию.

«О хищении нефти бы поговорить...» — мечтательно произнес Платон Лебедев.

Но прокурор занялся выяснением списка бенефициарных владельцев компаний «Саус Петролеум», «Балтик Петролеум» и «Белес Петролеум», через которые «ЮКОС» торговал нефтью до 2000 года. То есть тоже практически за рамками срока давности. Ни Платон Лебедев, ни Михаил Ходорковский в этом списке не значились.

Потом речь зашла о приватизации ВНК.

И об истории взаимоотношений с Кеннетом Дартом.

Потом об оценке акций «ЮКОСа» и дочерних компаний ВНК для обмена.

И Лахтин перешел к уточнению адресов, по которым проводились встречи акционеров «Груп МЕНАТЕП» и менеджеров «ЮКОСа».

И расположению залов в «замке «ЮКОСа»» на Колпачном переулке.

«Может, санитаров вызвать? — предложил Лебедев. — И прекратим это все? А то может, люди, которые ему вопросы присылают, издеваются?»

Мечта Платона Леонидовича так и не исполнилась: о нефти и ее хищении речь так и не зашла. Напоследок Лахтин еще раз спросил про Дарта и заявил, что вопросы у него закончились.

«Валерий Лахтин сделал вид, что допросил Платона Лебедева», — прокомментировали на сайте пресс-центра адвокатов Ходорковского.

АДВОКАТСКИЕ ОПРОСЫ И ПРЕНИЯ

Весь сентябрь адвокаты пытались приобщить к делу опросы свидетелей, сделанные ими за границей: и эмигрировавших бывших сотрудников «ЮКОСа», и иностранных граждан.

Все их собеседники в один голос говорили об абсурдности обвинений: от бывшего финансового директора ОАО «НК ЮКОС» Брюса Мизамора до бывшего главы Казначейства ООО «ЮКОС-Москва» Андрея Леоновича, от бывших иностранных членов совета директоров «ЮКОСа» Бернара Лозе и Сары Кэрри до бывшего врага — когда-то представителя компаний Кеннета Дарта — Майкла Хантера.

Суд отказал защите.

Адвокатские опросы не были признаны доказательствами.

Ни один.

Ну, они же могут приехать в Россию и сами выступить в суде, лицемерили прокуроры.

Но разделить судьбу Антонио Вальдес-Гарсия не пожелал никто.

Двадцать девятого сентября Виктор Данилкин объявил судебное следствие законченным и предоставил две недели на подготовку к прениям. «Посмотрим, на какое число... — задумчиво произнес он, изучая календарь. — 13-е — нехороший день... давайте на 14-е число. Итак, прения начнутся 14 октября».

Выступление прокуроров в прениях сводилось в основном к пересказу обвинительного заключения и подгонке под него показаний свидетелей путем переворачивания с ног на голову.

«Свидетель Греф обосновал противоправность применения трансфертных цен», — читал прокурор Лахтин, хотя Герман Греф заявлял прямо противоположное.

Я даже не поленился перепроверить еще раз:

«Что касается практики, то трансфертное ценообразование — это вообще большая проблема, — на самом деле сказал Герман Греф в ответ на вопрос Ходорковского о трансфертном ценообразовании в «Газпроме». — У нас обычная проблема заключалась в том, что при трансфертном ценообразовании активы, у которых приобретались (как правило, дочерние независимые компании) нефть или газ, они являлись центром издержек. Значит, прибыль выводилась куда-то. Если говорить о стопроцентно вертикально-интегрированных компаниях, то и в конце концов налогообложение происходило в центрах прибыли, это не были офшорные зоны, как это обычно (то есть у нас все выводилось во внутренние офшоры, оттуда во внешние, и тогда фактически мы не получали налогов. Это была огромная проблема)».

То есть проблема большая, но обычная. И с налогами, а не противоправностью. А для стопроцентных ВИНК, вроде «ЮКОСа», вообще проблемой не была.

А в аналитической записке Германа Грефа правительству в декабре 2000 года, когда господин Греф еще мог позволить себе быть смелее, сказано:

«Использование нефтяными компаниями внутрикорпоративных цен не противоречит законодательству и по своей сути является механизмом, с помощью которого головной компанией осуществляется финансовое управление деятельностью подконтрольных ей организаций, а также концентрируются финансовые ресурсы для реализации общекорпоративной стратегии, в том числе и в целях проведения собственной инвестиционной политики».

Но прокуроры проигнорировали аналитическую записку.

На седьмой день прокурорских чтений выяснилось, что даже Касьянов давал показания в пользу обвинения.

«Утверждения Касьянова о том, что Ходорковский и Лебедев были арестованы по политически мотивированным основаниям, являются ложными и опровергаются его же собственными показаниями, в соответствии с которыми президент Путин отказывался обсуждать с ним арест подсудимых и сообщил ему, что «это — дело прокуратуры!»», — зачитали прокуроры под смех зала.

«Касьянов заявил, что правительство РФ под его руководством с 2001 по 2003 годы боролось за отмену зон с льготным налогообложением, которые снижали уровень налогообложения, в том числе и нефтяным компаниям», — провозгласили обвинители.

А тот факт, что бывший премьер боролся за это путем реформирования законодательства, упомянуть забыли.

Были и принципиальные отличия.

Дело в том, что в ОЗ в качестве похищенной нефти была посчитана и вода, которую добыли в составе скважинной жидкости, а потом закачали обратно в пласт, чтобы избежать падения давления. В результате количество «нефти», которую похитили Ходорковский и Лебедев, превышало количество добытой нефти более чем на сто миллионов тонн.

Сначала это мелкое несоответствие нимало не смущало господ прокуроров, но в прениях они вдруг решили его исправить и уменьшили тоннаж похищенного как раз на массу воды. Впрочем, причину уменьшения тоннажа они объяснить забыли, а потому на сей счет существуют и другие версии. Например, Михаил Борисович счел, что они исключили из похищенного объем нефти, не поставленной на экспорт. То есть та нефть, которая шла на экспорт, она похищалась, а та, которая оставалась в России — нет.

«Всего с 1998 по 2003 год Ходорковский, Лебедев и другие члены организованной группы совершили хищение у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза», «Томскнефти» 218 миллионов 749 тысяч 527 тонн нефти на сумму 824 миллиардов 105 миллионов 480 тысяч 453 рубля», — зачитал прокурор Лахтин.

А в ОЗ было 350 миллионов тонн.

На 132 миллиона тонн больше.

Но это было временным отступлением прокуроров. К концу года эта вода снова благополучно превратится в нефть и будет закачана в приговор¹.

Было и еще одно новшество.

«Ходорковскому и Лебедеву не вменялось, что они должны были продавать нефть на внутреннем рынке по ценам Роттердама. Им вменено присвоение нефти добывающих предприятий «ЮКОСа» путем оформления ее в собственность подконтрольных компаний по заниженным ценам», — заявили прокуроры, но по сравнению, с чем цены занижены, не уточнили.

Показания обвиняемых господа прокуроры скопом сочли несоответствующими действительности, но своей позиции не объяснили.

А основным доказательством хищения стали... договоры купли-продажи.

В итоге прокуроры попросили для подсудимых 14 лет общего режима.

И мне сразу стало ясно, каким будет приговор. 13 лет Данилкин не назначит, потому как суеверный, а два года сбросить не решится.

27 октября слово перешло к защите.

Когда Ходорковский и Лебедев, прикованные наручниками к милиционерам, спускались по лестнице к залу суда, собравшиеся скандировали «Свободу!».

Мест в основном зале хватило не всем.

Как и в зале для журналистов.

Первым выступал Михаил Ходорковский. Он начал с перечисления того, что доказали «уважаемые оппоненты». Они доказали, что он вместе со своими коллегами владел компанией «Груп МЕНАТЕП Лимитед», а эта компания владела контрольным пакетом «ЮКОСа», который в свою очередь владел сначала контрольным, а затем стопроцентным пакетом акций дочерних до-

¹ Про похищенную воду говорил в прениях Платон Лебедев.

бывающих компаний и ВНК; что взятые на покупку этих активов кредиты в иностранных и российских банках компания «ЮКОС» выплатила, а акции самой компании «ЮКОС», которые акционеры «ЮКОСа» отдали под залог предоставленных кредитов, компания «ЮКОС» потом вернула этим самым владельцам, в том числе и ему; что добывающие предприятия «ЮКОСа» и собственно ВНК продавали нефть (делали они это с согласия «ЮКОСа» — своего основного, а затем и единственного акционера), получали выручку, прибыль, расширяли производство; что размещали временно свободные средства, вкладывали деньги в новые активы и выплачивали дивиденды акционерам; а также, что руководил «ЮКОСом» он, Михаил Ходорковский.

И то, что решениями судов, вступившими в законную силу, установлено, что «ЮКОС» становился собственником всей добытой нефти, покупаемой у своих дочерних предприятий.

«Должен сказать, что я согласен с доказанными фактами, — заметил Ходорковский. — Если это мое признание — то это признание в обычной нормальной хозяйственной деятельности, которую в виде обвинительного заключения можно представить только по заказу».

И Михаил Борисович в который раз, словно тупым ученикам, стал объяснять суду, что если нефть доставлена покупателям, а право собственности на нефть перешло к «ЮКОСу», похитителя просто некуда воткнуть.

И то, что в результате хищения у потерпевших прибыль не образуется.

«Изъятие нефти у нефтедобывающих предприятий по трейдерским сделкам приводило к занижению прибыли предприятий, — цитировал он ОЗ. — Ваша честь, я не обсуждаю — занижение, не занижение, это мне сейчас не вменялось. Вопрос идет о том, что прибыль есть, и это признается. Занижена, но есть! Само обвинительное заключение об этом говорит».

И то, что он лично и лично Платон Леонидович так никогда и не стали обладателями похищенной нефти, как это положено похитителям, и не обращали ее в свою пользу.

«Члены организованной группы приостановили запланированную дальнейшую схему легализации, предусматривающую окончательный переход полученных от реализации похищенной нефти и нефтепродуктов дочерних предприятий «ЮКОСа» денежных средств во владение подконтрольных только участникам организованной группы компаний, находящихся за периметром холдинга во главе с ОАО «НК ЮКОС», — цитировал он ОЗ.

«А до этого момента, до того как приостановили, все денежные были на компаниях, находящихся в периметре консолидации «ЮКОСа», — заметил Ходорковский. — И по-другому эту фразу понять невозможно».

То есть так и не завладели похитители похищенным...

На стену зала проецировались слайды. Михаил Борисович вновь, в который раз, проводил для суда «презентацию», объясняя на пальцах каждую мелочь.

На всю стену высветилась цитата из выступления Лахтина в прениях, где он рассуждал о приобретенных «ЮКОСом» акциях.

«А как же тогда обращение похищенного в мою пользу? — поинтересовался Ходорковский. — А через рост капитализации «ЮКОСа» и продажу принадлежащих мне акций! Это теперь у нас такое хищение! Москва, финансовый центр».

И Михаил Борисович снова говорил о том, что на похищенное не начисляют налоги ни похитителю, который должен вернуть похищенное, а не платить налоги, ни потерпевшему, которому вообще непонятно, с чего платить. Его же ограбили.

«Все «признаки хищения» налицо: и отсутствие реального ущерба, и прибыль у потерпевшего вместо безвозмездности, и действительный договор вместо противоправности, и законный собственник в результате хищения, и даже поставка похищенной нефти потребителю, указанному потерпевшим, — подытожил Ходорковский. — Если это — хищение, то, Ваша честь, оцените как хищение и свои собственные действия. Сегодня-завтра вы пойдете обедать в зависимую от вас как от председателя суда столовую. За обед вы, конечно, заплатите. Несомненно, в версии стороны обвинения, чтобы обеспечить возможность последующего хищения обеда. Столовая не понесет ущерба, и даже, вероятно, получит прибыль, но не максимально возможную. Любопытно сопоставить цены в судейской столовой с ценами... здесь за речкой гостиница «Рэдиссон Славянская», я думаю, ни один судья по этим ценам не купил бы здесь обед. Если вы оплатите обед своему знакомому, похищение будет, видимо, уже в организованной группе».

«Где в обвинении хоть слово про продажу нефти за рубеж по внутренним ценам? — спрашивал Михаил Борисович. — Наоборот, говорят, — цель была продавать дороже. Где про яхты и дворцы, приобретенные мною или орггруппой за счет «ЮКОСа»? Где про переводы на мои личные счета? Ничего этого в обвинительном заключении и в материалах дела нет.

Только действительные, исполненные и не оспоренные, обычные возмездные хозяйственные сделки. Одобренные «ЮКОСом» как единственным акционером добывающих «дочек», и мной как руководителем и контролирующим акционером «ЮКОСа». В том числе и выплата заработной платы сотрудникам компании».

«...одним из ключевых мотивов действий лично Ходорковского по... восстановлению прав остальных акционеров нефтяной компании, восстановлению законных интересов государства на получение установленных законом обязательных платежей с ОАО НК «ЮКОС»... стало его желание реализовать себя в политике», — цитировал он Обвинительное Заключение.

«Ваша честь, я думаю, что это действительно единственное, что подразумевают наши обвинители, обвиняя меня в данном процессе, — мое стремление реализовать себя в политике», — прокомментировал он.

«Я не упрекаю следователей и государственное обвинение в том, что они не оказались героями и не смогли отказаться от выполнения преступного приказа — ценой любых фальсификаций посадить Ходорковского и Лебедева навсегда, — заключил Ходорковский. — Но я высоко ценю их усилия по подготовке обвинительного заключения, из которого более чем ясно вытекает наша с Платоном Леонидовичем Лебедевым полная невиновность.

А также за выступления их свидетелей и поведение государственного обвинителя Лахтина в суде.

Валерию Алексеевичу — особая благодарность. Его удачные репризы навсегда войдут в сокровищницу российского искусства. Каким гражданским мужеством надо обладать человеку, взявшему мишенью своей многомесячной пародии внешне суровую фигуру гособвинителя. Спасибо ему.

Именно благодаря им в нашей невиновности убедились, кажется, все, кто интересовался ходом процесса. И в России, и за рубежом.

Следствие и обвинение сделали все, чтобы у суда не осталось ни единого законного шанса не оправдать нас. Спасибо вам, уважаемые юристы! Я вам этого не забуду.

Уважаемый суд, я понимаю — оправдательный приговор в московском суде — событие почти фантастическое. Но мои оппоненты очень старались. Оцените их усилия по достоинству. Иначе в следующий раз они могут просто плюнуть на пустой

лист бумаги, и со штампом «Генеральная прокуратура — копия верна» прийти к Вам за 14-летним приговором.

Собственно, сейчас происходит фактически то же самое. Спасибо за внимание».

Зал взорвался аплодисментами.

«Прекратите аплодисменты! — вскричал судья. — Выведите тех, кто аплодировал!»

И объявил перерыв на обед.

ВЫСТУПЛЕНИЯ АДВОКАТОВ

После обеда выступали адвокаты и один за другим просили полностью оправдать обоих подсудимых.

«...это расправа с политическим противником с большой примесью коррупционно-рейдерской составляющей», — говорил Юрий Шмидт.

«На моих глазах вчерашние вожди в одночасье становились врагами народа, шпионами и расхитителями. И наоборот, лжеученые, шпионы и прочие отщепенцы возводились на заслуженный пьедестал и становились героями в глазах людей. А сейчас ход времени ускорился — и нам предстоит многие открытия в совсем недалеком будущем. От вашего приговора зависит судьба двух замечательных, незаслуженно посаженных, обогатившихся, но не сломленных людей. Сколько потеряла Россия от того, что Ходорковского послали шить варежки в Краснокаменске, не дав даже преподавать там! Какой ущерб нанесло это дело против Ходорковского и Лебедева престижу России и ее экономике! Новые инициативы президента Медведева по либерализации уголовного наказания, по созданию инвестиционного климата, в котором собственность будет защищена, они появились не на пустом месте, они — вынужденная мера. Обвинительный приговор надолго перечеркнет надежды нашего президента на успешное экономическое развитие нашей страны.

Я ощущаю особую ответственность, потому что уверен, что защищаю одного из умнейших и достойнейших людей России. И этим горжусь!» — закончил адвокат под аплодисменты публики и крики приставов, выводящих из зала тех, кто дерзнул аплодировать.

«Предупреждаю зал! — закричал судья. — Все ваши аплодисменты будут пресекаться аналогичным образом! Здесь не культурное... ээ... не культурно-массовое мероприятие!».

Адвокат Владимир Краснов говорил о мене акций, о том, что срок давности по этому эпизоду истек еще в 2008-м, и что акции были возвращены.

Адвокат Леонид Сайкин говорил о так называемой легализации ценных бумаг:

«Зафиксирую важное открытие, сделанное обвинением, оно достойно того, чтобы попасть в методические пособия по легализации. Помимо уведомления государственных органов, надо отразить в публично доступных официальных документах (реестрах) всю цепочку сделок и обязательно привести в них подробные сведения обо всех владельцах. И важно также сохранить все первичные документы по совершенным сделкам, чтобы облегчить затем правоохранительным органам постижение истинной картины сокрытия источника происхождения акций».

«Итак, о сделках сообщили государственным органам, отразили их в публичном реестре, «ЮКОС» обсуждал с заинтересованными государственными органами, когда и как акции будут возвращены. И таким образом сокрыли факт приобретения таких акций», — заметил Сайкин.

Слушания продолжились на следующий день.

Адвокат Алексей Мирошниченко говорил о преюдиции, о том, что решения предыдущих судов по делу «ЮКОСа» не позволяют говорить ни о хищении нефти, ни о легализации. И если Виктор Данилкин проигнорирует эти решения, то это «будет означать дискредитацию всей судебной системы РФ».

Ничего, он проигнорирует.

Хотя дискредитировать судебную систему России — все равно что дискредитировать Иуду Искариота — хуже не будет.

Мирошниченко говорил о решениях арбитражных судов, признавших, что нефть, купленная трейдерскими компаниями «ЮКОСа», принадлежала «ЮКОСу», а не Ходорковскому и Лебедеву. О решениях, подтвердивших законность генеральных соглашений о покупке нефти «ЮКОСом» у своих нефтедобывающих «дочек», о приговоре Мещанского суда, которым его подзащитные были осуждены за то же самое, только с иной квалификацией, а повторное осуждение по тем же преступлениям запрещено не только российскими законами, но и Европейской конвенцией. «Очевидно, что речь идет о процессе перепродажи одной и той же нефти, добытой теми же дочерними обществами «ЮКОСа», через одни и те же торговые фирмы-трейдеры «ЮКОСа», зарегистрированные в ЗАТО «Лесной» и «Трехгорный», в один и тот же период времени», — говорил адвокат.

Мирошниченко вспомнил о том, что прокурор Ибрагимова заявляла в прениях, что между Мещанскими и Хамовническими обвинениями нет совпадения. И ушла в глубины уголовного и налогового права. «Все это опровергается известной любому квалифицированному юристу непреложной истиной. У похитителя никогда не возникает законной обязанности уплачивать налог», — заметил защитник.

Адвокат Борис Грузд говорил о том, что основной метод обвинения заключается в широком использовании прилагательных «фиктивный», «подставной» и «подложный», которые применяются то к фирмам, то к их директорам, то к договорам.

И я подумала, что метод вполне универсальный, так можно описать все. Например: «В результате подложных выборов к фиктивной власти в России пришел подставной президент».

Но в случае Ходорковского эта терминология не столь реалистична. И фирмы работали, и договора должным образом и оформлены, и исполнены.

И с предметом преступления не все в порядке. До сентября 2005-го следствие считало, что похищены денежные средства, а потом вдруг решили, что похитили нефть.

«Как правило, в обычном уголовном деле расследование идет от факта преступления к предполагаемому преступнику. Здесь не так. В исходных условиях уже было «установлено», что Ходорковский и Лебедев «должны сидеть». За что — не важно. Деньги, нефть — безразлично!» — говорил адвокат.

Предмет хищения изменили, а способ оставили прежним: «в их версии получается, что жидкость присваивалась тем же способом — путем составления бумаг, — что и деньги в безналичной форме». Но «составив какой угодно документ, невозможно присвоить вещь. Для этого необходимо совершить действия, непосредственно направленные на вещь, то есть обособить ее и изъять либо иным способом установить над ней физический контроль».

И адвокат перешел к оценке ущерба: «Поскольку денежные средства, уплаченные «потерпевшим» за нефть по договорам купли-продажи, превышали ее фактическую стоимость, то ущерб отсутствует».

И заметил, что сторона обвинения перешла к другой методике расчета ущерба. Объем похищенной нефти был уменьшен, а сумма ущерба при этом непостижимым образом увеличилась. Расчет обвинители не представили ни суду, ни защите. Так что методика осталась тайной.

Честно говоря, меня этот факт несколько не удивляет. Если в результате хищения у потерпевших возникает прибыль, почему, собственно, от уменьшения размера похищенного сумма тоже должна уменьшаться? Я не удивлюсь, если они прибыль как раз в качестве ущерба и посчитали. Ну, или выручку.

А адвокат занялся составом преступления, которого не обнаружил вовсе, ни одного признака: ни обращения в свою пользу имущества против воли собственника, ни противоправности, ни безвозмездности.

Последняя, например, заключалась в том, что «потерпевшим» за нефть за 1998 — 2003 годы было перечислено почти 408 миллиардов рублей, что примерно равно годовому бюджету города Москва.

И Борис Грузд попросил суд оправдать подсудимых за отсутствием события преступления.

После обеда выступал адвокат Константин Ривкин.

Он начал с цитаты из Валерия Лахтина: «Сторона обвинения не оспаривает приобретение таких производственных активов, как «Арктикгаз», «Mazeiku Nafta», «Rospan International», «Ангарской нефтехимической компании», «Transpetrol», «Саханефтегаз», «Восточносибирская нефтяная компания», «Уренгойл Инк.», так как сведения об этом подтверждены исследованными доказательствами и содержатся в отчетности ОАО «НК ЮКОС». Сторона обвинения не оспаривает, что часть полученных средств была направлена на капитальные вложения и на выплату дивидендов акционерам ОАО «НК ЮКОС», расходы по приобретению производственных активов, освоение месторождений, реконструкцию производственных мощностей были необходимы Ходорковскому и Лебедеву для обеспечения добычи и переработки нефти, похищаемой ими. Поддержание производственных мощностей не противоречит предъявленному Ходорковскому и Лебедеву обвинению, а подтверждает его, так как увеличение объемов производства компании, используемых ими для личной наживы, соответствовало их корыстным стремлениям получать все большую прибыль. Выплатой дивидендов Ходорковский и Лебедев преследовали две цели: обогатиться вместе со всеми остальными акционерами и подкупить остальных акционеров растущими из года в год дивидендами»¹.

¹http://www.khodorkovsky.ru/khamovnichesky_court/courtroom_reportings/13738.html.

«Но ведь ясно, как день, — заметил адвокат, — что могло быть что-то одно: или многолетнее масштабное хищение, или выручка 50 миллиардов долларов!»

«В целом в результате банкротства до доньшка обворованной в течение шести лет компании, и при всех «дружественных» продажах в пользу «правильных» покупателей, выручено еще 30 миллиардов долларов — это как?!» — поражался Ривкин.

Ну, чему тут поражаться, в самом деле! Оруэлла перечитайте.

Константин Ривкин обратил внимание публики и на еще один удивительный факт: после уменьшения стороной обвинения объемов похищенного, объем легализованного не уменьшился ни на йоту. То бишь, подсудимые умудрились легализовать и ту нефть, которая не была похищена.

«Ваша честь! — обратился к судье адвокат. — Завершая свое выступление, хочу сказать следующее. В ходе прений защита была вынуждена напомнить характеристику, которая дана в ходе судебного следствия обвинению наших подзащитных как «чушь» и «бред». Очень не хотелось бы, чтобы такую же оценку заслужил приговор Хамовнического суда, поскольку если он будет обвинительным, иного просто не дано».

Вслед за ним Наталья Терехова говорила о том, что в деле нет ни одного доказательства, полученного в соответствии с требованиями закона. Не было ни решений судов о проведении обысков в банках, у адвокатов и у аудиторов, ни даже постановления о возбуждении уголовного дела. Дело состоит в основном из копий документов из основного «материнского» дела «ЮКОСа».

«Я бы просила, Ваша честь, постановить приговор, безусловно, оправдательный, так как доказательств, собранных с соблюдением закона, в материалах уголовного дела нет!» — закончила она.

Елена Липцер говорила о нарушении равенства сторон в процессе: об отказе суда выслушать экспертов, приглашенных защитой, об отказе приобщить к делу адвокатские опросы и пригласить некоторых свидетелей, которых хотела видеть в суде защита, например, Владимира Путина.

«Вынесение при таких обстоятельствах любого приговора, кроме оправдательного, к сожалению, явится основанием для обращения в Европейский суд по правам человека с жалобой на нарушение ст. 6 Европейской конвенции, которая гарантирует право на объективное разбирательство беспристрастным судом», — сказала Липцер.

И ее сменила Каринна Москаленко.

Она заявила, что нарушения начались с первого дня, когда дело передали в Хамовнический суд, на подведомственной территории которого подсудимые никаких преступлений не совершали. И тем не менее, суд принял дело к рассмотрению.

«Я считаю, ваша фигура абсолютно трагическая. Вас приговорили к этому делу», — сказала она судье.

И напомнила о том, что Виктор Данилкин без вопросов, не глядя, одобрил список свидетелей обвинения и отверг список свидетелей защиты.

И о том, что защите до сих пор не выданы протоколы судебных заседаний, адвокаты вынуждены работать без них.

И о параллельном расследовании бесконечного дела «ЮКОСа», которое не прекращается до сих пор и из него «как из табакерки, выныривают все новые и новые обвинения».

«Обвинение упорно не отвечало на вопросы о сути обвинения, — заметила она. — Суд не пресек это, не потребовал ответить. В итоге наши подзащитные были вынуждены защищаться от всех возможных версий обвинения. Теперь, по всей видимости, суд сможет выбрать максимально правдоподобную, минимально опасную версию этого обвинения».

Забегая вперед, замечу, что Каринна Акоповна не угадала. Зачем что-то выбирать? Можно просто переписать ОЗ.

Каринна Москаленко напомнила позицию российского правительства в Европейском суде и процитировала Меморандум: «...при этом собственником нефти и нефтепродуктов являлось ОАО НК «ЮКОС»».

«Коль скоро РФ признает, что законным собственником всех активов является компания «ЮКОС», то обвинение Ходорковского и Лебедева в хищении и последующей легализации нефти у каких бы то ни было дочерних компаний, входящих в ее состав, не только лишено правового смысла, не только противоречит правовой логике, но и делает производство по этому делу бессмысленным, юридически невозможным», — заметила она.

«Сегодня все ждут решения Европейского суда, спрашивают меня постоянно об этом, — продолжила Каринна Акоповна. — А я вот его не жду. Как раз Европейский суд ожидает, может ли докатиться российское правосудие до абсурда, вынося такие приговоры именем РФ, к вынесению которых вас призывают здесь оппоненты.

Именно ваш приговор, Ваша честь, позволит в деле Европейского суда по «ЮКОСу» и в других юрисдикциях сказать (Гаага и так далее), что вообще не было никаких законных основа-

ний требовать доплаты налогов с «ЮКОСа». А с учетом этого не было законных оснований банкротить «ЮКОС». А это уже означает гарантированную потерю для России многих миллиардов.

И все это хотят свалить на вас. На вполне мирного, симпатичного судью по фамилии Данилкин, которого почему-то прислали это дело... И нести ответственность за дело будет не Каримов. Вот кто он такой для Гааги? Никто. Решение единолично выносить вам, ни с кем не поделишься ответственностью. Вам предлагают вынести приговор, которым вы должны зачеркнуть вашу профессию, ваше имя, вашу честь. Вам предлагают признать двух собственников преступниками, укравших эту собственность у самих себя.

Вам предлагают принять участие в клоунаде, затеянной Генпрокуратурой, под названием «правая рука не знает, что делает левая».

Разобрался народ в этом деле благодаря вам, потому что вы тут развели такую демократию, что все могли говорить. И отводы заявлять... И не прерывали никого почти... И еще у этого процесса есть одно несомненное достоинство. Он был действительно открытым, публичным. Зал, конечно, не вмещал всех желающих, но суд сделал многое для того, чтобы все, кто интересуется, смогли сделать выводы. И уж чего я совсем боюсь, Ваша честь, это гуманизма. Такого неправильно понимаемого. Потому что любой обвинительный приговор, предельно жестокий или предельно «мягкий», будет демонстрировать убийственный вывод: для российских судов, чтобы вынести приговор, при определенных обстоятельствах не нужно ничего — ни доказательств, ни даже события преступления.

Общий консенсус в обществе заключается в том, что власти пойдут на все, чтобы не освободить наших подзащитных. И если власть заговорила о гуманизации... При том, что ни на минуту не прекращается так называемое расследование (а на самом деле фабрикация) новых и новых дел...

И вот этот, с позволения сказать, гуманный приговор. И если он будет обвинительный — он будет совсем не гуманный. Потому что за какие-нибудь 2, 3, 4 года международная общественность успокоится, все прольют слезу умиления, а за это время... я знаю, что было в прошлый раз... моему подзащитному создают еще третье, пятое, двадцатое... Ровно такое дело, которое потребуется. С расчетом на то, что этот обман станет известен через несколько лет. Тогда, когда — как надеются власти — о Ходорковском все забудут. Но этого не произойдет. Потому что с

нами в этом процессе народ. И спасибо вам, Ваша честь, что этот народ был с нами».

Заседание завершилось.

Подсудимых вывели из зала.

Они поднимались по лестнице под аплодисменты публики.

В последний день прений выступали Платон Лебедев и Владимир Клювгант.

Платон Леонидович посвятил выступление разбору «преступлений ОПГ Каримова».

Он разделил их на две группы. В первую попали служебные подлоги и фальсификация обвинений и доказательств, во вторую — мошенничество и вымогательство. И Лебедев стал последовательно с документами в руках доказывать каждый пункт своих обвинений, во многом повторяя и выступление Ходорковского, и выступления адвокатов.

Первым доказательством фальсификаций Лебедев назвал ответы ОАО «Роснефть» (правопреемника «Юганскнефтегаза») на запросы Хамовнического суда, из которых следовало, что выручка «дочек» «ЮКОСа» от продажи нефти всегда на миллиарды рублей превышала себестоимость, то есть фактическую стоимость производителя.

Вторым — ответ ОАО «Томскнефть» на аналогичный запрос, где утверждалось то же самое для «Томскнефти».

Третьим — ответ ОАО «Самаранефтегаз» на такой же запрос. Прибыль «Самаранефтегаза», полученная им в результате хищения у него нефти, тоже составила многие миллиарды.

Думаю, в следующем моем письме к Михаилу Борисовича я попрошу его и меня ограбить.

Я сначала очень удивилась, узнав, что Хамовнический суд приобщил к делу подобные документы. Но удивление мое прошло недолго. В приговоре это попросту проигнорировали.

«Поясню, Ваша честь. «ЮКОС» как единственный акционер имел полное право забирать себе всю эту прибыль в качестве дивидендов, но происходило ровно обратное: «ЮКОС» всю прибыль оставлял в распоряжении нефтедобывающих предприятий», — заметил Лебедев.

«Кроме того, учитывая, что «коллеги» Каримова даже не оспаривали мои показания о том, что «ЮКОС», помимо этого, безвозмездно финансировал капитальные вложения в эти общества на миллиарды рублей, данное заведомо ложное утверждение является еще и наглым мошенничеством», — продолжил он.

«На этом можно и закончить, так как только этих трех основных доказательств (в совокупности с иными) вполне достаточно для уничтожения ложного обвинения в якобы «хищении» нефти и предъявления его «авторам» соответствующих обвинений», — сказал Лебедев.

Но продолжил и перешел ко второй группе преступлений — вымогательству и мошенничеству.

«Вымогательство в нашем сфабрикованном деле осуществляется по классической схеме: рэкет плюс незаконные уголовные репрессии».

«В уголовном праве, как праве материальном, стоимость похищенного имущества у организаций также определяется исходя из его *фактической стоимости* на момент и в месте совершения хищения», — объяснял Платон Леонидович.

«Итак, ОПГ Каримова, заведомо зная, что дочерние добывающие общества «ЮКОСа», реализуя нефть в регионах ее добычи, получали выручку и прибыль от продажи нефти, стояли перед проблемой — каким мошенническим способом сфальсифицировать как *фактическую стоимость* нефти, так и место ее реализации».

Так в деле и появились фиктивное место реализации нефти — Роттердам (вместо региона добычи) и фиктивная фактическая стоимость — цена в Роттердаме (вместо фактической стоимости в регионе добычи).

«Их основной месседж — «ЮКОС» скрывал от всех данные консолидированной финансовой отчетности по US GAAP. Я смеялся сильно. Это опять для тети Клепы, которая не понимает, о чем идет речь. Они тут много говорили о русском языке. Ну, на русском языке все написано!»

Собственно, прокуроры упрекали подсудимых в том, что консолидированная отчетность публиковалась на английском.

Но тут на стене появились страницы из российских деловых изданий с информацией о публикации этой самой отчетности и с ее анализом. На русском языке.

Я не поленилась найти эти материалы на сайте газеты «Ведомости», а то вдруг Лебедев все наврал. Ловите ссылки: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2002/02/26/41816>, <http://www.kommersant.ru/doc/312045>. Правда, доступ к архиву «Ведомостей» платный, но за 28 рублей можно оформить подписку на один день.

Для ленивых цитирую:

«Акционеры «ЮКОСа» в полной мере воспользовались благоприятным впечатлением, который произвела на рынок GAAP-

отчетность компании за III квартал 2001 г. — они смогли без дисконта продать 1% акций путем выпуска депозитарных расписок).

И еще:

«Такой успех объясняется предельно удачным моментом, который выбрал «МЕНАТЕП» для продажи акций. Накануне размещения «ЮКОС» опубликовал отчетность по GAAP за девять месяцев 2001 г., которая оказалась, по выражению аналитика «Ренессанс Капитала» Владислава Метнева, «впечатляющей, особенно по сравнению с основным конкурентом, «ЛУКОЙЛом»». В частности, чистая прибыль «ЮКОСа» составила \$2,2 миллиарда против \$1,9 миллиардов у «ЛУКОЙЛа», денежные потоки выросли с \$3 миллиардов до \$3,9 миллиардов, а задолженность, наоборот, снизилась с \$463 миллионов до \$133 млн. Трейдеры говорили, что в четверг именно суперрезультаты «ЮКОСа» удержали российский фондовый рынок от падения. А в пятницу акции «ЮКОСа» подорожали на 3,05% до \$6,75».

А вот это из «Коммерсанта» от 22 февраля 2002 года:

«Вчера нефтекомпания «ЮКОС» опубликовала финотчетность по стандартам US GAAP за январь-сентябрь и за третий квартал 2001 года. Результаты полностью удовлетворили аналитиков инвесткомпаний: расхождение между их прогнозами и опубликованными «ЮКОСом» данными составило менее 10%».

Дальше мне было лень проверять, все совпадало идеально. Если сомневаетесь — можете продолжить этот труд.

Полная подборка здесь: http://www.khodorkovsky.ru/media/tom_153.pdf. Между прочим, это фотокопии листов дела, и там информация о публикации консолидированной отчетности за каждый год.

«Аналитики комментируют отчетность. И на русском языке о ней рассказывают, — пояснял Лебедев. — Тут как раз приводятся данные из «скрываемой от всех» отчетности, которая, по мнению обвинения, составлялась только и исключительно, чтобы всех обмануть. Ваша честь, а зачем тогда это к сфабрикованному делу приобщать? Как на это реагировать? Если я прихожу на собрание акционеров «ЮКОСа», и там лежит переведенная на русский язык консолидированная финансовая отчетность «ЮКОСа» по US GAAP, то я ее читаю, мне это интересно, но мне, Ваша честь, вы можете не поверить, мне сторона обвинения может не поверить. Но как вы и они можете не поверить тому же Золотареву, которые как раз этим в «ЮКОСе» занимался, который как раз приносил эту отчетность на собрания акционеров?! Как вы можете не поверить Василиадису и Пономареву, которые

этим же занимались и рассказывали, что они обеспечивали для «ЮКОСа» публикацию этой финансовой отчетности. Ну конечно, «скрывали»! Скрывали так, что об этом никто не знал, просто все об этом читали!»

После этого Лебедев упомянул о том, что Российская Федерация весь инкриминируемый им период была акционером «ЮКОСа», она каждый год получала дивиденды.

Деньги, стало быть, отмывала, матушка.

«Дальше. В чем опасность для РФ позиции ОПГ Каримова? — продолжил Лебедев. — Все, что не Роттердам, — это хищение. И извольте заплатить за это Каримову и его потерпевшим! ОПГ Каримова поиздержалась за столько времени. Бедные-бедные жители России. Например, жители Тамбова, ежедневно совершая покупки, даже ведь не все подозревают, что существует Роттердам, что они ежедневно совершают хищение, покупая крупу, молоко, мясо...они цен в Роттердаме не знают. Вот мы с Михаилом Борисовичем обсуждали — предстоит Новый год, многие российские люди будут покупать Советское шампанское. Знают ли они, СКОЛЬКО оно стоит в Роттердаме?! При таком подходе те, кто еще на свободе, я думаю, после Нового года места в этом «аквариуме» Российской Федерации не хватит. Если серьезно, я искренне сожалею и в какой-то части признаю ответственность бизнеса за то, что до сих пор, до октября 2010 года, в Генеральной прокуратуре РФ работают люди, уровень не только моральной, но и профессиональной деградации которых ниже плинтуса! Бизнес обязан через научно-исследовательские институты Генпрокуратуры прошерстить через нормы материального права (и их понимание) всех следователей, в том числе следователей по особо важным делам, и прокуроров. Ведь это позор на весь мир, что здесь происходит. Это ПРЕСТУПЛЕНИЕ! А вам, Ваша честь, мои оппоненты предлагают это преступление легализовать! Думайте, Ваша честь!».

Последним со стороны защиты выступал адвокат Вадим Ключвант:

«Полтора с лишним года процесса по делу, которое Юрий Маркович метко назвал «делом, которого нет». Прошли эти тяжелые полтора года все-таки не зря. Они предельно наглядно показали, что это насквозь фальшивое дело, затеянное с целью преступной расправы над заведомо невиновными. В этом состоит существо позиции защиты».

В деле нет ничего: ни реальных потерпевших, ни факта преступления, ни доказательств. Зато им занимаются около 80 следователей, которые ставят подписи под фальшивкой.

«Мы считаем, что страна должна знать своих героев, хотя бы основных. Особая лидерская роль в расправе принадлежит генералу Каримову. Помимо Каримова руководителями следственной группы в разное время являлись Туманов, Безуглый, Хатыпов, Алышев. Членами следственной группы — Русанова, Ганиев, Михайлов, Акимов, Иоган и др. Это они попирали права наших подзащитных, жонглировали процессуальными сроками и доказательствами, прятали и фальсифицировали доказательства, проводили и продолжают проводить параллельное расследование».

Не забыл Вадим Клювгант и о роли в деле прокурора Лахтина и высшего руководства Генпрокуратуры.

«Нет у этого дела ни ясного предмета, ни видимых пределов, — продолжил адвокат. — Поэтому и процесс так шел. Все напоминает игру, где зазывала-мошенник кричит «Кручу-верчу-запутать хочу». Все это дело соткано из сплошной лжи».

«Семь лет мужиков ломают, а сломать не могут. Это и объяснение запредельного уровня прокурорской злобы и мстительности».

«Следственно-прокурорское сообщество, выступая от имени государства, оскорбляет и запугивает свидетелей, угрожает уничтожением бизнеса, налоговыми претензиями, личными репрессиями в случае неполучения выгодных им показаний и заявлений, в суде они беспардонно примеряют к свидетелям вакансии неустановленных членов орггруппы и угрожают уголовной ответственностью за правдивый ответ суду».

«Слепили притворную орггруппу и сказали — Ходорковский и Лебедев ее возглавляли, значит, руководили всем и всеми, значит они организаторы всех притворных преступлений. Они это не доказали — просто сказали, много раз, как заклинание, и хотят, чтобы им верили на слово. Вторая причина, почему следственно-прокурорскому сообществу в этом деле без орггруппы в этом деле никак нельзя — им просто негде взять вообще какие-нибудь события, которым они могли бы навешать ярлыки в виде статей Особенной части УК РФ (хищение, отмывание). Единственный способ прикрыть этот позор — взять и просто поменять вывески. Название «ЮКОС» заменить на «орггруппа», «органы управления компанией» на «руководителей орггруппы», «обычные бизнес-операции» назвать «преступной деятельностью орггруппы». Что они и сделали. Есть, наконец, и третья причина. Совершение преступления в орггруппе — это очень серьезный

квалифицирующий признак. Его наличие делает обвинение тяжким, до недавнего времени делало особо тяжким».

Членство в орггруппе «плавающее», люди то попадают в нее, то исчезают, то кочуют туда-сюда, а «в какой-то момент следователи написали, что «к участию в совершении преступлений привлечен весь административный персонал всех управляющих компаний «ЮКОСа» в полном составе»».

«Это притворное, заведомо ложное обвинение, и оно убито наповал самими его авторами и группой поддержки из следственно-прокурорского сообщества. Убито сначала шквальным огнем, а потом еще и контрольным выстрелом в голову. Но попросить, топчась на этом покойнике, дополнительные 13,5 лет плюс шесть неотбытых месяцев для продолжения расправы это им не помешало».

А судье два месяца спустя не помешало их дать.

«Ваша честь, мы не сомневаемся, что и правовая, и фактическая стороны этого дела вам вполне ясны. Это не представляет никакой сложности. Возможно, именно поэтому вы и не дали нам возможности представить и исследовать большое количество важных доказательств. Тем не менее, даже без этих доказательств мы, как и обещали, не оставили вам законных возможностей для обвинительного решения и наглядно показали заведомую ложность и неустранимые пороки обвинения, ничтожность его доказательств. Это все, что мы могли сделать. Было нелегко, вы это знаете, но мы это сделали. Вы, Ваша честь, хорошо знаете, что в этой ситуации должны сделать вы и только вы, следуя требованиям закона, даже если бы мы вас об этом не просили. Поэтому мы, защитники Михаила Борисовича и Платона Леонидовича, а вместе с нами и миллионы людей в мире, желаем вам, чтобы вы захотели и смогли сделать что должно, и пусть будет что будет. Благодарю вас», — закончил адвокат.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОКУРОРОВ

1 ноября последовали реплики прокуроров.

Я уже жду, что меня будут упрекать в том, что я предпочитаю цитировать подсудимых и защиту, а не выступления их «оппонентов».

Ну не могу я цитировать вранье и к каждой цитате приписывать длинные объяснения, почему это именно вранье. Слишком занудно. По второму кругу пойдём. А то и третьему.

По моему глубокому убеждению, между истиной и ложью не должно быть равноправия, как и между добром и злом.

Ну, зайдите сами по ссылке: http://www.khodorkovsky.ru/khamovnichesky_court/courtroom_reportings/13755.html. Там все есть. Подробно.

Так что читайте сами.

Вообще выступления прокуроров до боли напоминали мне советскую пропаганду. То же бездоказательное словоблудие, декларативность, отсутствие логики, замалчивания и подтасовки фактов.

Думаю, что речи для прокуроров писал какой-нибудь подмастерье-двоечник Суркова. Не сам мэтр. У него уровень повыше, не зря же его Ходорковский несколько лет в штате держал.

А вот совершенно замечательный перл: «Довод Лебедева о получения прибыли добывающими обществами в период 2001 — 2003 годов не свидетельствует об отсутствии хищения, как ему кажется, а наоборот, подтверждает, что нефть изымалась у указанных предприятий практически безвозмездно, то есть приводимые им размеры прибыли добывающих предприятий не сравнимы с размерами прибыли, получаемой так называемыми центрами прибыли».

На эту реплику 2 ноября ответил Платон Лебедев:

«Ваша честь, ему не понравилось, что в «ЮКОСе» сегмент добычи, куда входят «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз» и «Томскнефть», имел рентабельность продаж 20 процентов. Она ему не понравилась, потому что суммарная прибыль другого сегмента «ЮКОСа», который занимался переработкой и сбытом нефти, была намного больше. <...> Ваша честь. Материалами дела доказано, что в сегменте добычи работало в пять раз меньше народу, чем в остальном секторе. Если использовать правила арифметики, то 2 миллиардов долларов прибыли от продаж по сегменту добычи составляет, если исходить из численности, — меньше 20 процентов. Это значит, что в ином секторе должно быть приблизительно, если исходить из численности работающих, в пять раз больше. И в этом нет ничего удивительного!

В сегменте переработка и сбыт у «ЮКОСа» — шесть нефтеперерабатывающих заводов: Куйбышевский, Новокуйбышевский, Сызранский, Ачинский, Ангарский, Стрежевской, несколько десятков организаций нефтепродуктообеспечения, которые расположены во всех крупнейших областных центрах страны, несколько тысяч автозаправочных комплексов и станций. Вот этот весь сектор, в котором работает порядка 90 тысяч человек (я не

помню точную цифру), как раз зарабатывал большую часть прибыли для компании. Оказывается, это для кого-то должно быть непонятно. Спорить со всемирно известным нефтяником Лахтиным достаточно сложно, у нас с ним разные подходы к арифметике, уж тем более к экономике».

И вот еще одна реплика Лахтина:

«Довод Лебедева о том, что размер ущерба должен был определяться, исходя из фактической стоимости нефти, которую он трактует как себестоимость этой нефти, несостоятелен в связи с тем, что подсудимым были заранее известны экспортные цены на российскую нефть, им было также известно, что они имеют возможность забрать нефть у добывающих предприятий по устанавливаемой ими цене, то есть по себестоимости, в связи с чем установление цены в договорах было лишь сокрытием осуществляемого хищения, имело целью исключить риски привлечения к ответственности и продолжить данное хищение. Таким образом, ссылки Лебедева на придуманный им же способ сокрытия осуществляемого хищения и попытка показать, что наличие незначительной прибыли опровергает само хищение, расценивается судом (!) как способ избежания ответственности путем неверной интерпретации фактов», — решил за суд господин прокурор.

Честно говоря, все коммерсанты, покупая что-либо, заранее знают, что смогут продать это дороже. В противном случае они разоряются и перестают быть коммерсантами.

Кстати, если вы по акции со скидкой что-либо покупаете и, не дай бог, расплачиваетесь с продавцом, — это вы хищение прикрываете, между прочим. А вы не знали?

А еще, по мнению Лахтина, адвокаты Юрий Шмидт и Елена Липцер зря говорили о политической подоплеке дела вместо того, чтобы анализировать доказательства.

Помилуйте, Валерий Алексеевич! Как же можно анализировать то, чего нет.

И вот еще классный довод:

«Понятие трансфертных цен к использовавшимся Ходорковским и Лебедевым схемам изъятия и легализации похищенной нефти никакого отношения не имеет. Ими применялись незаконно заниженные цены, их практика никаким стандартам не соответствовала».

В чем принципиальное отличие «незаконно заниженных» цен от трансфертных, Валерий Алексеевич не объяснил. И почему цена, по которой «Роснефть» покупала нефть у «Пурнефтегаза», является трансфертной, а цена покупки нефти в тот же пери-

од «ЮКОСом» у «ЮНГ» является «незаконно заниженной», хотя первая ниже второй, не объяснил тоже. Может быть, трансфертная — это законно заниженная по отношению к «незаконно заниженной»?

«Таким образом, мы считаем все доводы, высказанные в прениях стороной защиты, несостоятельными», — закончил выступление прокурор Лахтин.

Михаил Ходорковский ответил на реплики прокуроров своей репликой, из коей следовало, что никак он не может принять тот факт, что похитить можно путем покупки, причем с прибылью для потерпевших, да еще так, чтобы конечные покупатели благополучно получили похищенное, а потерпевшие — деньги.

В чем я его прекрасно понимаю. У меня тоже с этим сложности.

«Получается, что Ходорковский и Лебедев не похищали нефть у добывающих «дочек», поскольку не завладевали ею ни физически, ни юридически, — сделал вывод Михаил Борисович. — И больше говорить не о чем! Прибыль, цены, бредовая версия обмана или подкупа мною собственных подчиненных, права псевдопотерпевших, законность или незаконность вверения — все это пустая болтовня! В расчете, я извиняюсь, либо на дураков, либо на неквалифицированных людей! ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ НЕ ПОХИЩЕН У ПСЕВДОПОТЕРПЕВШИХ НИ ФИЗИЧЕСКИ, НИ ЮРИДИЧЕСКИ! ЭТО ФАКТ! ТОЧКА! Перешагнуть данный факт, можно лишь прямо нарушив ст. 90 УПК (преюдиция) и ряд других законов, включая закон о судоустройстве и Конституцию».

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО МИХАИЛА ХОДОРКОВСКОГО

Второго ноября Михаил Ходорковский произнес свое последнее слово.

Когда я читала более ранние его тексты, признаться, у меня было желание пройтись по ним суровой рукой редактора.

Но он писал все лучше и лучше, и больше мне здесь делать нечего.

Я думаю, что здесь даже Борису Акунину уже нечего делать.

Итак, Михаил Борисович сказал:

«Уважаемый суд! Уважаемые присутствующие!

Сегодня для меня очередная возможность оглянуться назад. Я вспоминаю октябрь 2003 г. Последний мой день на сво-

боде. Через несколько недель после ареста мне сообщили, что президент Путин решил: я должен буду «хлебать баланду» 8 лет. Тогда в это было сложно поверить.

С тех пор прошло уже семь лет. Семь лет — достаточно большой срок, а в тюрьме — особенно. У всех нас было время многое переоценить и переосмыслить.

Судя по смыслу выступления прокуроров: «дайте им 14 лет» и «наплюйте на прежние судебные решения», — за эти годы меня опасаться стали больше, а закон уважать — еще меньше.

В первый раз они хоть озаботились предварительно отменить мешающие им судебные акты. Теперь решили — и так сойдет, тем более отменять теперь потребовалось бы не два, как в прошлый раз, а 60 судебных решений.

Я не хочу сейчас возвращаться к юридической стороне дела. Все, кто хотел что-то понять, — давно все поняли. Я думаю, признания вины от меня никто всерьез не ждет. Вряд ли сегодня кто-нибудь поверит мне, если я скажу, что похитил всю нефть своей собственной компании.

Но также никто не верит, что в московском суде возможен оправдательный приговор по делу «ЮКОСа».

Тем не менее, я хочу сказать о надежде. Надежда — главное в жизни.

Я помню конец 80-х годов прошлого века. Тогда мне было 25. Наша страна жила надеждой на свободу, на то, что мы сможем добиться счастья для себя и для своих детей.

Отчасти надежда осуществилась, отчасти — нет. Наверное, за то, что надежда осуществилась не до конца и не для всех, несет ответственность все наше поколение, в том числе — и я.

Я помню и конец прошлого десятилетия. Тогда мне было 35. Мы строили лучшую в России нефтяную компанию. Мы возводили спорткомплексы и дома культуры, прокладывали дороги, разведывали и разрабатывали десятки новых месторождений, начали освоение Восточно-Сибирских запасов, внедряли новые технологии, в общем, — делали то, чем сегодня гордится «Роснефть», получившая «ЮКОС».

Благодаря значительному увеличению добычи нефти, в том числе и в результате наших успехов, стране удалось воспользоваться благоприятной нефтяной конъюнктурой. У нас у всех появилась надежда, что период потрясений, смуты — позади, что в условиях достигнутой огромными трудами и жертвами стабильности мы сможем спокойно строить новую жизнь, великую страну.

Увы, и эта надежда пока не оправдалась. Стабильность стала похожа на застой. Общество замерло. Хотя надежда пока живет. Живет даже здесь, в зале Хамовнического суда, когда мне уже почти 50 лет.

С приходом нового Президента, а с того времени прошло уже больше двух лет, у многих моих сограждан тоже вновь появилась надежда. Надежда, что Россия все же станет современной страной с развитым гражданским обществом. Обществом, свободным от чиновничьего беспредела, от коррупции, от несправедливости и беззакония.

Ясно, что это не могло случиться само собой и за один день. Но и делать вид, что мы развиваемся, а на самом деле — стоять на месте и пятиться назад, пусть и под личиной благородного консерватизма, — уже невозможно, и просто опасно для страны.

Невозможно мириться с тем, что люди, называющие себя патриотами, так отчаянно сопротивляются любому изменению, ограничивающему их кормушки и вседозволенность. Достаточно вспомнить судьбу поправки к ст. 108 УПК РФ — арест предпринимателей или чиновничьи декларации о доходах. А ведь именно саботаж реформ лишает нашу страну перспектив. Это не патриотизм, а лицемерие.

Мне стыдно смотреть, как некоторые, в прошлом — уважаемые мной люди, пытаются оправдать бюрократический произвол и беззаконие. Они обменивают свою репутацию на спокойную жизнь в рамках сложившейся системы, на привилегии и подачки.

К счастью, такие — не все, и других все больше.

Я горжусь тем, что среди тысяч сотрудников «ЮКОСа» за 7 лет гонений не нашлось тех, кто согласился бы стать лжесвидетелем, продать душу и совесть.

Десятки человек испытали на себе угрозы, были оторваны от родных и близких, брошены в застенки. Некоторых пытали. Но, теряя здоровье и годы жизни, люди сохранили то, что сочли для себя главным, — человеческое достоинство.

Те, кто начинал это позорное дело, — Бирюков, Каримов и другие, — тогда презрительно называли нас «коммерсантами», считали быдлом, готовым на все, чтобы защитить свое благополучие, избежать тюрьмы.

Прошли годы. Кто оказался быдлом? Кто ради денег и из трусости перед начальством врал, пытал, брал заложников?

И это они называли «государевым делом»!

Мне стыдно за свое государство.

Ваша честь, я думаю, мы все прекрасно понимаем — значение нашего процесса выходит далеко за пределы наших с Платоном судеб, и даже судеб всех тех, кто безвинно пострадал в ходе масштабной расправы над «ЮКОСом», тех, кого я оказался не в состоянии защитить, но о ком я не забываю, помню каждый день.

Спросим себя: что сегодня думает предприниматель, высококлассный организатор производства, просто образованный, творческий человек, глядя на наш процесс и полагая абсолютно предсказуемым его результат?

Очевидный вывод думающего человека страшен своей простотой: силовая бюрократия может все. Права частной собственности нет. Прав у человека при столкновении с «системой» вообще нет.

Будучи даже закрепленными в законе, права не защищаются судом. Потому что суд либо тоже боится, либо является частью «системы». Стоит ли удивляться, что думающие люди не стремятся к самореализации здесь, в России?

Кто будет модернизировать экономику? Прокуроры? Милиционеры? Чекисты? Такую модернизацию уже пробовали — не получилось. Водородную бомбу, и даже ракету, сделать смогли, а вот свой хороший, современный телевизор, свой дешевый, конкурентный, современный автомобиль, свой современный мобильник и еще кучу современных товаров — до сих пор не можем.

Зато научились красиво демонстрировать производимые у нас чужие, устаревшие модели и редкие разработки российских изобретателей, которые если и найдут где применение, то не у нас, за границей.

Что случилось с прошлогодними президентскими инициативами в области промышленной политики? Похоронены? А ведь они — реальный шанс слезть с сырьевой иглы.

Почему похоронены? Потому, что для их реализации стране нужен не один Королев, и не один Сахаров под крылом всемогущего Берии и его миллионного войска, а сотни тысяч «королевых» и «сахаровых», защищенных справедливыми и понятными законами и независимыми судами, которые дадут этим законам жизнь, а не место на пыльной полке, как в свое время — Конституции 1937 года.

Где эти «королевы» и «сахаровы» сегодня? Уехали? Готовятся уехать? Опять ушли во внутреннюю эмиграцию? Или спрятались среди серых бюрократов, чтобы не попасть под каток «системы»?

Мы, граждане России, патриоты своей страны, — можем и должны это изменить.

Как сможет Москва стать финансовым центром Евразии, если наши прокуроры в публичном процессе прямо и недвусмысленно, как 20 или 50 лет назад, призывают признать стремление к увеличению производства и капитализации частной компании — преступно-корыстной целью, за которую надо сажать на 14 лет?

Если по одному приговору компания, заплатив налогов больше всех в стране, — «ЮКОС» заплатил больше всех в стране, кроме Газпрома, — оказывается, недоплатила налоги, а по второму, который здесь предлагается принять, — очевидно, что предмета для налогообложения вообще не было, потому что его украли!

Страна, которая мирится с тем, что силовая бюрократия в своих интересах, а вовсе не в интересах страны, держит по тюрьмам, вместо и вместе с преступниками, десятки, если уже не сотни тысяч талантливых предпринимателей, управленцев, простых граждан, — это больная страна.

Государство, уничтожающее свои лучшие компании, готовые стать мировыми чемпионами, государство, презирающее своих граждан, государство, доверяющее только бюрократам и спецслужбам, — это больное государство.

Надежда — главный движитель больших реформ и преобразований, она залог их успеха. Если она угаснет, если сменится глухим разочарованием, — кто и что сможет вывести нашу Россию из нового застоя?

Я не преувеличу, если скажу, что за исходом этого процесса следят миллионы глаз по всей стране, по всему миру.

Следят с надеждой, что Россия все-таки станет страной свободы и закона, где закон будет выше чиновника.

Где поддержка оппозиционных партий перестанет быть поводом для репрессий.

Где спецслужбы будут защищать народ и закон, а не бюрократию от народа и от закона.

Где права человека не станут больше зависеть от настроения царя. Доброго или злого.

Где, наоборот, власть будет действительно зависеть от граждан, а суд — только от права и от Бога. Если хотите — называйте это совестью.

Я верю, так — будет.

Я совсем не идеальный человек, но я — человек идеи. Мне, как и любому, тяжело жить в тюрьме, и не хочется здесь умереть.

Но если потребуется — у меня не будет колебаний. Моя Вера стоит моей жизни. Думаю, я это доказал.

А Ваша, уважаемые господа оппоненты? Во что Вы верите? В правоту начальства? В деньги? В безнаказанность «системы»? Я не знаю, вам решать.

Ваша Честь!

В Ваших руках гораздо больше, чем две судьбы. Здесь и сейчас решается судьба каждого гражданина нашей страны. Тех, кто на улицах Москвы и Читы, Питера и Томска, иных городов и поселков рассчитывает не стать жертвой милицейского беззакония, кто завел свой бизнес, построил дом, добился успеха и хочет, чтобы это досталось его детям, а не рейдерам в погонах, наконец, — тех, кто хочет честно исполнять свой долг за справедливую зарплату, не ожидая ежеминутно, что будет под любым предлогом уволен коррумпированным начальством.

Не в нас с Платоном дело, во всяком случае — не только в нас. Дело в надежде для многих наших сограждан. В надежде на то, что суд завтра сможет защитить их права, если каким-то очередным бюрократам-чиновникам придет в голову эти права нагло и демонстративно нарушить.

Я знаю, есть люди, я называл их в процессе, которые хотят оставить нас в тюрьме. Оставить навсегда! В общем, они это особо не скрывают, публично напоминая о существовании «вечного» дела «ЮКОСа».

Почему не скрывают? Потому что хотят показать: они — выше закона, они всегда добьются того, «что задумали». Пока, правда, они добились обратного: из нас — обычных людей — они сделали символ борьбы с произволом. Это получилось. Это не наша заслуга — их. Но им необходим обвинительный приговор, чтобы не стать «козлами отпущения».

Я хочу надеяться, что суд с честью выдержит их психологическое давление. А давление будет, мы все знаем, как и через кого оно будет происходить.

Я хочу, чтобы независимый суд стал реальностью и буднями моей страны, чтобы слова о «самом справедливом суде в мире», рожденные в «совке», перестали столь же иронично звучать сегодня. Чтобы мы не оставили в наследство нашим детям и внукам опаснейшие символы тоталитаризма.

Ваша Честь, я готов понять, что Вам очень непросто, может быть, даже страшно, я желаю Вам мужества.

Все понимают, что Ваш приговор по этому делу — каким бы он ни был — станет частью истории России. Более того, он будет ее формировать для будущих поколений. И Вы это понимаете лучше многих. Все имена останутся в истории — и обвинителей, и судей — так же, как они остались в истории после печально известных советских процессов».

Зал зааплодировал, и судья даже не стал кричать на присутствующих.

«Суд удаляется на приговор! — сказал он. — Приговор будет оглашен 15 декабря в 11 часов!» — и вышел в совещательную комнату.

Люди вскочили с мест и стали аплодировать стоя.

«СВО-БО-ДУ! СВО-БО-ДУ!», — скандировала публика.

А потом, уже на лестнице, Лахтину кричали: «Позор!»

ПРИГОВОР

15 декабря я не пошла в суд. Зная историю первого процесса, я была практически уверена, что оглашения приговора не будет.

Его и перенесли.

На двадцать седьмое.

16 декабря по телевидению выступал Владимир Путин и отвечал на как бы вопросы как бы народа. Одна из телезрительниц, Тимакова Наталья Ивановна из Иркутска, поинтересовалась, считает ли он справедливым, что Михаил Ходорковский который год сидит в тюрьме.

«Я, как известный персонаж Владимира Высоцкого, считаю, что вор должен сидеть в тюрьме, а в соответствии с решением суда Ходорковскому вменяется в вину хищение, достаточно солидное, — сказал как бы премьер. — Речь идет о неуплате налогов и мошенничестве, и счет идет там на миллиарды рублей. Правда, есть и личная неуплата налогов, что очень важно. А в том обвинении, которое предъявлено ему сейчас, там счет идет уже на сотни миллиардов рублей. Девятьсот в одном случае. Восемьсот в другом случае. Тоже хищение. Если мы посмотрим практику других стран. Например, бывший председатель совета директоров фондовой биржи NASDAQ Бернард Мейдофф получил за аналогичное преступление в США 150 лет лишения свободы. У нас, по-моему, гораздо все либеральнее смотрится. Тем

не менее, мы должны исходить из того, что преступления господина Ходорковского в суде доказаны.

Да и кроме всего прочего, я еще раз хочу повторить, я не говорю про него лично, но еще раз хочу напомнить, что руководитель службы безопасности «ЮКОСа» сидит в тюрьме за убийства.

Не понравился им мэр Нефтеюганска Петухов — убили, не понравилась женщина, которая не хотела отдавать помещение в Москве — убили. Киллера, которого наняли, убили, мозги только одни нашли в гараже.

Что, руководитель службы безопасности сам, что ли, по собственной инициативе все эти преступления совершил?

Так что есть суд. Он у нас, как известно, один из самых гуманных в мире. Это его работа. Так что я исхожу из того, что доказано судом».

Все-таки у нас замечательный национальный лидер. По моему скромному мнению, за это выступление он достоин занесения в книгу рекордов Гиннеса, поскольку в таком маленьком тексте умудрился солгать, по крайней мере, 16 раз:

1) Бернард Мейдофф не крал у себя всю нефть, да и вообще нефтью никогда не занимался, так что его преступление ни в коей мере не является «аналогичным». Он построил финансовую пирамиду, как Мавроди. А у нас вроде о Ходорковском речь идет.

2) Во втором суде «преступления господина Ходорковского» ни в коей мере доказаны не были. Равно как и в первом.

3) «Я не говорю про него лично». Именно про него лично он и говорит.

4) Алексей Пичугин никогда не был «руководителем службы безопасности» «ЮКОСа».

5) Руководитель службы безопасности «ЮКОСа» господин Шестопалов сидит не в тюрьме, а в Израиле.

6) Алексей Пичугин сидит в тюрьме не за убийства, а по полностью сфабрикованному делу.

7) Петухов долгое время «ЮКОСу» вполне нравился.

8) Связь этого убийства с «ЮКОСом» крайне сомнительна, даже описания внешности убийц и цвет их машины не совпадают с показаниями свидетелей;

9) Госпожа Корнеева, которую якобы убил Шапиро, не могла отдать помещение в Москве, поскольку судилась за него с бывшим партнером по бизнесу.

10) Горин никогда не был «киллером».

11) И даже факт его смерти, возможно, сфабрикован.

12) Повторюсь, что Пичугин никогда не был руководителем службы безопасности.

13) В России нет суда. Есть чисто имитационный орган — ветвь исполнительной власти, которая им прикидывается.

14) Суд, который приговаривает одного человека заочно по крайне сомнительному делу к пожизненному заключению, а другого к 14 годам за кражу у себя всей нефти, трудно назвать «самым гуманным в мире».

15) К сожалению, у нас вынесение приговора — это не работа суда, по причине его отсутствия. На то есть другие люди. Вот Владимир Владимирович, например.

16) Повторюсь еще раз вслед за «национальным лидером», вторым судом ничего не доказано, равно, как и первым.

Я уж по мелочи не придираюсь. Куда до нас тоталитарной Америке по степени либерализма!

Путин был на редкость эмоционален. Волновался, злился.

Откуда такая ненависть?

Реальных оснований для преследования Ходорковского и разгрома «ЮКОСа» у Путина не было никаких. Я разобрала все, по пунктам: от политических амбиций до трубопровода в Китай. Даже главным бенефициаром от разграбления компании он не стал.

В чем же дело?

Личная неприязнь?

27 декабря я пошла на суд.

Было холодно. Публика собралась у входа за несколько часов. В нескольких метрах от дверей с плакатом в поддержку Ходорковского, на раскладном стульчике сидела Валерия Новодворская. Я с ней поздоровалась.

На другой стороне улицы, на холме, стояла целая толпа с плакатами, и Валерия Ильинична вскоре перешла туда.

В толпе журналистов я встретила и Веру Васильеву — автора книг-репортажей о процессах Пичугина и Невзлина. У нее была аккредитация, и она надеялась попасть в зал, но ее так и не пустили.

Трансляция в зале для прессы была отключена, говорят, что по личному распоряжению Данилкина. Снимающие журналисты смогли пройти в основной зал и успели поснимать, но их вывели обратно до начала оглашения мотивировочной части приговора. Пишущие журналисты прошли не все.

В толпе у дверей суда мало кто сомневался в том, что приговор будет обвинительным, но в голове не укладывалось.

— Как же он будет это читать?! — поражалась девушка, стоявшая рядом со мной.

— Так и будет, — сказала я. — Обычно. Я была на суде над Невзлиным, там вообще ничего не совпадает: даты, отпечатки пальцев, приметы преступников и цвета машин. И ничего, приговорили к пожизненному. Заочно.

— Даты не совпадают? Как же судья это слушал?

— Да нормально, — сказала я. — Газетку читал.

На холме люди с плакатами скандировали: «Свободу!»

Вскоре пополз слух, что судья начал читать, и приговор обвинительный. Мне позвонил муж и сказал, что эта информация уже вывешена в интернете.

Пикетчики на другой стороне переулка стали кричать: «Беспредел!» и «Позор!»

Данилкин читал тихо, и сперва довольно разборчиво, а потом все быстрее и быстрее, так что публика перестала что-либо понимать.

В обед журналисты нашли выход: просто открыли файл обвинительного заключения и следили за Данилкиным по его тексту, строка за строкой.

После пятнадцатиминутного перерыва, объявленного Данилкиным в час дня, некоторые журналисты, вышедшие в коридор, не смогли вернуться в зал заседаний. Их просто не пустили¹.

Так что единственным источником информации стали комментарии адвокатов.

Вскоре Вадим Ключвант сообщил журналистам, что в приговоре оставлены прежние объем и стоимость похищенной нефти (892 миллиарда рублей), от которых отказались даже прокуроры.

Адвокаты были в недоумении.

Я тоже поняла причину этого, только когда писала предыдущую главу, и, преодолевая отвращение, несколько раз подряд посмотрела выступление Путина, чтобы поточнее снять текст.

Ну, царь же сказал 800 — 900 миллиардов рублей ущерба — значит, 800 — 900. А факты — они потерпят. Им не впервой!

Тем временем к заданию суда приехало несколько машин ОМОНа. Милиция выхватывала из толпы людей с плакатами и та-

¹ Не пускали опоздавших. А зал все время был полным.

щила к автобусам. Методично. Одного за другим. Несколько раз. Остались единицы.

Пока судья не дошел до показаний Ходорковского, разночтений с ОЗ не обнаруживалось.

Наконец, он упомянул о том, что Ходорковский не признал вины и очень вкратце, выборочно, пересказал его показания, исказив их суть. Например, упомянул о том, что документами подтверждается его официальное владение акциями «Груп МЕНАТЕП Лимитед». А полномочия — решениями общих собраний акционеров. И что в соответствии с этими полномочиями он мог совершать любые сделки. Потом слегка и так же выборочно и искаженно помянул и показания Лебедева.

И, как и прокуроры, сделал вывод, что доводы подсудимых необоснованны, но, как и прокуроры, не уточнил, в чем.

Не владел, что ли, Ходорковский «Груп МЕНАТЕП»?

И снова зазвучало ОЗ, слегка приправленное показаниями свидетелей, которые из доказательств невиновности чудом превращались в доказательства вины, иногда изменяясь до неузнаваемости.

На следующий день 28 декабря перекрыли весь Ростовский переулок. Прессу пускали с большим скрипом только по редакционным удостоверениям, местных жителей — по паспортам с пропиской.

Прочих — не пускали вовсе.

«Процесс закрытый, трасса служебная», — комментировали омовцы.

Пикетчики с плакатами остались у ограждений, но их брали и там.

Возле здания суда стояло несколько омовских автобусов, и никого, кроме милиции.

Ходорковский и Лебедев передали через адвокатов обращение к своим сторонникам:

«Дорогие друзья!

Благодарим всех, кто приходит поддержать нас. Знаем, что вас не пускают в зал, что прекратили трансляцию.

Это понятно. Судье стыдно. Но страшно, увы, больше, чем стыдно.

Не унывайте, наши общие усилия бесполезны. Власть без закона — табуретка без ножки. И смотрится глупо, и перспектива предсказуема.

А нам здесь жить. И нашим детям и внукам».

И поздравили всех с Новым годом.

Только настроение было не праздничным.

Данилкин продолжил читать и на следующий день. Также при закрытых дверях.

ОЗ день за днем переливалось в приговор, словно вовсе не было судебного разбирательства. И показания всех без исключения свидетелей, в том числе свидетелей защиты, оказывались в пользу обвинения, зачастую не имея отношения к тому, что было сказано на самом деле.

Например, ссылаясь на показания Голубовича, судья говорил об обмане аудиторов, хотя Алексей Дмитриевич ни словом это не упомянул.

Судья читал приговор до вечера 30 декабря, мешая ОЗ с прокурорской позицией и откровенной ложью.

«Трансфертное ценообразование — обычная практика, — процитировал он Касьянова. — Эти показания опровергаются показаниями Грефа и Христенко. Цена не являлась трансфертной, а была занижена с целью хищения».

Интересно, где же это он вычитал такое в их показаниях?

Приобретение же «ЮКОСом» новых активов, по мнению судьи, было необходимо «для дальнейшей переработки нефти и ее хищения».

И признал факт получения потерпевшими прибыли в размере порядка двух миллиардов долларов.

В результате хищения.

У них.

А не ими.

«Суд находит вину Ходорковского и Лебедева полностью установленной», — подытожил Виктор Данилкин, признал подсудимых виновными по всем статьям и назначил им наказание — 14 лет в колонии общего режима.

Ну, он же суеверный...

«Будьте вы прокляты!» — сказала ему Марина Филипповна.

Не знаю, долго ли проживет Данилкин после материнского проклятия. Если недолго, я скажу, что Бог есть.

Но боюсь, что современные российские судьи покрепче средневековых французских королей, поскольку не обременены лишними предрассудками: честью там, или совестью, или верой в Бога.

Разве что страхом перед числом «тринадцать».

Да и не в Данилкине дело. Если бы у нас был один такой данилкин — мы бы жили в счастливой стране.

Увы, их много. Их пруд пруди.

Даже искать особенно не надо.

Если дело «ЮКОСа» уникально — это полбеда. Это трагедия нескольких десятков человек, работавших в компании. Если оно не уникально — это национальная катастрофа. Потому что если покупка чего-либо по цене, не устраивающей Генпрокуратуру, — это хищение, разрушить можно любой бизнес.

Абсолютно любой.

И, при желании, весь бизнес в России.

Почему-то многие считают, что для большого греха должна быть серьезная причина.

После оглашения приговора некоторые совестливые либералы почему-то решили, что у Данилкина тоже есть совесть, потому как вроде на монстра не похож, вежлив и казался вполне разумным.

И стали строить предположения о том, что же заставило судью вынести подобный приговор. Ну, наверное, захватили в заложники его детей. Или вызвали в ФСБ и там пытали.

Его жалели. Один из авторов «Новой газеты» написал, что судья Данилкин «уже взошел на свою голгофу».

А я и не знала, что место, где росла смоковница, на которой повесился Иуда, называлось «голгофой»...

Все-таки большое заблуждение судить о людях по себе. Я и не сомневаюсь, что авторы этих статей, реплик и мнений в блогах на месте судьи Данилкина смогли бы вынести такой приговор только в описанных обстоятельствах, а может быть, и вообще никогда.

Поэтому они и не на его месте. Честным людям таких предположений не делают.

Есть же люди без слуха и голоса, есть люди, не различающие цвета.

Почему бы не быть людям без чести и совести, тем более что на них идет отбор, и им ордена дают и звездочки на погоны?

Потом в интернете промелькнула версия о том, что во время процесса Данилкину дали квартиру в элитном доме, куда он и переехал из пятиэтажки¹.

Признаться, вначале именно эта версия и показалась мне наиболее реалистичной.

¹ ЖЖ Марины Литвинович: <http://abstract2001.livejournal.com/1322503.html?thread=33618695#t33618695>.

² м. комментарии: «Божена Рынска нарыла, что Данилкину дали трешку в центре за 700 тыс. евро».

Но убеждение это продержалось недолго, и не только из-за отсутствия доказательств.

Я вспомнила одно из моих любимых стихотворений Ирины Ратушинской «Одноклассник». Там героиню должны на рассвете расстрелять. Исполнить приговор приходит к ней в «бетонный подвал» ее одноклассник и объясняет, что не расстрелять никак не может, и не только потому, что у него жена, дети и старая мама. И даже не потому, что ему дали новую квартиру с розовым кафелем в ванной. У него еще путевка в крымский санаторий, которой он, сами понимаете, рисковать никак не может. И на рассвете он «пистолет берет с опаской» и, «зажмурившись», стреляет ей в спину.

Виктор Данилкин и выстрелил «зажмурившись», так, чтобы звук выстрела — слова приговора были едва слышны — разобрать невозможно.

Думаю, ему обещали путевку в Сочи после Нового года. Ну, или в Египет.

Да и должность председателя суда ведь на дороге не валяется. Жалко должность-то.

И пенсия грядет. Сами понимаете — пенсия!

Подумаешь, посадить на 14 лет двух невиновных!

Их же все равно посадят.

А он вежливо, по-дружески.

Потом секретарь суда Наталья Васильева даст интернет-телеканалу «Дождь» и «Газете» интервью о давлении на него «Мосгорсуда» и о том, что именно там, в «Мосгорсуде», и сочинили приговор. И успешно пройдет тестирование на детекторе лжи, который лжи не обнаружит.

И тогда Виктор Данилкин выступит по телевидению (другому, эфирному, официальному), где заявит, что несет ответственность за этот приговор до конца своих дней.

Я бы не стала так трагично. Вряд ли ему придется за это отвечать.

В России палачи умирают в своих постелях.

В УК РФ есть совершенно замечательная глава «Преступления против правосудия». Прочитайте, не пожалеете. Именины сердца! Пир души!

Статья 299. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности

1. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, — наказывает­ся лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Статья 302. Принуждение к даче показаний

1. Принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпев­шего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шан­тажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ве­дома или молчаливого согласия следователя или лица, произво­дящего дознание, — наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, соединенное с применением насилия, из­девательств или пытки, — наказывается лишением свободы на срок от двух до восьми лет.

Статья 303. Фальсификация доказательств

1. Фальсификация доказательств по гражданскому делу ли­цом, участвующим в деле, или его представителем — наказыва­ется штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными рабо­тами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев.

2. Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защит­ником — наказывается лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или зани­маться определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Фальсификация доказательств по уголовному делу о тяж­ком или об особо тяжком преступлении, а равно фальсифика­ция доказательств, повлекшая тяжкие последствия, — наказыва­ется лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определен­ной деятельностью на срок до трех лет.

Статья 305. Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта

1. Вынесение судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта — наказывает­ся

ся штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2. То же деяние, связанное с вынесением незаконного приговора суда к лишению свободы или повлекшее иные тяжкие последствия, — наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Я сидела в Интернете несколько часов в поисках судебной практики по этим статьям.

Честно говоря, сначала решила, что статьи «мертвые».

Да нет. Бывает.

По первым частям статей редко, но встречается.

По второй части статьи о пытках последние упоминания относятся к 2003 году.

По статье о фальсификации доказательств практика есть! Причем свежая.

Есть случаи осуждения следователей за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. Причем даже по части два.

Работают статьи!

Только случаев привлечения к уголовной ответственности судьи, вынесшего заведомо незаконный приговор к лишению свободы, так и не нашла.

Ни одного.

Хорошая статья. Жаль, что годится только для психотерапии.

Через несколько дней после приговора, немного придя в себя, я написала Михаилу Борисовичу:

«Я не сразу отреагировала на приговор, потому что слов не было. В первый день я поняла только, что страстно хочу верить в две вещи: ад и силу каббалы.

Но Вы не мистик.

Умом я все понимала. Я еще осенью в разговоре с Ириной Ясиной назвала срок: плюс 5 — 7 лет к первому приговору, и она еще убеждала меня, что я ничего не понимаю.

Дали шесть. Точно среднее значение.

Но сердцем я принять этого не могу.

Я не понимаю, как так можно.

И откуда в России столько людей без чести и совести? Почему их так легко находят?

Данилкин не выглядел монстром. Зайцем выглядел.

Думаю, ему орден дадут. Как убийцам Магнитского.

И Вы, не ведая того, весь процесс говорили ему "Ваша честь", хотя он "Его бесчестье".

И не говорите, что он исполнитель. Исполняют исполнители. И пока они не будут отвечать за свои поступки, мы будем вечно жить в "этой стране".

А тот, кто не исполнитель и кому строят в Сочи резиденцию за миллиард долларов, по-моему, несчастнее Вас.

Он стал окончательно нерукопожатным. И те, кто отказываются ходить к нему, поддерживают Вас, просят за Вас, переписываются с Вами.

И пусть нам не светит загнать Вас на его место.

Его власть все равно не вечна.

Рано или поздно от него уйдут все, кроме воров и убийц, пригретых и награжденных орденами.

Но они не защита. Когда крымский хан Девлет-Гирей пришел в Москву, опричники разбежались.

Когда власть теряет опору, она просто растворяется в воздухе.

Держитесь!

С неизменным почтением,

Наталья Точильникова».

Жизнь писала эпилог за меня. Мы ждали кассации, читая сводки новостей из арабских стран, где народ одного за другим свергал диктаторов, десятилетиями державшихся у власти.

«Мосгорсуд» мало что изменил в приговоре. Еще бы! Его же там и писали. В кассационном определении исключили из обвинения часть объема «похищенного», ту самую, от которой отказались прокуроры и которую Данилкин вернул назад. Видимо, выступление Путина 16 декабря 2010-го уже порядком забылось. Скосили год срока, но совсем не потому, что на треть снизили объем обвинения. А потому, что надо было сделать вид, что применили новые, «гуманизированные» санкции статей УК.

И моего героя снова отправили по этапу. В Краснокаменск вернуть не удалось. Еще в апреле ээки, возмущенные произволом администрации, сожгли ИК-10.

Отправили поближе, но тоже в край политзаключенных: в сердце Беломорканала, в карельский городок Сегежу.

И к нему тут же приехали адвокаты. Как только нашли, где он. И родственники стали ждать свидания.

Ехать в Сегежу меня отговаривали всей семьей.

«Там бандиты и бездомные собаки бегают», — говорила мама.

«Там люди редки без клейма», — цитировал муж.

«Что ты там увидишь, кроме глухих стен!» — возмущалась мама.

«А тебе не страшно?» — спрашивал муж.

А я вспомнила 19 августа 1991-го. Вечером я встала одна у метро Каширская и начала раздавать листовки против ГКЧП.

Какой-то прохожий спросил: «Девушка, а вы не боитесь?»

«Боюсь», — ответила я и продолжила раздавать листовки.

— Боюсь, — ответила я мужу. — Именно потому я туда и еду, что боюсь. Путина можно было бы терпеть, если бы он не разрушил судебную систему России, которая и так еле держалась на ногах. Понимаешь, я хочу, заплатив все налоги, действительно спать спокойно, а не думать о том, сколько мне напридумывают, изменив правила игры задним числом или просто взяв с потолка. И «Мосгорштамп» это пропечатает. Он пропечатает любую лажу: предприниматель ты или работяга, оказавшийся не в том месте не в тот момент.

А потому в этой стране страшно жить.

Поезд Москва — Мурманск отходил от ленинградского вокзала в половине третьего.

Меня принял ископаемый зеленый вагон с облупленной крышей и мутными окнами. Сквозь грязные разводы и подтеки ноябрьский пейзаж казался сер и мрачен, несмотря на отдельные золотые деревья с еще не облетевшими листьями.

Около пяти почти стемнело, а свет в вагоне не предполагался — полетел генератор — и из окон отчаянно дуло.

Я ехала и думала, что у меня все равно Сегежа-лайт. Ну, очень лайт! По сравнению с моим героем.

Свобода целительна. Свобода и осветит, и обогреет. Была бы свобода, а все остальное мы сделаем сами. Грех сравнивать!

По мере удаления от Москвы роскошные особняки сменяют хибары с покосившимися стенами и «скворечники» в одно окно.

Подъезжаем к Петербургу. В вагоне абсолютная тьма. Только желтая половинка луны за окном то исчезает за пеленой облаков, что летят куда-то на юг, то появляется вновь.

— Говорят, вы обещали свечи? — спрашиваю проводницу.

— Да ну? Да кто вам сказал?

— Ну, ладно. Пусть будет романтическая тьма.

— Это вам «романтическая тьма». А как я утром буду печку растапливать?

— А я вам ноутбуком посвечу.

Света нет и не будет. Те, кому выходить в Мурманске в 3:43, размышляют о том, как будут в полной тьме собирать вещи.

— Двадцать первый век! Без света сидим!

— Мы в России, — говорю я. — А какой век — это уже вторично.

Мне легче. В Сегежу поезд прибывает в 13:15 — светло.

Сегежа встретила меня припорошенным снегом перроном, почти зимним холодом, длинными составами вагонов, груженных лесом, и запахом тухлых яиц с целлюлозно-бумажного комбината.

Ни бездомных собак, ни бандитов. Зато откуда-то издалека с самого конца поезда раздалась команда: «На перрон! Стройся!»

Потом местный таксист объяснил мне, что именно поездом «Москва — Мурманск» в последнем вагоне и привозят по эту сторону эзков.

Он поймал меня здесь же на перроне, когда я фотографировала вокзал с надписью «Сегежа».

— Такси нужно?

— Нужно.

И подхватил вещи.

— Куда вам?

— Гостиничный комплекс «Сегежа».

— Он самый дорогой. Хотите, я вас здесь рядышком отвезу, там в три раза дешевле?

— Да нет, я уже забронировала номер.

«Сегежа» соблазнила меня обещанием интернета в каждом номере, к тому же адвокаты рекомендовали ее как лучшую гостиницу в городе.

— Вам что, контора платит? — поинтересовался таксист.

— Да, нет, я сама все оплачиваю.

Думаю, узнав цель моего приезда, он в этом усомнился.

Все-таки сильны в народе стереотипы.

— Ну, как хотите, — сказал таксист.

— Мне еще понадобится такси, — добавила я, когда он укладывал мой чемодан в багажник. — Мне нужно в колонию.

— А! — ничуть не был шокирован он. — У нас там Ходорковский сидит.

- А я ради него и приехала.
- Может, поедem сейчас, пока светло?
- А поехали!

— У нас тут целлюлозно-бумажный комбинат, — по пути рассказывал он. — Во-он, дымят трубы. Сейчас ветер в другую сторону. А когда восточный — все несет на город, и тогда никакие дезодоранты — ничего не помогает! А если возле комбината утром поставить машину, вечером она вся в крапинку — известковая пыль. У нас тут инфаркты, инсульты. И рыбу нельзя ловить — отдает непонятно чем. Только за сорок километров.

— А на колонию тоже несет с ЦБК?

— А как же? На весь город. Там биоотстойники — очистные сооружения — запах еще тот.

К ИК-7, «семерке», из города ведет совершенно разбитая дорога с ямами и колдобинами через каждые пять метров — готовый материал для проекта Навального «Росяма».

— Вы фотографируйте, фотографируйте дорогу, — говорит таксист. — Может быть, нам поможет...

Словно Ходорковский — это такой сказочный Дед Мороз, с помощью которого можно и дорогу каким-нибудь боком починить.

Слева потянулся грязно-белый забор колонии с рядами колючей проволоки поверху и по внешнему периметру.

Вблизи «учреждение» кажется скорее отвратительным, чем страшным. «Здесь отребье воспитывает отребье», — писал Ходорковский. Да, очень подходящее место.

— Здесь вообще нельзя снимать, — сказал таксист. — Режимный объект. Так что вы аккуратненько как-нибудь и из машины.

Я снимаю исподтишка и тут же прячу фотоаппарат в рукав дубленки.

Проехали до конца, до угловой вышки, дальше — сосновый лес. На вышку ведет железная лестница, на верхней площадке — деревянный «скворечник» с тремя окнами в сторону колонии. Доски покрашены грязно-зеленой краской, и под окном большая черная цифра «7» в белом круге. Если заменить зеленый — красным, а «7» свастикой — ну, вы поняли...

— А выйти здесь можно? — спросила я. — У входа постоять?

Он подвез меня к входу и остановил машину метрах в десяти от него.

— Помоните мое слово, — говорю таксисту. — Лет через тридцать здесь будет висеть мемориальная доска.

— «Здесь сидел Ходорковский»?

— Именно.

— Вам во-он туда, — указал он на пластиковую дверь в глубине узкого внутреннего дворика с уродливыми колоннами.

— Меня к нему не пустят, — сказала я. — Как мне объяснить адвокаты, я — «иное лицо». Свидание со мной можно получить только вместо свидания с родственниками, и он выбирает, конечно, родственников. Я приехала на стены посмотреть.

Так что едем обратно в город.

— А ему срок-то могут крутануть? — спрашивает таксист.

— Могут. Если навесят убийства. Его друг Леонид Невзлин уже осужден, но он в Израиле, и Израиль его не выдает. Если навесят убийства — будет пожизненное.

Таксист присвистнул.

— Я так думаю, что единственное, что может их освободить — это переворот, — говорит он.

— Я так и пишу.

— И как? Не гнобят?

— Так это же книга, а не статья. Когда выйдет — посмотрим.

Мы доезжаем до гостиницы, которая оказывается бывшим советским профилакторием для работников ЦБК.

— Я бы еще хотела на Беломорканал съездить, — говорю я. — Там ведь множество людей погибло, есть у вас какой-нибудь памятник? Мемориал?

Он задумывается.

— Да, есть. Но это не здесь. Надвоицы, километров двадцать.

— Свозите?

— Свою. Вы давайте устраивайтесь, а я вас подожду.

— ОК. Минут пятнадцать.

«Самая приличная гостиница» в городе внутри оказалась обшарпанной и местами залатанной свежим цементом. В моем номере (1700 рублей сутки) облупился потолок, и отходили от стен блеклые совковые обои.

Ну, если это лучшая гостиница, каковы же остальные!

— Самая дорогая, — уточнил мой таксист, когда я снова сядила в машину.

Управилась я минуты за три.

— А что, остальные лучше? — поинтересовалась я.

Он промолчал.

И мы поехали.

— А я ведь тоже сидел, — сказал он по дороге. — Здесь, в Сегеже. Но не на «семерке». У нас тут три зоны: «семерка» общего режима, где Ходорковский, и две строгого: «единичка» и «четверка». Все колонии красные. То есть менты заправляют. Так вот я на «единичке» сидел.

Я посмотрела на него вопросительно. Произносить вслух «за что?» казалось нетактичным.

— Да у меня кулаки все, — сказал таксист и продемонстрировал кулаки, не отрывая рук от руля, — не могу несправедливости терпеть.

— А, — говорю, — ну, бывает.

— Я тогда в летном училище учился и не курил. Так вот, тут один светофор в Сегеже, и подкатывают ко мне двое парней: «Дай закурить». Я говорю: «Не курю». «Ну, тогда ты козел!» «Да ты хоть знаешь, что такое козел?» — говорю. Ну, и ударил им. Мне сначала десять лет хотели дать. Но меня мать выкупила, прокурору занесла. Дали два с половиной.

Срок десять лет за драку оказался мне не совсем реалистичным. Вслух я этого не сказала, но, наверное, это отразилось у меня на лице.

— А я сразу после драки пустился в бега, — объяснил таксист. — В Рязань уехал, на родину. А у меня тогда любовница была. Ей предложил один мужик поехать с ним на дачу, обещал много денег дать. И обманул. Ну, она взяла топор и зарубила его. А подумали на меня. Повязали и сюда привезли. Но потом выяснилось, что я в это время в Рязани был. Но привезли менты-то, деньги потратили. Что, они их возвращать будут? Ну, и возбудили опять дело о драке, его уже закрыли к тому времени. Да и прокурору деньги занесли, чтобы меня посадить. Надо же ему деньги-то отработать.

Беломорканал оказался узким и не очень впечатляющим: так, речка с деревенскими домиками по пологим берегам. Только шлюз производил впечатление чего-то одновременно грандиозного и старинного: этакий соц-арт. Перепад уровней воды огромный. Слева вот она: стоит, а справа так глубоко, что и не видно.

Переехали на другую сторону. Там на холме вышки и забор с колючей проволокой.

— Вот «единичка», — сказал таксист. — Я здесь сидел. Вон, видите ворота? Нас туда на работу водили.

— Под конвоем?

— А как же. Вон остановка автобусная. Там меня жена ждала. Увидит — махнет ручкой, когда меня мимо ведут. Здесь еще под

Мурманском три зоны. И под Питером зоны. Да, вся Россия в зонах! Под Питером зоны черные. И когда сюда привозят эков, помещают в карантин на месяц. И там бьют, чтобы воров обломать.

— Да, я слышала, что такое бывает.

Эдуард Лимонов писал в «Торжестве метафизики».

— Знаете, в тюрьме ведь нужно одно: не поддаваться, не давать себя в обиду, уметь давать отпор, — продолжал таксист, — а в мирной жизни — совсем другое: обходительным надо быть. Конечно, если человек в семье живет, с женою, он не пойдет обратно, а молодняк только так: выйдет, а на воле-то жить не умеет, тюрьма другому учит — и опять на зону. Бывает еще, что менты специально злобят «комсомольцев», которые повязки надевают, чтобы они сразу к ним, обратно вернулись. С ними легче работать.

Дмитрий Медведев любит рассуждать о том, что система наказаний должна сохранять репрессивную функцию, а не по головке гладить.

Ну, уж, насчет «гладить по головке»... На какой планете они живут?

У меня к пенитенциарной системе всего три требования:

1) Она не должна быть фабрикой по производству инвалидов и отнимать здоровье;

2) Она не должна рвать семейные и социальные связи, чтобы человек не выходил оттуда в вакуум;

3) Если уж не умеем сделать человека лучше, то хотя бы пусть не делает его хуже.

Наша российская тюрьма с успехом нарушает все три.

И является по сути вредным для общества, деструктивным институтом.

Не ново, конечно. Но никто еще не формулировал это для меня так четко и ясно, как сегежский бывший зэк: и что, и как, и почему.

— А хотите, я вам водопад покажу? — спросил он. — Там очень красиво.

— Поехали, — сказала я.

Как же красивы в Карелии озера! Какой простор, какие леса вокруг! Какая гладь! И на глади — острова, как ежи на стекле: в соснах и елях.

Только герой моей книги, к сожалению, этого не видит.

— А второй раз я сидел на Печоре, — рассказывает мой таксист. — Там вода прозрачная: видно на двадцать метров. И рыбыны — во! У моего друга тогда дом сгорел, так ему выплатили страховку, и он новый построил. Вот я и говорю матери: «Давай

я тебе дом подпалю, выплатят страховку — ты еще лучше построишь». Ну, и подпалил во время грозы. Думал, она догадается сказать, что сигарета, или молния, или проводка. Я тогда курить начал, и весь суд курил. Ее спросили, а она и ляпнула: «Ну, наверное, Володька поджег». Кинулась потом к прокурору: «Ну, с моих же слов!» Да поздно уже. Гадали, сколько мне дадут. За поджог общественного имущества десять лет полагалось, а частного — восемь. Дом был государственный, но мы там с матерью жили. Значит, думали что-то среднее. Дали семь с половиной. Мы там лес валили, а я крановщиком работал. И все время план переполнял. Так что денег заработал — дай боже. И говорю начальнику: «Ты мне УДО, а деньги пополам». Мне тогда два года оставалось. На суде по УДО прокурор смотрит мое дело и говорит: «Нельзя его выпускать, он у вас пятерых охранников раскидал». Они бьют меня в тот раз, а я думаю: «Что, будут вот так палкой обхаживать, а я буду терпеть? Лучше пусть сразу, и сознание потеряю». «Да я все два года даже из дома не выйду», — говорю прокурору. Думал, не дадут УДО. Ан, нет, дали. Сели мы вдвоем с начальником, деньги на две кучки разделили, отметили. Хорошо отметили! Вышли потом прогуляться, а к нам молодняк подкапывает. В общем, очнулся я в Воркуте на нарах. Пьяный вдрызг! Как? Почему? Какая Воркута! Мне же совсем в другую сторону!

Машина свернула с дороги и остановилась.

— Сумку можете оставить здесь, — сказал таксист. — Я машину запру.

Сумку я взяла с собой.

Мы углубились в лес: тоненькие сосенки на серых плоских камнях, покрытых ярким, почти салатovým мхом. От водопада шел парень с девушкой. Мой таксист пожал ему руку.

— Это Серега, — пояснил мне. — Водилой в ментовке работает. Сидели вместе.

При ближайшем рассмотрении водопад оказался плотиной, неизвестно зачем построенной — вроде не электростанция. Водохранилище?

Мы карабкались к ней по скользким желтым листьям, едва припорошенным первым снегом.

И мой таксист был обходителен и куртуазно подавал мне руку.

За три часа, пока мы катались, я не услышала от него ни одного матерного слова, хотя у вполне законопослушного пограничника из Мурманска, с которым мы ехали в одном купе, ни одна фраза не обходилась без популярного междометия на букву «б».

Плотина совершенно бела от пены и напоминает Ниагарский водопад, а над нею лежит спокойное, гладкое, как никелированная сталь, верхнее озеро с неровной щеткой леса по берегам и узким проливом куда-то вдаль к синему призрачному берегу.

А над озером — серое в светлых полосах небо. Хотя бы небо у нас одно, и он из зоны видит такое же: легкое, слоистое, странное.

— А мама моя сидела еще при Сталине, — рассказывал мне таксист на обратном пути. — Посадили в пятидесятом году за растрату. Она магазином заведовала. И одна продавщица у нее дочь замуж выдавала. И говорит матери: «Одолжи денег на свадьбу; выдам, пока берут». Ну, она и одолжила из кассы. А в конце года стала считать: дебет с кредитом не сходится. А при Сталине знаете как: кто первым дунул — тот и сел. А за растрату тогда десять лет полагалось. Но хорошо, в пятьдесят третьем вышла амнистия — и мать освободили.

Я слушала и думала, что мы в рафинированной столичной атмосфере совсем не понимаем русской жизни. Почаще надо сюда выезжать.

Я знала, конечно, что страна запаршивлена и отравлена зонной, но представить себе не могла, насколько.

— Я в авторитете в Сегеже, — продолжал таксист. — Все знаю, всем командую, а статьи для меня нет.

И я уже представила заголовок в каких-нибудь «Известиях» или «Комсомольской правде»: «Автора биографии Ходорковско-го возил по Сегеже местный криминальный авторитет».

Глянула на его руки на руле: наколки есть, но без легендарных перстней с коронами на пальцах.

Ой! Заливает он мне про вора в законе. Хотя кто его знает? Сегежа — город маленький.

— Вы такие интересные истории рассказываете, — говорю я. — Хоть на диктофон пиши! Достать? А то у меня есть.

— Нет. На диктофон не надо.

— Вы мне памятник хотели показать, — напоминаю я.

— Так мы туда и едем.

«Памятник» стоит на высоком берегу очередного озера — и совсем не тот, что я ожидала.

На ядовито-желтом постаменте выкрашенный серебряной краской Ленин.

— Вот такой у нас памятник, — сказал таксист. — И других памятников у нас нет.

В этой стране не ставят памятников энкам. Здесь не ставят памятников невинно замученным жертвам безумной и бесстыдной власти.

Здесь ставят памятники палачам и регулярно подкрашивают серебряной красочкой.

Неужели на всю страну три соловецких камня: в Москве, в Архангельске и в Питере?

На следующее утро выглянуло солнце, и голубизна прорвалась через ключья серых облаков и разлилась по небу. Я ехала домой, в купе повышенной комфортности, со светом и двухразовым питанием, и низкое солнце отражалось в водах Выгозера и слепило глаза.

Закат начался в четыре часа и продолжался до шести. Солнце медленно-медленно спускалось к вершинам сосен, светило сквозь них, касалось горизонта, да все никак не могло упасть за него.

В Петрозаводске ко мне в купе подсели две учительницы Таня и Ирина — участницы программы дистанционного обучения детей-инвалидов. Я сидела с ногами на нижней полке и набивала на компьютере этот текст.

— Вы писательница? — спросила Таня.

— Как вы догадались?

— У вас вид такой вдохновенный. Видно, что человек не отчет набивает, и не расставляет цифры в столбцы. Я у Донцовой читала. Там Виола Тараканова вот так легко-легко набивает текст. А что вы сейчас пишете?

Я ответила не сразу. Начала издали.

— Вы дистанционным образованием занимаетесь?

— Да.

— А вы знаете, что у Ходорковского был проект обучения учителей обращению с интернетом?

— Еще бы! — сказала Ирина. — Мы у него учились. В «Открытой России».

И разговор пошел.

Они даже не знали, что его перевели в Сегежу.

И я начала рассказывать. Не только про Ходорковского. Про Невзлину, про Пичугина, про Александяна...

— Вот так живешь: развлекаешься, смеешься, путешествуешь, и не знаешь, что рядом с тобой такое творится! — сказала Таня.

— Вот мужики! — возмутилась Ирина. — Он пошел на принцип, остался, а как же дети? Как жена его? И не жена, и не вдова,

а непонятно что. Он говорил, как будет в глаза детям смотреть, если уедет. А как он теперь будет им в глаза смотреть — они без него растут. Говорят, где семья — там родина.

Сколько раз я это слышала! И никогда не знаю, что ответить.

У всех дети, у всех семья. Но это же не причина, чтобы сидеть, ничего не делать и молчать в тряпочку о том, что земля вертится вокруг солнца, а не наоборот.

— Ну, у него же миссия, — вздохнула Таня.

Вначале, когда я только начинала писать эту книгу, я думала, что пишу о неформальном лидере оппозиции, возможно, будущем президенте.

Я проработала огромный массив материала. И еще ни одного кандидата я не знала так: вплоть до мелких деталей биографии, историй из детства, всех его интервью и статей, вкусов, привязанностей, мнений о нем и друзей, и врагов.

И он до сих пор меня вполне устраивает. Я не разочаровалась.

В конце концов, если вдруг я не разглядела дракона на четырехгигабайтных просторах моей флэшки, у меня останется выход. Сохраню у себя пару пачек этой книги, и если он окажется не тем, сожгу ее под его носом на Красной площади.

Но в какой-то момент я поняла, что все это не имеет значения. Да и он сам слишком регулярно и настойчиво утверждал, что политика — не его стезя.

Я поняла, что пишу не о политике. Я пишу книгу о человеке, которого обобрали и оклеветали.

О человеке, который гораздо беднее меня, потому что у него нет свободы.

И я теперь хочу только одного: чтобы он вернулся домой, обнял, наконец, родителей, жену и детей и подержал на руках внучку, которая родилась, когда он уже был в тюрьме.

И побывал в горах. Он их любит.

Но способ его освобождения только один — смена власти в России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Михаилу Борисовичу Ходорковскому за его любезные ответы на мои письма.

Марине Филипповне Ходорковской, Татьяне Мордвинкиной, Марине Розумянской, Яне Галченковой, Татьяне Эдельштейн, Дмитрию Мурзину, Елене Талан, Сергею Кушнерову, Сергею Ельченинову, Олегу Куликову, Вере Васильевой, Леониду Невзлину, Василию Шахновскому, Алексею Кондаурову, Дмитрию Харитонову, Валерию Ширяеву, Игорю Сутягину, Юлии Латыниной, Каринне Москаленко, Наталье Тереховой, Елене Левиной, Ирине Ясиной, Анатолию Ермолину и другим, не пожелавшим разрешить мне упоминать в книге их имена, но согласившимся со мной беседовать.

Издательскому дому «Коммерсант» — единственному, на сайте которого выложен архив номеров всех его изданий с 1991 года.

А также Владимиру Перекресту за наиболее полное собрание мифов о Ходорковском под названием «За что сидит Михаил Ходорковский».

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Предыстория

Бизнесмены	5
Революция	22
Человек с рублем	27
93-й год	35
«Лихие» девяностые	39
Миф о квартире госпожи Враговой	42
«ЮКОС»	54
Банкир в болотных сапогах	65
Банкротство банка «МЕНАТЕП»	77
История санатория «Русь»	88
Миф о политических амбициях	92
На вершине	151

Часть II. Перед арестом

Доклад о коррупции	162
Нефтепровод Ангарск — Дацин	171
Мифы о самовольной продаже российских недр и прочих «предательствах»	176

Часть III. Аресты

Политзаключенный?	184
Арест	191
«Матросская тишина»	212
«Кризис либерализма в России»	218

Часть IV. Первое дело

Мифы о приватизации	228
Мифы о налогах	252
Попытка спасения НТВ	264
Первый суд	268

Часть V. Тюремное противостояние

«Левый поворот»	279
Довыборы и Мосгорсуд	282
Этап	290
Колония	293
«Левый поворот-2» и «Программа-2020»	303
Ученик швеи	312
Покушение	317
Дело о двух лимонах	323
Чита	324
Дело о не сложенных за спиной руках	335
Василий Алексанян	336
Ходатайство об УДО	343
Переписка с Борисом Акуниным	351
Иск Александра Кучмы	355
Как банкротили «ЮКОС»	359

Часть VI. Второе дело

Миф о скважинной жидкости	391
Авгиевы конюшни абсурда	396
Хамсуд	404
Переписка с Борисом Стругацким	409
История «РwС»	417
Переписка с Людмилой Улицкой	421
Свидетели обвинения	425
Номинальные директора	433
Допрос Алексея Голубовича	437
Финансовый директор «Томскнефти»	445
Эдуард Ребгун	446
Выступление Михаила Ходорковского	446
Продление ареста и голодовка	468

Михаил Касьянов	470
Виктор Геращенко и Герман Греф	471
Виктор Христенко	474
Отводы специалистов	476
Допросы продолжаются...	477
Показания Платона Лебедева	497
Адвокатские опросы и прения	506
Выступления адвокатов	513
Выступления прокуроров	525
Последнее слово Михаила Ходорковского	528
Приговор	534
Эпилог	541

Литературно-художественное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Точильникова Наталья Львовна

ЖИЗНЬ И СУДЬБА МИХАИЛА ХОДОРКОВСКОГО

Редактор *О. Селин*

Художник *Б. Протопопов*

Компьютерная верстка *А. Кувшинников*

Корректор *Н. Самойлова*

В оформлении переплета использована фотография: И. Питалев / РИА Новости

ООО «Издательство «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 27.05.2013. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,4.

Тираж 2 500 экз. Заказ 316.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0378-4

9 785443 803784 >

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

В этом году исполняется пятьдесят лет Михаилу Ходорковскому, который стал знаковой фигурой путинской эпохи. Автор книги, представленной вашему вниманию, Наталья Точильникова – наиболее известный биограф

М. Ходорковского. В своей новой книге она собрала уникальные материалы о его жизни, предпринимательской деятельности, компании «ЮКОС», конфликте с В. Путиным, судебных процессах по делу Ходорковского, тюремном заключении и о многом другом, связанном с Михаилом Ходорковским.

В книгу вошли свидетельства матери Ходорковского, его одноклассников и однокурсников, друзей, коллег и адвокатов. Кроме того, есть письма самого М. Ходорковского, написанные им Наталье Точильниковой из тюрьмы, и его замечания по своей биографии.

Первое, сокращенное, издание книги Н. Точильниковой завоевало большой читательский успех; ныне мы представляем вниманию читателей полный вариант самой подробной биографии опального олигарха.

ISBN 978-5-4438-0378-4

9 785443 803784 >